

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

РАНХиГС АЛТАЙ

Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления

Материалы
VIII Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции
молодых ученых
(15 ноября 2025 года)

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АЛТАЙСКИЙ ФИЛИАЛ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Материалы
VIII Всероссийской (национальной)
научно-практической конференции молодых ученых
(15 ноября 2025 года)

Об издании – [1](#), [2](#)

Барнаул, 2025

УДК 3.07
ББК 67.4/67.9стд1-9
С69

Редакционная коллегия:

И.А. Панарин – главный редактор
Н.В. Арсенова
О.А. Афанасьева
С.П. Воробьев
Т.В. Кайгородова
О.А. Литвинова
А.В. Лапшина
Д.С. Леонтьева
М.А. Михайлова
Н.В. Шкурихина
С.В. Шлегель
А.А. Шмаков

Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (15 ноября 2025 года); Алтайский филиал РАНХиГС. – Барнаул, 2025. – 1 CD-R (5,28 Мб). – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader.

Научное электронное издание

В сборнике представлены тезисы докладов участников
VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых
«Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты
обеспечения эффективности государственного и муниципального управления».

© Алтайский филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»
(Алтайский филиал РАНХиГС), 2025

*Перепечатка материалов допускается только с письменного согласия редакции.
Рукописи, фотографии, рисунки рецензируются по усмотрению редакции
и не возвращаются.*

Секция 1. Система государственного и муниципального управления: теория, практика

Формирование духовно-нравственных ценностей как основы государственной службы

Абашева К.С.

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург*

В условиях глобальных вызовов и информационных угроз воспитание патриотических ценностей становится стратегической задачей, обеспечивающей поддержку политического строя и национальной безопасности государства. Качество государственного управления напрямую зависит от уровня профессионализма, компетентности и морально-этических принципов государственных служащих. Эти факторы формируют не только эффективность работы госаппарата, но и доверие граждан к власти, что является основой стабильности и развития общества [5].

Федеральный государственный образовательный стандарт закрепляет ряд общекультурных компетенций, формирующих ценностный каркас будущего управленца. Эти компетенции на микроуровне направлены на формирование гражданской идентичности, политической лояльности и системы ценностных ориентиров (любовь к Родине, уважение к истории и традициям). Разработка единых стандартов патриотического воспитания, включающая нормативно-правовой, кадровый и материально-технический блоки, представляет собой стратегическую инициативу по созданию целостной системы формирования ответственных управленцев [1].

Ценности, сформированные на макроуровне, должны быть востребованы и развиты в рамках самой системы управления. Человеческий потенциал, понимаемый как совокупность профессиональных способностей, навыков, знаний и мотиваций, является главным достоянием организации и условием победы в конкурентной борьбе [2]. Эффективное управление человеческим потенциалом в системе госуправления предполагает использование комплекса методов: экономические методы стимулируют производительный труд, организационно-распорядительные методы обеспечивают дисциплину и исполнительскую культуру, социально-психологические методы призваны активизировать творческую и профессиональную активность, удовлетворяя потребности высшего порядка [2]. Именно социально-психологические методы являются ключевым механизмом интеграции духовно-нравственных принципов в мотивацию. Система должна быть настроена на распознавание, развитие и поощрение не только формальных результатов, но и ценностно-ориентированного поведения.

Стоит также отметить, что граждане, как правило, обращаются в орган государственной или муниципальной власти по неблагоприятным обстоятельствам, что изначально накладывает свой отпечаток на общение. Это, безусловно, сказывается на эмоциональном состоянии самих служащих и способствует созданию стрессовых ситуаций [4].

В условиях клиентоцентричной модели управления на мезоуровне служащий сталкивается с высоким уровнем стресса, необходимостью регулировать межличностные отношения и принимать решения в условиях неопределенности. Низкий уровень эмоционального интеллекта приводит к профессиональным деформациям, снижению работоспособности и неспособности проявлять доброжелательность, чуткость и терпимость [3]. Таким образом, без развитого эмоционального интеллекта даже сформированные на макроуровне ценности не могут быть эффективно воплощены в конкретных ситуациях взаимодействия «служащий-гражданин».

Для подготовки нового поколения государственных служащих необходима комплексная трехуровневая система. На ценностно-мировоззренческом уровне формируется фундамент личности управленца через патриотическое воспитание и усвоение норм служебной этики, что создает основу для служения общественным интересам. На организационно-управленческом уровне создается среда, поддерживающая ценностно-ориентированное поведение через социально-психологические методы управления, институт наставничества и продуманную систему нематериального стимулирования. Эти факторы формируют не только эффективность работы госаппарата, но и доверие граждан к власти, что является основой стабильности и развития общества [5]. Эффективность управления зависит не только от профессиональных компетенций и технологий, но и от ценностных ориентаций, патриотического сознания и уровня развития эмоционального интеллекта государственных и муниципальных служащих. Трехуровневая модель, связывающая макроуровень (ценностно-идеологический), мезоуровень (управленческо-ресурсный) и микроуровень (личностно-психологический) единая структура подготовки кадров для госуправления. Такая многоуровневая система подготовки позволяет воспитать не просто компетентных администраторов, а ответственных и морально устойчивых управленцев, способных укрепить доверие граждан к власти и обеспечить устойчивое развитие государства в современных условиях.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы территориального развития: учебное пособие / К.С. Афанасьев, О.Л. Ким, Н.Н. Константинова [и др.]; Международный банковский институт имени А. Собчака. – Санкт-Петербург, 2023. – 132 с.
2. Малеева Т.В. Татарникова М.А. Использование проактивного подхода в территориальном планировании на межрегиональном уровне // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 1 (159). – С. 12-19.
3. Пашкова Е.Ю. Человеческий потенциал в системе государственного управления // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2021. – № 19. – С. 34-35.
4. Сабына Е.Н. Эмоциональный интеллект государственных и муниципальных служащих как фактор повышения эффективности профессиональной деятельности // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2023. – № 21. – С. 22-24.
5. Экспертное заключение по итогам сессии ПМЮФ-2025 «Духовно-нравственные ценности как основа государственной службы» [Электронный ресурс]. – URL: https://roscongress.org/materials/dukhovno-nravstvennyye-tsennosti-kak-osnova-gosudarstvennoy-sluzhby/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

Научный руководитель – Татарникова М.А., к.э.н., доцент

Особенности и проблемы управления лесным хозяйством в Алтайском крае

Акулинин С.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Лесное хозяйство представляет собой сферу экономики, которая регулирует процессы создания, сохранения и воспроизводства лесов разных категорий [3, с. 98]. О пользе лесной отрасли сегодня сказано достаточно полно: лес, это, с одной стороны, основа экосистемы, с другой – полезный для жизнедеятельности человека ресурс, что объясняет необходимость грамотного управления лесным хозяйством.

В Алтайском крае, как и любом другом субъекте Российской Федерации собственником лесов является государство в лице Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России), а также подведомственного ему Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоз). Основная цель федеральных органов власти – разработка ключевых направлений развития лесного хозяйства с целью его рационального использования.

В свою очередь региональные органы власти являются исполнителями федеральной программы, их задача – сохранение и преумножение лесов на подведомственной территории. Эта функция в регионе возложена на Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края, а также подведомственные ему лесничества [6].

Не менее важными участниками управленческой триады являются предприниматели, которые арендуют земли лесного фонда с целью использования лесных ресурсов. На сегодняшний день в регионе на правах аренды и постоянного (бессрочного) пользования земли лесного фонда предоставлены более чем 400 предпринимателям [7]. Отметим, что для предпринимателей Алтайского края в сфере лесного хозяйства действует система государственной поддержки в виде грантов на осуществление деятельности. Гранты Губернатора Алтайского края предназначаются преимущественно на реализацию проектов в сфере экологического просвещения. В 2024 г. было заключено 6 соглашений с грантополучателями на сумму 2,74 млн руб.; в 2023 г. – 4 соглашения на сумму 1,56 млн руб.; в 2022 г. – 12 соглашений на сумму 3,5 млн руб. [4]. Также для развития предпринимательства в регионе Министерством природных ресурсов и экологии Алтайского края в 2023 г. было организовано и проведено 6 аукционов по продаже древесины объемом 19 тыс. м³ [5].

Данные меры государственной поддержки способствуют, с одной стороны, развитию предпринимательства в лесном хозяйстве, что благоприятно влияет на социально-экономическое состояние региона, а с другой – способствуют сохранению земель лесного фонда.

Основными стратегическими документами, влияющими на развитие лесного хозяйства Алтайского края, являются: федеральный проект «Сохранение лесов» и лесной план Алтайского края на период 2019-2028 гг. Федеральный проект «Сохранение лесов» до 2025 г. реализовывался в рамках нацпроекта «Экология», а с 1 января 2025 г. – в рамках нацпроекта «Экологическое благополучие». Глобально цель проекта не изменилась – это сохранение баланса между лесами, выбывшими из жизненного цикла, и восстановленными лесами. Данная цель достигается решением нижеследующих задач:

1. Воспроизводство леса на территориях, которые были подвержены пожарам, незаконной или законной вырубке – выбытие лесного фонда всегда должно сопровождаться равнозначным его восстановлением, т.к. только в этом случае можно сохранить лес.

2. Заготовка запаса семян лесных насаждений – без такого запаса своевременное восстановление леса в полном объеме невозможно.

3. Увеличение площади лесовосстановления как на участках переданных, так и не переданных в аренду.

4. Обеспечение учреждений, осуществляющих лесовосстановление, в том числе после пожаров, необходимым оборудованием и техникой, для повышения эффективности своей деятельности [1].

В свою очередь лесной план Алтайского края содержит перечень мероприятий, также влияющих на преумножение лесных насаждений, в частности:

- сохранение лесов от пожаров (организация и поддержание в рабочем состоянии противопожарных разрывов, очищение просек, формирование противопожарных минерализованных полос, установка информационных стендов об опасности пожаров и др.);

- лесопатологическая защита, препятствующая распространению вредителей в лесных насаждениях (лесопатологическое обследование земель лесного фонда, санитарная рубка при необходимости и др.);

- естественное, искусственное, комбинированное восстановление леса, а также агротехнический уход за высаженными растениями [2].

Реализация названных стратегических документов позволила существенно улучшить качество лесного хозяйства в регионе. В 2024 г. план по восстановлению лесных насаждений в Алтайском крае перевыполнен в 1,5 раза. Лидерами в данном направлении стали лесничества Угловского и Михайловского районов. Этому способствовало, в том числе,

перевыполнение плана по заготовке лесных семян в объеме 3,9 тонн вместо планируемых 3,3 тонн. Вместе с тем в период действия проекта «Сохранение лесов» 2019-2024 гг. было закуплено более 120 ед. специализированной техники для борьбы с лесными пожарами, а также более 1200 ед. инвентаря и оборудования в области лесовосстановления [5].

Несмотря на высокие результаты достижения стратегических задач, проблемы в управлении лесным хозяйством все же существуют. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в низкой степени ответственности арендаторов земель лесного фонда. Контрольно-надзорные мероприятия свидетельствуют о систематических нарушениях в сфере лесного хозяйства. Так, например, после вырубki леса для заготовки древесины не осуществляется очистка лесосек от порубочных остатков, не производится весенняя доочистка при рубке леса в зимнее время и т.д. Предпринимателю дешевле разово оплатить штраф, чем систематически расходовать финансовые ресурсы на уход за лесом.

Вместе с тем анализ мероприятий пожарного надзора свидетельствует о том, что по-прежнему зачастую виновниками лесных пожаров остаются люди. Это говорит о низкой информированности населения, проживающего преимущественно в сельской территории, об опасности лесных пожаров и их распространении. Поэтому, полагаем, что одним из важнейших направлений работы региональных органов власти, а также органов местного самоуправления в сфере лесного хозяйства является усиление информационной работы с населением, в том числе отдельно с детьми и предпринимателями. Также возможно, ужесточение наказания за нарушение лесного законодательства смогло бы улучшить ситуацию в лесном хозяйстве.

Библиографический список

1. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края»: Постановление Правительства Алтайского края от 28 декабря 2023 г. № 538 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Об утверждении Лесного плана Алтайского края: Указ Губернатора Алтайского края от 26 февраля 2019 г. № 33 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Боракай С.М., Роткина Е.Б. Лесное хозяйство как особая отрасль материального производства, ее проблемы и перспективы // Научное творчество молодежи – лесному комплексу России: материалы XXI Всероссийской (национальной) научно-технической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург, 2025 – С. 98-101.
4. Гранты // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3ReZNL>.
5. Доклад исполняющего обязанности министра природных ресурсов и экологии Алтайского края А.Н. Стрелковского «Об основных итогах деятельности в сфере природопользования и охраны окружающей среды в 2023 г. и задачах на 2024 г.» // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://minprirody.alregn.ru/doklady>.
6. Лесничества Алтайского края // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3ReZNp>.
7. Сведения об использовании лесных участков, предоставленных в аренду, постоянное (бессрочное) и безвозмездное пользование // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3ReZPZ>.

Научный руководитель – Тяпкина О.А., к.и.н.

«Лоскутная» цифровизация как барьер трансформации государственного управления*

Беденкова А.С.

ИС ФНИСЦ РАН

г. Москва

XXI век – время глобальной экспансии и масштабного развития цифровых технологий в каждой сфере жизнедеятельности человека. Развитие цифровых технологий и интернета чрезвычайно быстрыми темпами способствовало началу перехода к новому этапу Web 3.0, который уже сейчас приобретает практическое воплощение повсеместно и предоставляет обширный спектр возможностей в различных областях управления.

Цифровые технологии оказывают влияние не только напрямую на инструменты, но и опосредованно на систему и содержание государственного управления. Переход к модели сначала электронного, а потом цифрового правительства требует смены не только технологической составляющей управления, но и вектора «менеджеристского» мышления при помощи актуализации и трансформации подхода к управлению [3]. В результате внедрения цифры и формирования новой управленческой культуры происходят изменения не только в индивидуальном поведении, но и в способах взаимодействия. Вследствие этого традиционные методы работы становятся неэффективными, несовместимыми с новой цифровой парадигмой управления [5].

Модификация коммуникации оказывает давление на структурные, содержательные и функциональные составляющие публичных институтов власти. Цифровые изменения обозначают необходимость адаптации институтов к новой разнообразной среде. Сохранение архаичных установок грозит постепенной эрозией и конечным исчезновением неизменных институтов.

Оказываемое давление на публичные институты имеет потенциал, но все-таки не является достаточным для инициации трансформации механизмов принятия решений и всей системы управления. Тот факт, что цифровые технологии предоставляют неограниченный доступ, не означает, что это преимущество используется для более широкого участия граждан или расширения их прав и возможностей. Коммуникация, происходящая на протяжении всего процесса принятия решений, опосредована лоббированием разнообразных и нередко противоречащих интересов множества властных субъектов.

Манипулятивная составляющая и алгоритмы цифрового пространства слишком сильно влияют на положение граждан. Эхо-комнаты, информационные пузыри и многие другие практики манипуляции информацией и мнением создают в ходе работы алгоритмов благоприятные условия для формирования «нужной» позиции большей части общества. Властный ресурс и положение в сетевых коалициях определенных акторов все еще позволяет игнорировать цифровую коммуникацию и приходящие сигналы граждан. Традиционные политические сети, ставя по-прежнему во главу угла клановые интересы, купируют возможность сетевых эффектов цифрового пространства создания и реализация возможностей расширения процесса разработки и принятия решений в сторону транспарентности, интерактивности и многоакторности.

Несмотря на провозглашенные цели, большая часть зон государства остается закрытой и непроницаемой для социума. Процесс принятия государственных решений сохраняет латентные схемы целеполагания, в значительной степени препятствуя обратной связи и возможностям привлечения независимой экспертизы. В силу этого цифровые инструменты выполняют здесь «минимальные» функции, связанные скорее с контролем за соблюдением правил дискуссии с гражданскими структурами, чем реализацию принципов транспарентности, децентрализации, подотчетности и вовлечения граждан [4].

Как справедливо отмечает А.И. Соловьев, цифровые изменения в области управленческих технологий не способны привести к масштабным трансформациям

культурного тела общества, включая копившиеся долгое время корпоративные ценности и бюрократические предрассудки [3]. Возникают определенные барьеры, отмеченные в общей готовности государственных служащих к овладению цифровой стилистикой в управлении и трансформации рутины. Так как переход к цифровой культуре администрирования начинается с изменений в практиках «повседневного управления», то без трансформации установок и стереотипов государственных служащих дальнейшие изменения не представляют возможными.

Невозможность быстрой трансформации культурной почвы может грозить угасанием цифровой трансформации, переводом темы из фронта на задний план. В то же время гармоничный подход и многолетние практики модификации в сторону цифры могут способствовать выходу из траектории медленного развития страны в целом. Противоположный сценарий грозит увязанием в «колесе», где стратегические планы и реальные действия расходятся, стопоря процесс развития [1].

Существует определенное несоответствие декларируемых целей и реальностью – разрыв между тем, как технологии вживаются в управление и управление подстраивается под технологии. В итоге мы получаем частичную трансформацию, когда цифровые технологии уже становятся частью рутины в государственных органах власти при сохранении старых подходов и методов их использования.

Таким образом, ключевой проблемой на протяжении всех этапов развития цифровых технологий является «лоскутная» цифровизация – внедрение эволюционирующих цифровых технологий происходит без необходимых изменений или с серьезным отставанием в системе управления, или с имитацией модификации содержательной части управления.

Библиографический список

1. Аузан А.А. «Эффект колес». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2015. – № 1. – С. 3-17.
2. Дорофеев А.Н., Панина О.В., Зубец А.Ж., Шубцова Л.В., Шедько Ю.Н. Анализ цифровизации государственного управления: инновации и перспективы // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2022. – № 11. – С. 100-105.
3. Соловьев А.И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2022. – № 67. – С. 216-230.
4. Ячменева В.М. Цифровая культура как необходимое условие цифровой трансформации // Исследование, систематизация кооперация, развитие, анализ социально-экономических систем в области экономики и управления. – Симферополь, 2020. – С. 189-193.

**Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) (проект «Социальная архитектура цифровых политических институтов в контексте технологического будущего России», регистрационный номер FMUS-2025-0022).*

Научный руководитель – Бронников И.А., к.полит.н., доцент

Адаптационный потенциал муниципальной системы образования в условиях развития российского образовательного пространства (на примере г. Барнаула)

Белобородов Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современный этап развития российского образования характеризуется кардинальным пересмотром сложившейся за последние десятилетия парадигмы, характеризуется усилением государственного регулирования образовательного пространства, активной цифровизацией

всех уровней образования и переориентацией содержания на подготовку кадров для реального сектора экономики. Муниципальные органы управления образованием оказываются на передовой этих преобразований, поскольку именно им приходится непосредственно реализовывать федеральные инициативы в условиях конкретной территории. От того, насколько эффективно муниципальная система образования сможет адаптироваться к новым требованиям, переводя их в практическую плоскость, напрямую зависит результативность проводимых преобразований в сфере образования.

Как управленческая категория понятие «адаптационный потенциал» не имеет собственной дефиниции. На наш взгляд, наиболее близкой к управлению трактовкой является экономическая, поскольку в последней вышеуказанный термин применяется относительно к организации. Так, Алексеев С.Б. понимает под адаптационным потенциалом совокупность ресурсов предприятия, его возможностей и способностей эффективно реагировать на вызовы внешнего окружения, разрабатывать и реализовывать стратегии адаптации, направленные на достижение стратегических целей и желаемых результатов деятельности в долгосрочной перспективе [1, с. 982].

Органы местного самоуправления, как и органы государственной власти, вынуждены приспосабливаться к изменяющимся условиям в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни общества. Поэтому, адаптационный потенциал органа местного самоуправления можно рассматривать как совокупность имеющихся ресурсов, управленческих возможностей и способностей, позволяющих ему эффективно реагировать на изменения внешней среды, целенаправленно преобразовывать внутренние процессы и достигать стратегических целей развития территории в изменяющихся условиях. К тому же, органы местного самоуправления, в отличие от коммерческих организаций, исполняют свои полномочия в условиях ограниченности ресурсов с учетом местной специфики и их деятельность направлена на удовлетворение потребностей населения.

Данная способность к адаптации проверяется на сегодняшний день в условиях активной трансформации государственной политики, задающей новые приоритеты для всех уровней власти. Ключевые векторы этой трансформации были закреплены в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» [2]. Указанные в этом документе цели, за исключением экологического благополучия и технологического лидерства, продекларированы в государственной программе «Развитие образования» [3]. К тому же, с 1 января 2025 г. на территории РФ действует национальный проект «Молодежь и дети», целью которого является становление и развитие поколения российских граждан патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России [4]. Названные в этих документах приоритеты оказывают определяющее влияние на формирование современной образовательной политики, актуализируя ряд устойчивых тенденций в развитии системы образования [5, с. 73]. В научной литературе к их числу принято относить следующие:

- 1) государственное регулирование и унификация единого образовательного пространства, акцент на социально-патриотический и культурно-исторический подход к обучению и воспитанию;
- 2) цифровизацию и виртуализацию образовательного пространства;
- 3) постепенный отход от западной модели образования [6, с. 64].

Адаптационный потенциал комитета по образованию г. Барнаула находит практическое выражение в его работе в условиях указанных тенденций. Анализ работы комитета позволяет выявить, каким образом муниципальная система образования трансформирует внешние требования в конкретные управленческие решения и практические действия.

В рамках первой тенденции, связанной с усилением государственного регулирования и унификации образовательного пространства, комитет по образованию г. Барнаула

демонстрирует системный подход к реализации федеральных инициатив. Согласно данным комитета по образованию г. Барнаула, в 2023 г. в муниципальном образовании было зарегистрировано 87 общеобразовательных организаций [7, с. 7]. Адаптационный потенциал муниципальной системы образования проявляется в организации во всех образовательных учреждениях церемоний поднятия государственного флага и исполнения государственного гимна Российской Федерации с последующим проведением информационно-просветительских занятий «Разговоры о важном». Значительные усилия направлены на патриотическое воспитание через создание первичных отделений Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых», в которых принимают участие более 40000 детей и их родителей. Особое внимание уделяется увековечиванию памяти военнослужащих, принимавших участие в СВО. Так, в течение 2024 г. в муниципальных образовательных организациях установлено 9 Парт Героев, 17 памятных досок, оформлено 8 стендов, один памятный знак и одна Аллея Памяти. Дополнительно развивается сеть школьных музеев различных профилей, функционируют 70 музеев и музейных комнат патриотической направленности. Воспитательная работа реализуется через деятельность военно-патриотических клубов в 25 муниципальных общеобразовательных организациях, объединяющих более 3000 чел., а также через Барнаульское отделение Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия», включающего около 2000 учащихся [8].

В контексте второй тенденции, связанной с цифровизацией образовательного пространства, комитет по образованию г. Барнаула реализует комплексный подход к модернизации образовательной инфраструктуры. Адаптационный потенциал муниципальной системы проявляется в оснащении 90 образовательных организаций компьютерным оборудованием в рамках регионального проекта «Цифровая образовательная среда», создании сети из 10 центров образования «Точка роста» и двух школьных «Кванториумов», охватывающих более 2900 обучающихся, а также в активном использовании автоматизированных информационных систем «Сетевой край. Образование» и «Навигатор дополнительного образования» для управления образовательным процессом [8].

Наконец, тенденция перехода от западной модели образования к национальной прослеживается в деятельности комитета по образованию г. Барнаула. С 2024 г. в рамках реализации Единой модели профориентации в школах г. Барнаула было открыто пять предпрофильных классов различной направленности: три прокурорских, один аграрный и один энергокласс [8]. Ранее на территории города таких программ профориентации не существовало. В рамках этой тенденции можно говорить, что выстраивается образовательная модель, ориентированная на кадровые потребности Алтайского края.

Таким образом, деятельность комитета по образованию г. Барнаула демонстрирует реальную способность адаптироваться к современным вызовам российского образовательного пространства. Адаптационный потенциал муниципальной системы образования проявляется в гибком управлении ресурсами для достижения целей образования, успешном внедрении цифровых технологий в учебный процесс и оперативной реализации федеральных инициатив в данной сфере.

Библиографический список

1. Алексеев С.Б. Адаптация и адаптационный потенциал предприятия сферы услуг // Вестник Удмуртского университета. – 2024. – № 6. – С. 977-984.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Доступ из справ.-прав. Системы Консультант Плюс.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.07.2025) // Доступ из справ.-прав. Системы Консультант Плюс.
4. Национальный проект «Молодежь и дети» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации – URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_Molodezh__i_deti.pdf.
5. Беленкова Ю.С. Некоторые тенденции развития современного образования // Высшее образование сегодня. – 2023. – № 2. – С. 72-74.

6. Концевич Г.Е. Новая парадигма образования: вызовы и перспективы // Гуманизация образования. – 2023. – № 4. – С. 62-72.
7. Елистратова Т.Г., Снегирева А.А. Влияние кадрового дефицита на развитие общего образования (на примере МБОУ «СОШ № 1» г. Барнаула) // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Вып. 23 (2). – Барнаул, 2023. – С. 6-8.
8. Итоговый отчет о результатах анализа состояния и перспектив развития муниципальной системы образования города Барнаула за 2024 г. // Официальный сайт комитета по образованию г. Барнаула. – URL: <https://clck.ru/3ReZmb>.

Научный руководитель – Елистратова Т.Г., к.э.н.

Сравнительно-правовая характеристика редакций Постановления Администрации Алтайского края от 27.03.2015 № 116 «Об утверждении Порядка организаций совместных конкурсов и аукционов для обеспечения государственных и (или) муниципальных нужд Алтайского края»

Богатырёва К.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Возможность проведения совместных конкурсов или аукционов при наличии у нескольких заказчиков потребности в одних и тех же товарах, работах, услугах определена ст. 25 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1]. При этом, совокупность заявок, содержащих в себе такие потребности, именуется сводной заявкой. С целью реализации указанной нормы 27.03.2015 принято постановление Администрации Алтайского края № 116 (далее – Постановление), закрепляющее Порядок организаций совместных конкурсов и аукционов для обеспечения государственных и (или) муниципальных нужд Алтайского края [3]. С момента принятия НПА претерпел множество изменений, отраженных восемью редакциями, включая действующую.

Первые весомые корректировки были утверждены уже 26.01.2016: заявки на осуществление закупок в рамках реализации на территории Алтайского края мероприятий краевых адресных инвестиционных и иных программ теперь должны проходить предварительное согласование органом, являющимся ее ответственным исполнителем. Кроме того, редакция закрепила необходимость обязательной оценки сводных заявок: рабочей группой – при оценке обоснованности закупки с начальной (максимальной) ценой контракта (далее – НМЦК) от 1 до 50 млн руб.; межведомственной рабочей группой – при оценке обоснованности закупки с НМЦК свыше 50 млн руб., а также закупки в рамках реализации краевой адресной инвестиционной программы вне зависимости от размера НМЦК. Рабочая группа принимает решение о соответствии заявки требованиям законодательства либо о необходимости внесения в нее изменений. Во втором случае сводная возвращается организатору для исправления замечаний через информационную систему «АИС Госзаказ».

Редакцией от 23.01.2017 перечень субъектов, уполномоченных на организацию и проведение совместных закупок, дополнен КГКУ «Центр государственных закупок Алтайского края» (далее – Центр, Учреждение). Теперь Учреждение выступает полноправным организатором совместных конкурсов и аукционов, которому заказчики передали часть своих полномочий в указанной сфере. Также помимо государственных заказчиков и бюджетных учреждений края к числу субъектов, передающих полномочия на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) на основании соглашения, добавили государственные унитарные предприятия. При этом, круг полномочий Центра в качестве организатора ограничивается закупками, организация которых не входит в полномочия органов исполнительной власти и администраций муниципальных районов (городских

округов). Раздел, регламентирующий порядок формирования заказчиками потребности в связи с вышеизложенным разграничивает полномочия Учреждения и иных организаторов, указывая, что перечень закупок, график их проведения, состав, техническое задание, обоснование НМЦК и прочую документацию формирует Центр, а после – направляет соответствующим краевым органам исполнительной власти для согласования.

Редакция от 12.12.2018 совершенствует электронный документооборот: документы в информационной системе подписываются более совершенным видом электронной подписи – квалифицированной электронной подписью, выдаваемой только в аккредитованных Министерством цифрового развития центрах.

Редакция от 16.10.2019 содержит корректировки ввиду внесения изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1]: Федеральным законом от 01.05.2019 № 71-ФЗ [2] закреплена возможность проведения закупки без указания объема, т.е. посредством определения максимальной цены контракта и начальной цены единицы товара, работы, услуги соответственно.

Редакция от 15.04.2020 закрепляет исключения в работе ранее упомянутых рабочих и межведомственных рабочих групп: лекарственных средства теперь подлежат оценке, но только в случае, если такая оценка заранее согласована и признана необходимой главным распорядителем бюджетных средств.

Наиболее масштабные корректировки были внесены предпоследней по отношению к действующей редакцией от 21.12.2021. Министерство экономического развития назначено органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок (далее – Орган). Впервые введены понятия «инициатор» и «координатор». Так, инициатор выступает с предложением о необходимости и целесообразности проведения совместных закупок. В качестве инициаторов назначены органы исполнительной власти, Учреждение и администрации муниципальных районов (городских, муниципальных округов). Таким образом с целью обеспечения порядка был ограничен круг субъектов, которые могут инициировать проведение совместной закупки. Как правило, инициатор впоследствии становится одновременно и координатором. Координатор в рассматриваемой редакции перенял большую часть полномочий организатора по подготовке и сопровождению совместных закупок, в то время как единственным организатором указан Центр.

Полностью пересмотрен и детализирован утвержденный постановлением Порядок осуществления совместных конкурсов или аукционов, оправдывая тем самым наименование нормативно-правового акта и подразумевающийся в нем смысл. Четкое разграничение получили этапы осуществления совместной закупки: планирование, организация и проведение. Так, ежегодно до 1 декабря инициатор направляет предложения по проведению совместных закупок в орган по регулированию контрактной системы, письменно обосновывая их целесообразность и обоснованность. Орган составляет график и определяет координатора, который, в свою очередь, готовит установленные документы и информацию и направляет организатору. Помимо прочего, новая редакция закрепила исчерпывающий перечень необходимых к подготовке документов и информации. Далее ведение совместной закупки практически полностью «ложится на плечи» организатора. В рамках деятельности главного распорядителя бюджетных средств осуществляется ведомственный контроль, по результатам которого принимается решение о согласовании. Толчком к подобным изменениям стала острая необходимость разграничения сфер ответственности субъектов закупочной деятельности в рамках осуществления совместных конкурсов или аукционов.

В части оптимизации процесса можно отметить исключение необходимости проверки сводных заявок рабочими и межведомственными рабочими группами. В новой редакции дополнительную проверку проходят лишь заявки, НМЦК которых свыше 50 млн руб. Благоприятным образом это сказалось и на общем сроке проведения совместной закупки. Редакция не только конкретизировала последовательность действий субъектов закупочной деятельности, но и уточнила сроки, создавая тем самым некоторые ограничения и не

позволяя закупке растянуться на долгие месяцы. Хотя процесс и на сегодняшний день является достаточно трудоемким и долгосрочным по ряду причин.

Последняя на сегодняшний день редакция от 30.10.2024 установила отсутствие необходимости проведения ведомственного контроля главным распорядителем бюджетных средств в отношении муниципального заказчика. К числу объектов, закупка которых подлежит дополнительной оценке межведомственной рабочей группой, добавлены легковые автомобили. Такое дополнение связано с передачей 05.12.2023 Центру полномочий по закупке легковых автомобилей [4] и выявлением неоднократных превышений максимальных характеристик товара, установленных актами нормирования. Кроме того, с 3 до 10 рабочих дней увеличен срок проверки обоснования НМЦК на соответствие требованиям действующего законодательства в случае, если оно подготовлено методом, отличным от метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка).

Критический анализ Постановления позволил выявить ряд неточностей, затрудняющих однозначное понимание либо точное истолкование норм нормативно-правового акта. Так, п. 3.2 Постановления не содержит информации о том, на соответствие нормам какого законодательства уполномочен проверять поступившие от координатора документы и информацию организатор – всего законодательства, законодательства о контрактной системе или же отдельным актам; абз. 3 п. 3.2 содержит указание лишь на два метода обоснования НМЦК – метод сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) и тарифный метод. Однако необходимо учитывать, что на практике для расчета НМЦК при осуществлении совместных закупок могут быть использованы и другие методы: например, закупка горюче-смазочных материалов осуществляется в соответствии с Приказом ФАС России от 22.11.2024 № 894/24; п. 3.4 следует дополнить сроком поставки товара (при необходимости), поскольку заказчики вправе самостоятельно устанавливать количество дней и время поставки со дня направления заявки, а также исключить формулировку «указывает идентификационный код закупки», т.к. данный код присваивается заявке автоматически; организатор, получая потребность заказчика, проверяет ее на соответствие не только требованиям действующего законодательства, но и требованиям, установленным координатором, в связи с чем необходимо внести соответствующие дополнения в п. 3.5 Постановления; помимо прочего, п. 3.20 хотя и не выделен заголовком, несет в себе ответственность координатора и организатора, однако ответственность заказчика, как субъекта подготовки проведения совместной закупки, имеющего ряд обязанностей, упущена. Необходимо определить и закрепить такие сферы, например, подготовка обоснования НМЦК, соблюдение правил нормирования и прочих показателей, а также ответственность в пределах полномочий, разграниченных между сторонами на основании соглашения о проведении торгов. В основном, предлагаемые к внесению корректировки конкретизируют полномочия субъектов закупочной деятельности с целью полного разграничения ответственности.

Библиографический список

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Федеральный закон от 01.05.2019 № 71-ФЗ. // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
3. Об утверждении Порядка организации совместных конкурсов и аукционов для обеспечения государственных и (или) муниципальных нужд Алтайского края: Постановление Администрации Алтайского края от 27.03.2015 № 116 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
4. О внесении изменений в постановление Администрации Алтайского края от 30.12.2013 № 712 и Постановление Правительства Алтайского края от 29.08.2017 № 324: Постановление Правительства Алтайского края от 05.12.2023 № 457 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Шапоров Д.А., к.и.н., доцент

О развитии событийного туризма в отдельных муниципальных образованиях Нижегородской области

Боровков А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Нижегородский институт управления
г. Нижний Новгород*

В Российской Федерации в последние годы событийный туризм получил большое развитие [1, 2]. Не является исключением и Нижегородская область – причем не только столица региона (о большом туристском потенциале региона написано уже немало [3, 4, 5]). Так, в последние годы в Нижегородской области сложилась традиция проведения фестиваля «Русская Тоскания». Местом проведения является г. Ворсма Павловского района, а точнее берег озера Тосканки в данном населенном пункте. Важно подчеркнуть, что само название речки связано с итальянским регионом Тоскана. Обозначенное обстоятельство содействует привлечению туристов, поскольку многие россияне имеют положительный опыт путешествий по Европе и ценят во внутрироссийском туризме «европейскую» составляющую.

Необходимо отметить, что фестиваль «Русская Тоскания» содержит в себе различные мероприятия. В частности, в 2025 г. наряду с выступлением вокальных коллективов проводились мероприятия в стиле ленд-арт (имеются в виду переосмысление хохломы, лозоплетения и изготовления ворсовых клинков), лодочная регата, а также кулинарное шоу и мастер-классы. Относительно мастер-классов укажем, что таковые проводились по ублаживанию в хлопковых полотнах, скрутке священного дерева, плетению венков из полевых цветов, изготовлению травяных мешочков, русскому женскому банному парению и др. Приведенный перечень скорее уникален, нежели типичен для фестивалей, проводимых в Российской Федерации и подчеркивает семейный характер фестиваля. Кроме того, для посетителей фестиваля организовывались экскурсии на территорию Троицкого Островоезерского монастыря, расположенного на озере Тосканка. Данный монастырь имеет богатую историю. Он основан в XVI в. и имеет прямую связь с династией Романовых. Относительно логистики укажем, что таковая сравнительно удобна, поскольку фестиваль проходит в непосредственной близости от трассы, связывающей Нижний Новгород с Республикой Мордовия.

В конце июля в селе Владимирском Воскресенского района Нижегородской области проводится фестиваль «Богатыри Китежа». Протяженность мероприятия – 1 день. Выбор локации связан с легендарным городом Китежем, якобы ушедшим под воду озера Светлояр, но не покори́вшийся монголо-татарам. Озеро Светлояр в виду данного обстоятельства пользуется немалой популярностью среди туристов. В программу 5-го фестиваля «Богатыри Китежа» были включены:

- Показательные выступления по джигитовке и фланкировке от АНО «Достижение».
- Задорные состязания, по-настоящему мужские, в русской традиции! Для настоящих богатырей!
- Игровая поляна, детская площадка современного мечевого боя.
- Историческая театрализация «Ледовое Побойще» от Центра православной культуры им. А. Невского, (г. Городец).
- Демонстрация мастерства кузнечного, ткацкого, по стрельбе из лука.

Организаторы ориентировались на мужскую и патриотически настроенную аудиторию, которая к тому же восприимчива в русской истории. Впрочем, семейный отдых в рамках фестиваля также возможен. Имеет смысл утверждать и о возможности использования посещения фестиваля в воспитании детей – особенно мальчиков. Единственным «минусом» данного фестиваля является удаленность локации его проведения от Нижнего Новгорода.

Впрочем, выбор субботы в качестве дня несколько облегчает такое положение дел и позволяет привлечь на него не только нижегородцев, но и жителей близлежащих регионов.

В последней декаде июля в с. Сартаково Богородского района проводится фестиваль «Хрустальный ключ». Данное мероприятие представляет собой фестиваль народной музыки. В рамках фестиваля также проводятся выставки изделий традиционных национальных видов ремесел (роспись, керамика, резьба по дереву, художественная вышивка, бисероплетение, изготовление игрушек, кружевоплетение и вязание, лоскутная техника и др.). С точки зрения логистики место проведения мероприятия весьма удобно, поскольку с. Сартаково находится рядом с южной окраиной Нижнего Новгорода. Соответственно, и нижегородцам, и гостям города не составляет большого труда добраться до места проведения фестиваля.

Одним из важнейших событий в мире электронной музыки, проходящих ежегодно в Российской Федерации, является, фестиваль «Alfa Future People». Поселок Большое Казино в Балахнинском районе является локацией проведения данного фестиваля, на котором исполняется музыка в жанрах хардстайл, транс, дабстеп и некоторых других. Протяженность мероприятия, проводящегося под открытым небом, составляет 3 дня. Датой проведения фестиваля выбирают либо период в конце июля, либо же в начале августа. Относительно логистической составляющей отметим следующее: место проведения выбрано вполне удобно для пребывающих как из Нижнего Новгорода, так и с территории Владимирской и Ивановской областей. «Минусом» мероприятия является факт его проведения под открытым небом – так, в случае плохой погоды количество посетителей может существенно снизиться.

Одним из интересных событий в Нижегородской области, привлекающих туристов, является фестиваль «Русские крылья». Представляется, что уже само наименование фестиваля напоминает о советском увлечении авиацией, имевшем место в 1930-х годах (не случайно, что несколько весьма популярных книг в современной России написаны как раз об этом – к примеру, Е. Водолазкиным). Выбор Чкаловска в качестве проведения фестиваля может показаться неоднозначным. Впрочем, в виду того, что в рамках фестиваля проводился парад судов (включая, судов на подводных крыльях), выбор уже кажется менее спорным. Некоторым «минусом» фестиваля можно признать удаленность локации от Нижнего Новгорода (время в пути около 2 часов). Впрочем, красота локации, по замыслу организаторов, вполне может компенсировать удаленность от крупных городов.

Таким образом, безусловно можно констатировать факт значительного роста внутреннего туризма в Нижегородской области, основные направления которого направлены на развитие туристской привлекательности не столько и не только столицы региона, но и отдаленных, но оттого не менее привлекательных уголков Нижегородской области, способных показать в ближайшей перспективе значительный рост туристской привлекательности. Но также необходимо отметить, что для развития необходимы инвестиции, повышение качества услуг, продвижение региональных маршрутов и создание конкурентоспособного туристического продукта с учетом современных трендов.

Библиографический список

1. Бацына Я.В., Каменская К.В. Событийный туризм Нижегородской области // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 2 (36). – С. 480-482.
2. Пахомова Е.А., Фоменков А.А. О перспективах событийного туризма в Нижнем Новгороде: Джазовый фестиваль положительно необходим // Индустрия туризма и сервиса: состояние, проблемы, эффективность, инновации. Сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2025. – С. 36-39.
3. Гущина Н.А. Совершенствование управления развитием туристского потенциала: на примере Нижегородского региона. – дис. ... к.э.н. – СПб, 2012. – 183 с.
4. Котельникова М.И., Салькаев Д.И., Фоменков А.А., Фомина С.С. Цифровизация как способ содействия развитию событийного туризма в Нижегородской области // Управление бизнесом и вызовы цифровой экономики. Материалы IV всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Саратов, 2024. – С. 82-86.
5. Фоменков А.А. Цифровизация и развитие туризма // Цифровое пространство: экономика, управление, социум. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции. – Смоленск, 2024. – С. 241-247.

Научный руководитель – Рыбкина О.С., к.п.н., доцент

Повышение социально-экономических показателей в Республике Башкортостан через механизмы государственной поддержки для малого и среднего предпринимательства

Ваганова А.И.

*Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан
г. Уфа*

Государственная поддержка – это комплекс мер, направленных на улучшение социального положения населения и развитие предпринимательства. Эти меры относятся к инструментам государственного управления. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» выделяет 5 видов поддержки – это финансовая, гарантийная, имущественная, информационная и консультационная поддержки.

В Республике Башкортостан создана единая точка доступа ко всем видам поддержки – это портал оказания мер государственной поддержки для предпринимателей в Республике Башкортостан [1]. Сайт объединяет информацию о финансовых, имущественных, консультационных и других мерах, упрощая поиск, получение и использование ресурсов для развития бизнеса. По статистическим данным из Единого реестра МСП на конец 2024 г. наиболее востребованными мерами государственной поддержки в Республике Башкортостан были финансовая и консультационная поддержка (табл. 1).

Таблица 1 – Формы государственной поддержки в Республике Башкортостан

Форма поддержки	Кол-во	%
Финансовая	118126	66,95
Информационная	3209	1,82
Образовательная	11358	6,44
Консультационная	43182	24,47
Имущественная	423	0,24
Инновационная	152	0,09

Источник: составлено автором с использованием данных из Единого реестра МСП

Данные из табл. 1 отражают распределение различных форм поддержки, направленных на стимулирование развития малого и среднего предпринимательства в регионе.

Таблица 2 – Виды финансовой поддержки в Республике Башкортостан

Вид оказанной финансовой поддержки	Кол-во	%
Всего:	118 126	100
Предоставление субсидий и грантов	98 454	83,346
Предоставление финансирования на возвратной основе	12908	10,927
Предоставление гарантий и поручительств	5 731	4,852
Предоставление государственной социальной помощи на основании социального контракта	764	0,648
Финансовая аренда (лизинг)	238	0,201
Инвестиции в капитал	31	0,026

Источник: составлено автором с использованием данных из Единого реестра МСП

Очевидно, что субсидии и гранты являются наиболее востребованными формами поддержки, так как предоставляются на безвозмездной и невозвратной основе [3, с. 9]. Второе место по объему оказания поддержки занимают меры, связанные с финансированием на возвратной основе. Менее значительными формами поддержки являются предоставление гарантий и поручительств, социальная помощь на основании социального контракта, финансовая аренда (лизинг) и инвестиции в капитал.

Таким образом, государственная поддержка малого и среднего предпринимательства способствует увеличению количества субъектов МСП. Это положительно сказывается на экономике страны и региона. Благодаря субъектам малого и среднего предпринимательства происходит развитие человеческого капитала, увеличение рабочих мест и сокращение безработицы, рост ВВП, увеличение налоговых поступлений, а также внедрение новых технологий.

Библиографический список

1. Меры поддержки в Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – URL: <https://support.investrb.ru>.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки [Электронный ресурс]. – URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru>.
3. Андреев С.В. Оценка региональной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – № 1, Т. 2. – С. 5-12.
4. Вагапова А.И. Развитие малого и среднего бизнеса – основная тенденция современной России // Актуальные вопросы развития управления, экономики и права в современных условиях: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – 2025. – С.106-109.

Научный руководитель – Сабирова З.Э., к.э.н., доцент

Роль полиции в решении одной из приоритетных задач государственного управления – обеспечение стабильности и правопорядка

Воробьева А.С.

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород*

Здоровое общество определяется стабильным и гармоничным его развитием. Обеспечить такое развитие призвано государственное управление, поскольку является не просто сводом правил и законов, а сложным механизмом, затрагивающим все ключевые сферы жизни, включая экономическую, здравоохранение, образовательную, экологическую и другие. От деятельности всех государственных институтов, государственных органов и их отдельных должностных лиц, от того насколько полно, компетентно и в соответствии с законодательством, правилами и инструкциями каждый из указанных субъектов исполняет свои полномочия, во многом зависит вектор решения соответствующих задач. А в конечном итоге – уровень и качество жизни общества в целом и каждого его члена в отдельности.

Суть государственного управления заключается в следовании пяти главным задачам: формирование и реализация государственной политики; обеспечение стабильности и порядка; управление государственными ресурсами; регулирование социально-экономических процессов; обеспечение социальной защиты [3].

Не умоляя важность и значение всех задекларированных задач, в рамках настоящей статьи остановимся на второй – обеспечение стабильности и порядка. В контексте рассматриваемого направления, следует отметить, что государство здесь выступает гарантом прав и свобод граждан, защищая их от произвола и нарушений. Оно обеспечивает правопорядок, безопасность, а также регулирует конфликты между различными группами общества [3]. На сегодняшний день основным инструментом российского государства в сфере правоохранительной, правообеспечительной и правозащитной деятельности остается полиция.

Согласно закону «О полиции», основным ее предназначением является защита конституционных прав гражданина и человека – жизни, здоровья, прав и свобод, а также обеспечения охраны общественного порядка, общественной безопасности, собственности, противодействие преступности. В п. 3 ст. 1 определено, что органы полиции в пределах полномочий должны оказывать содействие федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, иным государственным

органам, органам местного самоуправления, иным муниципальным органам, общественным объединениям, а также организациям независимо от форм, должностным лицам этих органов и организаций в защите их прав [1].

Здесь же содержится отсылка к тому, что полиция приходит на помощь каждому, кто в такой помощи нуждается незамедлительно. И на этом пункте начинается противостояние человека, гражданина, общества с полицией. На сегодняшний день во многом это связано с «кадровым голодом» в органах полиции. Поскольку зачастую некому не только заниматься профилактикой противоправной деятельности, раскрывать и расследовать преступления, но банально, отработать тот самый вызов человека, которому незамедлительно потребовалась помощь органов правопорядка, в связи с нарушением его конституционных прав и свобод. Этот факт озвучен официальными лицами на многих государственных площадках. Так, в марте 2025 г. министр МВД России В. Колокольцев заявил о том, что нехватка кадров в его ведомстве достигла 172 тыс. сотрудников, за год количество вакантных должностей увеличилось более чем на 33 тыс., что вынудило систему признаться в существенных трудностях, имеющих место в деятельности практически всех служб полиции. На сегодняшний день дефицит кадров в МВД в целом и в полиции в частности составил 60% [2]. Сегодня эта проблема стоит как никогда остро. На различных дискуссионных площадках предлагаются различные варианты решения данной проблемы. Официальные органы разрабатывают проекты нормативно-правовых документов, призванных решить вопросы укомплектования, в том числе полиции, кадрами.

В качестве примера можно привести проект приказа, подготовленного МВД России, формально снижающего требования к кандидатам на службу в это ведомство. В частности, рассматривается возможность приема на должность дознавателя лиц со средним специальным образованием (сегодня квалификационное требование – наличие высшего специального образования). Кроме того, содержится предложение дать возможность руководству по своему личному усмотрению привлекать личный состав к несению службы в выходные и нерабочие праздничные дни в случае обострения оперативной обстановки. Предусматривается в отдельных случаях для определенной категории сотрудников отмена стажировки. Упразднение института личного поручительства и другие меры [4].

Как и большинство экспертов, автор придерживается мнения, что снижение квалификационных требований к кандидатам на службу негативно скажется на деятельности органов полиции, поскольку количественные показатели, как правило, не переходят в качество. Такие меры предлагаются как временные, принятые на «сложный период» недостаточности кадров. Однако, как показывает практика, нет ничего более постоянного, чем временное.

Решение проблемы нужно искать в другой плоскости. Не останавливаясь на необходимости повышения денежного довольствия, считаем, что нехватку сотрудников необходимо компенсировать внедрением научно-технических средств, расширением их возможностей и области применения. К слову сказать, увеличение зарплаты сотрудникам, само по себе не станет панацеей повышения их квалификации и профессионализма. Эта мера должна быть использована с осторожностью и в комплексе с другими. Необходимо не снижать квалификационные требования к соискателям на должность, а обучать и прививать им навыки работы с новыми, современными научно-техническими средствами. Более широко и активно внедрять научные исследования в области криминалистики, психологии, уголовного процесса и др. (например, проводить осмотр места происшествия с использованием дронов).

Другим вектором улучшения деятельности, а главное результатов такой деятельности, является укрепление взаимодействия институтов гражданского общества с органами правопорядка. Более широкое использование помощи общественных организаций, в том числе образовательных и т.п., отдельных граждан в рамках, ограниченных законом, в деятельности по охране общественного порядка, собственности, прав и интересов человека и

гражданина. Так же, одним из факторов улучшения положения в рассматриваемой сфере может стать активная просветительская деятельность.

Библиографический список

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (посл. ред. // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Дефицит кадров в МВД России становится критическим: некому выезжать на вызовы. Как исправить ситуацию? // Военное обозрение [офиц. сайт]. – URL: <https://topwar.ru/269651-deficit-kadrov-v-mvd-rossii-standovitsja-kriticheskim-nekomu-vyezhat-na-vyzovy-kak-ispravit-situaciju.html>.
3. Система государственного и муниципального управления. Статья от 16. 08.2024 // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) [офиц. сайт]. – URL: <https://www.ranepa.ru>.
4. Недогибченко Г.И. МВД предлагает снизить требования для кандидатов при приеме на службу // Ведомости [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3ReaTp>.

Научный руководитель – Макарова Е. А., к.и.н., доцент

Специфика формирования и функционирования территориальных инновационных систем в российских условиях: влияние институциональных, экономических и социально-культурных факторов на их структуру и динамику развития

Дергунов А.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт государственной службы и управления,
Департамент макроэкономического анализа и прогнозирования
Минэкономразвития России
г. Москва*

Формирование территориальных инновационных систем (далее – ТИС) в России неразрывно связано с трансформацией институциональной матрицы, уходящей корнями в эпоху централизованного планирования. Советская модель управления научно-техническим прогрессом, несмотря на отдельные значительные достижения, была основана на жесткой вертикальной интеграции и сегментации научно-исследовательского комплекса от реального сектора экономики [1, с. 45]. Как отмечали Астафьев, Поволоцкий и Хайкин, «экономический механизм того периода характеризовался доминированием административных методов распределения ресурсов при дефиците стимулов для внедрения разработок в массовое производство» [2, с. 78]. Это структурное наследие породило устойчивую патологию, выражающуюся в слабой связи между генерацией знаний в академической сфере и их последующей коммерциализацией. Современные попытки построения национальной инновационной системы, по сути, являются попыткой преодоления данной разобщенности через создание новых институтов развития и модернизацию существующих.

Особую роль в архитектонике ТИС играют институты, опосредующие взаимодействие между участниками инновационного процесса. Речь идет о технологических брокерах, венчурных фондах, центрах трансфера технологий и иных структурах, снижающих информационную асимметрию. В России данный сегмент остается сравнительно слабо развитым, что подтверждается ограниченным объемом частных венчурных инвестиций по сравнению с государственными. Системно-агломерационный подход, предлагаемый Кошечевым и Третьяковой, демонстрирует, что «индустриальные кластеры могут выступать эффективными платформами для формирования таких связующих институтов, но их успешность напрямую зависит от продуманной институциональной дизайн-политики,

стимулирующей кооперацию, а не конкуренцию за административный ресурс» [4, с. 520]. Таким образом, институциональная среда российских ТИС характеризуется дуализмом: с одной стороны, присутствуют формальные структуры, имитирующие передовые мировые практики, с другой – их функционирование зачастую подчинено неформальным правилам и практикам, унаследованным от предыдущих этапов развития.

Экономический контекст функционирования российских ТИС определяется макроструктурными диспропорциями, главной из которых является доминирование сырьевого сектора. Ресурсная ориентация экономики создает так называемый «голландский синдром», когда капитал и высококвалифицированные кадры перетекают в добывающие отрасли, обладающие более высокой и предсказуемой рентабельностью, нежели наукоемкое производство. Это приводит к стагнации несырьевого сектора и формирует периферийный тип интеграции многих регионов в мировую экономику, при котором они выступают преимущественно как поставщики сырья и потребители готовой высокотехнологичной продукции [5, с. 9].

Социально-культурные факторы зачастую выступают наиболее инерционным и, одновременно, фундаментальным элементом, определяющим восприимчивость территории к инновациям. Груздева определяет социально-культурную подсистему как «комплекс ценностных ориентаций, поведенческих установок, норм доверия и исторически сложившихся практик взаимодействия, которые опосредуют экономическую и инновационную деятельность» [3, с. 7]. В российском контексте данная подсистема характеризуется значительной противоречивостью. С одной стороны, существует мощный культурный капитал, связанный с признанием высокой ценности фундаментального образования и науки, унаследованный от советской эпохи. С другой стороны, наблюдается дефицит таких качеств, как толерантность к риску, готовность к горизонтальной кооперации и доверие к формальным институтам. Низкий уровень социального капитала, в частности доверия между незнакомыми агентами, повышает издержки взаимодействия и затрудняет формирование плотных сетевых структур, являющихся кровеносной системой любой ТИС.

Проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что специфика формирования и функционирования ТИС в России носит глубинно системный характер, обусловленный переплетением институциональных, экономических и социально-культурных детерминант. Институциональная среда, несущая на себе отпечаток планового прошлого, характеризуется известной ригидностью, фрагментированностью и недостаточной эффективностью, что создает высокие транзакционные издержки для инновационной деятельности. Экономический ландшафт, доминирующий сырьевым сектором, генерирует структурные дисбалансы, оттягивающие ресурсы из высокотехнологичных отраслей и консервирующие периферийный статус многих регионов в глобальных цепочках создания стоимости. Социально-культурная подсистема, при наличии мощного образовательного потенциала, демонстрирует дефицит критически важных для инноваций качеств: толерантности к риску, доверия и установки на горизонтальную кооперацию.

Ключевой вывод заключается в том, что эти факторы не действуют изолированно, а находятся в состоянии сложной динамической взаимосвязи, порождая как порочные круги взаимного усиления негативных тенденций, так и потенциальные точки роста при условии целенаправленного управления. Антагонизмы между ними (например, недоверие к институтам и требования кооперации) объясняют низкую эффективность многих инициатив, тогда как синергия (как в случае успешных кластеров) может стать основой для прорывного развития. Следовательно, политика, направленная на стимулирование ТИС, не может быть сведена к точечным мерам финансовой или инфраструктурной поддержки. Она должна носить комплексный, эволюционный и контекстуально-чувствительный характер, одновременно нацеленный на совершенствование формальных институтов, проведение структурной экономической перестройки и целенаправленное культивирование через образовательную и культурную политику ценностей открытости, сотрудничества и предпринимательской инициативы. Только такой подход, учитывающий диалектическое

взаимодействие всех групп факторов, способен преодолеть инерцию и вывести российские ТИС на траекторию устойчивого и динамичного развития.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г., Багриновский К.А., Гранберг А.Г. Система моделей народнохозяйственного планирования. – М., 1972. – С. 348.
2. Астафьев В.Е., Поволоцкий Л.Я., Хайкин В.П. Экономический механизм ускорения научно-технического прогресса (опыт и проблемы). – М., 1977. – С. 231.
3. Груздева М.А. Социально-культурная подсистема как фактор повышения региональной устойчивости: автореферат дис. ... к.э.н.: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 16.
4. Кошечев Д.А., Третьякова Е.А. Роль индустриального кластера в экономике региона: системно-агломерационный подход и механизм взаимного влияния // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 512-550.
5. Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 1. – С. 6-14.

Научный руководитель – Булетова Н.Е., д.э.н., профессор

Девиз государства: генезис конституционного концепта

Диева А.С.

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
г. Омск*

Генезис государственных девизов характеризуется длительным процессом трансформации функционального и смыслового назначения понятия «девиз», что в свою очередь, определяется динамикой развития правового статуса того или иного девизовладельца, и его взаимоотношений с другими субъектами права в рамках установленной правовой системы.

Говоря о правовом статусе государства как девизовладельца, в значении его положения в национальной правовой системе отметим, что, фактическая характеристика такого статуса обуславливается действующим массивом позитивного права. Это утверждение справедливо еще и с точки зрения того, что отечественное законодательство не содержит конкретной дефиниции понятия «правовой статус государства». Однако, данное обстоятельство не мешает определять государство как особого участника общественных и правовых отношений, ввиду его самостоятельного установления своих прав и обязанностей, а также определения им правового статуса других субъектов политико-правовой и социальной действительности [1]. Сказанное позволяет сделать обоснованный вывод о том, что развитие девиза государства в качестве концепта шло параллельно с развитием понятий правовой статус и правовая система.

Правовой статус, представляющий собой разновидность общего статуса субъекта в рамках понимания девиза с точки зрения конституционного концепта в отличие от других видов статусов, характеризуется формально-юридическим закреплением. Здесь не лишним будет упомянуть о том, что процесс появления и объективации девизов тесно связан с понятием «статус», поскольку изначально, девиз в форме его материального закрепления являлся частью различительных геральдических знаков – гербов, появление которых, в свою очередь было продиктовано возникновением понятий «свой»-«чужой», то есть, необходимостью отличать одного индивидуума от другого, род от рода, племя от племени, а позднее еще и обозначать их место и положение в рамках всего социума. Однако, правовое подкрепление в случае с гербом, играло решающую роль, поскольку без такового, герб становился не более чем красивой картинкой [2]. Государственные гербы, применяемые на современном этапе в тех или иных странах в качестве официальных государственных символов, чаще всего своим появлением обязаны фамильным гербам правящих в

монархический период истории династий. Ученые, говоря о гербе, одной из его функций называют отражение историко-культурных особенностей его владельца, а словесный девиз, размещенный в составе герба – его душой, вербальным выражением его идеи [3]. Именно благодаря этому свойству, на современном этапе, девизы государств, уже вне зависимости от их материального закрепления, представляют собой государственный символ, содержащий социокультурный компонент исторического процесса того или иного государства [4].

Появившись в составе гербовых фигур в период Крестовых походов, позднее девизы приобрели статус государственных символов и соответствующее этому статусу конституционное закрепление. Первым и самым ярким примером такой фиксации статуса девиза является государственный девиз Французской Республики: «Свобода, Равенство и Братство». Следует отметить, что конституционное закрепление девизов в качестве государственных символов весьма широко распространено среди государств – бывших французских колоний, вместе с тем, государственные девизы, закрепленные на девизных лентах гербов, также имеют место, в том числе, такой способ их закрепления выбрали для себя, например, Великобритания и Бразилия.

Рассматривая государственный герб и размещаемый, в некоторых случаях в его составе девиз, как символ государства, правовой статус которого в большинстве стран мира определен его конституционным закреплением, с логической последовательностью напрашивается вывод о том, что функциональное значение и смысловое наполнение категории «девиз государства» в совокупности своей, позволяет рассматривать его в качестве конституционного концепта.

В пользу последнего тезиса говорит и само понятие «концепт», представляющее из себя, в широком смысле «субститут неопределенного большинства предметов одного и того же порядка» [5], характеризующийся динамичностью, вариативностью смыслового наполнения, возможностью функционального замещения термина «понятие», а также символической природой. В контексте конституционного права, конституционный концепт представляет собой продукт национального самосознания, формируемый многовековыми традициями политико-правовой и социокультурной действительности, репрезентативными инструментами культуры, статус которого определяется согласно нормам действующего позитивного права.

Библиографический список

1. Беженцев А.А. Правовой статус государства: теоретико-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2024. – Т. 34., Вып. 6. – С. 1084.
2. Лавренов В.И. Российский государственный орел. История эмблемы и символа // Гербовед. – 1992. – № 2. – С. 9-21.
3. Шугринова М.А. Статус словесного девиза в геральдической системе // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 195-197.
4. Склизкова Е.В. Геральдический аспект культурной самоидентификации нации: Британия- Россия // Вестник славянских культур. – 2016. – №1 (39). – С. 65-75.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – С. 267-279.

Научный руководитель – Глазунова И.В., к.ю.н., доцент

Роль Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края в управлении лесным хозяйством

Дроздова Т.М.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Управление лесным хозяйством имеет критически важное значение по ряду причин. Прежде всего это представляет экологическую значимость, так как лес – это «легкие планеты», поглощающие углекислый газ и вырабатывающие кислород. Борьба с изменением климата невозможна без сохранения и приумножения лесов. Вместе с тем леса являются средой обитания для подавляющего большинства видов растений и животных, а также защищают почвы от эрозии, регулируют водный режим рек, предотвращают наводнения и засухи.

Нельзя не отметить экономическую значимость управления лесами, поскольку лес представляет собой возобновляемое сырье для деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, мебельной промышленности. Это дает возможность обеспечивать занятость миллионов людей (лесники, лесозаготовители, переработчики) часто в депрессивных сельских регионах. Отдельного внимания заслуживает вопрос управления лесами с точки зрения достижения социальных целей. Это возможно благодаря тому, что леса используются для туризма, отдыха, спорта и оздоровления населения; для сбора грибов, ягод, лекарственных растений. Также леса являются неотъемлемой частью национальной идентичности и ландшафта. Все это говорит о том, что без грамотного управления лес превращается из возобновляемого ресурса в истощаемый: происходят незаконные рубки, катастрофические лесные пожары, деградация земель, исчезновение редких видов.

Управление лесным хозяйством в Алтайском крае осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края (далее – Минприроды Алтайского края), которое является региональным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в лесной сфере на территории Алтайского края. Основные функции и полномочия Минприроды Алтайского края в сфере лесного хозяйства следующие:

- управление и распоряжение лесными участками, находящимися в собственности Алтайского края. Край является основным распорядителем лесов на своей территории;
- организация использования лесов: проведение лесных аукционов, заключение договоров аренды лесных участков для заготовки древесины, ведения охотничьего хозяйства, рекреации и других целей;
- охрана лесов от пожаров: организация и координация работы региональной системы лесопожарной охраны, включая создание и содержание противопожарных инфраструктур (дороги, водоемы), мониторинг пожарной опасности с помощью космического мониторинга и авиации;
- защита лесов от вредителей и болезней: проведение регулярных лесопатологических обследований и при необходимости – санитарно-оздоровительных мероприятий;
- воспроизводство лесов: организация работ по лесовосстановлению (посадка новых деревьев), лесоразведению и уходу за молодыми лесами. Это ключевая функция для обеспечения будущего лесов;
- государственный лесной контроль и надзор (федеральные полномочия, переданные региону): проведение проверок соблюдения лесного законодательства арендаторами, борьба с незаконными рубками;
- ведение Государственного лесного реестра: это обширная база данных, содержащая всю информацию о лесах региона (площади, породный состав, состояние и т.д.);

– проведение лесоустройства: планирование хозяйственной деятельности в лесах, инвентаризация и оценка состояния лесных ресурсов.

Таким образом, Минприроды Алтайского края выступает в роли главного управляющего и ответственного хранителя лесов региона. От эффективности его работы напрямую зависит, будут ли леса Алтайского края (имеющие огромное экологическое значение, в том числе для защиты уникальной природы территории) сохранены, защищены от огня и вредителей, и будут ли они рационально использоваться, оставаясь возобновляемым ресурсом для экономики и средой для отдыха граждан. Лесной комплекс Алтайского края, занимающий площадь 4,4 млн га лесного фонда, остается основным направлением работы Минприроды Алтайского края [2].

Об эффективности деятельности Минприроды Алтайского края можно судить в том числе по итогам реализации государственной программы «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края» [1]. Анализ результатов реализации программы за 2024 г. позволяет выделить ключевые итоги и дать оценку эффективности отдельных мероприятий.

Реализация мероприятий в сфере лесного хозяйства является наиболее успешным направлением программы. В 2024 г. По направлению «лесовосстановление» план перевыполнен практически в 2 раза. Отношение площади лесовосстановления к площади вырубленных и погибших лесов составило 196,5%. Это свидетельствует об эффективной работе в рамках регионального проекта «Сохранение лесов» и создает задел для будущего увеличения лесного фонда. С целью восстановления лесов было выращено в региональных питомниках 19 млн семян, в том числе 7,5 млн с закрытой корневой системой, что повышает приживаемость культур [2].

Важным направлением деятельности является охрана лесов от пожаров. В 2024 г. продемонстрирована исключительно высокая оперативность в их ликвидации – 100% лесных пожаров были устранены в первые сутки (при плане 85,7%), а их общая площадь составила всего 62 га при плановом значении 867,43 га [2]. Это говорит об эффективной системе мониторинга, готовности сил и средств, а также слаженном межведомственном взаимодействии.

Управление лесным хозяйством невозможно без специальной техники. Так, с 2019 г. в рамках проекта «Сохранение лесов» было закуплено 102 ед. лесопожарной и 17 ед. лесохозяйственной техники, что напрямую повлияло на повышение оперативности тушения и качества лесовосстановительных работ [2].

Минприроды Алтайского края ведет работу по сохранению особо охраняемых природных территорий и стимулированию биоразнообразия, однако в данном направлении плановые показатели не достигнуты. Фактическое количество особо охраняемых природных территорий Алтайского края составило 124 общей площадью 783 тыс. га (Алтайский государственный биосферный заповедник, Тигирекский заповедник, Волчихинский заказник, Ботанический памятник природы «Степи у села Сибирячиха» и др.) при целевом показателе 138 [2]. Таким образом, план по созданию новых охраняемых территорий не выполнен. Отмечается экономия средств по некоторым мероприятиям (например, на обустройство экологической тропы) из-за неблагоприятных погодных условий, что также свидетельствует о невыполнении запланированных работ. Финансовое исполнение по данному направлению имеет высокий процент освоения с точечными проблемами. В целом, общий процент исполнения бюджета программы составил 98,22%, что является высоким показателем. Низкое освоение средств (57,07%) представлено в «Развитии водохозяйственного комплекса», однако проект «Сохранение лесов» исполнен на 100% [2].

Таким образом, можно заключить, что финансовое управление в целом эффективно, но требует усиления контроля за отдельными сложными проектами. Анализ деятельности Минприроды Алтайского края по реализации государственной программы «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края» показывает, что ведомство функционирует в

условиях структурных вызовов, но демонстрирует эффективность в ключевых направлениях. Достигнуты значительные успехи в лесовосстановлении, борьбе с пожарами, обновлении материально-технической базы. Вместе с тем, сохраняются системные проблемы, касающиеся развития особо охраняемых природных территорий региона, которые могут быть успешно решены в процессе продолжения целенаправленной работы и межведомственной координации.

Библиографический список

1. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края»: Постановление Правительства Алтайского края от 28 декабря 2023 г. № 538 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: www.pravo.gov.ru.
2. Отчет о реализации государственной программы «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов, развитие лесного хозяйства Алтайского края» // Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RiS9t>.
3. Божко А.А. Организация государственного лесного контроля (надзора) в Алтайском крае: современное состояние и перспективы развития // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2022. – С. 9-11.

Научный руководитель – Ильин В.Н., к.и.н.

Проблемы организации деятельности училищ олимпийского резерва в Российской Федерации и пути их решения

Елисеев Д.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Система подготовки спортивного резерва для спорта высших достижений в Российской Федерации исторически базируется на сети специализированных образовательных учреждений, среди которых центральное место занимают училища олимпийского резерва. Они призваны обеспечить непрерывность и преемственность процесса подготовки спортсменов высокого класса, совмещая интенсивную спортивную тренировку с получением среднего профессионального образования. Однако в современных социально-экономических условиях модель училища олимпийского резерва сталкивается с рядом вызовов.

Сегодня в Российской Федерации функционирует 56 училищ олимпийского резерва, 12 из которых подведомственны Минспорту России [1]. Одной из наиболее острых проблем является значительный разрыв в уровне развития училища олимпийского резерва в различных субъектах Российской Федерации. Это приводит к миграции талантливых юных спортсменов в несколько «флагманских» регионов (Москва, Сочи, Казань и др.), что ослабляет спортивную систему на периферии. Например, ГБПОУ МО «Училище олимпийского резерва № 1» (Московская область) обладает мощной материально-технической базой, имеет доступ к лучшим спортивным объектам агломерации, привлекает ведущих тренеров и специалистов в области спортивной медицины. Финансирование, логистика и инфраструктурная поддержка позволяют ему быть одним из лидеров в стране. Поэтому конкурс на поступление в данное училище крайне высокий. В то время КГБ ПОУ «Алтайское училище олимпийского резерва» (Алтайский край), несмотря на статус одного из старейших и сильнейших, сталкивается с трудностями, характерными для отдаленных регионов. Часть инфраструктуры требует модернизации, существует кадровый голод в отдельных видах спорта, а конкуренция со стороны столичных училищ за перспективных

воспитанников очень высока [2]. Поэтому многие перспективные спортсмены стараются поступить в московские учреждения. Такая диспропорция создает «очаговую» систему подготовки, где успех спортсмена зачастую зависит не столько от его данных, сколько от географии места тренировок.

Серьезной проблемой современных училищ олимпийского резерва является хроническое недофинансирование. Бюджетных средств, выделяемых на содержание зданий, закупку экипировки, организацию учебно-тренировочных сборов и медицинское сопровождение, часто недостаточно для обеспечения требований современных спортивных технологий. Об этом говорят представители счетной палаты, прогнозируя сокращение финансирования с 2023 г. к 2026 г. на 25% [5]. Вместе с тем, например, в регионах Северного Кавказа и Дальнего Востока многие из училищ вынуждены работать на изношенной материальной базе. Тренажеры устарели, не хватает современного инвентаря для таких технически сложных видов спорта, как фехтование, стрельба из лука, велоспорт. Организация выездных сборов и участие во всероссийских соревнованиях сопряжены с огромными транспортными расходами, что ложится тяжелым бременем на региональный бюджет. Отсутствие системных инвестиций приводит к тому, что тренировочный процесс проходит в условиях, не соответствующих федеральным стандартам подготовки спортивного резерва.

Качество подготовки спортсмена напрямую зависит от квалификации тренера. В региональных училищах олимпийского резерва наблюдается две негативные тенденции: «утечка специалистов» в столичные клубы и структуры, а также старение тренерского корпуса. Министр спорта М.В. Дегтярев сообщил, что на 2024 г. нехватка тренеров составила около 2 600 специалистов (тренеров и инструкторов). При этом 2 300 заслуженных тренеров России занимают позиции линейных тренеров [3]. Молодые специалисты не стремятся в регионы из-за неконкурентоспособной заработной платы и отсутствия карьерных перспектив. Так, например, географическая изолированность усугубляет кадровую проблему Калининградской области. Привлечь опытного тренера по редкому или олимпийскому виду спорта из центральной России крайне сложно и дорого. Это вынуждает либо работать с местными кадрами, чей потенциал роста ограничен, либо сокращать программы по отдельным дисциплинам. Необходима реализация целевых программ по закреплению молодых тренеров в регионах, включая предоставление жилья, подъемных пособий и возможности стажировок у ведущих специалистов.

Серьезной проблемой спортивных училищ является противоречие между образовательной и спортивной составляющими. Училище олимпийского резерва – это, прежде всего, образовательное учреждение, что налагает на него обязательства по соблюдению федеральных государственных образовательных стандартов [4, с. 20]. Интенсивный тренировочный процесс, частые сборы и соревнования неминуемо вступают в конфликт с академической программой. Воспитанники пропускают занятия, не успевают осваивать материал, что приводит к снижению общего уровня образования. Задача администрации – найти баланс, внедряя дистанционные образовательные технологии, индивидуальные учебные планы и гибкое расписание. Однако на практике это удастся далеко не всем. Училище олимпийского резерва Республики Татарстан продемонстрировало успешные попытки интеграции спортивной и образовательной траекторий. В училище созданы партнерские программы с вузами (например, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма), что позволяет выстраивать непрерывную вертикаль «школа – училище – вуз». Тем не менее, даже здесь проблема переутомления учащихся и их академической неуспеваемости остается актуальной.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что система училищ олимпийского резерва в России переживает системный кризис, обусловленный региональным неравенством, ресурсными ограничениями и внутренними организационными противоречиями. Для повышения эффективности деятельности училищ олимпийского резерва необходима реализация комплекса мер на федеральном и региональном уровнях:

- разработка и внедрение дифференцированной модели финансирования с учетом региональных коэффициентов и специфики культивируемых видов спорта;
- стимулирование государственно-частного партнерства для привлечения внебюджетных средств в модернизацию инфраструктуры спорта;
- создание федеральной программы поддержки тренерских кадров в регионах, включающей меры материального и социального стимулирования;
- внедрение гибких образовательных моделей и цифровых платформ, позволяющих эффективно совмещать тренировочную и учебную деятельность;
- усиление межрегионального сотрудничества между училищами олимпийского резерва, включающее обмен опытом, проведение совместных учебно-тренировочных сборов и стажировок.

Только при условии комплексного и адресного подхода училища олимпийского резерва смогут и в дальнейшем выполнять свою ключевую функцию – подготовку конкурентоспособного спортивного резерва для сборных команд России, обеспечивая тем самым спортивное долголетие и престиж страны на международной арене.

Библиографический список

1. База данных училищ олимпийского резерва // Совет директоров училищ олимпийского резерва [офиц. сайт]. – URL <https://sovetuor.ru/base>.
2. Головизин Т.В. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта в Алтайском крае: проблемы и перспективы развития // Студенческий: электронный научный журнал. – 2024. – № 23 (277). – URL: <https://sibac.info/journal/student/277/33805>.
3. Дегтярев рассказал о нехватке тренеров и спортивных инструкторов в регионах // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/sport/23738441>.
4. Самсонов И.И. Училище олимпийского резерва: образовательная или физкультурно-спортивная организация // Спорт: экономика, право, управление. – 2022. – № 4. – С. 20-26.
5. Сокращение финансирования на спорт // Интерфакс [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RiSHM>.
6. Ясинская А.Н. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: опыт Алтайского края // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2024. – С. 72-74.

Научный руководитель – Ильин В.Н., к.и.н.

Проблемы организации контрольно-надзорной деятельности лесничеств в Алтайском крае и пути их решения

Зайферт Ю.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Леса Алтайского края, занимающие площадь свыше 4,5 млн га, выполняют важнейшие средообразующие, климаторегулирующие, водоохранные и социально-экономические функции. Л.В. Михайлова отмечает, что в условиях нарастания антропогенного прессинга, усиления частоты и интенсивности лесных пожаров, а также высокой степени криминализации лесопромышленного комплекса, эффективная организация контрольно-надзорной деятельности приобретает характер стратегической задачи обеспечения экологической безопасности региона [3, с. 170].

Контрольно-надзорная деятельность в лесной сфере представляет собой многоуровневую систему мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение нарушений лесного законодательства. Ее основным субъектом на территории лесничеств являются государственные лесные инспекторы, наделенные широким кругом полномочий.

Однако практическая реализация этих полномочий сталкивается с рядом системных проблем, носящих институциональный, ресурсный и правовой характер.

Прежде всего это институциональные и правовые проблемы. Одной из них является сложная и зачастую противоречивая архитектура разграничения полномочий. Лесной кодекс возлагает осуществление федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) на органы государственной власти субъектов РФ. На практике это означает, что материально-техническое и финансовое обеспечение возложено на региональный бюджет, в то время как методическое руководство и контроль за эффективностью остаются в ведении федерального центра (Рослесхоза). И.В. Бечина полагает, что данная модель создает «правовой вакуум» и порождает ряд коллизий [1, с. 49]:

- Недостаточная правовая определенность. Отдельные положения административных регламентов и инструкций носят декларативный характер. Например, процедура доставки нарушителей к месту составления протокола часто невыполнима из-за отсутствия у государственных лесных инспекторов прав на применение физической силы и специальных средств, а также из-за огромных площадей лесных участков.

- Фрагментация ответственности. Выявление ряда нарушений (например, загрязнение лесов отходами, незаконное строительство) требует межведомственного взаимодействия с Росприроднадзором, Роспотребнадзором, органами МВД и прокуратуры. Координация между этими структурами часто носит эпизодический характер, что позволяет нарушителям уходить от ответственности.

- Низкая эффективность административных наказаний. Размеры штрафов, предусмотренных КоАП РФ за незаконную рубку (ст. 8.28) и другие нарушения, несоизмеримы с причиненным ущербом и не выполняют превентивной функции. Взыскание же ущерба в полном объеме через судебные инстанции – процесс длительный и ресурсоемкий.

Также наиболее остро проблемы проявляются в области кадрового и материально-технического обеспечения лесничеств. Прежде всего, штатная численность государственных лесных инспекторов в Алтайском крае не позволяет обеспечить эффективный надзор на всей территории лесного фонда. На одного инспектора в среднем приходится десятки тысяч гектаров леса. Это приводит к формализации проверок и невозможности осуществлять постоянный патруль. М.Ю. Кабетова отмечает, что низкий уровень заработной платы, тяжелые условия труда и высокие профессиональные риски не способствуют притоку молодых квалифицированных кадров [2, с. 583].

Вместе с тем основным методом выявления несанкционированных рубок леса остается плановое патрулирование, эффективность которого крайне низка из-за кадрового дефицита. Значительные территории леса, особенно в труднодоступных горных районах и вдоль границы с Республикой Казахстан, остаются вне зоны регулярного контроля, что активно используется нелегальными заготовителями.

Для преодоления обозначенных проблем необходим комплексный подход, включающий меры на федеральном и региональном уровнях:

- инициировать внесение изменений в законодательство, расширяющих права государственных лесных инспекторов (на задержание, досмотр транспорта совместно с полицией, составление протоколов по более широкому кругу статей КоАП РФ);

- ужесточить административную и уголовную ответственность за незаконную рубку, привязав размер штрафов к коммерческой стоимости незаконно заготовленной древесины;

- разработать и законодательно закрепить четкие регламенты межведомственного взаимодействия между органами лесного надзора, МВД, ФСБ и прокуратурой;

- внедрить целевую программу подготовки и переподготовки кадров для лесного надзора на базе профильных вузов с последующим гарантированным трудоустройством и повышением социального статуса профессии;

– создать единую региональную платформу дистанционного мониторинга на основе геоинформационных систем (ГИС), интегрирующую данные космической съемки, сведения о лесоустройстве, лесопользовании и перемещении древесины;

– внедрить автоматизированную систему анализа космоснимков для оперативного выявления изменений лесного покрова.

Организация контрольно-надзорной деятельности в лесничествах Алтайского края сегодня сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем институционального, ресурсного и технологического характера. Их основой является дисбаланс между объемом возложенных полномочий и реальными возможностями по их реализации. Преодоление сложившейся ситуации невозможно без консолидированных усилий федеральных и региональных властей, направленных на системную модернизацию всей структуры лесного надзора. Ключевыми направлениями такой модернизации должны стать: укрепление правового статуса лесных инспекторов, значительное усиление материально-технической базы, внедрение передовых цифровых технологий и повышение эффективности межведомственного взаимодействия. Только такой подход позволит обеспечить сохранность и рациональное использование лесных богатств Алтайского края для будущих поколений.

Библиографический список

1. Бечина И.В. Разграничение полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области лесных отношений // Национальная ассоциация ученых. – 2021. – № 74. – С. 48-51.
2. Кабетова М.Ю. Кадровый аспект проблем реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений и развития отрасли лесного хозяйства: содержание, причины и пути преодоления // Экономика и социум. – 2017. – № 5 (36). – С. 580-586.
3. Михайлова Л.В. Пробелы лесного законодательства и их влияние на криминализацию лесной отрасли // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 169-177.

Научный руководитель – Гооге О.А., к.э.н.

Совершенствование механизмов взаимодействия таможенных органов с бизнесом в системе государственного управления

Зиманова М.А.

*Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии
г. Санкт-Петербург*

Современная система государственного управления Российской Федерации ориентирована на принципы открытости, прозрачности, ответственности и партнерства с бизнесом. Эффективность функционирования государственного аппарата сегодня определяется не только качеством контроля, но и способностью органов власти выстраивать устойчивые и доверительные отношения с предпринимательским сообществом [1]. Особенно важную роль данное направление играет в таможенной сфере, где пересекаются интересы государства и бизнеса: с одной стороны, необходимо обеспечить фискальные поступления в доходную часть государственного бюджета и экономическую безопасность государства, а с другой – создать условия для свободного движения товаров и снижения административных барьеров.

Актуальность темы определяется тем, что развитие института доверительных отношений между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) является важнейшей задачей государственного управления. В условиях цифровой трансформации и интеграции России в мировую торговую систему особое значение приобретает механизм, позволяющий соединить контрольную и сервисную функции государства, повысить доверие к регулирующим институтам и стимулировать внешнеэкономическую активность. Таким инструментом стал институт уполномоченного

экономического оператора (далее – УЭО), представляющий собой современную модель государственно-частного партнерства в таможенной сфере. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать эволюцию, правовые и организационные основы института УЭО, раскрыть его значение для совершенствования взаимодействия государства и бизнеса, а также определить его место в системе эффективного государственного управления.

Идея УЭО была сформулирована Всемирной таможенной организацией (далее – ВТамО) в Рамочных стандартах безопасности и облегчения мировой торговли, заложивших новую концепцию взаимодействия государства и бизнеса, в основе которой лежит принцип взаимного доверия. Государство, признавая предприятие добросовестным участником ВЭД, предоставляет ему упрощения при совершении таможенных операций, а бизнес, в свою очередь, обязуется соблюдать законодательство, обеспечивать прозрачность цепей поставок и предоставлять таможенным органам доступ к коммерческой информации [2].

Значительным направлением развития института УЭО является международное сотрудничество и взаимное признание его статуса с другими странами. Важным шагом в этом направлении стало подписание 4 февраля 2022 г. Протокола между ФТС России и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о взаимном признании статуса УЭО. С декабря 2022 г. российско-китайский проект функционирует в полном объеме и охватывает всех российских операторов третьего типа. Проект реализуется на основе принципа прямых поставок – «от УЭО к УЭО», что обеспечивает сокращение времени оформления и снижение числа проверок.

В последующие годы Россия подписала аналогичные соглашения с рядом государств: 17 мая 2023 г. – с Ираном, 6 октября 2023 г. – с Узбекистаном, 24 ноября 2023 г. – с Таджикистаном и 15 мая 2024 г. – с Индией [3]. С 1 июня 2025 г. начали действовать проекты взаимного признания с Узбекистаном и Таджикистаном, в рамках которых взаимодействие осуществляется через автоматическую проверку статусов УЭО в информационных системах таможенных органов. Российские УЭО при декларировании товаров будут указывать номер иностранного УЭО, что обеспечит автоматическую верификацию данных и ускорит процедуры выпуска товаров.

Параллельно ведется подготовительная работа по заключению соглашений с Бразилией, Вьетнамом, Египтом, Южно-Африканской Республикой и Турцией. Расширение сети международных соглашений делает институт УЭО инструментом глобального доверительного сотрудничества, обеспечивая взаимное признание добросовестности участников ВЭД и способствуя развитию предсказуемой международной торговли.

Особую роль в развитии института УЭО играет цифровизация таможенного администрирования. Электронное декларирование, система «одно окно», автоматическая регистрация деклараций на товары и интеллектуальный анализ данных обеспечивают новую скорость и прозрачность взаимодействия [4]. Все процессы между таможенными органами и операторами происходят в электронной среде, что способствует повышению доверия к государственным институтам.

Институт УЭО отражает стратегический курс ФТС России на построение сервисной модели государственного управления. Сегодня таможенные органы выступают не только контролерами, но и партнерами бизнеса, предоставляя консультации, поддержку и аналитические сервисы. Такая модель соответствует международным тенденциям *smart governance* – «умного управления», в рамках которого государство использует технологии для повышения эффективности и удобства административных процессов.

Таким образом, институт УЭО представляет собой один из наиболее успешных примеров реализации принципов государственно-частного партнерства в российской системе государственного управления. Он воплощает переход от традиционной модели «контроля» к модели «сотрудничества», основанной на доверии, цифровизации и взаимной ответственности. Сегодня статус УЭО является не просто юридическим понятием, а символом нового уровня отношений между властью и бизнесом, где эффективность

государства выражается не в количестве проверок, а в качестве предоставляемых услуг и степени доверия участников ВЭД.

Развитие института УЭО способствует упрощению ВЭД, ускорению товарооборота, снижению административных издержек и повышению инвестиционной привлекательности страны. Все это напрямую влияет на экономическое развитие государства и качество жизни граждан, поскольку формирует устойчивую, прозрачную и безопасную торговую среду. Совершенствование механизмов взаимодействия таможенных органов с бизнесом на основе института УЭО отвечает стратегическим целям Российской Федерации по созданию цифрового, открытого и сервисно-ориентированного государственного управления, направленного на экономический рост, технологическую модернизацию и укрепление доверия между государством и обществом.

Библиографический список

1. Лавренова Н.Г. Цифровизация налогового администрирования как направление развития клиентоориентированности федеральной налоговой службы // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2023. – № 2(23). – С. 10-12.
2. Чупина Ж.С. Развитие института уполномоченного экономического оператора в контексте обеспечения технологической и экономической безопасности России // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 2. – С. 351-359.
3. Взаимное признание статуса уполномоченного экономического оператора // ФТС России [офиц. сайт]. – URL: <https://customs.gov.ru/aeo/vzaimnoe-priznanie-statusa-upolnomo>.
4. Зиманова М.А. Исследование возможностей использования в деятельности таможенных органов перспективных технологий // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 4 (88). – С. 19-26.

Научный руководитель – Онов В.А., к.э.н., доцент

Проблема защиты персональных данных при использовании электронно-цифровых подписей в учреждениях социального обслуживания

Зубриков А.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время вопросы, касающиеся заказа и получения технических средств реабилитации (далее – ТСР) для недееспособных граждан, становятся все более актуальными. Такие средства необходимы для обеспечения комфортной жизни и улучшения качества жизни людей с ограничениями по здоровью. Основной задачей при этом является эффективное взаимодействие между опекунами, социальными учреждениями и государственными органами. Для предоставления государственной услуги по обеспечению инвалида ТСР потребуются: заявление; документ, удостоверяющий личность, а при обращении через представителя – документы, удостоверяющие его личность и подтверждающие его полномочия; свидетельство о рождении (для детей до 14 лет) [4].

Удобной и набирающей популярность формой оплаты становится приобретение технических средств реабилитации с использованием электронного сертификата. Заявление будет содержать номер национального платежного инструмента (банковской карты) [8]. При приеме и передаче документов и информации стационарные учреждения социального обслуживания все чаще стали использовать сервисы Единого портала государственных услуг [7]. Однако, возникает ряд сложностей и проблем. Во-первых, в учреждениях психоневрологического профиля количество недееспособных граждан может исчисляться сотнями человек. Во-вторых, опекуном для данной категории граждан является учреждение

в лице руководителя, и для постоянной, непрерывной работы по обеспечению граждан техническими средствами реабилитации требуется отдельный специалист, получающий полный доступ к личному кабинету должностного лица через электронно-цифровую подпись (далее – ЭЦП).

Рассмотрим порядок процедуры подачи заявления, заказа и получения технических средств получателю социальных услуг. Гражданин в стационарном учреждении социального обслуживания проживает на постоянной основе, зарегистрирован по месту постоянного жительства по фактическому адресу юридического лица. Инвалиды имеют право на бесплатное обеспечение техническими средствами реабилитации на основании индивидуальных программ реабилитации или абилитации, разрабатываемых бюро медико-социальной экспертизы в пределах средств, выделяемых из федерального бюджета [1]. Таким образом, гражданин проживающий в психоневрологическом интернате, имеет право на получение технических средств реабилитации через подачу заявления в территориальное отделение социального фонда России [9]. Далее формируется заявление на едином портале госуслуг через личный кабинет представителя, руководителя стационарного учреждения социального обслуживания. После проверки всех документов решается вопрос о выдаче электронного сертификата, самостоятельном выборе поставщика технических средств реабилитации, получению и оплате. Электронный сертификат выпускается в течение 5 дней [5].

Однако весь порядок усложняется количеством проживающих граждан, разнонаправленностью технических средств реабилитации и их специфическими особенностями. Гражданин в силу заболевания не имеет возможности самостоятельно выполнить, казалось бы, простые действия, поэтому всю работу по обеспечению ТСР ведут специалисты на местах, как правило, один или два человека из сотрудников социального отделения. Например, в КГБСУСО «Озерский психоневрологический интернат» данную работу ведет один специалист по социальной работе.

Имея доступ к личному кабинету руководителя на едином портале государственных услуг, через электронно-цифровую подпись специалисты выполняют все необходимые действия для оформления и получения технических средств реабилитации гражданам. Электронная цифровая подпись представляет собой криптографический способ подтверждения личности пользователя в электронном пространстве [3]. ЭЦП обеспечивает юридическую значимость электронных документов, позволяя совершать различные действия, такие как подача заявлений, получение услуг и доступ к личной информации. Использование ЭЦП для оформления заказов на технические средства реабилитации играет ключевую роль в упрощении взаимодействия между гражданами и государственными органами.

При этом, использование ЭЦП сопряжено с необходимостью обработки персональных данных, что требует соблюдения строгих норм законодательства о защите информации. В России основным нормативным актом в этой области является федеральный закон № 152 «О персональных данных». Персональные данные должны обрабатываться с соблюдением принципов законности, целесообразности, защищенности и анонимности [6]. Но, зачастую работник не понимает уровня ответственности и, работая с персональными данными других лиц, не принимает меры по защите личных данных как руководителя, так и получателя социальных услуг. Свободное использование персональных данных перечисленных лиц опекуна через единый портал государственных услуг, не обеспечивает полную защиту, а зачастую служит распространению личной информации.

Таким образом, в условиях реализации положений о защите персональных данных при использовании электронно-цифровых подписей ответственным сотрудником никаким образом не отработан вопрос о технической защите данных руководителя и/или получателя социальных услуг. Разделение индивидуального доступа единого портала госуслуг на личный кабинет физического лица (руководителя) и юридического/должностного лица, не предполагает работу с обращениями, в том числе и по обеспечению техническими

средствами реабилитации в закрытой части портала, обеспечивающей полную защиту данных его обладателей. Другими словами, руководитель имеющий доступ к своему личному кабинету, при выпуске усиленной квалифицированной электронно-цифровой подписи получает дополнительно доступ к разделу юридического лица. Но обязанности опекуна исполняет руководитель, а законодательство, регулирующее порядок оформления и обеспечения ТСР недееспособным получателям социальных услуг, не регламентирует специальный порядок обращения юридического лица, отсылая его до уровня обычного представителя, гражданина.

Таким образом, на федеральном и региональном уровнях необходимо внести изменения в административные регламенты, регулирующие государственные услуги по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации, предусматривающие особый режим доступа и подачи заявлений для юридических лиц, опекунов недееспособных граждан. Техническим специалистам единого портала государственных услуг важно обеспечить доступ к реализации полномочий опекунов через раздел юридического лица, стационарного учреждения социального обслуживания. На локальном уровне нужно предусмотреть ответственность и режим обращения с электронно-цифровыми подписями согласно законодательству о защите персональных данных.

Библиографический список

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52. – Ст. 7007.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.10.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.
3. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
4. О приобретении отдельных видов товаров, работ, услуг с использованием электронного сертификата: Федеральный закон от 30.12.2020 № 491-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1. – Ст. 30.
5. О порядке обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями: Постановление Правительства РФ от 07.04.2008 № 240 (ред. от 04.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 15. – Ст. 1550.
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
7. Об утверждении Административного регламента Фонда социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации и (или) услугами и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями, а также по выплате компенсации за самостоятельно приобретенные инвалидами технические средства реабилитации (ветеранами протезы (кроме зубных протезов), протезно-ортопедические изделия) и (или) оплаченные услуги и ежегодной денежной компенсации расходов инвалидов на содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников : Приказ ФСС РФ от 16.05.2019 № 256 (ред. от 18.08.2022) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
8. Шилок Т.О. Цифровой формат предоставления органами исполнительной власти государственной услуги гражданам по обеспечению средствами реабилитации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 11. – С. 50.
9. Кучеров И.И., Абрамов Н.Е., Боженок С.Я. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее. – Москва, 2022. – 272 с.

Научный руководитель – Гончарова Н.П., к.соц.н., доцент

К вопросу об информационной политике Федеральной налоговой службы России

Катунина Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Информационный диалог между государственными органами и гражданами представляет собой комплексную систему, выполняющую важные функции, среди которых: обеспечение прозрачности работы власти путем доведения информации до общественности, активное вовлечение граждан в процесс принятия решений, формирование позитивного имиджа государственных структур, а также систематический сбор мнений и предложений от населения. Согласно определению А.В. Мозолина: «информационная политика – это ряд целенаправленных действий, связанных с внедрением определенных информационных положений в сознание различных социальных групп и позволяющих сформировать и защитить положительный образ конкретного органа власти в целом» [1, с. 10].

Ключевым направлением государственной информационной политики является освоение и применение современных информационных и коммуникационных технологий для цифровизации и оптимизации процессов государственного управления. С 2007 г., в соответствии с поручением Президента РФ, использование информационных технологий стало обязательным критерием эффективности работы всех уровней власти. Государственная информационная политика ставит своей первоочередной задачей создание равных возможностей для всех граждан в доступе к информации и информационным услугам. Это рассматривается как ключевой фактор для социально-экономического развития, укрепления национальной безопасности и единства, а также для консолидации российского общества. Одной из задач национального проекта «Цифровая экономика» (2019-2024 гг.) являлось обеспечение возможность принятия управленческих решений на основе данных на базе единой цифровой платформы. В рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» планируется обеспечить к 2030 г. цифровыми платформами все ключевые отрасли экономики и сферы государственного управления для предоставления государственных услуг в формате онлайн и в проактивном режиме.

Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС России) в числе первых органов исполнительной власти приступила к созданию клиентоцентричной системы налогового администрирования. Это подразумевает, что ФНС обеспечивает прозрачность и доступность процедур уплаты налогов, а также строит отношения с налогоплательщиками на основе доверия, предсказуемости и сокращения административных барьеров. Принцип клиентоцентричности реализуется в контексте задач сервисной функции налоговых органов. Руководитель ФНС России Д. Егоров подчеркнул, что сервисная функция налоговой службы может оказывать влияние на объем уплаты налогов: «В перспективе, благодаря цифровизации, мы своими услугами можем обеспечивать эффективный сбор налогов, при этом сокращая издержки этого процесса» [2].

Приказом ФНС России «Об утверждении Положения об Управлении информационных технологий Федеральной налоговой службы» от 15 февраля 2017 г. поставлена задача обеспечения разработки и внедрения организационной и технологической составляющих системы информационного взаимодействия налоговых органов с ведомствами, налогоплательщиками [3]. Первым шагом в цифровой трансформации налогового администрирования стало внедрение автоматизированной информационной системы (далее – АИС) «Налог». Эта система была ориентирована на формирование единого комплекса цифровых ресурсов и сервисов ФНС России и на автоматизацию операционной деятельности налогового органа. Для удобства налогоплательщиков ФНС России создала и непрерывно развивает свой интернет-сайт, предлагающий широкий спектр электронных

сервисов. Полный перечень этих услуг можно найти на официальном портале ФНС России в разделе «Электронные сервисы», что дает возможность получения государственных услуг онлайн. На текущий момент функционирует свыше 70 сервисов, обеспечивающих дистанционное предоставление государственных услуг, тем самым формируя благоприятную среду для коммуникации налогоплательщиков с налоговым органом.

Эффективность применения цифровых технологий в деятельности налоговых органов можно оценивать по степени электронного взаимодействия с налогоплательщиком. В центральном аппарате ФНС России в июле 2025 г. на рассмотрении находилось 6 687 обращений граждан и организаций, в том числе: 5 770 обращений физических лиц (86% от общего числа обращений, поступивших в центральный аппарат ФНС России в отчетном периоде) и 917 обращений юридических лиц (14%). Обращения поступили по различным каналам связи, а именно: посредством электронного сервиса «Обратиться в ФНС России» – 5 004 обращения (75% от общего числа); по системе МЭДО – 1 106 обращений (17%), в том числе 440 обращений, поступивших из Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций; на бумажном носителе – 454 обращения (7%).

По сравнению с аналогичным периодом 2024 г. количество обращений увеличилось на 0,1% (в июле 2024 г. – 6 678 обращений), количество интернет-обращений увеличилось на 14% (в июле 2024 г. – 4 388), количество обращений граждан и организаций, поступивших по системе МЭДО, уменьшилось на 14% (в июле 2024 г. – 1 293), количество обращений, поступивших на бумажном носителе, уменьшилось на 50% (в июле 2024 г. – 454) [4]. Представленные данные свидетельствуют об эффективности выбранного вектора на цифровизацию и открытость. Данный подход способствует достижению приоритетных целей налогового администрирования, включая увеличение налоговых поступлений, легализацию экономической деятельности и укрепление налоговой дисциплины в обществе.

Современная информационная политика ФНС России представляет собой гибкую, многостороннюю и ориентированную на пользователя систему, открытую для взаимодействия. Перейдя от одностороннего информирования к диалогу, ведомство активно применяет цифровые технологии для упрощения и повышения прозрачности отношений с налогоплательщиками. Цифровизация налогового администрирования в России способствует автоматизации процессов и усилению контроля, что, в свою очередь, увеличивает бюджетные поступления и стимулирует налогоплательщиков работать в рамках правового поля.

Библиографический список

1. Мозолин А.В. Информационная политика органов власти // Российская школа связей с общественностью. – 2012. – № 4. – С. 4-62.
2. Минфин прогнозирует упрощение налоговой системы в России // Финам [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Rec2z>.
3. Об утверждении Положения об Управлении информационных технологий Федеральной налоговой службы: Приказ ФНС России от 15 февраля 2017 г. № ММВ-7-6/186@ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Справка о работе с обращениями граждан // ФНС [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Rec2E>.

Научный руководитель – Тяпкина О.А., к.и.н.

Система публичной власти: правовая природа и практическая реализация

Коновалов Д.О.

*Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого
г. Санкт-Петербург*

С 2020 г. российское конституционное законодательство содержит положения о системе публичной власти, еще ранее категория «публичная власть» использовалась в практике Конституционного Суда Российской Федерации [1]. Примечательно, что

соответствующие преобразования нисколько не затронули категорию «государственное управление» [2, с. 21].

Для того чтобы провозгласить системность любого объекта, тем более отразить это в основном законе государства, требуется предварительно признать его целостность и единство. Публичная власть и ее системная организация рассматривались многими исследователями, в свою очередь новеллы законодательства закономерно способствовали формированию еще большего интереса к публичной власти со стороны научного сообщества. Филиппова Н.А. пишет о трех основных современных подходах, используемых для раскрытия публичности применительно к власти, среди них исследователь выделяет: организационное единство и общность происхождения властных структур, нераздельность их полномочий, а также корреляцию с публичным интересом [3, с. 174]. То есть, сущность единственной в государстве легитимной и легальной власти, представленной в различных формах и видах, рассматривается исследователями именно через ее целостность и единство.

Становление системы публичной власти в определенном смысле является следствием достижения баланса между государством, как формальной организацией, и обществом, имеющим естественную природу. Современное демократическое правовое государство, как и составляющее его общество, взаимно заинтересованы в создании вертикали власти, признающей при этом единовременно многообразие общества и его единство. В этой связи немаловажным фактором является повышение роли гражданского общества, участвующего в различных формах в жизни государства и общества.

С теоретико-правовой точки зрения, принципиально учитывать, что система публичной власти и система публичного управления не тождественны. Безусловно, система публичного управления, как и система публичной власти, направлена на улучшение качества жизни граждан и общества. Однако, вне зависимости от выбранного подхода к реализации публичного управления, субъективный состав участников таких отношений весьма масштабен, а управленческие функции не находятся строго во взаимосвязи с природой государства [4, с. 41-43]. Применительно к системе публичной власти отметим, что никакие иные структуры кроме органов публичной власти не создаются для того чтобы осуществлять властные полномочия и быть равноправной стороной публично-властных отношений. Полагаем, что соответствующая аргументация была принята за основу отечественным законодателем, при конструировании дефиниции для единой системы публичной власти.

В ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» раскрывается понятие «единая система публичной власти», а вместе с тем указано, что органы публичной власти осуществляют свою деятельность «в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства» [7]. Считаем, что приведенное положение законодательства не только содержит легальную дефиницию для новой конституционной категории, но и в определенном смысле выполняет идеологическую функцию, поскольку прямо предусматривает общегосударственную цель, в соответствии с которой функционирует вся система публичной власти [5, с. 45-46].

Заключительный этап обновления системы публичной власти на местном территориальном уровне отнюдь не означает, что выстраиваемая модель организации публичной власти не содержит направлений для ее дальнейшего совершенствования [6, с. 87]. Не возникает сомнений в том, что национальная специфика имеет влияние на принципы организации публичной власти в государстве, что, тем не менее, нисколько не влияет на политико-правовую природу и сущность публичной власти. Отметим, что проводимое совершенствование системы публичной власти в законодательстве привносит потенциал для развития системы государственного и муниципального управления.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и

- «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – № 303. – 2012.
2. Старилов Ю.Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 1(40). – С. 20-31.
3. Филиппова Н.А. Правовая природа публичной власти: доктрина и закон // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 2 (30). – С. 167-176.
4. Кайль Я.Я., Ламзин Р.М. Сущность, структура и отличительные особенности системы публичного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 4. – С. 41-47.
5. Коновалов Д.О. Дефинитивная норма в современном российском законодательстве о публичной власти: теоретико-правовой анализ // Правовая культура. – 2024. – № 3(58). – С. 43-47.
6. Ломова Н.Г. Конституционно-правовые основы формирования публичной власти // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2024. – № 22. – С. 86-87.
7. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Российская газета. – № 280. – 2020.

Научный руководитель – Третьяков И.Л., д.ю.н., профессор

Поручение Президента Российской Федерации как инструмент «ручного» управления

Кусакин А.А.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород*

Поручение Президента Российской Федерации является закономерным развитием системы коммуникации между главой государства и органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов, иными органами публичной власти (Федеральное Собрание РФ, Верховный Суд РФ, органы прокуратуры РФ, Банк России и т.д.), а также крупными коммерческими организациями и общественными объединениями современной России.

Вместе с тем поручение главы государства, изначально представляющее собой внутриорганизационный инструмент коммуникации между Президентом РФ, членами его Администрации и Правительства РФ, к настоящему моменту трансформировалось в конституционно значимый юридико-управленческий феномен, чье значение в правовом поле российского государства сложно переоценить. Путем поручения Президент РФ решает как глобальные вопросы общегосударственного значения, так и запускает отдельные узконаправленные юридические процедуры, по типу внеплановых проверок контролируемых лиц или мероприятий президентского контроля.

Однако вместе с тем вопрос о том, какую именно роль в государственном управлении играет поручение, является открытым и дискуссионным. Также слабо раскрыта функция поручения как инструмента публичного управления, при помощи которого глава государства решает вопросы местного, регионального и федерального значения, ставит задачи субъектам – адресатам поручений Президента РФ, указывает на основные направления развития государства и общества.

В связи с этим настоящее исследование является актуальным и отвечающим духу своего времени, целью исследования является установление особенностей поручения главы государства как сформировавшегося в течение длительной практики публичного управления государственно-властного инструмента коммуникации между главой государства и иными органами публичной власти, крупнейшими коммерческими организациями и общественными объединениями.

Для начала следует отметить, что в современной научной литературе и в публицистике отечественную форму правления относят к полупрезидентской [6, с. 34; 3; 2] или к суперпрезидентской [4, с. 116; 8, с. 186] республикам (в отдельных случаях Россию характеризуют в качестве «гиперпрезидентской» республики [9]). Президентская власть в данном случае классифицируется как отдельная, стоящая за рамками разделения властей, глава государства рассматривается как выражение публичной власти и координатор взаимоотношений органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

В этом аспекту ключевыми особенностями осуществления Президентом РФ власти являются непосредственность, конституционность, связка с деятельностью иных органов публичной власти и взаимодействие не только с органами публичной власти, но и с представителями организаций и гражданами. Часто Президент РФ издает поручения по результатам проведения им публичных мероприятий, что отражается в тематике издаваемых им поручений. В ходе указанных мероприятий глава государства ведет прямой диалог с представителями общественности, с гражданами, что позволяет ему выявлять точечные или глобальные проблемы в обществе и давать обратную связь в виде поручений.

Такая методика государственного управления может именоваться «ручным управлением» [7, с. 155], то есть ситуацией, когда инициативу в решении вопросов, касающихся компетенции местных органов власти либо территориальных единиц федеральных органов государственной власти, берут на себя высшие органы государственной власти (чаще всего это глава государства либо «коллективный» глава государства – парламент, кабинет министров и тому подобное). При этом система права и законодательства в таком государстве является достаточно развитой и структурированной, однако в ряде случаев требуется вмешательство высших органов власти для разрешения конкретных проблем, формально отнесенных к компетенции нижестоящих публичных органов: к примеру, вследствие несовершенства законодательства, противоречия в правоприменительной практике либо человеческого фактора.

Поручения нельзя именовать абсолютным выражением «ручного» управления государством, поскольку их применение находит место в самых разнообразных сферах общественных отношений и направлено на решение множества разнообразных вопросов [5]. Однако отрицать наличие такой функции у поручений главы государства не стоит, поскольку это прослеживается из направленности некоторых поручений. К примеру, Президент РФ вправе издавать поручения с формулировками «принять меры», «рассмотреть вопрос», «обеспечить» применительно к конкретной жизненной ситуации. Также глава государства в порядке коммуникации с представителями общественности и гражданами может дать поручения более глобального характера, вытекающие из необходимости решить представленную перед Президентом РФ жизненную ситуацию и ситуации, аналогичные ей.

При этом, как указал пресс-секретарь Президента РФ, с 2012 по 2019 гг. выполнено более 86% поручений главы государства [1], что свидетельствует об эффективности избранной главой государства методики «ручного» управления.

Таким образом, поручение Президента РФ представляет собой, кроме всего остального, инструмент «ручного» управления государством, при помощи которого глава государства ставит перед компетентными органами задачу решить поставленные перед самим Президентом РФ злободневные точечные проблемы, касающиеся как конкретных граждан, так и отдельных сфер общественных отношений.

Библиографический список

1. В Кремле озвучили процент выполненных поручений Путина [сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/2631553>.
2. Гелиева И.Н. Некоторые вопросы формы государственного правления в России // Общество и право. – 2008. – № 1 (19). – С. 42-45.
3. Грузинов В.А. Форма правления современного российского государства: автореф. дис. ... к.ю.н. – Саратов, 2008. – 26 с.
4. Кондрашев А.А. Форма правления и форма государственного устройства в России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционный вестник. – 2021. – № 6 (24). – С. 108-116.

5. Лексин В.Н. Институт поручений в практике государственного «ручного управления» // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 7. – С. 8-15.
6. Мельникова М.В. Форма правления в современной России // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2018. – № 1 (20). – С. 30-34.
7. Минаев А.В., Чепунов О.И. Государственное управление и «Ручной режим» // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (28). – С. 151-156.
8. Овчинникова О.Д., Шаганиян А.М. Особенности формы правления российского государства на современном этапе развития // Философия права. – 2020. – № 4 (95). – С. 183-187.
9. Сурков высказался за закрепление «гиперпрезидентской» формы правления в Конституции РФ [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RecXN>.

Научный руководитель – Баранова М.В., д.ю.н., профессор

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае

Литвинова А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Экономика Алтайского края, как и страны в целом, находится в прямой зависимости от глобальных макроэкономических тенденций, конъюнктуры международных рынков, а также от геополитической ситуации. Особенно уязвимым является сектор малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) ввиду ограниченного доступа к финансовым ресурсам, меньшего масштаба операционной деятельности и недостаточной диверсификации рынков сбыта. Данные факторы способны провоцировать снижение объемов производства, сокращение рабочих мест и дестабилизацию регионального платежеспособного спроса. Поэтому, в контексте обозначенной проблематики, государственная политика, направленная на поддержку МСП, приобретает стратегическое значение.

На сегодняшний день Алтайский край имеет развитую инфраструктуру государственной поддержки, которая формировалась на протяжении многих лет. Ответственным органом, определяющим стратегические направления и координирующим усилия всех участников процесса, является Управление Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры. Центральное звено в реализации региональной политики – некоммерческая организация «Алтайский Фонд развития МСП» [1].

Таблица 1 – Государственная поддержка МСП в Алтайском крае за 2019-2024 гг. [2]

Количество фактов поддержки, единиц	Год					
	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Всего	9 708	52 032	20 634	22 228	24 460	18 089
В том числе:						
Финансовой	2 531	42 312	11 193	11 795	6 385	3 506
Информационной	2 410	3 886	2 624	2 411	4 374	2 782
Образовательной	2 084	2 480	2 305	2 290	4 390	4 034
Консультационной	2 632	3 159	4 444	5 687	9 237	7 691
Имущественной	51	195	68	45	74	76

Если рассматривать динамику оказания поддержки в регионе, то можно отметить, что наибольший прирост наблюдается в 2020 г. Пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом для всех сфер жизни, внеся кардинальные изменения в привычные модели взаимодействия между бизнесом, государственными структурами и институтами поддержки. В Алтайском крае была предпринята комплексная работа по реализации федеральных мер, направленных на смягчение последствий кризиса для предпринимательства. Одновременно с этим,

значимую роль сыграла помощь, предоставляемая на региональном уровне, в форме целевых субсидий и финансовой поддержки. Алтайский фонд микрозаймов продемонстрировал оперативность, пересмотрев около 100 действующих кредитных договоров и успешно пролонгировав сроки их погашения. Помимо этого, фонд инициировал выдачу 137 новых займов, направив более 268 млн руб. на развитие перспективных проектов малого бизнеса. Особое внимание было уделено предпринимателям из пострадавших отраслей, которые получили доступ к займам под символические 3% годовых. В целом, общая сумма государственной финансовой помощи, предоставленной субъектам предпринимательства Алтайского края, достигла отметки в 8,3 млрд руб. [3, 6].

В 2021 г. Алтайский край продолжал функционировать в режиме повышенной готовности. Бизнес по-прежнему нуждался в поддержке, а федеральные программы продолжали свою работу. Субсидии на покрытие расходов в период нерабочих дней, аналогичные одному МРОТ на каждого работника, стали существенной поддержкой для 6 388 организаций Алтайского края. Благодаря им удалось сохранить рабочие места для более чем 25 тыс. чел., а общий объем выплат составил 318,4 млн руб. Параллельно с этим, в 2021 г. продолжалась реализация индивидуальной программы социально-экономического развития региона. За два года 358 субъектов бизнеса получили адресную помощь в виде субсидий на приобретение оборудования на общую сумму около 500 млн руб. Важным направлением стало информационно-консультационное сопровождение бизнеса. В общей сложности было оказано 7 068 услуг [6].

Начало 2022 г. принесло российскому бизнесу новое испытание – введение внешних экономических санкций со стороны США и ряда других недружественных стран. Были приняты льготные программы по займам и поручительствам, количество которых составило 450 ед. Кроме того, был докапитализирован фонд финансирования предпринимательства на 101 млн руб. Уполномоченным по защите прав предпринимателей в Алтайском крае был организован специальный проект, в рамках которого команда из представителей органов власти посетила 8 муниципальных образований с целью личного взаимодействия и информирования о существующих мерах поддержки [4].

В 2023 г. одним из стратегических направлений поддержки стало создание сети промышленных технопарков. Цель этого проекта – стимулирование инновационного производства и диверсификация экономики региона. Для реализации этой масштабной инициативы удалось привлечь 1,5 млрд руб. из федерального бюджета [6].

К 2024 г. государственная поддержка в рамках индивидуальной программы социально-экономического развития Алтайского края охватила 279 субъектов бизнеса. Благодаря этому, компании смогли привлечь 2,5 млрд руб. на инвестиционные цели, а также создать 1 295 новых рабочих мест. Отдельное внимание уделялось поддержке экспортно-ориентированного бизнеса. Центр поддержки экспорта оказал 744 информационно-консультационные услуги 395 субъектам бизнеса, способствуя их успешной внешнеэкономической деятельности [5].

Таким образом, Алтайский край демонстрирует последовательную и адаптивную политику государственной поддержки МСП, реагирующую на меняющиеся экономические условия и направленную на обеспечение устойчивости, стимулирование инвестиций и развитие как внутреннего, так и внешнего экономического потенциала региона.

Библиографический список

1. Алтайский фонд развития МСП [офиц. сайт]. – URL: <https://мойбизнес22.рф>.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки [офиц. сайт]. – URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru>.
3. Мельникова Ю.О. Поддержка малого и среднего бизнеса в Алтайском крае // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ. Барнаул, 2021. – С. 529-531.
4. Прокопенко И.А. Влияние санкций на развитие малого и среднего предпринимательства // Наука и просвещение. – 2023. – № 8. – С. 36-39.
5. Управления Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры: [офиц. сайт]. – URL: <https://altsmb.ru>.

Проблемы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти

Лобкова К.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В соответствии с частью 1 ст. 1 и 2 Конституции Российской Федерации [1], Россия провозглашается демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью признаются человек, его права и свободы. Взаимодействие органов публичной власти с гражданами является ключевым элементом функционирования демократического общества. Одной из основных гарантий участия граждан в управлении делами государства выступает право на обращение в органы публичной власти. Это право закреплено в ст. 33 Конституции РФ, а также в ст. 2 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2].

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в последние годы наблюдается активный рост заинтересованности граждан Российской Федерации к участию в управлении государственными делами, что требует от органов публичной власти более открытого и конструктивного взаимодействия с населением. Несмотря на формальную гарантированность, практика реализации данного права свидетельствует о наличии системных проблем, препятствующих его эффективному осуществлению.

В соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона № 59-ФЗ, письменное обращение, содержащее вопросы, решение которых не входит в компетенцию данных государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, направляется в течение семи дней со дня регистрации в соответствующий орган или соответствующему должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов, с уведомлением гражданина, направившего обращение [3].

Так, одной из проблем реализации конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти является сложность в выборе надлежащего органа публичной власти, который будет компетентен в рассмотрении соответствующего обращения. В данном случае, граждане, не обладающие юридическими знаниями, а также в силу незнания компетенций органов публичной власти, не имеют возможности самостоятельно определить, какой орган уполномочен рассмотреть их обращение. В результате, их обращения могут поступить в орган, не обладающий соответствующими полномочиями. В данном случае, право на обращение теряет свою эффективность, так как перенаправления в соответствующие органы публичной власти обращений граждан занимают определенное время, что приводит к затягиванию сроков их рассмотрения.

Значительным недостатком выступает формальный характер деятельности органов публичной власти при рассмотрении обращений граждан. В соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 59-ФЗ, государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица обязаны обеспечивать объективное, всестороннее и своевременное рассмотрение обращений [4]. Однако на практике используются шаблонные ответы на обращения, которые представляют собой их поверхностный анализ без погружения в суть. Кроме того, ответ может содержать ссылки на нормативно правовые акты без каких-либо объяснений и рекомендаций по решению поставленных вопросов. В данном случае, деятельность органов публичной власти сводится к выполнению минимальных требований

законодательства без реального решения поставленных в обращении вопросов. В результате, это приводит к росту недовольства граждан деятельностью органов публичной власти, а также к снижению их доверия к ним.

Серьезную проблему по-прежнему представляет соблюдение органами государственной и муниципальной власти установленных законом сроков при рассмотрении обращений граждан. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 59-ФЗ, письменное обращение, поступившее в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления либо конкретного должностного лица, должно быть рассмотрено не позднее тридцати дней со дня его регистрации [5]. В исключительных ситуациях данный срок допускается продлить, однако не более чем еще на тридцать дней. Однако на практике формально установленные сроки часто не соблюдаются, особенно при сложных межведомственных взаимодействиях и высокой нагрузке. Продолжительный период рассмотрения обращений граждан препятствует своевременному решению указанных вопросов, что порождает неэффективность взаимодействия между населением и органами публичной власти.

Несмотря на наличие ст. 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором закреплена административная ответственность должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений и иных структур, наделенных полномочиями по осуществлению публично значимых функций, за нарушение установленного порядка рассмотрения обращений граждан [6], следует отметить, что действующий механизм правового воздействия не предусматривает непосредственного возложения ответственности на сами органы публичной власти, допустившие подобное правонарушение.

Следовательно, даже при достижении определенных результатов в сфере нормативного регулирования реализации конституционного права граждан на обращение в органы государственной и муниципальной власти, сохраняется ряд нерешенных проблем, свидетельствующих о необходимости дальнейшего совершенствования правоприменительной практики и механизмов ответственности в данной области. Решение данных проблем возможно только при условии реального обеспечения данного права путем повышения ответственности органов публичной власти и формировании культуры результативного взаимодействия с гражданами.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята все народным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

Научный руководитель – Витько М.В., к.п.н.

Организационно-управленческие особенности отдела строительства, ресурсного и материально-технического обеспечения Министерства спорта Алтайского края

Магомедалиев Ш.М.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современные тенденции в системе управления, в том числе в процессе формирования наиболее подходящих организационных структур, требуют внедрения и использования новых организационных подходов. Рациональная организационная структура, обеспечивающая выполнение поставленных задач в условиях ограниченных ресурсов и высокой ответственности за результаты деятельности, должна быть у современных органов власти. Формирование организационной структуры происходит согласно требованиям разнообразных нормативно-правовых актов. Организационная структура должна сочетать дисциплину, управляемость и функциональную специализацию служащих.

Отдел строительства, ресурсного и материально-технического обеспечения Министерства спорта Алтайского края представляет собой пример компактной, но эффективной линейно-функциональной структуры, обеспечивающей выполнение задач в области капитального строительства, снабжения и контроля за реализацией государственных программ в спортивной сфере региона.

В 2025 г. в отделе работало три человека: начальник, консультант-главный специалист и заместитель министра, курирующий деятельность отдела. Структура построена по принципу единоначалия и функционального разделения обязанностей, что обеспечивает последовательность принятия решений от стратегического до исполнительного уровня. К преимуществам линейно-функциональной структуры можно отнести: четкое распределение полномочий и ответственности; высокую управляемость и оперативность решений; согласованность действий и простота контроля. К недостаткам можно отнести следующее: высокую нагрузку на руководителя, ограниченные возможности специализации и зависимость эффективности работы коллектива от личных качеств руководителя. Однако при небольшой численности персонала такие минусы компенсируются быстрыми коммуникациями и слаженностью работы. Основные управленческие функции отдела включают планирование, организацию, контроль и отчетность:

- Планирование охватывает разработку годовых планов строительства и закупок.

- Организация включает взаимодействие с подрядчиками и снабжение учреждений оборудованием.

- Контроль – это технический надзор, проверка сроков и качества работ.

- Отчетность обеспечивает анализ эффективности использования бюджетных средств.

Организационная структура отдела строительства, ресурсного и материально-технического обеспечения Министерства спорта Алтайского края отвечает принципам эффективности, прозрачности и ответственности, что является необходимым и важным для современных условий. Линейно-функциональная модель обеспечивает дисциплину, управляемость и четкое распределение обязанностей, что особенно важно при реализации государственных программ в сфере спорта. Для повышения эффективности работы целесообразно рассмотреть расширение штата (например, введение инженера-проектировщика или экономиста) и внедрение цифровых систем управления проектами, что повысит прозрачность и качество процессов. В перспективе внедрение цифровых инструментов и расширение кадрового состава позволит укрепить потенциал подразделения и повысить качество исполнения возложенных на него задач.

Библиографический список

1. Кононенко А.В., Дорофеева Е.Н., Беспалова Н.В. Политика Российской Федерации в области спорта: новые ориентиры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – № 4. – С. 184-189.
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
3. Ясинская А.Н. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: опыт Алтайского края // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2024. – С. 72-73.

Научный руководитель – Пашкова Е.Ю., к.и.н.

Социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации

Мадиев Ш.М.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления
г. Екатеринбург*

Социальная защита инвалидов представляет собой совокупную, комплексную систему государственных гарантий, направленных на обеспечение равных, единых возможностей для людей с ограниченными возможностями здоровья. В Российской Федерации эта система базируется на фундаментальных принципах, закрепленных в Федеральном законе от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [1]. Данный нормативный акт устанавливает правовые основы государственной политики в отношении инвалидов и определяет механизмы их социальной поддержки.

Основными направлениями государственной поддержки инвалидов в Российской Федерации являются:

- пенсионное обеспечение, включающее страховую пенсию по инвалидности для лиц с трудовым стажем и социальную пенсию для тех, кто не имеет необходимого стажа;
- система ежемесячных денежных выплат (далее – ЕДВ), от группы инвалидности зависит ее размер. ЕДВ частично заменяет существовавшие ранее льготы в денежном выражении;
- предоставление набора социальных услуг (далее – НСУ), которое состоит из обеспечения категории необходимыми лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, путевок на санаторно-курортное лечение при наличии медицинских показаний. Также включен бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте и к месту лечения;
- обеспечение техническими средствами реабилитации (далее – ТСР) в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации (далее – ИПРА), куда входят кресла-коляски, протезно-ортопедические изделия, слуховые аппараты, тифлотехника и другие специализированные устройства, помогающие компенсировать ограничения жизнедеятельности, повысить мобильность и самостоятельность человека.

В совокупности все эти меры направлены не только на материальную поддержку, но и на создание условий, являющихся необходимыми, незаменимыми для полноценной интеграции инвалидов в общество, их активного участия во всех сферах жизни страны на благо всего общества [1].

Значимым шагом для развития системы социальной защиты стала реализация государственной программы «Доступная среда», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363 [2]. Программа предусматривает комплексный подход к созданию безбарьерной среды, включая адаптацию объектов социальной,

транспортной и инженерной инфраструктуры, а также формирование инклюзивного общества через информационно-просветительские мероприятия [3].

Важным инструментом современной социальной политики, обеспечивающим цифровизацию и повышение эффективности всей системы поддержки, является Федеральный реестр инвалидов (далее – ФРИ), который представляет собой комплексную государственную информационную систему, аккумулирующую в себе все ключевые сведения о каждом гражданине, признанном инвалидом, включая установленную группу инвалидности, причины и сроки ее установления, а также подробные данные об ИПРА, содержащей перечень рекомендованных технических средств реабилитации, видов реабилитационных и абилитационных мероприятий [4]. Этот централизованный электронный ресурс оптимизирует процесс предоставления социальных услуг и льгот, исключая необходимость для инвалида многократно предоставлять одни и те же документы в различные инстанции, поскольку вся информация становится доступна уполномоченным органам в режиме онлайн, что, в свою очередь, значительно повышает эффективность межведомственного взаимодействия между Социальным фондом России, учреждениями медико-социальной экспертизы, органами социальной защиты населения, региональными министерствами здравоохранения и образования, обеспечивая сквозной и оперативный контроль за исполнением всех мероприятий, предусмотренных ИПРА, и формируя целостную картину о реальных потребностях и уровне жизни данной категории граждан для дальнейшего совершенствования государственной политики.

Несмотря на достигнутые успехи, система социальной защиты инвалидов продолжает сталкиваться с серьезными вызовами. Как отмечает А.С. Пугачев, ключевыми проблемами остаются региональная дифференциация в качестве предоставляемых услуг, недостаточная развитость инфраструктуры реабилитационных центров и сохраняющиеся барьеры в сфере образования и трудоустройства инвалидов [5].

Таким образом, современная система социальной защиты инвалидов в Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся систему, эволюционирующий комплекс мер, направленных на обеспечение равных возможностей и полноценной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в общество. Дальнейшее совершенствование этой системы требует комплексного подхода и учета как международного опыта, так и специфики российских социально-экономических условий.

Библиографический список

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из справочно-прав. системы Консультант Плюс.
2. О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда»: Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363 (ред. от 01.12.2024) // Доступ из справочно-прав. системы Консультант Плюс.
3. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» // Министерство труда и социальной защиты РФ [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RiTWS>.
4. Федеральный реестр инвалидов [офиц. сайт]. – URL: <https://sfri.ru>.
5. Пугачев А.С. Проблемы социальной защиты лиц с ограниченными возможностями здоровья // Научные исследования в образовании. – 2008. – № 8. – С. 89-92.

Научный руководитель – Вишневская А.В., к.ф.н., доцент

Проблемы информирования граждан о мерах социальной поддержки в Санкт-Петербурге

Нурмагомедова М.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург*

Эффективность системы социальной поддержки населения в современных условиях определяется не только объемом выделяемых ресурсов, но и доступностью информации о предоставляемых мерах помощи для различных категорий граждан. В Санкт-Петербурге, являющимся одним из крупнейших мегаполисов России с развитой социальной инфраструктурой, проблема информирования населения о мерах социальной поддержки приобретает особую актуальность в контексте цифровой трансформации и возрастающих требований к качеству государственных услуг. Несмотря на значительные усилия городских властей по развитию системы социальной защиты, сохраняются серьезные вызовы, связанные с обеспечением равного доступа к информации для всех социально-демографических групп.

Согласно данным Росстата на 2023 г. в РФ только 62% российских семей были полностью осведомлены о положенных им мерах социальной поддержки [1]. В Санкт-Петербурге этот показатель несколько выше – около 68%, однако сохраняется значительный информационный разрыв между различными социально-демографическими группами населения. Особенно тревожной выглядит ситуация с информированием граждан старшего поколения: среди лиц старше 60 лет только 43% полностью осведомлены о доступных мерах поддержки. Еще более низкие показатели демонстрируют такие уязвимые категории, как инвалиды и многодетные семьи, где уровень информированности не превышает 35-40% [2].

Основной проблемой современной системы информирования является ее выраженная фрагментарность. Информация о социальных мерах поддержки распределена между разными ресурсами: официальным порталом Администрации Санкт-Петербурга, порталом «Госуслуги», специализированным порталом «Социальный кодекс Санкт-Петербурга», а также сайтами районных администраций и профильных комитетов. Как отмечает Т.М. Малева в исследовании РАНХиГС, «разделение информации между различными ведомственными порталами создает дополнительные барьеры для граждан, особенно пожилого возраста, которые не всегда способны ориентироваться в сложной структуре цифрового пространства» [3, с. 78]. Это подтверждается данными мониторинга, согласно которым среднее время поиска информации о конкретной мере социальной поддержки составляет от 15 до 45 минут даже для опытных пользователей [8].

Серьезной проблемой является цифровое неравенство среди различных групп населения. Согласно исследованию ФОМ, только 65% россиян в возрасте 55+ используют интернет [4]. Среди пользователей интернета старше 60 лет только 35% регулярно ищут информацию о государственных и муниципальных услугах онлайн [5]. Это создает существенные препятствия для доступа к актуальной информации о мерах социальной поддержки. Особенно остро эта проблема стоит в отдаленных районах Санкт-Петербурга, где уровень проникновения широкополосного интернета остается ниже среднегородских показателей [9].

Особого внимания заслуживает проблема сложности восприятия официальной информации. Как показало исследование НИУ ВШЭ, проведенное в 2023 г., 72% респондентов отмечают сложность понимания официальных текстов, описывающих меры социальной поддержки [6]. Использование бюрократической терминологии, сложных формулировок и отсутствие конкретных примеров значительно затрудняют понимание условий предоставления помощи и процедур ее оформления. Это особенно критично для

малограмотных слоев населения и мигрантов, которые и без того сталкиваются с дополнительными барьерами при получении социальных услуг.

Дополнительную сложность представляет ограниченность офлайн-каналов информирования. По данным исследования ВЦИОМ, 45% пожилых россиян предпочитают получать информацию через традиционные СМИ и печатные материалы [8]. Однако, как показывает практика, распространение печатных материалов о мерах социальной поддержки осуществляется недостаточно системно. Информационные стенды в учреждениях социальной защиты часто содержат устаревшую информацию, а тиражи брошюр и памяток не покрывают потребности всех заинтересованных граждан. Особенно остро эта проблема ощущается в сельских поселениях, где доступность покупки печатных изданий значительно ниже.

Еще одной значимой проблемой является недостаточная адаптация информации для людей с ограниченными возможностями здоровья. Согласно мониторингу доступности официальных сайтов, проведенному в 2023 г., только 30% региональных порталов социальной направленности полностью соответствуют требованиям доступности для людей с нарушениями зрения [8]. Отсутствие версий для слабовидящих, субтитров для видео-контента и материалов на языке Брайля создает дополнительные барьеры для информирования уязвимых категорий населения. Эта проблема усугубляется недостаточным количеством сурдопереводчиков и тифлокомментаторов в учреждениях социальной сферы [10].

В качестве перспективных направлений решения выявленных проблем можно предложить создание единого информационного портала с персонализированным кабинетом гражданина и развитие сети «социальных навигаторов» на базе МФЦ. Также целесообразно внедрение системы регулярного мониторинга удовлетворенности граждан качеством получаемой информации для своевременной корректировки информационной политики. Особое внимание следует уделить развитию офлайн-каналов информирования, особенно в отдаленных районах и для социально уязвимых групп населения.

Библиографический список

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. – 2023: Стат.сб. // Росстат. – М., 2023. – 331 с.
2. Доступность цифровых социальных услуг для пожилых граждан / под ред. Т.М. Малевой; РАНХиГС. – М., 2023. – 104 с.
3. Малева Т.М. Социальная политика в современной России: вызовы и перспективы. – М., 2022. – 256 с.
4. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2023-2024 // ФОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://fom.ru/Sreda-razvitiya/14732>.
5. Российские пенсионеры: цифровая грамотность и использование интернета // НАФИ [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RiTmH>.
6. Социальные лифты и цифровые барьеры: монография / под ред. Л.Н. Овчаровой. – М., 2023. – 278 с.
7. Медиапотребление в России – 2023 // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3Rh7PM>.
8. Мониторинг доступности официальных сайтов для людей с ограниченными возможностями здоровья // Министерство труда и социальной защиты РФ [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RiTTr3>.
9. Интернет в Санкт-Петербурге и Ленобласти: широкополосное наступление // 47 NEWS [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.47news.ru/articles/32855/?ysclid=mhbujbjphk380453612>.
10. Незримая тень. В Петербурге наблюдается нехватка сурдопереводчиков // Ведомости [Электронный ресурс]. – URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/nezrimaya-ten-v-peterburge-nablyudaetsya-nekhvatka-surdoperevodchikov>.

Научный руководитель – Осипова Д.В., к.соц.н., доцент

Анализ кадрового состава военного комиссариата в современных условиях (на примере Алтайского края)

Овчинников В.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Военные комиссариаты как территориальные органы Министерства обороны Российской Федерации представляют собой краеугольный камень в системе обеспечения обороноспособности страны. В условиях современных геополитических вызовов и проведения специальной военной операции роль военных комиссариатов многократно возросла, что требует от них бесперебойной и высокоэффективной работы в режиме постоянной высокой нагрузки.

Невозможно выделить одну основную задачу деятельности военного комиссариата, так как они выполняют целый ряд задач: от организации собственной деятельности до работы с архивными документами военнослужащих [2]. Военный комиссариат субъекта Российской Федерации решает комплекс ключевых задач:

- осуществляет набор на контракт (вспомогательная функция для ПОВСК);
- обеспечивает мобилизационную готовность;
- организывает призыв граждан на военную службу и медицинское освидетельствование;
- ведет воинский учет, что подразумевает осуществление первичного и общего учета военнообязанных и призывников;
- занимается вопросами социального и пенсионного обеспечения, то есть реализует социальные гарантии для военнослужащих, ветеранов и членов их семей;
- проводит военно-патриотическую работу и подготовку граждан к военной службе [1].

В текущих условиях приоритетными направлениями деятельности стало выполнение задач в рамках специальной военной операции, что многократно увеличило объем и сложность работы. В 2025 г. в военном комиссариате Алтайского края трудоустроено за последний период 1 000 чел. Это преимущественно мужчины, что подтверждает рисунок 1, поскольку служба предполагает наличие воинских званий, которые зачастую отсутствуют у женщин.

Рисунок 1 – Структура служащих военного комиссариата
Алтайского края по полу в 2025 г., %

Характеризуя возрастной состав коллектива военного комиссариата, стоит отметить его планомерное старение. Это происходит из-за отсутствия трудоустройства молодых специалистов. Фактически средний возраст служащих военного комиссариата субъекта Российской Федерации составляет 50 лет (рис. 2).

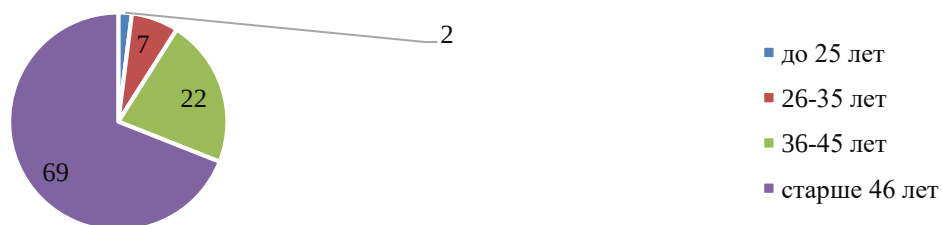

Рисунок 2 – Структура служащих военного комиссариата Алтайского края по возрасту в 2025 году, %

Также в военном комиссариате, Алтайского края введены специальные должности, для военнослужащих, которые получили ранения в период специальной военной операции, и захотели продолжить службу в военных комиссариатах. Количество таких военнослужащих порядка 100 чел.

Из них имеющие инвалидность:

- 1 группы – 4 чел.;
- 2 группы – 65 чел.;
- 3 группы – 24 чел.;
- не имеющих инвалидность – 7 чел.

Для оценки эффективности работы военного комиссариата в Алтайском крае в 2025 г. был проведен опрос его сотрудников в количестве 325 чел. Основной целью опроса была оценка рабочей нагрузки в условиях СВО и выявление зон психологического напряжения в коллективе, связанного, в том числе с кадровым дефицитом.

Результаты опроса свидетельствуют о высоком уровне слаженности и профессионализма в работе военного комиссариата субъекта Российской Федерации, которые успешно функционируют в условиях значительного увеличения объема задач. Однако абсолютное большинство респондентов (89%) отметили значительное увеличение объема работы в связи с проведением СВО, 58% респондентов задерживались на работе после окончания трудового дня, 7% приходили на работу в выходные дни. Это свидетельствует о высоком объеме работы, который в условиях СВО лег на военный комиссариат. Несмотря на это, 82% сотрудников указали, что коллектив успешно справляется с повышенными вызовами благодаря четкой организации процессов и личной ответственности каждого специалиста. Отметим, что средний стаж служащих комиссариата составляет 26 лет, что вполне объясняет уровень их профессионализма.

Важным вызовом в работе комиссариатов стало значительное увеличение потока граждан, обращающихся с вопросами и жалобами, касающимися участников СВО и полагающихся им выплат. Около 75% опрошенных сотрудников, работающих на приеме, отметили рост конфликтных ситуаций в общении с населением. Это связано с высоким эмоциональным накалом и переживаниями граждан, что требует от персонала не только профессиональных знаний, но и развитых навыков стрессоустойчивости, эмпатии и конфликтологии. Учитывая повышенную психоэмоциональную нагрузку, большинство респондентов (68%) высказали заинтересованность в проведении регулярных психологических тренингов, направленных на профилактику профессионального выгорания, освоение техник управления стрессом и конструктивного взаимодействия в конфликтных ситуациях.

В течение 10 месяцев 2025 г. в военный комиссариат Алтайского края было трудоустроено 23 чел. в возрасте до 25 лет. Из них продолжает работать двое. 23 чел. мотивировали свой отказ для постоянного трудоустройства большим объемом работы, эмоциональной напряженностью и низкой зарплатой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что военный комиссариат полностью выполняет возложенные на него полномочия и функции, но при этом кадровые сложности также имеют место. Текучесть кадров как проблема требует решения, а также необходимо привлекать молодые кадры и удерживать их на своих должностях, предлагая, конечно, в

будущем карьерный рост. В связи с этим, необходимо разработать стратегию работы с персоналом в учреждении и последовательно ее реализовывать.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения о военных комиссариатах: Указ Президента РФ от 7 декабря 2012 г. № 1609 // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. V). – Ст. 7017.
2. Бурдинский Е.В., Каменев П.В., Безугольный А.Ю., Дайнес В.О. Военные комиссариаты: история создания и развития. 1918-2018 гг. // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 4-13.
3. Пашкова Е.Ю. Человеческий потенциал в системе государственного управления // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2021 – № 19. – С. 33-35.

Научный руководитель – Пашкова Е.Ю., к.и.н.

Государственная политика по развитию детского и юношеского спорта

Одегов Д.Д.

*Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург»
г. Санкт-Петербург*

В настоящее время наблюдается рост интереса к занятиям физической культурой и спортом со стороны разных категорий населения. Не являются исключением дети и молодежь, среди школьников растет интерес к футболу, боевым искусствам и даже просто спортплощадкам, студенты активно интересуются здоровым образом жизни, правильным питанием и походами в спортзал. Также наблюдается тенденция на снижение интереса к вредным привычкам среди молодежи, если 10-20 лет назад курить и пить алкоголь было модно, то сейчас даже на электронные сигареты у многих представителей молодого поколения вызывают осуждение.

Вместе с тем можно говорить о потребности государства в физически здоровых и интеллектуально развитых гражданах, способных достойно противостоять вызовам современной эпохи. Тот факт, что на государственном уровне вопросы повышения интереса населения к занятиям физической культурой и спортом относятся к приоритетным, находит отражение в действующей системе нормативно-правовых актов и государственной политике в целом. Как известно, еще в 2007 г. был принят Федеральный закон РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. На сегодняшний день действует ряд государственных программ и федеральных проектов, направленных на популяризацию занятий спортом среди разных категорий населения. Так, продолжает действовать государственная программа РФ «Развитие физической культуры и спорта» [2], а в 2025 г. начала свое действие государственная программа «Спорт России», одной из основных целей которой является – к 2030 г. популяризовать спорт настолько, чтобы регулярно заниматься им начали до 70% россиян [3]. Кроме государственных программ, действуют федеральные проекты. Так, начиная с 2022 г. в РФ кроме проекта «Спорт – норма жизни», входящий в национальный проект «Демография», появился федеральный проект, направленный на развитие массового спорта – проект «Бизнес-спринт», кроме этого, действуют проекты «Развитие физической культуры и массового спорта» и «Развитие спорта высших достижений». Каждый из проектов имеет свои задачи и цели, которые направлены на развитие и поддержку различных направлений спорта в России. Как следствие – появляется все больше возможностей для занятий спортом появляется благодаря государственной поддержке: строят стадионы и площадки с тренажерами, проводят спортивно-массовые мероприятия. Таким образом, на государственном уровне ведется политика по популяризации и развитию физической культуры и спорта среди разных категорий населения.

Отдельное важное направление государственной политики в сфере развития спорта направлено на развитие детского и юношеского спорта. Среди наиболее значимых и актуальных документов в этой сфере следует выделить Концепцию развития детско-юношеского спорта в РФ до 2030 г. [4].

Государственная политика по развитию детского и юношеского спорта придерживается определенных принципов. Вовлечение в спорт, привлечение детей к спорту; строительство стадионов, спортивных площадок, создание детских секций, в том числе бесплатных; подготовка резерва, сдача нормативов ГТО в школе; антиреклама табакокурения, алкоголя, наркотиков; преемственность и непрерывность единого физкультурно-спортивного образовательного пространства в системе детско-юношеского спорта, обеспечивающие возможность продолжения образовательных и профессиональных траекторий согласно жизненным циклам современного человека; программноориентированность, где базовым элементом системы детско-юношеского спорта рассматривается образовательная программа, а не образовательная или физкультурно-спортивная организация. Развитие инфраструктуры – государство финансирует строительство новых и совершенствование старых спортивных школ, площадок, стадионов, бассейнов. Оборудует школьные спортзалы, создает бесплатные секции в муниципальных учреждениях. Также образовательные инициативы, проведение не менее трех уроков физической культуры в школах, внедрение внеурочных спортивных программ («Президентские состязания», «Золотая шайба»), обучение педагогов по программам повышения квалификации. Политика реализуется через федеральные программы и стратегии, такие как «Развитие физической культуры и спорта» и Стратегия развития физической культуры и спорта до 2030 г. [5], и осуществляется под руководством таких ведомств, как Министерство спорта РФ. Все эти меры оказывают положительное влияние на детский спорт, что подчеркивает успешную реализацию данной стратегии. На мой взгляд государственная политика качественно реализована и хорошо проявляет себя. Действительно спорт становится доступным каждому желающему, дано много возможностей для этого, осталось только желание.

Ключевые программы и проекты, разрабатываемые, государством. «Готов к труду и обороне» (ГТО) – всероссийский комплекс испытаний, стимулирующий систематические занятия физкультурой. Для детей предусмотрены 5 возрастных ступеней. «Школьная спортивная лига» – соревнования между учебными заведениями по различным видам спорта. «Детский спорт» (проект партии «Единая Россия») – реконструкция спортзалов в сельских школах. «Спорт для всех» – инклюзивные мероприятия для детей с инвалидностью.

Несмотря на прогресс также есть и трудности на пути реализации государственной политики. Дефицит тренеров с профильным образованием, неравный доступ к инфраструктуре в малых городах и селах, недостаточное финансирование муниципальных секций, конкуренция с цифровыми развлечениями, бюрократические барьеры – сложность получения разрешений на проведение мероприятий. Также есть и перспективы данного направления. Внедрение мобильных приложений для отслеживания физической активности, онлайн-тренировок, привлечение частных инвестиций через механизмы ГЧП, разработка программ с учетом возрастных особенностей и медицинских рекомендаций), развитие пешеходных маршрутов, велодорожек, парков для активного отдыха.

Государственная политика в сфере детского и юношеского спорта – это комплексный процесс, требующий координации усилий федеральных и региональных органов, образовательных учреждений, бизнеса и общественности. Успешная реализация текущих программ позволит увеличить долю систематически занимающихся спортом детей до 80% к 2030 г. (целевой показатель Стратегии-2030), снизить заболеваемость, связанную с гиподинамией, сформировать поколение, ориентированное на ЗОЖ и социальные ценности. Для достижения этих целей необходимо усилить финансирование инфраструктурных проектов, повысить квалификацию тренерского состава, активизировать пропаганду спорта через современные каналы коммуникации.

Библиографический список

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2024) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1661 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Национальные проекты [Электронный ресурс]. – URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/razvitie-fizicheskoy-kultury-i-sporta>.
4. Об утверждении Концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации до 2030 г. и плана мероприятий по ее реализации: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 № 3894-р (ред. от 15.02.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3088-р // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Осипова Д.В., к.соц.н.

Совершенствование организации деятельности по обеспечению государственной, общественной и национальной безопасности Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю

Окушкаев К.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современном мире, характеризующемся усложнением геополитической обстановки, ростом террористических угроз и экстремистских проявлений, обеспечение государственной, общественной и национальной безопасности является приоритетной задачей Российской Федерации. Управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю (далее – Управление) на региональном уровне реализует задачи по поддержанию правопорядка, борьбе с преступностью, охране важных объектов и обеспечению безопасности граждан [1].

Организацией обеспечения государственной, общественной и национальной безопасности занимаются следующие структурные подразделения Управления: отряд мобильный особого назначения «Алтай» (г. Барнаул), отряд мобильный особого назначения «Форпост» (г. Бийск), специальный отряд быстрого реагирования «Скала» (являются оперативным резервом, готовы к немедленному реагированию на чрезвычайные ситуации, пресечению массовых беспорядков и задержанию вооруженных преступников), Центр лицензионно-разрешительной работы (осуществляет выдачу и продление лицензий на приобретение и хранение оружия, проводит проверки действующего законодательства по вопросам оборота оружия у граждан и организаций), ФГКУ «Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю» (обеспечивает охрану объектов различной формы собственности, обеспечивает профилактику правонарушений).

В рамках обеспечения общественной безопасности, личный состав Управления в период с 2021 по 2024 гг. участвовал в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Особое внимание уделялось пресечению правонарушений и задержанию лиц, представляющих угрозу общественной безопасности. Из числа задержанных правонарушителей лица, задержанные за административные правонарушения, имеют наибольший удельный вес в 2022 г. – 63,2%, в 2023 г. – 66,8%, в 2024 г. – 70,8%; задержанные по подозрению в совершении преступлений в 2022 г. составляли 23,5%, в 2023 г. – 19,3%, в 2024 г. – 19%, наименьшую долю занимают лица, находящиеся в розыске

в 2022 г. – 13,4%, в 2023 г. – 13,9%, в 2024 г. – 10,2%. Количество проведенных спецопераций за период с 2022 по 2024 гг. выросло на 44,8%, а количество задержанных правонарушителей в рамках спецопераций – на 68,4% [2]. Стабильным остается ситуация с изъятием наркотических средств. Общая сумма возвращенных Управлением в федеральный бюджет денежных и других материальных средств за период с 2022 по 2024 гг. возросла на 7,6% [2].

Управление осуществляет федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны. Количество изъятых оружия в ходе проверок в период с 2022 по 2024 гг. увеличилось на 22,1%, количество проверок ТЭК и юридических лиц с особыми уставными задачами – на 31,4%. Количество проводимых проверок граждан – владельцев оружия за три года сократилось на 75%. Это связано с тем, что в 2022 г. проведены мероприятия по реализации Поручения Президента РФ от 22 июня 2021 г. № ПРС-413 «О профилактических мерах в сфере оборота оружия». Данные мероприятия проведены в полном объеме, проверками по месту жительства охвачено 45 788 владельцев оружия, что составляет 100% от общего количества владельцев оружия в Алтайском крае [2].

Подразделения службы Росгвардии осуществляют также охрану особо важных и режимных объектов. Количество объектов, находящихся под охраной Управления, за период с 2022 по 2024 гг. увеличилось на 8%, при этом сумма доходов, перечисленных в федеральный бюджет, также увеличилась на 9% [2].

В рамках осуществления федерального государственного контроля за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны в 2024 г. проведено 5 плановых и 2 внеплановые проверки. В ходе проверок выявлено 14 нарушений обязательных требований законодательства в установленной сфере деятельности. По результатам проверок руководителями подразделений охраны выдано 2 предписания об устранении выявленных нарушений (оба исполнены в установленные сроки), в период проведения проверок устранено 11 нарушений [2].

Таким образом, можно говорить о том, что Управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю – основной субъект в системе по обеспечению государственной, общественной и национальной безопасности.

Перспективными направлениями в вопросах совершенствования организации деятельности Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю по обеспечению государственной, общественной и национальной безопасности могут стать следующие направления:

- передача функций по охране детских садов и школ на уровень подразделений ФГКУ «Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю». Это позволит оптимизировать систему охраны общественных учреждений, унифицировать требования и исключить дублирование функций между органами исполнительной власти. Передача полномочий специализированным подразделениям Управления, обладающим опытом и ресурсами, позволит обеспечить антитеррористическую защищенность и профилактику правонарушений;

- подписание соглашений о сотрудничестве с общественными и волонтерскими организациями региона. В рамках подписанных соглашений общественные организации смогут оказывать содействие Управлению Росгвардии в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Подобный опыт подписания соглашений распространен в Московской, Тульской и Амурской областях. Участие добровольцев в качестве наблюдателей и волонтеров позволит совместными усилиями повысить эффективность работы по поддержанию правопорядка и обеспечить безопасность граждан.

Таким образом, предложенные меры по совершенствованию организации деятельности Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю является важным условием, позволяющим обеспечить государственную, общественную и национальную безопасность. Реализация данных мер требует скоординированных усилий со стороны Управления Росгвардии, органов исполнительной власти региона, общественных организаций. Только в этом случае возможно достижение задач по обеспечению надежной защиты государства, общества и граждан от угроз безопасности.

Библиографический список

1. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510 (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 41. – Ст. 5802.
2. Основные показатели работы Управления Росгвардии по Алтайскому краю по охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в 2022-2024 гг. – Барнаул, 2025. – 27 с. – Неопубл. материалы.
3. Петров С.В. Об актуальности совершенствования деятельности подразделений Росгвардии в особых условиях // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 10 (238). – С. 34-41.
4. Окушкаев К.С. Система обеспечения государственной, общественной и национальной безопасности РФ // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2024. – С. 52-53.

Научный руководитель – Пашкова Е.Ю., к.и.н.

Совершенствование контрольно-надзорной деятельности Главного управления МВД России по Алтайскому краю в сфере миграции

Пяткова К.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Миграция населения оказывает существенное влияние на социально-экономическую и демографическую динамику как в России в целом, так и в отдельных ее субъектах. Алтайский край является важным территориальным узлом на пути международных транспортных артерий, обеспечивающих транзит грузов и пассажиров. Геополитическое положение Алтайского края, имеющего приграничный статус, предопределяет активные миграционные процессы на его территории.

В Алтайском крае контроль и надзор, а также оказание государственных услуг в сфере миграции, осуществляет Главное управление МВД России по Алтайскому краю и его 70 подразделений по вопросам миграции на территории края [1]. Контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции Главного управления МВД России по Алтайскому краю включает контроль за соблюдением правил въезда, выезда, пребывания; выявление и пресечение незаконной миграции; контроль за соблюдением работодателями требований трудового законодательства в части привлечения и использования иностранной рабочей силы; организация мероприятий по депортации и административное выдворение иностранных граждан [1].

В 2024 г. в крае было обслужено 72 340 чел. в процессе оказания государственных услуг, связанных с оформлением приглашений для въезда в РФ и постановкой на миграционный учет. Для сравнения, в 2022 г. этот показатель составлял 76 453 чел., а в 2023 г. – 74 340. Из общего числа обслуженных в 2024 г., 5856 чел. являлись постоянно или временно проживающими в РФ, а 66 484 чел. имели статус временно пребывающих. Также, в течение 2024 г. с миграционного учета было снято 46303 чел., тогда как в 2022 г.

этот показатель был равен 56732, а в 2023 г. – 50 209 [2]. Наиболее активно посещающими Алтайский край являются граждане следующих государств: Казахстан – 29,5% от всех поставленных на учет, Узбекистан – 28,5%, Таджикистан – 18,9%, Кыргызстан – 4,3%, Китай – 5,5%, Армения – 2,5%, Азербайджан – 2%, Индия – 1,8% [2].

В 2024 г. среди лиц, впервые зарегистрированных по месту пребывания, большинство при пересечении границы указали трудоустройство в качестве цели визита в Россию (45,6%). Заметная доля иностранцев прибыла по частным вопросам (31,5%), с учебными намерениями (13,8%), для туристических поездок (4,3%), и в деловых целях – 2,6% [2].

В период с 2022 по 2024 гг. осуществлялось оказание государственных сервисов по подготовке и предоставлению патентов для иностранных граждан. В 2024 г. оформлено 85 разрешений на привлечение и использование 516 иностранных работников для 51 работодателя, 423 разрешения на работу иностранных граждан, в рамках утвержденной квоты – 306 (в 2023 г. – 226). Высококвалифицированным специалистам оформлено 5 разрешение на работу (в 2023 г. – 1), квалифицированным – 104 [2].

В 2024 г. принято 638 решений об аннулировании патентов (в 2023 г. – 340), из них 571 иностранный гражданин не предоставил трудовой договор, 55 – находятся за пределами РФ более 6 месяцев, 5 – в связи с предоставлением поддельных (подложных) документов, 3 – два и более раза в течении 1 года привлекался к административной ответственности, 1 – вынесено решение о нежелательности пребывания, 3 – имеет непогашенную судимость. 41 иностранному гражданину отказано в выдаче патента [2]. От деятельности по оформлению и выдаче патентов в доход бюджета поступили денежные средства в 2022 г. – 198,7 тыс. руб., в 2023 г. – 220,6 тыс. руб., в 2024 г. – 244,6 тыс. руб. [2].

В целях выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства, противодействия незаконной миграции сотрудниками Главного управления МВД России по Алтайскому краю проводились проверочные мероприятия по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства. В 2022 г. число таких проверок составило 17 562, в 2023 г. – 17 329, в 2024 г. – 17 343. В результате проверочных мероприятий в 2022 г. было пресечено 5642 административных правонарушений, предусмотренных гл. 18 КоАП РФ, в 2023 г. – 5454, в 2024 г. – 5 365. За совершение административных правонарушений, предусмотренных гл. 18 КоАП РФ, в 2024 г. было наложено наказаний в виде административных штрафов 2 333,9 тыс. руб. [2]. Главным управлением МВД России по Алтайскому краю в отношении иностранных граждан в 2024 г. принято: 141 решение о депортации (в 2023 г. – 134); 909 решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию (в 2023 г. – 470); 587 решений о сокращении срока пребывания на территории Российской Федерации (в 2023 г. – 440) [2].

В целом, проводимая контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции Главного управления МВД России по Алтайскому краю характеризуется увеличением ежегодных показателей по выданным приглашениям на въезд, разрешений на работу, выданных патентов и разрешений на временное проживание. Кроме того, увеличиваются суммы взысканных штрафов в бюджеты различных уровней за выявленные правонарушения, совершенные иностранными гражданами. За период с 2022 по 2024 гг. увеличилось число принимаемых решений о депортации с территории Российской Федерации. Перспективными направлениями совершенствования контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции Главного управления МВД России по Алтайскому краю должны оставаться:

- осуществление проверок соблюдения миграционного законодательства работодателями, принимающими на работу иностранных граждан, в ходе которых осуществлять мониторинг работодателей на предмет наличия необходимых разрешений на привлечение иностранной рабочей силы;

- организация работ по осуществлению контроля за сдачей иностранными гражданами экзамена (тестирования), подтверждающего необходимый уровень владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации;

- установление лиц, уклоняющихся от постановки на воинский учет, информирование

Военных комиссариатов о выявленных лицах, обязанных состоять, но не состоящих на воинском учете.

Эффективная контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции Главного управления МВД России по Алтайскому краю является важным фактором обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Алтайского края. Реализация перечисленных перспективных направлений позволит повысить эффективность этой деятельности и обеспечить соблюдение миграционного законодательства на территории региона.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения о Главном управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 августа 2017 г. № 582 (ред. от 29.09.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов внутренних дел Алтайского края МВД России за 2022-2024 гг. // Главное управление МВД России по Алтайскому краю [офиц. сайт]. – URL: <https://22.mvd.rf/ms/stat/аналитическая-справка-о-январе25>.

Научный руководитель – Гончарова Н.П., к.соц.н., доцент

Роль муниципального управления в повышении эффективности системы социальной защиты населения (на примере Пушкинского района Санкт-Петербурга)

Ротарь В.Г.

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург*

Эффективное функционирование системы социальной защиты населения является одним из ключевых направлений государственного и муниципального управления, обеспечивающим социальную стабильность общества. Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 7, 39) [1], государство провозглашено социальным и обязано обеспечивать поддержку семьи, детства, инвалидов и пожилых граждан. На муниципальном уровне органы власти выступают посредником между государством и населением, реализуя меры социальной поддержки, направленные на повышение качества жизни.

Анализ показателей и структуры системы государственного управления социальной защиты населения можно рассмотреть на примере Пушкинского района Санкт-Петербурга за последние три года. Отдел социальной защиты населения Пушкинского района Санкт-Петербурга обеспечивает реализацию единой государственной политики в области социальной защиты, координируя работу подведомственных учреждений – комплексных центров социального обслуживания и специализированных реабилитационных служб [24].

В период 2022-2024 гг. деятельность Отдела была направлена на выполнение задач по повышению адресности социальной поддержки. Основное внимание уделялось оказанию государственной социальной помощи малоимущим гражданам, экстренной материальной помощи, а также реализации программ по социальным контрактам. Анализ динамики представленных показателей, проведенный на основе официальных отчетов о реализации Плана работы администрации Пушкинского района Санкт-Петербурга за 2022-2024 гг., позволяет выявить как положительные тенденции, так и ряд проблем, снижающих эффективность муниципального управления в сфере социальной защиты. Так, количество получателей государственной социальной помощи сократилось с 562 чел. в 2022 г. до 265 чел. – в 2024 г., при одновременном снижении объема финансирования с 20,9 до 12,3 млн руб. Сократилось и число граждан, получивших направления на бесплатное зубопротезирование – с 1 161 до 521 чел. В то же время наблюдается рост числа

заключенных социальных контрактов: с 59 в 2022 г. до 76 в 2023 г., что свидетельствует о постепенном повышении популярности данного инструмента адресной поддержки (табл. 1).

Таблица 1 – Основные показатели социальной защиты населения
Пушкинского района за 2022-2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024
Государственная социальная помощь малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам	562 чел., 20 989 582 руб.	391 чел., 12 739 805 руб.	265 чел., 12 300 669 руб.
Экстренная социальная помощь	1 282 377,6 руб.	1 886 060 руб.	1 338 743 руб.
– помощь членам семьи умершего кормильца	–	25 чел., 1 494 306 руб.	23 чел., 1 091 310 руб.
– помощь пострадавшим от пожара	–	6 чел., 386 264 руб.	247 433 руб.
– материальная помощь гражданам в трудной ситуации	50 чел., 857 270,68 руб.	35 чел., 619 679,43 руб.	34 чел., 499 608,41 руб.
Направления на бесплатное зубопротезирование	1 161 чел.	548 чел.	521 чел.
Социальные контракты (всего)	59 контрактов	76 контрактов	67 контрактов
– на поиск работы	23	23	39
– на предпринимательскую деятельность	26	39	19
– на преодоление трудной жизненной ситуации	10	14	9

Несмотря на это, эффективность социального контракта как механизма борьбы с бедностью остается ограниченной. Его реализация зачастую осложняется бюрократическими процедурами, низкой информированностью населения и узкой направленностью мер поддержки. Например, основной упор делается на стимулирование трудовой занятости и предпринимательской деятельности, что снижает доступность данного инструмента для пожилых граждан, инвалидов и многодетных семей.

Таким образом, выявленные проблемы свидетельствуют о необходимости совершенствования муниципального управления в сфере социальной защиты населения. В современных условиях требуется переход от формального предоставления материальной помощи к комплексным мерам социальной адаптации, предполагающим индивидуальный подход к каждой категории граждан. На примере Пушкинского района Санкт-Петербурга можно сделать вывод, что муниципальный уровень управления играет ключевую роль в реализации социальной политики государства. От эффективности деятельности муниципальных структур, их взаимодействия с населением и способности адаптироваться к современным вызовам напрямую зависит результативность системы социальной защиты в целом. В условиях экономических и демографических изменений именно муниципальное управление становится основным звеном, обеспечивающим не только адресность и доступность социальной помощи, но и повышение качества жизни населения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Распоряжение Администрации Санкт-Петербурга «Об утверждении Положения об отделе социальной защиты населения территориального управления Павловского и Пушкинского административных районов Санкт-Петербурга» от 20 января 2003 г. № 40р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/8376351?marker=656010>.
3. Шайдукова Л.Д. Социальная политика Российской Федерации: уч. пособие для вузов. – М., 2024. – 149 с.
4. Теория социальной работы: учебник для вузов / Е.И. Холостова и др. – М., 2024. – 288 с.

Научный руководитель – Татарникова М.А., к.э.н., доцент

Использование технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации государственного управления: направления, вызовы и оценка эффективности

Соболев Е.И.

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
г. Москва*

Цифровизация является одним из глобальных и системно значимых трендов, влияющих на все сферы жизни человека [4, с. 111], в том числе и государственное управление, а технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) выступают ее ключевым драйвером. Этот процесс выходит далеко за рамки простой автоматизации рутинных операций и представляет собой фундаментальный сдвиг в парадигме управления – переход к модели «умного государства». В этом контексте технологии ИИ перестают быть просто инструментом оптимизации и превращаются в стратегический фактор, определяющий технологический суверенитет и конкурентоспособность страны [1].

Проведенный анализ позволил выделить несколько направлений интеграции ИИ в деятельность органов государственной власти (табл. 1).

Таблица 1 – Направления интеграции ИИ в деятельность органов государственной власти

Направление	Примеры и технологии	Ожидаемый эффект
1. Автоматизация операционных процессов и предоставления государственных услуг.	– чат-боты и виртуальные помощники (портал «Госуслуги», «Александра» в Московском метрополитене); – роботизированная обработка документов; – массовая обработка заявлений (налоговые декларации, социальные выплаты).	Повышение эффективности и скорости обслуживания, сокращение бюрократических издержек и временных затрат граждан, высвобождение персонала для решения сложных задач.
2. Аналитика больших данных и поддержка принятия решений.	– прогнозирование социально-экономических тенденций и миграционных потоков; – оптимизация бюджетного процесса и распределения ресурсов; – мониторинг и управление городской средой (транспортные потоки, пассажиропоток).	Переход от реактивного к проактивному и обоснованному управлению на основе данных, повышение точности прогнозов, качества и эффективности управленческих решений.
3. Повышение безопасности и противодействие коррупции.	– системы распознавания лиц и видеоаналитики в правоохранительной деятельности; – цифровые платформы контрольно-надзорной деятельности; – алгоритмы выявления мошеннических схем (в социальных выплатах, госзакупках).	Прогнозирование и профилактика правонарушений, повышение уровня общественной безопасности, снижение коррупционных рисков и нецелевого использования бюджетных средств.

Несмотря на значительный потенциал, интеграция ИИ в государственное управление сопряжена с комплексом серьезных вызовов. Одной из наиболее острых проблем является кадровый дефицит. Так, по данным за 2024 г. при среднем уровне обеспеченности по экономике ИИ-специалистами в 36% в социальной сфере он составил 19%, в здравоохранении – 21%, в общем, среднем и среднем профессиональном образовании – 23% [2, с. 23].

Сильным сдерживающим фактором остаются финансовые ограничения. Согласно результатам опроса, проведенного Национальным центром развития ИИ, 32% респондентов – представителей российских компаний назвали финансовые ограничения основным барьером для развития ИИ. Это подтверждается данными о финансировании мероприятий по развитию ИИ в приоритетных отраслях: в большинстве организаций здравоохранения, образования и социальной сферы доля финансирования данного направления не превышает 10-19% от необходимого объема [3, с. 81].

Сложными вызовами являются нормативно-правовые риски. Исследователи выделяют такие угрозы, как «утечка и неправомерное использование персональных данных, алгоритмическая предвзятость, снижение контроля над автоматизированными решениями» [5, с. 141]. Автоматическое принятие решений в судебной или правоохранительной сфере без должного учета контекста и возможности апелляции может привести к нарушению прав граждан. Кроме того, существует проблема легитимности решений, принятых ИИ, и права государственных служащих на использование или отмену этих решений, что требует глубокой проработки механизмов контроля и подотчетности.

Значительный социальный барьер представляет собой низкий уровень общественного доверия и принятия технологий населением. Граждане страны испытывают серьезные опасения, связанные с внедрением ИИ. 54% респондентов социологического исследования НАФИ и АНО «Национальные приоритеты» отметили риск неправомерного использования ИИ [7]. Более поздние исследования подтверждают, что население воспринимает внедрение ИИ в деятельность органов власти неоднозначно: лишь 40% опрошенных одобряют их внедрение, при этом 63,1% опасаются сокращения рабочих мест, 52,4% – роста киберпреступности и 50,5% – возможности утечки важных данных [3, с. 82].

Для регионов особенно актуальны инфраструктурные и технологические ограничения. Во многих субъектах РФ уровень обеспеченности серверными мощностями недостаточен для эффективного функционирования ИИ-платформ. Неразвитость и отсутствие в отдельных малонаселенных регионах и районах цифрового оборудования для обеспечения работы высокоскоростного Интернета все еще создает региональные диспропорции в доступе к сети «Интернет» и portalу «Госуслуги» [6, с. 39].

Таким образом, технологии ИИ являются не просто инструментом оптимизации, а системообразующим фактором цифровой трансформации государственного управления. Они открывают возможности для перехода к принципиально новой модели «умного государства», характеризующейся проактивностью, ориентацией на данные и высочайшим уровнем сервиса для граждан. Однако реализация этого потенциала невозможна без преодоления значительных барьеров. Ключевыми из них являются кадровый дефицит, инфраструктурная отсталость ряда регионов, несовершенство нормативно-правовой базы и низкий уровень общественного доверия.

Библиографический список

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналитический доклад. – М., 2024. – 85 с.
3. Медведева Н.В. Использование технологии искусственного интеллекта при оказании государственных и муниципальных услуг: тенденции и проблемы // Мониторинг правоприменения. – 2025. – № 1 (54). – С. 79-84.
4. Мелешко А.Ю. Ключевые трансформации бизнес-моделей в реалиях цифровой экономики и оценка их эффективности // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 10. – С. 110-118.
5. Репин Д.А. Технологии искусственного интеллекта как фактор совершенствования государственного управления: вызовы и угрозы // Экономика и управление. – 2025. – Т.31, № 2. – С. 139-148.
6. Сёмин А.Н., Гусманов Р.У., Стомба Е.В., Мешкова Н.Г. Применение технологий искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. – 2025. – № 5. – С. 33-44.
7. Чего ожидают россияне от искусственного интеллекта? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.it-world.ru/it-news/market/195217.html>.

Научный руководитель – Фомичева Т.В., к.соц.н., доцент

**К вопросу об актуальности внедрения информационных технологий
в систему делопроизводства органов муниципальной власти
(на примере комитета по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула)**

Степкина М.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В условиях активной цифровой трансформации государственного и муниципального управления, а также в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [1] повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления напрямую зависит от качества и скорости обработки служебной информации. А это значит, что в органах публичной власти возрастают требования к организации документооборота.

Актуальность внедрения информационных технологий в системе делопроизводства органов муниципальной власти обусловлена следующими факторами:

- снижением операционных издержек: ручной труд при регистрации, согласовании и архивировании документов ведет к высоким временным затратам и риску ошибок;
- повышением прозрачности решения, обеспечиваемой отслеживанием полной истории движения документа, что критически важно для контроля исполнения поручений и соблюдения регламентов;
- ускорением принятия управленческих решений, т.к. автоматизация процессов согласования позволяет сократить время подготовки решений [2].

Проведем анализ системы делопроизводства комитета по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула. В комитете представлена смешанная система делопроизводства, характеризующаяся одновременным использованием как бумажных, так и электронных носителей информации. Ответственными за делопроизводство в Комитете является начальник общего отдела, ведущие специалисты отдела, в функции которых входит основная работа с документами (регистрация, учет, хранение). Вместе с тем так или иначе каждый специалист комитета принимает участие в процедуре обмена документами, т.к. в ходе своей деятельности создает документы, знакомится с ними, передает на ознакомление в другие подразделения и т.д.

Делопроизводство в комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула связано с большим объемом документов: входящих/исходящих (рис. 1), в том числе обращений граждан (рис. 2), а также распорядительных документов (рис. 3).

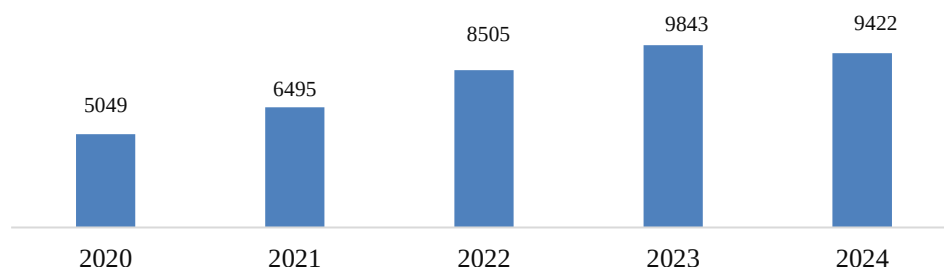

Рисунок 1 – Динамика входящих служебных писем, ответов на исходящие в Комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула в 2020-2024 гг., шт.

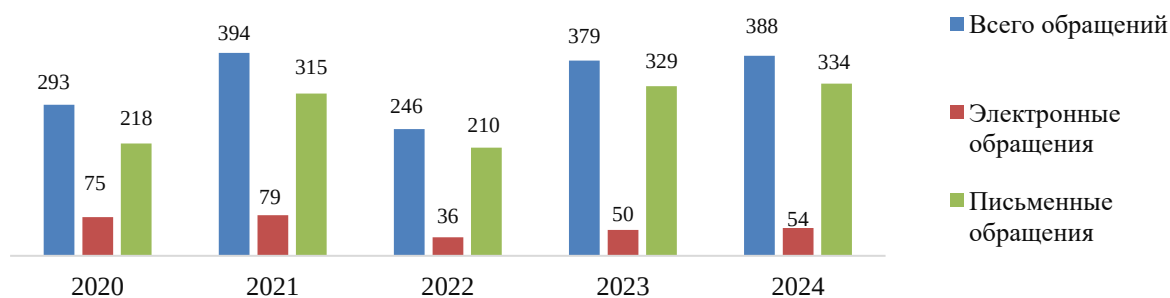

Рисунок 2 – Динамика обращений в Комитет по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула в 2020-2024 гг., шт.

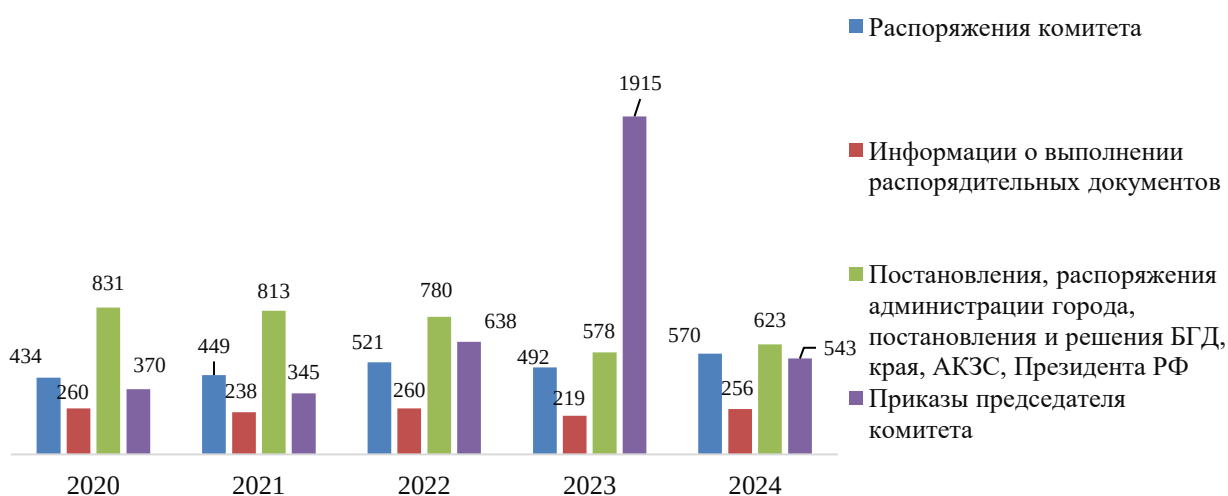

Рисунок 3 – Динамика распорядительных документов в Комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула в 2020-2024 гг., шт.

Рост за 5 лет входящих/исходящих документов на 87%, обращений – на 32% и распорядительных документов на 5% свидетельствует о необходимости совершенствования работы по их регистрации и обработке документов, что требует внедрения новых и совершенствования действующих систем информационных технологий в делопроизводстве.

Поскольку в комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула документооборот ведется как на бумажных, так и электронных носителях, наблюдается дублирование отдельных процессов, что приводит к увеличению временных затрат на работу с документами. Так, например, в табл. 1 показано, как смешанное делопроизводство увеличивает сроки обработки документа. Данные представлены на основе хронометража, составленного специалистами кадровой службы.

Таблица 1 – Результат хронометража электронного и бумажного документооборота в Комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула

Процесс	Бумажный документооборот	Электронный документооборот
Регистрация документа	3 мин	1 мин
Тиражирование документа	5 мин	1 мин
Поиск документа	от 7 мин	2 мин
Доставка до исполнителя	от 10 мин до 2 дней	2 мин
Подготовка отчета	от 30 мин	10 мин
Согласование документа	от 4 часов	30 мин

Результаты сравнения показывают существенное сокращение времени выполнения операций при использовании электронного документооборота. В частности, поиск документа ускоряется в среднем на 5 мин., подготовка отчета – на 20 мин., а согласование документа – на 3 часа 30 мин. Это свидетельствует о высокой эффективности внедрения СЭД «Дело» в комитете по управлению муниципальной собственностью города Барнаула. Вместе с тем в Комитете до сих пор практикуется согласование документов как на бумажном, так и на электронном носителе.

Однако это не единственная причина, приводящая к задержкам в работе с документами. Так, в Комитете работа с документами осуществляется на разных операционных системах: Linux и Windows. Это приводит:

- к сложности с обеспечением совместимости файловых форматов и приложений, что создает необходимость конвертации документов и потере части форматирования;
- к затруднению унификации рабочих процессов и обмена данными между пользователями, работающими на разных операционных системах;
- к проблемам с обеспечением корректной передачи документов на печать при использовании разных операционных систем.

Это, в итоге, значительно увеличивает время на выполнение служебных обязанностей.

Вместе с тем усложняет работу с документами в Комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула устаревшая материально-техническая база, используемая при работе с документами. Например, общий отдел Комитета по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула оснащен устаревшими системными блоками «Деро». 100% системных блоков (5 шт.) нуждаются в замене либо модификации.

В связи с этим для совершенствования организации делопроизводства в Комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула можно предложить следующие меры:

- Провести обновление системных блоков компьютеров (5 ед.).
- Осуществить переход на единый офисный пакет, который качественно работает и на Linux, и на Windows (например, LibreOffice) или использовать облачные офисные решения, такие как МойОфис.
- Изменить систему индивидуальных настроек печати на каждом рабочем месте, адаптировав ее к централизованной серверной печати, управляемой через сервер (причем сервер может работать под Linux, а клиенты подключаются по стандартным протоколам).

В результате проведенного анализа выявлено, что внедрение предложенных инициатив по совершенствованию организации применения информационных технологий в системе делопроизводства комитета по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула является экономически целесообразным и перспективным. Инвестиции в цифровизацию делопроизводства окупаются в относительно короткие сроки и приносят значительную экономическую выгоду за счет сокращения трудозатрат.

Результаты исследования могут быть использованы для принятия обоснованных управленческих решений о внедрении предложенных инициатив в комитете по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула, а также для разработки аналогичных проектов в других органах местного самоуправления.

Библиографический список

1. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Правительство РФ. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637р // Служба правовой информации. – URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-16032024-n-637-r-ob-utverzhdenii>.
2. Георг Г.М. роль цифровых технологий в управлении муниципальной собственностью // Инновационная наука. – 2022. – 2 (2). – С. 58-60.

Научный руководитель – Петреева Ю.В., к.ф.н.

Формирование патриотизма как основа мотивации современных военнослужащих

Хацкевич Д.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Российская Федерация является государством, которое на сегодняшний день сформировало одну из сильнейших армий мира. На протяжении длительного периода наша страна занимает 2 место в мировом рейтинге по военной мощи среди 150 стран (рис. 1). При формировании указанного рейтинга, в первую очередь, учитываются такие показатели как: количество военной техники, а также количественные и качественные показатели кадрового состава военнослужащих. В качестве количественных характеристик принимается во внимание численность армии, а качественных – те ее характеристики, которые позволяют занимать высокие рейтинговые позиции.

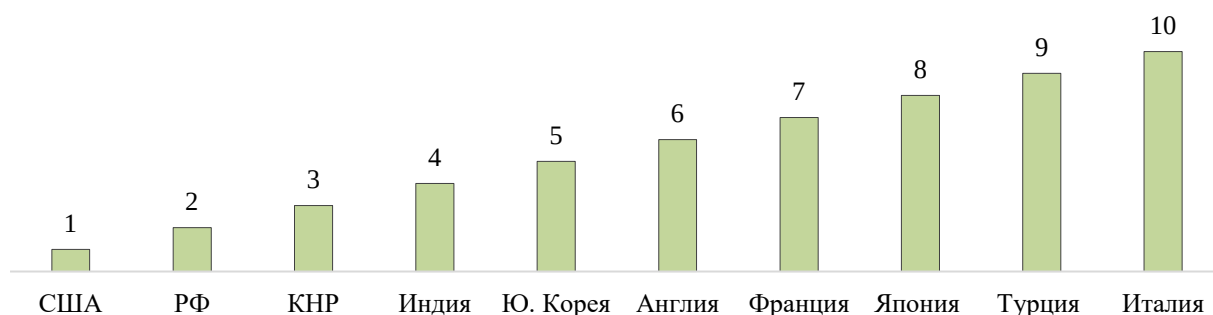

Рисунок 1 – Рейтинг стран по военной мощи в 2024 г. [1]

Как известно, уровень производительности труда персонала и степень его вовлеченности в немалой степени зависят от мотивации работников к трудовой деятельности [2]. С целью анализа мотивационных установок военнослужащих Алтайского края был проведен анонимный опрос, в котором приняли участие 117 чел., занимающих различные военные должности и звания. Результаты опроса представлены на рис. 2.

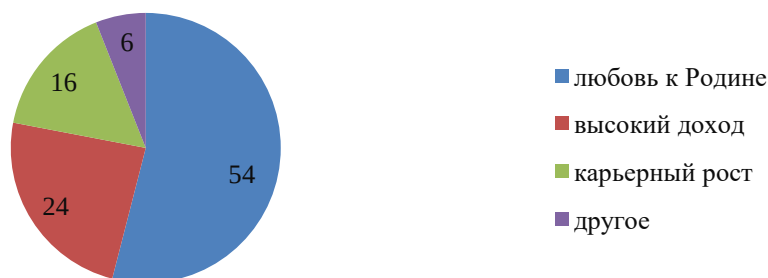

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос
«Назовите основную причину, по которой Вы выбрали службу в Российской Армии как профессию», %

Согласно данным, полученным в результате опроса респондентов, можно сделать ряд выводов:

- более половины (54%) опрошенных военнослужащих пришли в профессию, движимые патриотическими установками;
- 24% респондентов сделали выбор в пользу военной службы из-за высокой заработной платы, которая сопровождается системой льгот и преференций для военных и их

семей (военная ипотека, запись ребенка в детский сад без очереди, досрочный выход на пенсию и др.);

– 16% в качестве основного мотива называют возможность карьерного роста. Работа в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации в данном случае рассматривается участниками опроса как социальный лифт, позволяющий повысить социальный статус;

– 6% респондентов в качестве ключевого мотива отметили престиж военной службы, наличие административного ресурса и др.

Таким образом, опрос военнослужащих показал, что в основе их мотивационного профиля лежат установки патриотического характера, что вполне объясняет высокое место Российской Федерации в рейтинге стран по уровню военной мощи. Стоит подчеркнуть, что именно патриотические установки стали основой победы русской армии в Великой Отечественной войне. Вера в свою нацию, нравственные ценности военнослужащих позволили им победить противника [3, с. 143].

В настоящее время становится очевидным, что именно патриотические установки должны составлять основу мотивации современного солдата. В том случае, если в приоритете оказывается финансовая составляющая, то при ее утрате или ослаблении возможно снижение степени ответственности военного по отношению к своей службе.

При этом, важно понимать, что патриотизм как основа мотивационной системы военнослужащего, формируется задолго до осознанного выбора им профессии. Сегодня наблюдается всплеск интереса к патриотической тематике, которой достаточно долгое время не уделялось должного внимания. В последнее время многие учебные заведения, среди которых общеобразовательные школы, вузы и даже детские сады, начинают выстраивать систему взаимодействия с представителями военной службы, общественными организациями, которые ориентированы на формирование патриотического отношения к Родине. Во многих образовательных учреждениях на постоянной основе проводятся встречи с участниками специальной военной операции, на которых военные рассказывают о своей деятельности, о взаимопомощи, о тяжелых условиях, в которых им приходится отстаивать честь страны. Они ведут диалоги с обучающимися, позволяя сформировать у них правильное отношение к происходящей действительности. Такое взаимодействие, безусловно, оказывает благоприятное влияние на формирование высоких жизненных ценностей, которые впоследствии, при выборе будущей профессии, позволят молодым людям сделать выбор в пользу военной службы.

Подобные встречи не являются единственной формой взаимодействия. Весьма эффективным вариантом сотрудничества можно считать также выезд школьников и студентов в воинские части. Так, участие молодежи в построении, выполнении ежедневных профессиональных задач, в военной подготовке позволит проникнуться спецификой службы, впитать в себя военную атмосферу.

В марте 2023 г. ВЦИОМ провел опрос, который показал, что 95% россиян считают себя патриотами, но лишь 9% из опрошенных сказали о том, что патриотизм для них – это не просто любовь к Родине, это желание ее защищать [4]. Полагаем, для того чтобы численность патриотически замотивированных служащих в рядах Российской Армии возрастала, необходимо активизировать работу по формированию основ патриотизма в молодежной среде, которая, в свою очередь, должна базироваться на тесном сотрудничестве с воинскими частями и демонстрации личных достижений защитников Родины.

Библиографический список

1. Рейтинг стран по военной мощи [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RiVg2>.
2. Елистратова Т.Г. Вовлеченность персонала как резерв повышения эффективности деятельности организации // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: теоретический и научно-практический журнал. – Вып. 18. – Барнаул, 2021. – С. 18-21.
3. Смынгына О.В. Причины победы СССР в ВОВ // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2010. – № 1. – С. 142-145.

**Выявление системных проблем взаимодействия аграрноориентированных муниципалитетов с бизнесом и пути их решения
(на примере Алейского района Алтайского края)**

Хорошилов А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Эффективное взаимодействие органов местного самоуправления и бизнеса является ключевым фактором устойчивого развития муниципальных территорий. Особую актуальность это взаимодействие приобретает в контексте малых аграрных муниципалитетов, которые сталкиваются с комплексом специфических вызовов: депопуляцией, моноотраслевой структурой экономики и ограниченной финансовой самостоятельностью. Несмотря на наличие проработанной нормативно-правовой базы и успешных примеров партнерства в более крупных муниципальных образованиях, практика сотрудничества в сельских районах остается фрагментарно представленной в научной литературе и на наш взгляд малоизученной [4].

Целью данного исследования является выявление системных проблем и разработка направлений совершенствования взаимодействия органов местного самоуправления и представителей бизнеса на примере типичного аграрного муниципального образования – Алейского района Алтайского края.

Алейский район Алтайского края представляет собой классический пример аграрно-ориентированного муниципального образования с дотационным бюджетом. Анализ доклада о социально-экономическом развитии за 2024 г. позволяет выделить его ключевые характеристики [3]:

- аграрная специализация: 41% всех организаций заняты в сельском хозяйстве.
- среднегодовая численность населения неуклонно сокращается (с 14,1 тыс. чел. в 2022 г. до 13,7 тыс. чел. в 2024 г.), наблюдается старение и отток трудоспособного населения.
- в 2024 г. собственные доходы составили лишь около 27% (178 млн руб.) от общих поступлений в консолидированный бюджет района (656,3 млн руб.).
- помимо сельского хозяйства и торговли, другие секторы развиты слабо.

Указанная выше небольшая социально-экономическая характеристика формирует специфическую основу и возможности маневрирования в стратегическом развитии территории.

Высокий показатель дотационности бюджета Алейского района лишает органы местного самоуправления ключевого инструмента влияния – прямой финансовой поддержки представителей малого и среднего предпринимательства. На муниципальном уровне отсутствуют программы субсидирования, грантов для начинающих предпринимателей, а также муниципальный гарантийный фонд. Это делает практически невозможной реализацию масштабных проектов муниципально-частного партнерства без активного привлечения средств краевого или федерального бюджетов.

Нормативная база для предоставления муниципального имущества на льготных условиях предпринимателям также нуждается в совершенстве. В районном центре нет бизнес-инкубатора, который мог бы стать точкой роста для микро- и малого бизнеса. Развитие территорий под застройку не является приоритетом на фоне депопуляции. Внутри Администрации района наблюдается иногда несогласованность действия между различными

комитетами (по экономике, сельскому хозяйству, управлению имуществом), что затрудняет разработку комплексных мер поддержки. Взаимодействие с бизнесом зачастую сводится к информационно-аналитической работе. Жесткий контроль со стороны надзорных органов, в частности прокуратуры, лишает органы местного самоуправления гибкости и возможности применять механизмы «регуляторной гильотины» для отмены устаревших местных требований. Демографический кризис является главным системным риском, приводящим к дефициту кадров для бизнеса и сужению локального рынка сбыта. Экономика района остается уязвимой к климатическим и рыночным рискам из-за низкой диверсификации. Кроме того, около 70% сельхозпредприятий относятся к микробизнесу, часто характеризуются инертностью к вопросам модернизации и кооперации, что создает пассивную среду для диалога.

Предлагаемый комплекс мер направлен на поэтапное преодоление выявленных барьеров с учетом ресурсных ограничений аграрных муниципалитетов.

– Тактические меры («быстрые победы»):

а) Создание низкобюджетного коворкинг-пространства: выделение нескольких помещений в существующих муниципальных зданиях для стартапов и самозанятых с предоставлением wi-fi и базовых услуг.

б) Формирование «Проектного офиса»: организация на базе администрации структуры, помогающей предпринимателям в подготовке заявок на гранты и субсидии муниципального и краевого уровней

в) Регулярные неформальные встречи: проведение «бизнес-завтраков» с главой района для оперативного решения проблем и формирования атмосферы доверия.

г) Запуск виртуальной выставки на сайте администрации района для продвижения продукции местных производителей «Сделано в Алейском районе».

– Стратегические инициативы:

а) Разработка и принятие Положения о льготной аренде: создание межведомственной рабочей группы для формирования четких критериев и видов деятельности, имеющих право на льготы при аренде муниципальной собственности.

б) Создание «Стратегического совета» по развитию района: формирование постоянно действующей площадки, объединяющей представителей органов местного самоуправления, крупного, малого бизнеса и глав поселений для совместной разработки стратегии развития.

в) Развитие человеческого ресурса: организация стажировок сотрудников администрации на успешные предприятия района и проведение тренингов по проектному управлению и клиентоориентированности.

Взаимодействие органов МСУ и бизнеса в аграрных муниципалитетах, подобных Алейскому району Алтайского края, носит сложный, системный характер. Ключевыми сдерживающими факторами выступают дотационность местного бюджета, усугубляемая демографическим кризисом и низкой диверсификацией экономики. Преодоление этих барьеров требует не разовых акций, а выстроенной системы партнерства, основанной на переходе от реактивного реагирования к проактивному сервису. Предложенный комплекс мер, дифференцированный по срокам реализации и ресурсоемкости, позволяет начать с «быстрых побед», формирующих доверие, и постепенно переходить к стратегическим преобразованиям, меняющим саму модель взаимодействия. Успех этой работы будет определяться последовательностью действий, инициативностью местной власти и ее готовностью к открытому диалогу с бизнес-сообществом, превращая его из формального отчета в реальный инструмент управления развитием территории.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13.12.2024 №471-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 22.07.2024 № 206-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.
3. Доклад главы о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов за 2024 год и их планируемых значениях на 3-летний периода // Официальный сайт Администрации Алейского района Алтайского края. – URL: <https://clck.ru/3Rh7tX>.
4. Банщиков С.М. Организационно-правовые основы взаимодействия малого бизнеса с органами местного самоуправления в российской федерации // Инновационная наука. – 2024. – № 3-2. – С. 170-173.
5. Коновалов Н.А. Мероприятия по повышению эффективности деятельности муниципальных образований в решении вопросов местного значения // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2024. – С. 22-23.

Научный руководитель – Пашкова Е.Ю., к.и.н.

Государственное управление при работе с молодежью: региональная практика

Черных А.Е.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург*

С утверждением Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. [3] вводятся понятия «молодежное самоуправление», «молодежное участие», «органы молодежного самоуправления», что говорит о повышении роли участия самой молодежи при принятии управленческих решений на государственном уровне. Теперь право молодежи на участие в определении векторов развития государственной молодежной политики не только носит формальный характер, но и закреплено на федеральном уровне. Кроме того, внесения изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» конкретизируют определение «инфраструктура молодежной политики» и вводят понятие «учреждения молодежной политики» [1, 2]. Указанные изменения отражают позицию, что и молодежная политика, это не составные части государственной политики в области образования, социальной защиты населения, культуры, а самостоятельная сфера государственное управление.

Важность равномерного развития государственного управления при работе с молодежью в регионах обуславливается необходимостью эффективного распределения имеющихся ресурсов с целью обеспечения наличия инфраструктуры, учреждений по делам молодежи и кадров, обладающих необходимыми актуальными компетенциями, что в свою очередь может позитивно повлиять на процесс оттока молодежи из регионов. Рассмотрим инфраструктуру и состояние молодежной политики на примере Алтайского края.

Управление молодежной политики и реализации программ общественного развития Алтайского края является исполнительным органом государственной власти, реализующим молодежную политику в рассматриваемом регионе. Оно в своем подчинении содержит два подведомственных учреждения – Алтайский краевой штаб студенческих отрядов и Краевой дворец молодежи. По имеющейся информации на официальном сайте деятельность управления основана на государственной программе «Развитие молодежной политики в Алтайском крае». В общем доступе представлен отчет за 2023 г., в котором перечислены организованные мероприятия по реализации молодежных проектов и программ, развитию волонтерства и добровольчества, вовлечению молодежи в трудовую деятельность [5].

В разрезе муниципальных образований рассмотрен г. Барнаул. По информации об итогах работы комитета по делам молодежи администрации города Барнаула за 2024 г. перечислена деятельность Молодежного Парламента, который является совещательным органов при городской Думе, образовательных учреждений, партнерство

с территориальными представительствами федеральных органов и частными организациями [6]. Также в отчете дана информация о проделанной работе в области вовлечения молодежи в социальную деятельность через аккаунты комитета по делам молодежи администрации г. Барнаула, в то время как количество подписчиков страницы комитета в социальной сети «ВКонтакте» составляет 632 чел. [8]. При администрациях района г. Барнаула созданы учреждения дополнительного образования – центры развития творчества детей и юношества, в чью структуру входят районные клубы по различным направлениям деятельности.

Также рассмотрен г. Бийск, который осуществляет государственное управление при работе с молодежью через управление культуры, спорта и молодежи администрации города, муниципальные учреждения Молодежный центр «Родина», «Юность», городской дворец культуры, музыкальные и художественные школы. Исходя из отчета управления численность молодежи, которая приняла участие в мероприятиях в 2024 г. составила 5330 чел., в то время как в 2023 г. этот показатель составлял 7614 чел., в 2022 г. – 5944 чел. [7], что говорит о сокращении участников мероприятий.

Исходя из вышесказанного, точками роста для реализации молодежной политики в Алтайском крае являются:

- повышение информирования молодежи о проводимых мероприятиях через социальные сети и увеличение количества подписчиков, с помощью размещения на информационных стендах проводимых мероприятий qr-кодов на официальные страницы образовательных и досуговых учреждений;

- развитие сети учреждений для молодежи на всей территории Алтайского края (например, в г. Заринске и Смоленском районе). Так, например, Т.К. Ростовская, выделяет эффективный способ вовлечения молодежи в досуговую, образовательную, культурную и спортивную деятельность – через взаимодействие через подростково-молодежные клубы, которые обеспечивают равные возможности для молодежи по месту жительства и в после учебное/рабочее время [4]. Такие клубы в неформальной атмосфере дают каждому молодому гражданину возможность общения со сверстниками и специалистами. Кроме того, клубы позволяют вовлечь молодежь вне зависимости от уровня подготовки, например, для спортивного направления вовлечение молодежи не только в спортивные школы олимпийского резерва, но и в клубы с любительскими командами.

- вышеупомянутая стратегия водит градацию молодежи по возрастам, что также необходимо при формировании планов работ и охвата молодежи с 14 до 35 лет по возрастным и социальным потребностям. Так, необходимо делать упор при государственном управлении при работе с молодежью не только для учащейся, но и работающей молодежи, молодых семей. При анализе отчетов о деятельности муниципальных органов власти и учреждений охват молодежи после студенческого возраста остается минимальным. На наш взгляд следует усилить работу с молодежью и увеличить количество мероприятий, поддерживающих молодые семьи, например, через организацию клубных секций и формирований, где не только молодые люди, но и их дети будут вовлечены в государственную молодежную политику.

Библиографический список

1. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О внесении изменений в Федеральный закон от 28.12.2024 № 550-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Ростовская Т.К. Князькова Е.А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. – М., 2020. – 155 с.
5. Управление молодежной политики и реализации программ общественного развития Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://altaimolodoi.alregn.ru>.
6. Официальный сайт города Барнаул [офиц. сайт]. – URL: <https://barnaul.org>.
7. Официальный сайт городского округа города Бийска Алтайского края: [офиц. сайт]. – URL: <https://biysk22.ru>.

«Утрата доверия» как основание прекращения службы в Следственном комитете Российской Федерации

Чистоходова А.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления
г. Новосибирск*

Институт увольнения в связи с утратой доверия является ключевым элементом антикоррупционной политики в сфере государственной службы. В Следственном комитете Российской Федерации (СК РФ) данный институт регулируется статьей 30.2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О службе в органах следствия Российской Федерации» (в ред. от 01.04.2025) [1]. В отличие от гражданской службы, где утрата доверия может применяться за «недобросовестное поведение», в СК РФ увольнение возможно только за конкретные коррупционные правонарушения, прямо перечисленные в законе.

Согласно ч. 1 ст. 30.2 ФЗ № 403-ФЗ, основаниями для увольнения являются:

- непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов;
- непредставление или представление заведомо недостоверных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (в том числе в отношении супруга и несовершеннолетних детей);
- участие на платной основе в управлении коммерческой организацией;
- осуществление предпринимательской деятельности;
- вхождение в состав органов управления иностранных некоммерческих организаций;
- нарушение запрета на владение иностранными финансовыми инструментами [1].

Эти основания дублируют положения Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], что свидетельствует о стремлении законодателя унифицировать антикоррупционные требования для всех категорий публичных служащих.

Обязанность включения сведений об увольнении в единый Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, закреплена постановлением Правительства РФ № 228 от 05.03.2018 и распоряжением СК РФ № 32/206 р от 19.06.2018 [3]. Анализ данных Реестра по состоянию на 30 октября 2025 г. показывает, что за весь период функционирования системы в нее включено менее десятка сотрудников СК РФ, из которых лишь три записи остаются актуальными [4].

Такая статистика контрастирует с практикой других правоохранительных органов: за тот же период в Реестр включено сотни сотрудников МВД, ФССП, ФСИН и прокуратуры. Как отмечают В.И. Кузнецов, Ю.В. Трунцевский и Л.А. Ломакина, даже при наличии исчерпывающего перечня оснований, широкие полномочия руководства и отсутствие внешнего надзора создают условия для селективного или формального применения нормы [5].

Особое значение приобретает Федеральный закон № 258-ФЗ от 13.06.2023, наделивший прокурора правом инициировать проверку оснований увольнения и обращаться в суд с требованием изменить формулировку на «в связи с утратой доверия», даже если сотрудник уже уволен по другому основанию [6]. Однако в отношении сотрудников СК РФ такие судебные решения пока не зафиксированы, что может свидетельствовать либо о высокой дисциплине в ведомстве, либо о преобладании внеереестровых механизмов регулирования.

Вместе с тем, как подчеркивает Рашева Н.Ю., правоприменительная практика выявляет ряд системных проблем:

- правовую неопределённость последствий включения в Реестр (например, автоматический отказ в приёме на службу или трудоустройство);
- отсутствие единообразия в судебной практике при оценке достаточности доказательств утраты доверия;
- угрозы необоснованного применения антикоррупционных мер, особенно если проверка начинается после увольнения по иным основаниям [7].

Таким образом, институт утраты доверия в СК РФ формально соответствует требованиям антикоррупционного законодательства, однако его фактическое применение минимально и недостаточно прозрачно. Это ставит под сомнение не только эффективность внутриведомственного контроля, но и сопоставимость антикоррупционной политики СК РФ с практикой других правоохранительных органов. Для повышения доверия к следственной системе целесообразно обеспечить публичность, сопоставимость и судебную проверяемость решений об увольнении по ст. 30.2 ФЗ № 403-ФЗ, а также разработать методические рекомендации по единообразному применению данной нормы.

Библиографический список

1. О службе в органах следствия Российской Федерации: Федеральный закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 52 (ч. I). – Ст. 7041.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
3. О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: постановление Правительства РФ от 05.03.2018 № 228 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 10. – Ст. 1495.
4. Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия [Электронный ресурс]. – URL: <https://gossluzhba.gov.ru/reestr>.
5. Кузнецов В.И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2020. – № 1. – С. 159-169.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 24. – Ст. 3542.
7. Рашева Н.Ю. Увольнение в связи с утратой доверия: проблемы правоприменительной практики и пути их решения // Государственная служба. – 2024. – № 3. – С. 45-52.

Научный руководитель – Ваймер Е.В., к.ю.н.

Дарение государственным и муниципальным служащим: соотношение частного и публичного права

Швецова Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Дарение как гражданско-правовой институт традиционно понимается как безвозмездная передача имущества, основанная на автономии воли сторон и не предполагающая встречного предоставления. Однако в случаях, когда одаряемым является лицо, замещающее государственную или муниципальную должность, частноправовая природа сделки подвергается публично-правовой детерминации [1]. Такая трансформация обусловлена необходимостью защиты публичных интересов, обеспечения беспристрастности службы и предупреждения коррупции [2].

Нормативное регулирование дарения демонстрирует двойственность. Ст. 575 ГК РФ запрещает дарение в связи с должностным положением, но допускает «обычные подарки» и устанавливает особый режим для подарков, полученных в рамках протокольных

мероприятий [3]. Одновременно нормы Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и закона «О противодействии коррупции» возлагают на служащих дополнительные обязанности по декларированию и передаче подарков, что переводит часть частноправовых сделок в сферу публичного регулирования [4].

В доктрине отмечается, что нормативная коллизия возникает между принципом свободы договора и императивными антикоррупционными ограничениями. Это порождает вопрос: выступают ли данные запреты как ограничение диспозитивности гражданско-правовых норм или как самостоятельные основания недействительности сделок. Одновременно проявляется функциональное противоречие между личной волей дарителя и публичными целями регулирования – предотвращением конфликта интересов и сохранением нейтральности государственной службы.

Ключевая практическая трудность – разграничение подарка и взятки. Определяющим признаком является мотив передачи: если дар обусловлен ожиданием должностного действия, то он выходит за пределы гражданско-правового регулирования и подлежит уголовной оценке. Однако критерии «обычности» подарка и мотивной обусловленности остаются недостаточно формализованными, что создаёт риски правовой неопределённости.

Для устранения указанных противоречий доктрина предлагает системный подход, направленный на согласование частно- и публично-правовых начал. Ряд исследователей выдвигает предложения о законодательном закреплении объективных признаков «обычного подарка» (включая стоимостные и функциональные критерии), введении единого порядка учёта и передачи подарков, а также разработке процессуальных стандартов для оценки мотивов при правоприменении.

Дополнительно подчёркивается значение профилактических мер – антикоррупционного обучения служащих, усиления внутреннего комплаенса и создания открытых реестров подарков.

Современные труды обращают внимание на необходимость унификации ведомственных процедур и разработки единых методических рекомендаций для органов власти. Аналитические исследования подчёркивают важность установления единых подходов к документированию фактов вручения и хранения подарков, что способствует прозрачности и снижает коррупционные риски.

Решение выявленных проблем возможно по нескольким направлениям. Во-первых, требуется законодательно уточнить критерии «обычного подарка», включив норму-дефиницию в ст. 575 ГК РФ.

Во-вторых, следует принять единый федеральный акт, регулирующий порядок регистрации и передачи подарков, с ведением электронного реестра и автоматизированным контролем.

В-третьих, необходимо развивать антикоррупционный комплаенс и закрепить в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ критерии мотивной обусловленности дарения. Наконец, следует рассмотреть введение административной ответственности за формальные нарушения порядка учёта, не влекущие коррупционного эффекта.

Таким образом, институт дарения в отношении государственных и муниципальных служащих представляет собой сферу пересечения частного и публичного права. Гармонизация регулирования возможна через законодательное уточнение пределов допустимости дарений, формализацию критериев мотивности и развитие превентивных механизмов. Это позволит достичь баланса между принципом свободы договора и публичной функцией государства по обеспечению добросовестности и прозрачности службы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
4. Крутикова С.В. Обычные подарки для государственных служащих // Вестник ТюмГУ. Государственное и муниципальное управление. – 2010. – № 2. – С. 171–174.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н.

Пути повышения эффективности работы органов местного самоуправления в образовательной сфере

Шумилина Н.С.

*Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Нижегородский институт управления
г. Нижний Новгород*

На сегодняшний день образование является одним из основных приоритетов социально-экономического развития государства. В соответствии с Конституцией РФ, право на образование является одним из ключевых прав и свобод человека и гражданина, законодательно закрепленным государством [1]. Именно доступное и качественное образование служит краеугольным камнем для развития общества, являясь ключевым инструментом в воспитании активных граждан, обеспечением экономического благополучия и всестороннего прогресса. Говоря о вопросах управления образованием, В.И. Шкатулла указывает на то, что управление образованием – это «деятельность органов власти, направленная на обеспечение функционирования и развития системы образования. Это процесс, регулирующий достижение целей образовательной политики» [5, с. 254]. Вопросы управления образованием регулируются на всех уровнях Российской Федерации: федеральном, региональном и местном. На муниципальном уровне, который ближе всего к населению, местное самоуправление играет ключевую роль в обеспечении условий для образования. Несмотря на то, что образование часто считают государственной или региональной задачей, именно муниципалитеты обладают уникальным потенциалом для влияния на доступность и качество образовательного процесса.

Основы деятельности местного самоуправления заложены в гл. 8 Конституции РФ, определяющей его ключевые аспекты. Помимо определения его целей, задач и роли, она закрепляет основу для решения населением вопросов местного значения, среди которых выделяется муниципальное управление в сфере образования [1]. Одна из ключевых миссий органов местного управления (далее – ОМСУ) – обеспечить равные возможности для получения качественного образования всеми жителями, независимо от их социального положения и местоположения. В условиях постоянно меняющейся социально-экономической обстановки и растущих требований к качеству образования вопрос повышения эффективности работы ОМСУ в сфере образования приобретает особую актуальность. Данная тема затрагивает фундаментальные аспекты развития общества, поскольку именно на местном уровне реализуется значительная часть образовательной политики, а доступность и качество образования напрямую влияют на благосостояние граждан, конкурентоспособность регионов и страны в целом.

Эффективное управление в любой сфере, особенно в такой ресурсоемкой, как образование, невозможно без достаточного финансового обеспечения. По данным Счетной палаты РФ за 2024 г. доля расходов на образование в бюджетах муниципальных образований составляет 15-20% от общего объема собственных доходов. Однако в некоторых отдаленных регионах этот показатель снижается до 10-12%. В то время как для обеспечения качественного образования требуется значительно большее финансирование. ОМСУ нередко

испытывают дефицит финансовых ресурсов, что затрудняет реализацию качественных изменений и негативно сказывается на доступности и уровне образовательных услуг. ОМСУ нуждаются в более стабильных и достаточных источниках финансирования. Это может быть достигнуто через:

1. Передачу дополнительных налоговых полномочий – предоставление муниципалитетам права устанавливать местные налоги или более высокие ставки по уже существующим, с четким целевым назначением на образование.

2. Эффективное управление муниципальной собственностью, а именно, максимальное использование потенциала нежилых помещений, земельных участков, сдача в аренду, организация собственных образовательных проектов, приносящих доход.

3. Активное привлечение грантов и субсидий – систематически участвовать в конкурсах на получение федеральных и региональных средств, включая целевые программы, направленные на развитие образования.

Цифровые технологии перестают быть просто инструментом и превращаются в мощный ресурс, способный кардинально повысить эффективность управления сферой образования и решить ряд проблем, стоящих перед ОМСУ. Их внедрение открывает новые горизонты для оптимизации процессов, повышения прозрачности, улучшения качества принимаемых решений и, как следствие, повышения доступности и качества образования для всех граждан. Для достижения данной цели ОМСУ должны активно работать над разработкой и внедрением единых информационных систем, а именно это системы для интеграции данных об образовательных учреждениях, учениках, педагогах, родителях, финансовых потоках, что позволяет обеспечивать оперативный доступ к информации для принятия оперативных решений, упрощает отчетность и позволяет проводить глубокий анализ. Внедрение инструментов аналитики больших данных позволит своевременно выявлять проблемные зоны, прогнозировать и оценивать эффективность мероприятий [2]. Также рекомендуется активно внедрять электронное управление, а именно перевод в цифровой формат максимального числа административных процедур, например, запись в школы и детские сады, получение справок, подача заявлений, коммуникация с родителями и т.д. Так, например, рамках реализации Национального проекта РФ «Цифровая экономика» были созданы системы электронной записи в детские сады и школы, однако по состоянию на 2024 г. в процент заявлений составляет 80%. В большинстве регионов Российской Федерации системы электронной записи функционируют и активно используются. Исключения составляют, как правило, самые отдаленные или экономически слабые муниципалитеты, где могут возникать трудности с доступностью инфраструктуры в самых удаленных населенных пунктах и цифровой грамотностью отдельных категорий граждан. Таким образом, крайне важно не только внедрить электронное управление, но и обеспечить его доступность для всех категорий граждан, в том числе с технической точки зрения.

Муниципалитеты несут ответственность за обеспечение высокого качества образования в подведомственных учреждениях. Для достижения этой цели необходимо регулярно осуществлять мониторинг по ключевым показателям эффективности образовательных организаций. Важно регулярно оценивать результаты итоговых испытаний, таких как ОГЭ и ЕГЭ. В настоящее время наблюдается тенденция роста спроса на среднее специальное образование – это не просто модный тренд, а комплексный ответ на ряд вызовов, в том числе критически низкие показатели ЕГЭ, которые стимулируют поиск более доступных и практико-ориентированных способов получения профессии. По данным Министерства просвещения РФ, прошедшая приемная кампания 2024 г. продемонстрировала уверенное преобладание среднего профессионального образования: 62,5% выпускников 9-х классов предпочли колледжи и техникумы, также стоит отметить что лишь 6,8% выпускников колледжей решают продолжить обучение в вузах [6]. Согласно данным НИУ ВШЭ снижение спроса на высшее образование наблюдается с 2005 г. Так, в 2005 г. в России прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры составил 1,641 млн чел., в 2010 г. – 1,4 млн чел., к 2024 г. данный показатель снизился до 1,3 млн чел. [6].

Таким образом, важно анализировать динамику показателей, без этого деятельность ОМСУ в сфере образования рискует стать формальной и неэффективной, не оказывая реального влияния на повышение качества знаний выпускников.

Повышение эффективности работы ОМСУ в образовательной сфере – это многогранная задача, требующая системного подхода. Успех зависит от сочетания финансовой стабильности, грамотного управления, профессиональных кадров, активного использования современных технологий и тесного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами. Только через комплексное применение вышеуказанных путей и методов ОМСУ смогут в полной мере реализовать свой потенциал и обеспечить каждому гражданину возможность получить достойное образование, закладывая фундамент для развития общества и страны в целом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общерос. голосов. 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Муниципальное управление и местное самоуправление: учебник / под ред. И.А. Алексеева. – М., 2023. – 353 с.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон № 33-ФЗ от 20.03.2025 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Шкатулла В.И. Образовательное право России: учебник – М., 2016. – 774 с.
6. Шугаль Н.Б., Варламова Т.А. Прием в вузы: тенденции последних пяти лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1040615991.html>.

Научный руководитель – Рыбкина О.С., к.п.н., доцент

Проблемы заключения, исполнения и расторжения государственного контракта в рамках Закона № 44-ФЗ

Яшин О.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Государственные закупки являются важным инструментом государственного регулирования экономики и обеспечения эффективного расходования бюджетных средств. Договорные отношения, возникающие между государственным заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем), составляют основу контрактной системы, регламентированной Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ [1]. Несмотря на детальную законодательную регламентацию, на практике сохраняется множество проблем, связанных с заключением, исполнением и расторжением государственных контрактов, что обуславливает актуальность данного исследования.

Следует отметить, что цифровизация закупочных процедур, активно развивающаяся в последние годы, способствовала автоматизации процессов заключения контрактов. Как отмечает С.В. Деревцов, переход на электронные процедуры позволил сократить сроки проведения закупок, увеличить конкуренцию и достичь значительной экономии бюджетных средств [2]. Однако даже в условиях повсеместной цифровизации остаются актуальными проблемы, связанные с заключением государственных контрактов. В частности, заключение контракта проходит в несколько этапов: формирование проекта, выбор победителя электронной процедуры, размещение итогового проекта в ЕИС, его подписание победителем с предоставлением обеспечения исполнения контракта и последующее подписание заказчиком. Нарушение сроков или процедуры на любом из этих этапов может привести

к признанию торгов несостоявшимися или к включению участника в Реестр недобросовестных поставщиков.

Кроме того, одной из ключевых проблем этапа заключения контракта является избыточная детализация технических характеристик, приводящая к необоснованному ограничению конкуренции. Указание конкретных товарных знаков или уникальных показателей, не влияющих на функциональность, часто используется для адресного допуска «своего» поставщика, что противоречит принципу обеспечения конкуренции [3]. Как справедливо отмечает Е.В. Самсонова, современная контрактная система должна функционировать на основе системы взаимосвязанных принципов, среди которых принципы открытости, прозрачности и обеспечения конкуренции [4]. Нарушение этих принципов на этапе формирования условий контракта подрывает основы всей системы государственных закупок.

Что касается исполнения государственного контракта, то этот процесс сопровождается множеством рисков, среди которых наиболее значимыми являются поставка товаров ненадлежащего качества, нарушение сроков исполнения обязательств, неполное исполнение условий контракта. Исследования показывают, что данные риски имеют высокую значимость и требуют разработки комплексных мер по их минимизации [3]. Важным инструментом контроля за исполнением контрактов стали модули «Риск-мониторинг» и «Меры реагирования», внедренные в ЕИС. Эти системы позволяют в автоматическом режиме выявлять контракты, содержащие риски нарушений контрактного законодательства, и оперативно принимать соответствующие меры [2]. Особую актуальность в современных условиях приобретает проблема обеспечения качества поставляемой продукции. Как отмечают А.О. Бакланова и Д.О. Бакланова, для минимизации рисков поставки товаров ненадлежащего качества необходима разработка общей методики оценки качества поставляемого товара и проведение входного контроля [3].

Переходя к вопросам расторжения государственного контракта, следует отметить, что расторжение возможно по соглашению сторон, в одностороннем порядке по решению одной из сторон или по решению суда. Наиболее предпочтительным является расторжение по соглашению сторон, так как это позволяет избежать споров и включения в Реестр недобросовестных поставщиков. Односторонний отказ заказчика от исполнения контракта допустим при существенном нарушении условий контракта поставщиком. Процедура строго регламентирована: заказчик обязан направить поставщику уведомление через ЕИС и предоставить 10-дневный срок для устранения нарушений. Нарушение этой процедуры является распространенной проблемой на практике [1]. В контексте обеспечения экономической безопасности государства особое значение приобретает эффективность механизма расторжения контрактов с недобросовестными поставщиками. Как отмечает Н.А. Столярова, низкая эффективность механизма публичных закупок обусловлена как субъективными факторами, связанные с недостаточной квалификацией должностных лиц, так и объективными факторами внешней среды [5].

Таким образом, договорные отношения в контрактной системе характеризуются высокой степенью правовой регламентации, что призвано обеспечить прозрачность, конкуренцию и эффективность использования бюджетных средств. Однако на практике сохраняются серьезные проблемы на всех стадиях реализации государственного контракта: заключения, исполнения и расторжения. Для решения этих проблем необходимо совершенствовать процедуры планирования и обоснования закупок для исключения необоснованного ограничения конкуренции, внедрять современные системы контроля за исполнением контрактов, включая модули риск-ориентированного контроля, обеспечивать строгое соблюдение процедур расторжения контрактов, включая предоставление поставщикам возможности устранения нарушений, а также повышать квалификацию участников контрактной системы, особенно в условиях цифровизации закупочных процессов. Дальнейшее развитие контрактной системы должно происходить с учетом необходимости обеспечения экономической безопасности государства и эффективного

использования бюджетных средств, что требует комплексного подхода к решению существующих проблем.

Библиографический список

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 30. – Ст. 4852.
2. Деревцов С.В. Развитие цифровизации в системе государственных закупок как фактор экономической безопасности государства // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 4. – С. 45-52.
3. Бакланова А.О., Бакланова Д.О. Повышение качества процесса закупок на основе анализа основных рисков в условиях цифровизации // ESG концепция, циркулярная (зеленая) экономика. – 2023. – С. 224-227.
4. Самсонова Е.В. Проблемные аспекты действия принципов контрактной системы в сфере государственных закупок в современных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 1 (101). – С. 69-75.
5. Столярова Н.А. Механизм государственных закупок как элемент системы обеспечения экономической безопасности // Вопросы экономической безопасности. – 2023. – № 2. – С. 15-23.

Научный руководитель – Гооге О.А., к.э.н.

Секция 2. Структурные преобразования в экономике предприятий, отраслей и регионов

Способы управления дебиторской и кредиторской задолженностью производственных предприятий

Анненков С.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В процессе деятельности организации одну из важных ролей играют дебиторская и кредиторская задолженности, потому что они оказывают влияние на ликвидность компании и структуру ее капитала. Дебиторская задолженность дает понять какое количество средств нам должны покупатели за уже поставленный им товар, кредиторская задолженность, наоборот, отражает объем средств, который компания должна заплатить своим поставщикам и подрядчикам. Соблюдение баланса между ними позволяет компании обеспечивать устойчивость в поступлении денежных потоков, а также способствует стабильному финансовому положению организации.

Дебитор – физическое или юридическое лицо, которому отгрузили приобретенный товар, но которое не оплатило его. Помимо этого, есть и другие признаки, согласно которым лицо обозначается дебитором, но так как они не имеют большого отношения к коммерческой деятельности организаций, то и рассмотрены не будут. Дебиторская задолженность, по определению Ендовицкого Д.А., – это право требования корпорации, вытекающее из обязательств юридических и физических лиц по договору в ходе осуществления финансово-хозяйственной деятельности, на поступление финансовых и нефинансовых активов для обеспечения ее приемлемого уровня финансовой устойчивости [1].

Сущность дебиторской задолженности заключается в том, что ее образование связано с предоставлением денег или каких-либо ценностей на условиях возвратности. Отпуск чего-то в долг достаточно эффективный инструмент повышения объема продаж, это можно сказать, посмотрев на то, как давно применяется такой инструмент. Дебиторская и кредиторская задолженность взаимосвязаны, поскольку каждая из них может возникать в процессе расчетов. Их важно рассматривать вместе, поскольку для финансовой устойчивости дебиторская задолженность должна превышать кредиторскую, таким образом, чтобы говорить о способах их управления нам необходимо обозначить понятие кредиторской задолженности.

Как и с дебиторской, практически каждый ученый дает свое «уникальное» определение, но у них есть общие черты. Кредиторская задолженность, по мнению Филиной Ф.Н., – это задолженность организации другим организациям, индивидуальным предпринимателям, физическим лицам, в том числе собственным работникам, образовавшаяся при расчетах за приобретаемые материально-производственные запасы, работы и услуги, при расчетах с бюджетом, а также при расчетах по оплате труда [2].

В организациях Алтайского края за анализируемый период объем дебиторской и кредиторской задолженностей увеличился более чем в полтора раза (табл. 1). Поскольку увеличение происходило ежегодно то можно сказать, что на это повлияло отсутствие эффективных методов управления. Таким образом, чтобы стабилизировать ситуацию и улучшить положение необходимо применять весь арсенал методов управления данными показателями. Чтобы эффективно вести управление дебиторской задолженностью и избежать проблем необходимо: сформировать понятную кредитную политику и создать

план по снижению риска возникновения просроченной или безнадежной дебиторской задолженности, а также создать комплекс мер по ее рефинансированию.

Таблица 1 – Величина дебиторской и кредиторской задолженностей коммерческих организаций в Алтайском крае в 2022-2024 гг (тыс. руб.) [3]

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп прироста за 2022-2024 гг., %
Дебиторская задолженность	151 811 199	205 208 533	281 538 270	85
Кредиторская задолженность	197 946 154	254 353 610	288 961 097	46

Выделяют следующие типы кредитной политики организации: консервативный, умеренный и агрессивный. После определения типа кредитной политики и желаемого уровня дебиторской задолженности наступает момент, когда необходимо конкретизировать условия предоставления кредита. Здесь важным будет являться кредитный лимит, свыше которого финансирование задолженности будет неоправданным. По ходу работы с задолженностью необходимо периодически рассчитывать темп ее роста, чтобы понимать, на сколько больше или меньше средств получила организация. Другим действенным вариантом управления дебиторской задолженностью является ее классификация по срокам оплаты, чтобы выявить клиентов, которые нарушают условия и облагать их процентом за просрочку. Так, например, Курганова О.А. предлагает классифицировать дебиторскую задолженность следующим образом: срок оплаты не наступил; просрочка от 1 до 30 дней (до 1 месяца); просрочка от 31 до 90 дней (от 1 до 3 месяцев); просрочка от 91 до 180 дней (от 3 до 6 месяцев); просрочка от 181 до 360 дней (от 6 месяцев до 1 года); просрочка от 360 дней и более (более 1 года) [4].

Такое разделение позволит выявить, что относится к оправданной задолженности, а что к неоправданной. Отвлечение денежных средств в эту задолженность может привести к неплатежеспособности предприятия. Соответственно такую часть необходимо минимизировать. Специалисты по управлению задолженностью также называют действенным методом рефинансирования. В нынешних условиях наиболее распространенные варианты – это уступка прав требования, страхование, факторинг и учет векселей. Но некоторые компании для неплательщиков вводят штрафы, которые должны помочь с возвращением денежных средств.

Иногда прибегают к такому методу, как установление скидок, цель которых ускорить возврат дебиторской задолженности. Кроме того, управлению кредиторской задолженностью включает в себя следующие аспекты: определение системы показателей оценки состояния задолженности, выделение оптимального управления, повышение эффективности управления. Управление кредиторской задолженности происходит с помощью таких способов, как: введение службы контроля, появление системы мотивации персонала, получение скидок на закупаемую продукцию [5]. Исходя из вышеуказанной информации можно сделать вывод о том, что только постоянное управление дебиторской и кредиторской задолженностью, причем с комплексным применением различных методов и способов может принести организациям их объем на желаемом уровне, а также соблюдение баланса между данными показателями, что будет говорить о платежеспособности и финансовой устойчивости компании.

Библиографический список

1. Ендовицкий Д.А., Коробейникова Л.С., Полухина И.В. Корпоративный анализ: учебник. – М, 2023. – 206 с.
2. Филина Ф.Н. Дебиторская и кредиторская задолженность: острые вопросы налогообложения. – М., 2008. – 152 с.
3. Информация по объему дебиторской и кредиторской задолженности организаций оптовой торговли лесоматериалами // ЕМИСС: [сайт]. – URL: <https://fedstat.ru>.
4. Курганова О.А. Основы управления дебиторской задолженностью предприятия // Концепт. – 2015. – № 5. – С. 36-40.
5. Лукина Е.В. К вопросу оценки конкурентоспособности корпорации // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2020. – № 17. – С. 45-50.

Научный руководитель – Рожкова Д.В., к.э.н.

Роль предпроверочного анализа в механизме налогового контроля в Российской Федерации: о перспективах легализации

Букреева Т.Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Налоговый контроль является неотъемлемой частью фискальной системы любого государства, обеспечивающей пополнение бюджета и соблюдение налогового законодательства. В Российской Федерации налоговые органы наделены широкими полномочиями по проведению налоговых проверок налогоплательщиков, а также проведению предпроверочного анализа, который в обязательном порядке предшествует выездным налоговым проверкам. Предпроверочный анализ, являясь по сути своей, инструментом отбора налогоплательщиков для проведения выездных проверок, тем не менее, способен существенно влиять на деятельность хозяйствующих субъектов.

На практике механизм мероприятий предпроверочного анализа реализуется в следующем порядке: проведение фискальными органами предварительного анализа деятельности конкретных налогоплательщиков; установление и предъявление в адрес налогоплательщиков налоговых рисков для добровольного исполнения налоговых обязательств; уплата в бюджет налогоплательщиками предъявленных и согласованных с налоговым органом сумм налоговых обязательств.

Данный механизм работает довольно успешно, позволяя и государству в существенном размере пополнять все виды бюджетов без проведения долгих и трудоемких процедур налоговых проверок и налогоплательщику избежать выездного налогового контроля и сэкономить на суммах штрафов и пени.

В настоящее время возникают сложности, связанные с правовым регулированием процесса проведения предпроверочного анализа, а именно: в Налоговом кодексе РФ [1] отсутствуют статьи, прямо регулирующие процесс проведения предпроверочного анализа и механизм защиты налогоплательщиков при проведении данных действий.

Отсутствуют утвержденные формы документов, используемых при проведении предпроверочного анализа, нет документального закрепления решений, принимаемых налоговыми органами по результатам проведения рабочих встреч с участием налогоплательщиков, нарушение которых могло бы приводить к каким-либо последствиям, законодательно не закреплено даже понятие данного мероприятия, которое фактически использует в своем арсенале налоговая инспекция и которое пополняет бюджет страны.

Фактически, имеющиеся регуляторные документы в указанной сфере, коими являются в основном письма Минфина РФ и ФНС России [2], характеризуются недостаточной четкостью норм, весьма широким толкованием полномочий налоговыми органами и отсутствием эффективных механизмов защиты прав налогоплательщиков на данном этапе налогового контроля.

За последнее десятилетие было внесено огромное количество поправок в Налоговый кодекс РФ. Столь многочисленные изменения были обусловлены и необходимостью снижения нагрузки на судебную систему. Например, в нормы Налогового Кодекса РФ был введен обязательный апелляционный порядок обжалования всех актов ненормативного характера, вынесенных нижестоящими налоговыми органами, а также действий или бездействий их должностных лиц, что существенно снизило количество обращений в арбитражные суды налогоплательщиков, так как часть обоснованных жалоб удовлетворяется уже на стадии апелляционного обжалования. Данные нормы Налогового Кодекса РФ не состоятельны в случае проведения диалога между налоговым органом

и налогоплательщиком, оформленного в виде устного соглашения об оплате налоговых обязательств между ними.

Мировая практика свидетельствует о том, что в странах с развитой экономикой довольно успешно решаются вопросы по претензиям государственных фискальных органов к представителям бизнеса до процедур налогового контроля и предъявления штрафов по ним [3, 4, 5].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать несколько выводов:

1. Аппарат предпрроверочного анализа или его аналоги имеют достаточное распространение в странах с устоявшимися правовой и экономической системами, который позволяет государству экономить на трудовых, временных и экономических затратах, получая денежные средства с налогоплательщиков «здесь и сейчас».

2. Налоговые органы РФ, осуществляя методы предпрроверочного анализа структурируют свою работу в части отбора для углубленного налогового контроля только тех налогоплательщиков, которые с большой долей вероятности совершили налоговые правонарушения и размер этих нарушений соответствует критериям отбора для проведения результативной налоговой проверки. Соответственно, экономический смысл проведения проверки будет достигнут, если затраты на ее проведение многократно будут перекрыты суммами доначисленных сумм налогов и сборов.

3. В настоящее время в законодательстве РФ отсутствует нормативно правовая база по проведению предпрроверочного анализа. Отсутствует четко закрепленное понятие, методы и способы проведения, механизм закрепления результатов проведенных мероприятий, порядок, сроки и механизм ознакомления налогоплательщика с выявленными в ходе предпрроверочного анализа нарушениями законодательства о налогах и сборах, законодательно не установлены права и обязанности как налогоплательщиков; так и налоговых органов при рассмотрении собранных материалов. Не закреплена обязанность или даже возможность вынесения налоговым органом какого-либо ненормативного акта по результатам проводимых встреч с участием налогоплательщика, который бы устанавливал права и обязанности сторон, отсутствует механизм контроля по обязательному исполнению сторонами достигнутого соглашения.

Отсутствие законодательно установленных полномочий налоговых органов и законодательно закрепленного регулирования процесса фиксации результатов соглашений между фискальными органами и налогоплательщиками в этой сфере, зачастую приводит к нарушению прав и законных интересов налогоплательщиков, что в свою очередь, обуславливает актуальность исследования проблематики их защиты в данном процессе.

Любое государство, в целях создания понятных, четких и справедливых правил ведения бизнеса, должно обеспечить баланс между эффективностью налогового контроля и защитой прав налогоплательщиков.

Таким образом, в настоящее время, назрела первоочередная необходимость в правовом законодательном регламентировании процесса проведения предпрроверочного анализа, так как данный механизм является действующим и позволяет государству и бизнесу эффективнее использовать свои ресурсы. Законодательное закрепление в Налоговом кодексе РФ предпрроверочного анализа, как формы налогового контроля позволит четко обозначить предел полномочий проверяющих органов, структурировать процесс проведения анализа и принятия по его итогам решения, а также закрепит права налогоплательщиков.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31 июля 1998 г., № 146-ФЗ) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Об утверждении форм документов, используемых налоговыми органами при реализации полномочий, предусмотренных частью первой Налогового кодекса Российской Федерации: Приказ ФНС России от 30.05.2007 №ММ-3-06/333@ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Петров П.С. Контроль налоговых органов в современных условиях хозяйствования // Современная экономика: концепции и модели развития. – 2022. – № 4. – С. 3-15.

4. Захарова Е.Н. Роль предпроверочного анализа в выявлении рисков уклонения от уплаты налогов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2022. – Т. 39, № 2. – С. 35-44.

5. Белозеров Д.Ю. Легализация результатов предпроверочных мероприятий как фактор повышения эффективности деятельности налоговых органов // Экономические науки. – 2023. – №1. – С. 45-54.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

ESG-подходы в малом и среднем предпринимательстве: текущее состояние и ограничения внедрения

Верецагин В.С.

*Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда*

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) является одним из ключевых драйверов устойчивого развития как регионов, так и страны в целом. Оно создает рабочие места, повышает налоговую базу, диверсифицирует экономику и стимулирует инновации на местах. Благодаря гибкости и близости к локальным сообществам МСП быстрее выявляет потребности, восполняет инфраструктурные пробелы, укрепляет социальную сплоченность и повышает экономическую устойчивость территорий, снижая зависимость от крупных предприятий и моноотраслей. Чтобы этот вклад был долгосрочным и системным, предпринимательству необходимо подключать и осваивать принципы ESG. Интеграция экологических практик (эффективное использование ресурсов, сокращение выбросов и отходов), социальных стандартов (безопасные и комфортные условия труда, развитие персонала, вклад в местные сообщества) и качественного управления (прозрачность, управление рисками) повышает не только доверие клиентов и инвесторов, но и что немаловажно снижает операционные риски и издержки.

Анализ научной литературы показывает, что подходы ESG (Environmental, Social, Governance) понимаются как совокупность экологических, социальных и управленческих факторов, представляющих собой эволюцию концепции корпоративной социальной ответственности (КСО). Как отмечают И.В. Ведерин и соавторы, в настоящем произошел переход от общей КСО к более конкретным и измеримым ESG-критериям [2]. Авторы методического пособия школы экспорта РЭЦ уточняют, что если КСО – это качественная информация о бизнесе, то ESG – это количественные показатели эффективности [5]. А.И. Козлова и Ю.В. Ляндау определяют ESG как стандарты ведения бизнеса с акцентом на экологию, заботу о людях и прозрачность менеджмента [4]. Внедрение ESG не ограничивается крупными корпорациями: школа экспорта РЭЦ подчеркивает его эволюционный характер и применимость к МСП для долгосрочного роста [5]. К ключевым стимуляторам для МСП относят интерес инвесторов, ответственное потребление, снижение издержек, привлечение талантов и включение в цепочки крупных компаний. Сопоставление мнений показывает консенсус о значении вовлечения МСП и роли давления со стороны крупных компаний, при различиях в оценке зрелости и ключевых драйверов.

Согласно анализу опроса, который проводился НИФИ Минфина России и ИРПЭ, в котором приняли участие более 1 000 респондентов из 71 региона, было выявлено, что главными барьерами внедрения ESG принципов являются низкая осведомленность и незаинтересованность предпринимателей, отсутствие стандартов ESG-финансирования и высокие издержки. Поставщики крупных компаний осведомлены лучше и относятся к ESG позитивнее, однако требования контрагентов к МСП предъявляются редко, большинство не могут оценить их уровень [3]. Также исследование, проведенное Лигой зеленых брендов совместно с FORS Research и «Опорой России», в котором приняли участие около 800 субъектов малого и среднего предпринимательства, показало, что 48%

предпринимателей готовы нести дополнительные затраты для выполнения требований крупного клиента по устойчивому развитию; 53% – знакомы с «зеленой цепочкой поставок», 37% – проверяют поставщиков на эко-сертификаты/кодекс, 32% – имеют опыт экомаркировки/базы ответственных поставщиков; 61% – знают хотя бы один климатический стандарт (чаще ГОСТ/ISO), 34% – проводили расчет выбросов парниковых газов или планируют его в течение года [6]. Также следует, продемонстрировать значения ESG показателей по федеральным округам Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1 – Значения ESG показателей по федеральным округам России [1]

Федеральный округ	ESG	E	S	G
Уральский ФО	4,59	5,05	5,04	2,78
Центральный ФО	4,24	4,78	4,50	2,78
Дальневосточный ФО	4,14	4,94	4,23	2,71
Приволжский ФО	4,11	5,14	4,01	2,81
Сибирский ФО	4,03	5,04	4,06	2,46
Южный ФО	4,03	4,53	4,34	2,50
Северо-Западный ФО	3,89	4,16	4,21	2,69
Северо-Кавказский ФО	3,66	3,76	4,16	2,24

Из табл. 1 видно, что динамика развития по федеральным округам заметно различается по компонентам ESG. Наивысшие интегральные оценки отмечены в Уральском (4,59) и Центральном (4,24) округах, что обусловлено их опережающими результатами по экологическому (E) и социальному (S) направлениям. При этом компонент управления (G) остается слабым звеном для всех округов – значения колеблются в диапазоне 2,24-2,81, что указывает на устойчивые институциональные ограничения.

На основе проведенного исследования были выделены следующие барьеры внедрения: низкий уровень информированности и дефицит прикладной компетенции, ограниченность финансовых и человеческих ресурсов, отсутствие единых и адаптированных под МСП стандартов отчетности и инструментов финансирования при необязательном характере сертификации. В то же время практическая эффективность ESG уже дает ощутимые результаты и расширяет стратегический потенциал малого и среднего предпринимательства: растут конкурентные позиции и репутационный капитал, укрепляется бренд работодателя и частично смягчается дефицит кадров; за счет энергосбережения и цифровизации документооборота сокращаются операционные расходы, повышая устойчивость к рыночной волатильности.

Библиографический список

1. ESG оценка российских городов 2025 года: баланс развития в условиях вызовов [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLSBM>.
2. Ведерин И.В., Головшинский К.И., Давыдов М.И. ESG: три буквы, которые меняют мир: доклад. к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества – Москва: ВШЭ, 2022. – 138 с.
3. ESG в секторе МСП: результаты опроса в российских регионах: доклад // НИФИ Минфина России, Институт развития предпринимательства и экономики, 2023. – 38 с.
4. Козлова А.И., Ляндау Ю.В. ESG-стандарты для управления устойчивым развитием компании // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 62-65.
5. Устойчивое развитие и интеграция ESG-факторов в деятельность компании: методическое пособие // АНО ДПО «Школа экспорта Акционерного общества «Российский экспортный центр». – Москва, 2023. – 78 с.
6. Лига зеленых брендов; IFORS Research; «Опора России». Интеграция МСП в ESG-повестку: результаты исследования [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLSZT>.

Научный руководитель – Ускова Т.В., д.э.н., профессор

Управление результатами деятельности стартап-команды университетского технологического предпринимательства

Гареева Э.Р.

*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)
г. Казань*

Университетское технологическое предпринимательство (далее – УТП) с 2025 г. являющееся частью федерального проекта «Технологии» национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика», формирует основу структурных преобразований в экономике регионов на основе: создаваемых стартап-командами УТП продуктов, университетских экосистем, вовлекающих значительное количество обучающихся в стартап-движение и их наставников, индустриальных и социальных партнеров вузов по технологическим направлениям Платформы университетского технологического предпринимательства (далее – ПУТП) [1, 2].

Исследуя результаты деятельности стартап-команд УТП необходимо выделить объекты интеллектуальной собственности (ОИС); продукты (товары, услуги в виде прототипа, опытной модели или результата интеллектуальной деятельности (РИД) стартап-команды УТП, внедренные в практику хозяйствующих объектов; стартап-команды как объединение обучающихся, созданные в процессе обучения для достижения конкретной цели, причем участники стартап-команды отличаются ярко выраженными характеристиками лидеров молодежного стартап-движения, исследуемых в работе Панарина И.А. [3, 4, 5, 6].

Согласно данным ПУТП в процесс УТП вовлечены 789 800 участников по состоянию на 2025 г.). Рассматривая ПУТП как экосистему с участниками-вузами, их партнерами, необходимо исследовать вопросы особенностей подготовки обучающихся к участию в проектной деятельности, УТП в целом. Так, в работе Шелковой С.В, Шлегель С.В. отражена необходимость применения интерактивных и проектных технологий в процессе обучения, на основе традиций отечественного образования, в целях «... нивелирования когнитивной зависимости и ликвидации человеческой коммуникации в использовании геймификации и технологий сотрудничества...» [6]. Изменения в образовательном процессе в условиях развития цифровых технологий и УТП отражаются в переносе акцентов на практику обучения, включая разработку идеи стартапа от ее зарождения до реализации в виде продукта, с защитой ОИС, трансфером (переносом) знаний, приобретенных стартап-командами из вузовской среды во внешнюю [7].

Данная стратегия управления результатами деятельности стартап-команды УТП содействуют преобразованиям в структуре экономики региона, страны, на основе технологических инноваций [8, 9]. Сущность деятельности стартап-команды, опирающаяся на бережливые технологии, отражается как в бережливых подходах в управлении (например, бережливый стартап), что способствует повышению конкурентоспособности вузов, так и бережливых (экономичных, экологичных) продуктах, которые создают конкурентные преимущества продуктов стартап-команд УТП [10, 11].

На основе анализа трудов исследователей, анализа собственного опыта участия на ПУТП 2023-2034 гг. (место 703-705, стартап-проект «АлгаFIT. Фитнес-Кабинки»), в Акселераторе вуза (стартап-проект «We're power» в 2023 г), анализа результатов других участников ПУТП выявлена необходимость в подготовке компетенций на уровне стартап-команды в области управления ОИС в формате тренингов, тестовых заданий; защиты ОИС на этапе зарождения идеи стартап-проекта и тестирования идеи [1, 6, 7, 11]. Таким образом, УТП являясь основой предпринимательской модели университета, оказывает преобразующее значение на структуру экономики региона, страны [12].

Библиографический список

1. Топ-1000 университетских стартапов 2024 // Платформа университетского технологического предпринимательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLSuv>.
 2. Шаймиева Э.Ш., Гумерова Г.И. Стартапы креативных индустрий: характеристики стартапов, направление программ развития // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 5. – С. 1523-1550.
 3. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Управление интеллектуальной собственностью. – Казань: Познание, 2014. – 132 с.
 4. Панарин И.А., Смертин А.Г. От активности к социальной ответственности молодежи // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 7. – С. 101-105
 5. Панарин И.А. Личностные характеристики лидеров молодежных движений с разным типом готовности к социальной ответственности // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 212-217.
 6. Шелкова С.В., Шлегель С.В. Особенности преподавания в высшей школе с учетом вызовов системы образования в эпоху цифровизации // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 134-137.
 7. Гареева Э.Р. Университетский технологический стартап: от идеи до тестирования продукта // Cifra. Экономика. – 2025. – № 2.
 8. Шаймиева Э.Ш. Стратегический менеджмент: учебное пособие – Казань: Познание, 2014. – 136 с.
 9. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Анализ управления технологическими инновациями на промышленных российских предприятиях: источники финансирования, инновационная стратегия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 143-150.
 10. Шаймиева Э.Ш., Гумерова Г.И., Гареева Э.Р. Бережливый стартап для повышения конкурентоспособности российских вузов: научно-теоретические аспекты // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 110. – С. 166-178.
 11. Выпускница Алтайского госуниверситета запустила стартап по производству экологически чистых вещей [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLSxs>
 12. Гареева Э.Р. К вопросу о реализации третьей - предпринимательской - миссии университетов на примере республики Татарстан // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: Материалы XIV Междунар. научн.-практ. конф. студентов и аспирантов. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 34-41.
- Научный руководитель – Шаймиева Э.Ш., д.э.н., доцент*

Анализ практики регулирования локального потребительского рынка на уровне муниципального образования

Джумаева Ш.У.

*Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург*

Регулирование потребительского рынка – не абстрактная бумажная работа чиновников, а практика, которая напрямую влияет на то, какие товары и услуги мы видим в магазинах, по каким ценам их покупаем и насколько безопасно их использовать. На примере Екатеринбурга можно проследить, как федеральные правила и местные инициативы переплетаются в повседневной жизни горожан и предпринимателей.

Основу регулирования формируют федеральные законы Гражданский кодекс РФ, ФЗ № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3], ФЗ № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [2] и сопутствующие акты. Эти документы задают общие правила – права потребителей, обязанности продавцов и производителей, антимонопольные ограничения и требования к качеству продукции. Муниципалитет, в свою очередь, реализует и конкретизирует эти принципы в своих программах, проверках и поддержке бизнеса.

Рассмотрим муниципальную политику на практике. В Екатеринбурге одним из важных инструментов стала программа «Развитие и поддержка промышленности, малого и среднего предпринимательства» [1]. Она нацелена на стимулирование локального производства и технологическую модернизацию, финансовую и нефинансовую поддержку предпринимателей, предоставление муниципальных площадей и сопровождение инвестпроектов, развитие кластеров и помощь в выходе на внешние рынки. Эти меры

помогают небольшим компаниям конкурировать с крупными сетями, создают рабочие места и расширяют ассортимент на местном рынке.

Местные органы проводят проверки торговых точек, мониторят цены на социально значимые товары, следят за маркировкой и сертификацией. Совместная работа с Роспотребнадзором и органами статистики позволяет оперативно выявлять нарушения и принимать меры – от предписаний до штрафов. Такие действия повышают прозрачность рынка и защищают потребителей от недобросовестных практик.

Данные Росстата и местной статистики – ключевой инструмент для оценки ситуации: объемы розничной торговли, структура потребления, динамика цен. На их основе корректируют муниципальные программы, оценивают вклад малого и среднего бизнеса и выделяют приоритетные сектора для поддержки [4].

Эффективное регулирование – это поиск баланса между интересами предпринимателей и правами потребителей. Местные инициативы, которые снижают административные барьеры, создают предпринимательские площадки и облегчают доступ к муниципальным закупкам, повышают конкуренцию и расширяют предложение. Одновременно контроль качества и защита прав потребителей стимулируют рост стандартов обслуживания.

Несмотря на позитивные сдвиги, на местах остается ряд препятствий: ограниченность муниципального бюджета и ресурсов для масштабной поддержки и контроля; высокая концентрация розничной торговли у крупных сетей, что затрудняет выход местных производителей на полки; разрыв между федеральными требованиями и их практической реализацией в части маркировки, сертификации и контроля качества. Частично эти проблемы решают через взаимодействие с региональными и федеральными органами, участие в государственных субсидиях и национальных проектах. Важны также практические шаги: упрощение процедур для малого бизнеса, развитие локальной логистики и маркетинговая поддержка производителей.

Регулирование локального потребительского рынка – это сочетание законов, мониторинга и реальной поддержки предпринимателей. Опыт Екатеринбурга показывает, что результат достигается не только нормативными мерами, но и конкретными программами, доступной статистикой и оперативной работой по защите прав потребителей. Чтобы дальнейшее развитие было устойчивым, необходимо укреплять финансовую и организационную базу муниципалитетов и выстраивать эффективное взаимодействие с региональными и федеральными структурами.

Библиографический список

1. Развитие и поддержка промышленности, малого и среднего предпринимательства и инновационной деятельности г. Екатеринбург: Муниципальная программа [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLXfH>.
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. О защите прав потребителей: Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Федеральная служба государственной статистики [офиц. сайт]. – URL: <https://ssl.rosstat.gov.ru>.

Научный руководитель – Власова Н.Ю., д.э.н., профессор

Финансовые риски бюджетных учреждений: теория, практика и инструменты управления

Дронова С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время российские бюджетные учреждения сталкиваются с рядом специфических финансовых рисков, обусловленных особенностями функционирования в публично-правовом секторе. Специфика деятельности таких организаций подразумевает строгую регулируемость и ограниченность оперативной самостоятельности, что затрудняет своевременное реагирование на возникающие угрозы.

В сфере деятельности бюджетных учреждений особенно важно оперативное и точное выявление рисков, что требует постоянного совершенствования методов и инструментов управления ими [2]. Под чистым финансовым риском понимается вероятность возникновения негативных финансовых последствий (потери денежных средств или снижения стоимости активов учреждения) вследствие неблагоприятного воздействия внешних и внутренних факторов.

Выделяют следующие виды финансовых рисков:

- кредитный риск – неисполнение контрагентами учреждения своих обязательств;
- регулятивный риск – изменения в нормативно-правовой базе, оказывающие влияние на деятельность учреждения;
- операционный риск – ошибки, связанные с человеческим фактором, сбои в системах обработки данных и недостатки управленческих процедур;
- валютный риск – колебания обменных курсов валют (актуально при наличии валютных операций);
- макроэкономический риск – нестабильность политической и социально-экономической обстановки [1].

Понимание природы и видов финансовых рисков необходимо для разработки эффективной системы управления ими. Управление финансовыми рисками в бюджетных учреждениях – сложная задача, требующая комплексного подхода и тщательного анализа ситуации. Для эффективного управления необходимо применять специализированные методы и инструменты, обеспечивающие качественное выявление, оценку и минимизацию рисков.

Среди основных методик, используемых для анализа и управления финансовыми рисками в бюджетных учреждениях, можно выделить карту рисков, позволяющую классифицировать потенциальные риски по уровню значимости и вероятности реализации; SWOT-анализ, включающий оценку сильных и слабых сторон организации, а также внешних возможностей и угроз; сценарный анализ, заключающий в себе процесс моделирования различных сценариев развития событий для выявления возможных отклонений; мониторинг ключевых показателей, характеризующийся регулярным контролем динамики финансовых метрик для своевременного выявления признаков ухудшения финансового состояния.

Неотъемлемой частью системы управления рисками является внутренняя система финансового контроля и аудита, которая должна включать постоянный мониторинг состояния рисков, формирование резервов денежных средств для покрытия непредвиденных расходов, автоматизацию бизнес-процессов с целью сокращения ошибок и повышения эффективности, регулярное обучение сотрудников, занимающихся управлением рисками [5].

Современная экономическая ситуация, характеризующаяся повышенной неопределенностью из-за глобализации, волатильности рынков и изменений регуляторной

среды, обуславливает первостепенное значение управления финансовыми рисками для бюджетных учреждений [4].

Эффективное функционирование внутренней системы контроля, применение инновационных подходов к управлению рисками и непрерывное повышение квалификации персонала – необходимые условия для обеспечения стабильности и надежности финансовой системы учреждения.

В отличие от коммерческих организаций, бюджетные учреждения действуют в рамках строгих бюджетных ограничений и не имеют целью получение прибыли, что обуславливает следующие специфические особенности их рисков: риск нецелевого использования бюджетных средств, обусловленный высоким уровнем контроля со стороны государства и необходимостью строгого соответствия расходов утвержденным бюджетным ассигнованиям; риск недостаточного финансирования, который может привести к невыполнению учреждением своих обязательств из-за нестабильности бюджетного финансирования; риск неэффективного использования активов, связанный с необходимостью обеспечения сохранности и эффективного использования государственного имущества.

Успешное управление финансовыми рисками в бюджетных учреждениях – это непрерывный процесс, требующий комплексного подхода. Главная задача здесь – обеспечить целевое использование выделенных средств, постоянно совершенствовать планирование и прогнозирование бюджета, добиваться более эффективного распоряжения активами и неукоснительно следовать всем требованиям законодательства. Для этого необходимо не только постоянно обновлять методы и инструменты анализа, но и чутко отслеживать изменения во внешней среде, чтобы оперативно реагировать на возникающие проблемы [6]. В конечном итоге, эффективность достигается благодаря органичному сочетанию теоретических знаний и практических навыков. Только путем непрерывного пересмотра и адаптации стратегий управления рисками к любым новшествам учреждения смогут обеспечить долгосрочную стабильность и минимизировать вероятность потенциальных убытков [3].

Библиографический список

1. Алдатов Р.Б. Виды и проявления финансовых рисков в контексте современной концепции риск-менеджмента // Вестник науки. – 2025. – № 2. – С. 15-24.
2. Бобылева А.С., Максимова С.Ю. Формирование информационной базы финансового риск-контроллинга в сельскохозяйственных организациях с применением модели интегральной оценки финансового риска // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 4-22.
3. Загарских В.В. Оценка бюджетных рисков и ведение реестра бюджетных рисков // Вопросы современной науки и практики. – 2024. – № 1. – С. 55-59.
4. Семенюк Я.В. Управление рисками в финансовой сфере, включая кибербезопасность, риски взлома и финансовые мошенничества // Оригинальные исследования. – 2023. – № 5. – С. 142-146.
5. Ставрова Т.А. Управление бюджетными рисками: развитие внутреннего финансового аудита // Управление финансами. Аудит. – 2022. – № 5. – С. 126-146.
6. Лукина Е.В. Методический подход к разработке стратегии маркетинга // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 26-36.

Научный руководитель – Чубур О.В., к.э.н., доцент

Управление финансовыми ресурсами организаций

Егоров Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Управление финансовыми ресурсами организаций объясняется особым значением финансов, способных трансформироваться в любой другой вид ресурсов – здания и сооружения, технологии, сырье и материалы, персонал. Эффективность этого перехода определяет экономическое благополучие предприятия. Финансовые ресурсы также могут быть использованы как самостоятельно работающие активы, генерирующие различные виды доходов. Проблема управления финансовыми ресурсами организаций возникла давно, с появлением первых коммерческих организаций. Упоминания о кредитных организациях в Древнем Вавилоне и Риме датируются VIII в. до н.э. В Древней Руси существовали товарищества, объединения купцов. В XVI-XVII вв. в Российской Империи Александр I законодательно закрепил правовые основы создания коммерческих организаций в начале XIX в. (1805-1807 гг.).

Управление финансовыми ресурсами, как самостоятельное научное направление, начало развиваться лишь в середине XX в., и рассматривалось как нечто среднее между теорией финансов, бухгалтерским учетом и теорией управления [3]. Ближе к концу XX в. было сформулировано понятие «финансовый менеджмент». Существует множество подходов к определению понятия финансовых ресурсов организации, по причине того, что данная экономическая категория достаточно сложна, широка и вызывает разногласия между учеными-исследователями. К изучению данного вопроса можно подойти с нескольких точек зрения, например, с точки зрения выражения финансового результата предприятия; количества денежных средств, находящихся в его распоряжении; части собственного оборотного капитала.

В общем виде, финансовые ресурсы организации – это все денежные средства, необходимые для генерирования активов для осуществления всех видов деятельности, причем как за счет собственных источников: доходов, резервов и капитала; так и за счет заемных источников и поступлений [2]. Перейдем к рассмотрению вопроса, касающегося непосредственно управления финансовыми ресурсами организации.

Управление финансовыми ресурсами организации – это совокупность методов, операций, приемов воздействия на различные виды ресурсов с целью достижения определенного финансового результата. Его целью является оптимизация не только доходов и источников их формирования, но и расходов и их направлений. Высокое значение управления финансовыми ресурсами актуально как для организаций, находящихся в трудном, неустойчивом финансовом положении, так и для благополучных предприятий. Для одних – это возможность выйти из кризисного состояния и обрести устойчивость, сохранив свое существование; для других – максимизировать прибыль, увеличить масштабы деятельности, не упустить выгоду.

Например, в условиях жесткой денежно-кредитной политики, проводимой ЦБ РФ, высокий уровень ключевой ставки делает неэффективным привлечение заемного капитала путем банковского кредитования. В то же время, размещение свободных денежных средств на банковском вкладе, наоборот, становится выгодным [1]. Исходя из этого, те организации, которые обладают остатками на счетах, размещая их во вкладах, получают доход от финансовой деятельности, не упуская выгоду.

В современном мире, следует уделить внимание не только классическим финансовым инструментам, таким как кредит или займ, но и производным – опционам, фьючерсам и другим ценным бумагам. В 2021 г. стал доступен новый инструмент – цифровые финансовые активы

(ЦФА). Организация может выступать как эмитент, и как держатель актива. Основным преимуществом ЦФА является возможность дробления. Это позволяет приобретать не целый актив, а лишь его часть. Например, организация может получить права не на весь объект недвижимости, а на долю в общей площади. Благодаря этому, достигается ликвидность актива и предоставляется возможность вложений в альтернативные активы, которые не доступны на биржевом рынке. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что финансовый рынок динамично развивается и организациям предоставляется все больше возможностей для вложений. Это становится возможным благодаря эффективному управлению, которое подразумевает планирование поступлений и платежей, контроль денежных потоков, анализ фактических показателей деятельности, распределению денежных средств, полученных от операционной деятельности, в инвестиции [4]. Это оказывает прямое влияние на финансовую устойчивость организации, что является ключевым показателем для контрагентов и инвесторов, а также отражает конкурентоспособность и рыночную стоимость предприятия [5].

Таким образом, управление финансовыми ресурсами организации является самостоятельным ответвлением финансового менеджмента, а также важнейшей задачей руководства организации. Его значимость объясняется необходимостью наличия финансовых ресурсов для осуществления какой-либо деятельности, а эффективность управления ими выражается в положительном финансовом результате, устойчивости и платежеспособности предприятия.

Библиографический список

1. Жиянова Н.Э., Таджибекова Д.Б. Пути совершенствования формирования и использования финансовых ресурсов субъектов бизнеса в современных условиях // Science and Education. – 2021. – № 5. – С. 87-92.
2. Стоянова Е.С. Финансовый менеджмент. – Москва: Перспектива, 2020. – 656 с.
3. Федорова М.А., Гаврилова О.Ю. Анализ экономической устойчивости развития молочного скотоводства с позиции формирования производственного потенциала // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 19.
4. Тарасова И.П., Пасько Е.А. Финансовые ресурсы организации: содержательный аспект // Экономика и социум. – 2017. – № 5. – С. 1068-1074.
5. Усенко А.М. Финансовые ресурсы как объект финансовых отношений коммерческих организаций // Финансовые исследования. – 2015. – № 2. – С. 123-127.

Научный руководитель – Валецкая Т.И., к.э.н.

Конкурентоспособность строительных организаций в Алтайском крае: вызовы и пути повышения

Зелинская Н.К.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Строительный сектор является важной частью экономики любого региона, включая Алтайский край. Развитие инфраструктуры, жилья и коммерческих объектов напрямую связано с качеством и конкурентоспособностью строительных организаций. В условиях рыночной экономики предприятия сталкиваются с многообразием вызовов, которые требуют эффективных подходов для сохранения и повышения их конкурентоспособности. Цель данной статьи заключается в анализе факторов, влияющих на конкурентоспособность строительных организаций в Алтайском крае, а также в выработке рекомендаций по их улучшению.

Конкурентоспособность организации определяется, как способность успешно конкурировать в рыночной среде. Для строительных компаний основными критериями конкурентоспособности являются качество выполняемых работ, стоимость услуг, соблюдение сроков выполнения заказов, степень технологической насыщенности процессов и уровень профессиональной подготовки кадров. Согласно исследованию, проведенному

в 2022 г., среди факторов, влияющих на конкурентоспособность строительных организаций, можно выделить несколько ключевых аспектов. Они включают: доступ к современным технологиям, уровень инноваций, экономическую эффективность, наличие квалифицированных специалистов и управление рисками.

Алтайский край, обладая значительными природными ресурсами, благоприятен для развития строительного сектора. Однако в последние годы данный сектор сталкивается с рядом серьезных проблем, таких как недостаток инвестиций, устаревшие технологии и нехватка квалифицированного персонала.

По данным Министерства строительства и жилищной политики Алтайского края, объем товарной продукции строительного комплекса в 2022 г. сократился на 15% по сравнению с 2021 г. Основные причины снижения связаны с экономическими последствиями пандемии COVID-19, изменением условий кредитования и инфляционными процессами. Также заморожены некоторые крупномасштабные проекты из-за дефицита финансирования, местные производители строительных материалов продолжают испытывать давление со стороны импортеров. К 2025 г. растет значение принципов устойчивого развития в строительстве и соблюдения экологических стандартов. Общественное внимание к охране окружающей среды приводит к необходимости внедрения экологически чистых технологий и материалов. Строительные компании, способные предложить решения, соответствующие принципам устойчивого развития, скорее всего, будут иметь конкурентные преимущества. Это предполагает не только использование инновационных материалов, но и разработку энергоэффективных зданий, а также применение практик, которые минимизируют негативное воздействие на окружающую среду.

Строительные организации в Алтайском крае сталкиваются с комплексом вызовов. Прежде всего, это связано с изменениями в законодательстве, влияющими на условия осуществления строительной деятельности. Ужесточение норм и правил, введение новых стандартов качества и экологических требований требуют от организаций значительных затрат на модернизацию оборудования и процессов.

Другим значимым вызовом является повышение уровня конкуренции. На рынок выходят новые игроки, часто с более низкими ценами и современными технологиями. Это заставляет традиционные строительные компании пересматривать свои ценовые политики и внедрять инновации для сохранения своей доли рынка. Кроме того, присутствуют проблемы, связанные с нехваткой квалифицированных кадров. Строительство требует высококвалифицированных специалистов, и нехватка рабочих рук может серьезно сказаться на соблюдении сроков выполнения заказов.

Для повышения конкурентоспособности строительных организаций в Алтайском крае необходимо предпринять ряд мер. Прежде всего, следует обратить внимание на модернизацию технологий и процессов. Внедрение инновационного оборудования и новых строительных технологий поможет улучшить качество работ и снизить затраты.

Ключевую роль в конкурентоспособности играет инвестиционная политика. Привлечение инвестиций возможно как из государственного, так и из частного секторов. Для этого необходимо создать благоприятные условия для инвесторов, включая налоговые льготы и упрощение процедур получения разрешений на строительство.

В 2025 г. необходимо будет уделить внимание подготовке специалистов, способных работать в условиях высоких технологий и современных подходов к строительству. Строительные компании, инвестирующие в обучение и развитие своих сотрудников, смогут значительно повысить свою конкурентоспособность и качество услуг.

Важно также развивать внутренние системы управления качеством. Внедрение современных систем управления проектами, таких как Agile и Lean, может способствовать более эффективному распределению ресурсов и снижению потерь.

Не менее важным аспектом является взаимодействие строительных организаций с органами власти и местным населением. Эффективное сотрудничество может

способствовать развитию инфраструктуры региона, повышению качества жизни горожан и привлечению инвестиций. Создание благоприятных условий для ведения бизнеса требует от органов власти активной позиции в отношении упрощения административных процедур и повышения прозрачности рынка.

Некоторые исследователи подчеркивают, что будущее строительного сектора будет во многом зависеть от внедрения инновационных технологий: «стратегическое моделирование зданий» и использование экологически чистых материалов не только способствуют повышению качества и снижению затрат на строительство, но и отвечает современным требованиям устойчивого развития». Адаптация к этим технологиям может стать определяющим фактором для конкурентоспособности строительных компаний на рынке.

Исследователи в области городского планирования акцентируют внимание на значении комплексного подхода к землеустройству и планированию городской инфраструктуры, отмечая, что «...коммуникация между строительными компаниями, местными органами власти и жителями имеет решающее значение для успешной реализации проектов. Участие общества в планировании позволяет учитывать интересы всех сторон и, как следствие, приводит к созданию более гармоничной и удобной городской среды» [1, 2]. Другие эксперты рассматривают сложившуюся систему финансирования строительных проектов: «...необходимость в более гибких механизмах финансирования, новая модель государственно-частного партнерства и привлечение инвестиционного капитала из частного сектора – вот ключ к улучшению ситуации в отрасли», подчеркивая важность разработки местных инициатив и использование субсидий для активации инвестирования в строительство [3, 4]. Исследования также отмечают необходимость повышения квалификации рабочих кадров в строительной отрасли, проблемы нехватки квалифицированных специалистов остаются актуальными.

Таким образом, мнения исследователей подтверждают важность комплексного подхода к развитию строительного сектора в Алтайском крае. Внедрение инновационных технологий, укрепление взаимодействия между всеми участниками процесса, создание грамотной системы финансирования и инвестирование в трудовые ресурсы являются основными аспектами для обеспечения конкурентоспособности в условиях меняющейся экономической среды.

Библиографический список

1. Бидов Т.Х., Хубаев А.О., Помытко Е.А., Котельникова А.Д. Методика оценки факторов, влияющих на эффективность реализации строительного проекта генподрядной организацией в направлении Fit-out // Вестник МГСУ. – 2024. – Т. 19, № 9. – С. 1562-1569.
2. Ильина И.Н. Изменение подходов к процессу генерального планирования городов: трансформация смысла или смена названия // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1. – С. 84-109.
3. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 4. – С. 224-229.
4. Герцберг Л.Я. Стратегический план или мастер план? // Academia. Архитектура и строительство. – 2022. – № 1. – С. 60-67.

Научный руководитель – Пислегина Н.В.

К вопросу трансформации бизнес-моделей в условиях цифровизации промышленных предприятий

Иванов И.В.

*Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары*

В современных условиях экономического развития одной из ключевых тенденций является цифровизация промышленности, которая оказывает существенное влияние на структурные преобразования как на уровне отдельных предприятий, так и в масштабах отраслей и регионов. Процесс цифровой трансформации предполагает не только внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), но и глубокую перестройку организационных, производственных и управленческих процессов [1]. Особое значение при этом приобретает трансформация бизнес-моделей компаний, поскольку именно они определяют способ создания, доставки и захвата ценности.

Бизнес-модель представляет собой концептуальную схему, описывающую логику функционирования компании, включая ключевые партнерства, ресурсы, каналы взаимодействия с клиентами, структуру издержек и источники доходов [2]. В условиях цифровизации традиционные модели становятся менее эффективными, что требует их адаптации или полной переориентации. Например, переход от продажи готовой продукции к предоставлению продуктово-сервисных решений (PSS) становится все более распространенным явлением в машиностроении и других обрабатывающих отраслях [3].

Цифровые технологии, такие как интернет вещей (IoT), большие данные (Big Data), искусственный интеллект (ИИ) и облачные платформы, позволяют компаниям собирать и анализировать информацию в реальном времени, прогнозировать потребности клиентов и предлагать персонализированные услуги. Это способствует переходу от линейной модели «производство – продажа – обслуживание» к циклической, основанной на непрерывном взаимодействии с потребителем. Такой подход не только повышает конкурентоспособность предприятий, но и формирует новые рынки и экосистемы.

Однако реализация подобных изменений сталкивается с рядом барьеров. Среди них — высокая стоимость внедрения цифровых решений, недостаток квалифицированных кадров, слабая развитость цифровой инфраструктуры в регионах, а также сопротивление изменениям внутри организаций. Особенно остро эти проблемы проявляются в малых и средних предприятиях (далее – МСП), которым зачастую не хватает ресурсов для масштабной трансформации [4].

Государственная поддержка играет важную роль в преодолении данных препятствий. Программы субсидирования, создание центров цифровой трансформации и развитие образовательных программ способствуют формированию благоприятной среды для структурных изменений. В России, например, реализуется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», направленная на модернизацию всех секторов экономики, включая промышленность [5].

Анализ практики показывает, что успешная цифровая трансформация невозможна без системного подхода, включающего не только технологические, но и организационные, кадровые и стратегические компоненты. Предприятия, которые активно работают над реинжинирингом своих бизнес-моделей, демонстрируют более высокие темпы роста и устойчивости в условиях нестабильной внешней среды.

Таким образом, цифровизация выступает катализатором структурных преобразований в промышленности, требуя от предприятий переосмысления своих бизнес-моделей. Эффективность этих изменений зависит от комплексного подхода, включающего технологическое обновление, человеческий капитал и государственную политику. В будущем дальнейшее развитие цифровых экосистем и платформенных решений будет

определять вектор развития не только отдельных компаний, но и всей промышленной политики страны.

Библиографический список

1. Кузнецов А.А., Шулепников А.А. Цифровая трансформация промышленных предприятий: стратегии и вызовы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 9, № 8. – С. 76-82.
2. Орлова Е.В., Гусев Д.А. Моделирование бизнес-моделей промышленных предприятий в условиях цифровой экономики // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2020. – № 5. – С. 103-112.
3. Белоусов А.В., Мартынова Ю. А. Продуктивно-сервисные системы как элемент цифровой трансформации промышленности // Проблемы управления. – 2022. – № 1. – С. 45-54.
4. Петров И.Н., Лебедева М.С. Барьеры цифровой трансформации малых и средних предприятий в России // Российский предприниматель. – 2021. – Т. 18, № 12. – С. 2105-2120.
5. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (НЭД) [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RLa9a>.

Научный руководитель – Львова М.В., к.э.н.

Структурные приоритеты сбалансированного развития региональных систем

Игропуло Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Северо-Кавказский институт
г. Пятигорск*

Региональные системы являют иерархически сложно организованные пространственно-временные образования, в нашем случае в административно-территориальных границах субъектов РФ или их сочетаний, например, Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Очевидно, структурные приоритеты развития являются имманентным свойством региональных систем, характеризующихся определенной структурной и функциональной взаимосвязью, а также соотношением слагающих их частей.

Компонентный состав региональных систем среди отечественных исследователей отличается разнообразием подходов, определяемых методологией научного поиска. Так, в рамках воспроизводственного подхода региональные системы, рассматриваются как совокупность фаз воспроизводства; политико-экономической парадигмы, как система экономических отношений; отраслевой ракурс акцентирует внимание на секторальной структуре регионального хозяйства; пространственный подход, оперируя преимущественно относительно большими (макро-) территориальными образованиями, например, страны в целом, макрорегионами, экономическими районами, макрорегионами, рассматривает последние как совокупность слагающих их пространственных локалитетов. Наконец, в фарватере близкой автору концепции устойчивого развития структура региональных систем атрибутируется как сочетание социальной, экономической и экологической подсистем [1, 3]. Подобная структуризация региональных систем выводит исследование на необходимость обеспечения соответствия и пропорциональности составляющих ее элементов, или структурные приоритеты сбалансированности.

По Г.Б. Клейнеру, речь идет о структурной соразмерности и функциональной совместимости слагающих региональную систему подсистем [2, с. 10]. В логике концепции устойчивого развития структурные приоритеты сбалансированного развития региональных систем, или социо-эколого-экономических, по мнению автора, следует связать с Парето-сопряжением в пространстве и во времени принципов экономической эффективности, социального благополучия и экологической безопасности, обеспечиваемым партнерскими отношениями между стейкхолдерами регионального развития [3].

Подобное видение отражает широко используемый в региональных исследованиях симбиотический конструкт «устойчивое сбалансированное развитие» [4], который

преимущественно атрибутируется с социо-эколого-экономической сбалансированностью [5]. Равно соответствует официальному подходу. Не случайно, в одном из основополагающих документов страны в области устойчивого развития (Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440) региональный ракурс рассматривается сквозь призму «сопряженного, внутренне сбалансированного функционирования триады природа – население – хозяйство».

Для регионов СКФО структурные приоритеты сбалансированного развития детерминированы эмерджентным влиянием многочисленных социально-экономических, организационно-институциональных, культурно-исторических, экосистемных факторов, определяющих сложную пространственно-временную и функционально-отраслевую структуру, высокую социально-экономическую и природохозяйственную асимметрию. Например, показано [6], что на столь малой территории, имеющей многовековую историю освоения, обнаруживается высокая мозаичность природных условий и факторов, хозяйственных образований (укладов, отраслей, видов деятельности, их концентрация), экономической насыщенности территорий (от высоко освоенных до почти не затронутых хозяйственной деятельностью).

Так, пространственные приоритеты сбалансированного развития субъектов СКФО будут определяться типологией эколого-экономических локалитетов по критерию «экономический профиль» – промышленные, аграрные, рекреационные, традиционные, охраняемые; по критерию «доминирующие природные ландшафты» – степные, горные, прибрежные и особый тип – трансграничные [6]. Подобная пространственная структура позволяет не только обосновать экологические приоритеты трансформации традиционных «природозависимых» направлений и видов деятельности в субъектах СКФО, но также с учетом экосистемного, поселенческого и этнокультурного многообразия обеспечить сбалансированное пространственное развитие в целом Северо-Кавказского макрорегиона.

Отраслевые приоритеты сбалансированного развития должны учитывать профильную специализацию субъектов СКФО с опорой на доминирующие отрасли промышленности, прежде всего, топливную, горнодобывающую, пищевую, реализуя принципы новой и одновременно экологически ориентированной индустриализации, а также стимулирование низкоуглеродной, ресурсоэффективной, экосервисной экономики, локомотивами которой выступают «зеленые» отрасли, по версии ЮНЕП, как сельское, лесное, водное, рыбное, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетика, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов. Наконец, реализация указанных структурных инициатив сопряжена с активизацией интеграционного взаимодействия региональных администраций, бизнес и домохозяйств, предполагая кластерный формат сетевых взаимодействий, например, в альтернативной энергетике, пастбищном животноводстве, горной металлургии, экосистемных сервисах; частно-государственное партнерство в коммунальной, социокультурной, инфраструктурной сферах; со-финансирование межрегиональных инициатив; «дорожные карты» инновационных проектов, интернет-технологии межрегиональных коммуникаций, пространственное экологическое планирование, пр.

Таким образом, структурные приоритеты сбалансированного развития региональных систем, в частности субъектов СКФО, детерминированные общностью организационно-институциональных, социально-экономических и экосистемных условий, полагают пространственно-отраслевые трансформации, кооперацию социо-эколого-экономических управленческих и хозяйственных решений, партнерство государства, бизнеса и домохозяйств, обеспечивая интенсификацию социально-экономического развития, интеграцию и новое качество региональной экономики, капитализацию стоимости северо-кавказских территорий и целостность экологических систем.

Библиографический список

1. Вертакова Ю.В., Логинов И.С. Сбалансированное развитие региона: обзор по методологии scoring review // *π-Economy*. – 2024. – № 17. – С. 44-66.

2. Клейнер Г.Б. Системная сбалансированность экономики: основные принципы // Системный анализ в экономике – 2014: Материалы Междунар. научн.-практ. конф. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RibF9>.
3. Игропуло Д.А. Сбалансированность регионального развития: генезис теоретических подходов и методологический плюрализм // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 12. – С. 20-33
4. Пустовит А.Д. Проблемы устойчивого сбалансированного развития регионов // Журнал прикладных исследований. – 2020. – № 2. – С. 6-11.
5. Замятина М.Ф. Эколого-экономическая сбалансированность регионального развития: методологические и методические основы: монография. – СПб: ГУАП, 2013. – 143 с.
6. Медяник Н.В. Сфера природопользования как пространство противоречий экономических интересов регионов Северо-Кавказского федерального округа // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 297-302.

Научный руководитель – Медяник Н.В., д.э.н., доцент

Структурные преобразования в экономике предприятий как фактор управления организацией в условиях экономической нестабильности

Каратунова Е.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время в период постоянных изменений и стремительной глобализации. Вместе с технологическим прогрессом приходят и кризисные события. Основой которых является экономическая нестабильность. Экономическая нестабильность в свою очередь неким образом влияет на работу и ведение деятельности организаций. Исходя из этих данных, мы понимаем, что значимой становится и актуальность структурных преобразований. Под структурными преобразованиями мы понимаем системные изменения непосредственно внутри организации, которые направлены на увеличение ее конкурентоспособности на рынке, эффективности и устойчивости [1]. А именно изменения бизнес-процессов, структуры управления. С помощью таких изменений руководство организации может влиять на скорость и эффективность адаптации к изменяющимся реалиям. Может способствовать снижению издержек и созданию условий, при которых организация сможет долгосрочно развиваться [3].

Рассматривая условия экономической нестабильности, мы понимаем, что структурные преобразования в организации могут являться важным инструментом. Так как с его помощью можно обеспечить определенную структуру управления, которая сможет своевременно, качественно и оперативно реагировать на изменение ситуации на рынке. Структурные преобразования включают в себя: оптимизацию численности персонала, внедрение новых технологий, реструктуризацию активов и развитие новых направлений продукции и рынков. При проведении структурных преобразований с целью эффективного управления организацией необходимы системный подход и четкая стратегия. Основу этого являются такие характеристики организации как гибкость и адаптивность – организации необходимо быть готовой к изменению экономической ситуации, она должна быть в состоянии быстро и грамотно реагировать и предпринимать необходимые действия для улучшения своего положения на рынке; инновационное мышление – внедрение новых технологий и методов управления позволяет повысить эффективность организации и минимизировать риски; коммуникация и вовлеченность сотрудников – сотрудники организации должны понимать значение и важность изменений, а также участвовать в них, в таком случае процесс структурных изменений будет проходить легче за счет снижения уровня сопротивления со стороны сотрудников [2]; реструктуризация бизнес-процессов –

с помощью оптимизации и автоматизации некоторых процессов в организации можно снизить издержки и повысить качество продукта.

Основные направления структурных преобразований в условиях экономической нестабильности: диверсификация деятельности – под этим понимают увеличение ассортимента и выход на новые рынки; оптимизация управленческой структуры – при ее упрощении, децентрализации, либо разделении ответственности, управленческие решения смогут приниматься более оперативно; инвестиции в инновации и новые технологии – с их помощью организация может автоматизировать некоторые процессы, сократить затраты; финансовая реструктуризация – снижение долговой нагрузки, привлечение новых источников финансирования [4, 5].

В период экономических шоков и нестабильности экономики структурные преобразования в организациях помогают не только своевременно адаптироваться к изменению ситуации, но и укрепить свои позиции и быть конкурентоспособными. При проведении грамотных структурных изменений в организации можно добиться снижения рисков и повышения финансовой устойчивости.

Структурные преобразования являются важнейшим фактором управления организацией в условиях экономической нестабильности. Грамотная их реализация возможна только при системном подходе, а также стратегическом видении. В то же время необходимо учитывать и специфику конкретного предприятия. В условиях экономической нестабильности определенно необходимо гибкое развитие и своевременные изменения. Именно при наличии этих факторов организация сможет долгосрочно развиваться и оставаться конкурентоспособной.

Библиографический список

1. Гордеев А.В., Горелова Г.В. Теория и практика структурных преобразований в российской экономике // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – № 5. – С. 3-16
2. Гишлакаев С.У., Джангаров А.И., Курбанова А.М. Влияние и перспективы развития цифровой экономики // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – № 2. – С. 160-168.
3. Ермакова И.Н., Гаврилова О.Ю., Шаропатова А.В. Диагностика финансовой устойчивости сельскохозяйственных организаций на основе интегрального показателя // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 10. – С. 29-34.
4. Буркальцева Д.Д., Верников В.А. Инвестиции в обеспечении эффективной деятельности предприятий малого и среднего предпринимательства в условиях трансформации конкурентной среды // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2023. – № 3. – С. 70-81.
5. Лукина Е.В. Методический подход к разработке стратегии маркетинга // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 26-36.

Научный руководитель – Куликова И.В., к.э.н., доцент

Проблема кадрового обеспечения предприятий торговли и пищевой промышленности Алтайского края

Коренкова А.К., Климковский К.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Кадровое обеспечение является одной из ключевых проблем организации и управления предприятий торговли и пищевой промышленности. Происходящие сегодня процессы характеризуются модернизацией экономики, внедрением принципиально новых технологических способов производства, поиском возможностей для интенсивного использования трудового потенциала общества. Кроме того, кадровое обеспечение является одним из направлений кадровой политики, результатом формирования состава персонала, соответствующего по своим характеристикам тактическим и стратегическим целям торговли и пищевой промышленности, направленным на совершенствование кадрового потенциала данных организаций. Исходя из вышеизложенного, основной целью данного исследования является обоснование проблемы кадрового обеспечения предприятий торговли и пищевой промышленности Алтайского края. Рассмотрим факторы, которые привели к острому дефициту кадров в Алтайском крае:

1. Демографический спад и миграция. Регион переживает долгосрочный кризис: естественное сокращение населения в 2024 г. составило более 15 тыс. человек, миграционные потери растут, особенно среди молодежи, которая уезжает в поисках более высоких доходов. В результате трудоспособное население сокращается, а безработица сосредоточена в сельской местности, где почти нет вакансий. «Возрастная яма» завершает ситуацию: крупные поколения уходят на пенсию, а молодежи становится меньше.

2. Внешние факторы. Частичная мобилизация в 2022 г. также способствовала дефициту персонала в промышленности, в том числе в пищевой. Армия предлагает выплаты, значительно превышающие региональную заработную плату, что сокращает предложение рабочей силы.

3. Относительно низкий размер заработной платы. Алтайский край традиционно является одним из регионов с самыми низкими доходами. Несмотря на повышение заработной платы в 2023-2024 гг. (до 61 тыс. руб. в промышленности, до 46 тыс. руб. в торговле) уровень остается ниже соседних регионов. Это делает регион менее конкурентоспособным и стимулирует отток специалистов.

Кадровое обеспечение напрямую влияет на конкурентоспособность предприятий торговли и пищевой промышленности Алтайского края. Дефицит работников ограничивает запуск новых производств и торговых точек, снижает загрузку мощностей и ведет к упущенной выгоде, ослабляя позиции региональных компаний [1].

Во-первых, нехватка персонала увеличивает расходы на персонал. Работодатели вынуждены повышать заработную плату, что особенно сложно для отраслей с низкими доходами. В результате сокращаются средства на модернизацию, маркетинг и расширение. Во-вторых, нехватка персонала отражает качество работы. Сотрудники перегружены работой, совмещают несколько функций, что снижает производительность и приводит к выгоранию. В торговле это проявляется в ухудшении обслуживания и снижении лояльности покупателей. В-третьих, кадровый вопрос снижает инвестиционную привлекательность региона. Компании отмечают истощение трудовых резервов в городах, что затрудняет запуск новых проектов и требует дополнительных мер по привлечению рабочей силы [4]. Таким образом, кадровый дефицит становится системным фактором, ограничивающим развитие отраслей и региона в целом. По мнению экспертов, «дефицит кадров в реальном секторе становится фактором, ограничивающим экономический рост

и инновационное развитие регионов». Предприятия края участвуют в нацпроекте «Эффективная и конкурентная экономика», повышают производительность труда и внедряют роботизацию, однако эти меры лишь частично компенсируют нехватку кадров.

Развивается система профессионального образования: с 2022 г. Алтайский край присоединился к федеральному проекту «Профессионалитет», направленному на ускоренную подготовку рабочих специалистов для промышленности. Как отмечается в отчетах Министерства просвещения, «формирование современной инфраструктуры среднего профобразования является основой кадрового обеспечения промышленности». Увеличивается целевой набор в вузы и колледжи, усиливается профориентация учащихся и популяризация рабочих профессий [3].

Дополнительно применяются экономические стимулы: так называемые «подъемные» средства, предоставление жилья, компенсации затрат на оплату труда и программы переобучения. В 2024 г. проведены крупные ярмарки вакансий, включая всероссийскую «Работа России. Время возможностей», где трудоустроено свыше 7,5 тыс. подростков. По словам региональных властей, «вовлечение молодежи в трудовую деятельность способствует формированию профессиональных навыков и повышает интерес к рабочим профессиям» [2].

Таким образом, кадровое обеспечение предприятий торговли и пищевой промышленности Алтайского края остается ключевым фактором конкурентоспособности. В 2024-2025 гг. регион столкнулся с острой нехваткой рабочей силы при минимальной безработице и росте экономики. Причины включают демографический спад, миграцию, частичную мобилизацию и низкий уровень заработной платы. Как отмечают исследователи, «решение проблемы требует комплексного взаимодействия власти, бизнеса и образовательных институтов, направленного на формирование устойчивой кадровой базы».

Библиографический список

1. Тростникова А. Предприятия пищевой отрасли в 2024 году демонстрировали в Алтайском крае динамичное развитие [Электронный ресурс]. – URL: <https://barnaul-press.ru>.
2. В Алтайском крае чаще стали брать на работу подростков из-за дефицита кадров [Электронный ресурс]. – URL: <https://bankfax.ru>.
3. Министерство просвещения РФ. Отчет о реализации федерального проекта «Профессионалитет». – М., 2023.

Научный руководитель – Котванова С.Г., к.э.н.

Резервы повышения эффективности использования транспорта логистической компании

Косульников А.С., Косульникова С.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современных экономических условиях, характеризующихся высокой конкуренцией на рынке логистических услуг и растущими операционными затратами, эффективное использование транспортных средств логистических компаний является важным фактором устойчивого их развития. Транспортная составляющая в структуре логистических издержек занимает значительную долю от 40% до 60%, что обуславливает необходимость постоянного поиска резервов оптимизации использования подвижного состава.

Актуальность темы исследования определяется тем, что даже незначительное улучшение показателей использования транспорта может привести к существенному экономическому эффекту. В условиях высокой волатильности цен на топливо, роста затрат на содержание и ремонт транспортных средств, оптимизация эксплуатационных показателей

становится стратегической задачей для логистических операторов. Для выявления резервов повышения эффективности необходимо провести диагностику текущего состояния использования транспортных средств через систему ключевых показателей эффективности (КПИ). Основными метриками являются: коэффициент использования пробега (Кип); коэффициент использования грузоподъемности (Киг); время полезной работы транспортного средства; среднесуточный пробег; себестоимость перевозки 1 т/км.

Анализ типичной структуры эксплуатационных затрат логистической компании показывает следующее распределение:

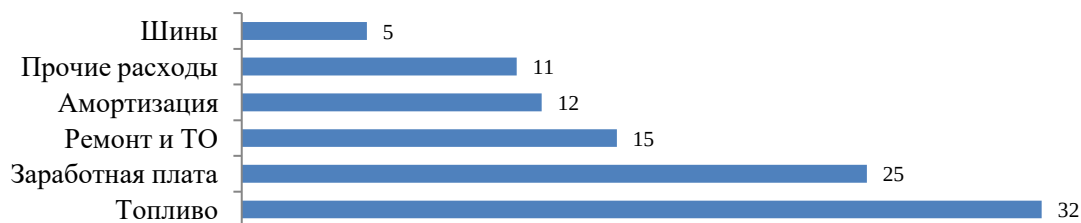

Рисунок 1 – Эксплуатационные затраты логистической компании, %

Как демонстрирует рис. 1, топливная составляющая занимает наибольшую долю в структуре затрат, что подчеркивает важность оптимизации пробега транспортных средств. Одним из наиболее значительных резервов является снижение доли порожнего пробега, которая в среднем по отрасли составляет 25-30%. Внедрение современных систем маршрутизации и диспетчеризации позволяет: снизить порожний пробег на 15-20%; увеличить коэффициент использования пробега до 0,85-0,90; сократить общий километраж на 10-15%.

Недогруз транспортных средств является распространенной проблемой, приводящей к потерям до 15% потенциальной производительности. Мероприятия по улучшению данного показателя включают: внедрение системы нормирования загрузки; оптимизация складской комплектации грузов; использование современных методов пакетирования и размещения грузов.

Простой транспортных средств под погрузо-разгрузочными операциями составляет в среднем 30-40% от общего времени работы. Резервы сокращения простоя: внедрение электронного документооборота; оптимизация графика работы транспорта; использование технологий предварительного заказа окон погрузки/выгрузки.

Для логистической компании с парком 50 единиц транспорта годовой экономический эффект может составить: по затратам на топливо – до 12-15%, по расходам на ремонт – до 8-10%, по росту производительности транспорта – до 20-25% [1, 2]. Средневзвешенный срок окупаемости внедрения оптимизационных систем – около 1,5-2 лет. Реализация комплекса организационно-технических мероприятий в сочетании с внедрением современных цифровых технологий позволяет достичь существенного улучшения эксплуатационных показателей и снижения логистических издержек [3]. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку адаптивных систем управления транспортными активами с использованием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Библиографический список

1. Миротин Л.Б. Эффективность транспортно-логистических систем. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 312 с.
2. Берзин Р.В. Цифровая трансформация транспортной логистики // Логистика и управление цепями поставок. – 2023. – № 2. – С. 45-56.
3. Ермакова И.Н., Гаврилова О.Ю. Современные тенденции развития рынка молока и молочной продукции в Красноярском крае // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 10-1. – С. 61-67.

Научный руководитель – Валецкая Т.И., к.э.н.

Влияние курса национальных валют на эффективность мультимодальных перевозок из России

Косульникова С.Д., Косульников А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современная глобальная экономика характеризуется глубокой интеграцией и сложностью цепочек создания стоимости, где логистика играет критически важную роль. Мультимодальные перевозки, подразумевающие транспортировку грузов несколькими видами транспорта по единому перевозочному документу, являются основой международной торговли. Для России, экономика которой в значительной степени зависит от экспорта сырьевых и промежуточных товаров, эффективность мультимодальных логистических коридоров является фактором стратегической конкурентоспособности. На функционирование мультимодальных перевозок влияет множество макроэкономических факторов, среди которых курс национальной валюты занимает одно из центральных мест. Значительная часть затрат в международных перевозках номинирована в иностранной валюте (преимущественно в долларах США и евро), в то время как выручка операторов может формироваться как в инвалюте, так и в рублях. Эта диспропорция создает высокую чувствительность финансовых результатов логистических компаний к валютным колебаниям [1, 2].

Целью исследования является анализ механизмов и количественная оценка влияния изменений курса российского рубля на показатели эффективности мультимодальных перевозок экспортных грузов из России.

Влияние курса рубля на мультимодальные перевозки носит многоканальный и зачастую разнонаправленный характер, поскольку основная часть затрат в международных перевозках номинирована в инвалюте: фрахт морского и воздушного транспорта – расчеты с судовладельцами и авиакомпаниями осуществляются в долларах США; аренда контейнеров и оборудования – платежи за использование специализированного оборудования также производятся в инвалюте; страхование грузов – услуги международных страховых компаний тарифицируются в долларах или евро; зарубежные агентские и терминальные сборы – платежи в иностранных портах; топливная составляющая (несмотря на то, что часть bunker fuel может оплачиваться в рублях, ее цена тесно привязана к мировым ценам на нефть в долларах), при ослаблении рубля затраты логистических операторов в рублевом выражении возрастают, что напрямую снижает их рентабельность, если тарифы не индексируются [3, 4, 5].

Для экспортеров девальвация рубля делает их товары более конкурентоспособными на мировом рынке, так как снижаются издержки в инвалюте. Это стимулирует рост экспортных потоков, а, следовательно, и увеличение спроса на мультимодальные перевозки. Логистические операторы, выставяющие счета в инвалюте, получают выгоду от ослабления рубля при конвертации выручки, что может компенсировать рост части затрат. Операторы, работающие в рублях, оказываются в наиболее уязвимом положении, так как сталкиваются с растущими валютными затратами при фиксированных или медленно растущих рублевых доходах. Ослабление национальной валюты увеличивает стоимость импорта логистического оборудования (новых контейнеров, тягачей, погрузочной техники), что затрудняет обновление и расширение парка активов российскими операторами.

Для оценки количественного влияния был проведен анализ структуры затрат типичной мультимодальной перевозки контейнера из Москвы в порты Северо-Западной Европы с последующей морской транспортировкой в Азию (рис. 1). Около 75-80% общей стоимости перевозки составляют расходы, привязанные к иностранной валюте (морской

фрахт, терминальные сборы за рубежом, страхование). Еще 20% (железнодорожный тариф) для российских операторов могут быть в рублях, но также имеют корреляцию с валютными затратами РЖД.

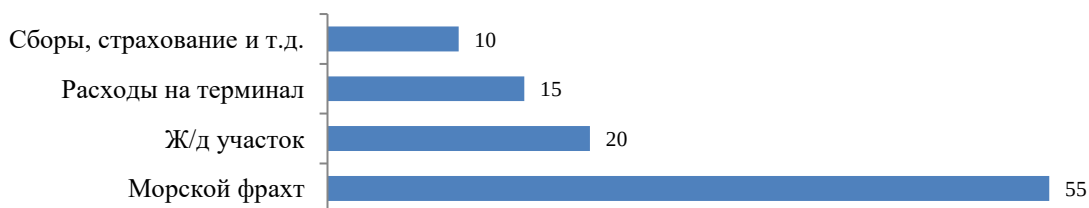

Рисунок 1 – Затраты в мультимодальной перевозке

Рассмотрим, каким образом изменение курса рубля к доллару США влияет на себестоимость перевозки для оператора, чьи затраты в долларах составляют 80%, а в рублях – 20%. Допустим, общая стоимость перевозки при курсе 70 руб./долл. США составляет 3 500 долл. США:

- затраты в долл. США: $3\,500 \cdot 0,8 = 2\,800$ долл. США;
- затраты в руб.: $(3\,500 \text{ долл. США} \cdot 0,2) \cdot 70 \text{ руб./долл. США} = 49\,000 \text{ руб.};$
- общая себестоимость в руб.: $(2\,800 \text{ долл. США} \cdot 70) + 49\,000 \text{ руб.} = 245\,000 \text{ руб.}$

При ослаблении курса до 90 руб./ долл. США при неизменных долларовых тарифах:

- затраты в долл. США: 2 800 (не изменились);
- затраты в руб.: 49 000 руб. (не изменились);
- общая себестоимость в руб.: $(2\,800 \text{ долл. США} \cdot 90) + 49\,000 \text{ руб.} = 252\,000 + 49\,000$

= 301 000 руб.

Укрепление доллара с 70 до 90 руб./ долл. США привело к росту себестоимости перевозки на 22,9% $((301\,000 / 245\,000 - 1) \cdot 100\%)$ без изменения физических объемов или внешних тарифов.

Для повышения устойчивости бизнеса мультимодальных перевозчиков к колебаниям валютных курсов целесообразно внедрение следующих мер:

диверсификация валюты контрактов – стремление к заключению договоров с клиентами в той же валюте, в которой возникают основные затраты (доллары США, евро);

заключение долгосрочных контрактов с фиксированными курсовыми поправками – фиксация валютной составляющей в договорах с субподрядчиками или включение в тариф курсовой индексации;

оптимизация внутренней логистики – снижение доли рублевых затрат за счет повышения операционной эффективности (оптимизация маршрутов, снижение порожнего пробега, улучшение загрузки подвижного состава) позволяет частично компенсировать рост валютной составляющей;

создание валютных резервов – формирование финансового буфера за счет отчислений от прибыли в периоды благоприятного курса для покрытия убытков в периоды его падения.

Проведенное исследование подтверждает значительное и комплексное влияние курса российского рубля на эффективность мультимодальных перевозок. Ослабление национальной валюты приводит к резкому росту себестоимости операций из-за высокой доли инвалютных затрат, что напрямую снижает рентабельность логистических компаний. В то же время, данный фактор может косвенно стимулировать спрос на перевозки со стороны экспортеров. Ключевым условием устойчивого развития отрасли в условиях валютной волатильности является профессиональное управление финансовыми рисками. Внедрение грамотной тарифной и контрактной политики, а также постоянная операционная оптимизация позволяют мультимодальным операторам нивелировать негативные последствия курсовых колебаний и сохранять конкурентоспособность на международном рынке.

Библиографический список

1. Воробьев С.П., Воробьева В.В., Илмушкин А.Г., Сурай Н.М., Захарова Е.В. Трансформация географической и ассортиментной структуры экспорта продукции АПК региона в условиях санкций // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 411-414.
2. Узун В.Я., Шагайда Н.И., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А. Холдингизация агробизнеса России. – Москва: Дело РАНХиГС, 2022. – 344 с.
3. Воробьев С.П., Воробьева В.В. Эффекты для участников проекта сухопутного экспорта зерна из России в Китай // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2023. – № 10. – С. 156-159.
4. Савочкина С.С. Интенсивность структурных сдвигов в экспорте и импорте продукции Алтайского края // Статистика и предиктивная аналитика: Материалы III Всероссийского конкурса научных работ. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 141-145.
5. Озерова М.Г., Белякова Г.Я., Гаврилова О.Ю. Оценка устойчивого развития молочного скотоводства в Красноярском крае // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9, № 12-1. – С. 38-46.

Научный руководитель – Воробьев С.П., к.э.н., доцент

Проблемы заключения государственных контрактов в сфере дорожного строительства

Котова А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Строительная отрасль экономики Российской Федерации, в частности дорожное строительство, развивается быстрыми темпами, изменяются как сами технологии проведения работ и используемые материалы, так процесс выбора организаций-исполнителей. Решение государственных задач разного уровня осуществляется в том числе с использованием механизма государственных закупок. Система госзакупок России регулируется двумя федеральными законами № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] и № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2]. Изменения, вносимые в процедуры госзакупок, обусловлены меняющиеся экономические условия. Опыт работы государственных учреждений в качестве заказчиков [3], а юридических лиц в качестве исполнителей госзаказов позволяет выявить новые способы рационального расходования государственных средств и обеспечить качественное выполнение работ.

В настоящий момент времени основным заказчиком на услуги дорожного строительства выступают органы публичной власти, следовательно, организации-исполнители участвуют в торгах (тендерах), что предусмотрено системой госзакупок РФ. В ходе торгов формируется окончательная цена строительно-монтажных работ на объектах и исполнитель заказа. Торги осуществляются по разным видам строительных работ: реконструкция, капитальный ремонт, улично-дорожная сеть, восстановление верхних слоев действующих автомобильных дорог федерального, регионального и местного назначения. В тендерную документацию входят как техническое задание, так и проектно-сметные документы. Дорожно-строительной организации требуется изучить представленные документы и оценить возможность реализации проекта собственными силами или с участием субподрядных организаций. Рассмотрим основные проблемы заключения государственных контрактов в дорожном строительстве.

Первая проблема – рост цен на строительные материалы, реальная стоимость работ оказывается несоизмеримо выше сметной цены. В ходе исполнения контракта фактические цены на используемые материалы отличаются в большую сторону от указанных на момент подписания контракта, но общая стоимость контракта при этом не пересчитывается. Стоимость асфальтобетонного покрытия в дорожном строительстве может составляет 70% от стоимости всех материалов. Самая главная составляющая асфальта – битум. Его

удорожание началось примерно с 2020 г., стоимость битума за 1 т составляла 22 205 руб. К 2021 г. цена достигла 29 183 руб., что представляет собой значительный рост на 31,43% или (на 6 978 руб.). В последующие годы наблюдался умеренный рост стоимости битума: в 2022 г. цена составила 31 534 руб. (+8,06%), в 2023 г. – 34 211 руб. (+8,49%) и в 2024 г. – 36 869 руб. (+7,77%).

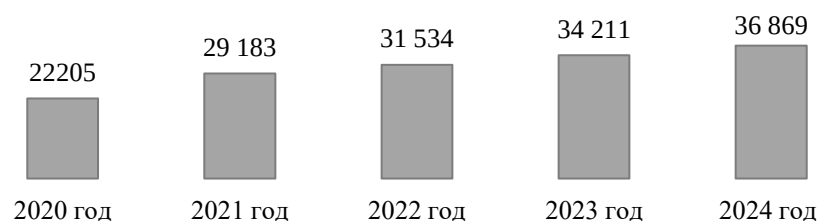

Рисунок 1 – Динамика роста цен на битум за период 2020-2024 гг., руб.

В среднем по основным материалам за последние 5 лет рост цен составил: ГСМ – подорожали на 36,7%; цемент – на 33,6%; щебень – на 21%; битум – на 66,04%. В январе-апреле 2025 г. цены на строительные материалы в России увеличились на 7,9% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., следует из материалов Росстата [4]. Следовательно, максимальное беспокойство у подрядчиков вызывают или переходящие с прошлого года контракты или заключенные в начале текущего года.

Вторая проблема – несовершенство ценообразования. Действующие методики ценообразования не отражают существующей реальной картины на рынке. Например, ФОТ в смете составляет 1-2% от объема строительно-монтажных работ (далее – СМР), а фактически его величина составляет до 4% от СМР, так как локальный сметный расчет в большинстве случаев рассчитывается базисно-индексным методом [5], где оплата труда не соответствует реальному уровню, что приводит к увеличению себестоимости объекта строительства.

Третья проблема – отсутствие авансовых платежей. Эта ситуация вынуждает подрядчиков привлекать кредитные ресурсы для закупки материалов. Тем самым подрядчики несут дополнительные издержки. При хроническом недостатке оборотных средств подрядчики вынуждены использовать кредитные ресурсы на всех этапах исполнения госконтракта. При этом затраты на выплату банковских процентов сметной стоимостью работ никак не компенсируются. По сути, прибыль подрядчиков, заложенная в контрактах, уходит в коммерческие банки. Подрядчики закредитованы, и возможный отказ банка в выдаче очередного кредита может привести к банкротству исполнителей госконтрактов.

К важным проблемам, также стоит отнести несовпадение геодезической съемки в проектно-сметной документации с реальной местностью. В практике имели место случаи, когда при проекте трассировки новой дороги подрядчики сталкивались с наличием жилых домов на данной территории.

Следующие проблемы, которые также имеют значительное влияние на качество исполнения контрактов и финансовые результаты исполнителей госконтрактов:

- банковская нагрузка – статья «Непредвиденные затраты» не покрывает фактические расходы, большое количество дополнительных затрат, без которых нельзя обойтись и которые не учитываются в сметах;

- значительное количество законодательных ограничений в нормативно-правовых актах, в частности ФЗ № 44-ФЗ; необходимость оформления банковской гарантии под заключение и исполнение контракта; отсутствие опыта у подрядных организаций.

Решение этих проблем возможно только на государственном уровне. Одной из мер, направленных на решение вышеуказанных проблем, было внедрение федеральной государственной информационной системы ценообразования в строительстве [6]. Цель создания ФГИС ЦС заключается в поддержке процесса и порядка определения сметной

стоимости объектов строительства. Эта система позволяет размещать утвержденные сметные нормативы и проводить мониторинг цен строительных ресурсов.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 г. № 1452 «О мониторинге цен строительных ресурсов» [7] с 25.02.2023 был дан старт поэтапного перехода субъектов РФ на ресурсно-индексный метод определения сметной стоимости строительства. Суть метода заключается в применении прямых цен из ФГИС ЦС или цен в уровне 2022 г. с индексами к группам однородных ресурсов. Применение ресурсно-индексного метода позволит повысить точность и достоверность определения сметной стоимости объектов, исключить неточность в расчетах, связанных с применением укрупненных индексов по видам объектов капитального строительства, даст возможность для органов исполнительной власти субъектов РФ объективно влиять на ценовую политику в строительной отрасли.

Библиографический список

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Мизюн Е.Н. Совершенствование системы государственных закупок в сфере здравоохранения // Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: Материалы VII Всеросс. (национал.) научн.-практ. конф. молодых ученых. – Барнаул: Печатник, 2024. – С. 92-94.
4. Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/?ref=toptrafficsites>.
5. Федеральная государственная информационная система ценообразования в строительстве: [официальный сайт]. – URL: <https://fgiscs.minstroyrf.ru/?ysclid=mg1rkjqrcd221123906>.
6. О федеральной государственной информационной системе ценообразования в строительстве: Постановление Правительства РФ от 23.09.2016 №959 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
7. О мониторинге цен строительных ресурсов: Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2016 № 1452 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Лукина Е.В., к.э.н., доцент

Развитие рынка российских ценных бумаг

Куклин Я.А., Живилев Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Фондовая биржа, возникшая в XV в., представляет собой индикатор экономического состояния наций и активно участвует в становлении экономических механизмов стран. В период формирования и утверждения большевистской власти, фондовый рынок России практически перестал существовать из-за его умирания и последующего исчезновения. Это было связано с политикой государственного контроля над экономикой. Однако к завершению XX в. произошел значительный перелом в этом направлении, когда рынок ценных бумаг начал вновь активизироваться. Импульсом к этому стало введение в оборот приватизационных чеков, иначе известных как ваучеры, в 1992 г. Этот процесс знаменовал собой начало трансформации экономической системы России, содействуя переходу к рыночной экономике и создавая основу для современного фондового рынка в стране.

Между 1922 г. и 1987 г. произошла значительная трансформация в системе государственного регулирования, что несомненно повлияло на динамику развития фондовых рынков в стране [2]. В это время советское правительство приняло ряд мер, направленных на постепенное сворачивание и в конечном итоге полную ликвидацию фондового рынка, что явилось частью более широкой политики по централизации контроля над экономическими

ресурсами. Это стремление к централизованному управлению экономикой привело к тому, что к 1930-м гг. было осуществлено закрытие всех существовавших структур фондового рынка, включая фондовые биржи. В результате фондовый рынок был полностью интегрирован в государственные экономические структуры, чем была обеспечена монополия государства на финансовых рынках, что представляло собой часть общенациональной экономической стратегии.

Ранее ключевые роли в экономической коммерции исполняли Центральные банки и секции по обращению с акциями на товарных рынках. По мере того, как активность на фондовом рынке начала убывать, прекратила свое существование комиссия по котировкам, что привело к остановке регистрации транзакций с финансовыми инструментами. Эти изменения привели к вытеснению профессиональных фондовых брокеров и к отмене выпусков государственного долга.

С окончанием периода Новой экономической политики, государство приняло решение о закрытии биржевых операций, тем самым интегрировав фондовый рынок в систему государственного управления. Этот шаг привел к тому, что ранее активный и разнообразный рынок ценных бумаг был преобразован в подразделение государственного механизма, потеряв свою первоначальную спонтанность и многообразие. По анализу Сорокиной М.Е., динамика развития финансового рынка России охватывает несколько важных фаз, оказавших значительное влияние на структуру и функционирование современной системы финансов. В частности, с XVIII в. до начала XX в. формирование буржуазных финансовых отношений серьезно стимулировало профессиональное и активное участие в операциях с ценными бумагами.

В XX в. наблюдается тенденция к усилению контроля государства над рынком ценных бумаг, что в итоге привело к его глубокой трансформации и даже к полной его ликвидации в некоторых аспектах. Процесс включал закрытие бирж ценных бумаг, аннулирование выпусков государственных займов, отмену различных финансовых инструментов и передачу контроля над оставшимися активами в руки государственных органов. Эти действия радикально изменили первоначально динамичную сущность рынка ценных бумаг, отодвигая его от привычной модели функционирования [3].

Оживление российского рынка финансовых инструментов в начале 1990-х было значительно обусловлено принятием ключевого постановления Совета Министров. Документ запустил механизмы для активизации работы субъектов финансового рынка через операции с коммерческими ценными бумагами. Уже к 1992 г. запущена система государственных ваучеров, предназначенных для долевой распределительной приватизации государственного имущества среди населения. Такое нововведение способствовало ускоренному переходу к рыночной экономике через массовое вовлечение граждан в процессы владения и управления приватизированными активами, что в свою очередь стало основой для развития и модернизации рынка ценных бумаг в России.

Современная структура фондового рынка России сложилась в результате длительного исторического развития. Динамика результатов функционирования Московской биржи демонстрирует, что процессы на рынке ценных бумаг подвержены влиянию политических, экономических и правовых факторов. В ретроспективе последних трех лет неоспоримым является наибольшее влияние политической ситуации в отношении России. Введение санкций и, как следствие, изменение финансовых результатов российских компаний и непрозрачность перспектив деятельности этих компаний снижает привлекательность российских ценных бумаг, или, как минимум, влечет уменьшение их стоимости.

Однако, несмотря на неблагоприятные условия, российский фондовый рынок продолжает развиваться и оставаться интересным объектом для вложения средств. Укрепление доверия инвесторов обусловлено притоком новых эмитентов и повышением прозрачности торговли. Для полного понимания динамики фондового рынка важно учитывать его деление на первичный и вторичный рынки, каждый из которых выполняет свои функции в размещении и обращении ценных бумаг.

На первичном рынке ценных бумаг компании и государственные органы выпускают и предлагают к прямой покупке новые акции и облигации. Это этап первичного публичного размещения, где инвесторы могут напрямую приобретать финансовые инструменты. Определение цены для этих инструментов может осуществляться через установление фиксированной цены эмитентом или посредством проведения аукциона [1].

В отличие от первичного рынка, вторичный рынок ценных бумаг сосредотачивается на торговле уже существующими акциями, облигациями и другими финансовыми инструментами между инвесторами. Ценообразование на вторичном рынке определяется динамикой спроса и предложения инвесторов, что приводит к отличиям в ценах от тех, что были установлены на первичном рынке, вследствие колебаний интереса к данным ценным бумагам.

Период коррекции, который преобладал на российском фондовом рынке в течение последних месяцев, сменился на устойчивое увеличение стоимости акций во втором полугодии декабря (рис. 1). Эта тенденция восходящего движения рынка была обусловлена решением Центрального банка РФ оставить без изменений ключевую процентную ставку на отметке 21%, а также вдохновила инвесторов положительными ожиданиями на фоне предположений об уменьшении международной напряженности. В результате, за двухмесячный период, Индекс Московской Биржи показал рост на 14,4%, достигнув отметки в 2 948 пунктов, что соответствует уровню, зафиксированному в конце июля 2024 г. Однако, несмотря на этот рост, заключительное значение Индекса МосБиржи остается заметно ниже его показателя на начало 2024 г. (3 099 пунктов), снизившись за год на 7,0% [5].

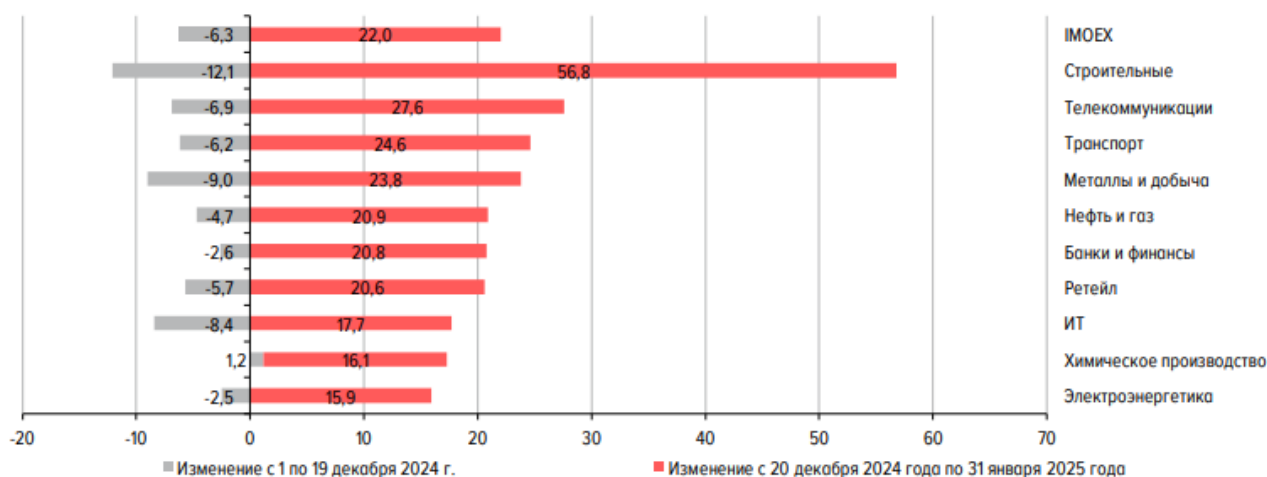

Рисунок 1 – Изменение фондовых индексов московской биржи, %

В период с конца декабря 2024 г. по январь 2025 г. отмечался устойчивый рост акций по всему спектру отраслевых индексов, при этом наибольший прирост демонстрировали акции в секторе строительства. Индекс данной отрасли за указанные два месяца увеличился на 37,9% после того, как в начале декабря наблюдалось его падение на 12,1%. Эта тенденция роста на фондовом рынке коррелировала с благоприятной корпоративной динамикой некоторых компаний, способствующей повышенному инвестиционному интересу. Также заметной динамики достигли индексы в сферах телекоммуникаций и банковской деятельности, увеличившись на 18,8% и 17,7% соответственно. Возрождение интереса к акциям телекоммуникационных компаний было обусловлено высокой долговой нагрузкой в этом сегменте и чувствительностью к вариациям ключевых процентных ставок.

В прошлом году произошло значительное сокращение объема операций с производными финансовыми инструментами, в том числе опционами, акциями внутренних эмитентов, депозитарными расписками, долевыми инвестициями и фьючерсными контрактами на секундарном рынке, что было вызвано геополитическими напряжениями

и последующим отзывом иностранных инвестиционных лиц с российского финансового пространства. В отличие от этого, торговля государственными долговыми обязательствами (ОФЗ), исполняемыми на вторичном рынке, показала значительный рост, превысив предшествующие показатели более чем в четыре раза за тот же период. Это стало результатом усиления заимствовательской активности со стороны Минфина РФ на внутреннем финансовом рынке вследствие длительного закрытия доступа к зарубежным капиталам и необходимости срочного покрытия увеличивающегося бюджетного дефицита, достигнутого за счет повышения доходности ОФЗ.

Облигации и другие долговые ценные бумаги обладают определенными сроками погашения и установленным доходом, обеспечивая таким образом большую предсказуемость и стабильность инвестиций по сравнению с акциями. Этот вид инвестиций ассоциируется с меньшей степенью риска, ввиду того, что в случае ликвидации компании-эмитента, владельцы долговых обязательств имеют преимущественное право на получение средств перед акционерами.

Рынок акционерного капитала включает торговлю акциями, являющимися выражением долевого участия в собственности предприятия. Держатели обыкновенных акций обладают правом на часть прибыли в форме дивидендов и голосовании по корпоративным вопросам. Эти финансовые инструменты не предусматривают гарантированный доход или обязательства по возврату инвестиций, их доходность тесно связана с финансовыми результатами и успешностью компании. Акции считаются более рискованными инвестициями, поскольку в случае ликвидации акционеры последние получают распределение оставшихся активов, стоя за обладателями долговых обязательств.

Золото продемонстрировало высочайший рост доходности в течение года, прибавив 44,6% к своей стоимости по итогам 2024 г., как показано на рис. 2. В условиях повышенных процентных ставок в экономике, рублевые денежные фонды и вклады (как в национальной, так и иностранной валюте) также показали значительный прирост дохода. В то же время, для акций строительных компаний высокие ставки оказались неблагоприятными, ведущими к снижению их цен преимущественно во второй половине года после завершения программы льготного ипотечного кредитования.

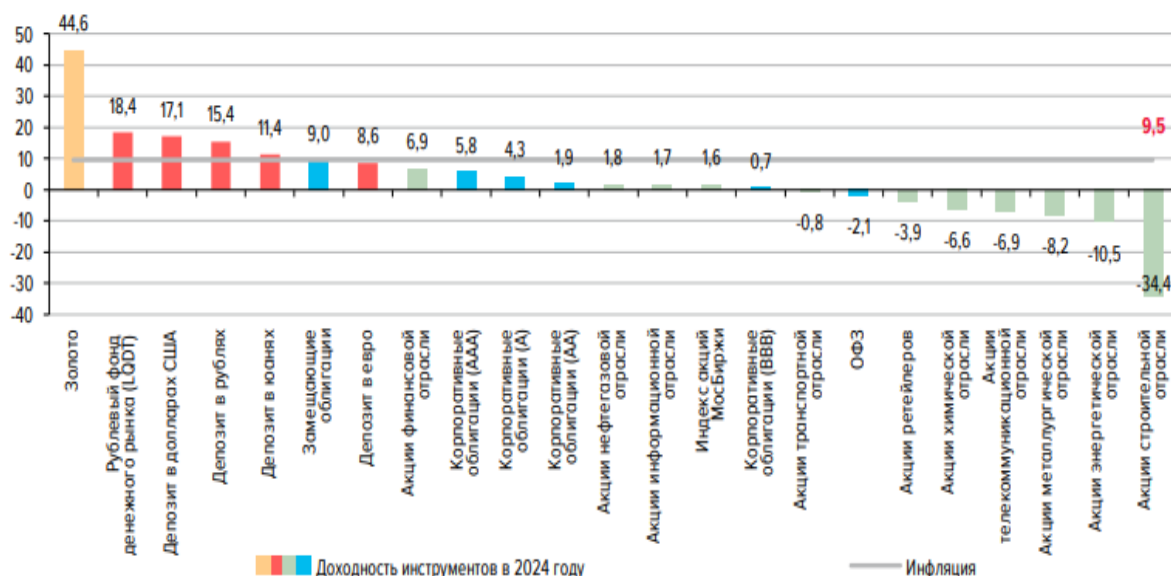

Рисунок 2 – Доходность вложений в инструменты российского финансового рынка в 2024 г., %

В начале 2025 г. произошли значительные изменения в прибыльности различных инвестиционных активов. Акции компаний в секторе строительства, которые ранее испытывали спад в 2024 г., демонстрируют восстановление, при этом строительный индекс увеличился на 23,3% по итогам января. С другой стороны, валютные инвестиции, включая депозиты в долларах и евро, показали убыток из-за укрепления рубля. В то время как инвестирование в золото остается надежным выбором, принеся инвесторам прибыль

в размере 3,4% за январь, что значительно превышает общий уровень инфляции за этот же период, составивший 1,14% [5].

Анализ российского рынка ценных бумаг предполагает глубокое понимание экономических индикаторов. Показатели, такие как макроэкономическая стабильность, инфляционные процессы, ключевые процентные ставки, уровень занятости населения, играют ключевую роль в формировании потребительских предпочтений, способствуют экспансии производственных мощностей и влияют на финансовые результаты предприятий, что, в свою очередь, отражается на динамике стоимости ценных бумаг. Анализ данного рынка не может обойтись без учета международного контекста. Флуктуации мировых экономических условий, изменение цен на энергоресурсы, а также валютные колебания оказывают непосредственное влияние на финансовый рынок РФ. Глобальная экономическая нестабильность может спровоцировать волатильность на российском рынке ценных бумаг, потому актуальным является проведение всестороннего анализа этих факторов при оценке рыночной ситуации.

Чтобы способствовать развитию российского рынка ценных бумаг, следует сосредоточиться на ключевых аспектах: оптимизация инвестиционных условий и правового поля способствует минимизации инвестиционных рисков, усилению прозрачности и улучшению прогнозируемости, стимулируя приток зарубежных капиталовложений; улучшение образовательных программ и повышение знаний в области финансов способствуют формированию следующих поколений инвесторов, стимулируя заинтересованность в секторе ценных бумаг в России; укрепление позиций российских предприятий на мировом рынке: формирование условий, стимулирующих развитие бизнеса, научных исследований, технологических новшеств, ведет к увеличению рыночной стоимости акций и общей капитализации предприятий.

Исходя из проведенного анализа российского фондового рынка, мы делаем вывод, что он обладает потенциалом для дальнейшего роста. Текущая геополитическая ситуация, показала, на сколько он может зависеть от ситуации в мире, но и то, что не следует рассматривать препятствия для отрицательной динамики, а есть возможности для устойчивого роста. Позитивные изменения в макроэкономической среде, адаптация инновационных технологий и финансовых продуктов, а также совершенствование условий для инвестирования могут сыграть ключевую роль в формировании положительной среды для роста фондового рынка. Впрочем, для реализации полного потенциала рынка необходимо приложить усилия в области законодательного регулирования, повышения уровня финансовой культуры и укрепления позиций компаний в глобальной экономике.

Библиографический список

1. Дорофеева В.В., Моисеенко Е.И. Оценка параметров развития российского рынка ценных бумаг // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. – Курск: Университетская книга, 2024. – С. 123-127.
2. Зиновьева Е.И. Рынок ценных бумаг: исторический аспект и современные тенденции развития // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-4. – С. 109-112.
3. Фурсова Т.В., Мартиросян К.Г. Ключевые факторы развития рынка государственных ценных бумаг в контексте текущего состояния российской экономики // Форум. Серия: Наука. Культура. Образование: актуальные проблемы и перспективы развития. – 2024. – № 2-1. – С. 41-44.
4. Шипицина М.Г., Зайцева О.П. Перспективы развития российского рынка ценных бумаг // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 1-2. – С. 181-183.
5. Обзор рисков финансовых рынков [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMWU4>.
6. Жданов Д.И. Российские государственные ценные бумаги: виды и отличия // Налоги и налогообложение: Материалы III Всеросс. конкурса научных работ. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 84-85.

Научный руководитель – Лукина Е.В., к.э.н., доцент

Параметр ESG в инвестициях: влияние на рынок ценных бумаг

Куклин Я.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Глобализация процесса формирования низкоуглеродной и безуглеродной экономики постепенно становится ведущей тенденцией современного мирового развития. В эпоху финансовых инноваций и социальной ответственности новое поколение инвесторов начинает активно учитывать социальные и экологические последствия своих решений. Это ведет к увеличению интереса к финансовым инструментам, способствующим улучшению социального благополучия и защите окружающей среды. Таким образом, социальная значимость и экологическая безопасность вкладываются в понятие качества инвестиций наряду с традиционными параметрами, такими как доходность и ликвидность.

На биржевых площадках происходит ESG-трансформация – переориентация рыночной инфраструктуры на интеграцию ESG-критериев (экологические, социальные, управленческие) [2]. Эмитенты ценных бумаг активно инкорпорируют эти аспекты в свои корпоративные стратегии, что существенно повышает их привлекательность для инвесторов. Следствием этого является развитие практики ответственного инвестирования, что предполагает ориентацию портфельных стратегий на ESG-принципы, учитывающие как ценностные ориентиры, так и риски инвестора при инвестиционных решениях.

В наши дни значительное число инвесторов активно интегрируют ESG-критерии вместе с классическим анализом для оценки инвестиционной привлекательности ценных бумаг, при этом акцентируя внимание на собственных ценностях и этических нормах. Применение ESG-стандартов в операционной деятельности компаний демонстрирует их благотворное воздействие на показатели эффективности, способствующие устойчивому росту и повышению доходности инвестиций.

Первое упоминание ESG-критериев произошло в 2004 г. в рамках доклада Глобального договора ООН, который подчеркнул их значимость для продвижения устойчивого развития институциональных рынков и общества. Это послужило основанием для разработки «Принципов ответственного инвестирования» Генеральным секретарем ООН в 2005 г., которые были представлены на Нью-Йоркской фондовой бирже в апреле 2006 г. как рекомендация к реализации [4]. Инициатива, известная как PRI (Principles for Responsible Investment), предлагает интеграцию ESG-критериев в процессы инвестиционного анализа. Дополнительно она направлена на внедрение экологических и социальных стандартов в корпоративные стратегии и практики. Этот подход также подразумевает обеспечение прозрачности данных о деятельности компаний и поддержку применения ESG-принципов в пределах своего сектора [1].

Рыночные участники высоко оценили включение ESG-принципов (Environmental, Social, Governance) в корпоративные стратегии, что видно из увеличения числа компаний, применяющих стандарты устойчивого развития в своих инвестиционных подходах. Если в 2006 г. к подобной модели придерживались всего 63 организации, то к 2022 г. их число выросло до более чем 3 500 [3]. Это увеличение связано с осознанием важности ESG-критериев, которые значительно влияют на стабильность и рентабельность бизнеса в перспективе. Продуманный учет этих факторов при оценке инвестиционных возможностей может значительно снизить риски и повысить доходность инвестиций, делая активы более привлекательными для инвесторов.

В настоящее время Европейский союз занимает передовую позицию в интеграции ESG-критериев, что подтверждается значительным ростом фондов и финансирования, целенаправленных на экологически устойчивые проекты. Ключевым примером является

инициатива «Fit for 55», разработанная Европейской комиссией в 2021 г. в рамках действующего Парижского климатического соглашения, предусматривающая снижение эмиссий парниковых газов на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. Это демонстрирует стремление европейских государств устанавливать строгие экологические стандарты, ограничивающие инвестиции в предприятия, угрожающие окружающей среде.

В 2023 г. Европейский Союз начинает применение углеродного налога на импорт, цель которого – стимулировать адаптацию экологически чистых технологий [5]. В результате этого мера способствовала росту стоимости акций компаний, активно внедряющих принципы устойчивого развития (ESG). Также это стало толчком к созданию новых индексных фондов, ориентированных на ESG. В первом полугодии 2020 г. было запущено 23 таких фонда, что привело к трехкратному увеличению объема инвестиций. Эффективность и стремление компаний к «зеленым» практикам оцениваются через ESG-рейтинги, обеспечивающие надзор за интеграцией устойчивых стандартов.

Факторы ESG активно формируют тенденции на рынке ценных бумаг в России. Корпорации, интегрирующие принципы устойчивого развития, не только увеличивают капитализацию своих акций, но и привлекают новые инвестиции, положительно влияя на свой имидж. Использование критериев ESG значительно влияет на оценку активов компаний в России. После запуска инициатив по минимизации выбросов CO₂ и улучшению энергетической эффективности своих операций, «Северсталь» привлекла повышенное внимание зарубежных инвесторов. Эти меры повысили привлекательность акций компании на фондовом рынке, интегрируя их в мировые индексы по устойчивому развитию, что обеспечило более высокую ликвидность акций и уменьшило их ценовую нестабильность. Металлургический гигант «Русал» был высоко оценен международным рейтинговым агентством Moody's в свете его амбициозной инициативы по улучшению экологической устойчивости в алюминиевой промышленности. Реализация стратегии улучшения экологических, социальных и управленческих (ESG) стандартов подняла инвестиционный профиль «Русала», облегчив доступ к средствам на более выгодных условиях и понизив капитальные затраты на их привлечение.

Глобальные рейтинговые организации, включая MSCI и Sustainalytics, интегрировали российские корпорации в свои оценки ESG. К декабрю 2024 г. согласно классификации RAEX-Europe, ведущие позиции занимают такие компании как ПАО «Сбербанк», «Фосагро» и «Полус». Таким образом, инвестиции, ориентированные на экологические, социальные и управленческие аспекты (ESG), превращаются в доминирующий тренд на глобальном рынке ценных бумаг. Это открывает пути к устойчивому развитию экономики, общества и государственных структур. Внедрение стратегий устойчивого развития и принципов ESG в государственное регулирование предоставляет инвесторам ясные критерии для составления их инвестиционных стратегий.

Библиографический список

1. Апрелева Д.Д., Карапетян Д.А. Роль ESG-факторов в привлечении инвестиций: тренды и практика. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 51-53.
2. Ким О.В. Влияние технологий на изменение подхода к ESG-инвестициям // Актуальные вопросы современной экономики. – 2025. – №5. – С. 917-925.
3. Погорелова М.С. Развитие ESG-инвестиций на фондовом рынке: международный опыт // Государство, общество, бизнес: основы и принципы взаимодействия. – Хабаровск, 2023. – С. 131-135.
4. Токарев Д.А., Дюмин П.С., Доценко А.Н. Влияние ESG-факторов на привлечение иностранных инвестиций. – Пенза: Наука и Просвещение, 2025. – С. 42-45.
5. Усова Н.В., Перица П.И. Внедрение ESG-инвестирования в деятельность российских компаний // Цифровая и отраслевая экономика. – 2024. – № 2. – С. 54-61.
6. Жданов Д.И. Российские государственные ценные бумаги: виды и отличия // Налоги и налогообложение: Материалы III Всеросс. конкурса научных работ. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 84-85.

Научный руководитель – Лукина Е.В., к.э.н., доцент

Особенности развития форм и способов продаж в сфере сельского хозяйства

Логинова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Развитие форм и способов продаж в сфере сельского хозяйства имеет свои особенности, обусловленные спецификой отрасли, сезонностью производства, особенностями спроса и предложения, а также уровнем развития инфраструктуры и технологий. Во-первых, сельскохозяйственная продукция отличается высокой сезонностью. Это влияет на формы и способы ее продажи, так как в периоды сбора урожая наблюдается массовое предложение товаров, а в остальное время – дефицит. Поэтому одним из распространенных способов является оптовая продажа в периоды пикового производства, когда фермеры реализуют большой объем продукции [1, 2]. Во-вторых, традиционно значительную часть сельскохозяйственной продукции реализуют через посредников – оптовых покупателей, рынки. Такие формы продаж обеспечивают доступ к широким каналам сбыта, но часто снижают доходы непосредственно производителей из-за перераспределения добавленной стоимости между участниками товародвижения [3, 4]. В-третьих, в последнее время активнее используются цифровые технологии, электронные торговые площадки и различные приложения, в частности: онлайн-платформы и/или маркетплейсы (Agro-Market24, AgroTrade и др.), позволяют фермерам выставлять продукцию на продажу напрямую покупателям, сокращая число посредников и расширяя рынки сбыта; мобильные приложения помогают управлять продажами и логистикой, контролировать запасы, принимать заказы и организовывать доставку, что снижает затраты времени и ресурсов [5, 6, 7].

Например, в России существует несколько популярных приложений:

1. СкайСкаут – единая система управления агрономической службой предприятий АПК (выпущено в 2019 г.). Эта система создана агрономами для агрономов и работает для предприятий всех масштабов, от малого фермерства до агрохолдинга. Она учитывает весь опыт растениеводческого хозяйства и его специфику, благодаря чему показывает полную картину состояния культур в течение всего сезона. Кроме того, приложение рассчитано на работу консультантов по защите и питанию растений – оно обеспечивает доступ к экспертизе и экономит время на принятии агрономических решений. Здесь доступен спутниковый мониторинг посевов, скаутинг, аналитика, погодная история хозяйства и текущие прогнозы, подсказки по срокам полевых операций.

2. Свое Родное – маркетплейс для сбыта фермерской продукции (выпущено в 2022 г.), разработанный Россельхозбанком. Здесь можно продавать овощи, фрукты, мясо, молочную и другую продукцию. Привлечение клиентов маркетплейс берет на себя, а подключение и обслуживание продавцов бесплатное. Фактически вы получаете интернет-магазин со своей витриной, управлять которой просто внутри шаблона. Доставка заказов производится на дом по всей России, можно настроить условие самовывоза из пунктов выдачи. Кроме того, «Свое Родное» предоставляет возможности для продвижения агротуризма и мастер-классов на фермах.

3. АгроМон – цифровая система для эффективного растениеводства (выпущено в 2018 г., обновлено в 2022 г.). Здесь можно контролировать состояние посевов, управлять полевыми работами, ориентируясь по электронной карте, планировать сезон и обмениваться данными с командой, производителями семян, СЗР и дистрибьюторами. В приложении сохраняется история полевых работ и севооборота; доступны агрономические справочники. Предназначена эта система для агрономов, руководства предприятий и консультантов. Что важно, в поле АгроМон работает и без интернета.

В Казахстане с 1 июня 2024 г. появилось мобильное приложение TortTulik для владельцев сельскохозяйственных животных. Проект разработан министерством сельского хозяйства совместно с аналитическим центром экономической политики в АПК. Приложение поможет расширить базу сельскохозяйственных животных, каждый владелец животного (КХ, ТОО, ЛПХ и др.) может провести инвентаризацию своего поголовья. Благодаря этому у ветврачей будет возможность своевременно и в полном объеме проводить ветеринарно-профилактические мероприятия. Приложение работает на смартфоне как в онлайн, так и офлайн режиме. В случае отсутствия интернета данные обновятся, как только приложение будет подключено к сети. Через программу также можно будет получить ветеринарный паспорт, и в будущем совершить процедуры купли-продажи скота, замены бирки при утере, а также снять животное с учета после убоя. Приложение содержит функции рассылки последних новостей отрасли, уведомления о предстоящей вакцинации и многое другое. По мере обновления приложения в нем в ближайшее время появится раздел для покупателей мяса. Во вкладке *sogym.kz* казахстанцы смогут заказать тушу животного, прошедшую ветеринарный контроль, напрямую у сельхозтоваропроизводителя.

Таким образом, развитие форм и способов продаж в сельском хозяйстве проходит под влиянием технологических изменений, рыночных условий и изменений в поведении потребителей. Повышение эффективности продаж способствует стабилизации доходов производителей и развитию сельской экономики в целом.

Библиографический список

1. Воробьев С.П. Методологические проблемы оценки экономической и физической доступности продовольствия в России // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2021. – № 19. – С. 70-72.
2. Колобова А.И., Романова Е.М. Ценообразование в аграрном секторе АПК: проблемы и решения // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2008. – № 7. – С. 67-70.
3. Ситникова О.В., Филимонова Ю.Н., Воробьев С.П., Воробьева В.В. Статистический анализ финансовых результатов организаций производства молочной продукции Алтайского края // Вопросы статистики. – 2024. – Т. 31, № 1. – С. 43-54.
4. Филимонова Н.Г., Ермакова И.Н., Гаврилова О.Ю. Оценка конкурентоспособности производства молока в сельскохозяйственных организациях Красноярского края // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 3. – С. 51-63.
5. Воробьева В.В. Факторы изменения добавленной стоимости продукции растениеводства региона // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2023. – № 21. – С. 76-78.
6. Валецкая Т.И. Оценка внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4-2. – С. 170-173.
7. Гаврилова О.Ю., Бузулуцкая М.В., Положенцева И.В., Беспалова В.В., Першукова С.А. Оценка и оптимизация трудового потенциала предприятия: количественные и качественные подходы // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, № 4. – С. 30-37.

Научный руководитель – Воробьев С.П., к.э.н., доцент

Признание и списание налоговой задолженности как механизм снижения уровня долга в Алтайском крае

Лунева Л.П.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Важным аспектом функционирования экономики является полное и своевременное поступление налоговых платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Законодательством РФ закреплено, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ), а также уплата налогов – это бремя как физических,

так и юридических лиц (ст. 23 НК РФ) [1, 2]. Нарушения налогового законодательства, влекущие начисление штрафов и пеней на Единый налоговый счет (ЕНС) – это широко распространенное явление. Основной причиной является несвоевременное или неполное пополнение ЕНС, что ведет к образованию налоговой задолженности. Ее наличие негативно влияет на финансово-хозяйственную деятельность всех категорий налогоплательщиков: юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц.

Для налоговых органов, чья ключевая задача – обеспечить своевременное и полное пополнение бюджета, проблема задолженности имеет первостепенное значение. Налоговая задолженность не только сокращает объем доходов, поступающих в бюджеты разных уровней бюджетной системы РФ, но и свидетельствует о недостатках в системе налогового администрирования. Более того, она является одним из факторов, способствующих формированию дефицитного бюджета.

Таким образом, минимизация налоговой задолженности представляет для государства существенный интерес. В связи с этим налоговыми органами проводится целенаправленная работа по глубокому изучению причин ее возникновения, анализу динамики и разработке эффективных мер, направленных на ее сокращение и профилактику. Рассматривая данную тему, необходимо проанализировать уровень налоговой задолженности в Алтайском крае, в период с 01.01.2023 по 01.07.2025 гг. (рис. 1). За анализируемый период времени наблюдается тенденция снижения уровня налоговой задолженности. Совокупная задолженность в Алтайском крае уменьшилась на 1 423,60 млн руб. или на 9,49%.

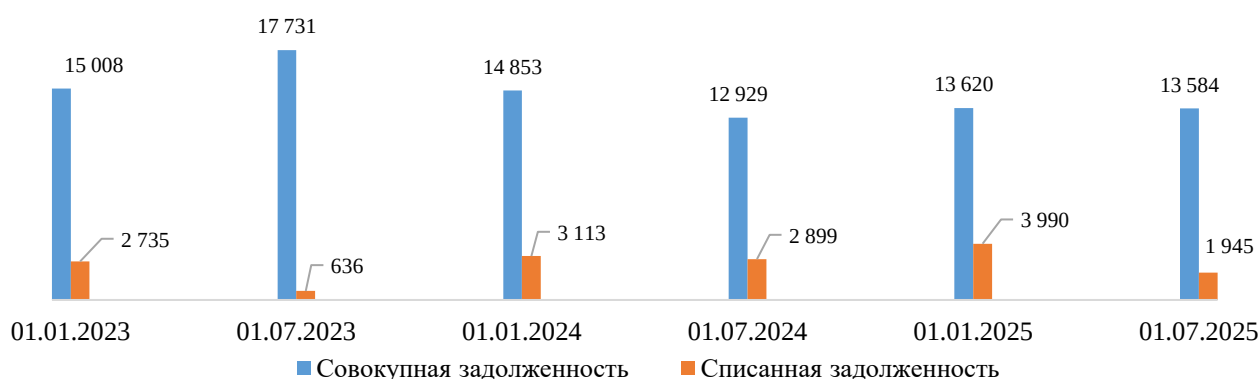

Рисунок 1 – Уровень совокупной налоговой задолженности и сумма списанной налоговой задолженности в Алтайском крае в период с 01.01.2023 по 01.07.2025 гг., млн руб. [3, 4]

Стоит отметить, что часть налоговой задолженности является безнадежной и не подлежит взысканию. Исходя из этого, задолженность делится на три категории: урегулированную, взысканную и признанную безнадежной согласно законодательству.

Процедура списания налоговой задолженности, которая была признана безнадежной к взысканию, представляет собой заключительный и системообразующий этап в комплексном процессе урегулирования долговых обязательств перед бюджетом. Решение о списании принимается налоговым органом не произвольно, а исключительно после того, как исчерпаны все предусмотренные законодательством возможности и этапы принудительного взыскания.

Основания для признания долга безнадежным регламентированы ст. 59 НК РФ. К ним, в частности, относятся: ликвидация ЮЛ; исключение ЮЛ из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа; смерть ФЛ; принятие судом акта о невозможности взыскания по причине пропуска срока взыскания; завершение процедуры банкротства в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов; законы субъектов РФ и нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований.

Стоит проанализировать объем списанной налоговой задолженности в Алтайском крае в период с 01.01.2023 по 01.07.2025 гг. (рис. 1). В среднем, объем списанной задолженности в соотношении с уровнем совокупной налоговой задолженности составляет 18,13%. Данное

значение показывает эффективность данного механизма в процедуре урегулирования задолженности как физических, так и юридических лиц.

Таким образом, списание налоговой задолженности является завершающим и эффективным этапом в процедуре взыскания долга.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Федеральная налоговая служба [офиц. сайт]. – URL: <https://www.nalog.gov.ru>.
4. Куликова И.В., Лунева Л.П. Анализ уровня налоговой задолженности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Алтайском крае // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 45-47.

Научный руководитель – Куликова И.В., к.э.н., доцент

Стратегии государственной поддержки и перспективы развития российского рынка информационных технологий в условиях импортозамещения

Мазепова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В условиях глобальной цифровой трансформации и усиливающихся геополитических вызовов, развитие рынка информационных технологий приобретает стратегическое значение для Российской Федерации. Так, в период с 2019 г. по 2024 г. наблюдался значительный рост продаж собственных продуктов и услуг российской ИТ-отрасли (рис. 1). Этот показатель увеличился с 1 231 млрд руб. в 2019 г. до 4 499 млрд руб. в 2024 г., что соответствует темпу прироста 265,46%. При этом стоит отметить, что наибольший рост наблюдается в период с 2022 г. по 2024 г. Увеличение продаж связано с растущим спросом на отечественные ИТ-решения в различных сегментах экономики (B2B, B2G, B2C).

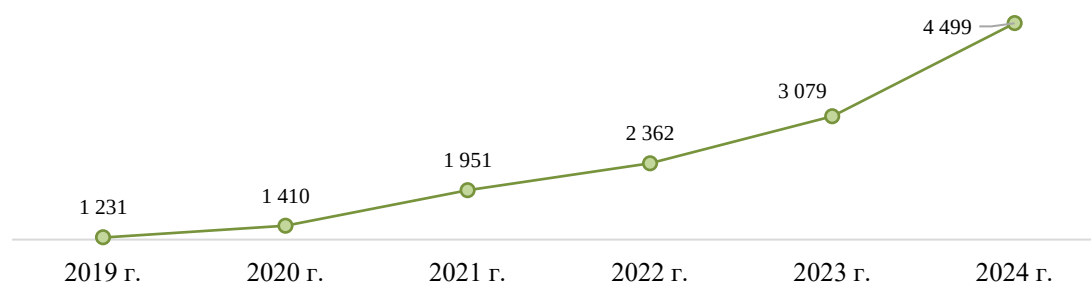

*Рисунок 1 – Реализация собственных продуктов и услуг
ИТ-отрасли России за 2019-2024 гг., млрд руб.*

В связи с этим обеспечение технологической независимости, стимулирование инноваций и повышение конкурентоспособности отечественных ИТ-компаний становятся приоритетными задачами государственной политики. Решение этих задач невозможно без эффективных мер государственной поддержки, направленных на создание благоприятных условий для развития ИТ-отрасли и стимулирование спроса на отечественные решения

В последние года руководство страны осуществляет полную поддержку отечественных производителей программного обеспечения (ПО) в ИТ-сфере. Данная

государственная поддержка реализуется через комплекс мер, направленных на стимулирование инноваций и создание благоприятных условий для развития отрасли. Среди ключевых инструментов поддержки можно выделить [1]:

1. Грантовая поддержка перспективных разработок. В рамках национального проекта «Цифровая экономика» реализуется грантовая программа, ориентированная на поддержку продуктов и технологий, обеспечивающих российскую экономику отечественными ИТ-решениями.

2. Налоговые и страховые льготы. Так, для ИТ-компаний предусмотрены пониженные тарифы страховых взносов, а продажа программного обеспечения из реестра отечественного ПО не облагается НДС. Также для работников ИТ-сферы предусмотрены льготные условия по ипотеке.

3. Мораторий на проверки. ИТ-компании были освобождены от плановых проверок до конца 2024 г., а от выездных налоговых проверок – до 3 марта 2025 г., что снизило административную нагрузку на бизнес.

4. Преференции в сфере государственных закупок. Была введена система преференций для отечественного ПО в сфере государственных закупок, исключая возможность приобретения иностранного ПО при наличии подходящих российских или евразийских аналогов.

Поддержка особо значимых проектов. Создана система отбора и финансирования особо значимых проектов, направленных на разработку и внедрение передовых российских ИТ-решений.

Рассматривая перспективы развития ИТ-сферы, можно сказать, что ИТ-рынок в России продолжает демонстрировать устойчивость и потенциал для роста, несмотря на геополитические вызовы. Особое внимание уделяется импортозамещению в сфере ПО и оборудования, что стимулирует развитие отечественных разработок. Облачные технологии, искусственный интеллект (ИИ), большие данные и кибербезопасность остаются приоритетными направлениями. Многие аналитики ожидают, что к 2030 г. ИТ-сфера в России продолжит развиваться и играть все более важную роль в экономике и обществе. Так, например, по мнению ведущей российской консалтинговой компании Strategy Partners [2], ИТ-рынок продолжит свой рост с темпами 13% год к году и в конечном счете к 2030 г. составит 7 трлн руб.

Среди основных трендов развития ИТ-сферы к 2030 г. аналитики называют: кадровое обеспечение (создание специализированных технологических вузов, развития системы непрерывного образования, внедрение дуального обучения и т.д.); развитие экспортного потенциала (развитие рынка СНГ, расширения присутствия в Азии и пр.); создание благоприятной и безопасной среды (с акцентом на защите данных, развитии кибербезопасности и т.п.). При этом искусственный интеллект станет основой развития большинства ИТ-решений. Однако импортозамещение останется ключевым направлением развития данной отрасли. К 2030 г. ожидается полное замещение иностранных решений в критически важных секторах, таких как: государственные информационные системы, банковский сектор, энергетика и оборонная промышленность.

Таким образом, в долгосрочной перспективе российский ИТ-рынок имеет потенциал стать одним из лидеров в создании инновационных решений, особенно в нишах, где отечественные разработки уже достигли высокого уровня конкурентоспособности. При этом ключевым фактором успеха станет способность отрасли поддерживать баланс между импортозамещением и интеграцией с глобальными технологическими трендами.

Библиографический список

1. ИТ-отрасль: ключевые показатели за 2019-2024 гг. // НИУ ВШЭ: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RicWW>.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: <https://digital.gov.ru/>
3. Обзор российского рынка инфраструктурного ПО и перспективы его развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RicY8>.

Научный руководитель – Котванова С.Г., к.э.н.

Сущность и особенности изменений бюджетного учета на современном этапе

Пихиенко Л.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский институт управления – филиал
г. Волгоград*

Бюджетный учет представляет собой важную учетную политику государственных учреждений, в которых получение прибыли не является целью функционирования. С целью выделения финансов из бюджета государства государственное учреждение должно направлять отчетность по сметам доходов и расходов. Бюджетный учет – это специальный инструмент предоставления всех систем расчетов и движений федеральных, муниципальных средств. Каждый квартал необходимо предоставлять от пяти до десяти видов отчетов [2]. Бюджетный учет базируется на правовых нормах Бюджетного кодекса Российской Федерации [1]. Бюджетный управленческий учет – выстроенная, по специфике предприятия, система сбора и анализа информации, показателей, для последующего аккумулирования и принятия управленческих решений. В себе она содержит [3]: своевременное вмешательство заинтересованных лиц в операционные процессы предприятия по итогу отклонений в план-факт показателях; оценку финансово-хозяйственной деятельности, влияющей на экономические результаты; мониторинг разного вида издержек, например, общие, постоянные, переменные, средние общие и т.д.

Принципы бюджетного управленческого учета включают в себя следующее: скорость обработки и выдачи оперативной информации, в ущерб их полноте; распределение задач (делегирование) между ответственными и отслеживание их хода выполнения (с учетом возможных отклонений, для своевременного вмешательства в операционную деятельность, с целью корректировки работы); выгода от управленческого учета (при «перебирании» методик планирования, анализа и учета для выявления наиболее эффективных); адаптивность СУУП к различной специфике предприятия и направления становления (коррелируя с ее изменениями в ходе масштабирования); прогнозируемость, то есть составление кратко-средне-долгосрочного плана и ожиданий, на основании уже имеющейся и повторяющейся тенденции; экономическая объективность предоставляемых данных (разработка и использование только тех отчетов, которые в полной мере соответствуют реальной ситуации финансово-хозяйственных дел на предприятии).

Государственные учреждения до утверждения Концептуальных основ бухгалтерского учета и отчетности применяли кассовый метод учета [4, 5]. В современное время концептуальными основами утверждено ведение учета объектов с применением метода начисления, по которому итоги процессов признаются в бухгалтерском учете по факту их совершения. Такой метод основан на периодизации, то есть добавлению ресурсов на верный бюджетный период, который отличается от движения денежных средств. Лучшим является представление финансовых результатов в активах и пассивах. Метод начисления показывает полную картину работы учреждения и способствует лучшему выполнению задач составления финансовой отчетности.

С 2026 г. планируются изменения в бюджетном учете, а именно переход на новые государственные стандарты, отмена инструкций № 157н, 162н, 174н, 183н. В 2025 г. осуществляется включение электронных первичных учетных документов и регистров, которые утверждены Приказом Минфина № 61н. В 2025 г. уменьшен предельный срок внесения изменений в поставленные на учет бюджетные обязательства по госконтрактам. Изменения должны быть внесены не позднее 1 февраля текущего финансового года. С 2025 г. предельный срок утверждения отчета учреждениями – 1 апреля текущего года вместо 1 марта. Обновлено отчетные формы, а именно расширен раздел «Сведения о поступлениях и выплатах», объединены сведения о приобретении нефинансовых активов в

одну строку в разделе «Сведения о выплатах». В 2026 г. все организации обязаны вести отчет по новым требованиям ФСБУ «Отчетность об использовании бюджетных средств», что изменит формы бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах.

В 2025 г. включены новые коды доходов и вычетов по НДФЛ, увеличена предельная величина базы для страховых взносов, а также увеличен лимит для суточных, которые не облагаются налогом. Введен новый туристический налог вместо курортного сбора. С 2025 г. функционируют новые условия и лимиты для использования УСН, которые включают правила для организаций с доходом до 60 млн руб. Планируется постепенный переход на цифровой рубль для исполнения федерального бюджета, а с 2027 г. – для расходов всех бюджетов. В учетной политике на 2025 г. важно четко показать порядок формирования показателей отчетности с учетом специфики функционирования организации.

Современный этап развития бюджетного учета в Российской Федерации характеризуется масштабными институциональными и методологическими преобразованиями, направленными на повышение прозрачности, достоверности и сопоставимости финансовой информации государственного сектора. Переход от кассового метода к методу начисления, внедрение электронных первичных документов, обновление форм отчетности и подготовка к введению новых федеральных стандартов бухгалтерского учета (ФСБУ) формируют единое информационное пространство государственного управления.

Предстоящая отмена действующих инструкций и переход на новые стандарты учета с 2026 г. отражают стремление к унификации подходов к формированию отчетности на всех уровнях бюджетной системы. Данные изменения способствуют повышению эффективности контроля за целевым использованием бюджетных средств, укреплению финансовой дисциплины и формированию условий для интеграции учетных процедур с цифровыми технологиями, включая использование цифрового рубля в исполнении бюджетов.

В то же время реформирование бюджетного учета требует адаптации учетной политики государственных учреждений, совершенствования программно-технического обеспечения и повышения квалификации бухгалтерских кадров. Только при комплексном подходе к реализации этих задач возможно достижение ключевой цели реформ – формирования современной, объективной и аналитически полезной системы учета и отчетности, обеспечивающей устойчивое развитие государственного сектора экономики.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. 04.08.2023) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Бюджетный учет и отчетность в рамках действующего налогового законодательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.1cbit.ru/blog/byudzhetsy-uchet>.
3. Кондрашова О.Р. Управленческий учет и отчетность по сегментам: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2018. – 236 с.
4. Концептуальные основы бухучета и отчетности организаций госсектора: Приказ Минфина РФ от 31.12.2016 № 256н (ред. от 13.09.2023) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Магомедова Р.Д., Ибрагимова А.Х. Изменения в российском бюджетном учете // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 1.

Научный руководитель – Чуб М.В., к.э.н., доцент

Обеспечение экономической безопасности региона в условиях структурных преобразований

Причко Д.Д., Сидоренко М.П.

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург*

Усиление значимости региона в государственной системе является основной причиной появления такого понятия как «экономическая безопасность региона». Экономическая безопасность региона заключается в защите региональных экономических интересов от внутренних и внешних угроз. Экономическая безопасность региона – его способность функционировать и развиваться в условиях рисков и неопределенности. Основой региона является стабильное развитие территории, где все элементы – люди, общество, природа и экономика – составляют единую систему. Целостность этой системы достигается за счет общих ценностей, целей и интересов всех жителей региона. Это создает единство социума и гармоничное взаимодействие с природной средой в пределах региона.

Экономическая безопасность региона ориентирована на устойчивое и постепенное развитие территории в условиях экономической независимости и интеграции с экономикой Российской Федерации, на которую могут влиять неблагоприятные факторы (угрозы безопасности), а также способность сохранять иммунитет к угрозам, ослаблять и устранять их действие.

В условиях структурных преобразований, происходящих в мировой и национальной экономике, регионы сталкиваются с новыми вызовами и угрозами. Цель данной статьи – выявить основные угрозы экономической безопасности регионов и рассмотреть механизмы их преодоления. Современные структурные изменения в экономике обусловлены многими факторами, основными из которых являются глобализация, т.е. усиление международной конкуренции требует от регионов адаптации к новым условиям и технологические изменения, т.е. цифровизация и автоматизация производственных процессов, которые меняют структуру занятости и спрос на рабочую силу.

Экономическая безопасность региона подвержена различным угрозам – внешним (экономические санкции, колебания мировых цен на сырьевые товары, влияние глобальных финансовых кризисов) и внутренним (коррупция, неэффективное управление ресурсами, социальная нестабильность и высокий уровень безработицы), а также экологическим рискам, которые влияют на ухудшение состояния окружающей среды и негативно сказываются на деловой активности бизнеса и качестве жизни населения. Примеры таких угроз можно наблюдать в регионах, зависимых от добычи природных ресурсов, где колебания цен могут привести к значительным экономическим потерям. В качестве примера выступает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, где высокая зависимость от добычи нефти делает экономику региона крайне уязвимой. Экономика региона более чем на 70% зависит от доходов с топливно-энергетического комплекса, в частности от налога на прибыль и имущество предприятий. Таким образом, одна ключевая зависимость (от добычи нефти) аккумулирует в себе комплекс взаимосвязанных угроз экономической безопасности региона.

Для обеспечения экономической безопасности необходим комплексный подход, включающий:

- государственное регулирование – разработка стратегий и программ по поддержке ключевых отраслей экономики, инвестиции в инфраструктуру;
- мониторинг рисков – создание систем раннего предупреждения о возможных экономических кризисах и угрозах;
- инновации – поддержка научных исследований и внедрение новых технологий для повышения конкурентоспособности.

Обеспечение экономической безопасности невозможно без активного участия всех заинтересованных сторон: государства, обеспечивающего условия для развития бизнеса и защиты прав инвесторов; бизнеса, который играет ключевую роль в создании рабочих мест и повышении уровня жизни населения; гражданского общества, активно участвующего в мониторинге действий власти и бизнеса.

Обеспечение экономической безопасности региона в условиях структурных преобразований требует комплексного подхода, включающего взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества. Только совместные усилия позволят регионам успешно справляться с возникающими угрозами и обеспечивать устойчивое развитие.

Библиографический список

1. Бажаева Т.С., Кравченко С.К., Татарникова М.А. Качество и уровень жизни населения России: региональный аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 4. – С. 63-69.
2. Житенева А.С., Комольцев С.А., Татарникова М.А. Особенности Российской модели региональной экономической безопасности // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвуз. междунар. конгресса. Том 2. – М., 2023. – С. 27-34.
3. Малеева Т.В., Татарникова М.А. Использование проактивного подхода в территориальном планировании на межрегиональном уровне // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 1. – С. 12-19.
4. Фролова Н.Н., Татарникова М.А. Актуальные аспекты экономической безопасности региона в условиях инновационного развития // Высшая школа: научные исследования: материалы Межвуз. междунар. конгресса. Том 2. – М., 2023. – С. 8-18.
5. Актуальные проблемы территориального развития / К.С. Афанасьев, О.Л. Ким, Н.Н. Константинова [и др.]. – Санкт-Петербург, 2023. – 132 с.

Научный руководитель – Татарникова М.А., к.э.н., доцент

Основные тенденции развития свиноводства в России

Рябцев М.Т., Логинова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В 2024 г. производство свинины в индустриальном секторе (сельскохозяйственные предприятия, К(Ф)Х)) увеличилось на 247,8 тыс. т в живом весе, или на 4,4%, до 5,84 млн т относительно 2023 г. Динамика развития свиноводства демонстрирует, что внутренний рынок в стране вступил в зрелую стадию своего развития, к которой шел почти 20 лет [1, 2]. Такие темпы (в пределах 1-3%) минимизируют риск перенасыщения рынка с одной стороны, а с другой – являются достаточными для удовлетворения возможного увеличения спроса, как это было, например, в 2022-2023 гг. Среди регионов России первое рейтинговое место по производству свинины в 2024 г. занимала Белгородская область (1 017,2 тыс. т), Курская область (498,6 тыс. т), Псковская область (419,0 тыс. т), Воронежская область (410,5 тыс. т) и Орловская область (280,1 тыс. т).

Таблица 1 – Объемы производства свинины по субъектам РФ, тыс. т в убойном весе

Субъекты РФ	2023 г.		2024 г.			
	тыс. т.	% к итогу	тыс. т.	% к итогу	прирост к 2023 г.	
					абс., тыс. т.	относит., %
Белгородская область	797,0	16,9	855,0	17,5	58,1	7,29
Курская область	438,1	9,3	416,3	8,5	– 21,8	– 4,98
Псковская область	191,9	4,1	268,0	5,5	76,1	39,67
Воронежская область	295,5	6,3	297,4	6,1	1,9	0,63
Орловская область	184,4	3,9	226,1	4,6	41,7	22,59

Тамбовская область	175,5	3,7	174,1	3,6	– 1,4	– 0,78
Брянская область	175,5	3,7	183,6	3,8	8,1	4,60
Тверская область	151,5	3,2	149,8	3,1	– 1,8	– 1,17
Республика Мордовия	137,2	2,9	144,3	3,0	7,1	5,16
Липецкая область	98,3	2,1	124,9	2,6	26,6	27,08
Прочие субъекты	2 074,8	44,0	2 045,8	41,9	26,6	27,08
Итого	4 719,7	100,0	4 885,3	100,0	– 29,0	– 1,40

За период с 2005 г. и по настоящее время, т.е. за последние 20 лет, свиноводческий сектор в стране радикально трансформировался, Россия стала заметным игроком на мировых рынках свинины и прочей продукции свиноводства. С риском перенасыщения внутреннего рынка отрасль тоже успешно справляется, а средняя рентабельность промышленных предприятий остается на достаточно высоком (относительно рентабельности других животноводческих отраслей) уровне.

Общий вывоз мяса из России в 2024 г. приблизился к 800 тыс. т в натуральном выражении, а в стоимостном превысило 1,7 млрд долл. США, с учетом готовой мясной продукции экспорт достиг 870 тыс. т и 2 млрд долл. США. Основным драйвером изменений – рост производства и экспорта продукции птицеводства и свиноводства [3, 4, 5], прогноз резкого роста в этих отраслях аграрной экономики ученые делали еще в начале 2000 гг. [6, 7]. Для экспорта продукции свиноводства 2024 г. стал рекордным, когда в другие страны из России было вывезено 322 тыс. т свинины и прочей продукции свиноводства в натуральном выражении, а в стоимостном – 658 млн долл. США (рис. 1), что позволило России приблизиться к топ-5 мировых экспортеров свинины. В 2005 г. более 75% компаний, которые сейчас входят в топ-20 крупнейших производителей свинины России, еще не существовали или не занимались данной деятельностью. В 2010 г. они уже выпускали 45% промышленного производства свинины, в 2024 г. их доля в промышленном производстве свинины приблизилась к 80%.

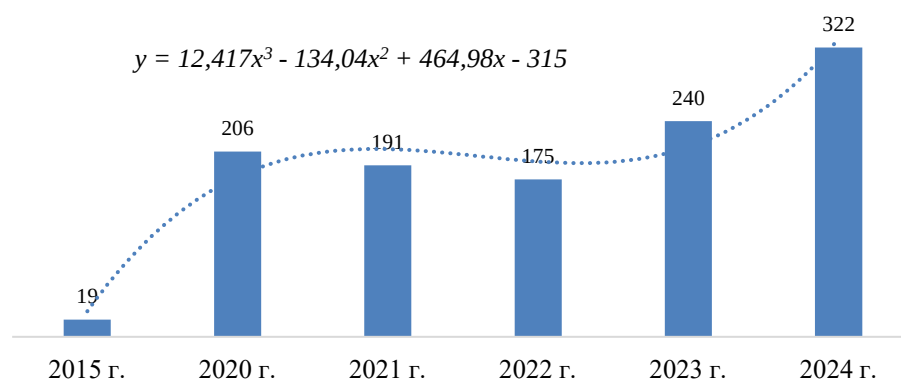

Рисунок 1 – Экспорт продукции свиноводства из России в 2015-2024 гг., тыс. т

В целях совершенствования и дальнейшего развития рассматриваемой отрасли представляется целесообразным реализовать следующий комплекс рекомендаций:

- работа над снижением себестоимости продукции путем снижения затрат на ее составляющие (корма, заработная плата, общепроизводственные затраты);
- автоматизация производства, применение новых технологий обслуживания;
- использование искусственного интеллекта для анализа данных о состоянии здоровья животных и применение роботизированных систем ухода за животными – все это помогает снизить затраты и повысить производительность;
- работа над улучшением технологии производства, куда мы можем включить работу с генетическим материалом, улучшение способов сохранности приплода, увеличение ежесуточного привеса;
- увеличение экспорта производимой продукции;

– работа над доступностью данного вида мяса большей категории граждан.

Таким образом, свиноводство в России демонстрирует положительную динамику развития, что позволяет нашей стране не только полностью обеспечивать себя продуктами животноводства в данной области, но и стать одним из крупнейших экспортеров свинины в мире.

Библиографический список

1. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Терновский Д.С., Шишкина Е.А. Оценка экономической доступности продовольствия в России в контексте продовольственной безопасности // Вопросы экономики. – 2024. – № 6. – С. 73-95.
2. Воробьев С.П., Троцкий А.Я., Воробьева В.В. Интегрированные агропромышленные формирования как опора аграрной экономики Алтайского края: сформированы ли предпосылки? // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2019. – № 2. – С. 21-26.
3. Шайбакова Л.Ф., Скворцов Е.А., Морозова Г.М. Разведение свиней в России: тенденции, особенности и проблемы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 4. – С. 11-17.
4. Воробьев С.П., Гриценко Г.М., Воробьева В.В. Трансформация интересов собственников в сельском хозяйстве при формировании дивидендной политики // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2017. – № 10. – С. 29-31.
5. Серегин С.Н. Технологический суверенитет продовольственного комплекса России: современное состояние и ключевые направления будущего развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2024. – № 10. – С. 127-144.
6. Колобова А.И., Кудашкин А.С. Устойчивое развитие аграрной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 9. – С. 113-117.
7. Shagaida N.I. Is it possible to quickly eliminate labor shortage in Russian agriculture? // Russian Peasant Studies. – 2024. – Vol. 9, № 2. – P. 139-152.

Научный руководитель – Воробьев С.П., к.э.н., доцент

Влияние факторов инвестиционной привлекательности региона на экономическую безопасность Республики Саха (Якутия)

Семенова К.А.

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск*

Качество экономического роста возможно только на базе инвестиций, и инвестиций не столько государственных, сколько частных, а для этого необходимо создать инвестиционный климат. Инвестиционная привлекательность региона играет ключевую роль в обеспечении его экономической безопасности, поскольку инвестиции способствуют устойчивому экономическому росту, модернизации производства и внедрению передовых технологий. Высокий уровень инвестиционной активности стимулирует развитие экономической среды, повышает конкурентоспособность региона, способствует реализации масштабных проектов и расширению внутреннего рынка. Вложения капитала обеспечивают рост производственного потенциала, улучшение инфраструктуры и создание новых рабочих мест, что положительно влияет на социально-экономическую устойчивость региона.

Однако инвестиции также могут представлять угрозу для экономической безопасности, особенно в случае преобладания портфельных вложений, требующих регулярного обслуживания долговых обязательств и создающих риски финансовой нестабильности. В условиях кризисных явлений на глобальном и локальном рынках высокая зависимость от внешних инвесторов может привести к снижению экономической независимости региона.

С точки зрения интегрально-факторного подхода, разработанного В.В. Литвиновой, В.Н. Кузьминым и Д.А. Чепиком, инвестиционная привлекательность определяется совокупностью объективных факторов и показателей, которые формируют интегральную

оценку привлекательности региона для инвесторов. В рамках данного подхода учитываются как экономические, так и институциональные параметры, позволяющие оценить потенциал и возможные угрозы для инвестиционного процесса. Это обеспечивает более комплексное понимание инвестиционной среды и дает возможность учитывать долгосрочные макроэкономические тренды [2, 3].

Также следует выделить структурно-приоритетный подход, предложенный В.В. Ивантером, О.В. Рудаковой, А.В. Поляниным и Л.М. Кузнецовой. В рамках данного подхода инвестиционная привлекательность рассматривается как составляющая структурно-инвестиционных приоритетов, формируемых в рамках национальной и региональной экономической политики. Авторы утверждают, что развитие инвестиционной среды региона должно согласовываться с задачами государственной стратегии экономического роста и направлено на стимулирование ключевых отраслей промышленности. В частности, важную роль играет государственное регулирование и механизмы стимулирования инвесторов, направленные на привлечение долгосрочных вложений и повышение устойчивости региональной экономики [1, 6].

Проведенный анализ основных экономических показателей Республики Саха (Якутия) показывает ее значительный вклад в развитие сырьевого сектора экономики Российской Федерации (рис. 1). Якутия занимает лидирующую позицию в добыче полезных ископаемых, что определяет значимость региона в обеспечении минерально-сырьевых ресурсов России. Из-за климатических и географических факторов, препятствующих развитию агропромышленного комплекса, доля Якутии в сельскохозяйственном производстве остается незначительным. Доля Якутии в обороте розничной торговли остается почти неизменной, что показывает умеренный рост потребительского спроса и дальнейший рост торговой инфраструктуры. Но несмотря на вышеперечисленные факторы, Республика Саха (Якутия) – один из наиболее активно развивающихся регионов страны с высоким инвестиционным потенциалом. Применение мер по совершенствованию инвестиционного климата дает свои результаты – по итогам 2024 г. Республика находится на 14-м месте в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата среди субъектов Российской Федерации [4].

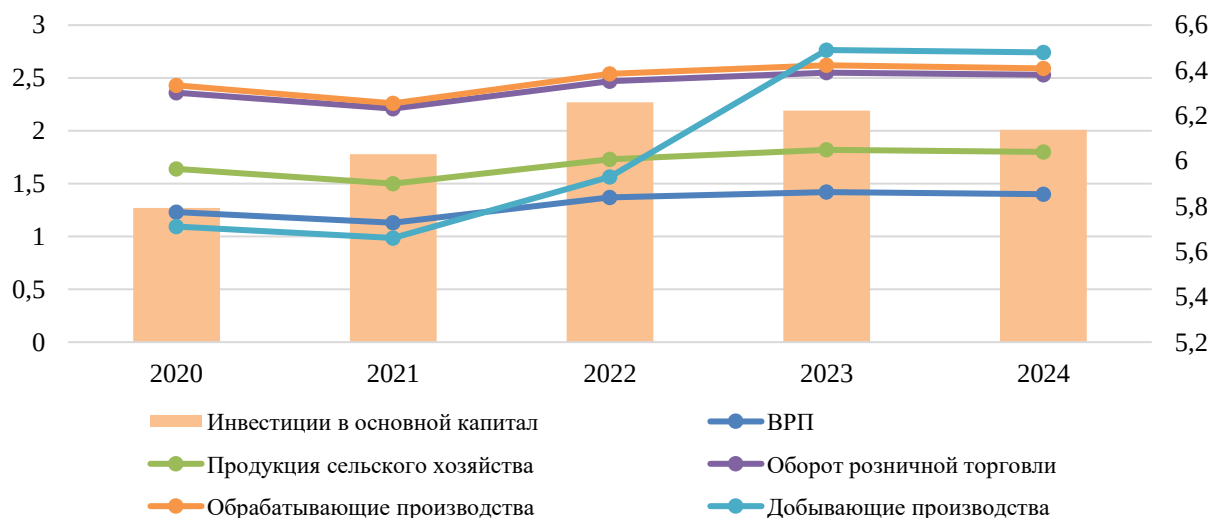

Рисунок 1 – Доля Республики Саха (Якутия) в общероссийских основных показателях в 2020-2024 гг., в % [5]

Инвестиционная привлекательность Республики Саха (Якутия) формируется под комплексным влиянием как институциональных факторов (госпрограммы, регулирование, финансовая поддержка), так и структурных факторов (транспорт, отраслевая структура, демография). Ключевыми направлениями для укрепления экономической безопасности являются: диверсификация экономики – развитие перерабатывающих производств (судостроение, ювелирная промышленность, газопереработка), поддержка

высокотехнологичных и креативных индустрий, туризма; комплексная модернизация инфраструктуры – транспорт, энергетика, логистика; стимулирование внутреннего рынка и предпринимательства; решение социально-демографических проблем – улучшение качества жизни населения, создание центров роста (Якутская агломерация).

Таким образом, делаем вывод, что необходим комплексный подход, сочетающий дальнейшее совершенствование институциональной среды с целенаправленным преодолением структурных ограничений для перехода от сырьевой модели к устойчивой и диверсифицированной экономике.

Библиографический список

1. Ивантер В.В. Структурно-инвестиционная составляющая долгосрочной экономической стратегии России // Общество и экономика. – 2017. – №8. – С. 5-32.
2. Кузьмин В.Н., Чепик Д.А. К вопросу оценки инвестиционной привлекательности региона // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – № 2. – С. 40-43.
3. Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке // Финансы: теория и практика. – 2014. – № 1. – С. 139-152.
4. Методология оценки Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ Агентства стратегических инициатив [Электронный ресурс]. – URL: https://asi.ru/government_officials/rating.
5. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: <https://14.rosstat.gov.ru>.
6. Рудакова О.В., Полянин А.В., Кузнецова Л.М. Основные проблемы инвестиционной привлекательности России // Среднерус. вестн. обществ. наук. – 2016. – Т. 11, № 2. – С. 152-162.

Научный руководитель – Самсонова И.В., д.э.н., профессор

Трансформация внешнеэкономической деятельности агробизнеса Российской Федерации в условиях санкций*

Ташматова Р.Х.

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
г. Москва*

Сельское хозяйство является стратегически важной отраслью, которая определяет благополучие всей экономики. Несмотря на многолетнее санкционное давление, российский агробизнес демонстрирует хорошие темпы роста и продолжает играть ключевую роль в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией [1]. Такие результаты могут свидетельствовать об эффективности мер, предпринятых для трансформации внешнеэкономической деятельности этой отрасли. Экономические санкции стали мощным катализатором структурных преобразований – изменение географии и структуры внешней торговли, развитие альтернативных логистических цепочек, переориентация внешнеторговых расчетов и повышение государственной поддержки. Все перечисленные механизмы способствуют постепенной адаптации к санкционным ограничениям. В данной работе рассматриваются ключевые изменения в их функционировании для агробизнеса в 2025 г.

Изменение географии и структуры внешней торговли. В текущем году Россия ускорила темпы наращивания торговли с дружественными странами. Например, товарооборот сельхозпродукции со странами Африки вырос на 43% в годовом исчислении, превысив отметку в 10 млрд долл. США [2]. По данным министерства сельского хозяйства с Китаем и Ираном этот показатель также увеличился на 15% [3]. Агроэкспорт же со странами ЕАЭС к маю этого года составил более 3 млрд долл. США. Другим интересным изменением стал рост экспорта халяльной продукции на 32%, годовая выручка от поставок в страны Ближнего Востока уже составляет примерно 1 млрд руб. [3]. Идет активная работа по развитию экспорта в страны Юго-Восточной Азии. Особое внимание уделяется

разработке проектов со странами-партнерами для расширения научно-технологического сотрудничества в этой отрасли. Принятие 19-го пакета санкций, который увеличил торговые ограничения для России, придает еще больший стимул к работе по расширению экспортных направлений и развитию внутреннего производства.

Развитие альтернативных логистических цепочек. В этом году продолжается активное развитие торговых маршрутов – преимущественно через ближневосточные порты, Азиатско-Тихоокеанский регион и страны СНГ. Однако развитие цепочек поставок осложняется ростом тарифов на перевозки [4]. Переориентация внешнеторговых расчетов. Российский агробизнес уже несколько лет активно ведет расчеты в национальных валютах. На данный момент легальный обход ограничений также возможен через использование в расчетах криптовалюты или бартер [5]. Активно используются системы SPFS и CIPS. Запуск Renminbi Digital, китайского аналога SWIFT, может помочь открыть дополнительные возможности для обхода финансовых ограничений. Помимо внешнего финансового давления, до августа 2025 г. действовала обязательная репатриация и продажа валютной выручки. Снятие этого ограничения стало еще одним изменением, которое позволит повысить финансовую гибкость и эффективность агрокомпаний [6].

Меры государственной поддержки Правительство продолжает оказывать всестороннюю поддержку агробизнесу через системы льготного кредитования, субсидирования транспортных издержек, страхования экспортных контрактов, продвижение продукции за рубежом, и др. Российский экспортный центр (РЭЦ) активно содействует внешнеэкономической деятельности компаний. На недавнем заседании комитетов Госдумы министр сельского хозяйства Оксана Лут объявила о запуске дополнительных программ, направленных на развитие экотуризма и программ целевого обучения, а значит поддержка отрасли со стороны государства будет только дополняться новыми механизмами [3]. Все же некоторые исследования подчеркивают необходимость грамотного государственного вмешательства, чтобы увеличить эффективность внедряемых мер [7].

Изучение литературы свидетельствует о том, что российская модель, сочетающая всестороннюю внешнеэкономическую диверсификацию и государственную поддержку, может рассматриваться как пример эффективной стратегии в условиях финансовых и торговых ограничений [8]. Однако все еще сохраняются риски, с которыми необходимо бороться, включая продолжающуюся технологическую зависимость, риски вторичных санкции для дружественных стран, угрозы снижения эффективности господдержки.

**Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XVI конкурса молодых ученых МГИМО «Мой старт в науке»*

Библиографический список

1. Российский АПК в 2025 году: прогнозы и ключевые вызовы [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMhX>.
2. Товарооборот России со странами Африки в сфере АПК вырос на 43% в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMi2K>.
3. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации: [офиц. сайт]. – URL: <https://mcx.gov.ru>
4. Долгих В.А., Романова Ю.А., Морковкин Д.Е. Основные направления развития отечественного агропродовольственного рынка и поддержки экспорта продукции АПК в контексте мировых технологических трендов // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № S1.
5. Подерегина А.К., Егорова А.С., Гомон И.В. Развитие торговых отношений России и Сингапура в рамках формирования зоны свободной торговли // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 5-2. – С. 370-374.
6. Таенчук Я.Ю. Продажа экспортерами валютной выручки, как способ укрепить рубль // Калужская область в контексте глобальных трансформаций: оценка структурных, пространственных и социальных приоритетов: Материалы научн.-практ. конф. – Калуга: ИП Стрельцов И.А., 2024. – С. 286-294.
7. Davydenko V.A., Romashkina G.F., Skripnuk D.F., Khudyakova M.V. Post-Soviet Transformations in Russian Rural Areas: The Role of Institutions // Agronomy. – 2022. – Vol. 12, № 7. – P. 1607.
8. Ситдикова Л.Ф. Оценка влияния санкций на сельское хозяйство и выявление направлений адаптации // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2025. – Т. 20, № 2. – С. 146-155.

Научный руководитель – Лукина Ю.А., к.э.н.

Карта соответствия блоков корпоративного управления и типовых финансовых рисков: концептуальная матрица для менеджмента и инвесторов

Терентьев А.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань*

Финансовая устойчивость публичных компаний зависит от качества корпоративного управления. Целью является демонстрация связи основных блоков корпоративного управления с типовыми финансовыми рисками и с метриками мониторинга, применимыми в управленческой и аналитической практике. Подход основывается на сопоставлении практик, фиксируемых в открытых источниках, и на логике увязки управленческих решений с измеримыми результатами. Представленная компоновка предназначена для лаконичного использования в отчетах и рабочих материалах менеджмента и инвесторов.

Таблица 1 – Матрица соответствия блоков корпоративного управления финансовым рискам и метрикам

Блок корпоративного управления	Ключевые финансовые риски	Механизмы управления	Индикативные метрики
Совет директоров	Стратегическая ошибка, агентские конфликты, дефицит ликвидности	Комитеты по аудиту и рискам, лимиты по долгу и валюте, одобрение крупных сделок и инвестиций	Доля независимых директоров, наличие и регламент риск-комитета, Debt/EBITDA, Net Debt/EBITDA
Структура собственности	Конфликты акционеров, правовые и репутационные потери	Раскрытие бенефициаров, соглашения акционеров, защита миноритариев, контроль сделок с заинтересованностью	Free float, концентрация крупнейшего акционера, число и величина аффилированных сделок
Контроль и аудит	Операционные потери, искажения отчетности, регуляторные и налоговые санкции, утрата активов	Система внутреннего контроля, внутренний аудит под советом, комитет по аудиту, независимый внешний аудит, линия сообщений	Факты выявления существенных недостатков СВК (в динамике), средний срок закрытия рекомендаций
Прозрачность и IR-практики	Рост стоимости капитала, правовые и репутационные риски	Информационная политика, расширенное раскрытие рисков и ESG, дни инвестора и телеконференции, оперативные разъяснения	Скорость раскрытия существенных фактов, доля добровольных раскрытий, волатильность за последние 90 дней
Риск-менеджмент и комплаенс	Рыночные, кредитные, ликвидности, операционные и регуляторные риски	ERM, лимиты и хеджирование, страхование, панель KRI, мониторинг изменений и обучение	Наличие ERM-политики, доля хеджа по валюте и сырью, просроченная дебиторская задолженность свыше 90 дней, динамика коэффициента текущей ликвидности
Система вознаграждения	Агентские искажения, чрезмерный риск, операционные сбои	Комитет по вознаграждениям, LTI с отсрочкой, KPI с риск-показателями, механизмы возврата	Доля LTI, срок отсрочки, доля риск-KPI в бонусах, случаи применения механизма возврата
ESG	Экологические и социальные потери, репутационный ущерб, ограничение доступа к капиталу	Экологическая и социальная политика, цели по охране труда и экологии, оценка цепочки поставок, внешнее заверение отчетности	TRIFR и LTIFR, экологические штрафы, доля поставщиков с ESG-оценкой, наличие внешнего заверения
Цифровое управление и	Киберинциденты, ИТ-сбои, простои,	Политика информационной безопасности, аудит ИТ и	Динамика числа инцидентов и MTTR, доля критичных

кибербезопасность	риски персональных данных, технологическое отставание	тесты на проникновение, планы DR и BCP, киберстрахование, управление данными	систем с DR-планами, закрытые уязвимости, наличие ISO 27001

Источник: составлено автором на основе [1, 2, 3].

Матрица сводит управленческую архитектуру, характер ожидаемых потерь и инструменты контроля в компактный формат, пригодный для планирования и последующей оценки. Для менеджмента она задает порядок приоритизации и точки ответственности. Для инвесторов она служит опорой при скоринговой оценке и при формировании повестки взаимодействия с эмитентом.

Библиографический список

1. Malik M.F., Nowland J., Buckby S. Voluntary adoption of board risk committees and financial constraints risk // International Review of Financial Analysis. – 2021. – Vol. 73.
2. Tai V.W., Lai Y.-H., Yang T.-H. The role of the board and the audit committee in corporate risk management // The North American Journal of Economics and Finance. – 2020. – Vol. 54.
3. Gao L., Calderon T.G., Tang F. Public companies' cybersecurity risk disclosures // International Journal of Accounting Information Systems. – 2020. – Vol. 38.

Научный руководитель – Ветошкина Е.Ю., к.э.н., доцент

Современное состояние и ключевые тренды развития рынка страхования в России

Тураханов Т.Т.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В условиях высокой изменчивости и непредсказуемости роль страхования становится все более значимой. Страхование стало одним из ключевых финансовых механизмов, позволяющим защититься от непредвиденных обстоятельств. В данных условиях рынок страхования гибко подстраивается под интересы клиентов, предлагая новые решения и совершенствуя уже существующие продукты. Помимо развития самих продуктов, происходят изменения и в работе с клиентами, внедряются новые технологии, позволяющие сделать взаимодействие страховщика и страхователя более удобным и ресурсоемким для обеих сторон. На сегодняшний день инфраструктура позволяет закрыть подавляющую часть потребностей в онлайн формате, это касается как оформления новых продуктов, так и решений о внесении изменений в уже существующие полисы или обращений по урегулированию страховых случаев и выплате страхового возмещения.

Несмотря на жесткую денежно-кредитную политику, проводимую Банком России, ключевым элементом которой является сохранение высокой ключевой ставки, данный сегмент финансового рынка характеризуется высоким уровнем развития. Согласно аналитическому обзору Центрального Банка РФ по итогам 1-го полугодия 2025 г. объем собранных страховых премий вырос на 28,8%, относительно аналогичного периода предыдущего года, в то же время совокупный рынок страхования увеличился более чем на треть (37%) (рис. 1), до 1,8 трлн руб.

Основной рост обеспечили ИСЖ (инвестиционное страхование жизни) и НСЖ (накопительное страхование жизни), их доля составила 52,2% рынка (табл. 1) [4]. В сегментах иных, чем страхование жизни, основной рост пришелся на страхование прочего имущества юридических лиц (на 15,4%) и граждан (на 7,1%), а также автострахование как по ОСАГО (+1%), так и по автокаско (+1,6%), несмотря на снижение продаж новых

автомобилей, этому поспособствовало расширение спроса граждан на страхование поддержанных автомобилей [4].

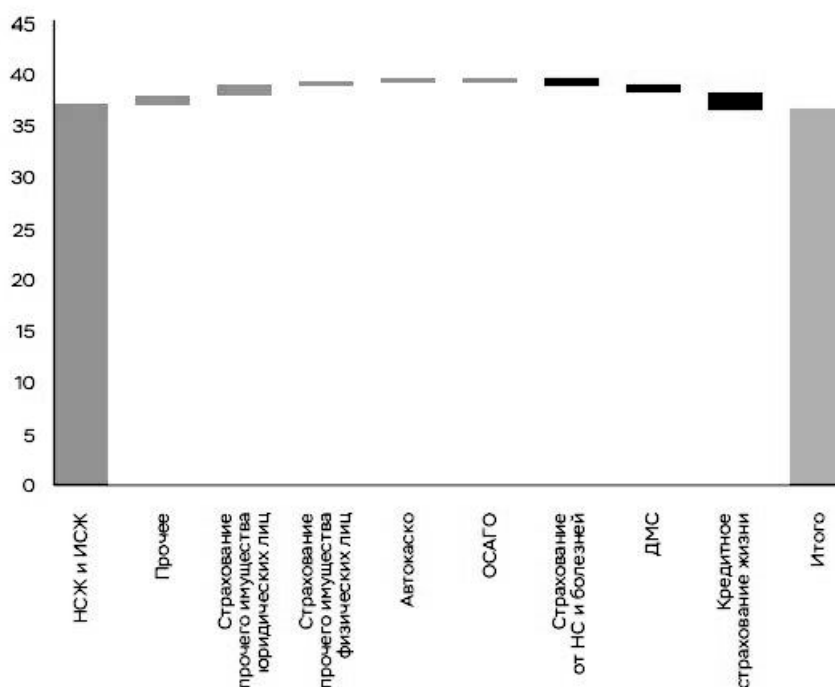

Рисунок 1 – Вклад основных сегментов в динамику премий
(% прироста каждого вида страхования в совокупном приросте)

Основное снижение приходится на сегмент страхования заемщиков, что в свою очередь связано со снижением объемов кредитования, в связи с сохраняющимся высоким уровнем ключевой ставки.

Таблица 1 – Структура страхового рынка по доле премий, %

Вид страхования	1 полугодие 2024 г.	1 полугодие 2025 г.
НСЖ	23%	29%
ИСЖ	11%	23%
ДМС	13%	9%
ОСАГО	12%	9%
Автокаско	11%	8%
Прочее	10%	7%
Страхование прочего имущества ЮЛ	6%	5%
Страхование от НС и болезней	6%	4%
Страхование прочего имущества ФЛ	4%	4%
Кредитное страхование жизни	3%	1%

Количество страховых организаций в России по состоянию на конец I квартала 2025 г. составило 131 единиц, при этом сумма полученных премий первой десятки составляет 74%, а количество заключенных договоров составляет 81,06% от общего числа по стране, что говорит о высокой концентрации рынка [3].

Таким образом, текущее состояние рынка страхования оценивается как положительное, эксперты, рассматривая перспективы развития выделяют два возможных сценария. Первый: при сохранении высокой краткосрочной доходности продолжится рост коротких договоров страхования жизни. Второй: снижение доли коротких продуктов страхования в случае уменьшения неопределенности в краткосрочной и долгосрочной перспективе, что снизит темпы роста относительно первого сценария [1].

И в том и в другом случае ключевую роль в развитии рынка страхования будут играть НСЖ и новый вид страхования – долевое страхование жизни (ДСЖ), основное отличие которого от ИСЖ состоит в том, что в данном случае выбор инвестиционной стратегии определяется клиентом, а не страховой компанией, что придает страхователю дополнительную уверенность в продукте и становится более привлекательным выбором, однако еще не все страховщики присоединились к продажам данного продукта. Страховщики также отмечают, что росту ДСЖ мешает ограничение по составу разрешенных базовых активов в продукте – ОПИФ и ЗПИФ. Новый продукт испытывает высокую конкуренцию с другими финансовыми инструментами, доступными клиентам для накопления и защиты капитала. В 2026 г. ДСЖ может получить импульс развития за счет замещения ИСЖ [2].

Основная стратегия страховщиков сегодня направлена на цифровизацию, а также совместное сотрудничество с партнерами и финансовыми маркетплейсами. Применение и внедрение искусственного интеллекта позволит как повысить эффективность работы с клиентами, так и оптимизировать внутренние процессы. В целом операционная эффективность стала важным аспектом развития страховщиков [5, 6, 7]. Наблюдается тренд на персонализацию продуктов, что приводит к появлению модульных страховых продуктов и большей гибкости отдельно взятых. Растет число договоров, оформленных в онлайн формате. Ценовая конкуренция между страховщиками усилилась, что приводит к снижению тарифов в отдельных сегментах рынка для удержания и привлечения новых клиентов.

Библиографический список

1. Басова О., Янин А. Прогноз развития страхового рынка на 2025 год: «жизнь» покажет [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMrAv>.
2. Басова О., Янин А. Страховой рынок в 2025 году: измениться, чтобы расти [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMrDk>.
3. Исаев Ю. Крупнейшие страховые компании 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMrFy>.
4. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков за II квартал 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RMrHj>.
5. Воробьев С.П., Воробьева В.В. Цифровизация как драйвер развития агострахования в России // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 43-45.
6. Пашун А.С., Голубева А.М., Пустовалов В.А. Динамика страховых премий по видам страхования в России // Статистика и предиктивная аналитика: Материалы III Всеросс. конкурса научных работ, Барнаул, 16 мая 2023 года. – Барнаул, 2023. – С. 124-127.
7. Подъезжих Р.В., Лукина Е.В. Алгоритм формирования стратегии развития организации // Современный специалист-профессионал: теория и практика: материалы 12-ой междунар. научн. конф. студентов и магистрантов, посвященной 55-летию Алтайского филиала Финуниверситета. – Барнаул, 2020. – С. 150-152.
8. Голубева А.М., Пашун А.С., Пустовалов В.А. Структурные сдвиги в страховых премиях по видам страхования в России // Статистика и предиктивная аналитика: Материалы III Всеросс. конкурса научных работ, Барнаул, 16 мая 2023 года. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 41-44.

Научный руководитель – Котванова С.Г., к.э.н.

Оптимизация развития агротуризма в Алтайском крае: оценка эффективности и сдерживающих факторов

Чжан Цзиньхуэй

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы*

Алтайский край располагает исключительными природными и социально-экономическими условиями для развития агротуризма – это положение сегодня не вызывает сомнений. Однако на практике потенциал региона используется не в полной мере: агротуризм остается в фазе фрагментарного, «мелкомасштабного» развития и пока не оказывает значимого стратегического влияния на региональную экономику [3]. В этой связи цель исследования заключается не в повторном доказательстве «важности» или «перспективности» агротуризма, а в решении более насущной задачи – системной диагностики глубинных барьеров его развития и выработке действенных механизмов их преодоления.

Автор утверждает, что агротуризм Алтайского края в настоящее время пребывает в состоянии «низкоуровневого равновесия» [2]. Технологическая и транспортная отсталость сдерживает расширение рынка; слабость брендов и неэффективные маркетинговые практики ведут к недооценке потенциала региона; низкий уровень профессионализма и отсутствие стандартов обслуживания подрывают репутацию отрасли; а институциональная несогласованность политики препятствует комплексным решениям. Исследование направлено на разрушение этого замкнутого круга через выявление системных связей между ограничениями и формирование интегративной модели развития, способной обеспечить устойчивый рост агротуризма в регионе.

Проблемы, сдерживающие развитие агротуризма в Алтайском крае, носят взаимосвязанный и комплексный характер. Инфраструктурные ограничения – это «жесткий потолок» для отрасли: слабая дорожная сеть, недостаток комфортного жилья и нестабильное интернет-покрытие не только снижают привлекательность региона для туристов, но и повышают операционные издержки бизнеса, препятствуя раскрытию потенциала местных ресурсов. Недостатки брендинга и маркетинга усугубляют ситуацию: отсутствие единой стратегии продвижения и слабая организация рынка приводят к тому, что регион остается «хорошим вином в глубоком погребе» [1]. Низкий уровень профессиональной подготовки кадров и отсутствие стандартов качества создают угрозу нестабильности туристического опыта, а нехватка специалистов по управлению и продвижению ограничивает инновации. В свою очередь, эти операционные проблемы имеют институциональные корни: разобщенность ведомств, фрагментация программ и слабая межсекторная координация снижают общую эффективность государственной политики и препятствуют системным реформам.

Для системного преодоления указанных ограничений требуется переход к модели трехстороннего взаимодействия – государства, бизнеса и местных сообществ. В рамках этой модели государство должно эволюционировать от роли «администратора» к роли «партнера и катализатора» [4], сосредоточив усилия на адресных инвестициях в инфраструктуру, создании прозрачной нормативной базы и разработке инновационных финансовых инструментов поддержки. Отраслевой сектор должен перейти от фрагментарной конкуренции к кластерному сотрудничеству, формируя альянсы производителей и туроператоров, развивая цифровые маркетинговые каналы и стимулируя инновации в продуктах и услугах. Сообщества, в свою очередь, должны стать активными субъектами изменений – от «пассивных участников» к «соавторам развития», создавая культурные и образовательные инициативы, развивая креативное предпринимательство и внедряя механизмы справедливого распределения доходов. Только согласованное взаимодействие

всех трех сторон позволит превратить богатейшие ресурсы Алтая в основу устойчивого роста и социальной сплоченности.

Преодоление барьеров развития агротуризма в Алтайском крае возможно лишь при переходе от ресурсно-ориентированной модели к модели, основанной на инновациях и эффективном управлении. Исследование показало, что текущее состояние отрасли представляет собой системный узел, в котором переплетаются инфраструктурные, рыночные, кадровые и институциональные ограничения. Точечные меры не способны привести к качественному прорыву – необходима системная трансформация, предполагающая смену управленческой парадигмы и консолидацию усилий государства, бизнеса и общества. Формирование устойчивой архитектуры согласованного управления станет не только ключом к раскрытию потенциала Алтайского края, но и возможным образцом для других сельских регионов России, демонстрируя, как «мягкая сила» координации и доверия может превратить потенциал в реальный источник устойчивого развития.

Библиографический список

1. Багаева Л.В., Доржиева Е.В. Перспективы развития сельского туризма в Республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 112-118.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М., 2021. – 245 с.
3. Туристская деятельность в Российской Федерации. 2023: стат.сб. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М., 2024.
4. Шабанова Т.В. Совершенствование механизмов государственно-частного партнерства в развитии сельских территорий // Экономика сельского хозяйства. – 2020. – № 5. – С. 45-51.

Научный руководитель – Каршалова А., к.э.н., доцент

Методический подход к диверсификации каналов поставок природного газа Арктической зоны России: результаты апробации на примере юга Ямала

Шорохов А.Н.

*Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень*

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) становится ключевым пространством реализации стратегических проектов в сфере добычи и переработки природного газа. Изменение экспортных направлений и санкционные ограничения стимулируют диверсификацию каналов поставок.

Источник: составлено автором

Рисунок 1 – Методический подход к обоснованию стратегических альтернатив развития газодобывающего бизнеса

В этих условиях необходим системный подход к выбору стратегических решений, учитывающий пространственные и инфраструктурные особенности северных территорий [1, 2, 3, 5].

Для обоснования стратегических направлений развития газодобывающего бизнеса в АЗРФ применен авторский методический подход, включающий три этапа: географическое зонирование, дерево управленческих решений и интегральное рейтингование [7]. Методика апробирована на примере южной части полуострова Ямал, где сосредоточены основные действующие и перспективные центры добычи и переработки газа [4, 5, 6]. В рамках географического зонирования выделена зона с высокой освоенностью, развитой инфраструктурой и доступом к Северному морскому пути (табл. 1).

Для оценки стратегических альтернатив применено интегральное рейтингование, показавшее приоритетность газохимии (10 баллов) и трубопроводного транспорта (7 баллов) [6, 7, 8, 9].

Таблица 1 – Интегральные рейтинги стратегических альтернатив развития газодобывающего бизнеса (юг Ямала)

Соответствие варианта максимальному количеству стратегических предпосылок развития газодобывающего бизнеса в АЗРФ		Трубопроводный: выжидательная позиция	Морской: ГХК-проект
Политические	Развитие АЗРФ	-	+
Экономические	Наличие ресурсной базы	+	+
	Отсутствие ограничений по экспорту	-	+
	Удовлетворение растущего спроса странах АТР	-	+
	Поддержание конкуренции на внутреннем газовом рынке РФ	+	+
	Развитие Северного морского пути (СМП)	+	+
	Налоговые преференции по проектам газохимии и СПГ	-	+
Технологические	Наличие действующей инфраструктуры	+	-
	Развитие проектов СПГ и газохимии в РФ	-	+
Социальные	Развитие ЯНАО	-	+
Количество факторов, соответствующих стратегическим предпосылкам		5	9
Рейтингование по экономическим показателям			
IRR, %		14,4	14,5
CAPEX, млрд руб.		13*	48
Payback Period, год		10	31
Рейтинг по экономическим показателям		2	1
Интегральный рейтинг		7	10
Интерпретация		Резервный сценарий	Приоритетное направление

*капитальные затраты на реконструкцию в процессе эксплуатации

Источник: составлено автором по материалам апробации методического подхода (юг Ямала)

Предложенный методический подход обеспечивает комплексную оценку стратегических альтернатив, учитывая пространственные и санкционные факторы. Апробация на юге Ямала показала приоритетность газохимии и трубопроводного транспорта как базовых направлений диверсификации поставок. Методика может применяться для других арктических территорий (Гыдан, Таймыр) при разработке стратегий и корпоративных инвестиционных программ [7, 8, 9].

Библиографический список

1. World Energy Outlook 2023. – Paris: IEA, 2023. – 524 p.
2. Statistical Review of World Energy 2023. – London: BP, 2023. – 76 p.
3. Shell. LNG Outlook 2023. – The Hague: Shell, 2023. – 44 p.
4. Энергетический баланс России. 2023. – М.: Росстат, 2023. – 214 с.
5. Минэнерго РФ. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. – М., 2020. – 103 с.
7. Газпром. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2023 год. – М.: Газпром, 2024. – 248 с.

8. Дебердиева Е.М., Шорохов А.Н. Методический подход к выбору стратегических альтернатив развития газодобывающего бизнеса в АЗРФ // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 1. – С. 112-121.
9. Шорохов А.Н. Перспективные рынки сбыта природного газа Арктической зоны РФ // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2024. – № 3. – С. 304-323.
10. Бабкин А.В., Новиков А.О. Кластер как субъект экономики: сущность, современное состояние, развитие // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 9-22.

Научный руководитель – Дебердиева Е.М., д.э.н., доцент

Секция 3. Современные проблемы психологии и социологии

Суверенность пространства личности в контексте созависимого поведения (на примере взрослых детей алкоголиков)

Акулова И.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Вопросы психологического здоровья личности не теряют своей актуальности на современном этапе развития науки. В последнее время все больше внимания уделяется феноменам зависимого и созависимого поведения, в связи с их большой распространенностью не только на территории Российской Федерации, но и по всему миру. Продвижение культуры алкогольной гастрономии, доступность наркотических веществ, социально-экономические кризисы оказывают влияние на количество употребляемых населением психоактивных веществ и приводят к развитию аддиктивного поведения.

Созависимость встречается повсеместно, только взрослых детей алкоголиков по данным исследований от 25 до 50% населения России [4]. Негативные последствия данного феномена распространяются как на саму личность (происходит ее деформация во всех сферах жизнедеятельности), так и на зависимого члена семьи (происходит поддержание аддикции, снятие ответственности за поведение зависимого и принятие ее созависимыми личностями). Несмотря на рост количества работ, посвященных данной тематике особо виден недостаток исследований, направленных на анализ психологического пространства личности созависимых, в том числе категории взрослых детей алкоголиков.

Вслед за С.К. Нартовой-Бочавер под психологическим пространством личности нами понимается психологические границы человека, с помощью которых поддерживается автономия, суверенность личности [6]. Суверенность личности рассматривается как способность к ограничению себя от внешнего мира и реализуется через активность личности, которая является личностным качеством и может быть адаптивной и неадаптивной [8]. Ю.В. Трофимова указывает на трудности исследования данного понятия, связанные, прежде всего с изучением как продуктивных (развивающихся, преодолевающих себя) так и дефицитарных личностей (зависимых, созависимых, с выученной беспомощностью) [10].

В развитии личности суверенность оказывает влияние на следующие категории: устойчивость и позитивное функционирование; духовно-мировоззренческие особенности; межличностное взаимодействие [7]. Так, высокий уровень суверенности взаимосвязан с автономией, личностным ростом, наличием целей, самоутверждением личности, ее здоровьем и физической формой [1]. Выделяют связь с адаптивностью, интернальностью, чувством эмоционального комфорта [2]. Суверенность личности способствует развитию самопринятия, пониманию личностных особенностей, самопрезентации и снижает самообвинение [5]. Уровень суверенности также отражается на взаимодействии с людьми. Так, умеренная суверенность чаще всего позволяет индивидам не испытывать тревожности при общении, вступать и чувствовать близость с другими, в то время как депривированная или травматическая суверенность затрудняет контактность индивида, что приводит к излишней открытости и откровенности [7]. Говоря о связи с созависимостью, выделяют обратную взаимосвязь между ней и суверенностью личности: чем ниже суверенность, тем больше сосредоточенность индивида на удовлетворении потребностей других людей, жертвенность собственными интересами [9].

Под созависимостью понимается форма взаимоотношений между людьми, в которых один из партнеров излишне сосредотачивается на потребностях другого за счет

пренебрежения собственными. Взрослые дети алкоголиков являются выходцами алкогольной зависимости родителей. Современные исследования выделяют следующие психологические особенности данной категории: противоречивость личности, неконгруентность с окружающим миром, конфликты в различных сферах [3]; низкая самооценка, отсутствие чувства достоинства, поиск одобрения, жертвенность в поведении, низкий уровень самоуважения [11]; трудности во взаимодействии, травматические привязанности, излишняя лояльность, несамостоятельность [12]; несформированность личностных границ [11, 13]. Все это указывает на нарушения в процессе формирования автономии, суверенности личности взрослых детей алкоголиков, так как суверенность предполагает развитые личностные границы, способность к их изменениям, отстаиванию, построению конструктивного взаимодействия с окружающим миром.

Полученные в ходе теоретического анализа данных результаты позволяют выделить цель дальнейшего эмпирического исследования – изучение особенностей суверенности психологического пространства личности взрослых детей алкоголиков.

Библиографический список

1. Баландина Л.Л., Барковская Д.В. Различия характеристик субъективного благополучия и качества жизни в связи с уровнем суверенности психологического пространства в юношеском возрасте // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2024. – № 1. – С. 61-71.
2. Барковская Д.В. Характеристики суверенности психологического пространства и индивидуальных особенностей личности: к постановке проблемы // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2022. – № 1. – С. 171-176.
3. Бородина В.Н., Латынина А.В. Влияние алкоголизма родителя на психическое развитие ребенка // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Материалы конференции. – Чебоксары, 2023. – С. 152-155.
4. Игнатенко А.П. Психологический анализ созависимого поведения // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2022. – № 3. – С. 18-30.
5. Камзина О.А. Связь самоотношения и суверенности психологического пространства у молодежи // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2024. – № 3. – С. 66-81.
6. Нартова-Бочавер С.К., Ерофеева В.Г., Байрамян Р.М., Чулюкин К.С. Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности // Психология. Журнал ВШЭ. – 2023. – № 3. – С. 523-547.
7. Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности. – Москва, 2021. – 289 с.
8. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности: десять лет спустя. – Москва, 2025. – 202 с.
9. Остапчук С.В., Бурлакова М.А. Взаимосвязь созависимости и суверенности психологического пространства у студентов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. – 2024. – № 1. – С. 70-72.
10. Трофимова Ю.В. Суверенизация личности как предмет постнеклассической психологии // Известия АлтГУ. – 2012. – № 2-1. – С. 64-68.
11. Тучина О.Д., Шустов Д.И., Агibalова Т.В., Шустова С.А. Нарушения перспективной способности как возможный патогенетический механизм алкогольной зависимости // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 79-101.
12. Хозяинова Т.К., Удачина П.Ю., Черненко Е.В. Особенности семейных отношений женщин, выросших в алкогольных семьях // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 84-2. – С. 479-484.
13. Шамардина М.В., Доровских О.А., Кожевникова А.А. Психологический портрет созависимого подростка // Педагогика и психология образования. – 2020. – № 1. – С. 198-207.
14. Панарин И.А. Личность в эпоху перемен: обзор результатов стратегической сессии, проведенной в Алтайском филиале РАНХиГС 4 февраля 2021 года // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Вып. 18. – Барнаул, 2021. – С. 3-8.

Научный руководитель – Михеева И.В., к.псих.н., доцент

Профессиональное выгорание юристов: диагностика и ключевые факторы риска

Бирюкова А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Особенности предмета труда оказывают влияние на психику субъекта профессиональной деятельности, формируя и деформируя ее. Актуальность рассмотрения проблемы профессионального выгорания в юридической сфере обусловлена систематической психоэмоциональной нагрузкой на специалистов данной отрасли – большое количество социальных контактов, сложность рабочих задач, высокие требования, предъявляемые к профессионализму, способствуют развитию профессионального выгорания, что может привести к снижению качества работы, профессиональной деформации и ухудшению психоэмоционального состояния специалистов юридической сферы.

В научный оборот понятие профессионального выгорания было введено американским психиатром Г. Фрейденбергером в 1974 г., который описывал его как нарастающее эмоциональное истощение преимущественно в сфере общения с людьми [13]. В настоящее время профессиональное выгорание рассматривается как симптомокомплекс проблем, возникающих у человека в связи с профессиональной деятельностью. Он является механизмом психологической защиты, выработанным самой личностью в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на некоторые психотравмирующие воздействия [6].

Наличие только внутренних предпосылок к профессиональному выгоранию недостаточно, его развитие происходит напрямую под воздействием внешних факторов риска. В рамках нашей работы важно выделить следующие факторы выгорания для юристов:

- постоянная коммуникация с людьми (клиенты, коллеги, судьи), ведение переговоров, консультаций, участие в заседаниях;
- высокий уровень ответственности за будущее клиента и его благосостояние;
- решение сложных жизненных проблем и конфликтов разной степени опасности;
- непрерывное развитие профессиональных компетенции, отслеживание актуальных поправок в законодательстве, случаев в судебной практике;
- необходимость сохранять «лицо» и собственную репутацию в том числе за пределами работы, т.к. при неподобающем поведении можно лишиться звания или права выполнять профессиональную деятельность.

Существуют разнообразные методы для диагностики профессионального выгорания. Наиболее эффективно для оценки данного состояния у юристов использовать комплекс методик. Так, с помощью опросника профессионального выгорания К. Маслач (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой) можно оценить выраженность трех компонентов выгорания: эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений [14]. Методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко позволяет диагностировать симптомы и определить фазу развития стресса: напряжение, резистенция, истощение [3]. На основе «Ольденбургского опросника профессионального выгорания» можно оценить выраженность двух характеристик – предпосылок выгорания: отстраненности и истощенности [10].

Важно отметить, что особое значение имеет регулярный мониторинг и самонаблюдение за состоянием и поведением в рамках выполнения профессиональных обязанностей, позволяющий своевременно выявлять начальные стадии развития выгорания.

В заключении можно сказать, что проблема профессионального выгорания юристов является актуальной и сложной проблемой, которая требует комплексного подхода. Применение целенаправленных программ методических рекомендаций и практических

тренингов могут способствовать предупреждению выгорания среди юристов. Таким образом, забота о благополучии профессионалов юридической сферы не только улучшает качество их жизни, но и способствует более высокой продуктивности и устойчивости профессионального сообщества в целом.

Библиографический список

1. Барабанщикова В.В. Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2016. – 359 с.
2. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб., 2004. – 272 с.
3. Бойко В.В. Психоэнергетика. – СПб., 2008. – 416 с.
4. Бутылин А.В. Дифференциально-акмеологические особенности профессионального «выгорания»: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 26 с.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб., 2009. – 329 с.
6. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика. – СПб., 2025. – 299 с.
7. Еникеев М.И. Юридическая психология: краткий учебный курс. – М., 2020. – 256 с.
8. Минин Д.С. Эмоционально-личностные предикторы психического выгорания адвокатов в различных видах судопроизводства: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2016. – 230 с.
9. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. – М., 2005. – 330 с.
10. Светова Л.Н. Психологические аспекты профессиональной деформации адвокатов // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». – 2020. – № 1 (50). – С. 67-73.
11. Смирнова А.Ю. Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 1-8.
12. Темиров Т.В. Психологические закономерности психического выгорания личности педагога в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Н. Новгород, 2011. – 45 с.
13. Freudenberger H.J. Staff burn-out // Journal of Social Issues. – 1974. – Vol. 30 (1). – P. 159-165.
14. Krill P.R., Johnson R., Albert L. The Prevalence of Substance Use and Other Mental Health Concerns Among American Attorneys // Journal of Addiction Medicine. – 2016. – Vol. 10 (1). – P. 46-52.
15. Maslach C., Jackson S. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behavior. – 1981. – Vol. 2. – P. 99-113.
16. Schaufeli W.B., Leiter M.P., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. – 2009. – Vol. 14 (3). – P. 204-220.
17. Бикетова Т.Н. Исследование эмоционального выгорания диспетчеров дежурной смены на примере ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Алтайскому краю» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 150-160.

Научный руководитель – Артюхина В.А., к.соц.н.

Социально-психологическая компетентность как фактор адаптации населения к современным социальным изменениям

Бобылева К.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современные темпы развития научно-технического прогресса предъявляют высокие требования к адаптационным возможностям человека. Развитие искусственного интеллекта, информационная перегрузка требуют непрерывного обучения и проявления гибкости. Ситуацию усугубляют последствия пандемии COVID-19, геополитическая напряженность, экологические изменения климата. Все это вызывает у населения хронический стресс и тревогу относительно непредсказуемости будущего. В таких условиях комплексное изучение аспектов адаптации к социальным изменениям становится не только академической задачей, но и практической необходимостью.

В рамках социологического подхода делается акцент на процесс интеграции индивида в социальную систему через усвоение действующих норм, ценностей и моделей поведения. Будет обосновано рассматривать социальную адаптацию как процесс вхождения индивида (группы) в новую социальную, экономическую, политическую, культурно-нравственную среду, вслед за В.А. Бирюлиным. На примере анализа проблем трудоустройства выпускников вузов автор рассматривает важные проблемы, такие как разрыв между системой образования и рынком труда, отсутствие государственного регулирования трудоустройства и несоответствие структуры подготовки кадров потребностям экономики. Все это создает барьеры для социально-экономической адаптации молодежи, приводя к вынужденной смене профессии или безработице [2].

Межкультурный аспект адаптации раскрывается в исследовании М.В. Григорьевой и Р.М. Шамяинова, демонстрирующем этнопсихологическую специфику адаптационных процессов. Сравнительный анализ русской и казахской молодежи подтверждает значимость культурных норм и группового опыта взаимодействия как социальных детерминант адаптации [9].

Психологический подход рассматривает адаптацию как процесс, детерминированный внутренними ресурсами и характеристиками личности. Например, К. Роджерс рассматривал адаптацию как «способность личности адаптироваться к социальной среде, зависящей от степени ее конгруэнтности (адекватности самооценки, креативности, открытости новому и других личностных особенностей)» [10].

И.А. Погодин, анализируя психологические детерминанты адаптации, указывает на такие ключевые факторы, как индивидуально-типологические особенности (темперамент, нейротизм), адекватность самооценки, локус контроля (интернальность/экстернальность) и уровень развития интеллекта. В рамках исследования было установлено, что лица с интернальным локусом контроля (убежденностью в своей способности влиять на события) демонстрируют большую настойчивость и уверенность, что благоприятствует успешной адаптации [1].

Для адаптации важным аспектом является социально-коммуникативная компетентность, что представляет собой способность личности ориентироваться в социальных ситуациях, эффективно взаимодействовать, понимать свои и чужие эмоции и адаптироваться к социальным нормам. Ю.А. Королева описывает данный конструкт как структурный элемент жизнеспособности, который определяет способность личности к устойчивости [6]. Лица с развитой социально-коммуникативной компетентностью демонстрируют более высокую стрессоустойчивость, лучше справляются с неопределенностью и быстрее восстанавливаются после социальных потрясений, активнее используют социальную поддержку и эффективнее решают межличностные конфликты. В современных условиях данный феномен становится основой общей социально-психологической компетентности и ключом к успешной адаптации.

Таким образом, адаптация населения к современным социальным изменениям представляет собой сложный, многомерный феномен. С психологической точки зрения, успешность адаптации определяется внутренними составляющими личности: когнитивными способностями, эмоциональной устойчивостью и социально-коммуникативной компетентностью. Социологический подход выявляет внешние рамки, задаваемые обществом: экономические условия, состояние рынка труда и культурные нормы. Социально-коммуникативная компетентность выступает связующим элементом, обеспечивающим адаптацию населения к современным социальным изменениям.

Библиографический список

1. Адаптация личности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М.В. Григорьева. – Саратов, 2011. – Вып. 4. – 320 с.
2. Бирюлин В.А. Социальная адаптация выпускников российских вузов к новым экономическим условиям // Адаптация личности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Григорьева. – Саратов, 2011. – Вып. 4. – С. 42-48.

3. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь ценностных ориентаций, стратегий поведения и субъективного благополучия личности: дис. ... канд. психол. наук. – Саратов, 2005. – 160 с.
4. Витенберг Е.В. Адаптация к новым социальным и культурным условиям России // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1994. – Вып. 3. – С. 54-62.
5. Козырева П.М. Процессы социальной адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX-XXI веков. – М., 2004. – 320 с.
6. Королева Ю.А. Социально-психологическая компетентность личности // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Психология. – 2015. – № 3 (141) – С. 79-85.
7. Мартюшов В.Ф. Социальная релевантность адаптации. – Тверь, 2005. – 104 с.
8. Панарин И.А. Личность в эпоху перемен: обзор результатов стратегической сессии, проведенной в Алтайском филиале РАНХиГС 4 февраля 2021 года // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Вып. 18. – Барнаул, 2021. – С. 3-8.
9. Шамионов Р.М., Григорьева М.В. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски: монография – Саратов, 2012. – 382 с.
10. Rogers C.R. The emerging person: a new revolution // Evans R.I. Carl Rogers: the man and his ideas. – New York, 1975. – P. 147-175.

Научный руководитель – Артюхина В.А. к.соц.н.

Основные теоретические подходы к понятию «эмоциональное выгорание» у медицинских работников

Воробьева К.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современном быстро меняющемся мире люди постоянно сталкиваются с таким явлением как эмоциональное выгорание. Сегодня на каждого медицинского работника приходится все больше ответственности: постоянно вводятся новые регламенты работы, создаются различные нормы и правила, которым медикам необходимо строго следовать. В результате обнаруживаются значительные психологические нагрузки, стресс, тревожность, что приводит к эмоциональному выгоранию среди специалистов. Целью данной статьи является рассмотрение специфики эмоционального выгорания медицинских работников. Объектом исследования является эмоциональное выгорание медицинских работников. Предметом – специфика эмоционального выгорания. В ходе исследования были использованы разнообразные теоретические методы, такие как синтез, анализ, и сопоставление материалов.

В 1974 г. американский психиатр Х. Дж. Френденбергер ввел понятие «синдром выгорания», означающее изнеможение от частого общения с пациентами и эмоциональной нагрузки. Этот синдром описывает психическое состояние, возникающее у здоровых людей [5].

К. Маслач в своих научных работах разбирает когнитивные методы, которыми специалисты пользуются для контроля над эмоциональными переживаниями. В исследованиях выявлено, что люди из сферы медицинских услуг, часто сталкивающиеся с глубоким и активным общением с другими людьми, могут испытывать эмоциональные и поведенческие проблемы, такие как равнодушие к своей профессии, пониженная самооценка и уменьшение способности к пониманию пациентов [5].

В психологии существуют различные определения эмоционального выгорания. Согласно когнитивно-бихевиоральной теории, разработанной С. Майером, основной причиной выгорания являются неоправданные ожидания реальности. В то время как психоаналитическая школа (З. Фрейд и К. Юнг), объясняет эмоциональное выгорание следствием неразрешенного контрпереноса. В теории индивидуальной психологии,

созданной А. Пайнсом, говорится, что выгорание является результатом длительного нахождения в условиях, охваченных эмоциональными нагрузками, что приводит к физическому и психологическому бессилию. Гештальт-терапия рассматривает эмоциональное выгорание как разносторонний синдром, включающий в себя психосоматические расстройства и проблемы во взаимодействии с другими людьми [5].

В российской психологии понятие «эмоциональное выгорание» ввел В.В. Бойко, объясняя его как отрицательный феномен, связанный с взаимоотношениями людей.

Среди современных ученых, занимающихся изучением эмоционального выгорания, можно выделить Н.Е. Водопьянову, Е.С. Старченкову, В.В. Бойко, А.А. Федорова, Н.И. Горбунова, В.Б. Кошкина и др. Взгляды многих исследователей сходятся в том, что эмоциональное выгорание представляет собой нечто подобное профессиональному выгоранию, связанному с истощением как физического, так и психологического потенциала человека, что приводит к отстраненности от других людей, потере мотивации и снижению продуктивности в работе [1].

Изучение эмоционального выгорания у работников медицины исследовал отечественный ученый А.А. Рукавишников, который внес значительный вклад своими исследованиями. Он провел анализ причин выгорания у врачей и медсестер и разработал методы его устранения.

Анализом эмоционального выгорания и психологического истощения среди специалистов, в том числе и у работников медицины, занимается Н.Е. Водопьянова. Она опубликовала ряд работ, связанных с выявлением и коррекцией эмоционального выгорания [2].

Из анализа различных определений видно, что они в большинстве своем указывают на зависимость между эмоциональным выгоранием и такими факторами, как продолжительный стресс, эмоциональное опустошение и снижение эффективности в работе.

В долгосрочной перспективе эмоциональное истощение способно серьезно подорвать как физическое, так и психологическое здоровье. В профессиональной сфере, особенно среди медицинских работников, это состояние может значительно ухудшить качество работы, поскольку может значительно возрасти количество опозданий, пропусков работы, конфликтов с коллегами и пациентами, а также появиться невнимательность и безответственность в работе.

Как показывают исследования, эмоциональное состояние медицинских работников может ухудшаться из-за социальной изоляции, поскольку она вызывает ощущение одиночества и отдаленность от других людей, что в свою очередь сказывается негативным образом в том числе на личной жизни медика [4].

Таким образом теоретическое осмысление проблемы эмоционального выгорания медицинских работников показало, что эмоциональное выгорание серьезно влияет на эффективность труда и психологическое состояние специалистов в сфере здравоохранения. Применение различных подходов по предотвращению и коррективке эмоционального выгорания способствует улучшению психологического благополучия медицинских работников, что в свою очередь, повышает качество их собственной жизни, а также влияет на эффективность их работы, а значит и на качество здравоохранения, предоставляемого населению.

Библиографический список

1. Аксютин З.А., Ченская А.В., Шабышева Ю.Е. Проблема эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 4 (91). – С. 429-435.
2. Баксанский О.Е., Сафоничева О.Г. Синдром эмоционального выгорания. Взгляд психолога и невролога (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. – 2021. – № 2. – С. 45-50.
3. Бикетова Т.Н. Исследование эмоционального выгорания диспетчеров дежурной смены на примере ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Алтайскому краю» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 150-160.

4. Трощенко С.Н. Эмоциональное выгорание медицинских работников // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 4 (85). – С. 679-689.

5. Шумилов С.П., Шумилова Е.А. и др. Синдром эмоционального выгорания у медицинских работников // Северный регион: наука, образование, культура. – 2023. – № 1. – С. 61-73.

Научный руководитель – Воронина С.А., к.соц.н., доцент

Модернизация организационной структуры предприятия посредством социально-психологических инструментов управления

Гламазда А.В.

*Южный Федеральный университет
г. Ростов-на-Дону*

Высокая динамика внешней среды, цифровизация и усложнение кооперации делают традиционные, преимущественно иерархические структуры маломобильными и затрудняющими достижение стратегических целей. Современные исследования указывают, что модернизация должна учитывать баланс централизации и децентрализации, перераспределение функций, а также организационные формы, укрепляющие межфункциональную координацию и скорость принятия решений. При этом пренебрежение социально-психологическими факторами – мотивацией, идентичностью, нормами и безопасностью взаимодействия – системно снижает эффекты от структурных реформ.

Классические основы организационного дизайна предлагают рассматривать структуру во взаимосвязи со стратегией, процессами, системой вознаграждений и людьми, что отражено в «звездной модели» Д. Гэлбрейта. В этой логике структура – лишь один из пяти взаимозависимых рычагов, а устойчивые результативные изменения требуют согласованной перенастройки всех компонентов дизайна вокруг целевой стратегии [4]. Конфигурационный подход Г. Минцберга дополняет методологию выделением пяти механизмов координации и соответствующих базовых типов структур (простая структура, машинная бюрократия, профессиональная бюрократия, дивизиональная форма, адхократия), показывая, что выбор «архетипа» должен соответствовать контексту задач и доминирующим механизмам согласования [5]. Системообразующую роль культуры в изменениях подчеркивает модель Э. Шейна: глубинные базовые допущения определяют паттерны поведения и рамки воспринимаемой «нормальности», а потому культурная диагностика и целенаправленная работа с артефактами, ценностями и убеждениями – неотъемлемая часть редизайна [2].

Социально-психологические инструменты управления представляют собой систему целенаправленных воздействий на групповые процессы, межличностные отношения, нормы и климат, направленную на формирование мотивации, ответственности и сотрудничества в коллективе. Они включают диагностику и планирование, формирование команд, согласование и закрепление социальных норм, моральное стимулирование, участие работников в управлении, профилактику конфликтов и поддержку адаптации, давая устойчивые эффекты в виде повышения удовлетворенности трудом, инициативности и производительности. В управленческих практиках эти инструменты служат связующим звеном между формальной структурой и реальными поведенческими паттернами, снижая транзакционные издержки координации и увеличивая «пропускную способность» горизонтальных взаимодействий. Таким образом, их институционализация как процессов и регламентов – необходимое условие устойчивости структурных нововведений.

Исследования показывают, что психологическая безопасность – восприятие сотрудниками возможности высказываться, задавать вопросы и ошибаться без риска для статуса – является ключевым предиктором качества командных решений, обмена знаниями и инновационности. Среда высокой психологической безопасности связана с большей вовлеченностью, меньшим выгоранием и более интенсивным обучающим поведением, что

особенно критично при переходе к кросс-функциональным и проектным структурам. Для реализации требуется явное формулирование норм, лидерское моделирование уязвимости и инструментальные механизмы эскалации сигналов, превращающие «неуспех» в источник обучения.

В свою очередь, теория социальной идентичности объясняет, как принадлежность к группе формирует поведение, лояльность и границы «мы-они» внутри организаций. Организационный дизайн, усиливающий общую идентичность, снижает межгрупповую дифференциацию, снижая конфликтность подразделений и субоптимизацию локальных целей. Это задает требование проектирования формальных контуров и символического слоя культуры [1].

Помимо этого, важным современным элементом является нейромениджмент. Он представляет собой междисциплинарный подход, интегрирующий данные нейронаук о когнитивных процессах в практики управления решениями, лидерства и среды труда. Его задача – повышать качество управленческих решений с учетом ограничений внимания, памяти, мотивационных факторов и когнитивных искажений. Внедрение нейроинструментов требует этической рамки и прозрачности применения [3].

Рекомендуется использовать матрицы процессов-ролей (RACI), карты психологической безопасности, регламенты обратной связи, механизмы морального стимулирования и программы участия. Ожидаемые результаты – повышение скорости и качества решений, рост инновационности, снижение издержек координации и текучести персонала, укрепление организационной идентичности. Модернизация требует согласованной работы «звездной модели», диагностики конфигурации, культурных артефактов Минцберга и Шейна, внедрения норм безопасности и последовательного управления изменениями по модели Коттера. Основные риски – формализм, культурная инерция, перегруженность изменениями, недостаток лидерской поддержки.

Модернизация структуры должна строиться на балансе архитектуры формальных связей и инженерии социального поведения, опираясь на социально-психологические инструменты и нейромениджмент. Ключ к успешной трансформации – интеграция норм, психологической безопасности, совместных целей и лидерского моделирования.

Библиографический список

1. Блейк Э. Теория социальной идентичности в контексте организации // Организационная психология. – 2012. – Т. 2, № 1. – С. 4-27.
2. Несмеянов Д.В. Подход к развитию инновационной корпоративной культуры организаций // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6. – С. 28.
3. Киреева А.А., Шиманов С.П., Халимон Е.А. Нейронаука: внедрение и развитие нейромениджмента в Российской Федерации // Вестник ГУУ. – 2025. – № 6. – С. 26-35.
4. Кузьмин А. Системные изменения в благотворительных организациях. – Москва: ДПК Пресс, 2024. – 57 с.
5. Fred C. Lunenburg Organizational Structure: Mintzberg's Framework // International journal of scholarly, academic, intellectual diversity. – 2012. – Vol. 14.

Научный руководитель – Шевченко Д.А., к.э.н., доцент

Современные подходы к мотивации персонала и оценке мотивационных факторов

Деркач А.А.

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Краснодарский филиал
г. Краснодар*

В настоящее время эффективная мотивация персонала играет одну из ключевых ролей в достижении успеха каждой организации. Сотрудники, у которых есть мотивация, как показывает практика, более продуктивны, лояльны и менее склонны к выгоранию. Следовательно, актуальность изучения современных подходов к мотивации и оценке

мотивационных факторов безусловно важна и требует постоянных модернизаций. Основной целью данной работы является систематизация современных подходов к мотивации персонала, а также анализ и оценка мотивационных факторов, которые применяются в различных организациях.

Рассмотрим более подробно традиционные и современные теории оценки мотивации в табл. 1.

Таблица 1 – Традиционные и современные теории оценки мотивации

Традиционные теории	Современные теории
1. Теория иерархии потребностей Маслоу, которая предполагает, что люди стремятся первоначально удовлетворять свои базовые и физиологические потребности, а только после потребности в самореализации.	1. Теория соматодетерминации (Deci и Ryan), сущность которой заключается в фокусировании на внутренних мотиваторах, таких как компетентность, автономия и т.д. В данной теории подчеркивается важность предоставления сотрудникам выбора и многое другое.
2. Теория двух факторов Гейцберга, которая выделяет факторы мотиваторы (вызывающие удовлетворение от работы) и гигиенические факторы (предотвращающие неудовлетворение).	2. Теория справедливости Адамса, рассматривающая мотивацию как одну из функций восприятия справедливости.
3. Теория ожиданий Врума, согласно которой мотивация напрямую зависит от уверенности персонала в успехе, т.е. выделяется взаимосвязь между итоговым результатом и вознаграждением, а также ценности самого вознаграждения.	3. Теория потока, описывающая состояние в котором человек погружен в свою деятельность, при этом испытывая чувство удовлетворения и продуктивности. Создание данных условий напрямую оказывает влияние на рост мотивации сотрудников.
	4. Концепция смысла работы, заключающаяся в том, что сотрудники имеют большую мотивацию, когда видят ценность и значимость своей работы, а также соответствие их личным целям.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что несмотря на свою значимость, традиционные теории не всегда могут точно описать мотивацию в настоящих реалиях, поэтому появляются новые методики и теории, которые более ориентированы на динамику рынка труда, ценности персонала и влияние новых технологий [2, 3].

Современное использование мотивационных факторов является одним из ключевых элементов в управлении и развитии коллектива. Рассмотрим этапы современного использования мотивационных факторов:

1. Анализ текущей ситуации, для которого необходимо определить какие факторы труда персонала уже функционируют успешно, а какие нуждаются в доработке. Это можно осуществить посредством опросов, анализа результатов деятельности по системе KPI и т.д.

2. Разработка стратегии, заключающаяся в создании плана действий на основании полученных данных, который будет включать в себя как внешние, так и внутренние факторы мотивации персонала.

3. Внедрение изменений, а именно обеспечение комфортных рабочих мест, предоставление всех необходимых ресурсов и оборудования, а также внедрение программ поощрения, тимбилдингов и т.д.

4. Регулярная обратная связь.

5. Оценка результатов, основанная на постоянном анализе эффективности принятых мер по мотивации персонала [1].

Далее рассмотрим некоторые способы стимулирования сотрудников организации:

- финансовые стимулы, такие как премии, бонусы и т.д.;
- признание и поощрение, а именно публичные награды, благодарственные письма;
- возможность карьерного роста, представляющая собой возможность продвижения по карьерной лестнице;
- комфортные условия труда, предполагающие современные офисы, удаленную работу и т.д.;

– корпоративные мероприятия, такие как выездные тимбилдинги, праздники и др. [4].

Для максимального эффекта важно сочетать материальную (премии, бонусы и т.д.) и нематериальную (признание, возможность карьерного роста, комфортные условия труда) мотивацию сотрудников.

Таким образом, в современном бизнесе эффективная система мотивации персонала играет одну из ключевых ролей для достижения необходимого успеха на рынке. Современные подходы к мотивации более ориентированы на индивидуализацию и создание комфортной рабочей среды.

Библиографический список

1. Докашенко Л.В., Бурдюгова О.В. Мотивация трудовой деятельности: учебное пособие. – Оренбург, 2024. – 205 с.
2. Егоршин А.П. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебное пособие – М., 2021. – 378 с.
3. Ребров А.В. Мотивация и оплата труда. Современные модели и технологии: учебное пособие. – Москва, 2025. – 346 с.
4. Чернюк В.Д. Современные подходы к мотивации персонала // Актуальные проблемы науки 2024: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 85-87.

Научный руководитель – Сигида Д.А., к.филол.н., доцент

Детерминанты мотивации учебной деятельности студентов высших учебных заведений

Домашкина Е.Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Модернизация и изменения системы образования России формируют новые требования как к процессу обучения, так и к личности обучающегося. Успешное обучение, усвоение профессиональных компетенций, формирование стремлений к постоянному самосовершенствованию и приобретению новых знаний, невозможно без адекватной учебной мотивации, являющееся основой концепции непрерывного обучения. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данной тематике, вопрос учебной мотивации остается актуальным в связи с возрастающими требованиями к личности профессионала, его «жестким» и «гибким» навыкам, включением в образование цифровых информационно-коммуникационных технологий, дистанционной формы обучения, смены ценностных ориентиров молодежи, личностных особенностей студентов.

Под мотивацией в широком смысле понимается движущая сила деятельности человека [4]. Учебная мотивация рассматривается как частный вид мотивации, средство побуждения к продуктивной познавательной деятельности и освоению образования, направленность на учебную деятельность [6].

Мотивация в студенческом возрасте является особым феноменом, так как обучение происходит не только для получения новых знаний, но и для освоения будущей профессии, включения в профессиональное сообщество. Так, среди мотивов студентов О.А. Бенькова, вслед за В.И. Мельниковым, выделяет следующие: познавательные мотивы, которые направлены на приобретение новых знаний; социальные мотивы, раскрывающиеся через осознание значимости образования для общественного блага; прагматические мотивы, направленные на получение высокой заработной платы после получения образования; профессионально-ценностные мотивы, которые реализуются через стремление к построению карьеры в выбранной профессиональной сфере; эстетические мотивы, направленные на удовлетворение от процесса обучения; статусно-позиционные мотивы, раскрывающиеся через стремление к популярности за счет обучения; коммуникативные мотивы, представляющие собой стремление к расширению социального взаимодействия;

традиционно-исторические мотивы, раскрывающиеся через исполнение общественных стереотипов о получении образования; утилитарно-практические мотивы, представляющие собой стремление к получению выгоды от будущей профессии; учебно-познавательный мотивы, что реализуется через интерес к определенным предметам, курсам; неосознаваемые мотивы, которые раскрываются через отсутствие интереса к обучению, невозможности нахождения смысла в получении профессии [1].

Проанализировав факторы, влияющие на мотивацию учебной деятельности, можно выделить следующие: сопротивление обучению; наличие электронных средств обучения, дистанционного формата; мотивы поступления в высшее учебное заведение; личностные качества.

Феномен сопротивления обучению рассмотрен в исследованиях С.М. Якушина, который понимает под этой категорией негативную активность, систематическое создание препятствий для собственного обучения. Предпосылками сопротивления могут являться: специфика организации обучения (способы подачи и усвоения знаний, отношения преподавателя и обучающегося); характеристики учебного материала (излишняя трудность или легкость, новизна учебного материала, которая не соответствует соображениям здравого смысла); особенности участников образовательного процесса (несоответствие ожиданий от преподавателя, учебного материала, несоответствие материала мировоззренческим позициям, психотравмы) [8].

Говоря о влиянии электронных средств обучения на учебную мотивацию, Ю.М. Царапкина выявила развитие волевых качеств обучающихся, метапредметных навыков, увеличение познавательной мотивации при включении онлайн-курсов в обучение студентов [7].

Под мотивами выбора высшего учебного заведения понимаются факторы, оказывающие влияние на решение о поступлении в определенное учебное заведение. Так, К.Ф. Миракян выделяет следующие: социальный престиж профессии или ее популярность; реализация в научно-исследовательской деятельности, что подразумевает стремление к разработке инновационных продуктов студентом; реализация социальной роли, что представляет собой стремление к удовлетворению ожиданий родителей, общества; развитие навыков коммуникации или заведение новых, полезных знакомств, возможно поиск партнера; участие в общественных движениях, предполагающее насыщенную студенческую жизнь высшего учебного заведения (студенческие отряды, волонтерство, студенческий совет). Соответственно, чем ближе выделенные мотивы к познавательным, внутренним тем эффективнее обучение студента [5].

Говоря о личностных качествах студентов, Н.В. Головешкина и И.Д. Головешкин выделяют следующие характеристики, влияющие на мотивацию учебной деятельности: самостоятельность, независимость, бесцеремонность, завышенная самооценка положительно влияют на мотивацию, в то время как эгоистичность, агрессивность, акцентуации характера, социальная активность оказывают отрицательное влияние [2].

Обобщая результаты теоретического исследования, можно сделать вывод о том, что мотивация учебной деятельности является феноменом, который зависит от множества детерминант, включающих как внутренние, так и внешние факторы, что наталкивает на необходимость эмпирического исследования факторов, влияющих на мотивацию студентов и их степень зависимости друг от друга, а также поиск способов коррекции учебной мотивации в зависимости от полученных результатов.

Библиографический список

1. Бенькова О.А., Артюхова Т.Ю., Шелкунова Т.В. Взаимосвязь учебной мотивации и мотивации к будущей профессиональной деятельности в студенческом возрасте // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 4. – С. 17.
2. Головешкина Н.В., Головешкин И.Д. Взаимосвязь индивидуально-психологических характеристик студентов и мотивация их обучения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2. – С. 48-83.
3. Кулыев М. Психология мотивации и достижения целей // Наука и мировоззрение. – 2025. – №32. – С. 297-302.

4. Меженин Я.Э., Воронина С.А., Алексеева В.В. Высшее образование: к проблеме продуктивного осмысления мотивирующих факторов // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Вып. 22. – Барнаул, 2023. – С. 69-71.
5. Миракян К.Ф. Особенности мотивации у студентов: взаимосвязи между интеллектуальной лабильностью и учебной мотивацией у студентов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 1 (61). – С. 336-340.
6. Редькина Е.Б. Эмоциональная направленность как показатель мотивационной готовности студентов к обучению // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 4. – С. 15-21.
7. Царапкина Ю.М., Анисимова А.В., Миронов А.Г., Нагорнова А.А. Влияние использования электронных средств обучения на академическую мотивацию студентов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – № 2. – С. 22.
8. Якушин С.М. Разработка инструментария для исследования сопротивления обучению у студентов высших учебных заведений // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. – № 5. – С. 1-18.

Научный руководитель – Меженин Я.Э., к.соц.н.

Психология политического лидерства и управления: аналитический подход

Евстеева Я.А.

*Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна*

Современное политическое лидерство – сложный феномен, в котором успех зависит не только от политических и экономических факторов, но и от глубокого понимания психологических процессов, формирующих поведение как отдельных людей, так и целых сообществ. В этой статье рассматривается взаимосвязь психологии и политического лидерства на основе работ Д. Гоулмана, Дж. Коттера и Н. Лумана. Психология действительно играет определяющую роль: она влияет на стиль лидерства, процесс принятия решений и способы взаимодействия с обществом. Осознание этих механизмов становится все более необходимым условием эффективного управления в условиях современной неопределенности.

Политическое лидерство – это многогранный процесс, в котором личные качества лидера, уровень эмоционального интеллекта и способность к стратегическому мышлению напрямую влияют на результат. Д. Гоулман в книге «Эмоциональный интеллект» подчеркивает, что лидеры с высоким уровнем эмоционального интеллекта лучше понимают как собственные эмоции, так и чувства окружающих, умеют управлять своим состоянием и мотивировать других на достижение общих целей [1]. Такие качества способствуют выстраиванию доверительных отношений с избирателями, формированию благоприятной атмосферы в команде и эффективному разрешению конфликтов. Кроме того, эмоционально зрелый лидер гибко реагирует на изменения и точнее улавливает потребности как своих соратников, так и общества в целом.

Индивидуальные психологические особенности напрямую формируют стиль управления. Эмпирические данные показывают, что такие черты личности, как экстраверсия и открытость новому опыту, часто коррелируют с успешным лидерством. Экстраверты, как правило, более коммуникабельны, энергичны и ориентированы на взаимодействие – они легче устанавливают контакты, создают сети поддержки и продвигают свои идеи. Открытость опыту, в свою очередь, делает лидера восприимчивым к инновациям, готовым к риску и способным адаптироваться в условиях нестабильности. Эти качества особенно востребованы сегодня. В работах Дж. Коттера, посвященных лидерству и управлению переменами, подчеркивается важность именно такой гибкости [2]. Он описывает восемь ключевых шагов для успешных преобразований: от создания ощущения неотложности и формирования влиятельной коалиции до распространения видения изменений, наделения

полномочиями, закрепления первых побед и, в конечном счете, интеграции новых подходов в организационную культуру.

Однако даже при наличии сильных личных качеств и развитого эмоционального интеллекта процесс принятия политических решений остается уязвимым для когнитивных искажений. Как отмечает Н. Луман, подобные искажения могут серьезно влиять на стратегический выбор и приводить к неоптимальным или даже ошибочным решениям [3]. Например, подтверждающее искажение заставляет лидера игнорировать информацию, противоречащую его убеждениям, что снижает объективность восприятия ситуации. Другие распространенные когнитивные ловушки – эффект привязки, когда решение чрезмерно зависит от первоначальной информации, или эффект ореола, при котором общее впечатление о человеке определяет оценку его компетентности в конкретной области. Осознанная работа по выявлению и преодолению таких предвзятостей – важнейший элемент профессиональной зрелости политического лидера.

Не менее значимым фактором является взаимодействие с обществом и понимание психологии масс. Общественное мнение, уровень доверия к власти и социальная стабильность во многом формируются под влиянием именно массовых психологических процессов. Эффективный лидер не просто доносит свои идеи, но и умеет считывать настроения, учитывать ценности и ожидания граждан. Для этого он использует риторические приемы, обращается к эмоциям, выстраивает позитивный имидж и создает ощущение близости. При этом важно помнить, что современная психология масс все сильнее подвержена влиянию медиа-пространства: телевидения, социальных сетей, алгоритмов и информационных пузырей. Поэтому лидеру необходимо не только уметь доносить свое сообщение, но и критически анализировать информационный поток, распознавать дезинформацию и противодействовать манипуляциям [4].

Таким образом, внимательное изучение психологических аспектов политического лидерства позволяет глубже понять механизмы, лежащие в основе успешных политических практик. Эффективный лидер – это тот, кто умеет гармонично сочетать личные качества, развитый эмоциональный интеллект, стратегическое мышление, этическую ответственность и тонкое понимание общественной психологии. Осознание этих компонентов особенно важно для будущих политиков: именно такое отношение к лидерству способствует устойчивому развитию общества и укреплению демократических институтов. Игнорирование психологических аспектов, напротив, может привести к просчетам, потере доверия и социальным конфликтам. Инвестиции в развитие эмоционального интеллекта, критического мышления и коммуникативных навыков – неотъемлемая часть подготовки современного политического лидера.

Библиографический список

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – Москва: АСТ, 2024. – 464 с.
2. Коттер Дж. П. Впереди перемен. – Москва: Олимп-Бизнес, 2020. – 256 с.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб., 2007. – 641 с.
4. Нортхаус П.Г. Лидерство: Теория и практика. – Москва, 2022. – 496 с.

Научный руководитель – Антипов А.О., к.т.н., доцент

Особенности копинг-стратегий женщин, занимающихся художественным творчеством

Казбанова Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Копинг и копинг-стратегии – это совокупность способов, которые человек использует для адаптации к сложным жизненным обстоятельствам и их преодоления. Понятие объединяет когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, которые используются, чтобы справиться со стрессовыми ситуациями. В российской психологической литературе «копинг» переводят как «адаптивное, совладающее поведение» или «психологическое преодоление» [1]. Р. Лазарус обращается к копингу для описания осознанных стратегий совладания со стрессом и с другими поражающими тревогу событиями. Копинг изучался в рамках теории стресса (как механизм, направленный на его преодоление) и в контексте адаптации (как деятельность человека по сохранению баланса между требованиями среды и внутренними ресурсами) [2]. В современной психологии тема копинга выделяется в научное направление, которое интенсивно изучается и развивается.

Понятие «копинг» можно сопоставить с понятием «сублимация». Согласно психоаналитической теории, разработанной З. Фрейдом, сублимация – это защитный механизм психики, позволяющий перенаправить социально неприемлемые импульсы и негативные эмоции в социально одобряемую деятельность [3]. Ярким примером такой деятельности является творчество. В контексте художественной практики сублимация играет ключевую роль в копинг-стратегиях женщин. Например, женщина, переживающая разрыв отношений, может выразить свою боль, гнев и переживания через создание экспрессивной картины, написание стихотворения или музыкальной композиции. Так, Ф. Кало, известная мексиканская художница, трансформировала физическую боль и эмоциональные страдания в яркие, наполненные символизмом автопортреты.

Сам процесс творчества, вне зависимости от художественной ценности конечного продукта, обладает терапевтическим потенциалом [4]. Работа с различными художественными материалами (краски, глина, текстиль), эксперименты с цветом, формой и текстурой, способствуют эмоциональной регуляции, снижению уровня тревожности и повышению самооценки. Например, практики арт-терапии помогают женщинам сосредоточиться на настоящем моменте, снять напряжение и достичь состояния внутренней гармонии [5]. Процесс создания изделий из глины позволяет «вылепить» свои эмоции, символически избавиться от негатива. Такие практики позволяют обратиться к бессознательным процессам, интегрировать переживания и достичь большей целостности личности.

Эстетизация, символизация, творческая рефлексия и поиск смысла представляют собой взаимосвязанные психологические процессы, выступающие в качестве специфических копинг-стратегий для женщин-художников. Рассмотрим подробнее эти копинги:

1. Эстетизация. Представители женщин художников склонны переживать стрессовые ситуации через эстетическое восприятие, находя красоту и гармонию даже в сложных обстоятельствах. Например, художница может изобразить свой опыт борьбы с болезнью через серию абстрактных картин, используя яркие цвета и динамичные формы, чтобы передать силу духа и жизнелюбие. Ярким примером является Н. Конюкова, художница, для которой серия картин, выполненных в акварельной технике, стала дневником самонаблюдения за своим телом в процессе лечения онкологического

заболевания [6]. Созерцая свой телесный ландшафт, Н. Конюкова находила красоту даже в крайне непривлекательных моментах, которые происходили с ней.

2. Символизация. В художественном творчестве символы выступают как мощный инструмент для выражения сложных, амбивалентных и часто неосознаваемых эмоций и переживаний. Символическое изображение внутренних конфликтов, страхов, желаний позволяет исследовать и перерабатывать травматический опыт, не прибегая к прямой конфронтации с ним. Символы могут быть универсальными или индивидуально значимыми, отражая уникальный жизненный опыт художницы. Процесс декодирования и интерпретации символов в собственном творчестве и творчестве других способствует глубокому самопознанию и развитию рефлексивных способностей.

3. Творческая рефлексия представляет собой активное осмысление собственного творчества, анализ связей между жизненным опытом, эмоциональными состояниями и художественными образами. Творческая рефлексия позволяет женщинам-художницам лучше понять себя, свои мотивы, ценности и стремления. Она способствует развитию метакогнитивных способностей, повышению самосознания и формированию более интегрированной «Я-концепции».

4. Поиск смысла. Художественное творчество может выступать как способ поиска и обретения смысла в жизни, особенно в период кризисов и стрессовых ситуаций. Создание чего-то нового, красивого, выражающего глубинные переживания, дает чувство целостности, контроля и авторства собственной жизни. Творчество позволяет найти ценность и красоту в окружающем мире, даже в самых трудных обстоятельствах.

Исследование специфики копинг-стратегий женщин, вовлеченных в художественное творчество, показало, что творческий процесс выступает для них не только способом самовыражения, но и важным механизмом психологической адаптации. Создание художественного произведения становится актом сублимации, где болезненные эмоции преобразуются в творческий продукт, наделяя негативный опыт новым, конструктивным смыслом.

Библиографический список

1. Аскарова Г.Б., Усманова Э.З. Основные подходы к изучению копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях // Scientific progress. – 2021. – № 5. – С. 308-316.
2. Lazarus R.S. Psychological Stress and the Coping Process. – McGraw-Hill, 1966. – 466 p.
3. Фрейд З. Психологические сочинения: 4 том – М., 2006. – 320 с.
4. Андреева А.С. Арт-терапия в психологическом консультировании // Студенческий: электронный научный журнал. – 2021. – № 4-2. – С. 49-50.
5. Асадуллина А.М., Мухтарова М.А. Арт-терапия как метод преодоления эмоционального стресса // Казанский вестник молодых ученых. – 2022. – № 3. – С. 16-22.
6. Конюкова Н., Кулик И. Мне хотелось эстетизировать слабость // Художественный журнал Moscow art magazine. – 2024. – № 126. – 176 с.
7. Шведенко Ю.В., Емельяненко Б.О. Автономная мотивационная регуляция как ресурс субъективного профессионального благополучия // Психолог. – 2024. – № 1. – С. 63-81.

Научный руководитель – Тимченко Н.С., д.соц.н, профессор

Феномен учебного выгорания и экзистенциальной неопределенности у студентов: возможности МАК-методов в диагностике и профилактике

Колотушкина А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Дзержинский филиал
г. Дзержинск*

Актуальность исследования обусловлена тем, что современная образовательная среда характеризуется высокой динамичностью, возрастающими академическими требованиями, а также быстрым темпом цифровизации – все это создает почву для возникновения специфических форм психологического неблагополучия у студенческой молодежи, среди которых можно выделить ряд социально-психологических факторов [1, 2]:

1. Синдром отложенной жизни: у студентов формируется установка, что настоящая, полноценная жизнь начнется лишь после получения диплома, что приводит к хроническому истощению в режиме постоянной подготовки к будущему.

2. Экзистенциальный вакуум: в условиях перегрузки и неясных карьерных перспектив учебная деятельность легко теряет личностный смысл, превращаясь в рутину, что соответствует концепции В. Франкла об «экзистенциальном вакууме» как причине ноогенных неврозов.

3. Прекарность (нестабильность) будущего: давление необходимости быть конкурентоспособным, совмещать учебу с работой и непрерывно саморазвиваться порождает хронический стресс и тревогу.

Существующие методы диагностики выгорания (например, опросник MB-SS [3]) фиксируют уже сформировавшееся состояние и могут провоцировать защитные реакции. В этой связи возникает необходимость в поиске инструментов, способных выявить ранние, слабо осознаваемые признаки выгорания и работать с его экзистенциальной составляющей.

Таким инструментом могут выступать метафорические ассоциативные карты (далее – МАК), позволяющие через визуальные образы обратиться к глубинным слоям психики.

Таким образом, цель исследования – изучить возможности МАК в диагностике и профилактике учебного выгорания и экзистенциальной неопределенности у студентов.

В ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

1. Проведена диагностика уровня учебного выгорания и смысложизненных ориентаций у студентов с помощью стандартизированных методик.

2. Разработан и апробирован диагностический МАК-протокол для выявления специфических паттернов восприятия учебы, ресурсов и будущего.

3. Произвели сравнение эффективности МАК-методов и опросниковых методик в выявлении рисков выгорания.

В исследовании приняли участие 60 студентов 3-4 курсов факультета управления и экономики. Выборка сбалансирована по половому признаку (60% женщин, 40% мужчин). Средний возраст – 20-22 года.

Методы и методики, использованные в исследовании:

1. Опросник MBI-SS (Опросник профессионального выгорания Маслач, MBI): для оценки уровня эмоционального истощения, цинизма и снижения академической эффективности [3].

2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева: для диагностики уровня осмысленности жизни [4].

3. МАК-протокол диагностики: использовались колоды «Persona», «ОН» и «Core».

Протокол включает 4 задания:

– «Моя учеба сегодня» (выбор 1 карты).

– «Мои ресурсы и мои истощители» (выбор 2 карт).

- «Мое будущее после университета» (выбор 1 карты).
- Свободный комментарий и ассоциативный рассказ по выбранным картам.

Исследование проводилось в 1 этап, в рамках которого все участники (n=60) прошли тестирование по MBI-SS, СЖО, МАК-протоколу.

По данным MBI-SS, у 30% студентов (n=18) был выявлен высокий уровень выгорания, у 45% (n=27) – средний, и у 25% (n=15) – низкий.

На основе контент-анализа ассоциативных рассказов к МАК-протоколу был проведен кластерный анализ, позволивший выделить 3 устойчивых паттерна: «ресурсные и целеустремленные», «неопределенные и истощенные», «выгоревшие и дезориентированные».

Таблица 1 – Характерные паттерны восприятия учебной ситуации по данным МАК-диагностики (n=60)

Паттерн (кластер)	Доля выборки	Ключевые метафоры и образы (примеры)	Характерный нарратив
1. «Ресурсные и целеустремленные»	25% (n=15)	«Дорога в гору», «Маяк», «Полная чаша», «Инструменты в руках»	«Учеба – это сложный, но интересный путь. Я вижу цель и знаю, как к ней идти».
2. «Неопределенные и истощенные»	45% (n=27)	«Туман», «Распутать», «Пустой колодец», «Бег по кругу»	«Я не знаю куда иду. Силы на исходе, а смысл неясен. Двигаюсь по инерции».
3. «Выгоревшие и дезориентированные»	30% (n=18)	«Стена», «Тупик», «Разбитый сосуд», «Одинокiй человек в пустоте»	«Я уперся в стену. Дальше двигаться некуда и нет сил. Все потеряло смысл».

Статистический анализ с использованием критерия χ^2 Пирсона выявил значимую связь между принадлежностью к МАК-паттерну и уровнем выгорания по MBI-SS ($\chi^2=44,67$; $p<0,01$). Все студенты из кластера «Выгоревшие и дезориентированные» показали высокие баллы по MBI-SS, в то время как кластер «Ресурсные» соответствовал низкому уровню выгорания.

МАК-метод позволил выявить группу «Неопределенных и истощенных» (45%), которая по опроснику MBI-SS классифицировалась как «средний уровень риска». Качественный анализ показал, что именно эта группа демонстрирует наиболее яркую экзистенциальную неопределенность – потерю смысла при формальном сохранении академической активности. Это указывает на то, что МАК обладают более высокой чувствительностью к ранним, скрытым формам выгорания, связанным с утратой ориентации.

Таким образом, можно утверждать, что феномен учебного выгорания имеет глубокую экзистенциальную составляющую, проявляющуюся в утрате личностного смысла учебной деятельности и формировании неопределенного, размытого образа будущего. Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности внедрения МАК-методов в работу психологических служб вузов для своевременной диагностики, профилактики и коррекции учебного выгорания.

Библиографический список

1. Синдром профессионального выгорания: профилактика и коррекция: методическое пособие. – Калуга, 2013. – 17 с.
2. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования – СПб., 2000. – 464 с.
3. Методика диагностика профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [Электронный ресурс]. – URL: <https://gymn9.sochi-schools.ru>.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QyqqJ>.

Научный руководитель – Волкова А.В., доцент

**Возвратная миграция соотечественников из стран «дальнего зарубежья»:
социально-философское и психологическое осмысление
через призму экзистенциализма**

Кононова Д.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Уральский филиал
г. Екатеринбург*

В последние годы актуализировался такой феномен как возвратная миграция соотечественников, проживающих в странах дальнего зарубежья и планирующих переезд в Россию. К примеру, эксперты Центрального Агентства Миграции сообщают о перспективе возвращения в Россию 1 млн соотечественников, длительно проживающих в странах дальнего зарубежья (Германия, Канада, США и другие) [1].

В настоящее время российский рынок труда испытывает кадровый дефицит и работодатели вынуждены все чаще обращаться к механизму привлечения иностранной рабочей силы из Южной и Юго-Восточной Азии [2]. Возвратные мигранты из стран дальнего зарубежья могут способствовать решению российских демографических проблем, а также положительно повлиять на ситуацию на рынке труда. Вопросы реализации современной демографической политики изучены в работе коллектива авторов: Н.П. Гончаровой, А.А. Еремина, Е.В. Тарасовой [3]. Н.П. Гончарова также исследует социальные риски трудовой миграции в приграничном регионе, сообщая о проблемах противоречивого влияния неквалифицированной рабочей силы на региональное развитие [4].

Миграция остается актуальной темой современных дискуссий о ее роли в жизни социума. В данном исследовании рассматривается один из видов миграции – возвратная миграция соотечественников из стран «дальнего зарубежья», являющейся уникальным социальным процессом возвращения на родину лиц, длительное время проживших за пределами России, сохранивших российскую культурную идентичность. Учитывая уникальность данного процесса, представляется целесообразным социально-философское и психологическое осмысление через призму экзистенциализма.

В изучении возвратной миграции соотечественников из стран «дальнего зарубежья» с социально-философской точки зрения важным остается изучение таких тем, как: «дом», «путь», «дорога», «пристанище». Возвращаясь к теме «русской души», дом для русского человека – место, где всегда можно найти заботу, уют и тепло. В то же время, бездомье – антипод «теплого» понятия» дом. Ю.М. Лотман верно отмечает, что в бездомье нет душевности и житейской мудрости, отсутствует доверие к месту, где нет покоя, отсутствует средоточие житейской духовности [5].

Возвратный мигрант – это человек, который теряет свой дом несколько раз, а его миграционный опыт – путь проживания кризиса за кризисом, иногда и одновременно. Первичная адаптация после переезда носит вынужденный характер, поскольку происходит в чужой социокультурной и языковой среде. Уезжая из России, мигранты, зачастую испытывают целый эмоциональный набор: чувство малоценности, «комплекс иностранца», кризис идентичности, ностальгию и пр. [6]. И, возвращаясь обратно, когда уже пройдена адаптация в чужой стране, налажен быт, так или иначе, приходится проходить процесс реадаптации и переживания всего перечисленного эмоционального набора снова. Так, если человек отказывается от устоявшихся отношений в западной стране и материальных благ, готов проживать травматический опыт мигранта, следовательно, дело в глубинных вещах, что приводит нас к проблеме изменения экзистенциалов человеческого бытия у возвратных мигрантов.

Можно предположить, что возвратные мигранты познали глубину одиночества с точки зрения экзистенциализма и для них отсутствие чего-либо (например, налаженного

быта) является поиском бытия. «Мы рождаемся одинокими, проводим свою жизнь и умираем одиноким». Возможно, что возвратные мигранты в ходе приобретения миграционного опыта понимают глубину одиночества, как сути человеческого существования, которое с нами на всю жизнь, по мнению экзистенциалистов. Или если, учитывать концепцию Ж.П. Сартра «одиночество-ответственность», одиночество – не мимолетная прихоть, а сам смысл человеческого существования. Одиночество, возникающее в ходе миграции, является ключом к пониманию себя, и возвратные миграции берут на себя риски потери устоявшегося быта взамен на глубинное познание себя и проживание экзистенциального опыта одиночества. В социально-психологическом смысле возвратный мигрант может сделать выбор и изменить состояние одиночества, если это ему не нравится. Многие и делают такой выбор: будучи в чужой стране одинокими вдали от родины, они решают «вернуться к корням».

В продолжение логики бытия и свободы, снова стоит обратиться к Ж.П. Сартру и его идее приравнивания человеческого бытия к некому проекту выражения свободы. «Человек осужден быть свободным». То есть свобода является центральным экзистенциалом человеческого существования, осознаваемый тогда, когда у индивида рушится вера в наличие высшего смысла в самом мироздании [7]. Таким образом, в рамках приобретения миграционного опыта с его особенными травмами возвратный мигрант приобретает свободу и познает человеческое бытие. Свобода в экзистенциальном социально-психологическом аспекте может характеризоваться личностной устойчивостью и зрелостью, следовательно, принятие решения о возвращении – проявление той самой свободы.

И, важный аспект, – собственная смертность человека – отзывается, по М. Хайдеггеру, состоянием страха и ужаса [8]. Страх как состояние, переживаемое человеком, как чувство, сопровождающее человека в остро переживаемых моментах жизни, в пограничных ситуациях, способно наиболее близко подвести человека к постижению своей экзистенции. В этом смысле можно предположить, что для возвратного мигранта важно постичь такую экзистенцию, как смерть в родном обществе.

Библиографический список

1. Газета.ru.: [офиц. сайт]. – URL: <https://www.gazeta.ru>.
2. Евтушенко А.Э., Чевтаева Н.Г., Кононова Д.С., Агумбаева А.Е. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. – 2024. – № 18 (5). – С. 69-87.
3. Гончарова Н.П., Еремин А.А., Тарасова Е.В. Демографическая политика в современной России: особенности реализации и методика оценки результативности. – Москва, 2020. – 149 с.
4. Гончарова Н.П. Социальные риски трудовой миграции в приграничных регионах России: проблемы прогнозирования и управления // Социальные риски и перспективы жизнедеятельности человека в Арктике. – Мурманск, 2019. – С. 25-32.
5. Волкова Е.В. «Дом» и «дорога» как реалии и как символ в работах Ю.М. Лотмана // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 169-174.
6. Лупуляк П.В. Факторы негативного самоощущения мигранта в новой стране // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 128-141.
7. Бурханов А.Р. Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник Бурятского государственного университета. – Философия. – 2011. – № 14. – С. 42-47.
8. Щитцова Т.В. Memento nasci: сообщество и генеративный опыт (Штудии по экзистенциальной антропологии). – Вильнюс, Москва, 2006. – 384 с.

Научный руководитель – Чевтаева Н.Г., д.с.н., профессор

Роль родительских предписаний в самореализации личности

Кравчук Н.Ю.

*Херсонский государственный педагогический университет
г. Херсон*

Проблема самореализации личности, несмотря на длительную историю изучения в гуманистической и экзистенциальной психологии, сохраняет свою актуальность. Как отмечают отечественные ученые, изучение самореализации осложняется неопределенностью самого понятия, невозможностью прямого наблюдения и влиянием большого числа факторов.

Традиционно самореализация рассматривалась в гуманистическом подходе через призму иерархии потребностей как реализация высшего потенциала [1]. С.И. Кудинов предлагает полисистемную концепцию, в которой самореализация рассматривается как интегративное свойство личности, включающее гармоничное взаимодействие мотивационно-смысловых и инструментально-стилевых характеристик. Ценность системного подхода заключается в возможности преодолеть разрыв между различными характеристиками личности и изучить внутренние механизмы их взаимодействия. В предложенной модели [1], самореализация детерминируется комплексом условий: психоэкологических, психофизиологических, психологических, социальных и педагогических.

Эмпирические исследования, накопленные в последние годы, подтверждают наличие сложной взаимосвязи между установками, полученными в семье, качеством детско-родительских отношений и различными аспектами развития личности. Недостаточная теоретическая проработка сохраняется в понимании того, как именно родительские предписания взаимодействуют с компонентами самореализации.

Исследования показывают, что родительское участие, сопряженное с предоставлением автономии и поддержкой, связано с высокими показателями удовлетворенности жизнью [2], самооценки [10] и уровня субъективного благополучия [11]. Напротив, стили воспитания, характеризующиеся чрезмерной опекой и психологическим контролем, приводят к деформациям в структуре самореализации. Выявлено, что чрезмерная опека препятствует карьерному самоопределению, способствуя отходу от цели [9], а психологический контроль отрицательно сказывается на самооценке [4].

Влияние родительских предписаний не является универсальным и всегда опосредовано социальным и культурным контекстом. Ценности коллективистских культур, делающие акцент на семье, формируют иные пути к самореализации, нежели индивидуалистические [6]. Культурные нарративы определяют, какие именно «жизненные сценарии» считаются успешными [5]. Среди механизмов, посредством которых родительские установки формируют сценарии, выделяют стили привязанности [7], формирование нарративной идентичности [3] и развитие навыков саморегуляции [8].

Существующие модели часто рассматривают связь «стиль воспитания – результат» как линейную, возможно, с медиаторами, такими, как самооценка. Мы предлагаем рассмотреть это взаимодействие с позиций синергетики, используя в качестве основы полисистемную модель самореализации И.С. Кудинова [1]. Родительские предписания выступают как управляющие параметры в моменты динамического равновесия психической системы личности, а также как параметры порядка во время бифуркации и могут вступать в резонанс с формирующимися инструментально-стилевыми и мотивационно-смысловыми компонентами самореализации ребенка.

Родительские установки, основанные на поддержке автономии, теплоте и признании, резонируют и усиливают инструментальные компоненты, такие как креативность,

активность и интернальность. Одновременно они формируют мотивационно-смысловые компоненты – оптимизм и мотивацию достижения. Возникает положительная обратная связь: успешный опыт самовыражения, поддержанный родителями, укрепляет интернальность и оптимизм, что, в свою очередь, мотивирует к дальнейшей активности. В результате возникает гармоничная, целостная самореализация, проявляющаяся во всех формах (внешней и внутренней) и видах (деятельностной, социальной, личностной).

Деструктивные предписания резонируют с компонентами, тормозящими самореализацию. Они усиливают экстернальность, инерционность и пессимизм, деформируют мотивационно-смысловой блок, стимулируя консерватизм и эгоцентричность или деструктивность. Даже при наличии высокого потенциала личности, родительский контроль [9] создает системное напряжение. Личность вынуждена либо подавлять свой потенциал, что приводит к низкой, но стабильной самореализации – «адаптивной» по И.С. Кудинову, либо вступать в открытый конфликт с жизненным сценарием. Также личность может демонстрировать высокую внешнюю самореализацию в деятельности, выполняя навязанный сценарий, но при этом иметь низкий уровень внутренней самореализации из-за подавленной креативности и интернальности.

Таким образом, качество родительского участия является критическим условием для формирования гармоничной самореализации. Предложенная модель синергетического резонанса позволяет отойти от детерминизма и описать, как одни и те же родительские предписания могут приводить к разным траекториям развития. Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую проверку предложенной модели.

Библиографический список

1. Кудинов С.И., Крупнов А.И. Системная модель самореализации личности // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. – 2008. – № 1. – С. 28-35.
2. Bi X., Wang S., Ji Y. Parental Autonomy Granting and Adolescents' Life Satisfaction: The Mediating Roles of Emotional Self-Efficacy and Future Orientation // Journal of Happiness Studies. – 2022. – № 23. – P. 2113-2135.
3. Fivush R., Habermas T., Waters T., Zaman W. The making of autobiographical memory: intersections of culture, narratives and identity // International journal of psychology: Journal international de psychologie. – 2011. – Vol. 46, № 5. – P. 321-345.
4. Heaven P., Ciarrochi J. Parental styles, gender and the development of hope and self-esteem // European Journal of Personality. – 2008. – Vol. 22. – P. 707-724.
5. McLean K., Lilgendahl J. [et al] Identity development in cultural context: The role of deviating from master narratives // Journal of personality. – 2018. – Vol. 86, № 4. – P. 631-651.
6. Ortiz F. Self-Actualization in the Latino/Hispanic Culture // Journal of Humanistic Psychology. – 2020. – Vol. 60. – P. 418-435.
7. Otalvaro A., Patrignani G., Gonzalez E. Exploring the Role of Attachment Styles, Life Scripts, and Parental Mandates in Suicidal Behavior: Implications for Prevention and Intervention // European Psychiatry. – 2024. – P. S778.
8. Sanders M., Turner K., Metzler C. Applying Self-Regulation Principles in the Delivery of Parenting Interventions // Clinical Child and Family Psychology Review. – 2019. – Vol. 22. – P. 24-42.
9. Wen B. [et al] How over-parenting impedes individual career exploration: a goal disengagement perspective // BMC Psychology. – 2023. – Vol. 11. – [web]. – URL: <https://clck.ru/3Qytrv>.
10. Xing H. [et al] How perceived parenting qualities link to the reciprocal relationship between adolescents' self-concept and life satisfaction // Journal of Social and Personal Relationships. – 2024. – Vol. 41. – P. 3480-3502.
11. Yap S., Baharudin R. The Relationship Between Adolescents' Perceived Parental Involvement, Self-Efficacy Beliefs, and Subjective Well-Being: A Multiple Mediator Model // Social Indicators Research. – 2015. – Vol. 126. – P. 257-278.

Научный руководитель – Дьяков С.И., д.псих.н., доцент

Психологическое благополучие актеров непрофессионального театра

Лютцев А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Непрофессиональный театр – это особое культурное и социальное пространство, где люди, не имеющие актерского образования, реализуют себя через сценическое искусство, добровольно включаются в эмоционально интенсивную деятельность, совмещая ее с основной работой, семьей и другими обязанностями. Театральная деятельность, даже в любительском формате, предполагает высокую степень самораскрытия, эмоциональной вовлеченности и взаимодействия с другими, что может оказывать положительное влияние на психологическое благополучие участников непрофессионального театра [1].

Актеры непрофессиональных театров в периоды активной подготовки к постановкам могут сталкиваться с высокими нагрузками, необходимостью эмоционального вживания в роль, командной работой и жесткими сроками, что может как способствовать личностному росту и повышению психологического благополучия, так и приводить к стрессу и выгоранию. В то же время периоды отдыха от театра могут как восстанавливать ресурсы, так и вызывать ощущение потери смысла или социальной изоляции. В связи с этим изучение особенностей психологического благополучия этой группы в разных фазах театрального цикла позволит разработать рекомендации по психологическому сопровождению непрофессиональных актеров в разные периоды театральной деятельности, что особенно актуально в условиях роста интереса к любительскому творчеству как ресурсу психологической разгрузки и отсутствия научных исследований по данной теме.

В научной традиции психологическое благополучие рассматривается как многомерный конструкт, отражающий глубинные аспекты функционирования личности. Его изучением занимались многие отечественные и зарубежные авторы – Н.М. Брэдберн, К. Рифф, А.В. Воронина, О.Е. Дергачева, Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко и др. В частности, одной из наиболее распространенных зарубежных теорий психологического благополучия является теория К. Рифф, в которой психологическое благополучие рассматривается через взаимосвязь шести факторов: принятие себя, позитивные отношения с другими, автономия, способность управлять окружающей средой, наличие цели в жизни и личностный рост [2, 3]. Непрофессиональный театр как социально-психологический феномен представляет собой уникальный контекст, в котором каждый из этих шести факторов проявляется и реализуется специфическим образом.

Так, принятие себя в условиях театральной деятельности достигается, когда актер, проживая чужую идентичность, получает возможность взглянуть на себя со стороны, переосмыслить собственные границы, амплуа и ценности, что способствует интеграции различных аспектов Я-концепции. Позитивные отношения с другими формируются в условиях реализации совместной цели (создание спектакля), когда коллектив становится командой, в которой участники испытывают чувство принадлежности, взаимной ответственности и эмоциональной поддержки. Автономия выражается в добровольном выборе участия, свободе творческой интерпретации роли и возможности влиять на процесс. Способность влиять на окружающую среду может проявляться в умении актера изменять ход репетиционного процесса, адаптироваться к требованиям сцены, зрителя, коллектива, то есть конструировать и регулировать свою деятельностьную среду. Наличие цели в жизни в контексте непрофессионального театра может связываться с экзистенциальной мотивацией, когда актер стремится к самореализации, самовыражению, поиску смысла и преодолению рутины. И наконец, личностный рост обеспечивается самой природой театрального

процесса, которая предполагает выход актера за пределы привычного поведения и реагирования на различные ситуации.

Итак, шесть компонентов теории психологического благополучия К. Рифф теоретически могут реализовываться в рамках непрофессиональных театров, однако окончательное подтверждение данной гипотезы может быть реализовано только эмпирически.

В отечественной традиции данный феномен получил глубокую теоретическую разработку в трудах Д.А. Леонтьева, где психологическое благополучие (или «позитивное функционирование») рассматривается как предиктор субъективного благополучия [4]. Как указывает Д.А. Леонтьев психологическое благополучие выполняет роль модератора в отношениях между объективными жизненными ресурсами и уровнем субъективного благополучия: при высоком уровне психологического благополучия индивид способен оптимально использовать доступные ресурсы, трансформируя даже ограниченные или стрессогенные условия в источник личностного роста и эмоциональной устойчивости; напротив, низкий уровень психологического благополучия снижает адаптивный потенциал личности, усиливая уязвимость в условиях дефицита ресурсов и ограничивая способность извлекать позитивный опыт даже из благоприятных обстоятельств. А в условиях непрофессионального театра, где ресурсы (время, финансирование, профессиональная поддержка) зачастую ограничены, а эмоциональные и социальные нагрузки – значительны, именно уровень психологического благополучия становится ключевым фактором, определяющим, будет ли участие в театральной деятельности источником роста или стресса.

Таким образом, как модель К. Рифф, так и концепция Д.А. Леонтьева позволяют рассматривать непрофессиональный театр как психологически значимую среду, в которой формируются ключевые компоненты психологического благополучия – от личностного роста и автономии до самодетерминации и смыслообразования, что открывает перспективу для эмпирических исследований, направленных на изучение особенностей психологического благополучия актеров непрофессионального театра.

Библиографический список

1. Хазамова Д.М. Феномен любительского театра как одна из технологий повышения психологического благополучия личности // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22-23 апреля 2021 г. – Барнаул, 2021. – С. 403-405
2. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // Journal of Personality and Social Psychology. – 1989. – № 57 (6). – P. 1069-1081.
3. Бикетова Т.Н. Карьерные ориентации и психологическое благополучие безработных граждан // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2023. – № 2 (23). – С. 61-63.
4. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14-37.

Научный руководитель – Короткова А.А., к.соц.н.

Особенности временной перспективы студентов с разным уровнем экзистенциальной исполненности

Махнибородин Г.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Наступившая эпоха глобальной нестабильности и неопределенности бросает серьезнейший вызов всему человечеству и психологическому сообществу, в частности. Если обращаться конкретно к российскому обществу, то несомненно можно сказать, что мы уже вошли в период турбулентности. Относительно универсальным показателем этого являются самоубийства, Россия по оценке ВОЗ на момент 2023 г. занимала третье место в мире по показателям среднемировой смертности в результате самоубийств – 26,5 случаев на 100 тыс. населения, после таких стран как Лесото (28,9) и Гайана (30,2) [2, 611 с.]. Это говорит о том, что достаточно большое количество людей в нашей стране склонны демонстрировать дезадаптивное поведение, а ведь это статистика только по завершенным суицидам, то есть, всего лишь один фактор, указывающий на более глобальную проблему, разрушительное воздействие которой продолжает нарастать.

В контексте таких реалий исследование временной перспективы и экзистенциальной исполненности личности становится важнейшей необходимостью, так как данные явления психологической жизни человека во многом являются барьерами к дезадаптивности и составляют фундамент адекватного восприятия событий и собственной жизни в целом, что выражается на различных уровнях: личностном, межличностном, межгрупповом. Основным интерес вызывает период студенчества, поскольку в этот период человек проживает одновременно профессиональный, экзистенциальный, возрастной и другие виды кризиса. [3, с. 27].

Основная цель исследования – изучение особенностей временной перспективы студентов с разным уровнем экзистенциальной исполненности и осмысленности жизни.

Использовались следующие методики: тест экзистенциальных мотиваций (В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, 2016); тест смысловых ориентаций (адаптация Д.А. Леонтьева, 1988); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (адаптация Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной и др., 2008); методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, H-критерий Крускала-Уоллиса, корреляционный анализ Спирмена, метод описательных статистик).

В исследовании приняли участие 135 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет.

По результатам опросника Ф. Зимбардо выявлено, что студенты в целом относятся к своему прошлому положительно, что говорит о принятии жизненного опыта и способности видеть даже в негативных моментах позитивное и значимое. Наряду с этим выражена акцентуация на будущее, но, если обращаться к показателям настоящего, следует предположить, что респонденты не всегда могут воплотить желаемое и предвосхищаемое в действительности, чему, вероятно, мешает определенное неверие в собственные силы и ощущение предопределенности бытия.

Результаты теста смысловых ориентаций находятся в рамках средних значений, это свидетельствует о наличии определенных целей, интенциональности, в целом, можно сказать, что респонденты в большей степени эмоционально удовлетворены от процесса своей каждодневной деятельности и ее результативностью. Интересным является соотношение показателей «локус контроля-я» и «локус контроля-жизнь», студенты считают, что они способны влиять на течение и обстоятельства собственной жизни, но при этом сомневаются в своих возможностях предопределения обстоятельств действительности.

Полученные данные теста экзистенциальных мотиваций также располагаются в средних значениях. Студенты преимущественно готовы доверять миру и принимать его как некую объективную данность со своими законами и предписаниями, они способны принимать свои чувства и эмоции, как позитивные, так и негативные и видеть в них опору. Также для них свойственно положительно воспринимать собственную систему оценки окружающей действительности, т.е. они могут открывать для себя смыслы в различных контекстах ситуаций.

Далее, для того чтобы кратко изложить значимые результаты исследования будут использоваться интегральные показатели осмысленности жизни и экзистенциальной исполненности, которые комплексно отражают совокупность шкал этих методик. Важно отметить, что смысложизненные ориентации тесно связаны с экзистенциальными мотивациями (интегральные показатели осмысленности жизни, экзистенциальная исполненность при $p = 0,01$, $r = 0,831$), поэтому далее эти феномены будут рассматриваться вместе.

В рамках исследования было выделено 3 группы респондентов: с низким, средним, высоким уровнем экзистенциальной исполненности, которые сравнивались по показателям осмысленности жизни и временной перспективы. Так, еще на этапе поиска достоверных различий, была установлена тенденция, подтверждающаяся корреляционным анализом – чем выше уровень осмысленности жизни и экзистенциальной исполненности, соответственно, тем более адекватной и сбалансированной является временная перспектива личности. Далее будут описаны только самые значимые результаты статистической обработки.

Для студентов с низким уровнем экзистенциальной исполненности характерно воспринимать прошлое скорее негативно ($p = 0,01$; $r = -0,645$), они чаще склонны сомневаться в собственных силах и ощущать чувство предопределенности бытия ($p = 0,01$; $r = -0,488$), также присутствует слабая ориентация на будущее, что, вероятно, вызвано проблемами в целеполагании.

Студенты со средним уровнем экзистенциальной исполненности характеризуются оптимальным отношением ко времени собственной жизни, к своему прошлому они относятся либо нейтрально, либо положительно, что говорит о способностях к рефлексии. Также они нацелены на будущее ($p = 0,01$; $r = 0,391$) и в целом склонны верить в собственные силы ($p = 0,01$; $r = -0,384$).

Студенты с высоким уровнем экзистенциальной исполненности отличаются высокой убежденностью в собственных силах, исключительно позитивным отношением к прошлому ($p = 0,01$, $r = -0,397$) и ориентацией на будущее ($p = 0,01$, $r = 0,352$), они способны активно открывать для себя смыслы и претворять их в поле деятельности.

По итогам исследования можно сказать, что поставленные цели были достигнуты, установлены особенности изучаемых феноменов в конкретных эмпирических группах, на основании данного труда разработана программа тренингов ПИС (перспектива исполненности студентов), которая нацелена на повышение уровня экзистенциальной исполненности и осмысленности жизни студентов для формирования у них адекватной и сбалансированной временной перспективы. Тема временной перспективы требует дальнейшего и более углубленного изучения с другими феноменами и явлениями психологической жизни. Данное же исследование было нацелено на внесение практического и теоретического вклада.

Библиографический список

1. Виллоджанина Т.А. Профессиональное обучение как инструмент развития ценностно-смысловой сферы студентов // Вестник Донецкого педагогического института. – 2018. – № 3. – С. 139-148.
2. Буняева К.В., Томашук Я.Ю., Подорванова О.В. Суицидологическая ситуация в России и мире: статистика и эпидемиология // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12 (240). – С. 610-612.
3. Лотова Н.К., Андросова М.И., Сергеева К.К. Психологические особенности личности студента ВУЗа // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 70-3. – С. 27-31.

4. Михеева И.В., Шведенко Ю.В. Особенности смысложизненных ориентаций госслужащих с разными стилями реагирования на изменения // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2021. – № 19. – С. 30-32.
5. Осин Е.Н. Измерение экзистенциальной исполненности // Психология. Журнал ВШЭ. – 2016. – Т. 13. – № 4. – С. 154-170.

Научный руководитель – Меженин Я.Э., к.соц.н.

Развитие института медиации в России: современные тенденции и барьеры

Мичко И.В.

*Ульяновский государственный университет
г. Ульяновск*

Медиация сама по себе имеет довольно длительную историю становления, известно, что в Российской империи уже в начале XIX в. существовал институт примирительных процедур, связанный с деятельностью коммерческих судов. Медиатор выступал посредником решения конфликтных ситуаций в основном в сфере торговли. Однако в XX в. применение данной практики сошло на нет, и медиация как институт начала формироваться только в современной России. В 2010 г. на законодательном уровне было закреплено применение альтернативной процедуры урегулирования споров с участием третьего лица, в том числе в сфере предпринимательской, иной экономической деятельности и семейного права [1].

Несмотря на то, что изначально медиативный подход к решению споров применялся при решении экономических конфликтов, со временем все больше раскрывается потенциал применения данного инструмента и в других сферах. Как отметил к.ю.н. Николюкин С.В., примирительная процедура имеет множество форм, моделей и видов в зависимости от целеполагания, ресурсов и сложившихся обстоятельств, то есть является универсальным средством решения споров во взаимоотношениях различного рода [2].

Одной из основных областей применения процедуры медиации является семейное право, что в настоящее время как никогда актуально. Для подтверждения ценности применения инструмента медиации при решении семейных споров, рассмотрим статистику браков и разводов в России в период 2010-2023 гг. (табл. 1) [3].

*Таблица 1 – Количество браков и разводов в России в период 2010-2023 гг.
по данным Федеральной службы государственной статистики*

Год	Количество разводов	Количество браков
2010	639 321	1 215 066
2011	669 376	1 316 011
2012	644 101	1 213 598
2013	667 971	1 225 501
2014	693 730	1 225 985
2015	611 646	1 161 068
2016	608 336	985 836
2017	611 436	1 049 735
2018	583 942	893 039
2019	620 730	950 167
2020	564 704	770 857
2021	644 209	923 550
2022	682 850	1 053 756
2023	683 796	945 995

Прим. Данные за 2022-2023 гг. представлены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Приведенные данные показывают, что несмотря на волатильный характер бракоразводных процессов, в 2023 г. отмечено второе максимальное количество разводов – 683 796 случаев (наибольшее в 2014 г. – 693 730 случаев). Динамика брачности имеет более мягкий характер изменений, но также находится в негативной фазе снижения: с 2016 г. показатель количества браков не поднимается выше 106 тыс.

Применение медиативных технологий при решении семейных конфликтов позволит:

1. Снизить количество разводов в России путем сохранения брачных семейных отношений и поиска общего решения возникших проблем до судебного процесса, тем самым способствуя повышению демографических показателей;

2. В случае развода достичь максимального компромисса между супругами и урегулировать его последствия, в том числе процесс взыскания алиментов, раздела имущества, порядок определения детей одному из супругов и общения с ними другого.

3. Сохранить психологический климат семьи и детей, сформировать парадигму бережного бракоразводного периода с целью снижения нагрузки на детей и защиты их интересов, что отмечено Лабутиным Д.Н. в качестве основной задачи [4].

4. Снизить нагрузку на суды, тем самым сэкономив ресурсы для решения иных судебных разбирательств, а также время и средства самих супругов или бывших супругов.

При всех преимуществах медиативных технологий как для граждан, так и для государства, имеется ряд барьеров на пути прогрессивного применения данного инструмента:

1. Недостаточная информированность населения о возможности решения конфликтных ситуаций с помощью медиатора. Т.В. Худойкина отмечает, что этому нужно уделить основное внимание [5].

2. Дефицит кадрового состава профессиональных медиаторов и, как следствие, низкий уровень эффективности медиативных услуг.

3. Недоверие к институту медиации в связи с новизной данного метода и недостаточно широкой информационной кампании о положительных результатах применения.

4. Неотлаженное межведомственное взаимодействие в части внедрения медиативных технологий и ориентации граждан на обращение к медиаторам, в том числе между судами и медиаторами.

Таким образом, семейная медиация – это актуальный инструмент, имеющий множество социально-экономических преимуществ, который с каждым годом набирает все большую популярность. Медиативные технологии ежегодно внедряются во все этапы семейных взаимоотношений при наличии споров с целью минимизации негативных последствий. Однако, данный инструмент требует более тщательной проработки на методическом, нормативном и практическом уровнях и информационной поддержки, что позволит снизить социально-психологическую нагрузку общества в целом и окажет позитивное влияние на демографические процессы, а главное, позволит защитить детей от негативных воздействий семейных конфликтов.

Библиографический список

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Николюкин С.В. Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации: научно-практическое пособие. – М., 2013. – 240 с.
3. Федеральная служба государственной статистики [офиц. сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>.
4. Лабутин Д.Н. Социальные проекты главного управления федеральной службы судебных приставов по алтайскому краю как метод поддержки семейных ценностей и реализации конституционных прав граждан // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2024. – № 22. – С.108-112.
5. Худойкина Т.В. Проблемы развития медиации в России // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 102-104.

Научный руководитель – Лапин А.Е., д.э.н.

Образ будущего специалистов помогающих профессий с разным уровнем жизнестойкости

Пачковская Ю.Т.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
г. Барнаул*

Современное общество предъявляет большое количество требований к личности. В связи с отсутствием ясных ориентиров в жизни и наличия множества способов решения повседневных проблем, личности приходится самостоятельно создавать сценарий своего существования. Уже с малых лет большинство людей интуитивно задумываются о своем будущем, мысленно представляя возможные варианты дальнейшего развития событий.

Представление о своем будущем или образ будущего является важной составляющей жизненного пути. Оно охватывает личные и профессиональные планы, включающие основную цель, краткосрочные и долгосрочные задачи, методы их осуществления, а также альтернативные планы действий на случай возникновения препятствий [2, 5]. Следовательно, способность эффективно справляться с разными жизненными обстоятельствами и быстро приспосабливаться к изменениям внешней среды становится ключевым качеством современного человека наряду с умением планировать свое будущее. Именно поэтому исследованию такого важного качества личности, как жизнестойкость, в последнее время придается все большее значение.

Важность данной темы усиливается тем фактом, что понимание ключевых факторов формирования жизнестойкости позволит разработать эффективные способы преодоления проблем, подготовить человека и общество к сознательному проектированию перспектив развития, способствуя успешной профессиональной самореализации и достижению успеха в условиях глобализации, где особое внимание уделяется межличностным взаимодействиям [1].

Зарубежные исследователи применяют преимущественно термин «жизнестойкость», предложенный С. Мадди. Отечественные психологи Д.А. Леонтьев, А.Г. Маклаков предпочитают говорить о личностном потенциале, либо личностном адаптационном потенциале [3, 4]. По мнению С. Мадди, жизнестойкость представляет собой психологическую устойчивость и высокую продуктивность личности, отражающую ее уровень психического благополучия и здоровья. Она проявляется в способности человека воспринимать изменения позитивно, активно задействовать внутренние ресурсы для приспособления к новым обстоятельствам и демонстрирует степень владения как обыденными проблемами, так и серьезными стрессовыми ситуациями [1].

Жизнестойкость является комплексной чертой личности, состоящей из трех ключевых аспектов: увлеченности жизнью, способности контролировать события и готовности рисковать. Формирование этих свойств помогает человеку развивать себя, раскрывать внутренние резервы и эффективно справляться с трудностями [1]. Индивиды с высокой степенью жизнестойкости активны, предприимчивы, быстро адаптируются к изменениям, поддерживая внутреннюю гармонию и личную устойчивость. Современная психология активно изучает влияние временного восприятия и представлений о будущем на поведение, самооценку и прочие аспекты психической деятельности.

Особое значение приобретают понятия жизнестойкости и образа будущего именно в профессиональной сфере специалистов помогающих профессий. Связано это главным образом с особенностями их трудовой деятельности, поскольку работа с людьми предполагает не только умение справляться с эмоциональными нагрузками, но и поддерживать внутренний баланс, необходимый для грамотного построения рабочих стратегий [5].

Ряд исследований показывает, что специалисты, работающие в системе «человек-человек», образуют отдельную группу помогающих профессий. К таким профессиям относятся медицина, образование, психологическое консультирование, социальные службы, торговля и предоставление различного рода услуг (юридических, экономических и пр.). Такой вид профессиональной деятельности обладает специфическими характеристиками, что требует наличия особых личностных качеств и высокого уровня жизнестойкости у работников, взаимодействующих с людьми. Эти качества оказывают непосредственное влияние на восприятие ими своего будущего. Настоящее исследование ставит перед нами задачу изучить особенности жизнестойкости и представлений о будущем среди представителей ряда помогающих профессий, включая педагогов, медицинских работников, социальных сотрудников, психологов и медиаторов.

С нашей точки зрения, жизнестойкость выступает важнейшим качеством, позволяющим профессионалам помогающих сфер в ходе карьерного роста предотвращать возможное развитие личностных деформаций и иных негативных изменений, способствуя формированию положительного взгляда на будущее. Следовательно, жизнестойкость и представление о будущем становятся важными внутренними ориентирами специалиста в ситуации неопределенности внешнего окружения, обеспечивая оказание качественной поддержки своим клиентам.

Хотя жизнестойкость и образ будущего являются распространенными объектами как традиционных, так и новейших психологических исследований, взаимосвязь между ними применительно к представителям помогающих профессий остается недостаточно изученной. Все это подчеркивает потребность в комплексном изучении указанных явлений. Особенный интерес вызывает изучение особенностей восприятия будущего специалистами с различными уровнями жизнестойкости.

Итак, личность представителя помогающей профессии формируется и эволюционирует в рамках общественных взаимоотношений, испытывая воздействие как материальных, так и духовных аспектов своей жизненной среды. Профессиональные компетенции современного специалиста неразрывно связаны с личностными чертами, ведь успех в работе невозможен лишь при наличии отдельных показателей. Поэтому вполне обоснованно рассматривать процесс развития жизнестойкости у профессионалов помогающих сфер, что, в свою очередь, обеспечит создание позитивного и целостного образа будущего, способствующего общему развитию, высокому уровню удовлетворения работой, профессиональному мастерству и повышенной приспособляемости к меняющимся условиям окружающего пространства.

Библиографический список

1. Александрова Л.А. К концепции жизнестойкости в психологии // Сибирская психология сегодня. – Кемерово, 2004. – С. 82-90.
2. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. – СПб., 2010. – 352 с.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М., 1999. – 533 с.
4. Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов. – СПб., 2012. – 592 с.
5. Минюрова С.А. Психология саморазвития человека в профессии. – М., 2008. – 234 с.
6. Ральникова И.А., Гурова О.С., Ипполитова Е.А. Психология жизненного пути человека: учеб. пособие. – Барнаул, 2014. – 218 с.
7. Бикетова Т.Н. Самоорганизация личности на примере студентов Алтайского филиала РАНХиГС // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Вып. 21. – Барнаул, 2022. – С. 113-116.

Научный руководитель – Бикетова Т.Н., доцент

Анализ мотивационно-ценностных предикторов деятельности волонтеров

Почтарева Л.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Волонтерское движение в современной России переживает период активного развития, привлекая все большее число молодых людей, стремящихся реализовать свой потенциал через помощь другим. При этом возникает закономерный вопрос: что движет людьми, которые безвозмездно отдают свое время, силы и энергию на благо общества? Понимание мотивационных и ценностных основ волонтерской деятельности представляется крайне важным не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку позволяет более эффективно организовывать добровольческие движения и способствовать личностному росту их участников.

Проблема личностного развития и раскрытия потенциала была впервые сформулирована в рамках гуманистической психологии. Эти идеи получили развитие в работах К. Роджерса, А. Маслоу и Г. Олпорта [1]. Личностное развитие понимается как стремление человека к наиболее полному раскрытию и реализации своих потенциальных возможностей. В контексте волонтерской деятельности этот процесс приобретает особое значение, поскольку добровольчество создает уникальное пространство для личностного роста через служение другим людям.

Представляется важным отметить, что волонтерская деятельность не является однородной по своей мотивационной структуре. Можно выделить несколько уровней мотивации добровольцев. На первом, базовом уровне находятся социальные мотивы – потребность в общении, признании, принадлежности к группе единомышленников. Эти мотивы во многом соответствуют теории иерархии потребностей А. Маслоу и отражают стремление человека к удовлетворению социальных потребностей [2]. На втором уровне располагаются мотивы личностного роста и профессионального развития. Многие волонтеры видят в добровольческой деятельности возможность приобрести новые компетенции, расширить кругозор, получить практический опыт в интересующей их сфере [3]. Наконец, на высшем уровне находятся экзистенциальные и духовные мотивы – стремление к личностной реализации через помощь другим, поиск смысла жизни, воплощение гуманистических ценностей.

Исследования показывают, что мотивация волонтеров имеет сложную многокомпонентную структуру, включающую как альтруистические, так и прагматические элементы [4]. При этом не следует рассматривать прагматическую мотивацию как нечто негативное. Стремление к саморазвитию, желание приобрести новый опыт, потребность в социальном признании – все это естественные человеческие потребности, которые могут гармонично сочетаться с желанием помогать другим. Более того, именно сочетание различных мотивов обеспечивает устойчивость волонтерской деятельности и предотвращает эмоциональное выгорание добровольцев.

Ценностные ориентации волонтеров представляют собой еще один важнейший фактор их деятельности. В отличие от мотивов, которые отвечают на вопрос «зачем?», ценности определяют «ради чего?» человек совершает те или иные действия. Ценности формируют смысловое ядро личности и определяют направленность ее активности. Анализ ценностных ориентаций волонтеров показывает, что для них характерны высокие показатели по таким ценностям как помощь другим, социальная справедливость, личностное развитие, активная деятельная жизнь. В то же время материальные ценности, такие как высокий доход или комфортные условия, занимают у них более низкие позиции в иерархии [5].

Особый интерес представляет вопрос о том, как волонтерская деятельность влияет на процесс личностного становления. Можно предположить, что здесь работает механизм взаимного усиления: с одной стороны, определенный уровень личностного развития необходим для того, чтобы человек осознал потребность в служении другим и начал волонтерскую деятельность. С другой стороны, сама добровольческая деятельность создает благоприятные условия для дальнейшего развития, предоставляя человеку возможность реализовать свои способности, получить новый опыт, обрести смысл жизни через помощь нуждающимся. Таким образом, формируется своеобразная спираль личностного роста.

Важно отметить, что мотивационно-ценностные характеристики волонтеров могут существенно различаться в зависимости от типа добровольческой деятельности. Волонтеры социальной сферы, работающие с уязвимыми группами населения, могут иметь более выраженную альтруистическую мотивацию по сравнению с волонтерами культурно-массовых мероприятий. Экологические волонтеры часто руководствуются ценностями сохранения природы и ответственности перед будущими поколениями. Волонтеры в сфере образования нередко стремятся к профессиональному развитию и передаче знаний [6].

Исследование мотивационных и ценностных предикторов деятельности добровольцев обнаруживает ряд определяющих компонентов. Центральное место занимает внутренняя мотивация – подлинное стремление оказывать помощь и раскрывать собственные возможности, которое рождается внутри самого человека. Не менее важна сформированная гуманистическая направленность личности, где на первом плане стоит забота о других людях и социальном благополучии. Существенную роль играет также способность обнаруживать глубокий смысл в своих действиях и рассматривать волонтерство как путь личностного развития [7]. Наконец, критически значимым оказывается владение приемами самоконтроля, благодаря которым доброволец может рационально использовать свои ресурсы и предупреждать психологическое истощение.

Понимание мотивационно-ценностной природы добровольческой работы обладает прикладной ценностью, поскольку открывает возможности для результативного привлечения и удержания участников. Координаторам волонтерских проектов важно принимать во внимание широкий спектр побуждений людей и выстраивать такую среду, которая позволит реализовать их разнообразные запросы. Для одних волонтеров важнее всего социальное признание и возможность общения, для других – профессиональное развитие, для третьих – духовный рост и обретение смысла жизни. Гибкая система организации волонтерской деятельности, учитывающая эти различия, способна значительно повысить эффективность добровольческих программ.

Таким образом, мотивация и ценностные ориентации выступают ключевыми предикторами эффективной деятельности волонтеров, определяя не только степень их вовлеченности в добровольчество, но и траекторию личностного развития. Волонтерство создает уникальное пространство для личностного роста, где человек может реализовать свой потенциал через служение обществу, обрести смысл жизни и достичь высших уровней развития. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на более детальное изучение специфики мотивационно-ценностных предикторов в различных типах волонтерской деятельности.

Библиографический список

1. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – Москва, 2013. – 351 с.
2. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб., 1997. – 608 с.
3. Тарбеев Д.В. Самоактуализация как важный фактор трансформации и становления профессиональных компетенций в наставничестве // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков. – Москва, 2023. – С. 14-19.
4. Воронова Р.Б. Мотивация участия студентов в волонтерской деятельности как фактор саморазвития // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 27.
5. Омарова П.О., Магомедова П.П. Мотивация волонтеров инклюзии к добровольческой деятельности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 114-120.

6. Певная М.В., Минченко Д.В., Белов А.А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 53-68.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990. – 368 с.
8. Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии. – М., 1986. – С. 200-230.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975. – 304 с.
10. Бессонова Т.И. К проблеме исследования истинного добровольчества (волонтерства) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 11, № 5. – С. 96-106.
11. Панарин И.А., Назарова А.А. Опыт эмпирического исследования социальной ответственности волонтеров // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2018. – Т. 17. – № 3 (148). – С. 14-21.

Научный руководитель – Бикетова Т.Н., доцент

Воздействие эмоционального отклика в критической ситуации

Прокудина К.А.

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
г. Барнаул*

Подготовка работников организаций и рядовых граждан к действиям в экстренных ситуациях является одной из ключевых задач системы обеспечения безопасности жизнедеятельности. Актуальность данной темы подтверждается нормативно-правовой базой Российской Федерации, в частности Федеральным законом № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. Ст. 21 данного закона прямо указывает, что первая помощь – это неотложные действия, направленные на спасение жизни и сохранение здоровья при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях, угрожающих жизни или здоровью человека.

Таким образом, формирование у населения навыков оказания первой помощи – не просто образовательная задача, а необходимое условие для снижения смертности и инвалидизации в критических ситуациях.

Исследование проводилось методом социологического опроса среди респондентов в возрастной группе от 18 до 55 лет и старше. Основную часть выборки (68,6%) составили молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет, остальные (31,4%) – лица старшего возраста. По половому признаку преобладали женщины (60,8% против 39,2% мужчин).

Дополнительно был проведен поведенческий эксперимент в рамках тренинга по оказанию первой помощи, имитирующий реальные чрезвычайные ситуации с участием актеров, моделирующих пострадавших и паникующих.

Согласно данным опроса (рис. 2), подавляющее большинство респондентов (94,1%) оценивают свои знания по оказанию первой помощи как «хорошие» или «средние». Лишь 5,9% признали их «очень плохими».

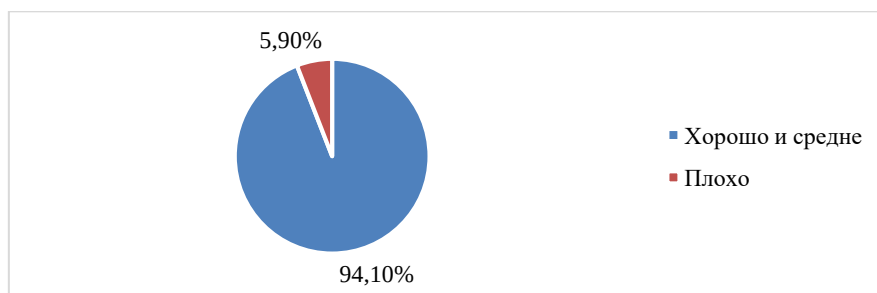

Рисунок 1 – Оценка знаний опрашиваемых по оказанию первой помощи, %

Это свидетельствует о наличии у обследованной группы уверенности в своих способностях, однако не обязательно отражает реальный уровень подготовки.

Как показал опрос (рис. 2), 72% респондентов имели опыт практической отработки навыков на манекенах. При этом 31,3% опрошиваемых отметили чувство неловкости при работе с манекенами, что может указывать на психологический дискомфорт даже в контролируемой среде.

Более половины участников 52% сообщили о наличии опыта оказания первой помощи живым людям. Однако в этой ситуации 58,5% испытывали страх и тревогу. Более того, 82% респондентов считают, что оказывать помощь легче манекену, поскольку существует боязнь навредить человеку – о чем сказали 29,1% опрошиваемых.

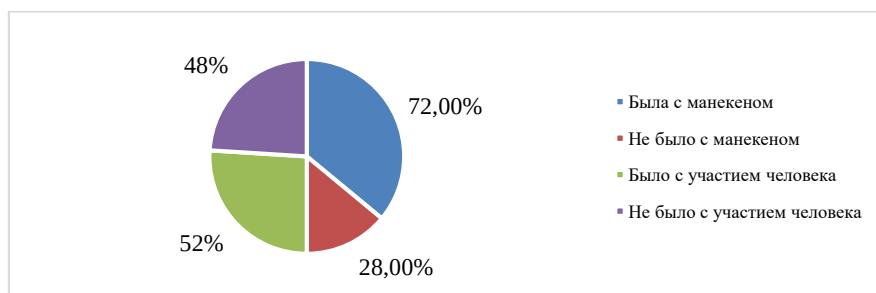

Рисунок 2 – Практика оказания первой помощи у опрошиваемых, %

В рамках тренинга по оказанию первой помощи [2], был проведен поведенческий эксперимент, в течение которого испытуемые были поставлены в ситуации, приближенные к реальным. Перед ними стояли задачи по оказанию первой, доврачебной помощи пострадавшим, обеспечение безопасной зоны и уменьшение доступа сторонних лиц в неадекватном состоянии.

Во время эксперимента, команда испытуемых получила конкретное задание [1] с описанием чрезвычайной ситуации, в которой были прописаны травмирующие факторы и травмы пострадавших. После получения задания команда выходила за дверь, актеры в это время готовили обусловленную ситуацию с небольшими помехами (например, паникеры, люди в условном алкогольном опьянении и прочие условно посторонние люди). После сигнала, испытуемые проходили в кабинет с заготовленной ситуацией, где должны были оказать первую помощь пострадавшим, но во время эксперимента команда испытывала замешательство. Люди, морально подготовленные к ситуации, растерявшись, не могли в полной мере оказать помощь «пострадавшим».

В ходе эксперимента, испытуемые отмечали чувство растерянности, паники, страха, неуверенности, брезгливости, неловкости, несосредоточенности и общий дискомфорт, связанный с эмоциями.

Таким образом мы выяснили, что психоэмоциональный момент оказывает негативное влияние на качество оказания первой медицинской помощи, а недостаток практики зачастую становится фактором появления этих эмоций.

Далее на основании проведенного эксперимента было выделено несколько ключевых направлений, которые могут помочь повысить уровень знаний и навыков оказания первой помощи:

1. Увеличение количества практики на живых людях. Организовать регулярные занятия, где участники могут отрабатывать навыки первой помощи на друг друга под руководством опытных инструкторов. Создать клубы или группы по интересам для отработки навыков, обмена опытом и проведения ролевых игр. Проводить семинары с привлечением медицинских работников, которые могут поделиться опытом и провести практические занятия.

2. Ввести обязательный курс первой помощи в школьную программу, чтобы все учащиеся могли получить базовые знания и навыки. Стимулировать учащихся проводить проектные работы на темы, связанные с первой помощью, что поможет углубить их знания и заинтересованность.

3. Проводить специализированные тренинги для учителей и родителей, чтобы они могли обучать детей и оказывать помощь в экстренных ситуациях. Разработать онлайн-курсы по первой помощи, которые будут доступны для широкой аудитории, включая студентов и взрослых. Организовать конкурсы или соревнования, где команды смогут продемонстрировать свои навыки оказания первой помощи. Это создаст дух соперничества и повысит интерес к обучению.

Эти рекомендации помогут создать культуру безопасности и готовности к экстренным ситуациям, как среди молодежи, так и среди взрослых.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 // Доступ из справ.-прав. Консультант Плюс.
2. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области охраны труда»: Приказ Минтруда России № 274н от 22.04.2021 г. // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Подольская О.В., к.пед.н., доцент

Социальные представления о медиации

Пудикова Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Медиация (лат. *mediare* – посредничать) это особый вид переговоров, или особая процедура с участием нейтрального посредника, который помогает сторонам в конфликте найти взаимовыгодное решение. Зарождение медиации в том виде, как мы видим ее сегодня, началось во второй половине XX в. в США, Англии, Австралии, а позже и в Европе – Франции, Германии, Нидерландах, Италии, Бельгии, Швейцарии. Сам термин медиация появился в 1947 г., когда в США была организована «Федеральная служба по медиации и примирению», и уже с 60-х годов была разработана концепция медиации, которая актуальна и сегодня. В России медиация была официально закреплена в 2002 г. в нормах Арбитражного процессуального кодекса, как способ разрешения коммерческих споров.

Социальные представления о медиации в России не полностью отражают суть самой процедуры. Эти представления являются недостаточно полными, что зачастую приводит к недопониманию ее роли и значимости в разрешении конфликтов. Это связано с рядом факторов:

1. Низкий уровень информированности среди населения. Есть ряд организаций, которые занимаются популяризацией медиации, например, Ассоциация медиаторов Алтайского края, Лига медиаторов, Бизнес медиация М2В, но этого недостаточно. Многие до сих пор не имеют представления о медиации или вообще не слышали о ней. Часто бывает, что те, кто знаком с термином «медиация», не всегда понимают принципы, цели и механизмы. Очень мало целенаправленных, государственных, информационных проектов, направленных на популяризацию медиации.

2. Недоверие и подозрительность среди населения. В России обращение в суд воспринимается гражданами основным и наиболее надежным способом защиты своих прав. Это связано с недостатком личного опыта или примеров из близкого окружения, демонстрирующих успешное использование альтернативных методов разрешения спора. Без конкретных случаев удачного применения медиации трудно убедить людей в ее преимуществах перед судебным разбирательством.

Такого мнения придерживаются многие эксперты, например, Председатель Совета судей РФ В. Момотов, который отмечает, что эффективность использования внесудебных

механизмов урегулирования конфликтов остается невысокой вследствие низкого уровня правовой грамотности населения, недостаточной осведомленности о преимуществах медиации и слабого доверия к самим посредникам-медиаторам. Так же Е.В. Пронина, С.Ю. Попова в учебном пособии «Психологические основы медиации, новый способ решения проблем» отмечают: «Говоря о необходимости внедрения медиативных форм решения конфликтов, важно отметить, что зачастую, преподаватели, студенты, специалисты в сфере работы с молодежью, сталкиваются с отсутствием четко прописанных методических рекомендаций по их применению и конструированию. Налицо проблема отсутствия системного использования потенциала медиации, особенно в образовательных учреждениях» [6]. Медиатор И.А. Никитова, считает, что для развития примирительных процедур необходимо информировать граждан о такой возможности и формировать у общества понимание, что спор – это не всегда противостояние двух взаимоисключающих позиций [2].

Социальные конфликты неизбежны, поскольку общество – это динамическая система, находящаяся в постоянном развитии и изменении, и нередко эти перемены приводят к различным противоречиям и несогласованиям между разными группами и слоями общества. Д.И. Салимгареев [7] в статье «Социальная ценность медиации как механизма профилактики и разрешения конфликтов в современном обществе», говорит о том, что семейные, правовые, школьные, трудовые взаимоотношения, являются ключевыми сферами в современном социальном обществе и в этих сферах медиация, как действенная процедура урегулирования конфликтов, должна применяться на постоянной основе.

Становится понятно, что в обществе существует запрос на более быстрые, менее затратные способы разрешения споров, особенно в семейных и гражданских делах. И те люди, которые сталкивались с медиацией или имеют о ней более полное представление отмечают ее преимущества: сохранение отношений, гибкость, возможность поиска взаимовыгодных решений, конфиденциальность. Так же развитие и формирование профессиональных сообществ способствует качеству оказываемой услуги, и формированию позитивного имиджа. Появляется законодательная база – наличие федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» является важной основой для дальнейшего развития.

Таким образом можно сделать следующий вывод – социальные представления о медиации не являются полными и требуют значительных усилий для создания позитивного восприятия и отношения к данной процедуре урегулирования конфликтов. Основные задачи, стоящие перед специалистами: повышение осведомленности населения, формирование доверия к институту медиации через законодательную базу, формирование профессиональных сообществ, демонстрацию примеров успешного причинения. Именно комплексный подход сможет обеспечить выполнение данных задач и позволит медиации стать одним из основных способов разрешения конфликтных ситуаций.

Библиографический список

1. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М., 2011. – 304 с.
2. Аллавердова О.В. Медиация как социально-психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2007. – № 2, Ч. 1. – С. 151-159.
3. Меженин Я.Э., Шемякова А.М. Конструктивные коммуникации в управлении межличностными конфликтами при процедуре медиации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 44-56.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Пекарская Л. Примирение – не слабость: эксперты обсуждают внесудебное разрешение споров [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RENFV>.
6. Пронина Е.В., Попова С.Ю. Психологические основы медиации: новый способ решения проблем. – Владимир, 2016. – 101 с.
7. Салимгареев Д.И. Социальная ценность медиации как механизма профилактики и разрешения конфликтов в современном обществе // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 12. – С. 63.

Научный руководитель – Меженин Я. Э. к.соц.н

Теоретические подходы к изучению тревожности как психологической проблемы подросткового возраста

Раевский С.Н.

*Луганский государственный педагогический университет
г. Луганск*

Подростковый возраст представляет собой важный этап развития личности, который сопровождается значительными физиологическими, психологическими и социальными изменениями. В данный период формируются жизненные ценности и ориентиры, перестраиваются отношения со взрослыми и сверстниками, развивается самосознание и стремление к независимости. Современная, динамичная и эмоционально насыщенная среда создает дополнительный психологический стресс, а отсутствие эмоциональной стабильности и сильной чувствительности делают подростков особенно уязвимыми, что подчеркивает важность изучения тревожности как психологического феномена.

В психологическом словаре В.П. Зинченко отмечается, что «подростковый возраст характеризуется резкими качественными изменениями, затрагивающими все аспекты развития: «биологически – это относится к пубертатному периоду и половой зрелости, то есть к стадии полового созревания и непосредственно предшествующему ей времени интенсивного, неравномерного развития и роста организма» [2, с. 349-350].

Тревожность определяется, как склонность индивида испытывать внутреннее беспокойство и напряжение в ожидании трудностей или неприятных событий. Данное состояние характеризуется повышенной чувствительностью к стрессовым ситуациям и может отражаться на настроении, поведении и общем самочувствии [2, с. 500]. В свою очередь, данное состояние схоже с переживаниями при реальной угрозе, выполняет предупреждающую функцию, сигнализируя о возможной опасности и помогает индивиду выбрать адаптивную реакцию на нее [7, с. 83].

По мнению Л.И. Божович, «неконтролируемая тревожность может препятствовать нормальному развитию личности, затрудняя учебную деятельность, осложняя взаимодействие со сверстниками и взрослыми, а также порождая чувство неуверенности и низкую самооценку, однако умеренная тревожность способна мотивировать подростка и поддерживать адаптацию» [6, с. 87].

Причины тревожных состояний у подростков делят на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся семейные условия, школьная среда, взаимоотношения со сверстниками и информационная нагрузка из интернета и социальных сетей. Семейные конфликты, развод родителей и эмоциональное напряжение в семье снижают адаптационные возможности подростка и негативно влияют на учебную и межличностную деятельность [5, с. 460]. Взаимодействие со сверстниками существенно влияет на эмоциональное развитие – принятие в группе снижает тревожность, а изоляция, наоборот, повышает [4, с. 152].

К внутренним факторам тревожности относят личностные особенности, внутренние конфликты, негативный опыт и чувство одиночества. Акцентуации характера повышают восприимчивость к стрессу [3, с. 13], а конфликты, связанные с самооценкой, стремлением к независимости и социальным сравнениям, усиливают тревожные состояния [4, с. 210]. Негативный опыт и ориентация на внешние критерии создают ощущение неопределенности, а чувство одиночества с гиперстимуляцией повышают риск перегрузки нервной системы и тревожных расстройств [1, с. 218].

Следовательно, тревожность в подростковом возрасте можно рассматривать, как закономерное проявление процессов личностного становления, сопровождающихся внутренними противоречиями и повышенной эмоциональной чувствительностью. Ее возникновение и выраженность обусловлены взаимодействием социальных условий,

особенностей воспитания и индивидуально-психологических характеристик, что делает данное явление важным объектом психологического изучения и профилактической работы.

Библиографический список

1. Авдулова Т.П. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. – М., 2023. – 394 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М., 2009. – 811 с.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб, 2024. – 304 с.
4. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – Воронеж, 2000. – 304 с.
5. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб, 2012. – 816 с.
6. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. – М., 2025. – 446 с.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб, 1998. – 608 с.

Научный руководитель – Романов Н.А., к.п.н., доцент

Темперамент как фундаментальная характеристика личности: теоретические подходы и эмпирические исследования

Селезнева Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Дзержинский филиал
г. Дзержинск*

Темперамент, определяемый как врожденная и устойчивая совокупность динамических характеристик психики, издавна привлекает внимание исследователей. Он является важным фактором, определяющим поведение, эмоциональные реакции и общую адаптивность личности [1, с. 132]. Понимание темперамента позволяет объяснять индивидуальные различия и прогнозировать поведение. Цель статьи – анализ теоретических подходов, биологических основ темперамента и его влияния на жизнь человека. Благодаря изучению психологии личности человеку легче взаимодействовать с окружающими его людьми.

Древнейшая гуморальная теория, впервые упомянутая Гиппократом (V-IV вв. до н.э.) и разработанная Галеном (II в. н.э.), связывала темперамент с преобладанием одной из четырех жидкостей организма [2]. Согласно этой теории, типы личности определялись следующим образом:

- сангвиник (кровь): живой, подвижный, легко адаптирующийся;
- холерик (желтая желчь): энергичный, импульсивный, вспыльчивый;
- флегматик (лимфа): медлительный, спокойный, устойчивый;
- меланхолик (черная желчь): глубоко переживающий, ранимый, тревожный.

Хотя эта типология устарела с точки зрения современной физиологии, она заложила основу для дальнейших классификаций темперамента.

Э. Кречмер (1888-1964) в своей работе «Строение тела и характера» [3] выделил следующие типы телосложения, ассоциированные с определенными чертами темперамента:

- астенический тип (худощавый) соответствует шизотимическому темпераменту, характеризующемуся замкнутостью и ригидностью;
- пикнический тип (склонность к полноте) соответствует циклотимическому темпераменту, проявляющемуся в общительности и эмоциональности;
- атлетический тип (развитая мускулатура) соответствует иксотимическому темпераменту, отличающемуся сдержанностью и уравновешенностью.

У. Шелдон (1898-1977) предложил более подробную классификацию типов телосложения, основанную на эмбриональных листках [4]. Его типы:

– эндоморфный тип (висцеротония) характеризуется расслабленностью и общительностью;

– мезоморфный тип (соматотония) проявляется энергичностью и напористостью;

– эктоморфный тип (церебротония) отличается замкнутостью и склонностью к рефлексии.

Эти теории подчеркнули важную роль биологических факторов в формировании индивидуальных особенностей.

И.П. Павлов (1849-1936), изучая высшую нервную деятельность (ВНД), выявил, что индивидуальные различия в поведении обусловлены свойствами нервной системы [1]. Он выделил следующие свойства:

- сила нервной системы – выносливость к раздражителям;
- уравновешенность нервных процессов – баланс возбуждения и торможения;
- подвижность нервных процессов – скорость их смены.

На основе этих свойств И.П. Павлов выделил четыре типа ВНД, соответствующие классическим темпераментам [1]:

- сангвиник (сильный, уравновешенный, подвижный);
- флегматик (сильный, уравновешенный, инертный);
- холерик (сильный, неуравновешенный);
- меланхолик (слабый).

Концепция И.П. Павлова стала фундаментом отечественной психологии индивидуальных различий [5].

Для определения темперамента можно использовать методы наблюдения: фиксацию поведенческих особенностей [6]. Также эффективным методом является использование стандартизированных опросников и тестов, например, опросника Г. Айзенка или ОФТ В.М. Русалова [7]. Психофизиологические методы, включая измерение физиологических показателей (частоты сердечных сокращений – ЧСС, кривой гальванической реакции – КГР, электроэнцефалограммы – ЭЭГ), также могут способствовать оценке свойств нервной системы и, следовательно, темперамента [8]. Темперамент значительно влияет на жизнь. Он влияет на работоспособность, внимание, адаптацию. Выбор профессии и успешность деятельности часто коррелируют с темпераментом, также он определяет стиль общения, эмпатию, конфликтность, влияет на реакции на стресс и риск развития психологических расстройств.

Таким образом, темперамент – фундаментальная, врожденная основа личности, определяющая динамику психической деятельности. Его изучение прошло долгий путь от античности до современных психофизиологических концепций. Понимание темперамента имеет колоссальное практическое значение. Оно способствует самопознанию, эффективной адаптации, оптимизации деятельности, построению гармоничных отношений и развитию саморегуляции. Дальнейшие исследования позволят углубить понимание уникальности человеческой психики и сущности психических процессов.

Библиографический список

1. Павлов И.П. Высшая нервная деятельность: учеб. пособие. – М., 1973. – 456 с.
2. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. – М., 1961. – 240 с.
3. Платонов К.К. Структура и развитие личности. – М., 1986. – 312 с.
4. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. – СПб., 2004. – 344 с.
5. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М., 1976. – 238 с.
6. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности: Теория и практика психодиагностики. – СПб., 2000. – 256 с.
7. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. – СПб., 2001. – 280 с.
8. Александров Ю.И. Психофизиология: учебник для вузов. – СПб., 2013. – 456 с.
9. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб., 2001. – 320 с.

Научный руководитель – Волкова А.В., доцент

Проблемы межличностного общения в контексте цифровой трансформации

Сербинов И.А.

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
г. Липецк*

В современном развитии цифровых технологий и глобализация средств общения полностью преобразили традиционные стандарты межличностного общения [2]. В условиях постоянного появления новых средств коммуникации, цифровых платформ происходят серьезные трансформации в культурных, психологических и социальных аспектах общения. Чтобы сократить негативное влияние данных последствий, требуется теоретическое осмысление и разработка шаблонов, способствующих решению проблемы перехода общения в информационную сферу без сложностей, которые могут возникнуть у собеседника.

Человеческое общение претерпевает постоянные изменения в зависимости от развития общества. На каждом этапе истории оно имело свои особенности, характерные данному периоду времени. От устной речи или записей на бересте до общения с помощью современных технологий произошло немало трансформаций. Возможность моментальной доставки сообщений существенно облегчила коммуникацию между людьми, но также это внесло новые, ранее не существовавшие особенности процесса коммуникации, которые требуют более детального анализа и критического осмысления.

Новые технологии также создают новые проблемы и вопросы, требующие решения. Одной из самых явных и значимых проблем можно выделить дефицит невербальных сигналов в цифровом взаимодействии. Невозможность понять интонацию, увидеть мимику или жестикуляцию собеседника усложняет коммуникацию и размывает границы для грамотной эмоциональной оценки, что с большой вероятностью может привести к недопониманиям [1]. Также незнание человека лично накладывает свой отпечаток, ведь человек делает выводы о собеседнике лишь на основе интернет-сообщений, не имея опыта личного общения, что затрудняет грамотную оценку личности и истинных мотивов «интернет-друга». Если формировать представление только на основе интернет-общения, можно разочароваться в собеседнике при личной встрече, так как живое общение заведомо более сложная форма диалога, чем опосредованное общение [4]. Стоит учитывать, что для полноценной коммуникации требуется личный контакт, который можно совмещать с использованием мессенджеров для упрощения ведения диалога.

Цифровая трансформация оказывает комплексное воздействие на психическое здоровье и психосоциальное благополучие людей. Но также следует учитывать, что современные технологии могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние [1]. С одной стороны, новые современные технологии позволяют увеличить скорость коммуникации, находить знакомства и легче вписываться в новых компаниях. Однако стоит взять во внимание, что использование мессенджеров приводит к формированию фрагментарного восприятия информации, цифровой зависимости, а также может стать источником стресса. Чрезмерное использование социальных сетей может привести к изменению привычек и ухудшению образа жизни; размытию понимания о безопасном нахождении в сети, изменению представлений о приватности и личной идентичности [3].

Для уменьшения негативных последствий цифровизации нужно понимать, что требуется более осознанный подход к использованию новых технологий. Перед использованием необходимо ознакомляться с технологическими особенностями каждого нового онлайн-сервиса, а также рекомендуется сочетать как виртуальное, так и личное общение для выстраивания полноценного взаимодействия. Такой подход является самым понятным и благоприятным для человека, так как он позволяет полноценно узнать

собеседника, оценить его заинтересованность в диалоге, понять мотивы, сделать выводы не на основе интернет-сообщений, а «вживую» понять намерения собеседника.

Цифровая эпоха, наступившая вследствие резкого развития технологий, позволила открыть новые, доселе неизвестные способы коммуникации, использование которых налагает особые требования. Важно учитывать проблемы, связанные с дистанционным взаимодействием, отсутствием эмоционального ответа и невозможностью оценить намерения собеседника, делая выводы на основе невербальных сигналов. Для решения данных проблем необходимо активно формировать понимание социальных, психологических и культурных аспектов коммуникации [3]. Лишь такой подход позволит использовать современные технологии в полной мере, минимизируя негативные последствия.

Библиографический список

1. Влияние технологий на человеческие отношения [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/3RENjv>.
2. Куликов Е.М. В современном обществе: особенности влияния прогресса коммуникативных технологий на повседневное общение людей // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 41-45.
3. Усик Д.А. Влияние технологий на социальные взаимодействия: социологическая перспектива // Коллекция гуманитарных исследований. – 2024. – № 2 (39). – С. 14-22.
4. Влияние технологий на межличностные отношения [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RENqJ>.

Научный руководитель – Казарова Д.С., к.п.н., доцент

Феномен вовлеченности сотрудников: теоретический обзор

Сивина Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Исследователи и практики в сфере HR уделяют сегодня особое внимание феномену вовлеченности сотрудников. Вопрос активного участия персонала в рабочих процессах выходит на передовые позиции в системе кадрового менеджмента современных компаний.

Во второй половине XX в. исследователи приступили к теоретическому осмыслению феномена вовлеченности. Одно из первых значительных исследований по теме участия сотрудников в рабочих процессах появилось в 1981 г. Его авторами и новаторами в данной области стали У. Оучи, А. Атос и Р. Паскаль. Впоследствии их концепция получила название подхода «сердце и умов» [2]. Исследователи основывались на анализе японской модели управления человеческими ресурсами, согласно которой ключевым элементом успеха является способность руководителей организации вдохновлять коллектив, что в итоге обеспечивает полное принятие сотрудниками корпоративных ценностей.

В 80-е годы Н. Остин и Т. Петерс предложили рассматривать вовлеченность как особую модель взаимодействия, где руководители проявляют лидерские качества, относясь к подчиненным на равных [6]. А. Апостолю разделяет эту концепцию, но дополнительно подчеркивает необходимость четкого осознания каждым участником взаимодействия своей роли и границ полномочий [6]. Без такого понимания, по его мнению, могут возникнуть негативные последствия. Равноправное отношение лидеров к сотрудникам, при сохранении четкого понимания организационной структуры, становится ключевым элементом эффективной модели вовлеченности персонала.

В своей работе «Psychological Conditions of Personal Engagement and Disengagement at Work» (1990) У. Кан интерпретировал «вовлеченность» как степень самовыражения работника в трех измерениях: эмоциональном, когнитивном и физическом во время исполнения профессиональных обязанностей [8]. Через то, как сотрудник направляет свои

телесные ресурсы на выполнение рабочих задач, проявляется физический компонент вовлечения. По мнению У. Кана, вовлеченность также представляет собой раскрытие личностного потенциала человека при исполнении его функциональной роли в организации. Убеждения работника об условиях работы, организационной структуре и руководящем составе составляют когнитивную составляющую вовлеченности персонала. В то время как эмоциональная составляющая отражает субъективное восприятие этих же факторов [8].

Й. Хеллеви́г в своем исследовании подчеркивает значимость руководителя в формировании рабочей среды, где работники максимально погружены в трудовой процесс. Согласно его концепции [5], вовлеченность представляет собой особое отношение работника к своим должностным функциям, рабочим условиям, руководству и самой организации, характеризующееся неподдельным интересом к достижениям компании и желанием превосходить стандартные требования при выполнении своих профессиональных задач.

Сравнивая концепции лояльности и вовлеченности, исследователи К. Бол и Дж. Блау рассматривают их через призму формирования и изменчивости [9]. Вовлеченность характеризуется сложным процессом формирования, однако демонстрирует значительную устойчивость к внешним воздействиям. Анализ выявляет, что лояльность представляет собой определенный исход, который может проявляться в позитивном или негативном выражении, либо вообще отсутствовать. Теоретическая оценка этих феноменов в работах ученых фокусируется на двух ключевых параметрах: темпе развития и потенциале к трансформации.

В исследованиях А. Бэккера и У. Шеуфели вовлеченность описывается как особое эмоциональное состояние, связанное с профессиональной деятельностью [2]. Это состояние, характеризуется наполненностью энергией, увлеченностью процессом и глубоким погружением в работу.

Опираясь на обширные теоретические исследования и практику в сфере HR-менеджмента, М. Армстронг приходит к выводу о существенной взаимосвязи между успехом компании и степенью вовлеченности персонала [7]. По его наблюдениям, когда работник активно участвует в организационных процессах, у него формируется личная заинтересованность в достижении корпоративных целей. Тщательный анализ данного феномена, представленный автором через разнообразные аспекты, свидетельствует о фундаментальности проведенного исследования и значимости фактора вовлеченности для прогрессивного развития предприятия.

Множество специалистов, включая М. Магуру, М. Курбатову, В.М. Маслову, Н.Л. Соломанидину и Ю.Е. Мелихову [6], предлагают довольно близкие интерпретации понятия вовлеченности. Этот феномен представляет собой комплексное явление, где внешние стимулы среды, воспринимаемые и фиксируемые сознанием работника, взаимодействуют с внутренними побудительными элементами – потребностями, интересами и ценностными ориентирами. Результатом этого взаимодействия становится мотивация человека к трудовой деятельности. При этом, согласно исследованиям Н.А. Александровой, повышение удовлетворенности напрямую влияет на формирование вовлеченности сотрудников [1].

Таким образом, вовлеченность рассматривается как комплексный процесс стимулирования трудовой активности, тесно связанный с персональными психофизиологическими характеристиками индивида. Путь к достижению жизненных целей, сформированных в процессе личностного развития и социализации человека, может быть обеспечен работодателем. Такой подход способствует совершенствованию систем мотивации и значительному росту эффективности труда персонала. Вовлеченность представляет собой механизм соединения индивидуальных стремлений сотрудника с возможностями, предоставляемыми организацией.

Библиографический список

1. Александрова Н.А. Повышение степени удовлетворенности трудом как направление кадровой политики организации // Аграрное образование и наука. – 2016. – № 2. – С. 87-90.

2. Вильчинская М.А., Волохова С.Г., Волохова Е.А., Наконечных В.Н. Вовлеченность персонала как инструмент повышения эффективности деятельности компании // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2022. – № 3. – С. 26-35.
3. Липатов С.Н. «Вовлеченность работника в организацию» или «увлеченность работой»: соотношение понятий // Организационная психология. – 2015. – Т. 5. – № 1. – С. 104-110.
4. Меженин Я.Э., Воронина С.А. Теоретические основы анализа предпринимательства в социальных науках // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1 (24). – С. 130-134.
5. Хеллеви Й. Вовлеченность персонала в России. Как построить корпоративную культуру, основанную на вовлеченности персонала, клиентоориентированности и инновациях. – Хельсинки, 2013. – 119 с.
6. Юрьев А.А. Вовлеченность персонала: обзор методического инструментария // Электронный научный архив УрФУ. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3REPБ4>.
7. Armstrong M.A Handbook of human resource management practice. – Kogan Page Publishers, 2020. – 800 p.
8. Kahn W.A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work // Academy of Management Journal. – 1990. – № 33. – P. 692-724.
9. Cohen A. Relationships among five forms of commitment: an empirical assessment // J. Organiz. – 1999. – № 20. – P. 305.

Научный руководитель – Короткова А.А., к.соц.н.

Феномен «новой бедности» и его влияние на социальное самочувствие и электоральное поведение среднего класса

Сутягина Д.Р., Кисель А.С.

*Российский государственный педагогический университет им. А.И Герцена
г. Санкт-Петербург*

Современное российское общество переживает «тихое» социальное землетрясение, эпицентр которого сместился в средний класс – страту, традиционно считавшуюся гарантом стабильности и модернизационным резервом. Феномен «новой бедности», понимаемый как стремительная нисходящая мобильность образованных городских слоев, обнажает системные риски модели развития, основанной на консьюмеризме и хрупком социальном контракте. Данный процесс не является рядовым циклическим спадом, а представляет собой качественную трансформацию социальной структуры, ведущую к стиранию ключевых опор идентичности, профессионального статуса, финансовой автономии и долгосрочных жизненных стратегий. В этом контексте анализ влияния «новой бедности» на социальное самочувствие и электоральное поведение превращается из узко-академической задачи в необходимое условие для прогнозирования траекторий социально-политической динамики. Исследование актуально в контексте роста аномии и авторитарных тенденций как парадоксальных эффектов кризиса.

В отличие от хронической, унаследованной бедности, «новая бедность» – это, прежде всего, статусная травма, связанная с потерей достигнутого социального положения. Ее носители – это обладатели высшего образования, сформированного человеческого капитала, устойчивых профессиональных и потребительских привычек. Их нисходящая мобильность воспринимается не как данность, а как крах жизненного проекта, что порождает ряд характерных черт:

– структурная депривации – речь идет не об отказе от предметов роскоши, а от базовых практик, конструирующих идентичность среднего класса (качественный организованный отдых, платная медицина и образование, инвестиции в саморазвитие и хобби, потребление качественных культурных продуктов), что влечет за собой не просто снижение уровня жизни, а выпадение из привычной социальной среды;

– кризис идентичности и «статусная паника» – разрушается нарратив «успешного я», выстроенный вокруг логики карьерного роста, профессиональной востребованности и осознанного потребительского выбора, где быстрое обесценивание профессиональных

компетенций и опыта порождает экзистенциальный кризис, чувство собственной ненужности и «статусную панику» – страх окончательной утраты социальной позиции;

– коллапс временной перспективы и режим «перманентного настоящего» – происходит радикальное сокращение горизонта планирования, где долгосрочные жизненные стратегии (ипотека, образование детей, формирование пенсионных накоплений) заменяются тактикой выживания «от зарплаты до зарплаты» или «от одной социальной выплаты до другой», так, формируется специфический временной режим, при котором будущее представляется непрогнозируемым и враждебным, а все ресурсы мобилизуются для решения сиюминутных проблем.

По данным РБК около 70% россиян не могут позволить себе отдых за границей [1]. По этим же данным около 50% россиян не могут позволить себе отдых даже в пределах нашей страны [2]. Также 60% людей нашей страны не могут позволить себе регулярные занятия спортом или хобби в связи с отсутствием финансовой возможности [3]. Данные об ограниченных возможностях россиян приведены в таблице ниже.

Таблица 1 – Статистика ограниченности базовых практик для среднего класса России

Категория ограниченной базовой практики для среднего класса	% от всего числа опрошенных
Качественный и организованный отдых (по РФ и за границей)	59%
Платное медицинское обслуживание	96%
Хобби	60%
Культурный досуг	50%
Платное образование	56%

Источник: составлено авторами на основании [3,4,5,6].

В развитии феномена прослеживается две ключевые стадии. Стадия фрустрации и поиска виноватых (2022-2023 гг.) – недовольство направляется на внешние силы, санкции или отдельных лиц при сохранении иллюзии временности кризиса. Стадия аномии (2023-2025 гг.) знаменуется исчерпанием адаптационных ресурсов – происходит размытие социальных норм, доминирование индивидуальных стратегий выживания. Ключевым становится запрос не на справедливость, а на порядок и гарантию базовой безопасности.

Электоральные последствия проявляются в трех дестабилизирующих трендах. Стратегический абсентеизм представляет собой осознанный уход из публичного поля как форма делегитимации системы. Запрос на «протекционистский авторитаризм» отражает парадоксальную потребность в усилении патерналистской роли государства как реакции на неспособность управления рисками на индивидуальном уровне. Фрагментация электорального поля проявляется в замене идеологических расколов на новую линию размежевания по принципу «затронутости» кризисом.

Итак, феномен «новой бедности» представляет собой системный вызов, подрывающий основы имплицитного социального контракта. Основная опасность заключается в глубокой аномизации и утрате веры в институциональные изменения. Игнорирование этой проблемы чревато фундаментальным распадом социальной ткани с непредсказуемыми последствиями.

Библиографический список

1. Около 70% россиян заявили, что никогда не отдыхали за рубежом // РБК: сетевое издание [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RNWjY>.
2. Копылова А. Стало известно сколько россиян не могут путешествовать из-за нехватки денег // Сноб: сетевое издание [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RNWmD>.
3. Делу – время, а хобби? // Аналитический центр ВЦИОМ: официальный портал. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RNX3C>.
4. Колесникова В. Оплачивать лечение исключительно в частных клиниках могут только 3,7% россиян // Forbes [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RNX4Q>.
5. Точки притяжения, или Событийный туризм – 2024 // Аналитический центр ВЦИОМ: официальный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RNX4n>.

Представления должников о социальной ответственности судебных приставов-исполнителей

Ульянова В.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современный мир живет в условиях постоянных социальных изменений и требует быстрой адаптации к этим изменениям не только отдельного индивида, но и общества в целом. Важную роль стоит отвести государственным учреждениям, деятельность которых напрямую связана с социальными изменениями. Одной из ключевых организаций, поддерживающих общественный порядок, является Федеральная служба судебных приставов. Если общественное доверие к судебным приставам снижается из-за реальных или мнимых нарушений с их стороны, это может отразиться на общем уровне доверия к системе правосудия. Кроме того, категория социальной ответственности, которая является одним из важных аспектов профессиональной деятельности судебных приставов, несмотря на большое количество общих исследований, является недостаточно изученной в контексте исполнительного производства. Поэтому важно изучать социальные представления о том, насколько эффективно и справедливо судебными приставами выполняются служебные обязанности, что позволит выявить слабые места в их работе и предложить рекомендации по улучшению системы исполнительной власти [1, 2].

В ходе исследования нами была выдвинута следующая гипотеза: вероятно, представления должников о социальной ответственности судебных приставов-исполнителей конструируются из категорий, связанных с коммуникативным и правовым аспектами.

Для проведения исследования нами была разработана анкета, составленная по принципу психосемантики на основе метода субъективного шкалирования и метода семантического дифференциала. В нее вошли 4 блока дескрипторов, связанных с социальной ответственностью через различные ее проявления. Выборку исследования составили 83 респондента, из которых 33 должника.

Рассмотрим результаты математической обработки данных по тем блокам анкеты, которые наиболее полно показывают специфику этих представлений.

Первый блок «Личность судебного пристава-исполнителя» включает в себя дескрипторы, связанные с проявлением социальной ответственности судебных приставов-исполнителей через их личностные характеристики. В результате факторного анализа по данному блоку обнаружена следующая картина. Представления должников складываются, с одной стороны, из качеств личности, говорящих о терпимости судебных приставов к позициям и мнениям других людей, их справедливом отношении к разным категориям граждан и о готовности выполнять договоренности. А с другой социальной ответственность определяется через категории, значимые для их профессиональной деятельности.

Во второй блок «Ожидания от судебного пристава-исполнителя» вошли дескрипторы, описывающие некоторые должностные обязанности судебного пристава-исполнителя и желательные в их работе деятельностьные проявления. Факторный анализ результатов показал, что должники в большей степени ожидают от судебного пристава-исполнителя проявления уважения к ним и учет в работе их индивидуальной ситуации, а также следование нормам закона и соответствия их профессиональной квалификации занимаемой должности.

В блоке «Опыт взаимодействия» были представлены биполярные шкалы. Респонденты оценивали, какой из двух противоположных дескрипторов выражен в большей степени в деятельности судебного пристава-исполнителя, опираясь на свой опыт взаимодействия с ними.

На основе проведенного факторного анализа по этому блоку можем сказать, что на уровне взаимодействия социальная ответственность судебных приставов-исполнителей в восприятии должников представляет три аспекта. Первый связан с их оперативной работой, готовностью брать на себя дополнительные обязанности и правовым просвещением, второй фактор говорит о полноте исполнения решений суда и законностью действий в рамках исполнения служебных обязанностей, а третий связан с демонстрацией позиций взаимодействия по отношению к должнику. При этом компонент, связанный с верностью судебных приставов-исполнителей закону, воспринимается должниками с одной стороны как исполнение закона, а с другой через демонстрацию этого действия по отношению к обществу.

В четвертый блок «Деятельность судебного пристава-исполнителя» вошли дескрипторы, характеризующие различные компоненты деятельности судебных приставов-исполнителей, сформулированные через категории социальной ответственности на основе анализа профессиональных требований к судебным приставам-исполнителям и их должностных обязанностей.

Представления должников основаны на трех основных компонентах. Первый говорит об ответственности через отношение к должнику, гражданам, а также через развитие профессиональных компетенций и качество выполняемой работы. Второй компонент раскрывает ответственность как личностный рост, указывает на активную субъектную позицию судебного пристава-исполнителя с точки зрения реализации своих профессиональных обязанностей. Третий компонент определяется как просоциальная направленность судебных приставов-исполнителей, проявляющаяся через стремление модернизировать методы работы, оптимизировать деятельность не только для себя, но и для своих коллег, что, по своей сути, и является социальной ответственностью.

Таким образом, можем сделать вывод, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. Одним из наиболее значимых компонентов представления должниками социальной ответственности выделен коммуникативный аспект, связанный со взаимодействием судебного пристава-исполнителя как с гражданами, так и с коллегами. Не менее значимо для должников является соблюдение судебными приставами-исполнителями норм законодательства и поддержание достаточного уровня своей профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Карпухин С. В. Социальная ответственность личности как философская проблема: дис. док. фил. наук. – СПб., 2001. – 342 с.
2. Московичи С. От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. – 1992. – № 2. – С. 54-68.
3. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-методическое пособие / под ред. В.А. Гуреева, С.В. Сазанова. – Москва, 2017. – 1056 с.
4. Панарин И.А., Шведенко Ю.В. Особенности мотивации судебных приставов-исполнителей с разным уровнем развития и проявления социальной ответственности // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. – 2018. – № 15. – С. 39-43.
5. Хохлова Н.И., Плеханова Н.П. Психологические факторы, обуславливающие доверие потребителей к юридической компании // Психология и право. – 2022. – Том 12. – № 1. – С. 196-208.

Научный руководитель – Шведенко Ю.В., доцент

Особенности профессионального самоотношения психологов

Чупина Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Профессиональное самоотношение (далее – ПСО) сегодня рассматривается как ключевой фактор личностного и профессионального развития психолога, определяя не только эффективность его деятельности, но и устойчивость к стрессовым ситуациям, профессиональному выгоранию и уровню удовлетворенности профессией [1]. Феномен ПСО особенно актуален в условиях постоянных изменений и усложнения профессиональных требований к психологам, что подтверждается исследованиями последних лет.

По своей структуре ПСО включает ценностные, когнитивные и эмоциональные компоненты, формирующие субъективное представление специалиста о себе как о профессионале. Эта система проявляется через профессиональную самооценку и степень самоуважения, а также в принятии себя в профессиональном окружении. Например, именно степень интеграции реального и идеального профессионального Я влияет на адаптивность и внутреннюю уверенность специалиста. У начинающих нередко возникает противоречие между ожиданиями и реальным опытом, что может приводить к дезадаптации, тогда как опытные психологи, как правило, обладают более целостным и устойчивым самоотношением.

Существенным фактором позитивного становления ПСО выступает качество образования, опыт практики и наличие наставничества. Исследования подчеркивают, что рефлексия способствует осознанному формированию профессионального самоотношения у студентов и молодых специалистов. Практика преодоления трудностей – ошибок, конфликтов или этических дилемм – закладывает фундамент для устойчивого и положительного самоотношения, тогда как регулярная супервизия и профессиональная поддержка стабилизируют профессиональную самооценку [2].

Положительное ПСО способствует не только росту профессиональной мотивации и проактивности, но и снижает риск эмоционального выгорания. Психологи с гармоничным самоотношением чаще участвуют в профессиональном сообществе, конференциях, успешнее учатся новому и эффективнее ведут работу с клиентами. Напротив, снижение удовлетворенности собой провоцирует выгорание, эмоциональное истощение и отчужденность от профессии. Особенно чувствительны к этим рискам практикующие специалисты, работающие в эмоционально напряженной среде.

Формированию деструктивного ПСО чаще способствуют профессиональные стрессы, недостаток поддержки, ограниченные возможности для развития, а также частое сравнение себя с чужими успехами без учета индивидуального пути. Одной из стратегий профилактики является развитие профессионального самосознания через рефлексию, супервизию, участие в профессиональных сообществах и специальные обучающие программы. Такие методы способствуют не только обмену опытом, но и формируют чувство профессиональной причастности.

При этом на ПСО влияют культурные, социальные и индивидуальные особенности, а также личностные характеристики специалиста. Существенное значение имеют индивидуальные различия – эмпатия и рефлексивность способствуют позитивному профессиональному самоотношению, тогда как высокий уровень тревожности может затруднять процесс профессионального самоутверждения [3].

Исторически понятие профессионального самоотношения формировалось на стыке идей о профессиональной идентичности и личностной рефлексии. В отечественной науке особое внимание уделялось влиянию социального и профессионального окружения

на развитие самосознания специалиста [4], что определило современные направления эмпирического изучения профессионального самоотношения и разработки его диагностики. Со временем критерии профессионального успеха сместились с объективных стандартов к субъективным показателям удовлетворенности профессией и принятию себя в профессиональной роли [5].

В качестве примеров можно выделить следующие ситуации: молодой специалист после окончания обучения может испытывать трудности и тревожность, которые преодолеваются через групповую супервизию и развитие рефлексивных навыков; опытный психолог на этапе профессионального кризиса находит поддержку в профессиональном сообществе; работающий в кризисном центре специалист укрепляет ПСО благодаря постоянному обучению и личностному развитию [6].

Основные направления профилактики негативного ПСО – внедрение программ сопровождения, развитие навыков саморефлексии и поддержка внутри профессионального сообщества [7]. Благоприятная профессиональная среда, регулярное повышение квалификации и соблюдение этических норм формируют основу устойчивого профессионального самоотношения и психологической стабильности специалиста.

В настоящее время внимание исследователей смещается к анализу индивидуальных траекторий формирования ПСО, влиянию образовательных инноваций и внедрению цифровых форм профессионального взаимодействия. Особое значение приобретают междисциплинарные подходы, позволяющие не только поддерживать позитивное профессиональное самоотношение, но и снижать риски профессиональной дезадаптации.

Профессиональное самоотношение тесно связано с общим самоотношением личности и психическим здоровьем специалиста: уровень профессионального самоотношения коррелирует с жизненной удовлетворённостью и устойчивостью к профессиональным нагрузкам. Это открывает перспективы для разработки практик сопровождения психологов, направленных на баланс между профессиональной и личной жизнью и профилактику эмоционального истощения. В итоге ПСО выступает стратегическим ресурсом не только профессионального, но и личностного развития психолога.

Библиографический список

1. Об утверждении профессионального стандарта «Психолог в служебной деятельности»: приказ Минтруда России от 27.04.2023 № 395н // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Cornett M., Palermo C., Ash S. Professional identity research in the health professions – a scoping review // *Advances in Health Sciences Education*. – 2022. – P. 258-642.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб., 2001. – 256 с.
3. Rogers C.R. *On Becoming a Person*. – Boston, 1961. – 440 p.
4. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. – М., 2022. – 147 с.
5. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е. Синдром выгорания. – СПб., 2009. – 258 с.
6. Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983. – 284 с.
7. Мезина Ю.М., Денисова Е.Г. Самоотношение и рефлексия как предикторы профессионального самоопределения психологов // *Психологические исследования*. – 2023. – № 92. – С. 4.

Научный руководитель – Михеева И.В., к.псих.н., доцент

Ирония и фрагментарность как психосоциальные стратегии восприятия мира

Щукина А.В.

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль*

В условиях информационного перенасыщения, когда визуальные и текстовые стимулы постоянно конкурируют за внимание, идентичность перестает быть устойчивой

внутренней сущностью – она выступает как набор сменяющихся образов и практик. Психологические и социокультурные исследования конца XX – начала XXI вв. [3, 5, 8] показывают, что «фрагментарность» и «ирония» не только свидетельствуют об утрате целостной картины мира личности, но и обозначают смену типа смысловой организации: вместо единого, всеобъемлющего нарратива возникают множественные, локализованные перспективы. Актуальность исследования определяется необходимостью осмыслить, каким образом постмодернистский тип мышления и его конкретные установки – ирония, фрагментарность и соответствующая им саморефлексия – влияют на психологию современного субъекта и его восприятие мира. Кинематограф, являясь важнейшим культурным полем массовой коммуникации, не только отражает, но и формирует способы переживания реальности, превращаясь в пространство символического конструирования личности.

Философия постмодерна утверждает принципиальную множественность и относительность смысловых интерпретаций, что на уровне психологии выражается в фрагментарности и ироничности восприятия [6]. Фрагментарность восприятия – это состояние, при котором субъективный опыт и понимание мира не строятся как единое связное повествование, а организуются фрагментами: разрозненные сцены, образы, смыслы [1]. Такое восприятие доминирует в современном медиапространстве с ускорением обмена знаками и конкуренцией стимулов [3]. Ирония в настоящем контексте представляет собой когнитивно-психологическую стратегию, позволяющую субъекту сохранять дистанцию в условиях смысловой неопределенности [1]. В культуре, где утрачены устойчивые критерии истины и морали, ирония становится формой адаптации – своеобразным механизмом саморегуляции сознания, которое вынуждено существовать в фрагментарном, перегруженном знаками мире. В этом смысле ирония выполняет функцию культурного медиатора между индивидуальным восприятием и гипертрофированной медиасредой: она не разрушает смысл, а удерживает его в движении, переводя опыт неопределенности в пространство саморефлексии [8].

По Ж.-Ф. Лиотару, постмодерн начинается с «недоверия к метанарративам», а значит – переход от универсальной картины мира к множественным локальным нарративам [3]. В этом контексте ирония становится не только эстетическим приемом, но и способом психологической защиты: через игру и дистанцию личность стремится к сохранению внутренней целостности, переживая распад традиционных структур значения [4]. Ж. Бодрийяр в своем труде «*Simulacres et Simulation*» (1981) описывает состояние гиперреальности, где знаки и образы теряют связь с референтом [1]. Человек живет не в реальности, а в визуальных симулякрах, подменяющих непосредственный опыт, где эмоциональные реакции конструируются в соответствии с заданными сценариями. Ф. Джеймисон связывает это с «культурной логикой позднего капитализма»: эстетизация повседневности выражает стремление компенсировать ощущение утраты исторической непрерывности через создание визуально привлекательных, но поверхностных форм опыта [6]. П. Слотердаjk вводит понятие «циничного разума» как нового типа сознания, осознающего ложность идеологий, но продолжающего участвовать в них из ироничного расчета [5]. Это особая психосоциальная установка, где ирония становится формой адаптации и выживания – «смехом сквозь слезы» в мире, где прежние моральные и экзистенциальные модели больше не работают. Таким образом, ирония и фрагментарность выступают в постмодерне и как психологические и социокультурные стратегии.

Кинематограф постмодерна фиксирует состояние культурной неопределенности и самоиронии субъекта, который больше не верит в прежние идеалы [7]. Фильмы конца XX – начала XXI вв. демонстрируют свободное обращение с культурными кодами – цитатами, жанрами и архетипами, и психологические механизмы адаптации личности к подмене реального опыта его медийными репрезентациями. Фильм «Таксист» («*Taxi Driver*», реж. М. Скорсезе, 1976) представляет образ антигероя как культурного симптома эпохи утраченных ориентиров. Ироничность фильма проявляется в разоблачении самой системы:

в обществе, где насилие становится способом диалога, мораль утрачивает реальное содержание. Фильм «Бойцовский клуб» («Fight Club», реж. Д. Финчер, 1999) раскрывает феномен раздвоенного «я» как модель постмодернистской субъективности. Ирония проявляется в замысле: протест против системы оказывается продуктом той же системы, а разрушение становится еще одной формой эстетизации. «Черный лебедь» («Black Swan», реж. Д. Аронофски, 2010) показывает, что в мире симуляций страдание не освобождает, а воспроизводится – оно демонстрируется, а не переживается. Тело становится носителем множества конфликтных смыслов – от боли до желания, от контроля до самоуничтожения. В фильме «Исчезнувшая» («Gone Girl», реж. Д. Финчер, 2014) осмысление постмодернистского опыта переносится в пространство гендерной идентичности. Образ героини демонстрирует парадокс циничного разума (П. Слотердайт): знание о лжи и искусственности общественных ролей не разрушает систему, а становится инструментом ее поддержания. В фильме «Субстанция» («The Substance», реж. К. Форжа, 2024) фрагментарность приобретает буквальное измерение – деление «я» на старое и новое, настоящее и сконструированное. Психологическая нестабильность героини отражает состояние личности позднего капитализма, зависимость от визуальной самопрезентации и страха забвения.

Рассмотренные фильмы демонстрируют, как ирония и фрагментарность становятся универсальным языком современной культуры. Ирония и фрагментарность, свойственные постмодернистскому сознанию, проявляются не только в искусстве, но и в общественных практиках – от медиаполитики до стратегий самопрезентации в публичном пространстве. Для системы государственного управления эти феномены важны тем, что указывают на трансформацию общественного восприятия авторитета, доверия и ответственности. Современное общество все чаще функционирует в режиме визуальной политики и символического обмена, где коммуникация строится не на рациональной аргументации, а на эстетических и эмоциональных кодах.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М., 2019. – 272 с.
2. Дебор Г. Общество спектакля. – М., 2021. – 224 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб., 2018. – 160 с.
4. Ляпина Ю.Н. Самореализация личности как психологический феномен в различных его проявлениях // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2011. – № 7. – С. 53-57.
5. Слотердайт П. Критика циничного разума. – М., 2020. – 480 с.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. – М., 2019. – 416 с.
7. Bauman Z. Liquid Modernity. – Cambridge, 2000. – 228 p.

Научный руководитель – Ерохина Т.И., д. культурол., профессор

Секция 4. Трансформация частного права

Гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя: проблемы правосубъектности

Антипова В.В.

*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В отечественной теории права исторически популярна и поэтому достаточно подробно рассмотрена категория «правосубъектность», которая представляет собой ключевую характеристику субъекта в правовом контексте. Так, Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что закон создает вокруг субъектов юридические отношения, собирая их в отдельные структуры [5, с. 156]. Габриелю Феликсовичу вторил профессор Михаил Николаевич Марченко, утверждавший, что правосубъектность представляет собой уникальное юридическое свойство, которое определяет ключевую способность лица или организации вступать в правоотношения. Это свойство или качество может быть установлено исключительно через законодательные акты, позволяя таким образом физическому лицу или организации обладать базой для вступления в правоотношения [3, с. 592].

В области цивилистической доктрины также существует мнение, что понятия «правосубъектности» и «правоспособности» могут быть идентичны, хотя это скорее исключение, а не правило. Обсуждаемая категория, которую законодатель не использует в своей практике, включает в себя такие аспекты, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность, отражающие различные качества юридических субъектов [1, с. 6].

Поэтому профессор С.А. Зинченко выдвинул теорию, согласно которой основные аспекты гражданской правдееспособности и правового статуса предпринимателей, а также полномочия участников административных процессов влияют на их конституционные права. Эти элементы не только отражают их основные сущностные черты, но и придают им уникальные компетенции, обогащая и уточняя их юридический статус [2, с. 47]. Автор наполнил содержание дефиниции «правосубъектности» особым конституционно-правовым смыслом, представляя ее как общее понятие, сродни конституционно-правовой конструкции, которая испытывает трансформацию и развитие в иных отраслях права (иных конкретных правоотношениях), при этом получая иное юридическое наименование: правоспособность, правовой статус, компетенция и пр.

Правосубъектность – исходная точка для признания лиц субъектами права. Однако равенство субъектов нельзя абсолютизировать в связи с различием объема возможностей, которые дает правосубъектность различным участникам. Самый простой пример – правосубъектность 14-летнего и 18-летнего граждан. Применительно к нашему вопросу правосубъектность индивидуального предпринимателя и гражданского служащего. С другой стороны, не утихают споры относительно времени возникновения и прекращения правосубъектности. Классические примеры – право на наследство возникает у еще нерожденного ребенка, а право на имя или псевдоним еще долго имеет значение после смерти автора (например, мы никогда не сомневаемся в источнике творческого наследия А.С. Пушкина). В истории также предпринимались попытки выражения личностного статуса через место индивидуума в социуме [5, с. 37-38]. Таким образом, в зависимости от контекста и специфики правового регулирования, содержание правосубъектности может значительно изменяться.

В рамках конституционно-правовой теории или в общетеоретическом аспекте, правосубъектность охватывает ряд элементов, включая права, обязанности, полномочия и компетенции. Однако, если рассматривать ее в контексте конкретной отрасли права, то значение правосубъектности расширяется за счет включения специфических прав, обязанностей и полномочий, что представляет собой ответ на изменения в правовой среде.

В частности, в соответствии со ст. 23 Гражданского кодекса РФ, лица, желающие осуществлять бизнес без создания юридического лица, могут это делать, начиная с момента их официальной регистрации как индивидуальных предпринимателей (регистрации в качестве самозанятых).

Логично, что в области гражданского права статус индивидуального предпринимателя рассматривается как расширение статуса гражданина.

Тем не менее, можно выделить несколько проблем, связанных с определением правосубъектности индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации:

1. Проблема заключается в отсутствии юридических инструментов, которые позволили бы отделять активы, используемые индивидуальными предпринимателями в рамках их бизнеса, от их личного имущества. Для решения этой задачи крайне важно создать специальный механизм, который будет регулировать процесс выделения бизнес-активов от личных.

2. Проблема определения момента возникновения правоспособности и дееспособности для занятия предпринимательской деятельностью. Вопрос о том, когда человек приобретает право и полномочия для осуществления предпринимательской деятельности, регулируется гражданским законодательством. Чаще всего, для начала такой деятельности требуется официальная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя. Но практика складывается и по пути фактического признания предпринимателем лица, систематически получающего прибыль даже без его регистрации.

3. Нормативное регулирование индивидуальных предпринимателей ограничено рамками частного/налогового права, что приводит к отсутствию полноценного правового регулирования их деятельности. Последствия – проблемы привлечения ряда лиц к административной и уголовной ответственности.

Разрешение этих противоречий будет способствовать устойчивому развитию предпринимательской деятельности в стране.

Библиографический список

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – 368 с.
2. Зинченко С.А. Правосубъектность и структуризация проявленных ее основных форм // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 1. – С. 44-47.
3. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2018. – 640 с.
4. Чесноков А.А. Государственная защита прав личности в СССР. – Барнаул, 2008. – 71 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. – М.: Статут, – 2015. – Т. 1. – 461 с.

Научный руководитель – Чесноков А.А., к.ю.н., доцент

Проблемы, связанные с защитой прав бывших членов семьи собственника жилого помещения: междисциплинарный аспект

Батурин Д.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Настоящая статья посвящена исследованию проблем защиты прав членов семьи собственника жилого помещения в условиях взаимодействия различных отраслей права

таких как гражданского, жилищного, семейного и конституционного. Рассматриваются особенности правового статуса указанных лиц, проблемы реализации их жилищных прав, возникающие споры и возможные пути решения.

Вопрос обеспечения граждан жильем в России остается неизменно актуальным и требует многостороннего подхода, затрагивая экономические, социальные и юридические аспекты. Значительная часть населения получает жилье посредством принадлежности к семье собственника жилья, приобретая право пользования и проживания в данном помещении.

Несмотря на многочисленные и продолжительные исследования ученых, посвященные правам и обязанностям собственников жилья и их бывших родственников, сохраняется ряд нерешенных проблем. Среди них следует отметить неясность относительно распределения полномочий между собственником и бывшими членами семьи, правовая неопределенность в части пользования данным жильем и противоречия в защите соответствующих прав указанных сторон. Стоит отметить, что сложившиеся судебная практика в России указывает на пробелы в регулировании правового положения последних.

Кроме того, возникают сложности, связанные с отсутствием единого механизма защиты прав бывших членов семьи, неопределенностью сроков пользования жильем при утрате статуса семьи собственника жилого помещения и отсутствием четкого порядка передачи прав собственности другим лицам. Отдельная сложность возникает при утрате родителями статуса члена семьи и обеспечении прав несовершеннолетних детей, поскольку отсутствует единый подход и эффективный механизм реализации их законных интересов.

Между тем, правовые нормы регулируют отношения между собственниками и членами их семей, однако практика показывает наличие множества ситуаций, когда возникают конфликты, обусловленные отсутствием точных критериев определения семейных связей и порядка действий при изменении семейного положения.

Так, законодательное регулирование оставляет открытым ряд важных вопросов: Является ли бывший член семьи автоматически лишенным права пользования жилым помещением? Каковы пределы ответственности собственника перед бывшим членом семьи? Какие механизмы защиты предусмотрены для несовершеннолетних детей в ситуации утраты родительского попечительства? Эти вопросы приобретают особую значимость в условиях современной действительности.

В научной литературе Т.П. Строгонова подчеркивает, что российское гражданское законодательство не предусматривает общего определения понятия семьи, что порождает отсутствие четкого понимания семьи собственника жилого помещения. Это обстоятельство ведет к возникновению неопределенности при применении норм права, регламентирующих жилищные правоотношения. Упоминание о членах семьи собственника жилья встречается в абз. 2 п. 2 ст. 288 и в ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Ст. 288 ГК РФ закрепляет право гражданина – собственника использовать жилое помещение для личного проживания и проживания членов его семьи, подчеркивает приоритет интересов семьи в жилищной сфере. В свою очередь ст. 292 ГК РФ, посвящена регулированию прав данного круга лиц собственника жилого помещения [1].

Для лучшего понимания данного вопроса ученые (Ф.К. Бешукова, О.В. Ларина) предлагают разделить понятие «член семьи собственника жилого помещения» на три элемента: «член семьи», «собственник» и «жилое помещение». Каждый элемент регулируется разными отраслями права: первый — семейным, второй — гражданским, третий — жилищным законодательством. Термин «жилое помещение» определен в Жилищном кодексе РФ, например, категория «собственник» раскрыта в Гражданском кодексе РФ в разделе II «Право собственности и другие вещные права». Определение понятия «член семьи» целесообразно устанавливать нормами семейного права [2, с. 20]. В связи с этим необходимо устранить коллизию с ЖК РФ.

Некоторые необходимые правила отсутствуют вовсе. К примеру, положения о сохранении права пользования жильем бывшими членами семьи собственника, не

принимавшими участия в процессе приватизации, размещены не непосредственно в самом Жилищном кодексе, а во вводном законе к нему, отраженном в ст. 19 [3, с. 151].

Действительно определение правового статуса продолжает вызывать дискуссии и по сей день. Важно подчеркнуть, что, хотя сам термин активно применяется в науке, законах и повседневной деятельности, различные ученые вкладывают в него собственное толкование, что приводит к разнообразию интерпретаций его содержания.

Тем временем во исполнение указаний Конституционного суда Российской Федерации в законодательстве России в сентябре 2025 г. внесены изменения, содержащиеся в Федеральном законе № 482-ФЗ от 26.12.2024 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], в котором, в том числе отражены дополнения Федерального закона №218-ФЗ от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости» затрагивающие права бывших членов семьи собственника жилого помещения, отказавшихся от приватизации и обладающих правом бессрочного пользования, где теперь установлена обязанность отражать в ЕГРН сведения обо всех членах семьи, включая тех, кто прекратил семейные отношения с собственником. Вследствие чего данные изменения в законе позволят добросовестному приобретателю жилья обеспечить защиту своих прав.

Таким образом, сама по себе защита прав членов семьи представляет многогранную проблему, решение которой требует комплексного подхода и единообразного подхода в совокупности различных отраслей права. Для стабильности жилищных отношений и предотвращения возникающих споров при нарушении прав членов семьи собственника жилого помещения, а также обеспечения обязанностей и справедливости таких отношений должно способствовать дальнейшее развитие законодательства России.

Библиографический список

1. Строгонова Т.П. Юридическое понятие «члены семьи собственника жилого помещения» // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 291-296.
2. Бешукова Ф.К. Правовое положение членов семьи собственника жилого помещения // The Scientific Heritage. – 2021. – № 78-5 (78). – С. 20-23.
3. Глушенкова С.С. К вопросу о правовом статусе бывших членов семьи собственника жилого помещения // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 151-165.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.12.2024 № 482-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

Конкурентная процедура с переговорами в системе государственных и муниципальных закупок

Белых А.Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Государственный и муниципальный контракт являются разновидностью гражданско-правовых договоров, который заключается между физическим или юридическим лицом, осуществляющим хозяйственную деятельность, и публично-правовым субъектом.

Особенности правового регулирования выражены в Федеральном законе № 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных услуг» (далее – Закон о контрактной системе)

и Федеральном законе № 223-ФЗ от 18.07.2011 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках).

Некоторые положения федеральных законов критикуются в силу того, что законодатель не предоставляет эффективные методы по осуществлению закупок. Так, по мнению авторов, современные российские реалии требуют от законодателя изменения процедур закупок, а именно введения системы конкурентных переговоров между заказчиком и исполнителем.

Как пишет Валова Ю.И. «Конкурентные переговоры – способ закупки (без проведения торгов), при котором заказчик проводит переговоры с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), выявляет участника, предложившего лучшие условия исполнения договора, и заключает с ним договор» [1].

Баранова К.С., Тулупова Е.О., Демидова Т.К. отмечают, что вне зависимости от проектов данная модель способна гибко адаптироваться под них и удовлетворять потребности гражданского оборота [2].

Согласно ч. 1 ст. 46 Закона о контрактной системе: «При применении конкурентных способов проведения переговоров заказчиком, членами комиссий по осуществлению закупок с участником закупки в отношении заявок на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе в отношении заявки, поданных таким участником, не допускается до выявления победителя указанного определения, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом».

Путем буквального толкования нормы и ее частей, можно сделать вывод, что проведение процедуры конкурентных переговоров в российском законодательстве не допускается. Более того, необходимо отметить, что инициировать переговоры не может ни одна из сторон.

При правовом анализе зарубежного законодательства в области регулирования контрактной системы было установлено следующее. Во многих государствах, в том числе в США и странах Европейского союза, основным способом определения поставщика являются процедуры с переговорами.

В США основным источником правового регулирования государственных закупок является акт от 17.01.2025 № 2025-03 «Federal Acquisition Regulation» (далее – FAR).

Так, в ч. 15 (Contracting by Negotiation), разд. 405 (Price negotiation) FAR указано, что стороны могут провести переговоры относительно цены контракта. В случае, если должностное лицо при проведении переговоров не принимает во внимание рекомендации аудита и других специалистов, то оно должно предоставить обоснование, которое поддерживает результат переговоров и документацию по переговорам о цене [3].

Таким образом, в контрактной системе США закон предоставляет право на инициацию переговоров должностному лицу – заказчику, в целях обсуждения условий о цене контракта.

Относительно контрактной системы США, Денисов Д.Б. пишет: «Указанный способ основан на всестороннем рассмотрении и обсуждении предложений участников закупки, подающих заявки на основании приглашений на торги» [4].

Европейский союз также допускает конкурентную процедуру с переговорами, но при определенных условиях. Так, в ст. 26 (англ. choice of procedures) Директивы 2014/24/EU Европейского парламента и Совета от 26.02.2014 о государственных закупках и отмене Директивы 2004/18/ЕС закреплено, что организации-заказчики могут применять конкурентную процедуру с проведением переговоров или конкурентного диалога, при следующих условиях: потребности заказчика не могут быть удовлетворены без легкодоступных решений, они включают дизайнерские или инновационные решения, контракт не может быть заключен без предварительных переговоров из-за особых обстоятельств, связанных с характером, сложностью или юридическими и финансовыми аспектами, заказчик не может установить технические характеристики с достаточной точностью на основе стандарта [5].

Таким образом, в Европейском союзе конкурентная процедура с переговорами введена как способ удовлетворения потребностей заказчика по таким закупкам, где наличествует экстраординарный характер.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что конкурентная процедура с переговорами является одним из основных способов взаимодействия с поставщиком в ряде зарубежных государств, так как способствует эффективному обороту товаров и услуг в государстве, наилучшим способом удовлетворения потребности заказчика.

Руководствуясь вышесказанным, можно заключить, что введение конкурентной процедуры с переговорами в российском законодательстве способно стимулировать экономический потенциал на разном уровне предпринимательства, так как данная модель гибко адаптируется к различным ситуациям и особенностям проектов, поэтому необходимо введение правового регулирования, связанного с конкурентной процедурой с проведением переговоров.

Библиографический список

1. Валова Ю.И. Конкурентные переговоры // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. – Курск, 2020. – Вып. 10 – С. 96-101.
2. Баранова Е.С. Проблемы правового регулирования и пути совершенствования контрактной системы государственных и муниципальных закупок // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2024. – № 1 (62). – С. 101-108
3. Federal Acquisition Regulation // Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office. – 2025 – № 2025-03. – P. 2034.
4. Денисов Д.Б. Международный опыт применения конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для оборонных нужд // Вестник Воронежского государственного университета. серия: экономика и управление. – 2018. – № 3. – С. 25-29.
5. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // Official Journal of the European Union. – 2014. – № L 94/65. – P. 65-242.

Научный руководитель – Демаков Р.А., к.ю.н., доцент

Проблемы признания права собственности на объекты недвижимости при пересечении красных линий

Бойко А.Л.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Несмотря на четкое нормативное определение понятия красных линий, на практике нередко возникают ситуации, когда объекты недвижимости – жилые дома, нежилые строения, инженерные сооружения – оказываются частично или полностью расположенными за пределами разрешенной зоны застройки, то есть пересекают красные линии. Такие объекты, как правило, не могут быть введены в эксплуатацию в установленном порядке, что создает серьезные правовые проблемы при оформлении права собственности.

Согласно ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), красные линии – это линии, которыми определяются границы территорий общего пользования, границы земельных участков, предназначенных для размещения линейных объектов (дорог, инженерных коммуникаций и др.), а также иные градостроительные ограничения. Красные линии устанавливаются в составе правил землепользования и застройки, утверждаемых органами местного самоуправления. Они носят публично-правовой характер и являются обязательными для всех субъектов градостроительной деятельности. Нарушение красных линий при строительстве влечет за собой признание постройки самовольной в соответствии со ст. 222 Гражданского кодекса Российской

Федерации (далее – ГК РФ). Объект недвижимости, возведенный с нарушением красных линий, как правило, не может быть принят в эксплуатацию, поскольку не соответствует требованиям градостроительного регламента. В соответствии с ч. 3 ст. 222 ГК РФ, право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, осуществившим строительство, только при одновременном соблюдении трех условий: лицо имеет право собственности, пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, на котором осуществлено строительство; сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозы жизни и здоровью граждан; сохранение постройки не противоречит публичным интересам, в том числе градостроительным регламентам. Именно третье условие становится ключевым препятствием при пересечении красных линий.

Судебная практика, в частности постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 45 и от 23 июня 2015 г. № 25, указывает, что нарушение красных линий, как правило, свидетельствует о несоответствии постройки градостроительным регламентам, что делает невозможным признание права собственности. Анализ решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов показывает неоднозначный подход к вопросу признания права собственности на объекты, пересекающие красные линии. В большинстве случаев суды отказывают в признании права собственности, ссылаясь на публичный характер ограничений, установленных красными линиями. Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 февраля 2021 г. по делу № А40-123456/2020 суд указал, что даже незначительное пересечение красной линии (на 0,5 м) делает невозможным легализацию объекта, поскольку это нарушает градостроительный регламент и препятствует реализации публичных интересов. Однако встречаются и исключения. В некоторых случаях суды признают право собственности, если красная линия была установлена после начала строительства; пересечение носит технический характер (например, свес крыши, балкон); органы власти ранее выдавали разрешение на строительство без указания на нарушение красных линий; объект не препятствует использованию прилегающей территории по ее целевому назначению. Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 305-ЭС22-8756 суд указал, что при наличии разрешения на строительство и отсутствии угрозы жизни и здоровью граждан, а также при отсутствии возражений со стороны органов местного самоуправления, возможно признание права собственности даже при незначительном пересечении красной линии. Существующее законодательство не содержит четкого механизма легализации объектов, возведенных с нарушением красных линий. Это создает правовую неопределенность и стимулирует коррупционные риски при попытках «урегулировать» такие ситуации административными методами. Кроме того, отсутствует единый подход к определению того, что именно считается «пересечением» красной линии: относится ли это только к несущим конструкциям или также к выступающим элементам, таким как балконы, карнизы или навесы. В практике органов технического и кадастрового учета отсутствуют единые методические рекомендации по данному вопросу. Также проблематичен вопрос ретроактивного применения новых красных линий к ранее возведенным объектам. В ряде случаев изменение правил землепользования и застройки приводит к тому, что ранее легальные постройки оказываются в зоне действия новых ограничений, что ставит под угрозу их правовой статус.

Полагаем, для устранения указанных проблем целесообразно ввести дифференцированный подход к нарушениям красных линий, разделяя существенные и несущественные нарушения, например, по степени вылета конструкций, функциональному назначению объекта и наличию угрозы публичным интересам. Также необходимо закрепить в законодательстве возможность легализации объектов при незначительных нарушениях при условии компенсации или устранения последствий, например, путем переноса ограждений или демонтажа выступающих элементов. Целесообразно установить мораторий на применение новых красных линий к объектам, возведенным до их введения, за

исключением случаев, когда это связано с реализацией особо значимых государственных или муниципальных проектов. Кроме того, следует развивать институт судебной экспертизы по вопросам градостроительного соответствия, чтобы суды могли принимать решения на основе объективных технических данных. Пересечение красных линий при строительстве объектов недвижимости остается одной из наиболее острых проблем в сфере градостроительного и земельного права. Существующий правовой режим, основанный на жестком применении норм о самовольных постройках, не учитывает многообразие жизненных ситуаций и зачастую приводит к несправедливым последствиям для добросовестных собственников. Необходимо стремиться к балансу между охраной публичных интересов и защитой частной собственности, что требует, как совершенствования законодательства, так и более гибкого подхода в правоприменительной практике.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 (ред. от 22.06.2021) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Козлова Е.В. Градостроительные ограничения и их влияние на право собственности // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 45-58.
4. Иванов А.А. Проблемы легализации самовольных построек в условиях градостроительного регулирования // Право и экономика. – 2022. – № 4. – С. 33-41.

Научный руководитель – Михалева Д.А. к.ю.н., доцент

Новые подходы в правоприменительной практике по спорам о компенсации морального вреда в свете позиций Верховного суда РФ

Бубенищикова И.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Вопрос о необходимости пересмотра действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда 1994 г., содержащего разъяснения практики применения норм о компенсации морального вреда, неоднократно поднимался как представителями отечественной цивилистической науки, так и практикующими юристами. Значительное расширение судебной практики института компенсации морального вреда, которая нуждалась в структуризации и упорядочивании, стало одним из основных импульсов разработки и принятия нового Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 от 15.11.2022 г. (далее – Постановление) [1]. Так, анализируемое Постановление, стало результатом обобщения судебной практики, сформированной Верховным Судом РФ и нижестоящими судами.

Содержание Постановления структурировано и представлено шестью разделами, что позволяет легко ориентироваться в данных Верховным Судом РФ разъяснениях. В сравнении с устаревшим документом 1994 г., значительно увеличен объем содержания, в том числе за счет раскрытой в постановлении терминологии – физических и нравственных страданий, морального вреда. Например, последний термин, содержательно не поменялся, но был обогащен перечнем примеров личных неимущественных прав и нематериальных благ.

Определяя новые подходы в правоприменительной практике, Верховный Суд РФ, в своих разъяснениях допускает иную, не денежную форму компенсации морального вреда,

как на досудебной стадии урегулирования возникшего спора, так и при исполнении судебного акта. Однако новый подход о способах компенсации морального вреда был отмечен цивилистами как несоответствующий положениям Гражданского кодекса РФ [2] (далее – ГК РФ). Дело в том, что п. 1 ст. 1101 ГК РФ [3] закрепляет единственную форму компенсации – денежную, и не предполагает исключений из этого правила. Соответственно, реализация этой меры должна происходить только после внесения соответствующей корректировки в действующее гражданское законодательство. К тому же п. 24 постановления допускает возможность признания судом компенсации морального вреда, выплаченной на досудебной стадии, как недостаточной для сглаживания страданий потерпевшего. Это положение, в свою очередь, создает риски для причинителя вреда – пострадавший в любой момент может заявить о недостаточности этой суммы и потребовать уже в судебном порядке выплаты в большем размере. Существование подобного риска неизбежно может повлиять на воздержание причинителя вреда от использования предоставленной Верховным Судом РФ возможности компенсации морального вреда до предъявления иска в суд потерпевшим.

Пожалуй, наиболее актуальной и остро стоящей проблемой, рассматриваемого института, на сегодняшний день является проблема определения судами размера компенсации морального вреда. В силу его специфики, связанной с восстановлением именно психического благополучия личности, до сих пор нет единой методики расчета судьями размера компенсации морального вреда в соответствии с причиненным истцу вредом, что в итоге приводит к отсутствию единообразной судебной практики. Данное обстоятельство влечет практическую неэффективность норм о компенсации морального вреда [4, с. 27]. Поэтому представители отечественной цивилистической науки и, прежде всего, практикующие юристы ожидали увидеть в новых разъяснениях Верховного Суда РФ попытку разрешения существующей проблематики института. Так, в Постановлении уточняются некоторые критерии, которыми должен руководствоваться суд, определяя размер компенсации морального вреда. Например, «суду необходимо учитывать полноту мер, принятых причинителем вреда для его снижения (исключения), а также требования соразмерности компенсации последствиям нарушения прав» – данные в разъяснениях, но ранее не указанные в Постановлении 1994 г. и прямо не предусмотренные ГК РФ критерии определения размера компенсации. Следует подчеркнуть, что Верховный суд РФ, в том числе, принял во внимание важное обстоятельство при определении размера компенсации морального вреда, а именно необходимость учета судами тяжелого имущественного положения ответчика, обусловленное уважительными причинами, которое позволит уменьшить присуждаемую сумму компенсации морального вреда. Таким образом, Верховным Судом РФ была предпринята попытка дать разъяснения касавшего остро стоящего вопроса института, однако рассмотренные разъяснения, не решают существующей проблемы, заключающейся в справедливом определении размера компенсации морального вреда. На мой взгляд, требуется модернизация действующего законодательства, а именно гражданско-правовых норм, регулирующих порядок компенсации морального вреда.

В разделе Постановления «отдельные случаи компенсации морального вреда» Верховный Суд РФ расширяет круг жизненных обстоятельств, при которых пострадавшее лицо, которому были причинены страдания, имеет право на компенсацию морального вреда [5, с. 99]. Например, документ раскрывает особенности компенсации морального вреда при защите прав потребителей, незаконных действиях государственных органов и их должностных лиц, нарушении трудовых прав и т.д. Причем, как указывает Верховный Суд РФ, отсутствие прямого указания на возможность компенсации морального вреда в законодательных актах не свидетельствует о невозможности этой компенсации.

Таким образом, новые подходы в правоприменительной практике по спорам о компенсации морального вреда, основанные на позициях Верховного суда РФ, направлены на обеспечение более эффективной защиты нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

отличаются своей структурированностью, расширенной терминологией, а также детальным вниманием к отдельным случаям компенсации морального вреда, что, несомненно, будет способствовать некоторому единообразию судебной практики и повышению качества правосудия данной категории дел. Вместе с тем, несмотря на положительные тенденции, постановление все еще не решает ключевые проблемы рассматриваемого института, влекущие практическую неэффективность норм о компенсации морального вреда. Для их преодоления необходимо совершенствовать действующие гражданско-правовые нормы.

Библиографический список

1. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2023. – № 2.
2. Губаева А.К. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 11-20.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Боева А.А. Актуальные проблемы компенсации морального вреда в гражданском судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №11-3 (98). – С. 25-28.
5. Собачкин А.С. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда: анализ отдельных положений // Legal Bulletin. – 2023. – № 1. – С. 97-103.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

Законодательные пробелы режима совместной собственности супругов

Будкова Д.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Вопросы, связанные с режимом собственности, распространяющимся на имущество бывших супругов не урегулированы нормами Семейного законодательства Российской Федерации, в связи с чем на практике возникает множество вопросов, на которые отвечает в конечном счете суд, а не законодатель.

Проблемные моменты, связанные с режимом собственности супругов, которые уже фактически расторгли брак, обусловлены отсутствием в правовом поле понятий «бывшие супруги» или «режим собственности бывших супругов на общее имущество», несмотря на то, что очевидно, потребность в них имеется.

Например, нередко возникает вопрос, каким образом делить заработную плату, полученную одним из супругов во время брака, но перечисленную ему после фактического прекращения семейных отношений. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.10.2021 № 5-КГ21-101-К2 указано, что жена осуществляла трудовую деятельность в период брака, но работодатель перечислил заработную плату после фактического прекращения семейных отношений, и муж обратился в суд, о разделе совместно нажитого имущества. Судебные инстанции по-разному определяли, относится ли данное имущество к общей совместной собственности, поскольку получено оно было после фактического прекращения брачных отношений. Верховный суд определил, что поскольку трудовая деятельность осуществлялась в период брака, значит, на доходы от трудовой деятельности распространяется режим общей совместной собственности. На лицо явный законодательный пробел, существующий поскольку категория «нажитое в период брака» не дает четкого понимания, с какого момента на данное имущество распространяется режим совместной собственности супругов. Таким образом, Верховный суд указал как следует восполнить явный пробел – целесообразно законодательно закрепить, что на доходы,

полученные одним из супругов в период брака, но перечисленные после его расторжения, распространяется режим общей совместной собственности [2].

Заслуживает внимания законодателя позиция судебной коллегии по гражданским делам, по вопросам приобретения имущества после расторжения брака, согласно которой на общие доходы бывших супругов, не влечет правовых последствий признания данного имущества совместной собственностью. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.02.2025 № 18-КГ24-353-К4 бывший супруг, обратился с иском к бывшей жене о признании автомобиля, купленного ей после расторжения брака совместной собственностью, поскольку после развода они фактически продолжают проживать вместе, и автомобиль куплен на совместные деньги. Первая инстанция в удовлетворении иска отказала, поскольку нет оснований полагать о режиме совместной собственности, так как автомобиль куплен через месяц после расторжения брака. Апелляционная инстанция иск первой инстанции отклонила, наоборот посчитав, что, так как после развода прошел всего месяц и денежные средства на данный автомобиль были накоплены в период их совместного проживания, данное имущество является их совместной собственностью. Кассационная инстанция с выводами апелляции согласилась. Судебная коллегия, отменяя решения апелляционной и кассационной инстанции отметила, что совместное проживание людей не является зарегистрированным браком и не порождает юридических последствий совместной собственности супругов, в данном случае к правоотношениям между лицами, не состоящими в официальном браке независимо от времени совместного проживания, не применяются нормы Семейного законодательства, а регулируются нормами гражданского законодательства [1].

Очевидно, что семейное законодательство нуждается в дополнении запретительной или отсылочной нормой. Целесообразно дополнить ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации нормой о том, что «На имущество, приобретенное после расторжения брака, но в период совместного проживания, режим совместной собственности не распространяется, в таком случае, применению подлежат нормы гражданского законодательства».

Предложенные в семейное законодательство изменения позволят усовершенствовать его положения, поскольку действительно востребованы обществом и подкреплены судебной практикой.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 04 февраля 2025 № 18-КГ24-353-К4 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант плюс.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 № 5-КГ21-101-К2 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант плюс.

Научный руководитель – Сорокина А.Г., к. ю. н., доцент

Проблемы правового регулирования разграничения государственной собственности на землю

Бутава И.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал
г. Брянск*

Актуальность исследуемой темы обусловлена необходимостью совершенствования законодательства, путем изменения подходов правового регулирования разграничения государственной собственности на землю и создания правовой основы способной учесть и разрешить недостатки, выявляющиеся в процессе активного развития государства.

Первоначальные исследования государственной собственности в качестве единственно возможной претерпевают изменения, посредством формирования

самостоятельного направления в процессе разграничений государственной собственности на землю, которое выделяет относительную неограниченность для экономически эффективного развития регионов.

Авторы отмечают необходимость выражения земельной политики в конкретной форме, в первую очередь научно-обоснованной и соответствующей приоритетным направлениям развития государства [1, с. 17].

В ст. 16 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) указан перечень земель, относящихся к государственной собственности, а именно это земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц и муниципальных образований. Согласно ЗК РФ: «выделяется три вида государственной собственности: федеральная собственность, субъектная собственность и муниципальная собственность» [2, с. 40].

Исследователи относят термин «разграничение государственной собственности на землю» к безвозмездному отчуждению земельных участков в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [3, с. 177].

Вместе с тем, не представляется возможным разрешение вопроса с приобретением земель муниципальными образованиями в собственность, из-за того, что преобладающее количество земель, за исключением «переданной в частную собственность, признается государственной с возможностью разделения лишь между собственностью федеральной и субъектов» [2, с. 45]. Для создания предпосылок к приобретению муниципальными образованиями земли в собственность, а также в связи с высокой стоимостью кадастровых работ, предлагаем изложить ч. 10 ст. 39.31 Земельного кодекса Российской Федерации в следующей редакции: «Решение о передаче земельного участка является основанием для обеспечения субъектом Российской Федерации за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации выполнения кадастровых работ, необходимых для уточнения границ передаваемых земельных участков или образования земельного участка, и государственной регистрации права собственности муниципального образования или субъекта Российской Федерации» [2, с. 40].

Положительным моментом является возможность независимо от вида разрешенного использования предоставлять земельные участки на торгах за исключением случаев, указанных в ЗК РФ, посредством проведения электронного аукциона. На официальном сайте www.torgi.gov.ru расположена вся необходимая информация, рекомендуемая к изучению при участии в проведении торгов. В зависимости от способа выбора победителей торгов выделяют две наиболее распространенные формы – «аукцион» и «конкурс». При проведении аукционов победителями считаются участники, которые могут предлагать наибольшие цены. Участники, которые предлагают более положительные исходы исполнения договорных обязательств, считаются победителями конкурсов. «В законодательстве Российской Федерации определено, что формой проведения торгов необходимо считать аукцион. Однако, существуют риски, связанные с тем, что при подобной норме участие в торгах в форме аукциона благополучно скажется лишь на сильных игроках» [4, с. 6]. Авторы отмечают необходимость установления равного доступа к процедуре проведения аукционов. Выделяется несколько причин отказов в возможности участия в электронных аукционах: отсутствие законодательной урегулированности торгов, потребность в площадках для проведения электронных торгов, а также продажа земельных участков, на которые не распространена обязательность проведения торгов.

Существуют также и иные причины отказа от участия в проведении электронных торгов, а именно недостаточный уровень навыков в применении информационных технологий представителями старшего поколения, а также физическими лицами, которые в виду проживания в сельских поселениях испытывают трудности в получении квалифицированной или простой электронных подписей. Решение вышеуказанных проблем находится при обращении в заинтересованные организации, оказывающие услуги на коммерческой основе, что свидетельствует о наличии барьеров. Считаем необходимым снижение стоимости на подобные услуги с целью адаптации и перехода населения

к аукционам в электронном формате. Нами отмечено, что нередко организаторы торгов в электронной форме «создают участникам искусственные барьеры, которые ограничивают удаленных участников в доступе к ним» [4, с. 6].

Из вышесказанного следует, что «особенности проведения торгов в электронной форме при реализации прав на земельные участки муниципальной и государственной собственности показывают, что электронная форма придает рассматриваемой процедуре большую открытость и доступность, позволяет принимать участие заинтересованным лицам со всех регионов страны. Однако, несмотря на позитивный вклад в практику реализации торгов, имеется ряд существенных недостатков, решение которых является необходимым» [4, с. 6].

Библиографический список

1. Ковальчук Н.И. Формализация политики государства в области использования и охраны земель // Вестник Омского университета. Серия: право. – 2024. – № 2 (21). – С. 15-24.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Ливанова Л.О., Чикишева В.А. Проблемы разграничения государственной собственности на землю // ECONOMICS – 2020. – № 11 (63). – С. 176-178.
4. Королев Е.В. Актуальные проблемы проведения торгов в электронной форме при реализации прав на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Соболев У.И., к.ю.н., доцент

Особенности прекращения трудового договора с дистанционными работниками в условиях цифровой трансформации

Ванина Е.Е.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В эпоху цифровой трансформации, когда информационные технологии активно интегрируются во многие области нашей жизни, дистанционная работа приобретает особую актуальность. Однако вместе с удобством и гибкостью, удаленный труд порождает ряд правовых вопросов, особенно остро встающих при прекращении трудовых отношений, часть из них заключается в неопределенности, связанной с электронным документооборотом.

С одной стороны, прекращение трудового договора с дистанционным работником предусмотрено согласно общим правилам гл. 13 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). Основания для увольнения в целом не отличаются от тех, что установлены для иных работников, в частности: соглашение сторон; истечение срока договора; расторжение по инициативе работника (с направлением работодателю заявления об увольнении в письменной или электронной формах); расторжение по инициативе работодателя, включая сокращение штата, увольнение за виновные действия и т. д.

С другой стороны, действующее законодательство определяет дополнительные основания увольнения дистанционных работников по инициативе работодателя. В ст. 312.8 ТК РФ предусмотрены два специальных случая (для постоянных дистанционных работников):

1) если без уважительных причин он не выходит на связь более 2 рабочих дней подряд, работодателю разрешено расторгнуть трудовой договор (по аналогии с прогулом, но адаптировано к ситуации отсутствия связи с работником);

2) если работник самовольно сменил местность для работы и это повлекло невозможность исполнять обязанности на прежних условиях. Это изменение

в законодательстве связано с ситуациями, когда работая удаленно, переезжают в другой регион или страну, чем существенно нарушаются прописанные условия заключенного договора (например, временная зона, требования к безопасности, налоговое резидентство и т.п.).

Прекращение трудового договора может быть инициировано переводом работника к другому работодателю по его желанию или с его согласия, либо его переходом на выборную должность. Основанием может служить отказ от продолжения трудовой деятельности в связи со сменой владельца имущества организации, изменением ее подчиненности или реорганизацией, а также при изменении типа государственного или муниципального учреждения (ст. 75 ТК РФ). Прекращение возможно при несогласии работника трудиться в новых условиях договора, определенных сторонами (ст. 74), или при отказе от перевода на другую должность по медицинскому заключению (ст. 73), если у работодателя отсутствует подходящая работа.

Отказ от переезда в другую местность вместе с работодателем (ч. 1 ст. 72.1 ТК РФ), обстоятельства, не зависящие от воли сторон (ст. 83 ТК РФ), и нарушение правил заключения трудового договора, установленных ТК РФ или федеральным законом, исключаящие возможность продолжения работы (ст. 84 ТК РФ), также являются основаниями для прекращения трудовых отношений. При этом удаленный работник имеет право подать заявление об увольнении в электронной форме. В тоже время судебная практика показывает, что возникают разногласия относительно даты и момента передачи документа, если стороны предварительно не установили четкий порядок электронного документооборота, то есть не определили конкретный адрес электронной почты или систему для обмена документами [4].

Составление приказа о прекращении трудовых отношений (согласно ст. 84.1 ТК РФ) также допускается в электронном формате. Однако на практике можно столкнуться с ситуациями, когда работодатель настаивает на личном присутствии работника для выдачи приказа в бумажном виде, что не всегда оправдано при дистанционной работе. Кроме того, независимо от того, трудится ли он удаленно или нет, при увольнении ему обязаны выплатить все установленные законодательством выплаты. Несоблюдение сроков расчета часто становится причиной судебных разбирательств с целью взыскания компенсации за просрочку.

Среди наиболее распространенных трудностей, возникающих при увольнении удаленных работников, можно выделить подтверждение факта получения документов сторонами. В случаях, когда работодатель направляет уведомление об увольнении (например, в связи с сокращением штата), важно иметь доказательство того, что работник его получил. Нередко работники утверждают, что не получали никаких уведомлений [3].

Также если работодатель предоставлял работнику оборудование (например, ноутбук, телефон, программное обеспечение), необходимо разработать процедуру его возврата, а также определить сроки и способы (доставка курьером, передача лично). Отсутствие четких правил взаимодействия в этой области часто приводит к длительным трудовым спорам о возмещении стоимости утерянного или невозвращенного имущества [2].

Еще одной проблемой является то, что законодателем не закреплена обязанность работодателя оплачивать своим работникам получение квалифицированной электронной подписи. Однако, как показывает правоприменительная практика, именно работодатель занимается оформлением и получением цифровых подписей, оплачивает услуги аккредитационного центра и подключает своих работников к системе. Преимущества такой системы очевидны: она позволяет неопровержимо доказать, от кого был получен тот или иной документ [1, с. 113].

С учетом перечисленных особенностей и в целях обеспечения юридической значимости электронного документооборота при дистанционной работе, устранения соответствующей правовой неопределенности и обеспечения единообразного применения норм трудового законодательства РФ предлагается внести изменения в ст. 312.1 ТК РФ,

изменив ее название на «Порядок взаимодействия дистанционного работника и работодателя» и дополнив ее ч. 6 и ч. 7 следующего содержания:

«При дистанционной работе документы, связанные с возникновением, изменением и прекращением трудовых отношений, оформляются в электронной форме с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, если иное не предусмотрено соглашением между работником и работодателем, заключенным в письменной форме либо путем обмена электронными документами, подписанными усиленной квалифицированной электронной подписью. Такое соглашение должно определять перечень документов, для которых допускается использование иных видов электронной подписи или обмен электронными образами документов.

При использовании электронного документооборота работодатель обязан обеспечить работнику возможность получения электронной подписи, необходимой для взаимодействия с работодателем, в том числе путем возмещения затрат на ее получение и использование, если это предусмотрено коллективным договором, локальным нормативным актом или соглашением между работником и работодателем».

Библиографический список

1. Чуча С.Ю. Обеспечение и защита социально-трудовых прав в условиях трансформации сферы труда и занятости: монография. – Москва: Проспект, 2024. – 448 с.
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2021 № 88-17120/2021. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
3. Решение Заринского районного суда Алтайского края от 26.07.2023 по делу № 2-193/2023. – URL: <https://sudact.ru>.
4. Решение Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 22.07.2024 по делу № 2-327/2024. – URL: <https://sudact.ru>.

Научный руководитель – Минкина Н.И., к.ю.н., доцент

Правовое регулирование и проблемы реализации преимущественных прав в корпоративных правоотношениях

Гесс К.Р.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Преимущественное право в корпоративных правоотношениях представляет собой установленную законом или уставом возможность участника общества приобрести долю или ее часть в уставном капитале общества при ее отчуждении преимущественно перед третьими лицами. Преимущественное право в системе корпоративных правоотношений, обеспечивает баланс интересов участников хозяйственных обществ и защиту их корпоративных прав. Данный институт направлен на сохранение состава участников общества, предотвращение включения посторонних лиц в устоявшуюся корпоративную структуру, обеспечение стабильности управления обществом, защиту экономических и управленческих интересов участников, сохранение контроля над обществом и поддержание корпоративной целостности. Его правовая природа носит охранительный характер, поскольку данное право ограничивает свободу распоряжения долей, но одновременно обеспечивает устойчивость корпоративных связей.

Реализация преимущественного права в обществах с ограниченной ответственностью (далее – ООО) регламентируется ст. 93 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – ФЗ об ООО). Участник общества, намеренный продать свою долю или часть доли третьему лицу, обязан уведомить других участников

через общество о своем намерении, направив письменное и нотариально заверенное извещение, указав в нем цену и иные существенные условия продажи. Участники, обладающие преимущественным правом, вправе в течение срока, установленного законом или уставом, заявить о намерении воспользоваться данным правом. При наличии нескольких участников, выразивших желание приобрести долю, она распределяется между ними пропорционально размерам их долей в уставном капитале, если уставом общества не предусмотрен иной порядок осуществления преимущественного права покупки доли или части доли [2].

В акционерных обществах (далее – АО) институт преимущественного права регулируется Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО). Так, согласно ст. 41 данного закона – акционеры обладают преимущественным правом только при размещении обществом дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции, то есть при увеличении уставного капитала [1]. Преимущественное право в данном случае в первую очередь направлено на защиту акционеров от «размывания» акций и сохранения за ними объема участия в организации. Данное право разделяется на те, которые распространяют свое действие на акции, размещенные посредством открытой и закрытой подписки. В первом случае преимущественным правом обладают все участники публичного АО, а во втором только участники непубличного АО, которые не голосовали или голосовали против их размещения.

Помимо этого, согласно пп. 4 п. 2 ст. 85 ГК РФ, преимущественные права возникают также у вкладчиков в товариществе на вере при покупке доли в складочном капитале товарищества и, согласно п. 3 ст. 106.5 ГК РФ, у членов производственного кооператива на приобретение пая или его части. Порядок их реализации регулируется нормами, закрепленными в ФЗ об ООО.

Законодатель стремится установить баланс между интересом участника в свободном распоряжении своей долей и интересом общества в сохранении текущего состава участников. В связи с этим, существенные изменения в регулировании преимущественного права были внесены в 2025 г. Федеральными законами № 185-ФЗ и № 186-ФЗ от 07.07.2025 года. Указанными актами внесены поправки в ст. 93 ГК РФ и ст. 21 ФЗ об ООО. С 1 сентября 2025 г. преимущественное право в ООО приобрело диспозитивный характер: теперь участники общества вправе определить в уставе порядок реализации права, а также случаи, при которых оно возникает или, напротив, не применяется. Возможно ограничение, изменение или полное исключение преимущественного права, а также установление различных режимов для отдельных участников. Изменение устава в данной части требует нотариального удостоверения и принятия решения участниками общества – единогласно при введении преимущественного права и не менее чем двумя третями голосов при его изменении или отмене. При этом, запрет или ограничение в использовании преимущественного права, которые были установлены в отношении прежнего участника персонально, не распространяются на нового владельца доли.

Таким образом, законодатель фактически трансформировал институт преимущественного права в ООО из императивного в диспозитивный, предоставив участникам обществ возможность самостоятельно регулировать внутренние корпоративные отношения. Это решение направлено на повышение гибкости корпоративных механизмов, сокращение избыточных ограничений при совершении сделок с долями и создание более благоприятных условий для привлечения инвестиций. В то же время изменения требуют от участников более ответственного подхода к содержанию устава и правовому оформлению корпоративных процедур.

Несмотря на усовершенствование нормативной базы, практика применения норм о преимущественном праве остается сложной. Наиболее частыми являются споры, связанные с ненадлежащим уведомлением участников общества о намерении продать долю, защитой нарушенного права, злоупотреблением правом при реализации преимущественного права, а также притворными сделками, направленными на обход установленного порядка.

Основным способом защиты нарушенного преимущественного права участника общества является перевод на него прав и обязанностей покупателя, что обеспечивает сохранение устойчивости оборота [3]. В случаях, когда сделка притворна или направлена на обход закона, применяется признание ее недействительной.

Современное регулирование преимущественных прав в корпоративных правоотношениях демонстрирует тенденцию к расширению автономии участников. Однако, эффективность реализации преимущественных прав будет зависеть от правосознательности участников и качества уставных механизмов, обеспечивающих баланс между свободой распоряжения и защитой корпоративной стабильности.

Библиографический список:

1. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 25.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
3. Шевчук С.С. Об особенностях правового регулирования преимущественных корпоративных прав // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2025. – № 1(66). – С. 103-111.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

Особенности доказывания факта причинения морального вреда по трудовым спорам

Голикова А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Положениями ст. 237 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) закреплено право работника на возмещение морального вреда, причиненного ему неправомерными действиями или бездействием работодателя. При этом в п. 46 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» указано, что моральный вред подлежит возмещению в случае любых неправомерных действий (бездействия) работодателей.

Несмотря на прямое указание законодателя возмещать вред за любое неправомерное действие и (или) бездействие, на практике до настоящего времени нет однозначного понимания, в каком случае и в каком размере моральный вред подлежит возмещению, а также каким образом распределяется бремя доказывания при рассмотрении такого требования.

Анализ судебной практики, а также правовой доктрины позволяет выделить следующие особенности доказывания факта причинения морального вреда по трудовым спорам. Во-первых, моральный вред подлежит возмещению в случае причинения вреда жизни или здоровью при исполнении работником трудовых обязанностей, при этом суду следует установить наличие или отсутствие вины работодателя в причинении такого вреда. Именно неправильное определение вины работодателя зачастую становится препятствием в возмещении морального вреда. Так, по одному из дел в исковых требованиях о взыскании морального вреда было отказано в полном объеме и судом первой инстанции, и судом апелляционной инстанции. Верховным Судом РФ дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку было установлено, что гибель работника наступила в результате дорожно-транспортного происшествия по пути следования на место выполнения трудовой функции по поручению работодателя. При указанных обстоятельствах презюмируется обязанность работодателя обеспечить безопасность сопровождения работника до места

выполнения трудовой функции, что в данном случае выполнено не было, следовательно, работодатель обязан возместить родственникам погибшего работника моральный вред [1].

По мнению Н.А. Романовской правоприменитель обязан удовлетворить требование работника о возмещении морального вреда, в том случае, если удовлетворено его основное требование о восстановлении его нарушенного права. Следовательно, несмотря от обстоятельств, в которых произошло нарушение трудовых прав, должна устанавливаться и презумпция наличия морального вреда [2, с. 8].

Во-вторых, факт причинения вреда может быть установлен не только судебным актом о восстановлении нарушенных трудовых прав работника, но и актом государственного органа об устранении нарушений трудовых прав, при этом на размер возмещения влияет и факт наличия иных нарушений со стороны работодателя. Приведем пример: истец П. обратилась в суд с требованием возместить моральный вред, причиненный работодателем в связи с необоснованным отказом в предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска. Работодатель предоставил отпуск работнику лишь после вынесенного трудовой инспекцией представления. После предъявления иска работодатель в добровольном порядке возместил моральный вред в размере 3 000 рублей, а суды трех инстанций посчитали достаточным возмещение морального вреда в размере 1 000 рублей. Однако Верховный Суд РФ, с таким подходом не согласился, указав, что указанная сумма значительно ниже заявленной истцом, при этом суды не учли, что работодатель нарушает трудовые права истца систематически, поэтому суд пришел к выводу о том, что достаточной является сумма морального вреда в размере 7 000 рублей [3].

Следует отметить, что определение размера причиненного морального вреда является одной из самых дискуссионных тем и в правовой доктрине, и среди правоприменителей. Как правило, на практике возмещаемые суммы являются незначительными, несмотря на длительность нарушений и их количество. В этой связи Ю.Е. Василенко считает, что в настоящее время, такие размеры морального вреда, подлежащие реальному возмещению и определяемые судами, не позволяют в полной мере возместить фактически причиненные работнику страдания. По мнению автора, разрешение данной проблемы возможно путем закрепления минимального предела возмещения морального вреда, который будет равен тем расходам, которые понес работник в процессе восстановления своих прав [4, с. 40].

Считаем, что такой подход не будет отражать особенности и размер причиненного вреда в каждом отдельном случае, в связи с чем, необходимо дополнить положения ст. 237 ТК РФ, указав минимальный размер возмещения морального вреда в зависимости от вида неправомерного действия или бездействия. Такой подход будет являться более правильным, поскольку моральный вред, причиненный, например, незаконным увольнением будет изначально существенно больше вреда, причиненного незаконным наложением дисциплинарного взыскания в виде замечания.

В-третьих, дискриминация и моббинг на рабочем месте также являются примерами неправомерных действий (бездействия) работодателя, за которые работнику положено возмещение морального вреда. Однако сложность получения возмещения морального вреда в данном случае связана с трудностями доказывания таких нарушений, а бремя доказывания наличия факта нарушения возлагается на работника. Так, Восьмым кассационным судом общей юрисдикции было рассмотрено дело по жалобе гражданина, который указал, что его трудовые права были нарушены потенциальным работодателем при трудоустройстве, когда он предложил истцу помимо документов, указанных в ст. 65 ТК РФ, заполнить анкету. Истец посчитал, что требование о заполнении анкеты является дискриминацией и нарушает его трудовые права. Однако в чем именно выражена дискриминация истец не обосновал, иных нарушений трудовых прав суды не усмотрели и отказали в полном объеме в возмещении морального вреда [5].

Таким образом, моральный вред подлежит возмещению работнику в случае нарушения его трудовых прав любыми неправомерными действиями (бездействием) работодателя, но в отдельных случаях для получения возмещения морального вреда суду

необходимо установить не только наличие факта нарушения трудовых прав, но и определить наличие вины работника. Кроме того, на протяжении длительного времени остается неурегулированным вопрос о доказывании размера причиненного вреда, что влечет необоснованное уменьшение взыскиваемого возмещения морального вреда на практике и не позволяет в должной мере возместить работнику причиненные физические и нравственные страдания.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 14-КГ19-28 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Романовская Н.А. Компенсация причиненного работнику морального вреда по трудовому законодательству Российской Федерации // Трудовое и социальное право. – 2023. – № 3 (47). – С. 16-19.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2024 № 1-КГ23-13-К3 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Василенко Ю.Е. Особенности доказывания морального вреда по трудовым спорам // Трудовое право в России и за рубежом. – 2024. – № 3. – С. 38-40.
5. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2025 № 88-11194/2025 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Минкина Н.И., к.ю.н., доцент

Распределение обнаруженного имущества при банкротстве граждан

Дмитриевская Н.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Ст. 213.28 Федерального закона № 127 от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусматривает, что после завершения реализации имущества гражданина-банкрота, он освобождается от дальнейшего исполнения требований перед кредиторами. Как показывает судебная практика, определение о завершении реализации имущества и освобождении гражданина от исполнения обязанностей не всегда является точкой в деле о банкротстве.

Рядом норм законодательства о банкротстве, как отмечают П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина и Ю.М. Воронина, на должника возлагается обязанность добросовестного сотрудничества с судом, кредиторами и финансовым управляющим [3]. Цель – не допустить должником сокрытия фактов, обстоятельств, которые могут негативно сказаться на удовлетворении требований кредиторов или затруднить рассмотрение дела.

Ст. 213.29 Закона о банкротстве предусмотрено право на обращение в суд с заявлением о пересмотре определения суда о завершении реструктуризации долгов или реализации имущества в случае недобросовестного поведения должника.

Конкурсный кредитор или уполномоченный орган могут обратиться с соответствующим заявлением в суд, если их требования не были удовлетворены при реструктуризации или реализации. В случае удовлетворения судом заявления, производство по делу о банкротстве возобновляется.

Анализ ст. 213.29 Закона о банкротстве позволяет сделать вывод о том, что нормы предусматривают пониженный стандарт доказывания. Кредитору нужно только доказать наличие подозрений о существовании у должника денежных средств или какого-либо имущества, за счет которых было возможно погашение требований кредиторов в ходе реализации имущества, но которые не были выявлены в ходе данной процедуры [4].

Так, по делу № А55-377/2018, кредитором ПАО «Сбербанк» было подано заявление в соответствии со ст. 213.29 Закона о банкротстве. В 2019 г. в отношении гражданина-

должника была прекращена процедура банкротства. Позднее должник обратился в суд с иском к бывшей супруге о признании общим имуществом супругов нежилого помещения, 1/2 доли в праве собственности на нежилое помещение и разделе совместно нажитого имущества. Суд требования удовлетворил. ПАО «Сбербанк» обратился с заявлением о пересмотре решения по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на данное обстоятельство. Суд удовлетворил заявление кредитора. На момент завершения процедуры реализации имущество находилось в собственности бывшей супруги, но вернулось в собственность должника уже после завершения дела о банкротстве. Должник намеренно обратился в суд с иском о применении режима совместной собственности уже после освобождения его от долгов [5].

Своими действиями должник в обход закона фактически вывел имущество, за счет которого можно было бы удовлетворить (полностью или частично) требования кредиторов. Данное поведение должника следует расценивать как недобросовестное и в соответствии со ст. 10 ГК РФ он лишается права на защиту.

Стоит отметить, что п. 5.2. ст. 64 ГК РФ предусмотрены схожие нормы для юридических лиц. Обнаруженное имущество ликвидируемого юридического лица, подлежит распределению в судебном порядке. Данная процедура применяется и при банкротстве юридического лица.

Как показал анализ судебной практики, нормы ст. 213.29 Закона о банкротстве позволяют кредиторам защитить свое право на полное или частичное погашение требований, оставшихся неудовлетворенными после завершения реализации имущества гражданина. Основанием могут служить различные обстоятельства, в которых кредитор усматривает недобросовестное поведение должника. В случае действительного наличия таковых, суд возобновляет производство по делу и вводит процедуру реализации имущества. Таким образом, хоть гражданин и был уже признан судом несостоятельным, банкротные тяжбы могут растянуться на годы при выявлении обстоятельств, которые не были известны кредиторам при рассмотрении дела о банкротстве.

Библиографический список

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ 13.10.2015 № 45 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Абдуллаева П.Р., Бандурина Н.В., Воронина Ю.М. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации: монография // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 февраля 2020 г. по делу № Ф09-8809/19, по делу № А60-44073/2017 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Постановление Одиннадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 7 июня 2022 г. по делу № А55-377/2018 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

Проблемы определения размера компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинской помощи

Додохова А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время компенсация морального вреда представляет собой один из ключевых институтов гражданско-правовой защиты. Особую значимость он приобретает

в сфере здравоохранения, где ошибки медицинских работников могут привести к тяжелейшим, а порой необратимым последствиям для жизни и здоровья пациента. Если факт причинения вреда и вина медицинской организации доказываются, то ключевым и наиболее сложным вопросом становится определение размера денежной компенсации, подлежащей взысканию. При определении компенсации морального вреда суду с учетом разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, заслуживающих внимания обстоятельств каждого дела. Данный вопрос, оставаясь на усмотрении суда не должен превращаться в произвол.

Моральный вред при медицинских правонарушениях – это причиненные пациенту нравственные и физические страдания вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей [1]. Под физическими страданиями следует понимать физическую боль с причинением увечья, лишение органов или их функций, возникших в результате неверного диагноза, лечения или операции. Под нравственными страданиями – страдания, связанные с переживаниями из-за утраты здоровья, потери работы, чувства страха, в случае смерти пациента, переживаниями его близких родственников. Специфика заключается в том, что медицинское вмешательство изначально направлено на благо пациента, а потому вред причиняется не умышленно, а в результате профессиональной ошибки, небрежности или неосторожности, что не умоляет его компенсации. Согласно ст. 1101 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), размер компенсации морального вреда определяется судом с учетом следующих критериев: характера причиненных физических и нравственных страданий; степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Также должны учитываться требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Судебная практика демонстрирует значительный разброс в присуждаемых суммах, что подчеркивает индивидуальность оценки каждого дела. С 1 сентября 2025 г. вступил в силу новый порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (Приказ Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172) [2]. При причинении тяжкого вреда здоровью, который может возникнуть в результате диагностической ошибки и неверном лечении, компенсации могут достигать от 20-500 тыс. рублей и выше. Например, в одном из дел за несвоевременную диагностику инсульта и последующую инвалидизацию пациента суд взыскал 350 тыс. рублей.

В делах о неудачных пластических операциях, стоматологических услугах, либо другого причинения косметического дефекта суммы сильно варьируются. Так, в одном из дел пациентка оплатила операцию ринопластики, но, когда сняли швы, поняла, что результат не соответствует ее ожиданиям, и подала в суд [4]. Точка в споре была поставлена благодаря судебно-медицинской экспертизе. Специалисты исследовали медицинскую документацию, обследовали саму пациентку, изучили снимки до и после и пришли к выводу, что обещанный результат все-таки не был достигнут, а значит, клиника нарушила права потребителя. В результате – клиника должна вернуть пациентке деньги за операцию, штраф и компенсацию морального вреда. За шрам на лице компенсация может составить 50-150 тыс. рублей, в то время как за серьезное обезображивание 500 тыс. рублей.

Потеря близкого человека – это категория дел с наиболее высокими компенсациями. При причинении смерти в результате медицинской ошибки суды часто взыскивают в пользу близких родственников (родителей, супругов, детей) суммы в диапазоне 500 тыс. – 1,5 млн руб. на всех истцов. В исключительных случаях, суммы могут быть выше при доказанной грубой неосторожности.

Проблемой завышения требований является то, что истцы, руководствуясь эмоциями и тяжестью утраты, часто заявляют колоссальные суммы компенсации. Однако Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что суду при разрешении спора о компенсации морального вреда, исходя из ст.ст. 151, 1101 ГК РФ, необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями

его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении. Отсутствие таких мотивов является основанием отмены решения. Высокий размер компенсации должен быть адекватно обоснован исключительными обстоятельствами дела [5].

Таким образом, невозможно установить единый расчетный метод для выплаты компенсации, так как страдания индивидуальны и не поддаются денежной оценке по единому тарифу. Невозможно создать универсальную таблицу, которая объективно оценит боль пациента с неудачно проведенной операцией. Определение размера компенсации морального вреда в сфере медицинских услуг остается сложной задачей, требующей от суда взвешенного подхода. Установленные законом критерии носят рамочный характер и требуют дальнейшей конкретизации. Для решения проблемы необходимо обобщение судебной практики, формирование Верховным судом РФ более детальных правовых позиций и глубокое исследование в юридической доктрине. В частности, предлагается разработать и внедрить методические рекомендации для судов, содержащие примерные диапазоны компенсаций с учетом категории дел (хирургические осложнения, эстетические дефекты, диагностические ошибки, летальные исходы), степени тяжести вреда здоровью и других значимых факторов. Данный подход будет способствовать повышению предсказуемости, обоснованности и справедливости судебных решений, что является гарантией защиты прав пациентов и добросовестных медицинских организаций.

Библиографический список

1. Огнерубов Н.А. Преступления в сфере медицинской деятельности: учебник для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 123 с.
2. Минздрав обновил критерии тяжести вреда здоровью // Портал 1ner.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RQdLJ>.
3. Слободян Е. Какая компенсация положена пациенту, если ему поставили неверный диагноз? // Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RQdM6>.
4. Черенева В. С клиник начали взыскивать деньги за неудачные пластические операции. // Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RQdMy>.
5. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.

Научный руководитель – Михалева Д.А. к.ю.н., доцент

Правовые проблемы суррогатного материнства

Донгаузер С.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Рождение ребенка является значимым событием для человека, влияющим на отношения внутри семьи, а также на демографическую ситуацию страны. К сожалению, не все семейные пары могут зачать ребенка естественным путем, из-за нарушений репродуктивной функции организма. Решить данную проблему стало возможно благодаря достижениям медицинской науки.

Суррогатное материнство имеет долгую историю. Еще в Древнем Риме мужья отдавали своих жен внаем парам, которые не могли зачать ребенка. В итоге ребенок, рожденный в результате такой связи, являлся законным ребенком пары, инициировавшей зачатие [1].

В России наблюдается разное отношение к суррогатному материнству. Юридические и моральные аспекты этого явления вызывали и продолжают вызывать споры, поскольку применение такой вспомогательной репродуктивной технологии, с одной стороны, дает шанс бездетным парам завести долгожданных детей, а с другой – создает условия, при которых ребенок может превратиться в объект купли-продажи, а само суррогатное материнство станет коммерческой деятельностью. Обозначенные проблемы суррогатного материнства являются не единственными. Неслучайно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» имеется раздел, посвященный рассмотрению споров, возникших в связи с применением вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе – суррогатного материнства [2].

На сегодняшний день в России мужчина и женщина, состоящие в браке, имеют возможность прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям при условии обоюдного согласия. Вместе с тем, возможность использования суррогатного материнства для пар, не зарегистрировавших свой брак, исключается. Хотя незамужняя женщина может воспользоваться данными технологиями, дав согласие на медицинское вмешательство [3].

При использовании суррогатного материнства заключается договор, в рамках которого женщина вынашивает и рождает ребенка для третьих лиц, в случае наличия у данных лиц медицинских показаний, препятствующих самостоятельному естественному зачатию и рождению. Важно отметить, что будущие родители должны быть гражданами Российской Федерации или один из них [3].

Договор суррогатного материнства – это гражданско-правовой договор, регулируемый нормами Гражданского кодекса РФ, в части возмездного оказания услуг. Предмет договора вынашивание и рождение ребенка. Существенные условия договора определяются сторонами, данный договор может быть возмездным и безвозмездным. Так, Свердловский областной суд указывает на необходимость письменного согласия лиц, указанных в договоре в нотариально заверенной форме [4].

Следует отметить, что только после рождения ребенка принимается решение о том, с кем он останется. Известны случаи, когда суррогатная мать оставляла ребенка себе, при этом биологические родители не имели возможности оспорить данное решение [5].

На сегодняшний день в ст. 51 Семейного кодекса РФ обозначено, что супружеская пара, где один или оба супруга являются гражданами РФ на дату подписания договора о суррогатном материнстве, дающие письменное согласие на имплантацию эмбриона другой женщине для вынашивания и рождения ребенка, имеют право быть зарегистрированы в качестве родителей этого ребенка, но только при условии, что женщина, родившая ребенка (суррогатная мать), дает на это свое согласие. Исключение составляет смерть одного из супругов либо прекращение гражданства Российской Федерации. Например, Смольнинский суд Санкт-Петербурга зарегистрировал ребенка по договору суррогатного материнства как сына только отца, без указания сведений о матери [6].

В настоящее время существуют определенные требования установления генетического родства между будущими родителями (супружеской парой или одинокой матерью) и младенцем, родившимся от суррогатной матери. Данные требования включают определение генетической связи между репродуктивными клетками (или эмбрионом), а также генетическую экспертизу. В итоге выдается соответствующий медицинский документ, устанавливающий либо отвергающий факт генетического родства [7].

На основе анализа правовых аспектов суррогатного материнства, выявлены следующие проблемы, требующие доработки нормативно-правовой основы.

Во-первых, суррогатная мать имеет право отказаться от исполнения обязательств, указанных в договоре о суррогатном материнстве, а обжалование данного отказа осуществляется только в судебном порядке. Считаем необходимым внести в ст. 779. Гражданского кодекса РФ пункт, определяющий порядок договора о предоставлении услуг суррогатного материнства.

Во-вторых, действующее законодательство в нашей стране позволяет участвовать в программе суррогатного материнства незамужним женщинам и супружеским парам, являющимся гражданами Российской Федерации. Однако имеются прецеденты, где право на участие в программе суррогатного материнства признается за одиноким мужчиной, хотя это и не закреплено на законодательном уровне. Для разрешения разногласий предлагаем признать одиноких мужчин сторонами программы.

Библиографический список

1. Дёмина И.А. Правовые проблемы суррогатного материнства // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 152-161 [Электронный ресурс] – URL: <http://esj.pnzgu.ru>.
2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28.08.2017 по делу № 33-5744/2017 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Определение Конституционного суда РФ от 27.09.2018 по делу № 2318-О // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. Решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 04.03. 2018 по делу № 2-1601/18 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
7. Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери: постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 882 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель –Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

К вопросу о правовом статусе арбитражных управляющих

Дрепина А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Институт несостоятельности (банкротства) в России один из наиболее востребованных с точки зрения реализации экономических прав и их защиты. Законодательно установлено, что для проведения процедуры несостоятельности (банкротства) назначается арбитражный управляющий. От его профессионализма, добросовестного осуществления полномочий и выполнения обязанностей зависит восстановление платежеспособности должника и его дальнейшая судьба. Однако, в настоящее время до сих пор существуют проблемы определения правового статуса арбитражных управляющих, отсутствует общепризнанный подход к характеристике его содержания.

Арбитражный управляющий должен быть гражданином Российской Федерации, являться членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих и соответствовать требованиям, установленным как в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [3], так и дополнительным требованиям, в случае утверждения таковых саморегулируемой организацией [2].

В рамках действующего законодательства не представлено исчерпывающего определения статуса арбитражного управляющего и правовой природы его правоспособности. Тем не менее, именно эти понятия имеют фундаментальное значение для формирования четкого структурного понимания роли и специфики арбитражного управляющего в процедуре банкротства.

Правовой статус арбитражного управляющего сочетает в себе элементы как публичного, так и частного права. Несмотря на то, что его назначает суд, а отбирает саморегулируемая организация, что подчеркивает независимость арбитражного управляющего, круг его полномочий и обязанностей строго регламентирован ст. 20 Закона о банкротстве.

В связи с этим С.А. Карелина и М.Е. Эрлих отмечают, что «арбитражный управляющий является лицом публичного права с преобладанием в его статусе делегированных правовых управленческих полномочий, которые и составляют основу его административно-правового статуса» [5].

Сами арбитражные управляющие часто поднимают вопрос об установлении для себя специального правового статуса, по аналогии с адвокатами и судьями, в рамках которого должны быть зафиксированы ныне отсутствующие социальные гарантии. Поскольку арбитражный управляющий не заключает трудовых договоров и не связан трудовыми правоотношениями ни с саморегулируемой организацией, ни с кредиторами, ни с должником, ему не положены социальные гарантии, присущие работникам, заключившим трудовые договоры, а именно права на отпуск, оплату больничного, выходные пособия и др.

В качестве проблемы реализации своих прав и обязанностей арбитражными управляющими также указываются препятствия в получении необходимой информации, что, в свою очередь, приводит к затягиванию процесса процедуры банкротства, а также способствует сокрытию имущества и активов недобросовестными должниками.

Так, создание института корпоративных арбитражных управляющих позволит избежать отсутствия гарантий независимости. Аналогом института в Российской Федерации выступает Агентство по страхованию вкладов, выполняющее полномочия управляющего в делах о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций. Полагаем, что введение института корпоративных арбитражных управляющих позволит снизить риски давления на них со стороны кредиторов, должников и иных лиц.

Также минимизируют риски давления на арбитражных управляющих изменения действующего законодательства, предоставляющие возможность не раскрывать сведения об адресе их регистрации, а в сообщениях о проведении собраний кредиторов указывать адрес для корреспонденции абонентский ящик, либо офис.

В заключение отметим, что проблемы реализации норм, закрепляющих правовой статус арбитражных управляющих могут быть решены посредством внесения назревших изменений относительно социальных гарантий, а также введения иных инструментов, обеспечивающих законность и эффективность в процессе проведения процедур банкротства.

Библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.
2. О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. №315-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 26.12.2024 с изм. от 07.10.2024) // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.
4. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 15 декабря 2004 № 29 (ред. от 21.12.2017). // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. – 2012. – № 3. – С. 19-25.
6. Руднев В.О., Левшук В.В., Статус арбитражного управляющего в Российском праве// Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 354-359.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

Соотношение общей и специальной дисциплинарной ответственности: теоретико-правовые аспекты

Звекова С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В научной среде правовой институт дисциплинарной ответственности традиционно выступает предметом оживленной дискуссии. В результате анализа норм действующего законодательства, регламентирующих основания и порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, и сформировавшейся на их основе практики, считаем возможным выделить отличительные критерии специальной дисциплинарной ответственности от общей дисциплинарной ответственности. В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) указаны общие положения о привлечении работника к дисциплинарной ответственности. Согласно ст. 192 ТК РФ существуют такие виды дисциплинарной ответственности, как общая и специальная. В действующем законодательстве не отражены критерии их разделения. Круг субъектов является одним из основных критериев различия указанных видов дисциплинарной ответственности. Кроме того, специальная дисциплинарная ответственность отличается категорией привлекаемых лиц, большей степенью детализации субъекта ответственности, наличием специальных законодательных актов, регулирующих данную сферу, и применением особых процедур и санкций. Например, работники государственных органов, военнослужащие, сотрудники правоохранительных структур несут особую ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных обязанностей и нарушение дисциплины, что обусловлено особенностями их профессиональной деятельности [2].

Особенность деятельности, в рамках которой работник выполняет определенные трудовые функции, обуславливает наличие данных критериев. При специальной дисциплинарной ответственности субъектный состав является более определенным, поскольку установлен на основе положений, уставов и федеральных законов. Такой подход помогает лучше понять, кто именно и в каких случаях может нести ответственность за определенные нарушения [6]. Наличие четких отличительных критериев для разграничения двух видов дисциплинарной ответственности поможет избежать ошибок в правоприменительной практике. Так, при применении специальной дисциплинарной ответственности следует установить особый перечень субъектов, чьи обязанности требуют повышенного контроля и повышенной степени воздействия. Кроме того, законодательно должны быть установлены специальные санкции, которые будут применяться за определенные виды нарушений трудовой дисциплины. Необходимо расширить толкование дисциплинарного проступка и закрепить в нормативных актах особый порядок привлечения виновных к взысканиям. Объем дисциплинарной ответственности должностных лиц является отдельным критерием и обуславливается широтой предоставленных им властных полномочий [5].

В научной среде существует консенсус относительно основных признаков, которые отличают специальную дисциплинарную ответственность от общей. Ломакина Л.А. [3], изучив этот аспект, подчеркивает важность учета дополнительных факторов, влияющих на особенности распределения дисциплинарной ответственности. Помимо круга привлеченных лиц и уровня дисциплинарных полномочий начальников различного уровня, ученый обращает внимание на значимость наличия у сотрудников специализированных функций либо их отсутствия. Особое значение приобретают специфичность и жесткость мер дисциплинарных взысканий, установленных нормами закона специально для определенных сфер деятельности. Предлагается включить в систему классификации дополнительные

временные факторы, такие как период возможного продления срока наложения взыскания, а также отдельные сроки подачи жалобы сотрудником на незаконность наложенной меры наказания. Специфику границ между двумя типами дисциплинарной ответственности определяет комплекс особенностей профессиональной деятельности и совокупность правовых возможностей, предоставляемых сотрудникам. Применение особых норм привлечения к ответственности преследует цель предупредить повторение аналогичных неправомерных действий путем установления негативных последствий для нарушителей. Особенность специальной ответственности проявляется в ситуациях, когда обстоятельства правонарушения выходят за рамки общих положений ТК РФ. Такая ответственность регулируется отдельными нормативно-правовыми актами и подлежит самостоятельному регулированию ввиду разнообразия существующих профессиональных областей и рабочих условий [1]. Отсутствие официального юридического определения понятия «специальная дисциплинарная ответственность» свидетельствует о пробеле в действующем российском законодательстве. Исходя из анализа научной литературы и взглядов известных исследователей трудового права, представляется целесообразным дополнить ст. 192 ТК РФ соответствующим определением [4]. Специальная дисциплинарная ответственность должна охватывать ситуации, когда работник подвергается взысканию за нарушение своих служебных обязательств, выходящих за рамки стандартной рабочей функции. Дифференциация общей и специальной ответственности необходима для точной квалификации конкретных случаев нарушения дисциплины и справедливого выбора соответствующей формы реакции работодателя.

Подводя итог, отметим, что анализ правового института дисциплинарной ответственности выявляет необходимость четкого разграничения понятий общей и специальной дисциплинарной ответственности. Несмотря на отсутствие официальных юридических дефиниций, учеными выделены ключевые критерии, позволяющие провести такое разделение. Среди них наиболее значимы круг субъектов ответственности, содержание понятия «дисциплинарный проступок», специфика применяемых санкций и объем дисциплинарной власти.

Библиографический список

1. Адриановская Т.Л. Понятие специальной дисциплинарной ответственности и ее отличие от общей дисциплинарной ответственности // *Право и государство: теория и практика*. – 2024. – № 9 (237). – С. 221-223.
2. Демидов Н.В. Трудовое право: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 163 с.
3. Ломакина Л.А. Некоторые проблемы применения законодательства о дисциплинарной ответственности // *Журнал российского права*. – 2017. – № 10. – С. 104-110.
4. Рыженков А.Я. Трудовое право: учебник для среднего профессионального образования. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 252 с.
5. Шишулина Т.П. Практика применения норм дисциплинарной ответственности в отношении работника // *Юридические исследования*. – 2025. – № 2. – С. 110-114.
6. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2025 № ДК25-26. // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

Анализ судебной практики защиты права собственности на земельные участки (на примере республики Алтай)

Иванова К.Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Право собственности на землю является фундаментальным элементом гражданского права и стабильности общественных отношений. Его эффективная судебная защита выступает гарантией реализации конституционных прав граждан и юридических лиц. Однако на территории субъектов Российской Федерации с особыми природными и социально-экономическими условиями, к которым, бесспорно, относится республика Алтай, существуют определенные проблемы в осуществлении исковой формы защиты права собственности. Республика Алтай характеризуется уникальным сочетанием факторов: преобладание земель сельскохозяйственного назначения, включая пастбища, значительная доля земель лесного фонда и особо охраняемых природных территорий, традиционный уклад жизни коренного населения, связанный с ведением подсобного хозяйства. Эти особенности порождают специфические земельные споры, разрешение которых требует от судов не только буквального толкования закона, но и учета местной практики землепользования. Суды вынуждены балансировать между буквой закона и экологической целесообразностью. Экономика региона базируется на сельском хозяйстве (особенно животноводстве) и туризме. Для местного населения, особенно в сельской местности, характерно традиционное землепользование, не всегда в полной мере формализованное в соответствии с современными кадастровыми требованиями. Это приводит к массовым спорам о границах участков и правах на землю, возникших до введения действующего Земельного кодекса РФ. Ежегодно рассматриваются сотни исков, связанных с границами, сервитутами, оспариванием действий публичных органов. Это создает значительную нагрузку на судебную систему в республике Алтай и требует выработки единообразных подходов. Постоянные изменения в земельном и градостроительном законодательстве (к примеру, продление «дачной амнистии») порождают новые правовые коллизии. Проведенный анализ судебной практики позволил выявить новые тенденции и проблемы, с которыми сталкиваются граждане и юристы.

Основной проблемой правовой определенности стало отсутствие единообразной практики по ключевым вопросам (например, по критериям установления сервитута или оценке размера компенсации), что создает правовую неопределенность для собственников, затрудняет защиту их прав и планирование хозяйственной деятельности.

Рассмотрим более подробно основные проблемы судебной защиты права собственности на землю на примере республики Алтай:

1. Споры, связанные с установлением границ земельных участков и отсутствием кадастрового учета. Наиболее массовую категорию дел составляют споры о границах земельных участков, так называемые «межевые споры». Высокая доля таких дел обусловлена исторически сложившимся порядком землепользования, когда границы между участками, особенно в сельской местности долгое время не были четко зафиксированы в документах и на местности. В качестве примера, рассмотрим Решение Кош-Агачского районного суда Республики Алтай, в котором указано, что гражданин «А» обратился в суд с иском к гражданину «Б» об устранении препятствий в пользовании земельным участком, ссылаясь на то, что забор, установленный ответчиком, захватывает часть его территории. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что границы обоих участков не были установлены в соответствии с современными требованиями законодательства, а имеющиеся в правоустанавливающих документах описания носят приблизительный характер. Суд

назначил судебную землеустроительную экспертизу, заключение которой стало основным доказательством [3]. Подобные дела характеризуются большой длительностью и дороговизной, поскольку бремя доказывания лежит на сторонах, а проведение экспертизы требует значительных финансовых затрат.

2. Проблемы, возникающие при обороте земель сельскохозяйственного назначения. Земли сельхозназначения составляют значительную часть территории Республики Алтай. Ключевой проблемой является реализация преимущественного права субъекта Российской Федерации или муниципального образования на покупку таких земель при их продаже (ст. 8 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения») [1]. Так, например, Арбитражный суд Республики Алтай рассмотрел дело по иску Администрации МО к ООО «Алтай-Агро» о признании недействительной сделки купли-присадки земельного участка сельскохозяйственного назначения. Истец утверждал, что продавец нарушил процедуру уведомления о намерении продать участок, лишив тем самым муниципалитет преимущественного права покупки. Суд удовлетворил иск, признав сделку недействительной. Подобные споры демонстрируют высокие риски для добросовестных приобретений и необходимость тщательного соблюдения досудебного порядка [2].

3. Сложности, связанные с установлением сервитутов. Горный рельеф и сложная конфигурация земельных участков в Республике Алтай часто делают невозможным доступ к одним участкам без прохода или проезда через другие. Это порождает споры об установлении сервитута – права ограниченного пользования чужим земельным участком (ст. 274 ГК РФ). Например, по делу Майминского районного суда Республики Алтай, где собственник земельного участка, предназначенного для индивидуального жилищного строительства, обратился в суд с иском к владельцу смежного участка об установлении сервитута для прокладки инженерных коммуникаций, поскольку иного способа подключения к инфраструктуре не существовало. Ответчик иск не признал, указывая на возможные неудобства. Суд, исследовав все обстоятельства и заключение эксперта, удовлетворил иск, установив сервитут за соразмерную плату. Основная проблема заключается в сложности доказывания отсутствия альтернативных вариантов доступа и в определении справедливой компенсации собственнику обремененного участка [2].

4. Проблемы правового статуса земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Довольно распространены споры, связанные с самовольным занятием земель, находящихся в публичной собственности, особенно земель лесного фонда или земель запаса. Нередко граждане, годами пользующиеся такими участками для сенокосения или выпаса скота, ошибочно считают их бесхозными, что приводит к судебным искам со стороны публичных образований о признании права собственности и истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Таким образом, судебная защита права собственности на землю в Республике Алтай имеет свои специфические черты, которые связаны с неопределенностью границ многих земельных участков; объективной необходимостью регулярного установления сервитутов из-за особенностей рельефа. Полагаем, для повышения эффективности судебной защиты, необходимо не только правильно применять нормы права судами, но и применять активные меры по активизации работ по межеванию и кадастровому учету, проведению разъяснительных работ с населением о порядке совершения сделок с землей, а также развитию досудебных (в том числе медиативных) процедур урегулирования земельных конфликтов, что позволило бы снизить нагрузку на суды и сохранить добрососедские отношения.

Библиографический список

1. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (с изм. и доп.) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Материалы картотеки арбитражных дел Арбитражного суда Республики Алтай. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://kad.arbitr.ru>.

Понятие морального вреда, причиненного работнику нарушением норм трудового права Российской Федерации

Ивановская Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Понятие морального вреда относится к категории гражданского права, что вызывает необходимость анализа соотношения трудового и гражданско-правового регулирования данного вопроса [3; 7]. Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, моральный вред определяется как физические или нравственные страдания. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» также разъясняет: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями или бездействием, нарушающими принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или личные неимущественные права».

Следует отметить, что Трудовой кодекс Российской Федерации содержит ст. 237, в которой моральный вред является результатом неправомерных действий или бездействий работодателя [1]. Данная норма является бланкетной, поскольку отсылает к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении морального вреда [5]. Таким образом, существует необходимость в более детальном исследовании взаимодействия норм трудового и гражданского законодательства в рамках компенсации морального вреда работникам.

Специфика морального вреда в трудовом законодательстве определяется тем, что он возникает в результате действий или бездействий работодателя, в то время как в гражданском законодательстве перечень субъектов, способных причинить моральный вред, является открытым.

Вместе с тем остается спорным вопрос о том, за какие конкретные действия и бездействия может быть взыскан моральный вред с работодателя, а также какие из них следует признавать неправомерными [4]. Не менее важным является определение условий, при которых работник может обратиться за компенсацией морального вреда. В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным, чтобы Трудовой кодекс Российской Федерации содержал четкие критерии неправомерности действий и бездействий работодателя, позволяя обеспечить более ясное правоприменение и защиту прав работников в сфере трудовых отношений.

В научной доктрине неоднократно поднимался вопрос о необходимости признания возмещения морального вреда отдельным видом юридической ответственности в трудовом праве [5; 6]. Затруднительно отнести возмещение морального вреда к категории материальной ответственности, лишь потому, что основанием для нарушения являются трудовые правоотношения [2]. В то же время возникает вопрос, является ли компенсация морального вреда материальной ответственностью вообще. Вина является необходимым элементом правонарушения, в том числе такого, которое касается нанесения морального вреда, однако моральный вред – это ответственность не за материальный ущерб, а за нравственные страдания. Материальная ответственность в виде ущерба и убытков принципиально отличается от морального вреда. Целесообразно рассматривать возмещение

морального вреда как способ защиты прав работников, направленный на компенсацию физических или нравственных страданий. В то же время возникает вопрос о том, что подход законодателя к определению морального вреда как физического или нравственного страдания представляется достаточно узким. В связи с этим предлагается ввести в законодательство понятие «моральная травма», которое определяется, как психологическое состояние работника, вызванное нарушением его моральных ценностей, унижением, несправедливым отношением или нарушением прав со стороны работодателя, что приводит к чувству унижения, утрате доверия, внутреннему конфликту и психологическому дистрессу.

Следует отметить, что понятие нравственных страданий оценивается достаточно субъективно. В то время как физические страдания могут быть объективно определены, например, с помощью медицинского заключения или судебно-медицинской экспертизы, оценка нравственных страданий во многом зависит от того, насколько подробно и выразительно пострадавший работник сможет описать свои переживания [4]. Часто работодатель оспаривает эту связь, утверждая, что страдания работника вызваны иными причинами. При доказанности виновных противоправных действий работодателя подлежит доказыванию не сам факт морального вреда, так как он предполагается уже из самого установленного факта нарушения прав работника, а размер компенсации морального вреда. В отличие от материального ущерба, моральный вред носит нематериальный характер, и его оценка субъективна [6].

Трудовой кодекс Российской Федерации содержит норму, определяющую такое условие компенсации морального вреда, как вина работодателя. В законодательстве также должно найти отражение положение о бремени доказывания факта причинения морального вреда.

Таким образом, на сегодняшний день вопросы определения и содержания морального вреда в Трудовом кодексе Российской Федерации имеют ряд недостатков, обуславливая необходимость внесения изменений и уточнений в действующее законодательство.

Библиографический список

1. Майер М.В. Компенсация морального вреда при рассмотрении дел, связанных с трудовыми правоотношениями // Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (24-25 апреля 2025 года). – Барнаул, 2025. – С. 486-487.
2. Михайленко Ю.А. Защита нематериальных благ и личных неимущественных прав работников в эпоху технологий // Кадровик. – 2025. – № 9. – С. 13-23.
3. Михайленко Ю.А. Использование гражданско-правовых конструкций при совершенствовании трудового законодательства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2017. – № 15. – С. 84-88.
4. Новикова Ю.А. О моральном вреде и его компенсации работодателем // Кадровик. – 2023. – № 2. – С. 44-52
5. Романовская Н.А. Компенсация причиненного работнику морального вреда по трудовому законодательству Российской Федерации // Трудовое и социальное право. – 2023. – № 3 (47). – С. 16-19.
6. Терейковская А.А. Понятие ущерба в трудовом праве // Кадровик. – 2024. – № 9. – С. 8-16.
7. Чиканова Л.А. Использование отдельных гражданско-правовых категорий в регулировании трудовых отношений: актуальные проблемы // Кадровик. – 2024. – № 5. – С. 15-28

Научный руководитель – Михайленко Ю.А., к.ю.н., доцент

Открытый конкурс на право заключения концессионного соглашения как механизм противодействия недобросовестному поведению участников гражданского оборота

Катышевцев В.А.

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
г. Москва*

Зачастую решение актуальных проблем практики применения гражданского законодательства заключается в следовании базовым принципам гражданского права,

применении классических мер и способов, обеспечивающих надлежащее поведение участников гражданского оборота. Концессионное соглашение (далее – КС), как одна из многочисленных договорных частно-правовых конструкций, прямо не поименована Гражданским кодексом Российской Федерации и, являясь по своей юридической природе смешанным договором, имеет ряд публичных ограничений, обусловленных участием в качестве одной из сторон рассматриваемого договора публично-правовых образований и их (в том числе будущего) имущества в качестве предмета в значении объекта договора.

С 1 января 2026 г. открытый конкурс на право заключения КС проводится исключительно в электронной форме (ст. 2 Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]). В качестве меры обеспечения исполнения обязательства заключить КС на условиях, установленных конкурсной документацией, применяется задаток.

Учение о способах обеспечения обязательств является одной из подвижных областей гражданско-правовой доктрины. Так, представителями цивилистической науки наряду с неустойкой мерой ответственности также называется задаток [2, с. 222]. Считаем возможным согласиться, что при допущении нарушения обязательства, выраженного, в том числе в отказе заключить КС, задаток так же, как и штрафная неустойка не способствует осуществлению обеспечиваемой модели поведения, а направлен на применение негативных последствий к стороне, нарушившей обязательство (п. 2 ст. 381 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]). При этом мерой обеспечения является последствие потери суммы задатка при отказе заключить КС.

Таким образом, будучи солидарными с позицией Б.М. Гонгало, считаем: «Задаток – способ обеспечения обязательства, потеря суммы задатка – мера ответственности» [4, с. 44].

Процедура заключения гражданско-правового договора (особенно с публичным участием) помимо необходимости обеспечения добросовестности участника конкурса, также должна основываться на балансе частных и публичных интересов, принципах разумности и конкурентности. В этой связи показательно дело № А11-7269/2016, по которому постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.05.2017 г. [5] установлено, что «законодательством не предусмотрен порядок определения организатором торгов размера задатка, в связи с чем организатор торгов устанавливает размер задатка самостоятельно, исходя из... степени рисков, экономических потерь и издержек организатора торгов в случае отказа участника конкурса от заключения концессионного соглашения». По названному судебному делу кассационная инстанция не нашла оснований для пересмотра обжалуемых постановлений судов по основанию ограничения конкуренции вследствие установления «завышенного размера задатка».

При этом Федеральным законом от 28.02.2025 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» [6], вступившим в силу с 1.09.2025 г., в отношении КС, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем, размер задатка ограничен пятью процентами от объема заявленных в проекте концессионного соглашения инвестиций.

Представляется, что названные новации направлены на раскрытие механизма формирования суммы задатка в отношении соответствующих объектов коммунальной инфраструктуры. Тем не менее, ограничив максимальный размер рассчитываемой суммы задатка, остается неясным механизм формирования минимальной суммы, которая в достаточной степени:

- 1) обеспечит исполнение участником конкурса обязательство заключить КС;
- 2) подтвердит платежеспособность потенциального концессионера.

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание тенденцию к отсутствию частных инвестиций в рамках исполняемых КС [7], порядок определения минимального и максимального пределов суммы задатка по КС, в частности, в отношении объектов

коммунальной инфраструктуры должен быть определен в рамках концессионного законодательства.

Предлагаемая новелла реализуема посредством прямого закрепления в Федеральном законе от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [8] верхней и нижней границы задатка либо путем внесения в названный федеральный закон полномочия Правительства Российской Федерации по принятию нормативного правового акта, устанавливающего методику расчета суммы задатка. При этом второй представленный механизм более гибок при учете особенностей объекта, в отношении которого планируется проведение конкурса на право заключения концессионного соглашения.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 10.07.2023 № 296-ФЗ // СЗ РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5314.
2. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – 453 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ст.ст. 1-453): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гонгало Б.М. Обеспечение обязательств: история и современность // Власть Закона. – 2021. – № 1 (45). – С. 35-48.
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.05.2017 № Ф01-2041/2017 по делу № А11-7269/2016 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях»: Федеральный закон от 28.02.2025 № 22-ФЗ // СЗ РФ. – 2025. – № 9. – Ст. 851.
7. «Мы видим препоны, которые ставят муниципалитеты» // Газета «Коммерсантъ» [официальный сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492849>.
7. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // СЗ РФ. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

Научный руководитель – Илюшина М.Н., д.ю.н., профессор

Становление и правовое регулирование института компенсации морального вреда

Коваль М.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В отличие от многих зарубежных стран, институт компенсации морального вреда в России формировался на протяжении длительного времени. Отдельные его предпосылки появились уже в конце XIX – начале XX вв. Первая же идея института компенсации морального вреда зародилась еще в римском праве. Так, Закон двенадцати таблиц предопределял несколько видов противоправных деяний, за которые наступало возмещение морального ущерба: членовредительство; тяжкое повреждение, которое причиняет телесный вред; оскорбление или клевета. С ранних времен на суд возлагалась обязанность по обеспечению вознаграждения за обиду, которая была установлена в нормативных актах. Указанные правовые нормы в дальнейшем получили свое развитие в зарубежных странах относительно гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений. К примеру, возмещение вреда в первоначальном виде было представлено в договоре между Русью с Византией (911 г.). Ст. 4 данного Договора предусмотрено, что имущество лица, которое причинило смерть другому человеку, передается непосредственного близким родственникам умершего. Устанавливалось также взыскание денежного характера за причинение телесных повреждений. Была закреплена ответственность за причинение имущественного вреда.

Русская Правда во второй половине XI в. также сыграла немаловажную роль в становлении института компенсации морального вреда. Это кодифицированный

нормативный акт, который включал в себя правовые нормы, связанные с защитой имущества, чести и достоинства личности, в том числе и здоровья.

Судебник Ивана III (1497 г.) устанавливал помимо смертной казни, взыскание денежных средств из имущества убийцы. Данный систематизированный акт был создан в целях упорядочения уже существующих правовых норм. В Судебнике Ивана VI (1550 г.) истцу предоставляется право подать иск за совершение убийства. Именно с этого момента институт компенсации морального вреда начал совершенствоваться и получил широкую огласку среди научных исследователей в данной области российского права. Стоит обратить внимание на вступивший Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г., который впервые за все время установил понятие компенсации морального вреда [2]. Ст. 1 данного Закона гласила, что «кодекс регулирует имущественные и связанные с ними неимущественные отношения». Позднее на смену пришел Гражданский кодекс РСФСР (1964 г.)

Ст. 131 Основ гражданского законодательства СССР от 31 мая 1991 г. закрепила понятие компенсации морального вреда [3]. «Моральный вред» понимался как причинение физических и нравственных страданий с помощью компенсации денежных средств только при наличии умысла лица, причинившего вред, установленного в судебном порядке. Пленум Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. (утратил силу) также способствовал развитию данного института. Некоторые положения законодательства, касающиеся компенсации морального вреда, нуждались в расширительном толковании, и указанная дефиниция способствовала укреплению единообразного подхода при применении определенной правовой нормы главы, регулируя и разрешая, тем самым, общественные отношения в области компенсации морального вреда. Лишь с момента вступления Гражданского кодекса РФ законодатель решил включить главу, которая регулирует общественные отношения в сфере нематериальных благ [1].

Стоит рассмотреть официальную статистику Судебного Департамента при ВС РФ за 2022 г., где на 78 больше, чем поступило за весь 2021 год [4]. В связи с этим, Верховный Суд РФ все чаще прибегает к разъяснению правоприменительной практики, связанной с компенсацией морального вреда [4]. Также был проанализирован отчет о работе районных судов и мировых судей по делам, связанным с институтом возмещения морального вреда за 2024 г. Так, в отчетном периоде поступило дел – 29 253, сумма заявленных требований при подаче заявления – 29 874 446 345 руб., суммы, присужденных к взысканию по основному требованию (удовлетворенных) – 5 829 764 636 руб. [5]. Как видно из статистических данных, суды уменьшают установленную сумму по компенсации морального вреда.

На сегодняшний день институт компенсации морального вреда в Российской Федерации в значительной мере урегулирован нормами законодательства и широко применяется на практике.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями на 31 июля 2025 г.) (редакция, действующая с 1 августа 2025 г.) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) (утратил силу) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (ред. от 26.11.2001) (утратил силу) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Официальная статистика Судебного департамента за 2021-2022 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdep.ru/?id=79>.
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 г/ [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RT78j>.

Научный руководитель – Витько М.В., к.п.н., доцент

Принципы гражданского процесса в условиях цифровизации: системный кризис и пути преодоления

Комаров Д.Н.

*Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов*

Современное гражданское судопроизводство Российской Федерации находится в состоянии перманентной реформы, ключевыми векторами которой являются цифровизация и оптимизация. Однако за внешней эффективностью этих процессов скрываются глубинные противоречия, ставящие под вопрос саму сущность правосудия как цивилизационной ценности. Цель данной статьи – выявить и проанализировать системный кризис, вызванный доминированием технологических и утилитарных задач над смысловыми основами процесса, и наметить возможные пути его преодоления через обращение к системе процессуальных принципов.

Корень современных проблем гражданского процесса точно диагностируется в фундаментальном противоречии между его целью и задачами. Как справедливо отмечается в доктрине, «в процессе реформирования, на мой взгляд, произошла также весьма интересная метаморфоза. Законодатель исподволь осуществил подмену цели задачами... реформа процессуального законодательства подчиняется задачам, а не сверяется с целью» [1, с. 88].

Описанная подмена цели задачами не только создает системные проблемы, но и определяет вектор развития процессуального права, который сегодня во многом задается технологическими новациями. В этой связи необходимо констатировать, что «цифровизация непременно влияет на рассмотрение гражданских дел во всех стадиях гражданского процесса» [2, с. 52]. Это влияние носит амбивалентный характер. С одной стороны, цифровизация направлена на обеспечение эффективности и, как утверждают ее сторонники, «внедрение таких цифровых новаций, как видео-конференц-связь, аудиопrotocol, онлайн-заседания, электронная подача документов, обеспечивает доступность, открытость и гласность судопроизводства, позволяет сократить срок рассмотрения дела» [3, с. 101]. С другой стороны, технологический инструментарий, оторванный от смыслового фундамента, создает иллюзию решения проблем, лишь углубляя системный кризис. Упрощение, двигателем которого является цифровизация, приводит к тому, что процесс утрачивает свой демократизм – технология, призванная служить принципам, на практике может начать их подменять.

В условиях этой трансформации ключевое значение приобретает вопрос о природе и функции процессуальных принципов. «Принципы с позиции позитивистского подхода – это руководящие начала, выраженные в нормативных актах и обращенные к правоприменителю и другим субъектам права. При прямом закреплении принципа в законе можно сделать однозначный вывод о наличии принципа и его содержании» [4, с. 70]. Данный подход, обеспечивая определенность, оказывается недостаточным для противодействия вызовам цифровизации. Законодатель, формально не отменяя принципы в «бумажном» кодексе, может де-факто исключать их действие в регламентах упрощенных производств.

Выход из сложившегося кризиса видится не в отказе от цифровых технологий, а в их подчинении высшим правовым началам. Необходим возврат к конституционной парадигме, где права и свободы человека являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов. В этом контексте обретает новый смысл надежда на «скорейшее воплощение в жизнь абсолютно всех конституционных принципов гражданского процесса» [5, с. 57]. Такой возврат предполагает не просто формальное соблюдение предписаний, а содержательное наполнение процессуальных действий духом

Конституции. Цифровые новации должны не ограничивать, а усиливать действие принципов состязательности, равноправия сторон, непосредственности и гласности, обеспечивая их адекватную реализацию в новых условиях.

Библиографический список

1. Громошина Н.А. О принципах цивилистического процесса в условиях, когда «современная модель капитализма исчерпала себя» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12 (88). – С. 83-89.
2. Эриашвили Н.Д. О судопроизводстве по гражданским делам в условиях цифровизации в Российской Федерации // Судебная экспертиза и исследования. – 2023. – № 1. – С. 50-52.
3. Новикова К.С. Элементы электронного правосудия через призму основных принципов судопроизводства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (43). – С. 96-103.
4. Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 3 (98). – С. 69-77.
5. Пошивайлова А.В. Реализация конституционных принципов судостроительства и судопроизводства в гражданском процессе Российской Федерации // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. – 2014. – № 4 (31). – С. 53-57.

Актуальные проблемы при применении налоговых санкций в связи с отменой заявительного порядка возмещения НДС, внесения изменений в проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации»

Котенева А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современная система налогообложения построена таким образом, чтобы обеспечивать стабильное поступление доходов в бюджет и одновременно сохранять баланс публичных и частных интересов [4, с. 36]. В ее структуре значимое место занимает механизм возмещения налога на добавленную стоимость (НДС), выполняющий функцию поддержания оборотного капитала и влияющий на финансовую стабильность хозяйствующих субъектов. В настоящее время, согласно Федеральному закону от 31.07.2023 № 389-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абз. 2 п. 1 ст. 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации», возмещать НДС в заявительном порядке можно до 2025 г. включительно [2].

Однако, учет отмены заявительного порядка повлечет необходимость пересмотра существующих процедур и выработки новых правовых решений, касающихся начисления процентов и применения налоговых санкций при признании возврата налога необоснованным.

Действующая редакция ст. 176.1 НК РФ [1] предусматривает начисление процентов с третьего дня после принятия решения налогового органа о возмещении суммы налога, заявленной к возмещению в заявительном порядке, до дня принятия решения об отмене (полностью или частично) этого решения. Однако, такая конструкция не позволяет учитывать реальные обстоятельства исполнения обязанностей налогоплательщика, что на практике влечет дополнительную финансовую нагрузку на участников экономического оборота, даже при своевременном возврате средств. Так, считаем, что возможно внести в абз. 2 п. 17 ст. 176.1 НК РФ положение, согласно которому проценты не начисляются, если налогоплательщик возвращает соответствующие суммы в течение десяти рабочих дней со дня отмены решения налогового органа. В том же пункте считаем обоснованным

закрепить, что начисление процентов не производится, если уточненная налоговая декларация подтверждает право налогоплательщика на возмещение НДС. Тем самым, представляется возможным устранить элемент автоматизма и ввести критерии, основанные на оценке фактического поведения налогоплательщика.

Представляется обоснованным рассмотреть возможность внесения в п. 10 ст. 203 и ст. 203.1 НК РФ поправок, по содержанию сопоставимых с предлагаемыми изменениями в регулировании НДС. Предлагается закрепить, что проценты не подлежат начислению, если отмена решения о возврате акциза происходит после представления уточненной декларации и возврат средств осуществляется в установленный десятидневный срок. Кроме того, целесообразно предусмотреть, что начисление процентов должно производиться только за период фактического нахождения средств в распоряжении налогоплательщика с момента их поступления на расчетный счет до дня возврата в бюджет.

Существенное значение при формировании предлагаемой правовой модели может приобрести обновленная редакция ст. 203.1 НК РФ. По нашему мнению, в законопроекте следует закрепить, что начисление процентов может быть признано несоразмерным принципу справедливости налогообложения, предусмотренному п. 3 ст. 3 НК РФ, если налогоплательщик подтвердил добросовестное исполнение обязанности по возврату неправомерно полученных средств. Подобное решение позволит перейти от механического применения санкций к дифференцированному подходу, основанному на учете индивидуальных обстоятельств каждой налоговой ситуации. Такой механизм придаст правовому регулированию гибкость и справедливость, обеспечив соразмерность мер ответственности фактическому поведению налогоплательщика.

Поскольку законопроект пока не принят, предлагаемые положения имеют проектный характер. Представляется целесообразным установить, что федеральный закон вступит в силу со дня его официального опубликования, а изменения, касающиеся ст. 101 НК РФ, начнут применяться к решениям по материалам налоговых проверок, вынесенным с 1 января 2024 г. Положения, предлагаемые к внесению в ст. 176, 176.1, 203 и 203.1 НК РФ, могут быть распространены на решения о возмещении НДС и акцизов, принятые с 1 января 2025 г. Подобная последовательность вступления в силу обеспечит плавное внедрение новелл и создаст предпосылки для адаптации налоговых органов и налогоплательщиков к новому порядку правового регулирования.

Вместе с тем при прогнозировании последствий реализации рассматриваемой законодательной инициативы необходимо учитывать возможные риски, проявляющиеся при практическом применении новых норм.

Одним из наиболее уязвимых вопросов является отсутствие нормативного закрепления понятия «добросовестный налогоплательщик». При закреплении в НК РФ возможности освобождения от начисления процентов при подтверждении добросовестности, требуется также разработка критериев, по которым налоговые органы смогут оценивать соответствующее поведение. Следующей проблемой может стать переход к новой системе правового регулирования, если соответствующая законодательная инициатива будет реализована. Масштабные изменения в налоговой сфере, как показывает практика, требуют определенного времени для адаптации всех участников налоговых правоотношений [3, с. 75].

Особую сложность могут вызвать вопросы, касающиеся момента начала течения десятидневного срока, определения даты фактического возврата средств, а также корректности представленных уточненных налоговых деклараций. В этой связи особое значение приобретает своевременная выработка единых разъяснений со стороны ФНС России, а также формирование судебных правовых позиций, способных обеспечить согласованность правоприменительной практики и минимизировать риски для участников налоговых правоотношений.

Таким образом, реализация предложенных изменений создаст предпосылки для снижения конфликтности в налоговой сфере, повышения предсказуемости правоприменения и оптимизации административной нагрузки. Дальнейшее совершенствование налогового

законодательства должно быть направлено на достижение баланса между фискальными интересами государства и созданием благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
2. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 32 (Часть I). – Ст. 6121.
3. Чертков Н.Н. Понятие юридического документа в контексте современной теории права и цифровизации // Юридическая наука. – 2025. – № 6. – С. 75-80.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

**Вопросы подведомственности оспаривания постановлений,
действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя**

Кривошеева С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В судебной практике значительное место занимают споры, связанные с определением подведомственности оспаривания постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя. На практике могут возникнуть ситуации, когда трудно определить точную категорию спора, особенно если речь идет о взыскании долгов, возникающих в результате предпринимательской деятельности, но затрагивающих права физического лица.

В текущем правовом поле, в частности в положениях Федерального закона от 2.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1] отсутствуют нормы, четко устанавливающие, к чьей компетенции относится рассмотрение дел, связанных с оспариванием действий судебного пристава-исполнителя.

Исходя из толкований, представленных в абз. 3 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.10.2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» [4] (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 50), обжалование решений сотрудников Федеральной службы судебных приставов России осуществляется на основании гл. 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее – КАС РФ) и гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ).

Вопрос подведомственности может стать предметом споров и разногласий, особенно в случаях, когда исполнительное производство затрагивает интересы нескольких сторон, находящихся в разной юрисдикции. Например, когда должник одновременно выступает как частное лицо, с долгом перед кредитором, подтвержденным судом общей юрисдикции, и как компания, чьи обязательства определены арбитражным судом, слияние исполнительных дел способно вызвать конфликт при определении органа, компетентного рассматривать жалобы на решения, действия или бездействие пристава-исполнителя. Возникший спор о подведомственности может привести к отказу в рассмотрении иска или к его возврату заявителю, что серьезно замедлит процедуру отстаивания прав должника или кредитора. Придется потратить время и ресурсы на определение надлежащего суда, что противоречит принципам эффективности исполнительного производства.

Сложность представляют ситуации, когда действия пристава-исполнителя затрагивают права третьих лиц, не являющихся сторонами исполнительного производства. В таких случаях определение подведомственности зависит от характера спора и того, какие именно права третьих лиц нарушены. Если спор носит гражданско-правовой характер (например, оспаривание принадлежности имущества, на которое обращено взыскание), то он может быть рассмотрен как судом общей юрисдикции, так и арбитражным судом в зависимости от субъектного состава участников спора и характера их деятельности.

В настоящее время не существует однозначных правовых норм, устанавливающих, в какой суд подавать жалобу на решения, действия или бездействие судебного исполнителя, если документы, выданные разными судебными органами, рассматриваются в рамках совместного исполнительного производства. Среди исследователей высказываются мнения, что одним из возможных решений является закрепление правила о том, что такие дела должны рассматриваться судом, выдавшим первый исполнительный документ «в рамках сводного производства, либо судом, по месту нахождения которого отдел судебных приставов, при условии, что оба эти суда относятся к одной и той же юрисдикции» [5, с. 131].

Ясность в этот вопрос вносит судебная практика, в частности Постановление Пленума ВС РФ № 50. Именно оно определяет, что данные споры подлежат рассмотрению в рамках КАС РФ, то есть в судах общей юрисдикции. Однако неопределенность в выборе, отсутствие четких критериев определения подведомственности споров в кодифицированных актах, приводит к неоднозначной судебной практике и необходимости каждый раз анализировать все обстоятельства для определения надлежащего суда. Это создает неопределенность для участников исполнительного производства и затрудняет защиту их прав и законных интересов. Необходимость внесения изменений в кодифицированные акты с целью устранения указанных пробелов является очевидным.

В соответствии с существующими толкованиями, для формализации в законодательстве норм о подсудности дел по обжалованию решений, действий или бездействия судебного пристава-исполнителя, выдвигается инициатива внести изменения в ст. 19 КАС РФ, дополнив ее ч. 2 в следующей редакции: «В случаях, когда объединенное исполнительное производство включает исполнительные производства, возбужденные на основании исполнительных листов, выданных судами общей юрисдикции, и исполнительных листов, выданных арбитражными судами, вопросы, связанные с законностью действий судебного пристава-исполнителя при исполнении этих документов, подлежат разрешению судом общей юрисдикции».

Предлагаемое дополнение соответствует общей логике распределения компетенций между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, поскольку основная масса исполнительных производств, даже при их объединении в сводное производство, все же касается исполнения решений судов общей юрисдикции. Это обстоятельство обуславливает целесообразность рассмотрения подобных споров именно в судах общей юрисдикции. Кроме того, предлагаемое дополнение направлено на устранение коллизионности в подведомственности споров об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, избежание возможных разногласий и обеспечении единообразного применения законодательства на практике.

Библиографический список

1. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 08 марта 2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 (ред. от 24.11.2024) // Российская газета. – 2015. – № 270.

Анализ нормативно-правового регулирования налогового контроля в Российской Федерации

Кузнецова Е.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Особое внимание законодатели в Российской Федерации уделяют налоговому контролю, его организации и проведения. Нормы налогового контроля кодифицированы в действующем Налоговом кодексе Российской Федерации и конкретизированы в нормативных правовых актах подзаконного уровня. Именно поэтому нормативно-правовое регулирование налогового контроля значительно влияет на эффективность его осуществления.

Нормы налогового контроля в российском законодательстве о налогах и сборах представлены четырьмя уровнями [1].

Первым уровнем является Конституция Российской Федерации. Обязанность уплаты налогов гражданами прямо установлена в Конституции Российской Федерации. Участники правовых отношений, так или иначе связанных с хозяйственной деятельностью, обязаны платить установленные законодательством налоги в силу того, что фискальная функция государства, обусловленная его суверенитетом, составляет экономическую основу жизнедеятельности общества. Конституционные основы в области налогов и сборов отражены в ст.ст. 71, 72, 104, 132 Конституции Российской Федерации, они успешно регулируют налоговые отношения и не подвергались внесению изменений, поэтому их можно оценить как прочную правовую основу налогового права, в том числе и налогового контроля.

Вторым уровнем являются международные договоры Российской Федерации. Международные соглашения в области налогов, как правило, носят двусторонний характер, заключаются между государствами с целью исключения двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов. Таким образом, международные договоры по вопросам налогообложения позволяют согласовать противоречия национальных налоговых норм. Следует отметить, что установленные правила и нормы в международных договорах Российской Федерации приоритетны в том случае, если в российском налоговом законодательстве предусмотрены иные правила и нормы.

Третьим уровнем является Налоговый кодекс Российской Федерации и иные федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты муниципальных образований. Все перечисленное, условно, можно обозначить как налоговое законодательство, хотя формально, акты управления и муниципальные правовые акты не имеют законодательного характера. Вершиной налогового законодательства является Налоговый кодекс Российской Федерации, состоящий из двух частей, обуславливающий систему налогового права как отрасли. В общей части содержатся нормы, изложенные в части первой кодекса и закрепляющие единые федеральные стандарты налогообложения. В особенной части (к ней относятся нормы части второй кодекса, региональные законы, акты управления и муниципальные правовые акты) определен порядок налогообложения конкретных федеральных, региональных и местных налогов и сборов, а также специальных налоговых режимов и страховых взносов. Федеральное законодательство – это Налоговый кодекс Российской Федерации и иные федеральные законы о налогах, сборах, страховых

вносах. Региональное законодательство – это законы субъектов Российской Федерации о налогах. Местное законодательство – это нормативные правовые акты муниципальных образований о местных налогах и сборах. Необходимо заметить, что федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации и нормативные правовые акты муниципальных образований о налогах и сборах издаются на основе Налогового кодекса Российской Федерации. Понятие, признаки, формы и методы налогового контроля закрепляются гл. 14 Налогового кодекса Российской Федерации, именно эти нормы составляют федеральный стандарт указанного института.

Четвертым уровнем является подзаконные нормативные правовые акты и иные официальные документы. К подзаконным нормативным правовым актам относятся Постановления Правительства Российской Федерации, а также Приказы Министерства финансов Российской Федерации и Федеральной налоговой службы Российской Федерации, которые налоговыми органами регламентируют процедуру организации контрольных мероприятий в рамках осуществления налогового контроля. К данному уровню также относятся разъяснительные документы Федеральной налоговой службы Российской Федерации служебного характера (регламенты, методические рекомендации и прочее), в которых истолковываются конкретные вопросы применения норм законодательства о налогах и сборах и которые также используются при решении спорных налоговых ситуаций. Следует отметить, что законодательство субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты о налогах и сборах не содержат нормы, определяющие порядок осуществления налогового контроля и содержать не могут, поскольку указанные нормы имеют общеотраслевой характер. Налоговые акты субъектов Российской Федерации и муниципальных образований применяются налоговыми органами с целью проверки региональных и местных налогов, их правильного исчисления и своевременной уплаты.

Таким образом, российские законодательные основы налогового контроля представлены Конституцией Российской Федерации, международными договорами, Налоговым кодексом Российской Федерации и иными федеральными, региональными законами и нормативными правовыми актами муниципальных образований, а также подзаконными нормативными правовыми актами.

Рассмотрев существующие нормативные основы организации и проведения налогового контроля можно сделать вывод о том, что в российском налоговом законодательстве постоянно вносятся изменения норм Налогового кодекса Российской Федерации. Многочисленные изменения норм Налогового кодекса Российской Федерации сказываются не только на региональном и местном законодательстве о налогах и сборах, но и приводят к возникновению споров между налоговыми органами и налогоплательщиками при толковании норм Налогового кодекса Российской Федерации. В процессе налоговых споров формируется судебная практика, которая позволяет толковать нормы налогового законодательства, конкретизируя положения законодательства и дополняя пробелы правового регулирования налогового контроля.

Таким образом, тщательная проработка правового регулирования налогового контроля будет способствовать правильному толкованию норм законодательства о налогах и сборах в спорах между налоговыми органами и налогоплательщиками.

Библиографический список

1. Колесниченко О.В. Налоговое право: учебное пособие. – М., 2025. – 206 с.
2. Хлучина Е.В. Нормативно-правовое регулирование налогового учета и налогового контроля в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2022. – № 38 (433). – С. 169-172.

Научный руководитель – Сорокина А.Г. к.ю.н., доцент

Взаимосвязь способов защиты и форм злоупотребления субъективными гражданскими правами

Кыдыев А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Постоянная защита гражданских прав обусловлена поведением самих участников гражданских правоотношений, поскольку установленный в ст. 10 ГК РФ запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, а также их осуществление с намерением причинить вред другому лицу или в обход закона с противоправной целью не останавливают лиц от совершения подобных злоупотреблений.

Как указывает в своем исследовании Д.И. Богдан, фактически противоправность злоупотребления правом состоит в нарушении обязанности использовать свое субъективное право именно в качестве меры (ограничения) дозволенного поведения [2, с. 63].

Интересным представляется мнение Д.В. Кувшинова, согласно которому практически каждое физическое или юридическое лицо пытается обойти закон, чтоб каким-либо способом приобрести выгоду своим интересам, будь они моральными или финансовыми. Отрицать этого нельзя и бесполезно в связи с обстоятельствами настоящего времени [4, с. 145].

В ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации законодатель упоминает о формах злоупотребления правами, акцентируя внимание на использовании прав с целью причинения вреда другому человеку – в научной юридической литературе это явление называется «шиканой». Также рассматриваются действия, направленные на обход закона с незаконными намерениями, а также другие проявления недобросовестного поведения.

Получается, что установленный законодателем перечень форм злоупотребления правом не является закрытым. В связи с этим в работе Ф.Ф. Масиева к числу форм злоупотребления правом относятся также недобросовестная конкуренция и злоупотребление доминирующим положением на рынке как частные случаи недобросовестного поведения [6, с. 114].

С целью защиты прав конкретного лица или неопределенного круга лиц, которым причиняется или может быть причинен вред посредством вышеперечисленных форм злоупотребления правом, применяются поименованные в ст. 12 Гражданского кодекса РФ способы защиты гражданских прав, а именно: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права; прекращение действий, нарушающих право; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, взыскание убытков и компенсация морального вреда. Перечень которых дан неисчерпывающим.

Справедливо отмечается, что выбор способа защиты зависит от характера нарушения и целей восстановления нарушенного права. В этом состоит взаимосвязь противоправного поведения и способа защиты нарушенного права. Аналогичным образом строится и взаимосвязь способов защиты и форм злоупотребления субъективными гражданскими правами.

Отдельные научные труды выделяют различные принципы установленной взаимосвязи. Так, в качестве основного принципа в работе Д.Н. Кархалева называется соразмерность способа защиты нарушению. Например, меры самозащиты не должны выходить за пределы действий, необходимых для пресечения нарушения [3, с. 97].

О других принципах взаимосвязи способов защиты нарушенного права и самих нарушений говорится в работе Д.Н. Латыпова. Автор говорит об обязательной направленности способа защиты на достижение целей. Каждый способ применяется для

достижения той или иной цели как, например, пресечение противоправных действий, восстановление нарушенного права или компенсация ущерба. Кроме того, в качестве принципа взаимосвязи выделяется также соответствие способа защиты характеру нарушения. В некоторых случаях закон устанавливает, что для защиты определенных видов прав доступны только определённые способы [5, с. 316].

Таким образом, действительность такова, что общественные отношения не могут быть идеальными и полноценно соответствующими закону, поскольку, преследуя имущественную или неимущественную выгоду, лица зачастую прибегают к злоупотреблению своими субъективными гражданскими правами.

В заключении хочется отметить, что рассматриваемые способы защиты нарушенного права могут быть применены только к лицу, пострадавшему от злоупотребления правом. Само же лицо, отличившееся недобросовестным поведением, как неоднократно отмечается законодателем и высшими судебными инстанциями, не имеет право на какую-либо защиту в рамках совершенных злоупотреблений. Это подтверждает позицию о противоправной природе злоупотребления субъективными гражданскими правами. На практике взаимосвязь способов защиты и форм злоупотребления гражданскими правами, которая строится главным образом на принципах соразмерности и целесообразности.

Библиографический список

1. Богдан Д.И. Противоправность злоупотребления правом // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2024. – № 5. – С. 60-73.
2. Кархалев Д.Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 90-111.
3. Кувшинов Д.В. К вопросу о сущности злоупотребления правом // Вестник науки. – 2023. – № 2 (59). – С. 144-149.
4. Латыпов Д.Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дисс. ... д.ю.н.. – Пермь, 2022. – 482 с.
5. Масиев Ф.Ф. Соотношение злоупотребления правом с недобросовестной конкуренцией и злоупотреблением доминирующим положением // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 112-116.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н., доцент

Процедура банкротства в механизме реализации мер ответственности за нарушение налогового законодательства

Лавринец А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современная экономическая система немыслима без эффективного налогового регулирования, обеспечивающего устойчивое наполнение бюджета и выполнение государством своих социальных и экономических функций. Однако нередки случаи, когда налогоплательщики не исполняют налоговые обязательства. Одним из ключевых инструментов принудительного взыскания долгов и восстановления прав государства как кредитора является процедура банкротства, которая выступает завершающей стадией реализации мер ответственности за налоговые правонарушения.

В современных условиях процедура банкротства стала не только способом ликвидации неплатежеспособных субъектов, но и механизмом балансирования интересов государства, кредиторов и должника. В контексте налоговых нарушений она имеет особое значение, так как затрагивает сферу публичных финансов и фискальной дисциплины [3].

Согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», банкротство представляет собой правовой механизм, направленный

на восстановление платежеспособности должника или его ликвидацию в установленном законом порядке [4].

Основная функция банкротства – восстановительно-компенсационная, т.е. оно направлено на соразмерное удовлетворение требований всех кредиторов, включая налоговые органы, и предотвращение дальнейшего наращивания задолженности.

Однако если банкротство стало следствием умышленных действий, направленных на уклонение от уплаты налогов или сокрытие активов, оно может рассматриваться как элемент ответственности. В таких случаях вступает в силу уголовно-правовой компонент, предусмотренный ст.ст. 199, 199.2, 195-197 УК РФ.

На практике налоговые органы используют институт банкротства как инструмент принудительного взыскания задолженности. Процедура банкротства позволяет [2]:

1. Обеспечить прозрачное распределение имущества должника;
2. Предотвратить вывод активов и фиктивные сделки;
3. Привлечь к субсидиарной ответственности руководителей и бенефициаров компании-должника.

Процедура банкротства включает несколько стадий, каждая из которых играет роль в реализации мер ответственности.

Наблюдение – предварительная стадия, на которой проводится анализ финансового состояния должника и выявляются признаки фиктивного или преднамеренного банкротства. На этом этапе ФНС активно участвует в собрании кредиторов и контролирует поведение должника.

Финансовое оздоровление и внешнее управление – направлены на восстановление платежеспособности предприятия. Если налоговые органы видят перспективу возобновления платежей, они могут поддерживать план реструктуризации.

Конкурсное производство – стадия ликвидации, когда имущество должника реализуется, а вырученные средства направляются на погашение долгов. В порядке очередности требования государства по обязательным платежам удовлетворяются в третью очередь, что подтверждает баланс интересов между фискальными и частными кредиторами [3].

Мировое соглашение – вариант завершения дела при условии, что должник и кредиторы достигают взаимоприемлемого компромисса. Однако в случае налоговой задолженности мировое соглашение допускается только после полного погашения обязательных платежей перед бюджетом.

Судебная практика показывает, что нередко банкротство используется как способ уклонения от налогов. В таких случаях применяются механизмы привлечения к субсидиарной ответственности. Согласно ст.ст. 61.10-61.12 Закона № 127-ФЗ, руководители и контролирующие лица компании могут быть обязаны возместить убытки, причиненные недобросовестным управлением.

Так, в 2022 г. Арбитражный суд Московского округа удовлетворил иск ФНС России о взыскании более 50 млн руб. с бывшего генерального директора ООО «АльфаГрупп», доказав, что предприятие сознательно уклонялось от уплаты НДС и налога на прибыль [4].

Кроме того, в последние годы расширяется практика взаимодействия налоговых органов и правоохранительных структур при выявлении признаков преднамеренного банкротства, что позволяет рассматривать банкротство как элемент комплексной системы налоговой ответственности.

Процедура банкротства выполняет двойственную функцию: с одной стороны, это правовой инструмент, обеспечивающий восстановление справедливости и защиту прав кредиторов, а с другой – мероприятие государственного принуждения, направленное на укрепление налоговой дисциплины и предотвращение безответственного поведения налогоплательщиков.

Институт банкротства становится не просто экономико-правовым механизмом, а элементом фискальной справедливости и ответственности бизнеса перед обществом.

Процедура банкротства в механизме реализации мер ответственности за нарушение налогового законодательства занимает особое место в правовой системе. Она обеспечивает баланс между интересами государства, должника и кредиторов, а также способствует укреплению дисциплины налогоплательщиков [1].

Банкротство, инициированное налоговыми органами, является важным звеном в цепи мер ответственности: от налоговой проверки – до окончательного погашения задолженности или ликвидации должника. Современная судебная практика подтверждает, что эффективность этой процедуры напрямую зависит от взаимодействия ФНС, арбитражных судов и правоохранительных органов.

В перспективе развитие цифровых инструментов налогового контроля, автоматизация обмена данными и повышение прозрачности финансовых потоков позволят сделать процедуру банкротства более оперативной, справедливой и экономически оправданной. Тем самым институт банкротства продолжит выполнять не только экономическую, но и правос воспитательную функцию, напоминая: нарушение налоговой дисциплины – это не только обязанность платить по счетам, но и ответственность перед государством и обществом.

Библиографический список

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 28.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (в ред. от 01.07.2024) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Платонова Н.В. Банкротство как форма реализации ответственности за неисполнение налоговых обязательств // Финансовое право. – 2023. – № 2. – С. 45-52.
4. Савельев П.А. Роль налоговых органов в процедурах банкротства: современная практика и тенденции // Арбитражная практика. – 2022. – № 7. – С. 33-40.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

Проблемы приобретения гражданами права собственности на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности бесплатно

Лобова М.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современная система бесплатного предоставления земельных участков гражданам представляет собой сложный правовой институт, сочетающий элементы частного и публичного права. Актуальность исследования обусловлена: необходимостью анализа изменений земельного законодательства в 2023-2025 гг.; ростом социальной напряженности из-за длительных сроков ожидания земельных участков; потребностью в разработке эффективных механизмов земельного распределения.

Категории граждан, имеющих право на бесплатное получение земельных участков:

1) Многодетные семьи. Так, согласно п. 6 ст. 39.5 Земельного кодекса РФ [1], многодетные семьи имеют право на однократное бесплатное получение земельного участка для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства. Данная норма реализуется через региональные программы, однако на практике сталкивается с существенными трудностями. В Алтайском крае, например, постановление Правительства № 125 от 15.03.2023 предусматривает выделение участков площадью от 10 до 15 соток, но фактически семьи получают предложения о землях в 30-50 км от областного центра. Основные проблемы заключаются в отсутствии развитой инфраструктуры на выделяемых территориях (недостаток дорог, школ, медицинских учреждений), а также в необходимости

нести значительные сопутствующие расходы – в среднем 150-200 тыс. руб. на межевание и подключение коммуникаций.

2) Герои России и Советского Союза. Федеральный закон № 5-ФЗ от 09.01.1997 [5] гарантирует данной категории граждан на получение земельного участка площадью до 0,2 га без проведения торгов. Однако реализация этого права осложняется бюрократическими процедурами. Для подтверждения статуса часто требуются архивные справки, процесс получения которых может занимать несколько месяцев. В Алтайском крае в 2023 г. только 40% обратившихся героев смогли получить землю в течение года. Остальные сталкивались либо с отсутствием подходящих участков в желаемой местности, либо с необходимостью многократных обращений в различные инстанции.

3) Ветераны боевых действий. Ст. 16 Федерального закона «О ветеранах» от 12.01.1995 № 5-ФЗ [6] предусматривает внеочередное право ветеранов боевых действий на получение земельного участка. Однако на практике это право часто остается формальным. Ветеранам предлагают земли в заболоченной местности или без подъездных путей, что делает их непригодными для строительства. Ярким примером является решение Верховного Суда РФ по делу № 33-КГ23-5, где было признано незаконным действие администрации г. Бийска, отказавшей ветерану в предоставлении участка под предлогом отсутствия свободных земель, при том что значительные территории находились в муниципальной собственности, но не были надлежащим образом оформлены.

4) Молодые специалисты на селе. Программа «Молодой фермер» предусматривает предоставление до 1 га земли при условии 5-летней работы в агропромышленном комплексе. Однако эффективность программы ограничивается несколькими факторами. Во-первых, отсутствие стартового капитала у большинства участников делает невозможным эффективное использование выделенных участков. Во-вторых, не гарантируется трудоустройство после получения земли. Статистика Алтайского края показывает, что только 15% участников программы продолжают заниматься сельским хозяйством по истечении 5-летнего срока. Остальные либо продают участки, либо используют их не по назначению.

5) Граждане для ведения личного подсобного хозяйства. Федеральный закон № 112-ФЗ [8] и закон Алтайского края от 8 июня 2012 года № 48-ЗС «О внесении изменения в статью 2 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных отношений в области оборота земель сельскохозяйственного назначения» [10] устанавливают особый порядок предоставления земель сельскохозяйственного назначения. Однако размер выделяемых участков (обычно 10-15 соток) часто недостаточен для рентабельного ведения хозяйства. Кроме того, процедура оформления требует многочисленных согласований с сельскохозяйственной палатой и другими контролирующими органами, что занимает в среднем 6-8 месяцев. Особенно сложной ситуация остается в пригородных зонах, где спрос на землю значительно превышает предложение.

6) Инвалиды и семьи с детьми-инвалидами. Ст. 17 Федерального закона № 181-ФЗ от 24.11.1995 [9] гарантирует первоочередное право на получение земельных участков. Однако реализация этого права сталкивается с проблемами доступности инфраструктуры. Выделяемые участки часто не оборудованы необходимыми для инвалидов элементами – пандусами, специальным транспортом, медицинскими учреждениями в шаговой доступности. Кроме того, распространена практика формальных отказов под предлогом отсутствия свободных земель, хотя в действительности муниципалитеты не проводят должной работы по инвентаризации и подготовке земельных участков для данной категории граждан.

7) Граждане РФ по программе «Дальневосточный гектар». Федеральный закон № 119-ФЗ от 01.05.2016 предусматривает бесплатное предоставление земельных участков на Дальнем Востоке [2]. Однако программа сталкивается с проблемой удаленности выделяемых земель от инфраструктуры, более 60% участков находятся на расстоянии свыше 50 км от ближайших населенных пунктов. Высокие затраты на освоение (в среднем 300-500 тыс. рублей на проведение коммуникаций) делают программу малопривлекательной для

большинства граждан. Кроме того, отсутствие четкого механизма контроля за целевым использованием приводит к тому, что значительная часть участков фактически не осваивается.

Проведенное исследование показало, что системными проблемами бесплатного предоставления земельных участков в первую очередь является:

1) Дефицит земель. Например, в Алтайском крае свободно лишь 2,7% муниципальных земель (данные на 01.01.2025) [4]. Дефицит земель обусловлен, в том числе, необходимостью осуществления государственного кадастрового учета земель из земель неразграниченной государственной и(или) муниципальной собственности, площадь неразграниченных земельных участков в Алтайском крае составила 6022,6 тыс. га [4]. Данная процедура требует финансовых затрат на кадастровые работы. Отсутствие на данный момент четкого механизма принудительного изъятия неиспользуемых участков, также формирует дополнительный дефицит, однако стоит отметить, что законодателем принят ряд мер в данном направлении ст. 85 ЗК РФ, в соответствии с которой принято Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 826, которое вступило в силу с 1 сентября 2025 г., в котором обозначены Признаки неиспользованных земельных участков.

2) Условная «бесплатность», так как существуют скрытые затраты (подключение к коммуникациям, кадастровые работы, госпошлины), отсутствие компенсационных механизмов для льготных категорий.

3) Отсутствие на Геоинформационном портале (<https://nspd.gov.ru/>) информации о свободных земельных участках, которая задумана законодателем, однако на практике не исполняется, в связи с отсутствием технической оснащенности администраций, либо отсутствием специалистов с должным образованием, а также четким механизмом исполнения органами местного самоуправления обязанности по внесению данных сведений на портал.

4) Отсутствие инфраструктуры или пригодности участка для целевого использования.

Полагаем, с целью совершенствования законодательства и дальнейшей реализации права бесплатного приобретения земельных участков, необходимо: проведение масштабных кадастровых работ, с целью вывода земель из неразграниченной государственной и(или) муниципальной собственности; проработка механизма своевременного внесения информации на Геоинформационный портал (<https://nspd.gov.ru/>) о свободных земельных участках; введение механизма компенсации расходов на освоение земель (предоставление субсидий на подключение к коммуникациям, компенсация затрат на кадастровые работы и пр.); стимулирование развития инфраструктуры: разработка программ софинансирования инфраструктурных проектов; привлечение частных инвестиций в освоение земель. Предложенные меры позволят обеспечить баланс между социальными гарантиями и экономической эффективностью землепользования, а также повысить уровень доверия граждан к государственным и муниципальным программам. Как справедливо отмечает профессор С.А. Боголюбов, «земельная реформа должна сочетать социальные гарантии с экономической эффективностью» [3]. Реализация предложенных изменений будет способствовать созданию устойчивой системы земельных правоотношений, отвечающей интересам всех участников.

Библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. О дальневосточном гектаре: Федеральный закон от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Боголюбов С.А. Земельное право: учебник для вузов. – М.: Проспект, 2024. – 400 с.
4. Отчет «Динамика предоставления земельных участков гражданам в 2020-2024 годах» // Росреестр [официальный сайт]. – URL: <https://rosreestr.gov.ru>.
5. О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы: Федеральный закон от 09.01.1997 № 5-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

7. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
8. О личном подсобном хозяйстве: Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
9. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
10. О внесении изменения в статью 2 закона Алтайского края «О регулировании отдельных отношений в области оборота земель сельскохозяйственного назначения»: Закон Алтайского края от 08.06.2012 № 48-ЗС (принят Постановлением АКЗС от 04.06.2012 № 252) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Михалева Д.А. к.ю.н., доцент

Дискреционные полномочия арбитражного суда как способ противодействия злоупотреблению правом

Лубянцева А.Е.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский институт управления – филиал
г. Волгоград*

Тема «злоупотребление правом» в процедуре банкротства граждан со временем набирает все большую популярность и становится «фабричным» продуктом. Такая функция закона как восстановление финансового положения должника нивелируется. Вместо нее приходит цель неосновательного обогащения, что явно попирает основы справедливости и морали.

Проблема злоупотребления правом известна еще со времен Римского права. В титуле о праве справедливости в институциях Юстиниана было определено, что «справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое». «Каждому свое» означало соизмерение субъективного права с правами и интересами других лиц [6, с. 15]

Нормы, регулирующие правоотношения, возникшие из злоупотребления правом в Римском праве были двоякими. С одной стороны, действовал принцип: «Nullus videtur dolo facere, qui iure suo utitur» (никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется своим правом), с другой стороны, принцип: «malitiis non est indulgendum» (злоупотребление непростительно) [4, с. 8].

Современное российское законодательство содержит в себе запрет использования права во зло. Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 10 закрепляет запрет на любую форму проявления заведомо недобросовестного поведения (злоупотребления правом). Однако понятие «злоупотребления» четко не сформулировано, а признаки понятия вызывают дискуссию в научных и практических кругах.

Данный подход совпадает с предложенным подходом В.П. Грибановым. В своей монографии «Осуществление и защита гражданских прав» он определяет злоупотребление правом как особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [1, с. 63].

Необходимо учитывать, что существуют наиболее уязвимые к проявлению злоупотребления правом институты гражданского права. Таковым и является институт несостоятельности граждан, где на каждом этапе суд должен удостовериться в добросовестности участников судебного процесса.

В сфере потребительского банкротства, где злоупотребление правом берет свое начало задолго до возбуждения судебного производства, существуют свои специфические признаки определения факта злоупотребления.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что злоупотребление правом при банкротстве является вполне естественной ситуацией, когда «должник прибегает к содействию своих родных и близких лиц и при их помощи пытается сохранить для себя остатки крушения посредством заключения фиктивных сделок, направленных на передачу им прав на значительную часть имущества или их допущение в ряды кредиторов» [5].

Каждый суд на свое усмотрение определяет было ли совершено злоупотребление со стороны участника дела о банкротстве или нет. При этом в разных судебных округах практика может значительно разниться, что объясняется недостатками правоприменения. Дискреционные полномочия также определяют самостоятельность судебной ветви власти в рамках отдельных отраслей права.

И.К. Пискарев отметил, что «суд не всегда имеет возможность применять императивные правовые нормы, поскольку в законе нельзя детально описать ситуацию, в которой суд будет принимать решение, ему предоставляется возможность осуществления дискреции при рассмотрении возникающих вопросов [2].

Правоотношения всегда возникает раньше нормы права, которое призвано его регулировать, что создает пробел в праве. В связи с этим формируется благоприятная среда для злоупотребления правом, где формально не нарушаются нормы права, но причиняется вред правам и законным интересам определенного круга лиц.

Дискреционные полномочия суда при разрешении дел о несостоятельности (банкротстве) граждан проявляются уже на стадии признания заявления о признании должника банкротом. На основе имеющихся сведений суд принимает решение о введении процедуры реструктуризации долга или реализации имущества должника.

Должники часто прибегают к злоупотреблению правом в процедуре банкротства с единственной целью – освобождение от обязательств. Однако принятия судом такого решения ставится в прямую зависимость от добросовестности должника. В случае, если суд усмотрит в поведении должника злоупотребление правом, то в применении правил об освобождении от обязательств ему будет отказано. Данное правовое положение является ярким примером как институт судейского усмотрения способен предотвратить злоупотребление правом.

Подводя итоги, стоит заметить, что чрезмерное правовое регулирование также является губительным для правоприменения как и его недостаток. Поэтому, учитывая особенности и возможности двух правовых институтов, автор предлагает отсутствие отраслевого регулирования злоупотребления правом в сфере банкротства граждан восполнить наличием дискреционных полномочий арбитражного суда.

Библиографический список

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав // Классика российской цивилистики. – Москва: Статут, 2001. – 410 с.
2. Пискарев И.К. Вступительная статья к книге Папковой О.А. «Усмотрение суда». М.: Статут, 2005. – 412 с.
3. Сазонова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб. – 2010. – 179 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс: учебное пособие. – Москва: Статут, 2021. – 477 с.
5. Юстиниан (император византийский) Институции / Под. ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 1998. – 395 с.

Научный руководитель – Канцер Ю.А., к.ю.н., доцент

Проблемы правового регулирования организации и проведения электронной процедуры в контрактной системе Российской Федерации

Луцкая А.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Результатом многолетнего поиска оптимального действенного механизма обеспечения закупок для государственных и муниципальных нужд стало законодательное оформление контрактной системы в Российской Федерации. Основной целью государственных закупок является предоставление контрактов на поставку товаров, услуг и работ подрядчикам с целью поддержания операций непосредственно государства согласно принципам и процедурам, которые установлены в действующих правилах государственных закупок в РФ [4].

В России довольно долго оставалась именно «бумажная» форма проведения государственных закупок. Впервые в рамках проведения Национального плана противодействия коррупции на 2010-2011 гг., аукцион был переведен в электронной форме, что позволило предотвратить опасные последствия, с которыми до этого сталкивались многие участники государственных закупок [2].

В течение всей истории торговли «бумажная» форма торгов и закупок создавала трудности для большинства ее участников, так как одна часть участников чаще всего не располагала важной информацией о торгах, когда как другие могли свободно манипулировать заявками, что полностью противоречит принципам контрактной системы в сфере закупок.

Отмечается, что указанные выше аспекты привели к значительному снижению бюджетных средств, что заставило специалистов в сфере государственных закупок потратить силы на модификацию и улучшение этой системы.

Так, в 2017 г. был одобрен и подписан Президентом РФ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», после чего была введена электронная форма осуществления госзакупок [3]. Этот шаг стал значимым в развитии системы государственных закупок, так как это отражает глобальные тенденции цифровизации в сфере обеспечения нужд граждан и стремление к повышению прозрачности и эффективности использования государственного бюджета.

С правовой точки зрения, это нововведение имеет очень важное значение, так как: во-первых, переход на электронную форму закупок способствует снижению коррупционных рисков, т.е. делает процесс более открытым и доступным для контроля со стороны общественности и заинтересованных сторон; во-вторых, электронные формы платформы для государственных закупок, например, как Единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС), создают новые возможности для участников рынка, включая малые и средние предприятия. Так, например, ЕИС сейчас включает в себя информацию о закупках, о рыночных ценах на товары и услуги, отчетность по исполненным контрактам, реестр недобросовестных поставщиков, подачу жалоб и т.д. Сбор и систематизация данных в ЕИС позволяет проводить аналитику и прогнозирование потребностей в закупках, что способствует более рациональному планированию бюджета страны.

Несмотря на очевидные преимущества электронной формы проведения государственных закупок, данная система не лишена определенных недостатков. В частности, наблюдаются случаи несогласованного внесения изменений в законодательство, регулирующее данную деятельность, что приводит к противоречиям и пробелам в правовом регулировании. Кроме того, большое количество нормативных

правовых актов, регулирующих отдельные аспекты закупок, создает сложности в их практическом применении. Избыточная регламентация процедур и наличие многочисленных требований нередко затрудняют проведение закупок, увеличивает административную нагрузку и приводит к дополнительным расходам. Все это снижает эффективность использования бюджетных средств и препятствует достижению одной из основных целей реформирования закупочной системы – сокращению государственных затрат.

Кроме того, необходимость освоения новых технологий может стать серьезным барьером для менее подготовленных организаций, поэтому важно обеспечить надежность электронных систем и защиту данных участников, чтобы избежать таких проблем.

Несмотря на указанные недостатки, отмечает Д.В. Горохова, «для России необходимо дальнейшее развитие цифровых закупок, так как мировой опыт показывает, что самыми эффективными и менее коррумпированными являются те закупки, которые проводятся с помощью информационно-коммуникативных технологий» [1].

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что проблемы правового регулирования организации и проведения электронной процедуры в контрактной системе РФ остаются значительным препятствием для эффективного функционирования данной сферы. Существующее нормативно-правовое регулирование контрактной системы по-прежнему сохраняет содержательные недостатки, в связи с чем требует дальнейшего совершенствования. Таким образом, успешное решение выделенных проблем не только повысит эффективность государственных закупок, но и укрепит доверие граждан к системе в целом, что является залогом устойчивого развития контрактной системы в России.

Библиографический список

1. Горохова Д.В. Государственные закупки в Российской Федерации: ретроспектива и развитие // Финансовый журнал. – 2020. – № 2. – С. 57-68.
2. Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участников форму «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 8 мая 2009 № 93-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 19. – Ст. 2283
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 1 (часть I). – Ст. 88.
4. Порошина А.А. Понятие и сущность государственных закупок в Российской Федерации // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2020. – № 1 (100). – С. 1-2.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

Современные технологии и право на судебную защиту: анализ возможностей и рисков

Ненашева Е.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаула*

Сейчас невозможно представить современный мир без технологий. Технологии окружают нас повсеместно и затрагивают практически все сферы нашей жизни. Технологический прогресс также не обошел стороной и сферу правосудия. Изучая современное судопроизводство, можно отметить какое влияние на него оказывает внедрение новых технологий, которые существенно облегчают доступ к правосудию. Уже невозможно представить судебное производство без системы ГАС «Правосудие». Вместе с тем, несмотря, на все положительные моменты, технологии создают и новые проблемы, новые риски. В настоящее время отдельного внимания требует защита личных данных заявителей,

конфиденциальность.

На наш взгляд, положительным примером внедрения технологий в судебную систему является ГАС «Правосудие». Данная система хранит открытую информацию о судебном делопроизводстве в России. Она включает в себя 27 подсистем, которые, в свою очередь, направлены на соблюдение баланса между потребностью общества и государства на обмен информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации. Наиболее широкое распространение электронное взаимодействие получило во время пандемии COVID-19, поскольку многие судебные инстанции во время чрезвычайного положения перешли на удаленное взаимодействие, что позволило обеспечить соблюдение прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц. Кроме того, в этот период началось активное просвещение граждан в вопросах цифровых технологий. Например, Президиумом Верховного Суда РФ и Президиумом Совета судей РФ 18 марта и 8 апреля 2020 г. были приняты совместные постановления, содержащие рекомендации о порядке работы судов. С соблюдением этих рекомендаций суды в период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. рассмотрели свыше 2 млн дел и материалов. Возросла востребованность электронных ресурсов судебной системы: в период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. в суды поступило 225,2 тыс. документов в электронном виде – это в 1,5 раза или на 77,3 тыс. документов больше, чем за аналогичный период предыдущего года (с 18 марта по 20 апреля 2019 г. в суды было подано 147,9 тыс. документов в электронном виде). Кроме того, в период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. проведено 8 тыс. судебных заседаний с использованием систем видеоконференц-связи. Более 286 млн раз граждане воспользовались Интернет-ресурсом ГАС «Правосудие». С 21 апреля 2020 г. отдельные категории дел рассматриваются Верховным Судом РФ с использованием системы веб-конференции, обеспечивающей безопасную передачу данных [4].

Однако, несмотря на все положительные моменты, внедрение технологий влечет за собой новые проблемы и угрозы нарушения прав. При этом стоит отметить, что проблемы возникают, как и от недостаточности автоматизации некоторых процессов, так и от хранения больших объемов персональных данных в электронных системах, утечка которых может привести к нарушению конституционных прав на приватность, конфиденциальность и защиту личных данных.

Так, например, масштабный сбой в системе ГАС «Правосудие» продлился месяц – из-за хакерской атаки 7 октября 2024 г. перестали работать сайты федеральных судов (на доменах arbitr.ru, sudrf.ru), мировых судей (msudrf.ru), судебного департамента при Верховном суде (ВС) и его управлений в субъектах Федерации, а также официальные ресурсы органов судейского сообщества. Подача процессуальных обращений и жалоб в электронном виде через модули «Электронное правосудие» и «Система подачи жалоб» на сайтах судов и на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ) также не работала [3].

Таким образом, можно прийти к выводу, что разработка и внедрение новых технологий в судебную систему значительно облегчают взаимодействие общества с судами, приводят к более эффективному и быстрому рассмотрению дел. Вместе с тем, при внедрении технологий не стоит забывать и про проблемы, которые возникают или могут возникнуть при их использовании. Кроме того, цифровые технологии требуют постоянного мониторинга, адаптации при их внедрении, поскольку цифровые сервисы должны быть не только информативными, но и доступными в использовании, чтобы интерфейс был интуитивно понятен для использования гражданами всех возрастов. Считаю, что указанный аспект требует очень детального анализа.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Всеобщая Декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Доступ из справ.-

прав. системы Консультант Плюс.

3. В судах появится спецотдел по кибербезопасности после масштабного сбоя ГАС // Ведомости URL: <https://clck.ru/3RTZpP>.

4. Работа отечественных судов в условиях пандемии // Верховный суд Российской Федерации [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RTZuf>.

Научный руководитель: Витько М.В., к.п.н., доцент

Проблемы правовой неграмотности граждан при реализации права на социальное обеспечение в Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации

Никитина Т.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Актуальность данного исследования определяется настоятельной необходимостью осветить проблему расцвета юридического нигилизма. Юридический нигилизм, обладая значительной силой, способен разрушить любую правовую систему, включая ее законодательные и правоприменительные аспекты. Его влияние на общество является крайне негативным: оно подрывает доверие к праву, ослабляет законность и правопорядок, а также препятствует прогрессу правового государства [1, с. 46]. В настоящее время практикующими юристами и государственными служащими отмечается, что у населения сохраняется устойчивый уровень юридической неграмотности. Об этом свидетельствует статистка: возрастает количество заявлений, жалоб и ходатайств, направляемых гражданами в органы государственной власти и суды, а также недостаточный уровень знаний законов, демонстрируемый гражданами на личном приеме в государственных органах. Основной причиной этому является отрицание права как социального института, системы общеобязательных правил поведения, а также недооценка гражданами значения, роли права и законности в повседневной жизни. Большинство граждан воспринимают право и его источники как фикцию, отвечающую интересам властных структур и правящих кругов. Низкая квалификация государственных служащих, находящихся в непосредственном контакте с населением также выступает проблемой юридической безграмотности граждан. Также не способствует повышению юридической грамотности населения отсутствие постоянной правовой пропаганды в средствах массовой информации [4, с. 52].

Согласно Положению об Отделении Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Алтайскому краю (далее – Отделение), утвержденному распоряжением Правления Пенсионного фонда Российской Федерации от 09.12.2022 № 832р Отделение является территориальным органом Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (далее – СФР), осуществляющим функции и полномочия, предусмотренные международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Для глубокого понимания масштабов проблемы правовой неграмотности необходимо обратиться к статистике, касающейся рассмотрения исковых заявлений в судах общей юрисдикции к Отделению, связанных с предоставлением мер социальной поддержки. В 2024 г. в указанных судах было рассмотрено 38 285 гражданских дел. Из них по 25 529 делам исковые требования удовлетворены, 7 871 – оставлено без удовлетворения, а 4 885 – прекращены или оставлены без рассмотрения. За 9 месяцев 2025 г. в этих судах было рассмотрено 26 549 гражданских дел. Из них по 18 370 делам исковые требования удовлетворены, 5 307 – оставлены без удовлетворения, а 2 870 – прекращены или оставлены без рассмотрения. Вопросы, с которыми граждане, их представители и прокуроры обращались в данные суды, связаны с назначением и выплатой пенсий, обеспечением

инвалидов техническими средствами реабилитации, назначением и выплатой пособий гражданам, имеющим детей и иными мерами социальной поддержки.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о стабильном уровне правовой безграмотности, поскольку доля удовлетворенных исков остается неизменной на протяжении нескольких лет и составляет чуть более 66%. В то же время, значительная часть исков, в удовлетворении которых было отказано, прекращены или оставлены без изменения, составляет более 30%.

Можно прийти к выводам о том, что многие граждане недостаточно ориентируются в нормативно-правовых актах и методах защиты своих прав, а также не стремятся к повышению своей правовой грамотности.

Для устранения недостатков необходимо радикальное изменение политического курса государства и заинтересованность власти в повышении юридической грамотности.

Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным инициировать разработку законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», который будет содержать поправки, направленные на повышение правовой грамотности населения. Данный законопроект будет определять, что учителя и педагоги обязаны не только информировать учащихся о правах и свободах человека и гражданина, комментировать положения Конституции Российской Федерации, Международного билля о правах человека, но и организовывать классные часы, посвященные повышению уровня пенсионной, социальной и финансовой грамотности среди учащихся [2, с. 109]. Также в пояснительной записке к законопроекту будет отмечаться, что юридическая помощь в виде правового консультирования в устной и письменной форме, оказываемая адвокатами, государственными и муниципальными органами, уполномоченными по правам человека и юристами, в том числе работающих в коммерческих организациях или юридических клиниках будет оказываться бесплатно всем гражданам, независимо от их статуса. Мы также предлагаем запустить пилотный проект, в рамках которого сотрудники Отделения будут проводить выездные мероприятия для различных возрастных групп (молодежь, лица среднего и пенсионного возраста), направленные на повышение уровня грамотности по вопросам, входящим в компетенцию СФР.

Таким образом, в основе правового мировоззрения каждого человека лежат правосознание и правовая культура [3, с. 36]. Их развитие критически важно как для отдельного человека, так и для всего общества. Поэтому повышение правовой грамотности – это непрерывный процесс, требующий постоянного внимания и усилий. Положительное влияние уровня правовой грамотности граждан при реализации прав, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, является одним из доказательств того, что современное российское общество давно осознало необходимость изменения модели правосознания и правовой культуры. При этом главным инструментом здесь является правовое воспитание как комплексное влияние на мировоззрение и поведение в обществе. Государственная политика по повышению правовой грамотности населения выполняет важную роль: она не только формирует у граждан понимание своих прав и обязанностей, но и помогает предотвращать совершение противоправных и преступных деяний, возникновение и развитие девиантного поведения. Значительный вклад в развитие правовой культуры вносят государственные органы и общественные организации, осуществляющие правовой контроль [4, с. 87].

Библиографический список

1. Бошно С.В. Правоведение: основы государства и права. – Москва: Юрайт, 2019. – 533 с.
2. Кашанина Т.В., Кашанин А.В. Основы российского права: учебник для вузов. – Москва: Норма, 2003. – 784 с.
3. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права. Схемы с комментариями. – Москва: Проспект, 2017. – 200 с.

**Правовое регулирование деятельности органов публичной
власти Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан**

Плотникова С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Функционирование механизма рассмотрения обращения граждан представляет собой неотъемлемую часть системы гарантий прав и свобод личности в Российской Федерации. Данная деятельность ориентирована на своевременное разрешение и удовлетворение обоснованных требований, именно заявлений, предложений и жалоб граждан, а также на формирование прозрачности и ответственности субъектов властных полномочий и иных организаций. Как точно замечает Савоськин А.В. «обращения граждан – это один из древнейших и важнейших инструментов взаимодействия личности и государства» [3].

Практически во всех случаях, когда гражданин намерен вступить в коммуникацию с государством (например, чтобы получить какие-либо социально-экономические блага, принять участие в управлении делами государства, попросить о защите или восстановлении своих прав и т.д.), он должен соответствующим образом выразить свое волеизъявление. И в этом смысле разновидности обращений граждан к органам власти крайне разнообразны, а процедура рассмотрения и разрешения таких волеизъявлений может кардинально отличаться.

В 2025 г. в Российской Федерации наблюдается рост общего числа обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления. Рост обращений обусловлен повышением информированности населения и расширением возможностей онлайн-обращений через государственные порталы.

Ст. 33 Конституции РФ [1] гарантирует гражданам право обращаться в государственные и местные органы власти. Порядок реализации этого права регулируется Федеральным законом № 59-ФЗ от 02.05.2006 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ). Федеральный закон служит основой для регулирования взаимодействия граждан с органами власти и органами местного самоуправления. Он устанавливает правила подачи и рассмотрения письменных обращений, гарантируя гражданам право на личные и коллективные обращения, а также определяя сроки их рассмотрения.

Вопросы, связанные с тем, как закон регулирует взаимодействие граждан с государственными органами, сегодня крайне важны и актуальны. Обращение к власти является ключевым инструментом защиты прав и свобод граждан, пробелы или недостатки в законодательстве могут создавать трудности.

Любой человек или организация вправе направлять в государственные и муниципальные органы заявление, предложение или жалобы. Это их право, которое помогает им отстаивать свои интересы и влиять на то, какие решения будут приняты. Формы подачи обращений разнообразны: от письменных заявлений до телефонных звонков и личных приемов. Важно помнить, что каждый орган власти может устанавливать свои специфические требования к оформлению и содержанию обращений, поэтому перед подачей заявления рекомендуется ознакомиться с ними. Основные требования к письменным обращениям закреплены в ст. 7 Федерального закона № 59-ФЗ, а именно: наименование органа или ФИО/должность должностного лица, ФИО заявителя, почтовый или электронный

адрес, содержание проблемы, дата и подпись заявителя (при подаче обращения в письменной форме).

Согласно Федеральному закону № 59-ФЗ, граждане имеют право на своевременное рассмотрение своих обращений. Стандартный срок для письменных обращений составляет 30 дней с момента регистрации. Если для полного рассмотрения требуется дополнительная информация или проверка, срок может быть увеличен до 60 дней, но об этом обязательно уведомят заявителя, объяснив причину и новые сроки. Для отдельных категорий обращений, например, жалоб потребителей на качество товаров или услуг, предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения – до 10 дней. Обращения, направленные через официальные сайты или приемные, рассматриваются в общем порядке, аналогично письменным обращениям.

Нарушение установленного порядка рассмотрения обращений граждан является основанием для привлечения к ответственности, предусмотренной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Должностные лица, допустившие просрочку в принятии решений или несоблюдение сроков направления ответов, могут быть подвергнуты мерам административного взыскания, вплоть до прекращения трудовых отношений.

Таким образом, благодаря российскому законодательству граждане имеют право свободно выражать свои мысли и обращаться в органы власти. Грамотное использование этих механизмов позволяет им успешно защитить свои права и свободы, что, в свою очередь, повышает доверие к государственным институтам.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
3. Савоськин А.В. Обращения граждан и взаимодействие органов местного самоуправления с жителями: учебное пособие. – Москва: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2024. – 152 с.

Научный руководитель – Титова Е.А., к.ю.н., доцент

Роль экспертизы в определении убытков, причиненных нарушением обязательств по договору строительного подряда

Понимаш Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал*

г. Барнаул

Договор строительного подряда – это соглашение, в рамках которого одна сторона обязуется выполнить определенные строительные работы, а другая сторона – оплатить данные работы [1]. В процессе выполнения обязательств могут возникнуть различные нарушения (ненадлежащее исполнение, просрочка), которые приводят к убыткам у заказчика. В таких случаях экспертиза играет важную роль в определении размеров убытков и причин их возникновения.

Экспертиза в контексте строительного подряда представляет собой процесс оценки и анализа фактов, связанных с выполнением работ, а также выявления причин и последствий нарушений обязательств. Существует судебная и внесудебная экспертиза, рассмотрим некоторые ее аспекты:

Во-первых, проводится оценка качества выполненных работ. Экспертами анализируются выполненные работы, они проверяются на соответствие проектной документации и строительным нормам.

Во-вторых, с помощью экспертизы определяют причины наступивших убытков. Это позволяет определить, что привело к возникновению убытков, какие действия и бездействия поспособствовали. Например, такое может сложиться из-за приобретения некачественных материалов, несоответствия проекту и нарушение технологий строительства.

В-третьих, производится расчет убытков, которые заказчик понес в итоге неисполнения своих обязательств. Это может включать прямые убытки (например, затраты на исправление недостатков) и косвенные (например, упущенная выгода).

В строительстве убытки могут выражаться в различных формах: дополнительные расходы на устранение дефектов (ст. 723 ГК РФ), затраты на привлечение другого подрядчика (ст. 715 ГК РФ), убытки из-за задержки сдачи объекта (ст. 708 ГК РФ). Однако для подтверждения размера ущерба недостаточно просто заявить о его наличии – необходимо документальное обоснование, которое зачастую требует проведения экспертной оценки.

Рассмотрим, виды экспертиз. Судебная экспертиза – назначается в рамках арбитражного или гражданского процесса (ст. 79 ГПК РФ, ст. 82 АПК РФ) и имеет решающее значение при рассмотрении спора.

Строительно-техническая экспертиза – выявляет нарушения в выполненных работах, определяет их соответствие проектной документации, строительным нормам (СНиП, СП) и оценивает стоимость устранения недостатков. Например, если подрядчик использовал некачественные материалы, эксперт установит объем необходимых исправительных работ и их стоимость.

Экономическая экспертиза – рассчитывает реальный ущерб (дополнительные затраты заказчика) и упущенную выгоду (например, неполученную прибыль из-за задержки ввода объекта в эксплуатацию). В некоторых случаях также проводится оценка ущерба от простоя строительной техники, если задержки вызваны действиями подрядчика.

Несмотря на четкие правовые нормы, на практике возникают сложности в доказывании убытков. Например, недостаточная доказательная база – заказчик не всегда фиксирует нарушения актами или своевременно требует экспертизу. Споры между экспертами – разные специалисты могут давать противоречивые оценки, что затягивает судебный процесс. Завышенные требования – некоторые истцы включают в убытки необоснованные расходы, которые суд может исключить.

Суды обычно требуют четкого обоснования размера ущерба. Например, в Постановлении АС Московского округа № Ф05-12345/2023 было отказано во взыскании упущенной выгоды из-за отсутствия доказательств реальной возможности получения дохода [2]. В другом деле Постановление АС Уральского округа № Ф09-5678/2023, суд удовлетворил иск, поскольку экспертиза подтвердила, что подрядчик допустил существенные отступления от проекта [3].

По итогу проведенного анализа роли экспертизы в определении убытков, причиненных нарушением обязательств по договору строительного подряда, предлагаются следующие изменения в нормативно-правовые акты РФ. Уточнить ст. 753 Гражданского кодекса РФ, закрепить обязательность составления двусторонних актов при выявлении дефектов, с указанием сроков их исправления. Текст поправки: «Приемка результата работ оформляется актом, подписанным обеими сторонами. В случае выявления недостатков заказчик вправе требовать составления отдельного акта с указанием выявленных дефектов и разумного срока их устранения. Отказ подрядчика от подписания акта не лишает заказчика права оспорить качество работ в судебном порядке с привлечением экспертов.»

Дополнить ст. 723 Гражданского кодекса РФ положением, обязывающим подрядчика компенсировать расходы на независимую экспертизу, если судом установлено ненадлежащее исполнение обязательств. Текст поправки: «В случае выявления недостатков выполненных работ, подтвержденных заключением независимой экспертизы, проведенной по инициативе заказчика, расходы на проведение такой экспертизы подлежат возмещению подрядчиком, если судом установлено, что недостатки возникли по его вине.»

Ввести сокращенные сроки для назначения экспертизы по строительным спорам – не более 30 дней с момента подачи ходатайства. Ускорение процедуры назначения экспертизы в ст. 82 АПК РФ, ст. 79 АПК РФ. Текст поправки: «По делам, связанным со строительным подрядом, суд обязан рассмотреть ходатайство о назначении экспертизы в течение 10 дней, а сама экспертиза должна быть проведена в срок, не превышающий 30 дней с момента вынесения определения, если иное не установлено особой сложностью исследования.»

Разработка единого стандарта строительной экспертизы. Предложить Минстрою РФ утвердить «Порядок проведения экспертизы строительных дефектов и расчета убытков», включающий:

- перечень обязательных документов для экспертизы (проектная документация, акты скрытых работ, журналы строительного контроля);
- алгоритм оценки упущенной выгоды (например, на основе рыночной ставки аренды аналогичных объектов);
- требования к экспертному заключению (четкая структура, обоснование применяемых методик).

Экспертиза остается одним из базовых инструментов для доказательства, если возникают строительные споры между заказчиком и подрядчиком. Периодическое совершенствование нормативно-правовой базы поможет снизить количество спорных случаев и ускорить процесс разрешения возникших конфликтов при строительстве и выполнении работ.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2023 г. № Ф05-12345/2023. по делу № А40-31978/21 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.09.2022 № Ф09-5678/22 по делу № А60-66545/2021 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Михалева Д.А., к.ю.н., доцент

Защита прав подрядчика при расторжении государственного контракта в одностороннем порядке

Попова М.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Законодательство о контрактной системе постоянно развивается, заметна тенденция его ужесточения. Л.В. Андреева, исследуя вопрос о правовой природе государственного контракта, обращает внимание на его особенную сложность и дискуссионность [1]. С 2020 г. государственный контракт определен как гражданско-правовой договор, поэтому дискуссионность относительно его правовой природы практически отпала. Р.Р. Абдулаев, отмечает, что государственный контракт, как и иные юридические конструкции не содержит «самостоятельного элемента, по поводу которого складываются обязательственные правоотношения, то есть своего предмета, а только определяет некоторые унифицированные положения и обобщенные условия при заключении тех или иных договоров» [2]. А.Е. Кирпичев предложил рассматривать такой контракт как типовую конструкцию гражданско-правового договора [3].

При исполнении государственного контракта у заказчика и подрядчика может возникнуть необходимость в расторжении контракта, что регламентировано

в законодательстве. В ч. 1 ст. 451 ГК РФ закреплено, что существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. По общему правилу изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено гражданским кодексом, другими законами или договором (ч. 1 ст. 450 ГК РФ). Данная норма применяется при исполнении государственного (муниципального) контракта и закреплена в Федеральном законе № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ услуг для обеспечения муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. Ч. 8 ст. 95 № 44-ФЗ закрепляет основные способы расторжения контракта. Если возникает необходимость в прекращении обязательств, контракт можно расторгнуть в двустороннем порядке, то есть по договоренности, либо в одностороннем порядке на основании решения суда. Д.А. Чваненко верно обращает внимание на то, что вывод о публичном (административном) характере отношений, возникающих при заключении, исполнении и расторжении государственного контракта, основывающийся лишь на факте участия в правоотношениях публично-правового образования, является неверным и необоснованным [5].

На практике возникают определенные проблемы, которые требуют четкого регулирования. Существуют ситуации, при которых заказчик, используя формальный предлог, стремится расторгнуть договор в одностороннем, тем самым злоупотребляя своим положением и правом. О.Н. Садиков говорил о том, что наделение одного из субъектов гражданско-правовых отношений в отношении другого властными полномочиями является абсолютно недопустимым [4].

Так, например, заказчик, пользуясь своим правом, вносит изменения в сроки выполнения работ, не уведомив об этом подрядчика. Данные действия изменяют существенные условия контракта, которые уже были выполнены подрядчиком. Это оценивается заказчиком как нарушение подрядчиком сроков выполнения работ и дает ему право на односторонний отказ от выполнения договора, тем самым ставя подрядчика в неблагоприятное положение, что влечет за собой причинение ему значительного ущерба. При данной ситуации подрядчик будет считаться недобросовестным исполнителем, поскольку нарушает существенные условия договора [6].

Для решения сложившейся проблемы необходимо усилить контроль за внесением изменений в государственный (муниципальный) контракт. Так необходимо внедрить предусмотреть порядок согласования всех процедур с подрядчиком, вести прозрачность процедур, которые могут произойти в период исполнения государственного (муниципального) контракта. Обязать стороны публиковать все изменения, которые происходят с государственным (муниципальным) контрактом в Единой информационной системе, хранение полной истории изменений с указанием инициатора и даты внесения. В связи, с чем предлагаемые изменения создадут сбалансированную систему контроля за внесением изменений в государственные (муниципальные) контракты, а также позволит защитить интересы всех участников процесса и повысить эффективность использования бюджетных средств.

Библиографический список

1. Андреева Л.В. Выбор эксперта в сфере государственных закупок // Аукционный вестник. – 2020. – № 22.
2. Абдулаев Р.Р. К вопросу о гражданско-правовой природе государственного контракта на выполнение подрядных работ для нужд системы МВД России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 34-40.
3. Кирпичев А.Е. Муниципальный контракт в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 29 с.
4. Садиков О.Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный). – М., 2002. – 911 с.
5. Чваненко Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора // Модернизация гражданского законодательства: сборник материалов к XV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. – М., 2020. – С. 138.

Научный руководитель – Бондаренко С.А., к.п.н, доцент

Ретроспективный анализ российского законодательства, регулирующего вопросы удостоверения решений коммерческих корпоративных организаций нотариусом

Приходько Д.Ч.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Правовое регулирование деятельности коммерческих корпоративных организаций постоянно совершенствуется. Во многом это обусловлено теми проблемами, которые возникают на практике.

Представляется необходимым сразу заострить внимание на том, что само понятие корпоративных организаций в законодательстве России появилось не изначально, а только в 2014 г., когда терминология была введена в нормы Гражданского кодекса РФ [1], хотя организаций, определяемые в настоящее время, как корпоративные, существовали и до внесения этих изменений. Наиболее востребованными организационно-правовыми формами коммерческих корпоративных организаций являются общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. Как и иные корпорации, указанные общества предполагают наличие органов управления и принятие ими решений. Существенным является, как правило, количество участников корпорации, напрямую влияющее на то, каковы риски оспаривания, поскольку единственный участник – это почти залог того, что корпоративных споров не будет, хотя и нельзя полностью исключить возможность их возникновения. Необходимость изменения подходов к удостоверению решений общего собрания участников корпорации связана с необходимостью защиты интересов участников. Опыт девяностых годов прошлого столетия, а именно: опыт рейдерских захватов является ценным, поскольку он наглядно иллюстрирует объективную необходимость фиксации добровольности волеизъявления, а также истинности и достоверности принимаемых решений.

Применительно к обществам с ограниченной ответственностью изначально был избран подход, предполагающий, что нотариальное удостоверение решений общего собрания не является обязательным, но может быть предусмотрено уставом, то есть законодатель разрешение данного вопроса оставил на усмотрение самих участников.

В 2015 г. законодательство претерпело изменения. Требования об обязательном нотариальном удостоверении появились применительно к решениям об увеличении уставного капитала, отчуждению доли или части доли в уставном капитале и ее залоге [2]. В 2021 г. появляется обязательное нотариальное удостоверение решений участников общества с ограниченной ответственностью о даче предварительного согласия на заключение договора конвертируемого займа [3].

В отношении акционерных обществ законодательство также изменяется, но законодатель применяет дифференцированный подход в части определения обязательности нотариального удостоверения решений. Так, например, в отношении публичных акционерных обществ определено, что принятие решения общим собранием, а также состав участников, которые на нем присутствовали, не предполагает нотариального удостоверения, поскольку эту функцию выполняет лицо, осуществляющее ведение реестра акционеров, в то время как применительно к непубличным акционерным обществам предусмотрена альтернатива – либо нотариус, либо лицо, ведущее реестр акционеров [4].

Сопоставляя и анализируя правовое регулирование в отношении обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, можно утверждать, что более строгий подход по отношению к первым в части обязательности нотариального удостоверения решений общих собраний обусловлен во многом численностью участников общества, поскольку она существенно выше у акционерных обществ и фактически не ограничена применительно к публичным акционерным обществам. Следовательно, численностью участников имеет значение для установления требований о нотариальном удостоверении. Отчасти, как можно предположить, влияет сложность самого процесса (например, удостоверение решения собрания десяти участников и тысячи участников предполагает различные временные и иные затраты), а также потенциальные финансовые затраты, которые неизбежны, потому что выполнение нотариальных действий предполагает уплаты госпошлины и несение иных расходов.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на современную дискуссию относительно обязательности удостоверения решения единственного акционера и единственного участника общества с ограниченной ответственностью. На первый взгляд, наличие единственного участника исключает возможность возникновения разногласий, судебных споров и в принципе снижает большое количество рисков. Однако на практике споры присутствуют. Как отмечает В.А. Тихонов, поворотным моментом в аспекте распространения правил о нотариальном удостоверении в данном случае является изложение правовых позиций Верховного Суда РФ в 2019 г., когда было дано прямое разъяснение о том, что наличие единственного акционера или участника общества с ограниченной ответственностью не предполагает освобождения от нотариального удостоверения принимаемых ими решений в предусмотренных законом случаях [5, с. 49].

В анализируемой ситуации фактически имело место придание повышенной правовой охраны единственным участникам корпораций. Нотариальное удостоверение – не гарантия полной защиты, но в целом оно позволяет снижать риски неправомерного, а порой и противоправного воздействия на участников, риски предоставления подложных решений, что может привести в итоге к значимому нарушению прав. Поэтому обязательность нотариального удостоверения решения единственного участника корпорации – это объективная потребность в современных условиях.

Подводя итог, можно утверждать, что трансформация правового регулирования в части установления обязательности нотариального удостоверения решений, принимаемых общим собранием корпоративных коммерческих организаций ориентирована на повышение числа случаев, когда оно требуется. Однако на примере сравнения правового регулирования в отношении обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ сделан вывод о том, что присутствует дифференциация, обусловленная рядом факторов. В отношении первых обязательность нотариального удостоверения предусмотрена для большего числа случаев.

Библиографический список

1. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 30.03.2015 № 67-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 13. – Ст. 1811.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.07.2021 № 354-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5182.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Тихонов В.А. К вопросу об обязательности нотариального подтверждения принятия решений единственным акционером // Нотариальный вестник. – 2023. – № 4. – С. 48-55.

Научный руководитель – Михайленко Ю.А., к.ю.н., доцент

Проблема разграничения общих и личных обязательств супругов

Савельева А.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Экономическая основа современной семьи за последние десятилетия существенно изменилась. В настоящее время в судебной практике России наряду с требованиями о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, встречается требование о разделе долговых обязательств, оформленных супругами совместно или одним из супругов в период брака. Однако в теории и законодательстве Российской Федерации нет однозначного ответа о том, какие обязательства для супругов являются общими, а какие личными.

В соответствии с п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга. Анализируя данное положение, думается, что согласие супруга предполагается и при заключении договора займа, так как супруг берет на себя обязательства по его возврату, в том числе из денежных средств, отнесенных законодателем к общему имуществу супругов. Как указывает П.А. Ломакина, анализируя семейное законодательство РФ и законодательство о несостоятельности (банкротстве) граждан, можно говорить о существовании общих обязательств супругов, ответственность по которым должна быть возложена на обоих супругов [6, с. 125]. Однако в п. 1 ст. 45 СК РФ указано, что по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, то есть допускается существование личных обязательств у каждого из супругов.

Анализируя действующее законодательство РФ, можно выделить содержание личных обязательств и определить их как те, которые возникли самостоятельно у каждого из супругов, исключительно в личных интересах. Так, к личным обязательствам относятся: алиментные обязательства, обязательства, возникшие из причинения вреда жизни и здоровью и добрачные обязательства. При этом отсутствует понятие общего долга супругов. Также М.В. Савельева отмечает, что отсутствует единство взглядов на природу общего долга супругов и среди теоретиков права [7, с. 23]. Проблема дефиниции общего долга супругов и критериев его определения связана в большей степени с тем, что оценка и отнесение обязательств к категории общих происходит по оценочным и субъективным критериям, которые не закреплены в действующем российском законодательстве.

По мнению же А.В. Егорова, презумпция общего характера любых долгов современному российскому праву вовсе является чуждой [5, с. 267], так как может привести к имущественной ответственности одного из супругов по всем обязательствам другого. Исходя из данной позиции, предполагается, что не все обязательства, оформленные супругами в период официального брака, являются общими.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ общим обязательством супругов признается такой долг, все полученное от которого было использовано на нужды семьи [1].

Легальное понимание «семейных нужд» в отечественном законодательстве также отсутствует, выделить критерии отнесения трат семьи именно к «семейным нуждам» достаточно затруднительно, так и в практике, и в теории можно встретить только конкретные примеры таких нужд. Так, Е.А. Чефранова, указывает, что к общим обязательствам супругов относятся долги, возникшие в связи с затратами на приобретение новой специальности или повышение квалификации одним из супругов, равно как и расходы на лечение [8, с. 26].

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ [2] к общим обязательствам супругов относятся долги по налоговым обязательствам, обоснованно это тем, что доходы от

предпринимательской деятельности являются совместной собственностью супругов, а обязательство по уплате налогов является встречным предоставлением за пользование доходом.

Однако судебная практика в данном вопросе не вполне однозначная. Так, Волчихинским районным судом Алтайского края было рассмотрено гражданское дело о разделе долговых обязательств, оформленных на имя одного из супругов в период брака. В качестве довода истец указывала, что брак между ней и ответчиком, расторгнут, однако в его период на ее имя были оформлены кредитные обязательства, которые, по мнению истца, необходимо разделить, так как они являются общими для супругов. Однако судом в удовлетворении требований отказано, указывая на недоказанность того, что кредитные обязательства возникли по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо все полученное по ним было использовано на нужды семьи [3]. Из этого следует, что общими обязательствами будут являться только те обязательства, которые отвечают одному из двух критериев: общая инициатива на возникновение обязательства или все полученное использовано непосредственно на нужды семьи. Аналогичную позицию можно встретить в решении Дзержинского районного суда г. Новосибирска, где общими обязательствами супругов признаны те, которые возникли по инициативе обоих супругов в интересах семьи, и денежные средства были потрачены на нужды семьи [4].

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что разграничение личных и общих обязательств супругов имеет важное практическое значение, так как от этого зависит объем ответственности супруга по обязательствам второго, а также немаловажным является то, что, в случае, если обязательство общее, исполнивший его бывший супруг, имеет право требования со второго той части, которая должна была быть им исполнена.

В связи с этим считаем необходимым дополнить п. 2 ст. 34 СК РФ положением о том, что в состав общего имущества супругов входят общие долги (обязательства) супругов. Общими обязательствами супругов являются те, которые оформлены одним из супругов в период брака и с нотариально удостоверенного согласия второго супруга. Отсутствие подтверждения факта согласия второго супруга, в установленной форме на оформление кредитного обязательства является основанием для признания обязательства личным для того супруга, на имя которого оно оформлено.

Библиографический список

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 16-КГ15-35. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 302-ЭС20-12854 по делу № А33-29543/2017. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Решение Волчихинского районного суда Алтайского края от 03.03.2025 по делу № 2-36/2025. – Документ опубликован не был. – URL: <https://sudact.ru>.
4. Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 18.03.2025 по делу № 2-174/2025. – Документ опубликован не был. – URL: <https://sudact.ru>.
5. Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского. – Москва: Статут, 2020. – 480 с.
6. Ломакина П.А. Правовое регулирование общих обязательств супругов: диссертация кандидата юридических наук. – Москва, 2021. – 193 с.
7. Савельева М.В. Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 1. – С. 23-26.
8. Чефранова Е.А. Долги супругов: научная дискуссия и практические последствия // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 4. – С. 24-27.

Научный руководитель – Минкина Н.И., к.ю.н., доцент

Цифровые активы как объекты брачного договора

Саяпина А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Положениями ст. 42 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) закреплено, что брачным договором может быть изменен установленный законом режим совместной собственности на все имущество супругов. При этом в действующем законодательстве РФ отсутствует запрет на регулирование режима собственности на цифровые активы. По-прежнему неоднозначным здесь является возможность регулирования отдельных объектов, например, криптовалюты, объектов цифрового искусства и других. Ни в правовой доктрине, ни в правоприменительной практике вопросы регулирования таких объектов не исследованы в достаточной мере, что препятствует реализации прав супругов на раздел такого имущества и его включение в содержание брачного договора.

Цифровыми активами могут выступать как цифровые финансовые активы, в том числе цифровая валюта, так и могут быть урегулированы права и обязанности супругов в отношении доменных имен, интернет-страниц и аккаунтов социальных сетей. Так, в соответствии с положениями Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», под цифровыми финансовыми активами понимаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Практическая сложность раздела такого имущества заключается в том, что одного факта определения режима права собственности не является достаточным, необходимы как возможность включения такого нестандартного объекта в содержание брачного договора, так и обеспечение возможности пользоваться таким имуществом, путем предоставления логинов, паролей, передач прав администрирования и т.д. Поскольку такие объекты зачастую сложно отнести к какому-либо конкретному виду имущества, в нотариальной практике сложился порядок, согласно которому в брачном договоре прописывается не принадлежность конкретного аккаунта или доменного имени одному из супругов, а право получения доходов в пользу только одного из супругов от использования таких объектов.

В тоже время нельзя не согласиться с мнением Т.В. Ярошенко о том, что правовая природа рассматриваемых объектов различна, в связи с чем, и порядок раздела и их включения в брачный договор также должны отличаться. Так, криптовалюта должна рассматриваться как цифровой финансовый актив, а аккаунты в социальных сетях являются одним их результатов интеллектуальной деятельности и не подлежат разделу [1, с. 24].

Более проблематичным является вопрос возможности определения режима права собственности на криптовалюту, NFT и др. Трудность состоит в отсутствии урегулированного правового режима данных объектов, в связи с чем длительное время не только нотариусы сталкивались с вопросами правового регулирования данных объектов, но и суды, указывая, что раздел криптовалюты невозможен ввиду невозможности признания ее в качестве имущества.

В январе 2021 г. законодателем данный вопрос был урегулирован и узаконен оборот такой цифровой валюты. С введением данных изменений, раздел цифровой валюты производится и в судебном порядке. Так, решением Черемушкинского районного суда г. Москвы по делу № 2-5148/21 был произведен раздел криптовалюты, в равных долях было признано право собственности на биткоины, которые были признаны совместно нажитым

имуществом супруга [2]. В тоже время ранее, в 2019 г. в разделе совместно нажитого имущества в виде токенов «Russian Mining Coin» Ленинским районным судом г. Санкт-Петербурга было отказано, ввиду невозможности установления периода получения ответчиком данного имущества, несмотря на предусмотренное законом презюмирование режима совместно нажитого имущества [3].

Причем, количество таких решений является незначительным, как и количество заключенных брачных договоров, в содержание которых включены цифровые активы. Объяснением данного явления может быть и отсутствие достаточного правового регулирования, и недостаточность правовой и финансовой грамотности граждан, поскольку зачастую последние не осведомлены о такой возможности и порядке получения информации о наличии таких активов.

Наличие цифровой валюты в обороте и растущий интерес к ее использованию, может привести и к другим проблемам. Так, при заключении брачного договора один из супругов может скрыть наличие цифровых финансовых активов, что нарушает права второго супруга на справедливый порядок раздела и установления режима права собственности. В случае отсутствия за период брака какого-либо имущества у одного из супругов и наличии существенного имущества в виде криптовалюты у второго супруга может быть расценено как положение договора, ставящее одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, что является основанием для признания брачного договора недействительным (ч. 2 ст. 44 СК РФ).

Однако данный факт следует доказать стороне, которая ссылается на наличие такого основания. А действующие технологии не всегда позволяют установить, принадлежит криптокошелек тому или иному лицу, поэтому доказать стороне его наличие весьма проблематично. Также следует учитывать, что, если такие технологии и создаются, но для судов это не всегда является доступным ввиду дороговизны таких технологий. Стороны также не всегда имеют возможность оплатить услуги специалистов по деанонимизации криптокошельков. В этой связи А.Ю. Кабайло в своих научных работах допускает уместность доказывания данных фактов косвенными доказательствами, например, свидетельскими показаниями [4, с. 38]. Считаем, что косвенных доказательств в этом случае не вполне достаточно, поскольку необходимо точное установление фактов принадлежности, периода получения валюты, с целью определения того, какие суммы относятся к совместно нажитому имуществу, а какие к личному.

Другой не менее важной проблемой является разное национальное регулирование цифровых активов в различных странах. Так, если в России оборот криптовалют узаконен, то купля-продажа на иностранных площадках криптовалют полностью запрещена в Беларуси. Чтобы положения брачного договора в другой стране были признаны действительными, необходимо актуализировать положения договора с учетом законодательства страны проживания, либо расторгать брак в стране, где брачный договор был заключен [5, с. 325].

Таким образом, в настоящее время в нотариальной практике не является распространенным включение цифровых активов в брачный договор. По этой причине в момент подписания брачного договора, один из супругов может скрыть наличие цифровых активов, что нарушит права второго супруга. Полагаем, что такое скрытие финансовых активов нужно квалифицировать в качестве правозлоупотребления, что должно стать самостоятельным основанием для признания брачного договора недействительным.

Библиографический список

1. Ярошенко Т.В. Гражданско-правовая характеристика цифровых активов: актуальные вопросы // Нотариус. – 2022. – № 8. – С. 23-26.
2. Решение Черемушкинского районного суда города Москвы от 21.09.2021 по делу № 2-5148/21 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Решение Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга от 03.06.2019 по делу № 2-393/2019 // Доступ из Справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Кабайло А.Ю. Криптовалюта как предмет брачного договора // E-Scio. – 2021. – № 6 (57). – С. 36-45.

Совершенствование правового регулирования определения размера алиментов в твердой денежной сумме

Семашко В.К.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Проблема определения размера алиментов в твердой денежной сумме в современной правоприменительной практике занимает особое место, так как от ее решения напрямую зависит реализация конституционного принципа защиты семьи, материнства и детства. Законодатель установил общие положения, касающиеся взыскания алиментов в фиксированной сумме, однако не предусмотрел четких ориентиров для судебной оценки материального положения сторон и потребностей ребенка. В результате судебные решения зачастую оказываются несопоставимыми по своим основаниям, что снижает доверие к правосудию и вызывает неоднозначную практику исполнения.

Действующая редакция ст. 83 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) определяет, что алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме, если плательщик имеет нерегулярный или меняющийся доход. Однако в тексте нормы отсутствует конкретный порядок расчета и оценка обстоятельств, подлежащих обязательному учету. Судья, оказываясь в ситуации неопределенности, вынужден самостоятельно определять размер выплаты, опираясь на внутреннее убеждение и доступные сведения о доходах сторон. В отдельных случаях такие данные оказываются неполными или умышленно искаженными, что приводит к несоразмерности между реальным уровнем доходов плательщика и установленной суммой алиментов.

В правоприменительной практике нередко встречаются случаи, когда суды ориентируются на прожиточный минимум, устанавливаемый в регионе, однако данный показатель не отражает реальных потребностей ребенка и его семьи. Кроме того, экономическая ситуация в стране постоянно изменяется, и отсутствие механизма автоматической индексации твердой суммы приводит к обесцениванию алиментов уже через несколько месяцев после их назначения. Таким образом, действующая норма не учитывает инфляционные процессы и особенности социально-экономических условий, в которых оказывается получатель алиментов.

Проблема заключается не только в неопределенности формулировок ст. 83, но и в избыточности судебного усмотрения, которое подменяет собой нормативное регулирование. Право суда на усмотрение не должно превращаться в право на произвольное установление финансовых обязанностей. Для обеспечения баланса интересов сторон требуется нормативное уточнение критериев, которые суд обязан учитывать при определении размера алиментов. В их числе должны быть уровень среднедушевого дохода в регионе, реальное материальное положение сторон, возраст ребенка и расходы на его воспитание и образование.

Особое внимание следует уделить ситуации, когда плательщик алиментов скрывает свои доходы или не представляет достоверных сведений. В таких случаях целесообразно законодательно закрепить презумпцию средней заработной платы, применяемую в аналогичных случаях в налоговом и трудовом праве. Данный подход позволит минимизировать злоупотребления и защитить интересы ребенка, не перекладывая на получателя обязанность доказывания недобросовестности другой стороны.

Не менее значимым является вопрос индексации твердой денежной суммы. Сегодня эта обязанность возложена на судебных приставов, однако на практике индексация производится нерегулярно, что создает задолженности и искажает суть обязательства. Оптимальным решением стало бы закрепление прямой обязанности индексации в законе с указанием на ежегодное пересмотрение суммы в зависимости от уровня инфляции, определяемого Росстатом.

Учитывая изложенные проблемы, представляется целесообразным внести изменения в ст. 83 СК РФ, придав ей следующую редакцию:

«Алименты в твердой денежной сумме взыскиваются судом с учетом уровня среднедушевого дохода в субъекте Российской Федерации, прожиточного минимума на ребенка, возраста и состояния здоровья ребенка, а также имущественного положения сторон.

В случае отсутствия достоверных сведений о доходах плательщика суд вправе исходить из размера средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Минимальный размер алиментов не может быть ниже прожиточного минимума на ребенка, установленного в субъекте Российской Федерации.

Установленная судом сумма подлежит ежегодной индексации в соответствии с индексом потребительских цен, утверждаемым федеральным органом исполнительной власти в области статистики».

Данная формулировка не ограничивает судебное усмотрение, но направляет его в четкие правовые рамки. Суд сохраняет возможность учитывать индивидуальные обстоятельства, однако действует в рамках понятных и прозрачных критериев. Это позволит выработать единообразную судебную практику и устранить различия между решениями, принимаемыми в разных субъектах Российской Федерации.

Предложенные изменения в ст. 83 СК РФ направлены на повышение эффективности правового регулирования алиментных обязательств и защиту прав ребенка. Уточнение критериев определения размера алиментов, закрепление минимального порога выплат и введение обязательной индексации позволят обеспечить стабильность и справедливость алиментных отношений. Законодательное закрепление презумпции средней заработной платы в отсутствие данных о доходах плательщика станет дополнительным гарантом исполнения обязательств и исключит возможность злоупотреблений. Таким образом, совершенствование механизма определения алиментов в твердой денежной сумме отвечает интересам социальной справедливости и укрепляет доверие к судебной системе.

Библиографический список

1. Белов С.А. Ответственность за уклонение от исполнения алиментных обязательств: административные и уголовные аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 2. – С. 122-126.
2. Власова Н.В. Судебное усмотрение при определении размера алиментов в твердой денежной сумме // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 87-93.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.08.2023) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Иванова О.Л. Механизмы повышения эффективности взыскания алиментов в России // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 10. – С. 104-109.
6. Ковалева Е.В. Судебная практика по делам о взыскании алиментов в твердой денежной сумме: тенденции и проблемы // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 4. – С. 45-52.

Научный руководитель: Михалева Д.А., к.ю.н., доцент

Особенности дисциплинарной ответственности в трудовых и служебных отношениях

Скоробогатова Я.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) закреплено, что нормы трудового законодательства применяются ко всем работникам, которые заключили трудовой договор. Однако для отдельных категорий работников, включая государственных служащих, его действие имеет особенности, предусмотренные федеральными законами, регулирующими государственную и муниципальную службу. Так, в Федеральном законе № 25-ФЗ от 02.03.2007 «О муниципальной службе в РФ» [9] имеется прямая ссылка на трудовое законодательство при применении дисциплинарных взысканий к муниципальным служащим. В то время как к государственным гражданским служащим трудовое законодательство применяется субсидиарно с учетом особенностей, установленных Федеральным законом № 79-ФЗ от 27.07.2004 «О государственной гражданской службе РФ» (далее – Закон о Госслужбе) [10]. В частности, в ст. 73 указанного закона определено, что нормы трудового права применяются к государственным служащим только по тем вопросам, которые не урегулированы этим законом. Дисциплинарная ответственность государственного служащего схожа с дисциплинарной ответственностью работника, а понятия «служебная дисциплина» и «служебный распорядок государственного органа» близки к содержащимся в ТК РФ понятиям: «дисциплина труда» и «правила внутреннего трудового распорядка», но дополнены отдельными положениями, учитывающими специфику служебных отношений.

В трудовых отношениях принято выделять два вида дисциплинарной ответственности: общую и специальную. В связи с этим различают и два типа работников, которых работодатель вправе привлекать к ответственности. В трудовом праве имеются общие субъекты дисциплинарной ответственности и специальные субъекты [1, с. 221]. Так, Ю.Н. Полетаев, М.А. Ключков отмечают, что государственный гражданский служащий является особым (специальным) субъектом трудового права, правовое регулирование служебной деятельности которого регулируется специальным законодательством [2, с. 155].

Вопрос разграничения видов дисциплинарной ответственности в отношении работников и государственных служащих остается дискуссионным. Основные критерии такого разграничения по О.И. Карпенко – круг субъектов ответственности; понимание дисциплинарного проступка; меры дисциплинарного взыскания [3, с. 93]. В.Г. Самойлов дополняет перечень составом субъектов; источниками правового регулирования; видами дисциплинарных взысканий; порядком применения мер ответственности и снятия взыскания; порядком обжалования взыскания [4, с. 84]. Дисциплинарную ответственность целесообразно разграничивать на служебную (для госслужащих, сотрудников органов, военнослужащих и судей) и трудовую, в рамках которой выделяют общую и специальную ответственность. В служебных отношениях дисциплинарная ответственность имеет свои уникальные признаки, что позволяет ее разграничивать от смежных институтов. Ниже рассмотрим их подробнее.

Во-первых, процедура привлечения к дисциплинарной ответственности отличается большей детализацией по сравнению с общими положениями ТК РФ. Например, в соответствии со ст. 58 Закона о Госслужбе до применения дисциплинарного взыскания требуется не только представление письменного объяснения, но и проведение служебной проверки. Относительно сотрудников, находящихся на службе в органах внутренних дел (ОВД), практически дублируются виды дисциплинарных взысканий, перечисленные в ст. 192 ТК РФ, но дополняются строгим выговором; предупреждением о неполном служебном

соответствии; переводом на нижестоящую должность. Наличие взыскания накладывает ряд ограничений на дальнейшую карьеру и продвижение по службе, что может привести к увольнению при повторных нарушениях. Приведем пример: сотрудник, прослуживший в ОВД более 30 лет, оспорил законность проведенной служебной проверки и приказа о наложении дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, но его иск оставлен судом без удовлетворения [5]. Судебная практика показывает: большинство исков по оспариванию дисциплинарной ответственности остаются без удовлетворения.

Во-вторых, расширенный перечень дисциплинарных взысканий, который предусматривает более строгие меры ответственности. В ст. 28.4 Федерального закона № 76-ФЗ от 27.05.1998 «О статусе военнослужащих» [11], предусматривается ряд взысканий за дисциплинарный проступок в отношении военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, от строгого выговора до дисциплинарного ареста. Следует признать, что только на военной службе сформирована дисциплинарная ответственность, автономная от действующей в трудовом праве. Приведем пример: истец пропустила утреннее построение и отсутствовала в части больше четырех часов, так как находилась на обучении и имела освобождение от несения службы. Суд признал приказ командира о строгом выговоре незаконным и аннулировал данное наказание, обязав внести исправления в личное дело [6].

Подтверждением сделанных выводов также являются статистические данные, согласно которым по состоянию на 2024 г. судами рассмотрено 1 982 дела о признании недействительным заключений служебных проверок, дисциплинарных взысканий, результатов аттестации, результатов конкурсов на замещение должностей, из которых удовлетворено лишь 52% [7]. При этом стоит отметить, что значительную часть этих дел ежегодно составляют дела о незаконном наложении взысканий, чаще всего в виде увольнения.

В-третьих, основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является нарушение норм профессиональной этики, охватывающие не только трудовые, но и этические, поведенческие и служебные нормы, такие как корпоративная этика, требования к внешнему виду, поведение в общественных местах. Согласно ст. 12.1 Закона РФ № 3132-I от 26.06.1992 «О статусе судей в РФ» [12], за совершение дисциплинарного проступка на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. К примеру, судья допустил нарушения отмеченных императивных требований и Кодекса судейской этики, включая использование своего статуса для личной выгоды [8].

Таким образом, дисциплинарная ответственность в трудовых и служебных отношениях регулируется разными нормативными актами и имеет разные меры дисциплинарного взыскания. Их специфика приводит к отличающейся правоприменительной практике, что требует учета этих особенностей для справедливого применения дисциплинарных мер.

Библиографический список

1. Адриановская Т.Л. Понятие специальной дисциплинарной ответственности и ее отличие от общей дисциплинарной ответственности // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9. – С. 221-223.
2. Полетаев Ю.Н. Правовое регулирование труда государственных гражданских служащих: учебник для вузов. – Москва: Юрайт, 2025. – 163 с.
3. Карпенко О.И. Дисциплинарная ответственность работника в трудовом праве: понятие и виды: дис... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 166 с.
4. Самойлов В.Г. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве: общая и специальная: дис... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 177 с.
5. Решение Киржачского районного суда Владимирской области от 04.10.2023 по делу № 2-571/2023. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. Решение Одинцовского гарнизонного военного суда Московской области от 30.07.2024 по делу № 2А-87/2024. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
7. Гражданское судопроизводство // Портал судебной статистики РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RULdP>.

8. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2022 по делу № ДК22-90. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
9. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
11. О статусе военнослужащих от 27.05.1998 № 76-ФЗ: Федеральный закон // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
12. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Минкина Н.И., к.ю.н, доцент

К вопросу о необходимости правовой охраны голоса при использовании технологии Deepfake

Смирнова А.Л.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современном мире благодаря развитым цифровым технологиям происходят быстрые изменения, которые затрагивают жизнь как отдельной личности, так и всего общества. Одна из таких технологий – Deepfake (Дипфейк). В основу функционирования дипфейков заложен искусственный интеллект (далее – ИИ). «Дипфейки – это преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение производное от словосочетания «deep learning» – глубокое обучение, «fake» – подделка), которые изображают что-то вымышленное или ложное» [1, с. 74]. Дипфейк имитирует голос человека и его внешние данные.

Особого внимания среди всех дипфейков заслуживают голосовые. Голос является настолько же индивидуальным и узнаваемым проявлением личности, насколько таким является внешность. Голос за счет высоты, диапазона, силы, тембра и других особенностей является уникальной характеристикой человека, позволяющей идентифицировать его личность [2].

Существующая практика судебных органов демонстрирует проблемную ситуацию, когда использование голоса условно не защищено правом, а вот использование изображения гражданина на фотографиях или кадрах видеозаписей напрямую регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). В качестве примера дело № 2-3580/2024, рассмотренное Савёловским районным судом г. Москвы, в рамках которого сгенерированный ИИ голос привел к нарушению репутации, чести и достоинства человека [3].

Цивилистика исследует голос разносторонне. Классическим представлено обращение к ст. 150 ГК РФ. Со ссылкой на нее, голос – это нематериальное благо. Нам стоит сразу сделать оговорку, что в указанной статье голос и изображение не перечисляются. В связи с чем, имеют место быть предложения по выделению в норме п. 1 ст. 150 ГК РФ изображения и голоса гражданина как нематериальных благ.

Законодатель уже пытался поднять данный вопрос в январе 2023 г., однако вернулся к нему. 16 сентября 2024 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 718834-8 об охране голоса [4], предусматривающий дополнение части первой ГК РФ ст. 152.3 «Охрана голоса гражданина». Структурно статья абсолютно идентична ст. 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина». В соответствии с новой статьей голос человека приравнивается к нематериальным личным благам, таким, как имя, честь, достоинство, деловая репутация и изображение. Помимо всего прочего, в пояснительной записке к упомянутому законопроекту

отмечено, что голос представляет собой нематериальное благо, которое заключается в возможности его использования не только в повседневной жизни, но и в профессиональной.

При охране голоса надлежит ориентироваться на специфику сложившихся правоотношений. Свое правовое мнение изложил Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в заключении на проект федерального закона. В последнем абзаце указано: «Также обращаем внимание, что нарушением прав и законных интересов гражданина может быть не только обнародование и использование, но и само осуществление записи голоса гражданина без его согласия» [5], что подтверждает тот факт, что ст. 152.3 просто дублирует ст. 152.1 ГК РФ и не учитывает особенностей голоса как объекта гражданского права. Именно поэтому мыслится, что невозможно расширить предмет ст. 152.1 ГК РФ охраной голоса гражданина наравне с изображением.

В высказанной в официальном отзыве позиции Правительства Российской Федерации [6] не прослеживается логика рассуждений и не берутся в учет уже произведенные законодательные изменения. Скажем так, ст. 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина» действующая, несмотря на тот факт, что изображение также полностью соответствует требованиям принадлежности гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемости и непередаваемости иным способом (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Без сомнений, и вопросы, затрагиваемые ст. 152.1 ГК РФ, косвенно, но уже были урегулированы гражданским законодательством. Тем не менее, ст. 152.1 есть в ГК РФ. Вероятнее всего, закон в дальнейшем станет предоставлять охрану цельному образу человека, включая голос, внешний облик и иные личные идентификационные характеристики.

По итогу констатируем, что проблема охраны голоса гражданина имеет колоссальное значение в условиях бурного развития ИИ. Особенно актуально использование голоса и защиты своих прав для знаменитостей, певцов, чьими голосами обычно пользуются для обучения ИИ.

На сегодня нормативный правовой акт по охране голоса не принят. Определенно, законопроект важен для нашей действительности, поскольку он устранил правовую неопределенность квалификации голоса человека. Потребность в нововведениях, касающихся охраны голоса, назрела, что подтверждается судебными спорами.

Библиографический список

1. Игнатенков Г.К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности Игнатенков // Наука. Исследования. Практика: Сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 25 июня 2022 г. – СПб., 2022. – С. 74-77.
2. Пояснительная записка к законопроекту № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса) [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RULq7>.
3. Дело № 2-3580/2024 // Портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://clck.ru/3RULqu>.
4. Законопроект № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (об охране голоса). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8>.
5. Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (первое чтение). – [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RULrG>.
6. Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона № 718834-8 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», внесенный сенаторами Российской Федерации А.А. Клишасом, А.Г. Шейкиным, Н.С. Кувшиновой, Р.В. Смашневым, депутатом Государственной Думы Д.В. Бессарабовым [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8>.

Научный руководитель – Чесноков А.А., к.ю.н., доцент

Обещание дарения как индикатор трансформации частного права: проблемы защиты прав дарителя и одаряемых

Суворова Н.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский институт управления
г. Волгоград*

Современное частное право характеризуется усилением защитной функции и повышением этических стандартов в регулировании имущественных отношений. Актуальность исследования подтверждается значительным ростом судебных споров, связанных с институтом обещания дарения, что свидетельствует о пробелах в правовом регулировании. Согласно ст. 572 ГК РФ, дарение представляет собой безвозмездную передачу имущества или имущественных прав [1; с. 287]. Обещание дарения представляет собой консенсуальную сделку, порождающую обязательство передать дар в будущем при соблюдении ключевых элементов: безвозмездности, определенности предмета и надлежащей письменной формы (п. 2 ст. 574 ГК РФ) [1; с. 289]. В отличие от реального дарения, при котором заключение договора и переход права собственности совпадают во времени, обещание дарения требует наличия определенных условий, указанных в договоре (например, наступление определенной даты или события). Обращаясь все к той же ст. 572 ГК РФ, но уже к п. 2, можно сформировать представление об обещании дарения, т.е. обещание дарения признается договором дарения и связывает обещающего, при условии его надлежащего правового оформления и содержит ясно выраженное намерение совершить в будущем безвозмездную передачу вещи или права конкретному лицу [1; с. 287]. Данная конструкция представляет собой классический пример консенсуальной сделки, порождающей обязательственные отношения между сторонами.

Сравнительно-правовой анализ показывает существенные различия в регулировании института обещания дарения в различных правовых системах. В германское гражданское уложение, (§ 518 ГГУ) устанавливается обязательное нотариальное удостоверение для обещания дарения. Однако если сторона уже исполнила свое обещание, несоблюдение этой формы не влечет недействительности договора [2; с. 121]. Отечественная судебная практика подтверждает важность надлежащего оформления договорных отношений. Решение № 2-2876/2024 Коломенского городского суда подтверждает юридическую значимость оформленного обещания дарения [4]. При неисполнении обязательства одаряемый вправе требовать принудительного исполнения (ст. 397 ГК РФ), однако взыскание упущенной выгоды проблематично. Серьезной проблемой остается оспаривание сделки кредиторами дарителя (ст. 61.2 Закона о банкротстве) [3], при этом отсутствуют четкие механизмы защиты добросовестного одаряемого. В данном контексте германский опыт представляет особый интерес, где одаряемый защищен нормами о добросовестном приобретении, если он не знал и не должен был знать о наличии кредиторов дарителя на момент заключения договора.

Традиционные основания отмены дарения (ст. 578 ГК РФ) сложно доказывать в судебном порядке. Совершенствование правового регулирования требует поиска баланса между принципом свободы договора и защитой прав всех участников обязательства. Особую актуальность приобретает вопрос защиты устных договоренностей, сопутствующих безвозмездной передаче имущества, что наглядно демонстрирует кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2025 г. по делу № 88-20544/2025. В данном споре истец пытался оспорить отказ в признании договора дарения заключенным, ссылаясь на переписку в мессенджере, где ответчик выражал готовность передать половину наследственного имущества. Однако суды трех инстанций последовательно отказали в удовлетворении требований, указав на отсутствие надлежащим

образом оформленного договора дарения и неопределенность предмета договора в переписке. Особое значение имеет вывод суда о том, что на момент ведения переписки ответчик не обладал правом собственности на спорное имущество, что исключало возможность заключения действительного договора дарения [5].

Проведенный анализ судебной практики выявил пробелы в законодательстве, проявляющиеся в недостаточной защищенности одаряемого и дарителя. Для устранения этих недостатков необходимо: предусмотреть отмену дарения при грубой неблагодарности, гарантировать компенсацию одаряемому при неисполнении обещания и защитить его от претензий кредиторов дарителя. Современное право стремится к усилению защиты уязвимых участников сделок и внедрению этических норм в гражданский оборот. Приводимые примеры из судебной практики и меры по совершенствованию правового регулирования позволят достичь разумного баланса интересов дарителя и одаряемого, обеспечивая при этом стабильность гражданского оборота и укрепляя принципы справедливости и добросовестности в договорных отношениях.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации на 2025 год с таблицами и схемами + комментарии. – М.: АСТ, 2025. – 784 с.
2. Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: Германское гражданское уложение с Вводным законом. – Берлин: Verlag, 2018. – 422 с.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ : ред. от 24.04.2024 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Решение Коломенского городского суда Московской области от 14 октября 2024 г. по делу № 2-2876/2024 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс] – URL: <https://clck.ru/3RUM2a>.
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2025 № 88-20544/2025 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Репникова Ю.В., к.ю.н., доцент

Трансформация социального института семьи и брака в современной России

Сыромятых В.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Волгоградский институт управления – филиал
г. Волгоград*

Семья представляет собой фундаментальный социальный институт, выступающий хранителем культурных традиций, передаваемых от предков к потомкам, и обеспечивающим необходимую среду для социализации индивида. Именно в рамках семьи личность осваивает социальные роли, приобретает базовые знания и учится правильному поведению.

Правовая регламентация семейных отношений на протяжении всей истории России является ключевой составляющей государственной стратегии. Степень успешности правовых инструментов, регулирующих разнообразные виды семейных взаимоотношений, оказывает непосредственное влияние на экономическое благополучие и социальную устойчивость государства, а также формирует нравственно-духовные устои общества.

Исторически семья в России была патриархальной структурой, характеризующейся строгими ролями мужчин и женщин. Мужчина считался главой семьи, ответственным за материальное обеспечение, тогда как женщина выполняла обязанности по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. После революции 1917 г. произошли существенные изменения в семейном праве, направленные на укрепление равенства полов и создание условий для женской эмансипации. Это привело к росту числа разводов и увеличению количества неполных семей.

Современная Россия демонстрирует новые модели семейной организации, отличающиеся от традиционных представлений о семье и браке. Исследователь А.В. Верещагина предлагает рассматривать трансформацию института семьи как преобразование «формальных и неформальных ограничений, в ходе взаимодействия которых происходит разрушение традиционного института семьи и возникновение нового современного института семьи, характеризующегося разнообразием и большим многообразием типов организации семейной жизни и семейного поведения» [1, с. 85]. Формальные и неформальные ограничения имеют социальную природу, но они постепенно теряют свою значимость и в процессе трансформации семьи актуализируются индивидуальные ограничения, имеющие отношение непосредственно к реальным семейным практикам [1, с. 88].

Российское общество сегодняшнего дня отмечено изменениями в понимании традиционных ценностей, морали и нравственности. Это особенно заметно в сфере брачных и семейных отношений, так как брак и семья играют ключевую роль в формировании социальных структур.

Так, молодые россияне все чаще откладывают вступление в брак до достижения определенного уровня образования и профессиональной стабильности. Согласно данным Росстата за последние три года, средний возраст заключения первого брака увеличился примерно до 28 лет у мужчин и около 26 лет для женщин. Произошел рост «гражданских браков», которые стали распространенным явлением среди молодых пар, предпочитающих жить вместе без официального оформления отношений. Причины варьируются от желания избежать юридических обязательств до стремления проверить совместимость перед формальным союзом. Прослеживается увеличение числа одиноких родителей. Количество одиночек, самостоятельно воспитывающих детей, значительно выросло за последние десятилетия. Женщины часто становятся единственными кормильцами и попечителями детей вследствие развода или нежелания мужчины поддерживать отношения с ребенком.

В целях минимизации данной тенденции повышается роль государства в поддержке семей. Государство предпринимает меры по улучшению благосостояния семей, включая программы поддержки материнства и детства, налоговые льготы для многодетных семей и предоставление жилищных субсидий молодым семьям. Эти инициативы направлены на повышение рождаемости и улучшение качества жизни населения.

Например, начиная с 2020 г. введен новый тип детского пособия – ежемесячные денежные выплаты детям в возрасте от трех до семи лет, размер которых зависит от уровня нуждаемости семьи. Также наиболее важной мерой, способствующей улучшению материального благосостояния семей с детьми и поддержанию стабильной демографической обстановки, считается введение института материнского капитала. Однако, исследователи указывают на ряд трудностей, возникающих при осуществлении данной программы, подчеркивая, что «стимулирующая цель материнского капитала законом обеспечивается не в полной мере» [2, с. 64], что «нередки случаи мошенничества с выплатами материнского (семейного) капитала [5, с. 123].

Трансформации института семьи в современной России обусловлены множеством факторов, включая социально-экономические условия, культурные изменения и правовые реформы. Несмотря на сохранение традиционной структуры семьи, наблюдается четко выраженные тенденции к индивидуализации и гибкости семейных моделей. Государственная политика направлена на поддержку семей, однако, успех ее реализации зависит от комплексного подхода, учитывающего многообразие современных реалий.

Библиографический список

1. Верещагина А.В. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 3. – С. 68-71.

2. Барышникова Т.Ю. Материнский капитал как особый вид социального обеспечения: семейно-правовые и гражданско-правовые аспекты // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2010. – № 5. – С. 52-64.

3. Малимон Л.А. Мнимая сделка купли-продажи жилого помещения как способ совершения мошенничества с выплатами материнского (семейного) капитала // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 122-124.

Научный руководитель – Козлова М.Ю., к.ю.н., доцент

Ограничение экономических прав иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации

Тихова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции РФ регулирование правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или пребывающих на территории России, по общему правилу основывается на принципе равноправия указанных субъектов с российскими гражданами. Исключения из указанного национального режима могут устанавливаться только на основании законодательных актов. При этом существование особых условий в реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе и в экономической сфере, обусловлено современными политическими и правовыми реалиями.

Убедительным является утверждение Г.Н. Комковой об обязательном соблюдении равноправия как принципа отношений внутри отдельных категорий индивидов, например, таких как иностранцы, дети, женщины [7, с. 35]. Однако такое понимание равенства основывается на идеальной модели, при этом в сфере экономических интересов законодателем не всегда применяется подобный подход при определении объема прав нерезидентов, в связи с чем эти субъекты испытывают определенные ограничения. Следует заметить, что ограничения эти вызваны обоснованными требованиями, например, связанными с обеспечением национальной безопасности государства, либо сохранением природных ресурсов и иными аналогичными причинами.

Так, Земельный кодекс в ч. 3 ст. 15 устанавливает, что иностранным гражданам и лицам без гражданства не могут принадлежать на праве собственности земельные участки, находящиеся на приграничных территориях, включенных в перечень, установленный Президентом России [3]. Исходя из разъяснений, данных Конституционным Судом, установление таких пределов в обладании не гражданами России правами на землю направлено на обеспечение суверенных прав государства, на сохранение ее природных богатств и ресурсов, защиту интересов государственной экономики [5].

Существуют и иные ограничения в сфере осуществления экономических прав лиц – нерезидентов Российской Федерации, которые вытекают из федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее – Закон о специальных экономических мерах), закрепившего право Президента России на введение специальных мер в сфере экономики в условиях международных чрезвычайных ситуаций [1]. В числе прочих многочисленных указов Президента, принятых во исполнение Закон о специальных экономических мерах, был введен в действие указ от 03.05.2022 г. [4], установивший запрет на совершение сделок и исполнение обязательств перед зарубежными физическими и юридическими лицами, подпадающими под ответные ограничительные меры, что, безусловно, является препятствием при осуществлении предпринимательской деятельности иностранными гражданами из ряда недружественных России стран.

Как следует из постановления Конституционного Суда РФ, права и свободы могут быть ограничены только, если результат, на который они направлены, является адекватным такому ограничению, а правовые средства, используемые государством, должны быть соразмерны и не могут преследовать лишь цель рациональной организации деятельности органов власти [6]. Применяемые в настоящее время ограничительные меры не вызывают сомнения в их адекватности и социальной значимости, поскольку направлены на обеспечение безопасности государства и являются ответной реакцией на введенные антироссийские санкции.

Безусловно, экономическая свобода иностранных граждан и лиц без гражданства реализуется в определенных рамках, очерченных законом. При этом субъекты предпринимательства, как правило, могут выбирать правовые условия осуществления своей деятельности. В этой связи обращает внимание законодательная новелла, которая, на наш взгляд, значительно расширяет социально-экономические возможности рассматриваемой категории лиц. Речь идет о федеральном законе, устанавливающем особенности правового положения российских граждан, имеющих одновременно и гражданство Украины [2], в ст. 1 которого установлено, что таким лицам предоставляется право обратиться в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел России с заявлением о нежелании иметь гражданство Украины, со дня подачи которого они считаются не имеющими гражданства Украины.

Поскольку в последние годы законодательство подвержено стремительным изменениям, в том числе и в сфере регулирования правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, по мнению автора, необходимо обратить пристальное внимание на вопросы правового информирования рассматриваемой категории лиц по вопросам пребывания на законных основаниях на российской территории, включая условия и основания пребывания, возможности получения специальных статусов (беженца, лица, которому необходимо временное убежище и т.д.), приобретения российского гражданства, а также об имеющихся гарантиях, установленных для реализации прав и свобод, и способах защиты при их нарушении. Такое информирование может строиться на взаимодействии органов государственной власти и местного самоуправления с различными институтами гражданского общества, в том числе с диаспорами иностранных граждан, проживающих на территории России. Подобная система будет, прежде всего, способствовать предупреждению со стороны указанных лиц правонарушений, связанных с осуществлением экономических прав на территории России, режимов пользования имуществом объектами, ведением предпринимательской деятельности, а также профилактике нарушения прав иностранных граждан и лиц без гражданства.

Библиографический список

1. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. – 2006. – № 1 (1 ч.). – Ст. 44.
2. Об особенностях правового положения граждан РФ, имеющих гражданство Украины: Федеральный закон от 18.03.2023 № 62-ФЗ // СЗ РФ. – 2023. – № 12. – Ст. 1875.
3. Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками: указ Президента РФ от 09.01.2011 № 26 (ред. от 23.11.2021) // СЗ РФ. – 2011. – № 2. – Ст. 268.
4. О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: указ Президента от 03.05.2022 № 252 (ред. от 22.12.2022) // СЗ РФ. – 2022. – № 19. – Ст. 3188.
5. По делу о проверке конституционности Земельного кодекса РФ в связи с запросом Мурманской областной Думы: Постановление КС РФ от 23.04.2004 № 8-П // СЗ РФ. – 2004. – № 18. – Ст. 1833.
6. По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 1232 ГК РФ в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам: постановления КС РФ от 3 июля 2018 г. № 28-П // СЗ РФ. – 2018. – № 29. – Ст. 4528.
7. Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2002. – 151 с.

Научный руководитель – Витько М.В., к.п.н., доцент

Правовая природа кредитных обязательств супругов: проблемы распределения долга

Флянтикова Е.В.

*Тульский государственный университет
г. Тула*

Проблема распределения кредитных обязательств между супругами представляет особую значимость в правоприменительной практике, поскольку законодательство не содержит четкого регулирования порядка компенсации сумм, выплаченных одним супругом по долгам другого. Отсутствие нормативной определенности порождает неоднозначность в толковании правовых норм и приводит к различным подходам судов при разрешении подобных дел. Особенно сложной является ситуация, когда кредитное обязательство возникло у одного из супругов до заключения брака, но исполнялось в период брачных отношений. В таких случаях возникает вопрос о правовой природе произведенных платежей, об их связи с семейными нуждами, а также о возможности признания долга общим и распределения его между супругами. Эти обстоятельства обуславливают необходимость детального анализа правового режима подобных обязательств и поиска единообразного подхода к их квалификации в судебной практике.

При разделе имущества особое значение приобретает вопрос о распределении долговых обязательств, возникших в период брака. Хотя ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации формулирует правило о распределении долгов пропорционально долям супругов, на практике применение данной нормы вызывает существенные трудности и требует индивидуального подхода в каждом конкретном случае.

В соответствии со ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или договором оснований приобрело либо сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество. Анализ судебной практики показывает, что применение положений о неосновательном обогащении возможно в случаях, когда исполнение кредитного обязательства одного из супругов осуществлялось за счет общего имущества. При рассмотрении подобных дел суды, как правило, исходят из того, что средства на погашение кредита были получены из совместного бюджета супругов, и обращают внимание на то, что данные средства нередко использовались не на семейные нужды, а для удовлетворения исключительно личных интересов супруга-заемщика, что свидетельствует о нарушении принципа совместности имущества [1, с. 37].

Суды обращают внимание на такое обстоятельство как внесение ответчиком платежей в погашение кредита, возникшего до заключения брака, за счет общих средств супругов. Также отмечается, что кредитное обязательство не было направлено на нужды семьи [2, с. 40].

Примером такого подхода является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2022 г. № 18-КГ21-149-К4, в котором высшая судебная инстанция детально разъяснила, при каких условиях обязательства, возникшие в период брака, могут быть признаны общими [3]. Верховный Суд указал, что положения п. 2 ст. 35 СК РФ и п. 2 ст. 253 ГК РФ, закрепляющие презумпцию согласия супруга на распоряжение общим имуществом, не распространяются на случаи возникновения долговых обязательств. Признание долга общим возможно лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, то есть если обязательство возникло в интересах семьи или все полученные по нему средства использованы на семейные нужды. При этом Верховный Суд подчеркнул, что бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на супруге, заявляющем требование о распределении долга, а не на стороне, возражающей против такого признания.

Следует отметить, что категория «нужды семьи» имеет оценочный характер. В судебной и научной практике под семейными нуждами понимаются расходы,

направленные на удовлетворение бытовых, образовательных, медицинских и иных потребностей семьи в целом и каждого ее члена. В доктрине предлагается расширительное толкование этого понятия, включающее обязательства, связанные с приобретением имущества, поступившего в общую собственность супругов, а также с предпринимательской деятельностью, если доходы от нее использовались в интересах семьи. Таким образом, при оценке характера кредитного обязательства следует учитывать не только его целевое назначение, но и реальное использование заемных средств [4, с. 227].

Наиболее действенными способами предотвращения неблагоприятных последствий для супруга-должника являются заключение брачного договора и использование при погашении кредита средств, полученных по договору дарения. Установление в брачном договоре раздельного режима имущества и доходов исключает возможность признания внесенных платежей общими, а использование подаренных средств, не относящихся к совместно нажитому имуществу, не позволяет применять нормы о неосновательном обогащении. Однако в каждом случае ответчику необходимо подтвердить документально, что обязательство исполнялось именно за счет таких личных средств.

Таким образом, в виду того, что современное семейное законодательство не содержит достаточных условий и критериев для разрешения споров о взыскании сумм, уплаченных по кредиту одного из супругов в браке, судебная практика фактически формирует подход, основанный на применении норм о неосновательном обогащении, если доказано, что долг погашался за счет общих средств. Закрепление данного подхода в законодательстве позволило бы обеспечить единообразие правоприменения и повысить предсказуемость судебных решений. Перечисленные превентивные меры представляются наиболее эффективными средствами защиты прав супругов. Их применение способствует снижению числа судебных споров и укреплению принципа справедливости при разрешении имущественных разногласий, возникающих в брачно-семейных отношениях.

Библиографический список

1. Синицкая А.Э., Отрошко В.М. Взыскание денежных средств, уплаченных по кредитному обязательству одного из супругов в период брака // Вестник права. – 2024. – № 2. – С. 35-40.
2. Позднякова Е.А. Правовое регулирование раздела совместно нажитых супругами долгов // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 6 (13). – С. 39-40.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2022 г. 8-КГ21-149-К4 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Незнамова Ю.Н. Общие и личные долги супругов: к вопросу об определении нужд семьи // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 19. – С. 226-230.

Научный руководитель – Бессараб Н.С., к.ю.н., доцент

Правовое регулирование самозанятых лиц в банкротстве при реализации имущества в связи с несоблюдением ФЗ «О защите прав потребителей»

Фрари Е.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

В Российской Федерации обеспечивается устойчивое экономическое и социальное развитие. Сохранение населения и повышение благополучия людей, а также поддержка семей и малого бизнеса является одним из приоритетных направлений в развитии правового регулирования в РФ. В этой связи отмечено, важнейшее развитие нового перехода в истории России в современных рыночных экономических отношениях, что предоставило возможность в реализации прав гражданам РФ во всех субъектах страны самостоятельно вести свой бизнес без образования юридического лица в качестве самозанятого лица.

Как показывает судебная практика районных судов Алтайского края [1], проблематикой является несоблюдение самозанятыми лицами норм гражданского права в части договорных отношений с гражданами потребителями в соответствии с ФЗ «О защите прав потребителей» [3], при осуществлении реализации работ, услуг, товаров, что влечет за собой удовлетворение исковых требований в пользу истца. Потребителями услуг и товаров самозанятых лиц могут являться физические лица, юридические лица, индивидуальные предприниматели. Несоблюдение законодательства гражданского права, несет за собой репутационные и материальные риски в малом бизнесе. В этой связи, дополнительной проблематикой правового регулирования является сложность взыскания задолженности между сторонами – самозанятым лицом-должником и кредиторами (потребителями), как отмечает УФССП РФ, так как частным случаем является проблема неплатежеспособности должника. А в банкротстве – сложностью правового регулирования является несостоятельность самозанятых лиц, для кредиторов – участие в Арбитражном процессе [2], в деле о банкротстве, во включении в реестр требований кредиторов, задолженности должника самозанятого лица (банкрота).

Так в соответствии со ст. 213.4 Закона о банкротстве, гражданин обязан обратиться в Арбитражный суд, о признании его банкротом, если удовлетворение требований кредиторов, не менее чем пятьсот тысяч рублей. Временной ход юридического дела, может быть смежным с исполнительным производством. Кроме того, важно отметить, в сущности права кредиторов в деле о банкротстве, что является балансом в регулировании применения способа защиты сторон. Соответственно, проводя анализ, можно сказать следующее что имеется право подачи о включении в реестр требований кредиторов, задолженности в связи с вынесенным решением районного суда, и возбуждённого исполнительного производства, суммы задолженности которые включают суммы основного долга, пени, штрафы, неустойки а так же моральный вред, в совокупности исковых заявленных требований.

Правовой вопрос в следующем, подлежит ли включению в реестр кредиторов, требование в связи с удовлетворением исковых требований в суде общей юрисдикции по защите прав потребителей [3], требования задолженности в Арбитражном суде по делу о банкротстве гражданина должника банкрота. В правовом поле в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2], отсутствует понятие отдельного правового статуса самозанятого лица – банкрота, но может трактоваться, как гражданин, что является указанием в реализации права требований сторон в Арбитражном процессе. В этой связи, с целью реализации прав кредиторов, Законодателем установлено, в соответствии со ст. 213. 8 Закона о банкротстве, собрание кредиторов в случае банкротства гражданина, созывается финансовым управляющим, утвержденным Арбитражным судом. В силу ст. 12 Федерального закона о банкротстве участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания.

На основании вышеизложенного для совершенствования законодательства о банкротстве представляется возможным добавить в ст. 214 Закона о банкротстве в части оснований для признания индивидуального предпринимателя отдельное дополнение о статусе самозанятого лица. А в ч. 1 ст. 7 Закона о банкротстве правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом добавить требования о защите прав потребителей.

Кроме того, важно отметить арбитражно-процессуальное применение мер по обеспечению требований кредиторов и интересов должника, в сущности подача ходатайства о принятии обеспечительных мер к банкроту гражданину. После рассмотрения Арбитражным судом вышеуказанного процессуального документа, Арбитражный суд выносит определение о принятии обеспечительных мер.

Представленное предложение направлено на улучшение рассмотрения дел о банкротстве в арбитражных судах, улучшение процесса взыскания требований кредиторов в рамках рассмотрения дел о банкротстве, снижение нагрузки судебных приставов, в

случаях, если у должника отсутствует имущество, а также на обеспечение процессуальной защиты сторон в Арбитражном процессе.

Библиографический список

1. Центральный районный суд г. Барнаула Алтайского края, дело № 2-4853/2024 [офиц. сайт]. – URL: <http://www.centralny.alt.sudrf.ru>.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
4. Чесноков А.А. Первоначальный период становления экономической функции права в Российской Федерации // Шестой конгресс цивилистов правоохранительных органов. – Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2024. – С. 40-46.

Научный руководитель – Чесноков А.А. к.ю.н., доцент

Правовые особенности использования индивидуального жилого дома для предоставления услуг гостевых домов: проблемные вопросы и судебная практика

Цверов Н.П.

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород*

Актуальность выбранной темы и специфика данного правового вопроса базируется на высокой динамичности спроса в области рыночного механизма регулирования, поскольку в субъектах Российской Федерации после ограничения въезда гражданам России в популярные для отдыха локации в одностороннем порядке пребывание и нахождение сильно ограничены, а где-то и вовсе закрыты, имея ввиду в первую очередь страны Европейского Союза и как следствие усиленный спрос в количественном составе на жилья для туристов в рекреационных местах нашего государства.

Обратим внимание на определение Верховного Суда от 10.06.25 по делу № 18-КГ25-84-К4 [6], квинтэссенция которого заключается в том, что индивидуальный жилой дом может быть использован для предоставления услуг гостевых домов, при этом суд акцентирует внимание на выводе своей позиции, что нижестоящие суды должны уделять пристальное внимание на выявление нарушений требования технического регламента при эксплуатации зданий. Верховный Суд отметил, что в целом при рассмотрении подобных категорий дел нижестоящие суды ошибочно применяют положения ст. 48, 49, 51 «Градостроительного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (далее – ГрК РФ).

Также Верховный Суд подчеркнул, что в абз. 5, п. 4 ст. 85 Земельного кодекса Российской Федерации необходимо обращать внимание на критерии не только в отношении допустимости градостроительного регламента, но и факторов опасности для жизни, здоровья человека и в целом окружающей среды, об этом же по мнению Верховного Суда говорит и п. 1 и п. 2 ст. 1065 Гражданского кодекса Российской Федерации – о выяснении обстоятельств, которые могут угрожать жизни и здоровью граждан в связи с эксплуатацией объекта.

В целом до появления данного судебного прецедента, общественные отношения в данной области и судебная практика были не в пользу частных лиц, поскольку практически не соблюдался баланс публичных и частных интересов, в большинстве случаев квалификация деликта судами всегда шла в пользу публичной власти, то есть

муниципального образования, с требованием о смене статуса предназначения земельного участка.

Федеральный законодатель пошел навстречу владельцам индивидуальных жилых домов и рыночному спросу на жилье отдыхающих и попытался сбалансировать данные общественные отношения, приняв Федеральный закон от 07.06.2025 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов», который в первую очередь дает легальную дефиницию «гостевой дом», дабы иметь четкое понимание того, какими родовыми и иными признаками будет обладать этот объект, и самое главное – создаст отсутствие необходимости менять вид разрешенного использования земельного участка [4]. Как уже было отмечен, к аналогичным выводам пришел Верховный Суд, исследовав позиции нижестоящих судов по данным правоотношениям. Фундаментальное значение законодательной новеллы заключается в том, чтобы легализовать возможность использования индивидуального жилого дома для предоставления гостевых услуг и, исходя из требований закона, иметь возможность быть включенным в соответствующий реестр средств размещения, который регулируется Постановлением Правительства РФ от 27.12.2024 № 1952 «Об утверждении Правил классификации средств размещения и Правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии» [5].

Подводя итоги, отметим, что баланс публичных и частных интересов в рыночной экономике должен лидировать в принятии не только судебных, но и законодательных решений, а особенно в такой сфере, как туристическая индустрия.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. 24.06.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс
2. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. Системы Консультант Плюс
4. О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов: Федеральный закон от 07.06.2025 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс
5. Об утверждении Правил классификации средств размещения и Правил формирования и ведения единого реестра объектов классификации в сфере туристской индустрии: постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1952 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2025 № 18-КГ25-84-К4 (УИД 23RS0011-01-2023-000747-13) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс

Научный руководитель – Хужин А.М., к.ю.н., профессор

Проблемы правового регулирования взаимодействия органов публичной власти с организациями по вопросам размещения объектов электросетевого хозяйства.

Шипунова О.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Алтайский филиал
г. Барнаул*

Согласно ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», технологическое присоединение производится единожды в порядке, установленном Правительством РФ, и оформляется публичным договором между сетевой организацией и заявителем.

Порядок технологического присоединения урегулирован Правилами, утверждёнными постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 № 861. Присоединение осуществляется на

основании договора между сетевой организацией и владельцем энергопринимающего оборудования, в сроки, предусмотренные этими правилами. Согласно п. 6 Правил № 861, технологическое присоединение выполняется путём заключения договора с юридическим или физическим лицом. При строительстве объекта электросетевого хозяйства сетевая компания обязана урегулировать все взаимоотношения с третьими лицами, чьи права и интересы могут быть затронуты, а также согласовать действия с органами местного самоуправления и природоохранными ведомствами.

В ходе проведения работ по согласованию размещения объектов электрического хозяйства часто возникает необходимость в установлении сервитутов. Решение об установлении публичного сервитута принимается уполномоченным органом исполнительной власти или органом местного самоуправления. Установление публичного сервитута допускается при условии обоснования необходимости его установления. Рассмотрение нескольких сравнительных вариантов подключения заявителей, обоснование невозможности размещения инженерного сооружения на земельных участках общего пользования, территория общего пользования отсутствует, либо доступ к участкам осуществляется посредством других земельных участков.

В случаях, когда договоренность с собственником участка, в границах которого планируется размещение ЛЭП, на праве аренды, либо на установление частного сервитута не достигнута в силу закона, сетевая организация не имеет возможности приостановить выполнение обязательств по заключенному договору об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям, таким образом, возникает необходимость установить публичный сервитут для строительства и эксплуатации ЛЭП. Одна из основных проблем, это несоблюдение сроков и необоснованные отказы администраций районов, о рассмотрении ходатайств. Решение администрации об отказе в установлении публичного сервитута исключает возможность обществу исполнить свои обязательства по договору об осуществлении технологического присоединения. Каждый необоснованный отказ вызывает задержки в подключении граждан к электросетям, повышает расходы и снижает качество обслуживания, что влечет риск привлечения общества к ответственности за неисполнение договорных обязательств.

Так же возникают ситуации, когда владелец участка получает уведомление о публичном сервитуте уже после его установления. В некоторых случаях владельцы считают такое решение незаконным, нарушающим их права и создающим значительные неудобства в пользовании землей. Они вправе оспорить установление сервитута в суде, потребовать компенсации ущерба и признать нормативный акт недействительным, если доказано существенное ухудшение использования участка. Однако суды зачастую отклоняют такие иски, признавая действия администрации правомерными и соответствующими требованиям законодательства. Тем не менее, такая ситуация свидетельствует о проблемах в процедуре установления сервитута и необходимости укрепления гарантий прав собственников земельных участков, а также прав сетевых организаций.

Для предотвращения конфликтов при установлении публичного сервитута следует наладить эффективный порядок выявления и своевременного уведомления собственников земельных участков. Нормы Земельного кодекса РФ (п. 3 ст. 39.42) не предусматривают достаточных инструментов уведомления, а Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» ограничивает доступ к сведениям о собственниках, что препятствует процедуре согласования документации до момента обращения в орган местного самоуправления, это приводит к неосведомлённости о проводимой процедуре.

Полагаем, предложение применения положений Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» позволит эффективно урегулировать споры между сетевыми организациями и собственниками земельных участков до обращения в органы муниципальной власти. Процедура медиации приобретает особую актуальность в тех

случаях, когда собственником земельного участка выступает юридическое лицо. Юридические лица, обладая особыми правами и обязанностями, нередко ведут активную коммерческую деятельность, связанную с эксплуатацией имущества. Именно поэтому урегулирование споров в досудебном порядке поможет предотвратить дорогостоящие судебные тяжбы, минимизировать финансовые потери и поддерживать нормальный ход хозяйственной деятельности юридического лица. Проведение медиативных процедур до подачи заявлений в муниципалитет поможет снизить количество судебных споров, соблюсти установленные сроки процедур и способствовать защите интересов обеих сторон.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 740.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // Доступ из справ.-прав.-системы Консультант Плюс.
3. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ // Доступ из справ.-прав.-системы Консультант Плюс.
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2017 № 15АП-20516/2016 по делу № А32-23391/2016, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.01.2016 № Ф08-9875/2015 по делу № А32-1078/2015. – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Михалева Д.А. к.ю.н., доцент

Секция 5. Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Понятие «особого страдания» при квалификации убийства, предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса РФ

Алексеев А.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Каждое посягательство на жизнь человека – жестокое по способу и характеру его проявления. Считается справедливым выделение убийства с особой жестокостью в отдельную категорию, ведь «особая» означает выходящая за пределы и рамки общественного сознания, поэтому данная категория закреплена в п. «д» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1].

Руководствуясь Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», можно интерпретировать убийство с особой жестокостью как причинение сильных страданий жертве во время совершения преступления, однако в данном постановлении остается не раскрытым вопрос о критериях особой жестокости [2].

Важно отметить, что оценочные понятия в уголовном праве являются неизбежными, поскольку альтернативные, более точные формулировки отсутствуют. Однако, они способствуют лаконичности и конкретизации норм, облегчая их применение. С другой стороны, эти ориентировочные понятия порождают субъективность в уголовном процессе [4, с. 46]. Различия в понимании закона, образовательном уровне и правовой осведомленности каждого участника процесса приводят к неоднозначному толкованию норм, что затрудняет точную квалификацию убийств этой категории.

Одной из трудностей является точная оценка умысла, которым руководствовался преступник. Анализ судебных решений по делам, подпадающим под п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, показывает, что правоприменители иногда упускают из виду тот факт, что сам преступник воспринимает совершенное им убийство как особо жестокое [5, с. 39]. В данном случае необходимо подчеркнуть, что даже действия, не являющиеся откровенно жестокими, могут стать источником сильных страданий для жертвы преступления, если они продолжаются длительное время. При этом страдания могут быть как физическими, так и моральными.

Вместе с тем, в Постановлении Пленума приводится открытый перечень способов убийства, влекущих особые страдания для жертвы преступления. К ним относится нанесение множественных телесных повреждений, отравление мучительным ядом, сожжение заживо, истощение организма путем лишения пищи и воды, совершение преступления в присутствии членов семьи, применение пыток, причинение физической боли. Согласно этому, жестокость определяется тем, насколько сильно жертва испытывает страдания во время совершения преступления. Впрочем, ни в российском законодательстве, ни в постановлении Пленума Верховного суда не закреплено и не раскрыто понятие «особого страдания».

По мнению большинства ученых, особая жестокость – это деяние, совершенное с причинением страданий и мучений жертве, связанных с унижением достоинства. Такая категория преступлений возможна в проявлениях крайнего цинизма, сопровождающегося деградацией личности, а нередко и садизма [6, с. 122].

Так А., С. и С. находились в квартире, где между ними произошел словесный конфликт. Реализуя свой преступный умысел, направленный на убийство С. и С.

в неустановленной последовательности, А. осознавая, что на небольшом участке квартиры, потерпевшие видят его действия по лишению жизни своего близкого родственника и тем самым своими действиями причиняет указанным лицам особые страдания, проявляя исключительную безжалостность к потерпевшим, понимая, напал на указанных лиц и ножом, нанес С. не менее тринадцати ударов в область нижней челюсти, шеи, левого и правого плеча, грудной клетки, брюшной полости, правой голени, а также не менее четырех ударов руками и ногами в область туловища и нижних конечностей, а С., этим же неустановленным ножом, нанес не менее восьми ударов в область головы, шеи, правой и левой кистей рук [3].

Учитывая вышеизложенное, следует сделать вывод, что особые страдания при убийстве рассматриваемой категории обусловлены «избыточностью» действий преступника и характеризуются исключительностью по своей интенсивности и продолжительности физическими и психическими мучения, причиняемые потерпевшему в процессе посягательства на его жизнь.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Российская газета. – № 4. – 1999.
3. Приговор Алтайского краевого суда от 24 июня 2020 года по делу № 2-11/2020 // URL: <https://sudact.ru>.
4. Попова О.А. Особая жестокость как оценочная категория // Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 1(18). – С. 42-49.
5. Бычкова Л.С., Мора Е.П. Квалификация убийства, совершенного с особой жестокостью // Устойчивое развитие науки и образования. – 2021. – № 3. – С. 37-40.
6. Ахремюк Д.С., Торбастаева В.М. Проблема квалификации убийств, совершённых с особой жестокостью // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 120-123.

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н., доцент

Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе

Антропова А.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В соответствии с законом потерпевший имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен совокупностью прав. В ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплён статус потерпевшего [1]. Несовершеннолетние потерпевшие, то есть лица моложе 18 лет, согласно уголовно-процессуальному законодательству, обладают полным спектром прав, предусмотренных ст. 42 УПК. Однако стоит учитывать, что минимальный возраст потерпевшего законом не установлен. Соответственно, не каждый несовершеннолетний потерпевший в полной мере может реализовать свои права, предусмотренные законом [2, с. 129].

Необходимо заметить, что в отношении несовершеннолетнего потерпевшего наиболее часто в нормах УПК РФ срабатывает принцип «аналогичности» по отношению к статусу несовершеннолетнего обвиняемого, и, прежде всего, в отношении их возраста, что является недопустимым. Несовершеннолетним потерпевшим от преступления могут выступать дети независимо от возраста, в то же время обвиняемым может считаться только лицо, которому

на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать или шестнадцать лет, в зависимости от тяжести совершенного им преступления и возраста наступления уголовной ответственности, за то преступление, которое он совершил.

На наш взгляд, в отношении несовершеннолетних потерпевших должны быть предусмотрены отдельные права и гарантии, которые не предоставлены несовершеннолетним обвиняемым, они должны быть построены по принципу: чем меньше возраст несовершеннолетнего потерпевшего, тем больше гарантий реализации их прав.

Также из анализа норм УПК РФ мы можем наблюдать, что те права и гарантии, которые на сегодня предоставлены несовершеннолетним потерпевшим, намного уже, чем те права и гарантии, которые предоставляются несовершеннолетнему обвиняемому. На наш взгляд, это тоже является недопустимым, учитывая принцип равноправия сторон, который закреплен в нормах УПК РФ, и принцип особой защиты детей.

Так, например, в отличие от несовершеннолетнего потерпевшего, несовершеннолетний обвиняемый согласно п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ имеет право пользоваться услугами адвоката бесплатно. При этом, несовершеннолетний обвиняемый имеет возможность привлечь как одного, так и нескольких защитников. Участие адвоката не зависит от присутствия законного представителя, и цель участия заключается в защите прав и интересов обвиняемого, предоставлении юридической помощи. Адвокат имеет определенные полномочия, некоторые из которых являются присущими только ему (например, сбор доказательств путем опроса отдельных лиц, направления запросов).

Законодательство предоставляет определенные возможности для реализации прав несовершеннолетнего потерпевшего на квалифицированную юридическую помощь, но в большинстве случаев ставит реализацию этого права в зависимость от материального положения семьи несовершеннолетнего, в связи с тем, что юридическая поддержка является дорогостоящей. Так, с 1 января 2015 г. вступила в силу ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ, в которой указано, что по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета. В иных случаях несовершеннолетний потерпевший вправе иметь представителя, но его участие обеспечивается за свой счет.

Поддерживаем мнение авторов, полагающих, что законодателю следует рассмотреть возможность создания дополнительных гарантий для усиления механизмов защиты прав несовершеннолетних потерпевших [3, с. 67].

В этих целях в уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее участие представителя по назначению, помимо преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, необходимо включить также иные тяжкие или особо тяжкие преступления. В данном случае редакция ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ будет выглядеть следующим образом: «По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, а также тяжкое или особо тяжкое преступление, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета».

Полагаем, что данные изменения обеспечат более эффективное применение норм УПК РФ при вовлечении в уголовное судопроизводство несовершеннолетних потерпевших.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 74-ФЗ: Федеральный закон (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.

2. Кузнецова С.М. Классификация несовершеннолетних потерпевших и ее значение для реализации прав и обязанностей // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 129-130.

3. Арсенова Н.В. Право потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи: история и перспективы развития // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – Вып. 24. – С. 64-68.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н.

Основные аспекты квалификации дезертирства

Бакушкина А.В.

*Донецкий государственный университет
г. Донецк*

Дезертирство является острой проблемой в настоящее время. Особенно активно оно проявляется в странах, где военные действия продолжаются уже много лет.

Самовольное оставление воинской части или места службы, равно как и уклонения от явки на службу с намерением избежать её прохождения, является преступлением против военного порядка. Данное деяние квалифицируется как дезертирство и преследуется по ст. 338 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Отказ от военной службы несет угрозу для общества, подрывая не только боеспособность российской армии, но и ставя под удар безопасность граждан.

Согласно статистике, за 2024 г. в Вооруженных Силах РФ зарегистрировано около 50,5 тыс. эпизодов дезертирства и самовольного оставления части. Из этого числа около 20 тыс. человек подверглись уголовному преследованию. Наиболее часто подобные случаи были совершены в Восточном военном округе, где было возбуждено 86% от общего количества дел [2].

Проблема правоприменения преступлений возникает, когда военнослужащий, отсутствовавший в части, возвращается, надеясь, на признание добровольного отказа. В подобных случаях судебная практика квалифицирует это как чистосердечное раскаяние, не освобождающее от ответственности. Сложность проведения четкой границы между самовольным оставлением части или места службы (ст. 337 УК РФ) и дезертирством (ст. 338 УК РФ) обусловлено трудностями установления умысла на окончательное уклонение от воинских обязанностей. Это, в свою очередь, требует тщательного анализа противоправного поведения и учета длительности совершенного деяния. Сложность определения состава преступления возрастает, если правонарушитель совершил еще и противоправное деяние в период уклонения от службы. По мнению М.Б. Мантеева, подобные случаи могут требовать применения правил о совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) [3, с. 168].

Боевые действия затрудняют квалификацию преступлений с участием в них различных категорий лиц, в особенности лиц из пенитенциарных учреждений, что требует учет их эмоционального и психологического состояния. Особенно важно следить за данными лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления, для недопущения рецидива.

Проявление жесткости и насилия со стороны сослуживцев, моральное давление в условиях боевой обстановки, посттравматический синдром, возрастные факторы, агитирование с другой стороны вооружённых сил и другие особенности влияют на мотив совершения преступления. Тем самым необходимо доказать, что данное деяние не было обусловлено психологическим состоянием военнослужащего. Так, Е.А. Бодрова отмечает, что правоприменитель нередко пренебрегает разницей между временным отсутствием на службе по личным мотивам и намерением ее прекратить полностью [4, с. 7].

Важной остается задача освобождения от уголовной ответственности при наличии

исключительных обстоятельств, оказывавших объективное воздействие на поведение военного. Согласно примечанию к ст. 338 УК РФ, лицо может быть освобождено от ответственности в случае дезертирства по уважительным причинам. В Обзоре судебной практики Военной коллегии Верховного Суда РФ за первое полугодие 2022 года приведён случай, когда солдат избежал уголовного преследования, поскольку имел заключение медицинской комиссии о наличии тяжёлого психического расстройства, усугублённого серьёзной семейной обстановкой [5].

Недостаточная четкость в оформлении случаев нарушения дисциплины, включая пробелы данных о причинах и длительности отсутствия, провоцирует обжалование принятых решений и служит поводом для новых разбирательств, тем самым усложняя процедуру.

Проведение четкой границы между дезертирством и дисциплинарными проступками имеет ключевую роль в правоприменении, поскольку от этого зависит не только вид наказания, но и сама возможность привлечения к уголовной ответственности. Так согласно п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях против военной службы», самовольное оставление части на период менее трёх суток безотягчающих обстоятельств не влечет уголовного преследования и рассматривается как дисциплинарный поступок [6]. При выявлении признаков устойчивости и предварительного сговора в случае дезертирства, совершённого в составе организованной группы, необходима обязательная юридическая оценка. В судебной практике обычно учитывается совокупность доказательств, подтверждающих вклад каждого члена группы, а также цели и мотивы совершения противоправного деяния.

Таким образом, при рассмотрении проблемы квалификации дезертирства выявлены трудности в проведении четкой границы между ст. 337 и ст. 338 УК РФ – по умыслу на уклонение; отсутствие единообразной судебной практики по продолжительности самовольного отсутствия; поверхностный учет мотивов военнослужащих; затруднения при освобождении от уголовной ответственности; недостатки в документальном оформлении дел. Для стандартизации применения законодательства в делах о дезертирстве предлагается добавить в ст. 337 УК РФ п. 5.1, обязывающий проводить судебно-психологическую экспертизу для оценки состояния подозреваемого или обвиняемого, для установления мотива его действий. Необходимо также активизировать действия по профилактическим работам по предупреждению дезертирства и обеспечить своевременную реализацию прав военнослужащих, включая безопасные условия несения службы. Чтобы искоренить дезертирство требуется поощрять солдат, продвигать их по службе для дальнейшей мотивации не покидать часть, а также оказывать помощь, нуждающимся военнослужащим в связи с бытовыми проблемами.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. В силу с 03.08.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Минобороны России зафиксировало 50,5 тыс. случаев дезертирства и самовольного оставления части за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://elgpwfjx-bsccljbcqrq-ez.a.run.app/news/minoborony-rossii-zafiksirovalo-505-tys-sluchaev-dezertirstva-i-samovolnogo-ostavleniya-chasti>.
3. Мانتеев М.Б. Уклонение от военной службы: вопросы теории и практики // Столыпинский вестник. – 2023. – № 4. – С. 168-174.
4. Бодрова Е.А. Вопросы объективной стороны самовольного оставления части или места службы // ГлаголЪ правосудия. – 2022. – № 2 (28). – С. 7-10.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2022 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы» // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

Криминалистическая характеристика способов незаконного сбыта наркотиков в сети Интернет

Белоусова Д.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Наркопреступность, использующая ресурсы сети Интернет, представляет собой динамично развивающуюся разновидность экономико-правовой и социальной угрозы. Переход «наркорынка» в цифровую среду вызвал качественное изменение способов сбыта, структуры преступных групп и механизмов маскировки преступной деятельности.

Сбыт наркотиков через Интернет реализуется посредством комплекса действий: размещение объявлений (в открытом доступе или в закрытых каналах), установление контакта с покупателями (чат-боты, мессенджеры), организация тайников/«закладок», сопровождение платежей и логистики. В качестве платформ используются доски объявлений, специализированные сайты, площадки «даркнета», мессенджеры (в т.ч. Telegram), социальные сети и бот-сервисы. Совокупность этих действий приводит к совершению преступлений, характеризующихся дистанционностью, делением труда и высокой степенью анонимизации участников.

Криминалистически целесообразно выделять стадии совершения данного вида преступлений: подготовительная (создание аккаунтов, настройка каналов связи, покупка анонимных сервисов), коммерческая (размещение информации, обработка заказов), логистическая (маркировка, размещение «закладок», передача инструкции), и расчётно-маскировочная (переводы через электронные кошельки, использование миксеров, обналчивание) [1].

Бесконтактный сбыт характеризуется своеобразной следовой картиной. М. В. Галагуз считает, что помимо классических материальных следов (остатки сырья, оборудование, тайники), в данной категории преобладают цифровые следы: IP-логирование, метаданные файлов (фото закладок с координатами), история чатов, транзакции на электронных платёжных сервисах, данные SIM/IMEI устройств, аккаунты и подписки в Telegram-каналах, снэпшоты «чёрного» рынка, скриншоты подтверждений оплаты [2]. Криминалистическому значению цифровых следов свойственны: быстрый темп исчезновения (удаление чатов, очищение облака), фрагментарность и необходимость привлечения специалистов по судебной компьютерной экспертизе.

По мнению А.С. Стрижаковой, незаконный сбыт в сети обычно организуется преступными группами с распределением ролей и регламентированными инструкциями [3]. Участники обладают навыками работы с цифровыми технологиями, знают способы анонимизации, имеют опыт использования электронных валют и инструментов «доверительных» логистических схем. Это влияет на тактику следствия: задержание одного участника редко даёт полный доступ к сети связей, поэтому расследование требует комплексных мер по координации оперативных и экспертных ресурсов.

Кроме того, лица, вовлеченные в незаконный сбыт наркотиков, применяют различные специальные приемы и средства, затрудняющие их идентификацию. Так, типичными приемами конспирации является применение VPN, TOR, SSH-туннелей, мультиаккаунтов, временных сим-карт, ботов-посредников и «смешанных» схем доставки (курьеры, доверенные лица, «ложные» отправления).

Одной из наиболее острых проблем расследования незаконного сбыта наркотиков в сети Интернет является правовая неопределённость в сфере регулирования цифровых коммуникаций. Интернет представляет собой открытую, децентрализованную и технически сложную среду, в которой границы между частной информацией, публичным контентом

и конфиденциальными данными размыты. Это приводит к тому, что сотрудники правоохранительных органов нередко сталкиваются с трудностями при получении доступа к аккаунтам, перепискам, облачным хранилищам и техническим логам, поскольку действующее процессуальное законодательство не всегда содержит ясные критерии допустимости таких действий. Отсутствие единых стандартов приводит к неоднородной практике: то, что в одном регионе признаётся законным доказательством, в другом может быть исключено судом как недопустимое. Решение данной проблемы возможно через разработку конкретизированных процессуальных регламентов осмотра цифровых устройств и сетевой информации, включая порядок получения судебных санкций, взаимодействия с провайдерами и международного обмена данными. Унификация практики на уровне инструкций МВД и Следственного комитета Российской Федерации позволила бы исключить разночтения и повысить доказательственную значимость цифровых следов.

Не менее значительным препятствием является высокая степень анонимизации, которой пользуются преступники. Применение VPN, сети TOR, временных SIM-карт, криптовалют и зашифрованных мессенджеров делает идентификацию участников преступной группы затруднительной. В условиях, когда даже внутри одной преступной структуры участники не знают друг друга лично, классические методы оперативной разработки теряют эффективность. Для преодоления данной сложности требуется переход к многоуровневому оперативно-техническому сопровождению, включающему мониторинг цифровых каналов связи, использование математических алгоритмов для анализа сетевой активности, внедрение специалистов по кибер-разведке и финансовой аналитике. Комплексная работа с большими данными, отслеживание крипто-транзакций и внедрение в закрытые сообщества позволяют выявлять организаторов, а не только низовое звено – так называемых «закладчиков».

Наконец, значительное влияние на эффективность расследования оказывает международный фактор. Многие площадки для сбыта наркотиков расположены на зарубежных серверах, использующих юрисдикции с мягким регулированием или сильной защитой персональных данных. Для российских правоохранительных органов это означает длительные и бюрократические процедуры запроса информации через механизмы правовой помощи. Преодолеть данный барьер можно через заключение двусторонних соглашений с ключевыми ИТ-компаниями, участие в международных инициативах по противодействию онлайн-наркоторговле и активное развитие форм экстренного предоставления цифровых данных по аналогии с практикой борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Таким образом, проблемы расследования незаконного сбыта наркотиков в сети Интернет не могут быть решены исключительно внутри уголовно-процессуальной системы. Они требуют комплексного подхода, сочетающего совершенствование нормативной базы, внедрение технологических решений, развитие экспертного потенциала и укрепление межведомственного взаимодействия. Только при условии системной модернизации правоохранительной практики и адаптации ее к цифровой среде возможно эффективное противодействие современным формам наркопреступности.

Библиографический список

1. Введенская О.Ю. Криминалистическая характеристика незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2022. – № 1 (55). – С. 50-53.
2. Галагуз М.В. Криминалистическая характеристика бесконтактного сбыта наркотических средств // Global and Regional Research. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 604-610.
3. Стрижакова А.С. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет // Юридический аналитический журнал. – 2023. – № 18 (3). – С. 36-53.

Научный руководитель – Шкурихина Н.В., к.ю.н., доцент

Сравнительный анализ применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы: подписка о невыезде, залог, домашний арест

Бизан Ю.С., Панченко А.Д., Батраков А.В.

*Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск*

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентированы различные меры пресечения. В данной статье рассмотрим меры пресечения, не связанные с лишением свободы, направленные на обеспечение явки лица по вызову, а также предотвращение продолжения преступной деятельности или иных действий, которые могут препятствовать производству по уголовному делу. К таким мерам пресечения относятся залог, подписка о невыезде и домашний арест. Данные меры пресечения различаются по степени ограничений и условиям применения.

Подписка о невыезде является более лояльным ограничением из вышеуказанных мер. Согласно ст. 102 УПК РФ [1] условиями подписки о невыезде являются: не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу. Отметим, что при этом ограничения свободы сводятся к минимуму. То есть обвиняемый может ходить на работу, в магазин, по личным делам в пределах населенного пункта. Следует акцентировать внимание, что срок применения данной меры законом прямо не установлен и продолжается в течение всего расследования или судебного разбирательства. Однако, если мера пресечения в виде подписки о невыезде избирается в отношении подозреваемого, обвинение должно быть предъявлено в течение десяти дней. После этого срок действия подписки продлевается на весь период расследования [2, с. 1].

Далее рассмотрим домашний арест. Здесь подчеркнём, что данная мера пресечения является строгой мерой и заключается в изоляции обвиняемого от общества в месте его постоянного проживания. Суд может разрешить выход за пределы места проживания на строго определённое время, например, для посещения поликлиники или в случае чрезвычайной ситуации. В процессе осуществления контроля могут быть установлены ограничения на общение с определёнными лицами, например, сообщниками или свидетелями, а также на отправку и получение корреспонденции, использование средств связи, таких как телефон и доступ в сеть Интернет. Контроль осуществляется с помощью электронного браслета, который фиксирует любые нарушения установленных ограничений [3, с. 3]. Кроме того, возможно проведение регулярных проверок со стороны сотрудника уголовно-исполнительной инспекции. Срок домашнего ареста, в отличие от подписки о невыезде, установлен в ст. 109 УПК РФ и определяется судом в пределах двух месяцев. Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. В случае невозможности закончить предварительное расследование в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок может быть продлен по решению суда.

Залог предполагает внесение в орган, в производстве которого находится уголовное дело, или в суд денежных средств или ценностей для обеспечения явки подозреваемого, обвиняемого и предотвращения совершения им новых преступлений. Важно отметить, что согласно ст. 106 УПК РФ, внесение залога подразумевает, что обвиняемый принимает на себя те же обязательства, что и при подписке о невыезде [4, с. 5]. Следует подчеркнуть, что фактически ограничение свободы при залоге и подписке о невыезде не имеет значительных отличий. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего

ареста, залога и запрета определенных действий», залог в качестве меры пресечения избирается судом в отношении обвиняемого на срок до 2 месяцев в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных ст. 106 УПК РФ. Однако, если нарушаются обязательства, суд вправе избрать иную меру пресечения как домашний арест или заключение под стражу [5].

Каждая из рассматриваемых мер пресечения имеет свои преимущества и недостатки. Например, подписка о невыезде обладает значительным преимуществом, поскольку она подразумевает минимальное вмешательство в жизнь обвиняемого, позволяя человеку продолжать работу и вести привычный образ жизни, минимизируя негативные социальные последствия. Однако, несмотря на это, подписка о невыезде также имеет свои недостатки. Она может оказаться неэффективной в случаях, когда у обвиняемого есть мотивация скрываться от правосудия. Отсутствие финансовых стимулов или строгого контроля делает эту меру легко нарушаемой.

Залог, в свою очередь, имеет свои преимущества, одним из которых является наличие финансового стимула. Внесение крупной суммы денег может служить мощным мотиватором для обвиняемого соблюдать процессуальные обязательства. Однако, эта мера может оказаться недоступной для лиц с низким уровнем дохода, что ставит их в менее выгодное положение по сравнению с более состоятельными обвиняемыми, которые могут позволить себе заплатить залог и, таким образом, сохранить свободу передвижения.

Домашний арест характеризуется высоким уровнем контроля, обеспечивает надёжную изоляцию обвиняемого от внешнего мира, пресекая контакты и возможность совершения новых преступлений, одновременно при этом сохраняет некоторые элементы «домашней» обстановки. Вместе с тем стоит учитывать и затраты на мониторинг при применении данной меры пресечения. Внедрение электронных систем контроля, таких как браслеты, требует дополнительных финансовых ресурсов, что также может стать значительным бременем для государства.

Таким образом, каждая мера пресечения, будь то залог, подписка о невыезде или домашний арест, имеет свои плюсы и минусы. Выбор конкретной меры пресечения зависит от множества факторов, включая степень опасности обвиняемого, его финансовое положение и возможность соблюдения установленных обязательств. Следовательно, дознаватель и суд, принимая решение о применении меры пресечения, должны учитывать все эти аспекты, чтобы обеспечить баланс между интересами правосудия и правами обвиняемого.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. И доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2001 – № 52 (ч. I) – Ст. 4921.
2. Петров А.А., Пенькова А.В. К вопросу об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения // Молодой ученый. – 2021. – № 52 (394). – С. 150-153.
3. Майстренко Г.А. Понятие и правовая природа домашнего ареста как меры пресечения // Образование и право. – 2020. – № 6. – С. 324-327.
4. Горкина Е.В. Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 4 (67). – С. 81-86.
5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановление Пленума ВС от 19.12. 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.

Научный руководитель – Батраков А.В., старший преподаватель

Проблемы обеспечения криминалистических подразделений органов внутренних дел технико-криминалистическими средствами для обнаружения и изъятия следов пальцев рук и ладоней

Бритвак Н.В.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва*

При осмотре места происшествия особую ценность представляют обнаруженные следы пальцев рук и ладоней. Уникальность строения папиллярных узоров человека, их индивидуальная определённости и способность отображаться на объектах в виде следов-отображений является центральным звеном учения о криминалистической дактилоскопии.

Обнаружение следов пальцев рук и ладоней является одной из ключевых задач деятельности следственно-оперативной группы на месте происшествия. Статистически, именно следы данной категории изымаются чаще всего [3, с. 154]. Их исследование, проводимое в рамках дактилоскопической экспертизы, зачастую оказывает существенный вклад в процесс расследования преступления и изобличения виновных.

Существует множество методов, применяемых криминалистами для обнаружения слабовидимых следов рук. Среди них – порошковая обработка, окулирование парами йода, применение экспертного света и специальных химических реактивов. Можно заметить, что ввиду дороговизны реагентов-проявителей криминалисты зачастую ограничены применением одних лишь дактилоскопических порошков.

После обнаружения следа, в соответствии с процессуальным законодательством, производится его фиксация путем фотосъёмки и описания в протоколе осмотра места происшествия. Следующий этап – изъятие следов. Нельзя не подчеркнуть его значимость, поскольку грамотное изъятие следа, обеспечивающее его сохранность и четкость отображения в нём папиллярных линий, является одним из условий дальнейшего проведения дактилоскопической экспертизы. Промышленностью производятся различные технико-криминалистические средства, предназначенные для изъятия следов рук. Наиболее известны дактилоскопические пленки и гелевые лифтеры. Дактилоскопические пленки структурно состоят из гибкой подложки, изготовленной из материала полимерной природы, обеспечивающего необходимую прочность изделия. На подложку нанесен слой клеящего вещества. Их применимость не ограничивается одним только процессом изъятия следов рук, также возможно изъятие микрообъектов (волос, частиц пороха, краски) с различных поверхностей. Гелевые подъемники (иногда называемые гелевыми лифтерами) используются в криминалистике для сбора и транспортировки выявленных следов пальцев и ладоней рук с различных поверхностей. В отличие от дактилоскопических пленок, гелевые подъемники обладают гибкой гелевой матрицей на основе полимерных веществ, которая позволяет эффективно изымать следы, не вызывая их искажений, даже с гладких и пористых объектов-носителей, обладающих рельефной поверхностью [2, с. 76]. Применение гелевых подъемников в процессе осмотра мест происшествий имеет некоторые преимущества по сравнению с дактилоскопическими пленками. Прежде всего, способность геля к равномерному распределению давления по поверхности сводит к минимуму риск повреждения изымаемых следов, подвергшихся деградации ввиду воздействия времени либо условий окружающей среды. К тому же, дактилоскопические плёнки не применяются на пористых поверхностях [1, с. 117].

Ввиду несовершенства системы материально-технического обеспечения экспертно-криминалистических подразделений полиции, для изъятия следов пальцев рук и ладоней вместо дактилоскопической пленки и гелевых подъемников криминалисты вынуждены использовать бытовую клейкую ленту типа «скотч». Использование данного изделия

в криминалистических целях сопряжено с рядом неудобств. Прежде всего, канцелярская клейкая лента обладает совершенно иными показателями плотности и прочности.

Недостаток плотности приводит к сминанию ленты и загибам по краям. Зачастую она приклеивается сама к себе, а попытки разгладить её в большинстве случаев ведут к повреждению следа. В зависимости от производителя лента может обладать различными адгезионными свойствами клейкого слоя, что может проявляться в неполном переносе окрашенных дактилоскопическим порошком следов. Нередки случаи, когда после отделения плёнки от поверхности объекта-носителя часть частиц порошка остается на исходном месте, в то время как иная часть сдвигается и искажается. В результате элементы частных признаков строения папиллярного узора, по которым специалист производит криминалистическую идентификацию следа, могут быть размыты или вовсе утрачены.

Таким образом, недостаток обеспечения криминалистических подразделений современными средствами обнаружения и изъятия следов рук является самостоятельной проблемой, оказывающей непосредственное влияние на криминалистическую деятельность в целом. Использование некачественных криминалистических материалов на первоначальных этапах расследования преступлений может исказить или вообще не дать возможности к качественному сбору его следов. Проведение дактилоскопических исследований в отношении следов низкого качества зачастую оказывается нерезультативным, как и проверки по автоматизированным криминалистическим учетам. Это существенно затрудняет деятельность следственных и оперативно-розыскных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений.

Библиографический список

1. Майлис Н.П., Ярмак К.В., Бушуев В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза». – Москва: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017. – 264 с.
2. Репин А.В., Махлаев А.М. Сохраняемость следов папиллярных узоров, выявленных раствором черного судана, на различных следокопировальных материалах // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (49). – С. 74-81.
3. Черниговский В.Н., Кузьмин М.Н. Некоторые особенности дактилоскопирования живых лиц и трупов // Философия права. – 2023. – № 2 (105). – С. 153-159.

Научный руководитель – Смирнова С.А., д.ю.н., профессор

Проблемные аспекты процессуальных форм взаимодействий следователя и органов дознания при расследовании преступлений

Веремеенко Н.П.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Формы взаимодействия следователя с органами дознания в юридической доктрине принято разделять на процессуальные и организационные. Важно понимать, что подобная градация считается весьма условной, т.к. основанием такой классификации выступает преобладающий источник правового регулирования: процессуальные формы взаимодействия в большей степени регламентируются законами, а организационные – подзаконными ведомственными актами. Данная концепция впервые была представлена еще в советский период [1, с. 47]. Отвечая на вопрос об условности подобного разделения, важно помнить о том, что некоторые примеры процессуальных форм взаимодействия имеют более обширное и детальное раскрытие и регламентирование на уровне подзаконных ведомственных актов. Аналогичная ситуация прослеживается и в отношении организационных форм – некоторые организационные формы могут вытекать из содержания

и быть согласованными со смыслом закона, а также иметь оговорки на уровне закона, но не иметь при этом полной определенности на уровне закона, но раскрываться и регламентироваться в полной мере именно на уровне подзаконных ведомственных актов, что определяет их условное отнесение к организационным формам взаимодействия.

К процессуальным относятся:

1) следственные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

2) содействие при производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ).

По находящемуся в производстве следователя уголовному делу орган дознания может выполнять следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по письменному поручению следователя.

Анализ действующего процессуального законодательства позволил сделать вывод о том, что существует два вида поручений:

1) поручение органу дознания по месту производства предварительного следствия;

2) поручение органу дознания вне места производства предварительного следствия.

Необходимо уделить особое внимание письменной форме исследуемого поручения следователя органу дознания. Подобная форма поручений представляется наиболее эффективной, т.к. позволяет наиболее четко установить содержание поручения, а также стать документальной основой для последующего процессуального оформления результатов взаимодействия между следователем и органом дознания. Л.П. Плеснева в своих научных трудах предлагает видоизменить данную конструкцию, заменив ее на «письменную просьбу» [2]. Автор в основе своей аргументации использует недопустимость нарушения самостоятельности органов, т.к. действующая в уголовном процессе форма взаимодействия представляет собой приказной порядок, подчеркивая императивность. С представленной концепцией согласиться не представляется возможным, поскольку наличие поручения следователя как формы его взаимодействия с органами дознания не констатирует о нарушении самостоятельности обоих субъектов взаимодействия. Взаимодействие направлено на совместное приложение усилий к расследованию конкретного уголовного дела, а также на сочетание различных функций и полномочий субъектов, принимающих участие в расследовании.

Продолжая анализ поручений следователя как одной из форм взаимодействия, представляется необходимым затронуть проблему пределов подобных поручений. Данная проблема обуславливается отсутствием конкретизации пределов и принятия к исполнению поручений следователя [3]. Многие исследователи также подчеркивают, что имеющийся в УПК РФ перечень следственных и иных процессуальных действий, которые следователь может поручить другому субъекту, вызывает множество вопросов и не конкретизирован для правоприменителя [4].

Другой серьезной проблемой института поручений следователя является отсутствие четкой регламентации сроков исполнения поручений следователя органом дознания. Обратившись к основным нормам УПК РФ, регулирующим институт поручения следователя (ст.ст. 38, 40, 157 УПК РФ), можно констатировать полное отсутствие каких-либо упоминаний сроков. Лишь только положения ст. 152 УПК РФ устанавливают срок в 10 суток для исполнения поручения вне места производства предварительного расследования. Данная проблема освещается в процессуальной доктрине, из чего можно выделить несколько подходов к ее решению:

1) применение по аналогии имеющегося срока в 10 суток для всех поручений;

2) исполнение поручения в кратчайшие сроки, немедленно, как только это представится возможным;

3) увеличение срока в 10 суток, что обуславливается необходимостью подготовки и самого исполнения поручения;

4) дифференциация срока в зависимости от конкретного поручения и обстоятельств дела.

Наиболее эффективным и логичным представляется последний подход. Действительно, привод лица и установление лица могут потребовать совершенно разных промежутков времени. Однако на практике наиболее распространен первый подход. Тем не менее, данная проблема требует более четкой конкретизации на законодательном уровне путем внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод – институт поручений следователя в уголовном процессе имеет широкое применение. Данная процессуальная форма взаимодействия является одним из инструментов, благодаря которому представляется возможным распределить нагрузку между соответствующими субъектами в ходе предварительного расследования, что позволяет оптимизировать сроки следствия, а также повысить его качество. Несмотря на наличие ряда проблем, поручения следователя следует охарактеризовать в качестве положительного института уголовного процесса, способствующего к достижению целей и задач уголовного судопроизводства.

Библиографический список.

1. Мурашов С.В. Организация работы следственного отдела (управления) УВД МВД. – М., 1977. – 102 с.
2. Плеснева Л.П. Процессуальные формы взаимодействия следователя с органами дознания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2011. – № 3. – С. 47-56.
3. Минин А.А. Пределы поручения следователя: особенности и значение в досудебном производстве // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6. – С. 349-351.
4. Игнатова О.Н. Пределы поручения следователя: гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства или архаизм // Криминологический журнал. – 2019. – № 1. – С. 8-11.

Научный руководитель – Кутазова И.В., к.ю.н.

Защита прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения

Верзун Н.Е.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Защита прав несовершеннолетних представляет собой одну из важнейших задач современного правосудия, требующую комплексного подхода. В условиях растущего числа уголовных дел, связанных с участием несовершеннолетних, необходимо особое внимание уделить как самой практике, так и правовым механизмам, регулирующим этот процесс.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2023 г. было выявлено более 120 тыс. нарушений прав несовершеннолетних в процессе уголовного судопроизводства. Среди них 8,3 тыс. протестов на незаконные нормативные правовые акты, 4,3 тыс. исков и заявлений в судах, 38 тыс. лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности [6]. Эти факты свидетельствуют о системных проблемах в сфере защиты прав детей.

Ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует участие психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте в тех случаях, когда несовершеннолетний не достиг возраста шестнадцати лет или страдает психическим расстройством, отстает в психическом развитии. В дальнейшем участие психолога осуществляется исключительно по решению следователя. Рассмотрим проблему, связанную с участием психолога в следственных действиях, на практике Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю (далее – Следственное управление СК РФ).

При проведении психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних нередко выявляется какое-либо нарушение, чаще всего это отставание в развитии. Данный диагноз напрямую указывает обязательность участия психолога во всех следственных действиях с участием несовершеннолетнего. Таким образом, привлечение психолога становится обязательным еще до выявления диагноза у несовершеннолетнего, поскольку в противном случае теряется вся доказательственная база, полученная от несовершеннолетнего, допрошенного без участия психолога, что негативно сказывается на расследовании уголовного дела и нарушает права несовершеннолетних на защиту.

Практика Следственного управления СК РФ по Алтайскому краю показывает, что проведение следственных действий с несовершеннолетними без официально установленного диагноза о психическом отклонении может в корне изменить ход всего дела. Например, при расследовании уголовного дела несовершеннолетняя К., достигшая возраста шестнадцати лет, была допрошена в качестве потерпевшей без участия психолога, в связи с отсутствием последнего на рабочем месте. При допросе был привлечен социальный педагог, не имеющий психологического образования. В ходе проведения психолого-психиатрической экспертизы у несовершеннолетней К. были выявленные психические расстройства вида F90 (расстройства поведения и эмоций с началом в детском и подростковом возрасте). Данный диагноз лег в основу прекращения уголовного дела в связи с отсутствием события преступления поскольку несовершеннолетняя К. придумала совершенное в отношении нее преступление [7].

Из этого следует, что одной из основных проблем является нехватка квалифицированных специалистов, таких как психологи, социальные работники и адвокаты, специализирующиеся на делах с участием несовершеннолетних. Существенная нехватка специалистов создает дополнительные трудности в обеспечении защиты прав детей, особенно в условиях времени, когда требуется быстрая помощь [2]. Также, полагаем, что недостаток профессиональных кадров в сфере ювенальной юстиции приводит к снижению качества работы с несовершеннолетними, что негативно сказывается на принятии решения по различным обстоятельствам [1, с. 355].

В частности, отсутствие штатных психологов в правоохранительных органах усложняет работу с несовершеннолетними в критических ситуациях, особенно в ночное время, когда поддержка необходима.

Другой значительной проблемой является недостаточная доступность органов опеки и попечительства. Многие из них работают только в стандартные часы, что значительно снижает скорость и эффективность расследования дел. То есть исходя из ограниченного графика работы социальных служб создаются дополнительные препятствия в взаимодействии с несовершеннолетними [3].

Недостаточный уровень контроля за соблюдением прав несовершеннолетних на различных уровнях – еще одна важная проблема. По мнению специалистов, недостаток полномочий и ресурсов у комиссий по делам несовершеннолетних приводит к формальному подходу к профилактической работе, что угрожает интересам детей и подростков [4, с. 148].

Таким образом, необходима работа по уточнению законодательства, а именно закрепление прав и обязанностей психолога как отдельного участника уголовного судопроизводства. В настоящее время УПК РФ предусматривает возможность участия психолога в уголовном судопроизводстве, однако не регламентирует его процессуальный статус. Регламентация в УПК РФ процессуального статуса психолога, наделение его такими правами, как оказание психологической помощи несовершеннолетнему до проведения допроса или иного следственного действия, сопровождение следственных действий с участием несовершеннолетнего, дача оценки его действиям и поведению в сложившихся ситуациях, проработка «закрытости» несовершеннолетнего для установления истины по делу и другими, можно избежать множества нарушений прав несовершеннолетнего.

Важно создать программы подготовки и переподготовки специалистов, работающих в сферах права и психологии, с акцентом на защиту прав несовершеннолетних.

Е.В. Копосова отмечает: «Необходима не только подготовка адвокатов, но и выделение вакансий для психологов в правоохранительных органах, что позволит обеспечить профессиональный подход к работе с детьми на всех этапах процесса» [5].

Защита прав несовершеннолетних в судопроизводстве является сложной и многогранной задачей, требующей комплексного подхода. Изменение законодательства, обучение и подготовка квалифицированных специалистов, а также улучшение доступа к правосудию может способствовать более эффективной защите прав несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Исмаилова Н.И., Курбанова З.С. Психолого-педагогические проблемы ювенальной юстиции в РФ // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 355-356.
2. Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации: Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 (ред. от 29.12.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс
3. О направлении информации (вместе с «Методическими рекомендациями по оказанию семьям с детьми, находящимся в социально опасном положении, педагогической, психологической и юридической помощи, реализации программ, направленных на поддержку и укрепление родительства и детско-родительских отношений»): письмо Минпросвещения России от 30.03.2023 № АБ-1372/07 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
4. Боренштейн А.Л. О современных проблемах функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – № 2 (85). – С. 147-151.
5. Копосова Е.В. Особенности подготовки для работы на следственных действиях с потерпевшими – несовершеннолетними (из опыта работы СПб ГБУСО социальный приют для детей «Транзит») // [Электронный ресурс] – URL: <https://shelter-tranzit.ru/wp-content/uploads/2018/07/Копосова-Е.В.-2018.pdf>.
6. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // [Электронный ресурс] – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e470613>.
7. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета России по Алтайскому краю // [Электронный ресурс] – URL: <https://altai-krai.sledcom.ru/folder/875876>.

Научный руководитель – Симонова Т.С., к.ю.н.

Понятие, формы реализации и особенности законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних

Дедюхина О.С.

*Таганрогский институт управления и экономики
г. Таганрог*

Актуальность заявленной темы исследования обусловлена возрастанием роли уголовно-правовой охраны несовершеннолетних в условиях динамичных социальных изменений, роста преступности среди молодежи и необходимости поиска баланса между репрессивными и воспитательными мерами. Современные тенденции развития уголовного законодательства Российской Федерации свидетельствуют о стремлении к гуманизации мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, что отражает не только международные стандарты защиты прав ребенка, но и социальный запрос общества на профилактику, реабилитацию и ресоциализацию подростков. В связи с этим изучение особенностей законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних имеет несомненную значимость как для науки, так и для практики.

Цель исследования заключается в комплексном рассмотрении понятия уголовной ответственности несовершеннолетних, выявлении форм её реализации в правоприменительной практике, а также в определении специфики законодательного регулирования в современной России. Достижение данной цели предполагает систематизацию научных подходов, анализ действующих нормативных актов и выявление проблемных аспектов в регулировании.

Законодательная конструкция уголовной ответственности несовершеннолетних в России образует самостоятельный, «особый режим» уголовного права и процесса,

в котором принцип охраны личности и интересов общества дополняется принципами наилучшего обеспечения интересов ребёнка и приоритета воспитательного воздействия над карательным. Нормативное ядро задают ст. 20 УК РФ (возраст уголовной ответственности) и гл. 14 УК РФ (ст.ст. 87-93), закрепляющие специальные виды наказаний, правила их назначения и освобождения от наказания; процессуальные «рельсы» проводит гл. 50 УПК РФ, обеспечивая участие законных представителей, педагога/психолога, и специальные основания прекращения преследования с применением мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ) [1, с. 10].

Понятие уголовной ответственности несовершеннолетних в российской доктрине раскрывается через совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных последствий совершения деяния лицом от 14 до 18 лет (при общей границе 16 лет и пониженном пороге 14 лет для ряда составов, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ), при этом судебная практика исходит из «особого статуса» подростка как субъекта и из необходимости индивидуализации ответственности с учётом психофизиологических особенностей, условий воспитания и социализации. Эту методологию подтверждает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1, которое детально ориентирует суды на анализ личности несовершеннолетнего, запрет на назначение наказания свыше 6 лет лишения свободы за тяжкие преступления, совершённые до 16 лет, и допускает в исключительных случаях применение «ювенильных» правил к лицам 18-20 лет (ст. 96 УК РФ).

Формы реализации ответственности имеют двухконтурную логику: «карательный контур» (назначение наказания) и «воспитательный контур» (освобождение от уголовной ответственности или наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия – далее ПМВВ). По ст. 88 УК РФ подросткам доступны только «смягчённые» виды наказаний – штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определённый срок. Максимумы и порядки их назначения «урезаны» по сравнению со взрослыми. Например, суд ограничен особой планкой при лишении свободы, а карательные цели уступают воспитательным (что последовательно разъяснено Пленумом ВС РФ). При этом гл. 17 УИК РФ вводит отдельный режим отбывания лишения свободы в воспитательных колониях с градуированными условиями (обычные, облегченные, льготные, строгие) и расширенными программами ресоциализации [2, с. 73].

Показателен типичный кейс по краже (ч. 1 ст. 158 УК РФ): 16-летний подросток без судимости, полное возмещение ущерба, положительные характеристики, участие опеки. Следователь ходатайствует о ст. 427 УПК РФ, суд назначает комплекс ПМВВ: надзор Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, возложение обязанности посещать социального педагога и психолога, ограничение ночного пребывания вне дома, запрет посещения торговых центров без взрослых, обязательство трудоустройства летом [4, с. 185]. При соблюдении режима в течение полугода производство прекращают без судимости; при нарушении – дело возвращают в русло уголовного преследования. Такая модель соответствует ст. 90 УК РФ и практике прокурорского надзора за законностью прекращения уголовного преследования [5, с. 48].

По данным Следственного комитета РФ, за 8 месяцев 2024 г. расследовались дела в отношении ~13,5 тыс. подростков; отдельно фиксировался рост числа особо тяжких преступлений подростков на ~22%. В 2024 г., по сообщениям СКР и РБК, выявлено свыше 21 тыс. несовершеннолетних преступников, из них около 15,5 тыс. – учащиеся и студенты; в I квартале 2025 г. зарегистрировано 5904 преступления несовершеннолетних (+27,5% г/г) [6].

Российская модель ответственности несовершеннолетних сочетает развитый набор специальных инструментов (ст.ст. 87-93 УК РФ, гл. 50 УПК РФ) с устойчивой линией Верховного Суда РФ на гуманизацию и индивидуализацию. Вызовы последних лет – цифровизация преступности, вовлечение подростков в организованные схемы, частичный рост тяжких составов – требуют «тонкой настройки» существующих механизмов:

конкретизации особых требований поведения под ИКТ-риски, усиления контроля исполнения ПМБВ, унификации межведомственной профилактики и ювенильной специализации [3, с. 151]. С опорой на уже действующие нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ эти изменения достижимы без «ломки» конструкции гл. 14 УК РФ: достаточно довести до логического завершения заложенный законодателем приоритет воспитания над наказанием – при безусловном обеспечении прав потерпевших и защите общества.

Библиографический список

1. Арямов А.А., Базаров Р.А. Некоторые проблемы уголовно-правового регулирования ответственности несовершеннолетних // Фемида. – 2024. – № 1 (14). – С. 8-16.
2. Горшенин А.А. Уголовное право: уголовная ответственность несовершеннолетних: учебник для среднего профессионального образования – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 117 с.
3. Карягина О.В. Трансформация изменений уголовного законодательства в 2024 году: анализ законодательных новелл // Сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых. Ростов-на-Дону, 2025. С. 150-152.
4. Николаева Т.Г., Нечаева Е.В. Применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним // Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 55-59.
5. Мухтарова Е.А. Проблемы исполнения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Уголовное право и криминология. – 2024. – № 10. – С. 467-469.
6. РБК [Офиц. сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6838ea5a9a7947201b9e44bd>.

Научный руководитель – Татьяна А.В., к.соц.н., доцент

Организация исполнения наказания в виде обязательных работ: проблемы взаимодействия с организациями, в которых осужденные отбывают наказание

Дементьев О.А.

*Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск*

Гуманизация российской уголовно-правовой политики, выражающаяся в реализации принципов экономии репрессии, справедливости, индивидуализации уголовной ответственности, приводит к стабильному сокращению лиц, осужденных к лишению свободы. Результатом проведения обозначенной политики стало внедрение новых видов уголовных санкций, не связанных с изоляцией от общества, которое включает такой вид уголовного наказания как обязательные работы.

Обязательные работы в системе уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, заняли особое место, что обусловлено несколькими факторами – финансовая оправданность; возможность исправления осужденного через участие в общественно полезном труде, способствующем формированию личности и развитию его сознания, что в полной мере отвечает основным целям уголовной политики – у осужденных не нарушается процесс социализации и им предоставляется возможность непосредственно искупить свою вину перед обществом, внося вклад в его благополучие.

За последние годы доля лиц, осужденных без изоляции от общества, неизменно составляет более 70% от общего числа осужденных [1], осужденные к обязательным работам, в свою очередь, составляют вторую по численности категорию (после осужденных условно) в общей массе осужденных (12-15%), состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций. По данным судебной статистики, в течение десятилетия с начала применения судами в своей практике обязательных работ, наблюдалась значительная динамика численности осужденных к данному виду наказания. Вместе с тем, с 2020 г. наблюдается иная тенденция (рис. 1) [2].

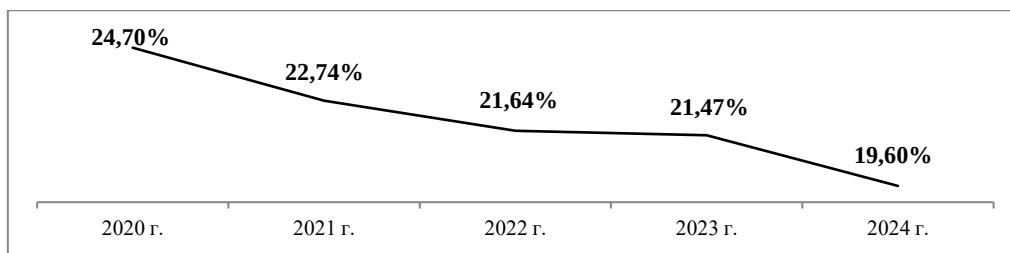

Рисунок 1 – Динамика численности осужденных к обязательным работам за период с 2020 по 2024 гг.

Становится очевидным, что сложившаяся ситуация, когда суды, определяя наиболее действенную меру наказания, отдают все меньшее предпочтение наказанию в виде обязательных работ, свидетельствует о наличии управленческих, правовых и иных проблемных аспектов в реализации данного вида наказания. Заложенный потенциал обязательных работ как вида уголовного наказания не реализуется в полной мере.

Контроль за выполнением осужденными определенных для них работ, уведомление уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) о количестве проработанных часов или об уклонении осужденных от отбывания наказания, возлагается на администрацию организаций, в которых осужденные отбывают обязательные работы.

В правоприменительной деятельности взаимодействие УИИ с такими организациями имеет свои трудности и во многом носит проблемный характер, в частности, можно отметить отсутствие осведомленности у лиц, осуществляющих контроль за отбыванием осужденными обязательных работ, о содержании и сущности данного вида наказания, о правах и обязанностях в рамках указанных правоотношений; несвоевременность уведомления УИИ о допущении осужденным нарушения; обеспечение осужденных инвентарем; качество и эффективность осуществления контроля за выполнением осужденными определенных для них работ.

Так, в соответствии с ч.1 ст.49 УК РФ выполнение обязательных работ осуществляется в свободное от основной работы или учебы время. На практике к свободному от основной работы или учебы времени относится время до и после установленного на основной работе рабочего дня или до начала и после окончания учебных занятий, включая время следования. Как правило, рабочий день и выходные дни организаций, где осужденному необходимо отбывать наказание, совпадает с рабочим днем осужденного по основному месту работы и (или) с учебным расписанием [3, с. 305-312]. Таким образом, складывается ситуация, когда в свободное от работы или учебы время контроль за отбыванием осужденным обязательных работ со стороны сотрудников администрации организации не осуществляется, либо наказание осужденным не отбывается.

Нередко нарушаются сроки вынесения осужденному предупреждения за невыход на обязательные работы или нарушение трудовой дисциплины. Фактически предупреждение выносится в течение 3 рабочих дней не с момента невыхода на обязательные работы и нарушения трудовой дисциплины, а с того момента, когда инспекция узнала об этом. УИИ еженедельно контролирует количество отработанных осужденными часов, проверяет соблюдение трудовой дисциплины. В ст.28 УИК РФ, обязывающей организации информировать УИИ о допускаемых осужденными нарушениях, не установлены сроки такого информирования. Зачастую УИИ, осуществляя еженедельный контроль, например, в понедельник, узнают, что осужденный не вышел на обязательные работы на прошлой неделе во вторник, то есть с момента невыхода прошло более 3 рабочих дней. Указанная проблематика обусловлена как проблемами взаимодействия, так и трудностями, связанными с тем, что встреча осужденного и сотрудника УИИ происходит не всегда в день получения инспекцией соответствующей информации (отсутствие по месту жительства осужденного при проверке, неявка его по вызову в инспекцию для дачи объяснений и т.п.).

Для решения указанных проблемных вопросов представляется целесообразным позаимствовать опыт организации исполнения наказания в виде принудительных работ, когда между учреждением, исполняющим наказание, и организацией заключается

соглашение, в котором определяют предмет соглашения, права и обязанности сторон, порядок и сроки передачи информации о нарушениях, ответственность сторон, сроки действия соглашения и другие положения. Полагаем, что внедрение в практическую деятельность подобных соглашений разрешит многие законодательно неурегулированные организационные вопросы, возникающие в процессе исполнения наказания в виде обязательных работ.

Библиографический список

1. Данные судебной статистики за 2020-2024 годы // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.
2. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. 2020. – Т. 14, № 2. – С. 305-312.
3. Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3Rn8yJ>.

Научный руководитель – Шеслер А.В., д.ю.н., профессор

Понятие и сущность права на защиту в уголовном судопроизводстве России

Долгушина Е.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Рассматривая вопрос о принципах обеспечения правовой защиты, в первую очередь следует подчеркнуть, что на сегодняшний день в содержании уголовно-процессуального законодательства отсутствуют нормы, которые приводили бы четкую дефиницию понятия «право на защиту». В рамках научной доктрины существуют разные подходы к трактовке данной формулировки. Оценка позиций, предлагаемых исследователями, позволяет говорить о существовании нескольких подходов.

Ряд специалистов рассматривают право на защиту как совокупность субъективных прав, предоставляемых стороне защиты на основании положений уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения надлежащей защиты субъектов права от возможного уголовного преследования, безосновательного и противоправного применения принудительных мер, а также от возможных нарушений в действиях правоохранительных и судебных органов [4, с. 45]. Правом защиты наделяются лица, которые принимают непосредственное участие в проверках сообщений о возможных преступных деяниях, имеют статус обвиняемого или подозреваемого, либо являются официальными защитниками, представляющими интересы указанных субъектов. Классической в данном случае считается трактовка за авторством М.С. Строговича, который определяет защиту как совокупность процессуальных действий, целью реализации которых выступает опровержение обвинительных заявлений, подтверждение невиновности или смягчение ответственности защищаемого субъекта [7, с. 240].

По мнению В.Г. Степановой, в качестве права на защиту следует понимать совокупность правовых инструментов, которыми наделяются лица в статусе обвиняемых и подозреваемых, предоставляемых им для обеспечения возможности полного или частичного опровержения обвинения (подозрения), либо для смягчения ответственности, полагающейся за содеянное [5, с. 160]. С точки зрения Д.Ю. Фисенко, предоставляемое указанным субъектам право на защиту включает совокупность прав, позволяющих им отстаивать собственные интересы и аргументированно отвергать безосновательные претензии со стороны обвинения [6, с. 12].

Представители другой группы исследователей склоняются к рассмотрению права на защиту как совокупности действий, реализуемых субъектами, представляющими сторону защиты. Так, например, по мнению А.Л. Цыпкина характерным проявлением специфики советской уголовно-правовой системы являлась четкая регламентация действий по обеспечению защиты, регулируемых законодательными положениями и нацеленных на смягчение степени ответственности или доказательство невиновности, а также на соблюдение правовых интересов лиц, в адрес которых были заявлены подозрения или обвинения в совершении неправомерных деяний [8, с. 210].

Анализ разных позиций позволяет сделать вывод об обоснованности тезиса Н.Н. Давыдовой. Автор считает, что право на защиту представляет собой совокупность законодательно обоснованных процессуальных прав, предоставляемых представителям соответствующей стороны (обвиняемым, подозреваемым, защитникам) с целью защиты от подозрения или обвинения путем выявления и подтверждения обстоятельств, которые исключают их виновность или смягчают ответственность за содеянное [3, с. 14].

Достаточно развернутая трактовка рассматриваемого права приведена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29, согласно которому обеспечение условий для полноценной реализации права на защиту относится к числу основополагающих принципов судебного производства, актуальных для всех его стадий, и является одной из обязанностей государства, надлежащее исполнение которой определяет возможность отправления справедливого правосудия [2].

Конкретный перечень субъектов, которые по закону наделяются правом на защиту, приведен в содержании ст. 16 УПК РФ [1]. В подобном качестве законодателем определены подозреваемые и обвиняемые лица. Верховный Суд РФ, в дополнение к указанному перечню, считает возможным применение данного права расширенным списком лиц, к числу которых относятся все субъекты, так или иначе вовлеченные в уголовный процесс. Речь идет об осужденных, оправданных, а также о всех лицах, права и свободы которых в той или иной степени затрагиваются действиями стороны обвинения, вне зависимости от их процессуального положения, определяемого различного рода формальными признаками.

Таким образом, на сегодняшний день в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует положение, которое закрепляло бы исчерпывающую дефиницию термина «право на защиту». В рамках научной доктрины существуют различные подходы к трактовке данного понятия. Исследователи рассматривают право на защиту как: 1) комплекс прав, предоставляемых субъектам стороны защиты в целях обеспечения условий, позволяющих защитить их интересы от мер уголовного преследования, безосновательного и неправомерного применения принудительных и ограничительных мер, а также от совершения иных нарушений со стороны правоохранительных и судебных органов; 2) деятельность, реализуемую лицами, представляющими сторону защиты в уголовном судопроизводстве. Исследователи также рассматривают право на защиту сквозь призму оказания квалифицированной юридической помощи, а также презумпции невиновности, декларируемой конституционными положениями.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9. – С. 4.
3. Давыдова Н.Н. Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Адвокатская практика. – 2019. – № 5. – С. 9-15.
4. Основы уголовного судопроизводства: учебник / под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: Норма, 2019. – 450 с.
5. Степанова В.Г. Вопросы обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве России // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (1). – С. 160-165.
6. Фисенко Д.Ю. Специальные принципы уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2016. – 25 с.

7. Лисичкина А.А. Обеспечение права на защиту подозреваемому и обвиняемому // Совершенствование методологии и организации научных исследований в целях развития общества. сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2020. – С. 240-242.
8. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. – М.: Проспект, 2018. – 362 с.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н

Роль и место следователя и дознавателя в современном уголовном процессе: проблемы и перспективы

Должикова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Фигуры следователя и дознавателя играют ключевую роль в обеспечении законности и правосудия. Их профессиональная деятельность направлена на эффективное расследование преступлений, установление истины и защиту прав участников уголовного судопроизводства. В условиях реформирования правоохранительной системы их функции, полномочия и взаимодействие приобретают особую значимость. Особенно важно рассматривать их деятельность в контексте соблюдения принципов состязательности, законности, справедливости и разумных сроков.

Следователь играет ключевую роль в расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Его решения зачастую определяют ход уголовного дела, характер обвинения и перспективы его рассмотрения в суде. В связи с этим особое значение приобретает соблюдение следователем процессуальных норм. Дознаватель осуществляет упрощённое расследование с сокращёнными сроками, ограниченным перечнем следственных действий и упрощённой процедурой принятия решений. Его самостоятельность ограничена – многие решения требуют согласования с прокурором. Это делает дознание более управляемым, но менее гибким в реагировании на изменения в ходе расследования. При этом нагрузка на дознавателя нередко оказывается не менее значительной, чем на следователя.

По статистике, в России в год выявляется свыше 5 млн случаев нарушения закона органами следствия и дознания [5]. Причинами служат дефицит кадров, их высокая текучесть в следственных органах и рост количества преступлений, особенно в сфере ИТ и мошенничеств.

Среди ряда проблем, возникающих на практике, можно отметить временные рамки работы дознавателя, его ограниченные возможности в принятии решений. Кроме того, стоит обратить внимание на недостаточное использование дознания в сокращённой форме, что может свидетельствовать о его низкой эффективности. В связи с этим возникают вопросы соблюдения принципа презумпции невиновности при применении этой формы, когда дознаватель не обязан проверять доказательства, которые не были оспорены сторонами [4].

Так же на практике возможны споры о распределении дел, особенно если в одном деле фигурируют разные составы преступлений. Необходимость координации усилий между следователем и дознавателем, а также оперативными службами. Конфликты компетенций и отсутствие единых подходов могут привести к затягиванию процесса и формализму.

Отсутствие регламентации некоторых механизмов взаимодействия, отсутствие цифровых платформ для совместного ведения дел и дублирование полномочий между ведомствами остаются препятствием для эффективного расследования. Также необходимо развивать единые подходы в планировании и распределении нагрузки с учетом объективных критериев: сложности дела, количества фигурантов, необходимости специальных знаний.

Для решения проблем, связанных с ограничением процессуальной самостоятельности следователя, необходимо рассматривать возможные пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Одним из возможных решений является усиление системы судебного контроля за действиями следователя. Введение более эффективных механизмов обжалования решений прокурора и руководства следственного органа позволит следователю сохранять независимость и принимать решения, основываясь на собственном профессиональном опыте и убеждениях [2]. В связи с чем предлагаем внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривающие введение самостоятельного института судебного контроля за законностью процессуальных указаний прокурора и руководителя следственного органа. Установление подобных норм будет способствовать укреплению принципа процессуальной независимости следователя и обеспечению гарантий соблюдения принципа законности на стадии предварительного расследования.

Развитие цифровых платформ и электронного документооборота повысит прозрачность и скорость процесса. Внедрение электронных дел, видеодопросов и цифровых доказательств требует адаптации процессуального законодательства. Также следует обеспечить техническую и методическую поддержку внедрения инноваций в следственные подразделения. Особое внимание следует уделить киберпреступлениям – здесь особенно актуальны современные инструменты анализа данных и технической экспертизы. Переход на электронные дела позволит исключить потерю материалов, обеспечит мгновенный доступ для всех уполномоченных участников процесса (включая прокурора и суд) и сократит временные затраты на административные процедуры. Создание единой межведомственной информационной системы для следователей, дознавателей и оперативных работников позволит координировать усилия, исключить дублирование и обмениваться данными в реальном времени. Для расследования киберпреступлений и сложных экономических составов необходимы современные инструменты: системы искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных, выявления связей и паттернов мошеннических схем, а также средства криминалистического анализа цифровых устройств.

Практики подчеркивают, что укрепление авторитета следователя и дознавателя способствует снижению текучести кадров и повышению уровня правовой культуры [3]. Возможно также создание отдельной государственной программы по поддержке следственных кадров.

Следователь и дознаватель – центральные фигуры досудебного производства. Их деятельность определяет ход уголовного преследования и степень соблюдения прав участников процесса. Однако их работа осложняется чрезмерной нагрузкой, недостаточной процессуальной независимостью и ограниченными ресурсами. Проблемы требуют системного подхода: совершенствования законодательства, внедрения цифровых решений, укрепления кадрового потенциала и повышения престижа профессии. Только комплексные меры позволят обеспечить эффективное, справедливое и современное уголовное судопроизводство в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Глушков А.И., Акулов А.О. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы и перспективы // Молодой ученый. – 2024. – № 44 (543). – С. 77-79.
3. Овчинников Ю.Г. Укрепление престижа следователя как ключевая задача высших органов государственной власти // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 3 (33) – С. 25-32.
4. Карданов Т.М. Некоторые проблемы, возникающие при производстве дознания, в российском уголовном процессе // Молодой ученый. – 2024. – № 18 (517). – С. 207-209.
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RnDHd>.

Научный руководитель – Симонова Т.С., к.ю.н.

Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны

Заплатов Д.Д.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В общественном сознании прочно укоренилось представление о праве на самозащиту. Однако в юридической плоскости правомерность применения оборонительных действий требует строго разграничения между законной необходимой обороной и её превышением. Даже специалисты в области права порой испытывают трудности при определении границ допустимого причинения вреда посягающему. Перечисленные факты подтверждают актуальность и сложность темы, лежащей на стыке уголовного права, правоприменительной практики и правосознания граждан.

Право на защиту закреплено в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, а пределы этого права регламентированы в ст. 37 УК РФ. Согласно ч. 1 этой статьи, действия, совершённые в состоянии необходимой обороны, не влекут уголовной ответственности. Однако ч. 2 данной нормы уточняет – при умышленном превышении пределов обороны, действия утрачивают правомерный характер и квалифицируются как преступные.

Вопрос о пределах необходимой обороны имеет принципиальное значение для квалификации деяния как преступления. Законодательство Российской Федерации допускает причинение вреда нападающему только в тех пределах, которые соразмерны характеру и степени общественной опасности его посягательства. Иначе говоря, превышением пределов необходимой обороны признаются действия обороняющегося, которые очевидно не соответствуют характеру и степени опасности нападения. В таких случаях действия подлежат квалификации по ст. 114 или ст. 108 УК РФ в зависимости от последствий [1, с. 62].

На практике часто встречаются ситуации, когда лицо, подвергшееся нападению, в ходе защиты причиняет нападающему тяжкий вред, что влечет уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны. Однако нельзя не учитывать, что в условиях внезапного нападения лицо может не иметь возможности адекватно оценить степень опасности, вследствие чего утрачивает способность контролировать свои действия. Именно поэтому в подобных ситуациях пределы правомерной обороны считаются отсутствующими [3, с. 189].

Значительное внимание в юридической литературе уделяется эксцессу обороны, то есть очевидному несоответствию между характером нападения и мерами защиты. Согласно правовым положениям, допустимость необходимой обороны прекращается в момент окончания посягательства. В этой связи важное значение приобретает точное установление момента начала и окончания нападения. В юридической доктрине существует мнение, что состояние необходимой обороны может возникнуть даже при наличии реальной угрозы посягательства [6, с. 326].

Проблема также заключается в том, что оценка превышения пределов необходимой обороны во многом является оценочной категорией и зависит от усмотрения суда. В научной среде предлагается деление эксцесса обороны на два основных вида: несвоевременную оборону и несоразмерную. Под первой понимаются действия, предпринятые либо до начала посягательства, либо после его окончания, под второй – чрезмерная оборона, выражающаяся в использовании явно неадекватных средств защиты.

При этом вопрос о признании несвоевременной обороны одной из форм превышения вызывает оживленные споры. Некоторые авторы, в частности Е.В. Мицкая, категорически отрицают такую возможность, утверждая, что в отсутствие посягательства состояние необходимой обороны уже не может иметь места [2, с. 183]. Другие исследователи, как, например, В.П. Полунин, считают несвоевременную оборону разновидностью мнимой.

Он указывает, что субъект, допустивший преждевременную или запоздалую оборону, фактически заблуждается относительно наличия нападения [4, с. 88].

В то же время И.С. Тишкевич предлагает рассматривать несвоевременную оборону как форму превышения пределов необходимой обороны, поскольку субъект, действуя с целью защиты от посягательства, ошибается в выборе момента для оборонительных действий [5, с. 38]. Подчеркнем, что в этих ситуациях обороняющийся руководствуется правомерными побуждениями, однако переходит границы дозволенного, действуя вне допустимых временных рамок.

Необходимо отметить, что современная уголовно-правовая доктрина и правоприменительная практика свидетельствуют о необходимости повышения степени конкретизации положений об обороне. В частности, законодателю целесообразно более чётко определить перечень возможных и конкретных объектов обороны, а также закрепить соответствующие допустимые способы, средства и последствия защиты. Такая детализация позволит минимизировать случаи, при которых необходимая оборона необоснованно квалифицируется как неправомерное действие.

Одновременно важно учитывать и потребности правоприменителя. Представляется оправданным внесение корректировок в уголовное законодательство, направленных на содействие следственным и судебным органам в адекватной правовой оценке ситуаций, связанных с необходимой обороной. В частности, речь идёт о целесообразности издания официальных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, стимулирующих более активный и внимательный анализ уголовных дел с точки зрения наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, закреплённых в гл. 8 УК РФ, и, в особенности, в ст. 37 УК РФ, регламентирующей необходимую оборону.

Итак, анализ уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны позволяет сделать ряд теоретически и практически значимых обобщений. Институт необходимой обороны, являясь важным элементом уголовно-правового механизма защиты личности и общества от преступных посягательств, требует высокой степени правовой определённости и баланса между правами обороняющегося и охраной жизни и здоровья посягающего. В то же время, действующее уголовное законодательство и правоприменительная практика сталкиваются с рядом трудностей при разграничении правомерной обороны.

Таким образом, развитие института необходимой обороны должно быть направлено на: точное законодательное определение пределов допустимой защиты; конкретизацию критериев соразмерности оборонительных действий характеру и опасности посягательства; обеспечение единообразного применения ст. 37 УК РФ на практике путём принятия официальных разъяснений Верховного Суда РФ.

Библиографический список:

1. Ладыгина М.А., Маевская К.Ю., Шматко А.Е. К вопросу об общественной опасности посягательства как одного из условий правомерности необходимой обороны // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 116-11. – С. 62-65.
2. Мицкая Е.В., Кузнецов М.В. Право человека на жизнь как неотъемлемое и естественное право: право защищать свою жизнь // Теория государства и права. – 2024. – № 3-1 (39). – С. 182-190.
3. Осипова А.Д. Проблемы разграничения понятий необходимой обороны и превышение пределов необходимой обороны // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. – 2020. – С. 189-192.
4. Полунин В.П., Сухомлинова Т.В. К вопросу превышения пределов необходимой обороны // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 9 (147). – С. 87-92.
5. Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. – М., 1969. – 191 с.
6. Журавлева И.А., Власов Ю.А., Юсова Ю.С., Николаев К.Д. Юридическая оценка необходимой обороны по уголовному законодательству РФ: теория и практика // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 1А. – С. 326-338.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н., доцент

Проблемы определения понятия «потерпевший» в уголовном процессе России

Зеленова А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

На сегодняшний день степень изученности аспектов отечественного уголовно-процессуального права можно охарактеризовать как достаточно высокую. При этом отдельные вопросы по-прежнему остаются дискуссионными и привлекают внимание представителей научного сообщества. К числу таких вопросов относится трактовка термина «потерпевший». Многочисленность определений, предлагаемых исследователями, обуславливает проблематичность формирования универсального понятия, которое в полной мере раскрывало бы специфику и процессуальный статус данного субъекта в рамках уголовного судопроизводства.

Исходя из положений ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), потерпевший – это физическое или юридическое лицо, которому в результате совершения преступного деяния был нанесен физический, имущественный, моральный или репутационный вред [1]. Трактовка, предлагаемая законодателем в содержании УПК РФ, видится двусмысленной, поскольку под потерпевшими подразумеваются как лица, фактически пострадавшие от преступных действий, что выражается в нанесении им конкретного ущерба, так и субъекты, признаваемые в подобном статусе на основании постановления, вынесенного уполномоченными лицами.

Трактовка, приведенная в толковом словаре В.И. Даля, характеризует потерпевшего как «лицо, пострадавшее от чего-либо или подвергшееся какой-либо неприятности» [4, с. 760]. В рамках научной доктрины приводятся разные трактовки рассматриваемого понятия. С точки зрения О.А. Котельниковой, в качестве потерпевшего следует определять одного из субъектов, участвующего в уголовном процессе и реализующего функцию уголовного преследования в целях удовлетворения обоснованных личных интересов, направленных на восстановление прав, подвергшихся преступному посягательству, в моральной или материальной форме [5, с. 160].

Позиция Верховного Суда РФ находит отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [3]. Верховный Суд РФ указывает, что, будучи физическим лицом, подвергшимся посягательству и перенесшим ущерб от преступного воздействия, потерпевший вправе отстаивать собственные интересы в законном порядке и участвовать в уголовном судопроизводстве для восстановления справедливости. Аналогичная позиция действует в отношении юридических лиц, имуществу или деловой репутации, которых в результате совершения преступления был нанесен определенный вред.

Признание субъекта потерпевшим не предусматривает каких-либо исключений, основывающихся на критериях национальности, возраста, пола или иных признаках. Не влияет на возможность признания потерпевшим и наличие (либо отсутствие) информации о лицах, причастных к осуществлению преступного посягательства [3]. Отдельные авторы аргументированно указывают на несовершенство действующих законодательных норм, отмечая, что у уполномоченных лиц есть возможность произвольно трактовать ключевые положения и применять правовые инструменты. Данная проблематика находит отражение в практике проведения проверок поступающих заявлений, по которым принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела [6, с. 25]. Отказ в возбуждении уголовного дела фактически лишает потенциальных потерпевших их законного права на правосудие,

изначально гарантированного конституционными нормами [3]. Исходя из изложенного, существующий алгоритм определения субъекта в качестве потерпевшего можно охарактеризовать как недостаточно проработанный и нуждающийся в совершенствовании.

Работа следственных органов предусматривает совершение действий, направленных на обеспечение защиты правовых интересов лиц, являющихся потерпевшими. Действия следователя фактически включают в себя оказание юридической помощи, дополняя таким образом функционал представителя стороны защиты.

Конституционный Суд РФ, проверяя содержание ч. 2 ст. 15 УПК РФ на соответствие Конституции, сделал обязательный для правоприменителя вывод, что «по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ не исключают необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемое особым процессуальным статусом и полномочиями прокурора, следователя, дознавателя... обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием» [2].

Исходя из сказанного, целесообразным видится включение в содержание ст. 145 УПК РФ ч. 5 со следующей формулировкой: «При вынесении решения, предусматриваемого содержанием п. 2 ч. 1 настоящей статьи, в адрес жертвы преступного посягательства в течение 24 часов должна быть направлена копия. На основании ходатайства, полученного от жертвы преступного посягательства, уполномоченные должностные лица обязаны предоставить в целях ознакомления материалы, собранные по итогам проверки сообщения о преступлении». Как представляется, данное изменение должно обеспечить потерпевшим возможность более эффективно распоряжаться собственными правами и реализовывать их на практике в рамках уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 4. – С. 3.
3. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2006. – 1185 с.
5. Загорьян С.Г., Котельникова О.А. Потерпевший как участник уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 2 (18). – С. 159-166.
6. Гилязутдинов Р.К., Джафарова А.А. Проблема доступа к правосудию в уголовном процессе России // Российский следователь. – 2022. – № 10. – С. 24-27.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н.

**Лишение свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних:
сравнительно-правовой анализ законодательства
Российской Федерации и зарубежных государств**

Касимова В.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Институт уголовной ответственности несовершеннолетних является одним из наиболее динамично развивающихся в современном праве. Обусловлено это необходимостью поиска баланса между интересами общества в безопасности и принципами справедливости, с одной стороны, и особым правовым статусом несовершеннолетнего, его психофизическими и социальными особенностями – с другой.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1985 г. несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой ко взрослому [1].

Одним из видов наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних лиц, является лишение свободы на определенный срок. Это наиболее строгий вид наказания, предусматривающий изоляцию лица от общества на конкретный срок, установленный судом. Данный вид наказания зачастую назначается лицу в результате неэффективности других видов, в связи с которыми не достигаются цели уголовного наказания.

Согласно уголовному законодательству Российской Федерации, лишение свободы для несовершеннолетнего заключается в изоляции лица от общества, путем помещения его в воспитательную колонию. Для несовершеннолетних лиц, не достигших возраста 16-ти лет, срок уголовного наказания не должен превышать 6 лет, и низший предел срока лишения свободы должен быть сокращен до половины от общего срока, указанного в диспозиции ст. 56 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В случаях совершения несовершеннолетними лицами особо тяжкого преступления, предел назначения наказания не может превышать десяти лет.

В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» закреплено, что наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения. В связи с этим положением, если суд решает применять данный вид наказания к несовершеннолетнему, то он обязан учитывать ч. 6 ст. 88 УК РФ и смягчить наказание для лица, но при условии, что данное лицо не достигло совершеннолетия при совершении преступления.

Аналогичное положение действует в схожей с российским законодательством правовой семье. Так, примером может служить законодательство Германии, в котором правосудие по делам несовершеннолетних регулируется Законом «О судопроизводстве по делам несовершеннолетних» – «Jugendgerichtsgesetz» [4]. Согласно законодательству Германии, лишение свободы в отношении несовершеннолетних лиц применяется в крайних случаях, когда воздействия иных мер не является эффективным. Помимо схожести в назначении и применении данного вида наказания, законодательство Германии так же, как и законодательство Российской Федерации, предусматривает минимальный и максимальный срок наказания в виде лишения свободы: минимальный – не менее 6 месяцев, максимальный

– 5 лет. Однако в исключительных случаях данный вид наказания может быть назначен на срок, не превышающий 10 лет.

Примером отличной от российской системы правосудия в отношении несовершеннолетних является Закон «О детях и подростках» – «Children Act» Англии [5]. Так, согласно вышеназванному закону, несовершеннолетними детьми признаются лица, не достигшие возраста 15 лет, а лица в возрасте от 14 до 17 лет являются подростками. К тому же, вместо наказания, связанного с лишением свободы, для несовершеннолетних преступников предусмотрено помещение в учреждение для молодых правонарушителей. Учреждение для молодых преступников – это альтернативный лишению свободы вид наказания, который назначается лицам от 15 до 21 года, обвиняемым в тяжких преступлениях. В зависимости от возраста преступника предусматриваются следующие сроки их нахождения в вышеназванном учреждении: от 15 до 18 лет содержатся в учреждении от 2 до 12 месяцев, от 18 до 21 года – от 21 дня до 12 месяцев.

Таким образом, несмотря на сходства и различия между национальным и зарубежным законодательством, полагаем, что зарубежный опыт в области ювенальной юстиции представляет значительный теоретический интерес для нашей страны, может служить моделью для модификации российского права в отношении несовершеннолетних лиц. Так, альтернативной моделью может служить английская система правосудия в отношении несовершеннолетних, в связи с чем следует рассмотреть возможность применения в российском праве дифференцированных сроков нахождения последних в местах отбывания наказания.

Например, для лиц, не достигших 15 лет, совершивших тяжкое преступление впервые, срок содержания в воспитательной колонии при отбывании наказания в виде лишения свободы должен быть не более 3 лет, а для лиц, осужденных за эти же преступления в возрасте от 15 до 17 лет – не более 5 лет. За совершение впервые особо тяжкого преступления для лиц, не достигших 15 лет, срок содержания в исправительном учреждении при отбывании наказания не должен превышать 6 лет, для лиц от 15 до 17 лет – не более 9 лет. Полагаем, что уменьшение сроков отбывания наказания несовершеннолетними лицами обеспечит соблюдение принципа справедливости, закреплённого в ст. 6 УК РФ.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: Пекинские правила от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. – 1991. – № 12. – С. 3-18.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4. – С. 6.
4. Jugendgerichtsgesetz i.d.F. der Bekanntmachung vom 11. Dezember 1974 (BGBl. I S.3427), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Dezember 2007 (BGBl. I S. 2894).
5. The youth justice system of England and Wales [web]. – URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No78/No78_13VE_Blakeman.pdf.

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н., доцент

Реализация процессуальной самостоятельности следователя при взаимодействии с прокурором

Кирсанова Е.Ю.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В российском уголовном судопроизводстве следователь и прокурор занимают ключевые позиции. Их взаимодействие и сотрудничество определяют эффективность расследования преступлений. Рассмотрим, как сочетается процессуальная самостоятельность следователя с надзором со стороны прокурора, а также проанализируем, какие функции выполняют прокурорский надзор в этой системе.

Прокурорский надзор и ведомственный контроль являются законными механизмами, предназначенными для обеспечения соблюдения законности органами предварительного расследования. Следователь как ключевая фигура в процессе предварительного расследования выполняет множество задач, среди которых наиболее важной является собирание доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Самостоятельность следователя означает, что он сам определяет ход предварительного расследования. Но важно понимать, что процессуальная самостоятельность следователя не безгранична. Она ограничена законом и полномочиями руководителя следственного органа, прокурора и суда. Прокурор обеспечивает законность на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и в ходе досудебного производства. То есть задача прокурора на этапе предварительного расследования – осуществление надзора за законностью и обоснованностью решений [4, с. 11]. Процессуальная самостоятельность следователя необходима для оперативного принятия решений. Тем не менее, надзор со стороны прокурора играет важную роль в предотвращении возможных злоупотреблений и ошибок, которые могут возникнуть в ходе расследования.

Опыт показывает, что лучший вариант – когда полномочия всех участников четко регламентированы законом, в том числе в части осуществления взаимодействия. Так, оптимальное взаимодействие между прокурором и следователем может способствовать выработке общей стратегии по конкретному делу, а указания прокурора могут помочь следователю своевременно исправить возможные ошибки, не нарушая при этом независимости следственного процесса.

Влияние прокурора на действия следователя, безусловно, присутствует и является неотъемлемой частью уголовного процесса. Однако это влияние не имеет негативные последствия. Прокурорский надзор способствует предотвращению принятия незаконных и необоснованных решений, однако не ограничивает процессуальной самостоятельности следователя. Суды неоднократно ссылаются на самостоятельность следователя в определении хода расследования. Так, например, суд, рассматривая жалобу потерпевшей И. в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие следователя, отметил, что заявителем фактически обжалуется ход расследования уголовного дела, который определяется следователем в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим в удовлетворении жалобы судом было отказано [3].

После принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» [2] у прокуроров стало меньше полномочий по осуществлению прокурорского надзора в отношении следователя – часть полномочий прокурора были переданы руководителю следственного органа. Как считает, например, Б.Я. Гаврилов, это сделало следователей более независимыми [5].

Важной гарантией самостоятельности следователя является право обжаловать

решение прокурора в порядке, регламентированном ч. 4 ст. 221 УПК РФ [1]. Регулирование данного положения закона осуществляется на основании ч. 6 ст. 37; п. 5 ч. 2 и ч. 3 ст. 38; п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК РФ [5, с. 18].

Как видно, следователь вправе обжаловать лишь некоторые решения прокурора, а именно решения: отменяющие постановление о возбуждении уголовного дела; касающиеся возвращения уголовного дела следователю для того, чтобы провести дополнительное расследование; связанные с изменением объема обвинения или квалификации действий обвиняемого; определяющие необходимость пересоставления обвинительного заключения и установление выявленного недостатка при условии, что против этого не имеется возражений руководителя следственного органа [6, с. 568].

Если следователь не согласен с решением прокурора, а руководитель следственного органа не поддерживает позицию следователя, ему придётся подчиниться, даже если следователь уверен, что тем самым будут нарушены права участников процесса. Решение данной проблемы мы видим в необходимости внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих возможность обжалования следователем решений прокурора без получения предварительного согласия руководителя следственного органа.

Таким образом, взаимодействие следователя и прокурора в российской уголовно-процессуальной системе является важным элементом, способствующим обеспечению законности и справедливости. Самостоятельность следователя в осуществлении расследования должна сочетаться с надзором прокурора, что позволит достигнуть оптимального баланса между независимостью следствия и необходимостью соблюдения законности.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: Федеральный закон (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.
3. Кассационное определение 5КСОЮ от 17 июня 2020 № 77-347/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://5kas.sudrf.ru>.
4. Анисимова Н.В., Волкова Г.А. Прокурорский надзор за деятельностью следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 3. – С. 9-14.
5. Гаврилов Б.Я. Совершенствование предварительного следствия с позиции Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Уголовный процесс. – 2007. – № 9. – С. 18-19.
6. Ишмухаметов Я.М., Минигалеев И.Х. Возвращение прокурором уголовного дела следователю для производства предварительного расследования // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 567-569.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н.

Насильственные виды хищения и мародерство: сравнительно правовая оценка новеллы уголовного закона, вопросы разграничения

Колесник И.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В сентябре 2022 г. в российское уголовное законодательство была введена новая статья – ст. 356.1 УК РФ «Мародерство» [1], предусматривающая ответственность за противоправное безвозмездное изъятие имущества в условиях войны, вооружённого конфликта или военного положения. Эта норма стала ответом на актуальные вызовы

и расширила арсенал военного уголовного права. Мародерством признается хищение имущества, принадлежащего как гражданскому населению, так и находящегося при убитых или раненых, если оно не связано с вынужденной необходимостью. Базовый состав предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы, а при насилии или отягчающих обстоятельствах – до 15 лет [2].

Близким, по сути, составом является ст. 162 УК РФ «Разбой», определяющийся как нападение с целью хищения, сопровождаемое насилием, опасным для жизни или здоровью. В отличие от разбоя, мародерство охватывает как тайные, так и открытые формы изъятия имущества, включая насильственные действия, но только в условиях войны. Если в мирное время кража, грабеж и разбой квалифицируются раздельно и по-разному наказываются, то в военной обстановке все такие деяния объединяются под единой статьей, что подчеркивает их повышенную общественную опасность. Кроме того, мародерство отнесено к преступлениям против мира и безопасности человечества, что придает ему статус международного военного преступления. В отличие от разбоя, где ответственность наступает с 14 лет, за мародерство – с 16 лет.

Введение специальной нормы позволило устранить пробел, существовавший с 1990-х годов, когда подобные действия квалифицировались по общим статьям о хищениях. Новая статья усилила превентивный эффект и обеспечила адекватную реакцию на случаи грабежа в зоне боевых действий. Она соответствует международным гуманитарным нормам, где мародерство рассматривается как военное преступление.

Первой трудностью стала нечеткость формулировки термина «вынужденная необходимость», отсутствующего в уголовно-правовых дефинициях. Это может приводить к различному толкованию судами: одна и та же ситуация может быть признана как оправданное действие или как преступление. Решение видится в разъяснении нормы Верховным Судом РФ либо в коррекции текста статьи.

Второй вопрос связан с отграничением мародерства от смежных составов. Статья охватывает широкий спектр деяний – от кражи до насильственных хищений, что требует аккуратного подхода следственных органов. Проблемой также является ситуация, когда действия не преследуют корыстную цель – в таких случаях ст. 356.1 УК РФ не применяется, что может образовывать пробел. В научной среде обсуждается идея расширения диспозиции для охвата хищений без прямой выгоды, что соответствует международной практике [3].

Третья дискуссия касается места статьи в системе УК РФ. Норма помещена в главу о преступлениях против мира и безопасности человечества, однако ряд ученых считает, что ей логичнее находиться в разделе о воинских преступлениях. Такой подход ограничил бы круг субъектов военными служащими и подчеркнул бы дисциплинарный аспект. Другая позиция – сохранить норму в нынешней главе, поскольку мародерство затрагивает интересы мирного населения и гуманитарные ценности [4].

Судебная практика по новой статье пока ограничена. На март 2024 г. вынесенных приговоров не было, но первые уголовные дела возбуждены. Так, в ДНР расследовалось хищение имущества завода на сумму более 500 млн руб. в период военного положения. Обвинение предъявлено группе лиц по ч. 4 ст. 356.1 УК РФ – мародерство в особо крупном размере. Этот пример показал, что мародерство может быть не только полевым грабежом, но и экономическим преступлением в условиях конфликта. Также возбуждались дела в отношении военнослужащих по совокупности статей: мародерство, бандитизм и убийство. Практические сложности связаны с доказательством насильственных форм [5].

Научное сообщество выдвигает предложения по совершенствованию нормы: уточнение терминологии, расширение перечня квалифицирующих признаков, приведение статьи в соответствие с международными стандартами. Отдельно обсуждается возможность введения ответственности за «гражданское» мародерство в чрезвычайных ситуациях невоенного характера (катастрофы, стихийные бедствия), когда в настоящее время такие действия квалифицируются по общим статьям о хищении [6].

Появление статьи о мародерстве стало значимым шагом в развитии российского уголовного права. Законодатель устранил давний пробел и усилил защиту правопорядка в военное время, а также сблизил национальные нормы с международным гуманитарным правом. Несмотря на отдельные неясности формулировок и отсутствие устоявшейся судебной практики, данная новелла имеет важное превентивное значение [7].

С накоплением опыта применения и разъяснений высших судебных органов можно ожидать более точной и стабильной квалификации подобных преступлений. В долгосрочной перспективе совершенствование этой нормы позволит повысить эффективность противодействия военным преступлениям и укрепить правовые гарантии защиты гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (действующая ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Федеральный закон РФ от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6535.
3. Лопатина Т.М. Мародерство: новое законодательное прочтение состава преступления // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 12. – С. 13-15.
4. Лобач Д.В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском законодательстве // Вестник Университета прокуратуры РФ. – 2023. – № 1. – С. 53-61.
5. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 1 (64). – С. 39-44.
6. Кибальник А.Г. «Реанимация» мародёрства в уголовном праве // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 64-68.
7. Юшина Ю.В. Объективные и субъективные признаки состава мародерства (ст. 356.1 УК РФ) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 1. – С. 371-375.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н. доцент

Биологическая природа дактилоскопических следов: криминалистическое значение и перспективы анализа

Колупаева Д.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Дактилоскопические следы остаются одним из наиболее надежных видов следовой информации, широко применяемых в криминалистике. Однако на сегодняшний день внимание исследователей все чаще привлекает не только рисунок папиллярных узоров, но и их биологическое содержание, поскольку потожировые следы представляют собой сложный биоматериал, содержащий клетки эпидермиса, ДНК, белки, липиды и другие биомолекулы. Несмотря на развитие автоматизированных систем дактилоскопической идентификации (АДИС), в экспертной практике остаются актуальными вопросы, связанные с качеством обнаружения следов, их деградацией, а также возможностью извлечения дополнительной информации о человеке, оставившем отпечаток, на молекулярном уровне.

Следы рук, оставленные на различных поверхностях, состоят не только из видимого папиллярного узора, но и из сложного комплекса биологических компонентов. В их состав входят клетки рогового слоя эпидермиса, фрагменты ДНК из слущенных клеток, аминокислоты, жирные кислоты, липиды, соли, вода, метаболиты, следовые вещества

микроорганизмов. Этот биологический состав делает дактилоскопические следы потенциальным объектом генетической, биохимической и микробиологической экспертизы.

Современные исследования, в том числе работа Кайгородовой О.С. и Сосниной А.И. [1], подтверждают возможность успешной ДНК-идентификации с помощью поверхности следов рук, особенно с применением методов паровой обработки цианокрилатом и последующего отбора биоматериала.

Несмотря на технологический прогресс, в практике дактилоскопических исследований существует ряд проблемных аспектов:

1. Деградация биологических компонентов вследствие времени, температуры, влажности и воздействия света.

2. Сложность обнаружения малоконтрастных следов на пористых, загрязненных или неструктурированных поверхностях.

3. Фрагментарность отпечатков, осложняющая как визуальный, так и биологический анализ.

4. Недостаток методических разработок, позволяющих стандартизировать отбор ДНК из потожировых следов без разрушения самого папиллярного узора.

Кроме того, сохраняется правовая и этическая неопределенность в вопросах принудительного сбора биологического материала с поверхности следов, как отмечено в статье Чернышева С.А. и Журбенко А.М. [2].

На фоне этих проблем все более актуальной становится интеграция мультидисциплинарных подходов в дактилоскопическую экспертизу. В частности:

- использование молекулярно-генетических методов (ПЦР, секвенирование коротких tandemных повторов – STR) для установления личности;

- анализ микробиоты, присутствующей в следах, с целью установления индивидуальных микробных «подписей»;

- химическая профилировка следов для выявления состояния здоровья, пола, возраста и даже образа жизни субъекта (например, следы наркотических веществ, лекарств и т.д.).

Согласно исследованиям Фалеевой Т.Г. и др. [3], успешное извлечение ДНК из следов рук возможно даже спустя несколько суток после их образования, при соблюдении правильных условий транспортировки и хранения.

Интеграция этих методов позволит не только повысить точность идентификации, но и расширит информационный потенциал дактилоскопических следов как объекта судебной экспертизы.

Актуальность темы обусловлена необходимостью пересмотра традиционного подхода к дактилоскопическим следам. Они должны рассматриваться не только как отображения папиллярного узора, но и как полноценный биологический объект, несущий мультиинформационную нагрузку [4]. Развитие методологии анализа биологических свойств дактилоскопических следов требует пересмотра стандартов обнаружения и изъятия следов, обновления нормативно-правовой базы, создания междисциплинарных методических рекомендаций (с участием криминалистов, биологов, медиков и ИТ-специалистов).

Сложность работы с поверхностью кожи живых лиц или трупов в рамках генетического анализа заключается в возможностях вычленения генетического материала, принадлежащего постороннему лицу, оставившему свои следы на поверхности кожи другого человека, из преобладающего биологического материала хозяина. Поэтому важно использовать эффективные методы визуализации и отбора потожировых следов, которые не станут препятствовать последующей ДНК-идентификации. Для оценки потожировых следов, как объекта исследований, и возможностей их ДНК-идентификации необходимо рассмотреть кожу человека, ее производные и процесс потоотделения с точки зрения морфологии и физиологии [3].

Одним из направлений применения является внедрение молекулярно-генетических методов проведения экспертиз по вышеуказанным следам, включая ПЦР-анализ и секвенирование STR-маркеров («чтение» коротких участков ДНК человека). Эти подходы

дают возможность установить личность по следам, даже если визуальный отпечаток частично утрачен или малоконтрастен. Исследования показывают, что при соблюдении условий хранения и транспортировки, из следов можно выделить пригодный для анализа биоматериал даже через несколько суток после их оставления. Дополнительно требуется создание междисциплинарных стандартов, объединяющих знания криминалистов, генетиков, биохимиков и IT-специалистов. Только комплексный подход позволит выстроить надежную систему идентификации, в которой дактилоскопический след рассматривается не как изолированное изображение, а как многоуровневая информационная структура. Развитие данной сферы требует системного подхода: правового, научного и методического. Проведение комплексных научных исследований в этой области будет способствовать формированию новой парадигмы в криминалистической идентификации и экспертизе.

Библиографический список

1. Кайгородова О.С., Соснина А.И. Возможности использования следов рук для идентификации личности по ДНК // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № 10. – С. 493-497.
2. Чернышёв С.А., Журбенко А.М. Проблемы принудительного отбора дактилоскопических и биологических образцов для сравнительного исследования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 1. – С. 221-230.
3. Фалеева Т.Г. Потожировые следы человека как объект ДНК-идентификации // Вестник СЗГМУ им. И.И. Мечникова. – 2016. – № 2. – С. 74-80.
4. Кулаевский А.В. Биометрические технологии в криминалистической идентификации: магистерская диссертация по направлению подготовки: 40.04.01 – Юриспруденция. – Барнаул. – 2022. – 85 с.
5. Левченко Е.В. Следы человека биологического происхождения как объект криминалистического исследования: автореферат дисс ... канд. юрид. наук. – Саратов., 2007. – 30 с.

Научный руководитель – Бойко Ю.Л., к.ю.н., доцент.

Дознание как особая форма предварительного расследования

Куряков Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Дознание представляет собой форму предварительного расследования, проведение которого регламентируется гл. 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В ходе дознания сотрудники правоохранительных органов проводят следственные действия по установлению лица, совершившего преступление, места, способа, времени его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Другими словами, дознание представляет собой форму предварительного расследования, направленную на выявление преступления «по горячим следам». Например, Е.А. Потапенко предлагает под органом дознания понимать участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, правомочного возбуждать уголовное дело и производить по нему следственные действия [4, с. 289].

Дознание представляет собой упрощенную процедуру предварительного расследования. Его осуществляет уполномоченное должностное лицо – дознаватель, по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, не требующих предварительного следствия. Отличительными чертами дознания являются сокращенные процессуальные сроки, а также проведение расследования без привлечения сложных оперативно-розыскных и процессуальных ресурсов.

В рамках стадии предварительного расследования дознание проводится в течение 30 суток с момента возбуждения уголовного дела. По ходатайству компетентного органа и с согласия прокурора этот срок может быть продлен еще на 30 суток. Важным

процессуальным действием при дознании является ознакомление подозреваемого с предъявленным обвинением и разъяснение ему прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ [2, с. 42].

Согласно ч. 1.1 ст. 150 УПК РФ, дознание может осуществляться в одной из двух форм: общего порядка или сокращенной. Производство дознания в сокращенной форме допускается при условии подачи подозреваемым соответствующего ходатайства и одновременного наличия ряда условий. К таким условиям относятся:

1. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, подследственных органам дознания.

2. Признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также отсутствие возражений против правовой квалификации деяния, указанного в постановлении о возбуждении уголовного дела.

3. Отсутствие обстоятельств, препятствующих проведению дознания в сокращенной форме, которые перечислены в ст. 226.2 УПК РФ.

Далее приведем позиции авторов, касающихся определения понятия и сущности дознания. Как отмечает С.Б. Россинский, законодательная логика позволяет рассматривать дознание в качестве дуалистической категории, объединяющей как упрощенный, так и значительно упрощенный порядки предварительного расследования. Данные формы характерны для уголовных дел о преступлениях, которые обладают относительно невысокой общественной опасностью и не порождают значительного социального резонанса. В силу этого, их рассмотрение не требует привлечения столь масштабных государственных ресурсов, которые необходимы для организации и полноценного проведения предварительного следствия. Ввиду своей очевидной обоснованности, подобные взгляды, имеющие порой незначительные смысловые нюансы, являются преобладающими в современной научной литературе [5, с. 70]. Р.Ф. Гарифуллина утверждает, что дознание и предварительное следствие представляют собой совершенно самостоятельные стадии и различные формы реализации правилами признания лица потерпевшим, а также проведением иных процессуальных действий [1, с. 165].

Говоря про проблемы в законодательстве, связанные с институтом дознания, стоит сказать прежде всего о следующем – по мнению автора И.Ю. Панькиной, в настоящий момент существует проблема в сроках реализации прав лицом, в отношении которого проводится дознание. Так, при производстве дознания обвинительный акт – это документ, которым дознаватель не только завершает процесс расследования, но и переводит подозреваемого в новый процессуальный статус – обвиняемого. Иными словами, обвинительный акт в некотором роде есть постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, но ни предъявления обвинения, ни допроса не производится [3, с. 46].

Таким образом, дознание представляет собой самостоятельную и упрощенную форму предварительного расследования, регламентированную УПК РФ и предназначенную для расследования преступлений небольшой и средней тяжести. Ключевой особенностью являются сокращенные сроки его проведения, которые составляют 30 суток, упрощенная процедура, которая может осуществляться в двух формах (в виде общего и сокращенного порядка), производство по делам, характеризующимся относительно невысокой общественной опасностью и отсутствием значительного социального резонанса, что позволяет эффективно распределять ресурсы, не прибегая к сложным механизмам предварительного следствия.

Библиографический список

1. Гарифуллина Р.Ф., Хакимова Э.Р. К вопросу о целесообразности предварительного расследования в форме дознания // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 2. – С. 164-166.
2. Исмаилов Д.А., Курбачевская К.И. Дознание как форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2 (20). – С. 39-47.
3. Панькина И.Ю. Проблемы предварительного расследования в форме дознания // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2022. – № 2. Т. 23. – С. 44-49.

4. Потапенко Е.А. Понятие и сущность дознания в современном уголовном процессе // Проблемы права: теория и практика. – 2021. – № 56. – С. 283-293.
5. Россинский С.Б. Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия? // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 1 (73). – С. 67-75.

Научный руководитель – Кутазова И.В., к.ю.н.

Уголовная ответственность за недекларирование и недостоверное декларирование товаров

Лопатинская С.С.

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток*

Анализ данных Федеральной Таможенной службы России за 2021-2025 гг [1]. выявляет неоднородную, но устойчивую динамику по ключевым составам в сфере таможенного регулирования: волнообразный рост по ст. 226.1 УК РФ (контрабанда стратегически важных товаров), тенденцию к снижению по ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей) и неоднозначные колебания по ст. 229.1 УК РФ (контрабанда наркотических средств), в связи с чем приходим к выводу о сохранении значительной общественной опасности и актуальности проблем квалификации данных составов.

Рассматривая вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности за контрабанду следует начать с рассмотрения составов преступлений. Непосредственным объектом по составу контрабанды ст. 226.1 УК РФ являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, связанные с установленным порядком перемещения через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу РФ особо опасных и стратегически значимых предметов, а по ст. 229.1 УК РФ оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров. В научной доктрине существуют подходы, акцентирующие внимание на порядке перемещения, общественной безопасности или более широкой трактовке, включающей безопасность личности, общества и государства [2, с. 67; 3, с. 56-57].

В контексте контрабанды ключевое значение имеет установление принадлежности перемещаемых товаров к категориям, указанным в ст. 226.1, ст. 229.1 УК РФ, что требует привлечения экспертов для подтверждения их характеристик (например, наркотических средств, оружия). Так, предмет преступлений широкий, определяется рядом нормативно-правовых актов Правительства РФ (Постановление от 13.09.2012 № 923, Постановление от 01.10.2012 № 1002 и др.), в частности исчерпывающий перечень – особо опасные вещества, вооружение, стратегически важные товары и ресурсы (в крупном размере), культурные ценности, размер наркотических средств, перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества и др.

Объективная сторона данных составов заключается в незаконном перемещении, которое может совершаться путем предоставления поддельных документов, использования недостоверных сведений в декларации (недостоверное декларирование) или иного сокрытия от контроля.

Особого внимания требует проблема разграничения административной и уголовной ответственности за контрабанду, совершаемой путем нарушения правил декларирования товара – недостоверное декларирование товара. Ясность в правилах квалификации контрабанды внесло решение Конституционного суда РФ от 19.02.2025 № 8-П, в котором акцентируется внимание на том, что ст. 226.1 УК РФ имеет формальный состав преступления, где для квалификации достаточно факта нарушения правил перемещения

стратегических товаров, без обязательного доказательства реального вреда [4]. При этом у контрабанды достаточно высокий уровень общественной опасности, который посягает на общественную безопасность и здоровье населения страны, что оправдывает ее криминализацию законодателем в целях пресечения угроз на ранней стадии. Так, в решении Конституционного суда РФ от 12.10.2023 № 2705-О разъясняется, что предмет преступления по ст. 226.1 УК РФ определяется законодателем по критерию повышенной опасности или значимости перемещаемого объекта, в связи с чем уголовная ответственность предусмотрена исключительно за незаконное перемещение стратегически значимых товаров, культурных ценностей в крупном размере, однако за аналогичные действия с иными объектами наступает административная ответственность по ст. 16.2 КоАП РФ [5].

Ключевыми критериями разграничения составов является степень общественной опасности, объективно выражающаяся через:

а) предмет и уголовную ответственность (ст. 226.1, ст. 229.1 УК РФ), которая наступает только за перемещение особо опасных, стратегически важных или запрещенных товаров, наркотических, психотропных веществ и др., а административная ответственность (ст. 16.2 КоАП РФ) применяется к иным товарам.

б) размер ущерба: ст. 226.1 УК РФ установлены пороги (1 млн руб., 100 тыс. руб.), ст. 194 УК РФ – крупный и особо крупный размер неуплаты, при недостижении этих порогов влечет административную ответственность по ст. 16.2 КоАП РФ.

в) правовую природу состава: наличие формального состава в ст.ст. 226.1, 229.1 УК РФ (важен факт нарушения), необходимость установления последствий для квалификации некоторых административных составов (например, ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ).

Рассматривая вопрос уголовной ответственности по ст. 194 УК РФ, следует отметить, что она наступает только при наличии крупного (свыше 2 млн руб. (прим. 2 ст. 194 УК РФ), свыше 3 млн руб. (прим. 1 ст. 194 УК РФ) или особо крупного (свыше 6 млн руб. (прим. 2 ст. 194 УК РФ), свыше 9 млн руб. (прим. 1 ст. 194 УК РФ) размера неуплаченных платежей, однако на практике возникали сложности с разграничением составов ст. 226.1 УК РФ и ст. 16.2 КоАП РФ, которые были разрешены Конституционным Судом РФ. Суд разъяснил об отсутствии конкуренции между ст. 226.1 и ст. 194 УК РФ, поскольку они охраняют разные непосредственные объекты и характеризуются различными признаками [4]. Их совокупная квалификация возможна, если едиными умышленными действиями нарушаются как запреты на перемещение стратегических товаров, так и фискальные интересы государства [6, с. 83; 7].

Подводя итоги вышеизложенному, уголовная ответственность за нарушения в сфере таможенного регулирования, связанного с декларированием, дифференцирована и направлена на защиту наиболее значимых охраняемых законом интересов – общественной безопасности, здоровья населения и экономического суверенитета. Однако практика сталкивается с бланкетностью диспозиций и разграничением смежных составов для минимизации субъективного усмотрения при квалификации, что требует конкретизации составов.

Библиографический список

1. Федеральная таможенная служба России [офиц. сайт]. – URL: <https://customs.gov.ru/>.
2. Крюкова Н.И., Арестова Е.Н. Квалификация и расследование преступлений в сфере таможенного дела. – М.: Юрайт. – 2019. – 226 с.
3. Азаренкова Е.А. Уголовная ответственность за контрабанду, посягающую на общественную безопасность (ст. 226.1 УК РФ): дис. ... к. ю. н. – 2016. – 208 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 2705-О // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
6. Азаренкова Е.А., Осипов В.А. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: проблемы правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С 80-83.
7. Никифорова А.А. Ответственность за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей: особенности отграничения // Доступ из справ. прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Турова А.В., к.ю.н.

Особенности субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ

Мартыненко А.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Субъект преступления, который помимо физической природы, вменяемости и установленного уголовным законом возраста имеет дополнительный признак, называется специальным субъектом.

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» в УК РФ введена новая ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Как и любая правовая новелла, введенная норма вызывает много вопросов и дискуссий особенно относительно признаков субъекта нового преступления [1].

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации предусмотрел ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации), что также могло использоваться в качестве инструмента борьбы с лидерами преступного мира. Именно в статью 210 УК РФ, предусматривающую ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации), в 2009 г. в качестве квалифицирующего признака впервые была внесена формулировка «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» [2].

Несмотря на то, что в Российской Федерации на сегодняшний день уже сложилась практика рассмотрения дел по ст. 210.1 УК РФ, возникают вопросы о признаках субъекта преступления указанного состава.

Исходя из судебной практики, лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, признаются, как правило, так называемые «воры в законе». «Вор в законе» – неформальный статус члена преступного мира. Лицо, являющееся «вором в законе», занимает высшее положение в преступной иерархии. Свою деятельность «вор в законе» осуществляет на основании неписанного кодекса, «воровского уклада», которого должны придерживаться все члены преступного сообщества. В настоящее время, отнесение того или иного лица к указанному понятию затруднено, поскольку с течением времени преступный мир подвергся изменениям. Например, до дополнения уголовного кодекса ст. 210.1 УК РФ, «вор в законе» не мог сообщить сотрудникам правоохранительных органов, что не имеет такой статус, поскольку в случае непризнания себя «вором», он мог потерять свой статус. Теперь же, ввиду изменений в законодательстве, непризнание себя «вором в законе» перед правоохранительными органами не преследуется в преступном мире и не влечет за собой «потерю» этого статуса.

Согласно судебной практике, наличие одного такого статуса не может служить основанием для осуждения лица по указанному составу преступления. Для того, чтобы признать человека «вором в законе», необходимо доказать его участие в деятельности криминальной группы, соответственно, в совершении преступлений. Кроме того, возникает вопрос: кто, помимо «вора в законе», занимает высшее положение в преступной иерархии и занимает ли?

Как следует из практики судов, к высшему положению в преступной иерархии принято относить «вора в законе», «положенца» и «смотрящего». Каждое из этих трех лиц выполняет те или иные функции на определенной территории. Несмотря на то, что по ст. 210.1 УК РФ признают субъектами преступления и «воров», и «смотрящих», и «положенцев», определений понятий «преступный мир», «воровская идеология», «преступная иерархия» в уголовном законе нет, как и не определено, кто такой «положенец»,

а кто «смотрящий». На сегодняшний день, такие определения даются не уголовным законом, а специалистами, которые изучают криминальную идеологию. Они же и дают разъяснения, какие именно функции выполняют лица, привлекаемые по ст. 210.1 УК РФ. В свою очередь, органы следствия ссылаются на заключения специалистов, которые не только могут давать определения, разграничивать функционал указанных лиц, но и отражать, какими еще признаками обладают лица, занимающее высшее положение в преступной иерархии (например, наличие определенных татуировок может отражать статус лица в преступном мире). Соответственно, на эти заключения ссылаются суды при вынесении приговоров, обосновывая причастность лиц к рассматриваемому составу преступления.

Например, согласно приговору Алтайского краевого суда от 28 июня 2024 г. (дело № 2-2/2024), вступившему в законную силу 23 декабря 2024 г. в отношении Ю. и др. (всего 4-х лиц), Ю., имевшему криминальный статус «положенец», вменялись следующие преступные действия: осуществление деятельности, направленной на сохранение «воровской среды», поддержание асоциальных ценностей, формирование идеологии преступного мира, закрепление и воспроизведение своим авторитетом его принципов и обычаев, использование имеющихся у него в связи с присвоенным криминальным статусом неформальных властных полномочий, взятие на себя обязательств по поддержанию «воровского» (криминального) образа жизни и «воровского закона», распространение и установление своего постоянного влияния на процессы в криминальной среде, протекающие на территориях различных районов, поощрение совершения преступлений, организация и контроль сбора материальных ресурсов в «общак» от игровой деятельности в исправительных колониях, ведение документации по их сбору и расходу («тачковки») и др. [3].

Становится ясно, перечень субъектов анализируемого преступления не ограничивается только «ворами в законе». Лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, также могут признаваться назначаемые «ворами» так называемые «положенцы», «смотрящие», обладающие высшим криминальным положением в определенном учреждении уголовно-исполнительной системы, городе, регионе. При этом, признать занимающим высшее положение в преступной иерархии можно и лицо, которое не входит в классическую криминальную иерархию, не признает «властных полномочий» «воров в законе», но при этом руководит крупным преступным сообществом.

Анализируя судебную практику, важно подчеркнуть сложность установления критериев признания лица, занимающим высшее положение в преступной иерархии, а также трудности доказывания факта участия в преступной деятельности. Также следует обратить внимание на отсутствие четких юридических дефиниций ключевых понятий («преступный мир», «воровская идеология») и зависимость следственных органов от выводов специалистов-криминалистов. Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод о необходимости законодательного урегулирования вопроса путем введения ясных и конкретных норм, определяющих признаки и критерии высших представителей преступной иерархии, что позволит повысить эффективность правосудия и обеспечить справедливость судебных решений.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Приговор Алтайского краевого суда № 2-2/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://kraevoy.alt.sudrf.ru>.
3. Рогожкин А.А. Особенности специального субъекта преступления // Евразийский Союз Ученых. – 2020. – № 10-8 (79). – С. 54-55.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н., доцент

К вопросу о возможности использования мер процессуального принуждения по уголовным делам частного обвинения

Моисеева Ю.К.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Государство, имея публично-правовой характер, реагируя на совершенное преступление, запускает уголовное судопроизводство. Так, мы можем говорить о том, что один из самых главных и базовых принципов уголовного процесса – это публичность. Речь идет о том, что в случае публичного порядка обвинения, уголовные дела возбуждаются не иначе, как государственными органами – органами дознания или следствия, не учитывая волеизъявление пострадавшего лица. По таким делам в обязательном порядке проводится предварительное следствие или дознание, в зависимости от подследственности. Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, может подвергаться со стороны государства мерам процессуального принуждения.

Уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует основания и порядок применения мер процессуального принуждения, но вместе с тем не уточняет, возможно ли применение указанных мер по уголовным делам частного обвинения, так как данная категория дел имеет свою специфику [1].

Так, по таким категориям дел отсутствует предварительное расследование, потерпевший самостоятельно инициирует уголовное преследование, подавая заявление напрямую в судебные органы. Данное заявление фактически является обвинительным актом. Бремя доказывания по делам частного обвинения возлагается на потерпевшего, который приобретает статус частного обвинителя после того, как судья примет заявление и вынесет постановление о назначении судебного заседания.

Таким образом, государство предоставляет процессуальную свободу потерпевшему в инициировании уголовного преследования, но в то же время становится проблематичным процесс привлечения виновного лица к установленной законом уголовной ответственности, так как субъекты, наделенные полномочиями к применению мер процессуального принуждения в делах частного обвинения не участвуют.

Частный обвинитель не имеет государственно-властных полномочий, не смотря на осуществление процесса доказывания по уголовному делу частного обвинения, следовательно, частный обвинитель не вправе применять к виновному лицу меры процессуального принуждения. Исходя из вышеприведенных суждений, единственным субъектом, обладающим государственно-властными полномочиями является суд. Суд вправе оказывать помощь потерпевшему в сборе доказательств, но судебные органы не осуществляют уголовного преследования, соответственно, не являются стороной обвинения, а применение мер процессуального принуждения к лицу судом нарушает принцип состязательности сторон и превращает суд в орган уголовного преследования.

Таким образом, становится спорной возможность судьи избирать в отношении обвиняемого, по делу частного обвинения, меры процессуального принуждения.

Данный вопрос вызывает довольно большое количество споров в ученом сообществе. Одни ученые допускают возможность судьи применять по делам частного обвинения в отношении обвиняемого меры процессуального принуждения, другие – полностью отрицают данную возможность. Мы поддерживаем позицию Л.Е. Дорошкова, который полагает, что в случае наличия достаточных оснований, которые прямо закреплены в ст. 97 УПК РФ, мера процессуального принуждения по делам частного обвинения может быть избрана судом [2, с.25].

Так по уголовному делу № 1-34/2025, рассматриваемому Индустриальным районным судом г. Барнаула, гражданин К., обвиняемый в совершении преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, неоднократно не являлся на судебное заседание. Об уважительности причин своей неявки гражданин К. сведений не предоставил, в результате чего сначала дважды был подвергнут принудительному приводу, а затем судом в отношении гражданина К. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Вместе с тем, отметим, что по делам частного обвинения суд самостоятельно разрешает вопрос о необходимости применения меры процессуального принуждения, в отличие от иных категорий дел, где наличие оснований применения той или иной меры процессуального принуждения сначала устанавливается органом предварительного расследования, а затем оценивается судом. Данный порядок существенно отличается от общепринятого порядка, но он не подменяет роль суда в уголовном судопроизводстве, так как по иным категориям дел суд также вправе самостоятельно разрешать вопрос о применении той или иной меры процессуального принуждения [3, с. 25].

Мы согласны с позицией П.М. Титова, по мнению которого нельзя утверждать, что мировой судья, избирая меру пресечения, в том числе по собственной инициативе без ходатайства частного обвинителя, осуществляет функцию уголовного преследования [4, с. 33]. Однако считаем, что по уголовным делам частного обвинения применение меры процессуального принуждения возможно лишь в том случае, когда не представляется возможным добиться надлежащего поведения лица иным способом. Данное положение, на наш взгляд, требует разъяснения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что институт частного обвинения – это исключение из правил, где государством предоставлена свобода потерпевшему по инициированию уголовного преследования, но вместе с тем, законодатель не разъяснил вопрос о возможности применения мер процессуального принуждения по данным категориям дел, что снижает эффективность работы правового института. На наш взгляд, этот вопрос должен быть разъяснен государством для повышения качества рассмотрения дел частного обвинения.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: Федеральный закон (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. Дорошков Л.Е. Мера пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам частного обвинения // Мировой судья. – 2015. – № 7. – С. 24-27.
3. Орлова А.А. Производство по делам частного обвинения по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: некоторые аспекты сравнительно-правового исследования // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 250-253.
4. Титов П.М. Особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения по делам частного обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (37) – С. 31-34.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н.

Правовой статус и правовая регламентация участия педагога (психолога) в уголовном процессе

Павленко Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современных условиях развития уголовного судопроизводства особую значимость приобретает вопрос участия специалистов с педагогическими и психологическими знаниями. Изменение структуры преступности, увеличение количества дел с участием

несовершеннолетних, а также необходимость соблюдения принципов гуманизма и защиты личности актуализируют потребность в качественном взаимодействии следствия с педагогами и психологами. Однако их правовой статус в уголовном процессе до сих пор остается неопределенным и вызывает многочисленные научные дискуссии.

Несмотря на то, что участие этих специалистов предусмотрено законом, их процессуальная природа, объем полномочий и фактическая роль в следственных действиях до конца не определены. Как справедливо отмечают А.Р. Напсоков и Б.В. Танашев, наличие в УПК РФ упоминания педагога не означает полного понимания того, кем именно он является в процессуальном смысле – самостоятельным участником процесса, специалистом или лишь лицом, присутствующим формально [2]. Эта неопределенность приводит к тому, что следователи и суды по-разному трактуют функции педагога, что не способствует единообразию правоприменения.

М.Г. Янин подчеркивает, что педагог исторически чаще привлекается к участию в следственных действиях, особенно с несовершеннолетними [3]. Это обусловлено тем, что педагог в образовательной практике постоянно взаимодействует с детьми, лучше понимает их особенности поведения и способен установить контакт. Однако привычка опираться лишь на педагогов приводит к недооценке роли психолога, хотя психолог обладает иным набором профессиональных знаний – не педагогических, а диагностико-коррекционных. Как полагает М.Г. Янин, именно психолог способен выявлять ложные и правдивые показания несовершеннолетнего, анализируя эмоциональное состояние и особенности поведения. Такая функция выходит за рамки простой помощи следователю, поскольку связана с обеспечением достоверности и полноты доказательственной информации.

Статус психолога в законе практически не закреплён, из-за чего его участие часто воспринимается как факультативное и второстепенное. Это приводит к ситуации, когда психолог либо не привлекается вообще, либо привлекается формально, без реальной возможности повлиять на ход следственного действия. Исследователи справедливо указывают, что смешение статусов педагога и психолога порождает правовую путаницу: оба специалиста рассматриваются как «лица со специальными знаниями», но законодатель не проводит четкого разграничения между их профессиональными задачами. В итоге следователь вынужден самостоятельно решать, кого привлекать, руководствуясь не содержательными критериями, а доступностью конкретного специалиста.

По мнению М.Г. Янина, психолог не должен ограничиваться лишь правом задавать вопросы и подписывать протокол, как это закреплено в законе. Он подчеркивает, что психолог выполняет защитную функцию по отношению к несовершеннолетнему, так как способен предотвратить травматизацию, скорректировать формулировки вопросов и зафиксировать нарушения его прав [3]. Таким образом, психолог действует не только в интересах следствия, но и в интересах личности, что делает его участие элементом справедливого правосудия. В этом заключается принципиальное отличие психолога от педагога, который, хотя и обладает знаниями о воспитании детей, не всегда способен оценить их эмоциональное состояние и особенности психического развития.

Анализ различных источников показал, что многие видят проблему в том, что участие педагога и психолога зачастую становится формальным – их присутствие лишь фиксируется в протоколе, но фактически они не влияют на тактику следственного действия. Это связано как с недостаточной профессиональной подготовкой некоторых специалистов, так и с нежеланием следователей учитывать их мнение. Исследователи подчеркивают, что без четкой правовой регламентации полномочий и ответственности участие этих специалистов превращается в «обязательную формальность», а не в инструмент повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Основная проблема, таким образом, заключается не только в отсутствии четкого юридического определения статуса педагога и психолога, но и в отсутствии критериев, когда и кого именно необходимо привлекать. На практике выбор делается по принципу удобства, а не целесообразности. Если педагог «доступнее», его привлекают вместо психолога даже

в тех случаях, когда необходимы именно психологические знания. Это снижает качество получаемых сведений, нарушает интересы несовершеннолетнего и может приводить к ошибкам в оценке поведения и показаний допрашиваемого.

Решение данной проблемы видится в законодательной конкретизации процессуального статуса педагога и психолога с выделением их как самостоятельных участников уголовного процесса, обладающих различными функциями. Предлагается разграничить их компетенции, определить основания их участия, установить квалификационные требования и ответственность. Также можно дополнить, что необходимо не только закрепить статус, но и усилить реальную роль психолога, наделив его правом активно влиять на ход допроса и других следственных действий. Это позволит превратить психолога и педагога из формальных свидетелей процедуры в полноценных участников, способных реально повысить качество расследования и обеспечить защиту прав личности.

Таким образом, научная дискуссия приводит к важному выводу: педагог и психолог не должны рассматриваться как взаимозаменяемые субъекты. Они обладают различным профессиональным инструментарием и выполняют разные функции в уголовном процессе. Их участие необходимо не ради соблюдения формальности, а ради обеспечения достоверности показаний, защиты прав участников и повышения качества расследования. Для этого требуется четкая правовая регламентация их статуса, разграничение функций и создание условий для их полноценного участия в уголовном судопроизводстве. Именно в этом направлении должно развиваться законодательство и практика, если целью является не формальное, а справедливое и эффективное правосудие.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: Федеральный закон (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. Напсоков А.Р., Танашев Б.В. Правовой статус психолога и педагога как участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2023. – Т. 16. – № 5. – С. 38-43.
3. Янин М.Г. Правовой статус педагога, психолога и законного представителя в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – № 2. – С. 39-45.

Научный руководитель – Арсенова Н.В., к.ю.н.

Основные проблемы правового регулирования штрафа как уголовного наказания

Переверзева А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Наложение штрафа имеет долгую историю применения в качестве наказания. При этом оно назначалось одинаково часто и как основное наказание, и как дополнительное, в сочетании, например, с телесными наказаниями.

Согласно ст. 46 УК РФ, штраф есть «денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом» [1]. Пленум Верховного Суда подчеркивает, что вне зависимости от того, как исчисляется штраф, его денежная форма не меняется [2]. Штраф может выступать как самостоятельный или дополнительный вид наказаний. На сегодняшний день практика наложения штрафа не утратила своей актуальности и штраф может считаться одним из наиболее применяемых видов наказания. Согласно статистическим данным, в 2022 г. штраф, как уголовное наказание, был назначен в 82 419 случаев, в 2023 г. – в 86 942 случаев, а в 2024 г. – 89 566 [3]. Представленные данные демонстрируют ежегодное увеличение количества случаев наложения штрафа, что, с одной

стороны, указывает на процесс гуманизации уголовного наказания, а с другой – на расширение практики назначения данного вида наказания.

Следует отметить, что широкое применение штрафа в качестве уголовного наказания сопряжено с рядом проблем, связанных с законодательным закреплением данного вида уголовного наказания. Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в Уголовный кодекс РФ была введена глава 15.2 «Судебный штраф». Согласно данной главе, судебный штраф также представляет собой денежное взыскание, однако при этом не является видом наказания, а выступает как основание освобождения от уголовной ответственности, то есть лицо, оплатившее судебный штраф избегает судимости. Цель судебного штрафа заключается больше в предотвращении новых преступлений, чем в восстановлении социальной справедливости, и это еще одно его отличие от штрафа как уголовного наказания. В то же время понятия «штраф» и «судебный штраф» являются схожими, сама сущность штрафа в виде денежного взыскания остается неизменной, что порождает путаницу [5]. Совершенствование уголовного законодательства обуславливает четкое разграничение указанных понятий.

Вторая немаловажная проблема связана с определением условий размера штрафа. Так, при определении размера штрафа суды ориентируются в том числе на имущественное положение осужденного и на его возможность получать заработную плату или иной доход. Следует отметить, что наряду с выплатой штрафа осужденный должен возместить потерпевшему нанесенный ущерб. То есть осужденный должен осуществить две выплаты – в пользу государства и в пользу потерпевшего. При ограниченных финансовых возможностях осужденный не сможет выплатить одновременно крупную сумму, что повлечет за собой ущемление прав потерпевшего на возмещение ущерба. В связи с этим при определении размера штрафа необходимо также учитывать и сумму, которую осужденный должен выплатить потерпевшему в качестве возмещения ущерба. Также исследователи отмечают расхождение в практике определения размера штрафа и в толковании ч. 3 ст. 46 УК РФ. Согласно данной статье, законодатель использует такое условие определения размера штрафа как возможность «получения осужденным заработной платы или иного дохода» [4]. Такая формулировка подразумевает учет судом либо заработной платы, либо иного дохода. Совокупность же дохода и заработной платы не может составлять основу для определения размера штрафа. Законодатель в ст. 46 УК РФ не раскрывает понятия иного дохода. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, «иные доходы подразумевают все доходы, подлежащие налогообложению» [2]. В связи с этим на практике суды принимают во внимание все виды доходов осужденного, облагаемые налогом. Например, доходы от сдачи имущества в аренду. Таким образом, чтобы избежать расхождения правовых норм и практики их применения, полагаем, следует закрепить в ч. 3 ст. 46 УК РФ, что при определении размера штрафа суд должен учитывать все виды доходов осужденного, подлежащих налогообложению.

Как уже указывалось ранее, штраф может применяться в качестве основного и дополнительного наказания. За злостное уклонение от уплаты штрафа как основного наказания осужденному может быть назначено иное наказание, что закреплено ч. 5 ст. 46 УК РФ [1]. При этом аналогичного механизма за злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в виде дополнительного наказания, законодателем не предполагается, что, несомненно, является существенным недостатком и подлежит исправлению. Оптимальным решением в таком случае будет замена штрафа на ограничение свободы, что не окажет негативного влияния на финансовые возможности осужденного, не будет способствовать его криминализации, но будет способствовать целям наказания и справедливости правосудия.

Таким образом, штраф является одним из распространенных видов уголовного наказания и по сравнению с другим, например, лишением свободы, оказывает менее травмирующее воздействие на личность осужденного, минимизируя вероятность ее

последующей криминализации. В связи с этим штраф наиболее распространен в качестве наказания лиц, совершивших преступление впервые. Законодательное закрепление штрафа характеризуется наличием определенных пробелов, решение которых нередко возлагается на суды при рассмотрении обстоятельств дела и личности осужденного, что приводит к неоднородности судебной практики. Не определены четкий механизм определения размеров штрафа и возможность замены штрафа на иной вид наказания в случае, если он назначен как дополнительный вид наказания. Помимо этого, в уголовном законодательстве наряду со штрафом существует схожий вид денежного взыскания – судебный штраф, который не является уголовным наказанием.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [офиц. сайт]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.
4. Дворянсков И.В. Уголовное наказание и его цели: монография. – М., 2025. – 166 с.
5. Похомчик Д.Д. Штраф как вид уголовного наказания: современные тенденции // Научный поиск курсантов: сборник материалов Международной научной конференции. – Могилев, 2024. – С. 203-204.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н., доцент

Некоторые проблемы, возникающие при квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в современной судебной практике

Сигида В.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Анализ судебной практики по преступлению, предусмотренному ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») выявляет значительные затруднения в процессе правовой оценки подобных деяний. Практика демонстрирует частые случаи неправильного привлечения лиц к ответственности вследствие некорректной квалификации деяния на этапе досудебного производства. Наиболее распространенные ошибки связаны с неверным определением мотива и цели деяния. Согласно наблюдениям некоторых отечественных ученых в этой области, количество подобных ошибок колеблется в пределах от 40 до 50% от общего числа рассмотренных уголовных дел по преступлениям подобного рода [1, с. 122].

Помимо этого, отмечается низкая степень детализации законодательно установленных критериев, позволяющих однозначно трактовать составы подобного рода преступлений. Данная ситуация неизбежно отражается на общей результативности применения норм права и препятствует достижению целей уголовной превенции по предупреждению противоправных деяний [2, с. 48].

Большее количество трудностей связано с необходимостью четко отделять угрозу убийства или причинения тяжкого вреда здоровью от преступлений, имеющих схожие признаки. Специалисты-практики регулярно испытывают затруднения при определении грани между самой угрозой и проявлением преступного замысла. Научные исследования нередко содержат утверждения, что выражение намерения совершить противоправное деяние фактически равноценно оглашению планов его совершения. Однако угроза и намерение тесно взаимосвязаны исключительно потому, что любое из этих явлений

способно сопровождаться поступками или жестами, подчеркивающими реальность сложившейся обстановки. Общей чертой угрозы и намерения выступает также вероятность того, что человек воспримет озвученную концепцию как реальную потенциальную опасность.

Например, гражданин М. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к А., в ходе конфликта с последней, желая испугать и внушить ей страх, демонстративно размахивал двумя ножами и словесно угрожал, что гражданка А. восприняла как реальную угрозу своей жизни [4].

Мы считаем, что при отграничении угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов принципиально значимо учитывать объект преступного посягательства и реальную возможность субъекта отрицательно повлиять на указанный объект. Так, рассматривая убийство, где объектом выступает жизнь человека, совершенно неважно, каким способом была передана информация о намерении его совершения (устно или письменно), поскольку сама передача такой информации объективно неспособна повлечь гибель другого лица, ведь высказывающий подобные намерения, ограничивается лишь словесным заявлением, не совершая никаких практических шагов, непосредственно направленных на воплощение своего замысла, вследствие чего отсутствует признак реального посягательства на жизнь жертвы [3, с. 45].

Отдельной важной проблемой является неясность в разграничении понятий угрозы и высказывания намерения применить насилие, как отдельный этап выполнения объективной стороны составов, предусмотренных ст. 105 и ст. 111 УК РФ. Насилие понимается как комплексное воздействие физического и психологического характера, включающее применение силы против личности, нарушение физической неприкосновенности, причинение боли, вреда здоровью или жизни. В отличие от этого, угроза реализуется исключительно через активные поведенческие проявления. Так, значение угрозы выходит далеко за пределы простого оглашения преступных планов, поскольку жертва испытывает беспокойство не только из-за услышанных слов, но и из-за реальной вероятности их реализации.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что современная судебная практика сталкивается с большим числом неординарных ситуаций, связанных с квалификацией преступлений по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью». Рассматривая преступления подобного рода, важно обращать внимание на временные промежутки между моментом озвучивания угрозы и подготовительными действиями к совершению преступления, специфику поведения виновного и реальные возможности осуществления задуманного. Абсолютно определенную угрозу следует оценивать по общим нормам права, тогда как заявление угрозы, после завершения основного деяния должно быть квалифицировано по совокупности преступлений.

Библиографический список

1. Зотов А.Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 121-126.
2. Кургузкина Е.Б., Хрюкин Е.А. Некоторые вопросы совершенствования квалифицирующих признаков состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) // Территория науки. – 2020. – № 6. – С. 47-51.
3. Останина В.В. Уголовно-правовые вопросы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Новое время – новые исследования: сборник статей – Петрозаводск, 2023. – С. 102-106.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула № 1-958/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IIFraOu1wGrX>.

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н., доцент

**История, проблемы и современные подходы к реализации ст. 221 УПК РФ:
решение прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением**

Стренилов В.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Принятие прокурором решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (актом), является одним из ключевых и одновременно наиболее дискуссионных вопросов в российском уголовном судопроизводстве. От качества и обоснованности решения, принимаемого прокурором, напрямую зависит соблюдение прав граждан, а также эффективность всего уголовного преследования. Актуальность темы обусловлена поиском оптимального баланса между обвинением и защитой, а также необходимостью преодоления «обвинительного уклона».

Исторические корни рассматриваемого института уходят в эпоху Судебной реформы 1864 г. По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. прокурор выполнял функцию «обличения обвиняемого перед судом». После окончания предварительного следствия прокурор составлял обвинительный акт, который был аналогом современного обвинительного заключения. Однако ключевое отличие заключалось в том, что прокурор не утверждал заключение, а самостоятельно формулировал обвинение на основе материалов дела, что подчеркивало его самостоятельную и строго состязательную роль.

В советский период, согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1922 и 1960 гг., роль прокурора кардинально изменилась – на него была возложена надзорная функция. Институт утверждения обвинительного заключения прокурором стал обязательным элементом, призванным обеспечить «качество» предварительного следствия. Прокурор превратился в надзирающего субъекта, что привело к смещению акцента с состязательности на административный контроль. Данная модель была унаследована и Уголовно-процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ) 2001 г., хотя законодатель и провозгласил принцип состязательности сторон в ст. 15 УК РФ.

Современный этап развития института, регламентированный ст. 221 УПК РФ, характеризуется попыткой совместить две противоречивые функции: надзорно-контрольную и функцию стороны обвинения. Эта двойственность и породила основные проблемы в применении норм ст. 221 УПК РФ.

Фактически прокурорская проверка по ст. 221 УПК РФ зачастую сводится к поверхностному установлению формальной полноты проведенного расследования. Проверка достаточности доказательств, их достоверности и допустимости, по сути, предвосхищает судебное разбирательство, что приводит к ситуации, когда суд первой инстанции вынужден повторять ту же работу, которую, согласно закону, должен был выполнить прокурор.

Статистика свидетельствует, что процент отмены или изменения обвинительного заключения прокурором крайне мал. Подавляющее большинство дел утверждается и направляется в суд. Фактически прокурор выступает как «старший обвинитель», что нивелирует смысл его проверки как дополнительной гарантии прав личности.

Законодатель не устанавливает четких, поддающихся проверке критериев, которыми должен руководствоваться прокурор при принятии решений, предусмотренных ст. 221 УПК РФ. Что следует считать «неполнотой произведенного дознания»? Какие именно нарушения норм УПК РФ являются «существенными» для возвращения дела? Отсутствие детализированных стандартов приводит к широкому усмотрению прокурора, а, следовательно, к правовой неопределенности и непоследовательной судебной практике.

Для преодоления выявленных системных проблем требуются как концептуальные

изменения в понимании роли прокурора, так и внедрение конкретных процессуальных и технологических новаций. Наиболее радикальным, но соответствующим состязательному процессу, является предложение об изменении парадигмы роли прокурора при утверждении обвинительного заключения. Вместо надзирающего субъекта прокурор должен стать полноценной стороной обвинения, несущей ответственность за качество и обоснованность сформулированного обвинения. В этой логике его решение об утверждении обвинительного заключения должно быть окончательным актом формирования позиции обвинения, а не контрольной точкой. При таком подходе возвращение дела для дополнительного расследования должно быть существенно ограничено и возможно лишь по ходатайству стороны обвинения перед судом с обязательным извещением защиты. Это перенесет центр тяжести проверки обоснованности обвинения в суд, где она может быть осуществлена в полноценном состязательном режиме.

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в ст. 221 УПК РФ, предусматривающие:

1. Обязательное уведомление защитника и обвиняемого о поступлении дела к прокурору с обвинительным заключением.

2. Предоставление права защите знакомиться с материалами дела на данном этапе и представлять прокурору свои возражения и ходатайства, в том числе о прекращении дела, изменении обвинения или возвращении для производства дополнительных следственных действий.

3. Судебный порядок санкционирования возврата дела для предъявления нового или более тяжкого обвинения. Такое решение не может приниматься прокурором единолично, а только по итогам открытого судебного заседания с участием сторон.

Следует отметить, что цифровизация уголовного судопроизводства открывает новые возможности для повышения эффективности и прозрачности деятельности, регламентированной ст. 221 УПК РФ, среди них:

1. Создание электронного реестра решений прокуроров. Публикация обезличенных данных о типах принимаемых решений, основаниях возвращения дел и т.д. позволит выявить системные проблемы и сформировать единообразную практику.

2. Разработка и внедрение системы искусственного интеллекта (ИИ) для вспомогательного анализа формальных признаков уголовного дела. Алгоритмы могут проверять полноту процессуальных документов, соответствие сроков, наличие необходимых подписей, что освободит прокурора от рутинной работы и позволит сосредоточиться на substantive review.

3. Использование систем электронного документооборота обеспечит прозрачность движения дела, фиксацию всех процессуальных действий и соблюдения сроков, минимизирует риски волокиты и злоупотреблений, обеспечит единообразие применения ст. 221 УПК РФ.

Предлагаемые решения носят комплексный характер и направлены на преодоление выявленных противоречий. Реализация данных предложений позволит превратить утверждение обвинительного заключения из формального решения в действенный инструмент обеспечения качества уголовного преследования и гарантии прав личности, что в конечном итоге будет способствовать укреплению доверия к системе правосудия в целом.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

Научный руководитель – Симонова Т.С., к.ю.н.

Проблемные аспекты применения гражданско-правовых норм при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности

Суринова А.В.

*Донецкий государственный университет
г. Донецк*

Современная экономическая реальность характеризуется активным развитием предпринимательства, но также сопровождается ростом преступлений в сфере экономической деятельности. Неоднозначность толкования гражданско-правовых понятий в уголовном процессе, а также изменения в гражданском законодательстве создают значительные трудности для правоприменителей при квалификации преступлений.

Одной из ключевых проблем, затрудняющих квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности, является бланкетность норм, содержащихся в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В современной России широкое использование бланкетных диспозиций в уголовном законодательстве, отсылающих к «неуголовным» нормативным правовым актам для определения признаков составов преступлений, порождает проблему недостаточной четкости и согласованности уголовно-правового регулирования. Эта проблема проявляется в неопределенности перечня нормативных актов, необходимых для раскрытия бланкетных норм, что затрудняет правоприменение и приводит к произвольному толкованию закона. Также следует отметить проблему нарушения нормативной иерархии: признаки состава преступления, закрепленные на уровне закона, нередко уточняются подзаконными актами, что вступает в противоречие с принципом законности. Кроме того, изменения в отраслевом законодательстве, на которое ссылаются бланкетные нормы, порождают конкуренцию редакций и создают правовые коллизии, особенно при решении вопроса о применении уголовного закона с обратной силой. Зачастую законодатель использует в диспозициях статей Особенной части абстрактные понятия, не указывая, к законодательству какой отрасли следует обращаться [1, с. 1255-1256]. Предлагаемое решение в виде создания единого перечня нормативных актов, к которым осуществляется отсылка, представляется труднореализуемым из-за объема и изменчивости законодательства. Возможно приведение в примечаниях к кодексу тех норм, к которым отсылает уголовно-правовая норма, либо использование обобщающих признаков при описании состава преступления с бланкетными диспозициями. В таком случае правоприменитель может не обращаться к отдельным «неуголовным» актам, если в диспозиции есть признаки-понятия.

Существенную трудность представляет терминологическая неопределенность: понятия «экономические преступления», «преступления в сфере экономики» и «преступления экономической направленности» часто смешиваются, из-за различий в формулировках и трактовках этих понятий в научной литературе и правоприменении нередко возникает неопределенность относительно их разграничения. В таких условиях часть исследователей приравнивает понятие преступлений экономической направленности к преступлениям, предусмотренным гл. 22 УК РФ, то есть к деяниям в сфере экономической деятельности, тогда как другие ученые идентифицируют их с преступлениями, совершаемыми в сфере экономики. Ученые подчеркивают необходимость системного анализа, основанного на законодательстве, доктрине и экономической теории, для выделения ключевых признаков: совершение в процессе производственно-хозяйственной или финансовой деятельности (или под ее видом), наличие экономической мотивации (не только целей, но и мотивов, в отличие от узкой телеологической интерпретации), а также отсутствие связи с «черными» криминальными рынками. Они предлагают собственное определение, охватывающее преступления гл. 22 УК РФ и другие с экономической мотивацией, и анализируют объект (общественные отношения в экономике), объективную сторону

(преимущественно активные действия, часто формальные составы), субъективную сторону (умышленная вина, с возможными специальными субъектами) и субъект (лица от 16 лет, включая должностных). Проблема усугубляется тем, что ведомственные интересы (например, в криминальной статистике) влияют на классификацию, а зарубежный опыт (в США и Германии) показывает отсутствие единой группировки, что требует унификации для эффективного противодействия таким преступлениям. В итоге, представляется необходимость выработки научно обоснованного критерия для отграничения от общеуголовных преступлений, чтобы избежать путаницы и повысить эффективность правоприменения.

В современных исследованиях, посвященных уголовному праву, особенно в контексте преступлений экономической направленности, часто наблюдается недостаток системных подходов к анализу взаимосвязей между уголовным и гражданским правом. Это проявляется в отсутствии комплексного рассмотрения, где нормы этих отраслей права рассматриваются не изолированно, а как элементы единой правовой системы, влияющие друг на друга. В результате возникают существенные ошибки в определении признаков составов преступлений, что затрудняет правильную квалификацию деяний, отграничение уголовно наказуемых преступлений от гражданско-правовых деликтов (например, нарушений договорных обязательств или недобросовестной конкуренции) и, в конечном итоге, нарушает принцип системности законодательства – фундаментальный принцип, согласно которому все нормы права должны быть согласованы и не противоречить друг другу, обеспечивая единство правового регулирования [3, с. 9-10].

Одним из ключевых аспектов этой проблемы является недооценка влияния норм гражданского права на процесс криминализации деяний. Например, в практике часто используются нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) как «от противного» для установления незаконности экономических действий: если поведение не соответствует гражданско-правовым стандартам (скажем, принципам добросовестности или справедливости в сделках), оно может быть признано преступным. Однако такой подход упрощает анализ и игнорирует более глубокие связи. Нормы ГК РФ не только помогают интерпретировать уголовные составы, но и напрямую влияют на законодательный уровень — они формируют базовые понятия (например, «имущество», «обязательства», «предпринимательская деятельность»), которые затем интегрируются в УК РФ. Недооценка этого ведет к тому, что изменения в гражданском законодательстве (например, реформы в области корпоративного права или защиты прав потребителей) не учитываются при обновлении уголовных норм, что создает пробелы и несогласованность. В итоге, исследователи и практики сталкиваются с трудностями в отграничении: одно и то же поведение может квалифицироваться по-разному — как гражданский деликт (с последствиями в виде компенсации ущерба) или как преступление (с уголовной ответственностью), в зависимости от интерпретации, что подрывает предсказуемость права и справедливость. Предлагается провести комплексный анализ межотраслевых связей на уровне доктрины и законодательства, включая философские аспекты уголовного права для лучшего понимания охраняемых отношений и внедрить обязательное обращение к гражданско-правовым дефинициям при формулировании статей УК РФ и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, чтобы избежать искажения понятийно-категориального аппарата.

Таким образом, эффективное противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности затруднено из-за следующих взаимосвязанных проблем: бланкетности норм УК РФ, приводящей к неопределенности и произвольному толкованию закона; терминологической неопределенности, усложняющей разграничение преступлений экономической направленности от других правонарушений и недостатка системного подхода к анализу взаимосвязей между уголовным и гражданским правом, приводящего к ошибкам в квалификации и нарушению принципа системности законодательства. Решение требует комплексного подхода, включающего уточнение терминологии, совершенствование

законодательной техники и учет влияния гражданско-правовых норм на уголовно-правовое регулирование.

Библиографический список

1. Гудкова Д.М., Кленова Т.В. Проблемы уяснения и применения уголовно-правовой нормы с бланкетной диспозицией // VI Королевские чтения: Международной молодежной научной конференции, посвященной 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина, в 3 томах. Самара. – 2021. – Т 3. № 1. – С. 1255-1256.
2. Ларина Е.А. Понятие и особенности преступлений в сфере экономической деятельности // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. – 2024. – № 2 (54). – С. 27-34.
3. Батютина Т.Ю. Роль норм гражданского права в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. – 28 с.

Научный руководитель – Тимошенко Н.А., к.ю.н., доцент

**Проблема предоставления военными комиссариатами материалов в делах
об уклонении от прохождения военной службы**

Тимошенко Е.А.

*Донецкий государственный университет
г. Донецк*

В современных реалиях остается актуальной проблема передачи военкоматами в правоохранные структуры документов, не содержащих фактических оснований для преследования за уклонение от прохождения военной службы. В период повышенной боеготовности привлечение к уголовной ответственности за уклонение от воинской обязанности становится особенно важным. Вместе с тем наблюдаются недостатки в документации, предоставленной военными комиссариатами органам правопорядка, что создает значительные трудности для следственных органов и снижает результативность призывной компании.

Основанием для начала уголовного производства по ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) служат материалы, поступающие из военных комиссариатов. Именно эти материалы являются первичным источником о необходимости уголовного преследования лиц, уклоняющихся от военной службы. Это создает определенные сложности, так как данные материалы не всегда позволяют эффективно привлекать к ответственности тех, кто действительно избегает несения воинского долга.

В ходе расследований сотрудники правоохранительных органов нередко сталкиваются с некачественными материалами, предоставленными военными комиссариатами, а также с ошибками в их оформлении. Анализ причин, по которым отказываются в возбуждении уголовных дел по ст. 328 УК РФ, показывает, что распространенным фактом является пренебрежение сотрудниками военных комиссариатов требованиями, прописанными в ч. 2 ст. 31 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон о воинской обязанности и военной службе) [1].

Сложности возникают на практике, когда повестки вручаются не лично призывнику, а его родственникам, что противоречит требованиям закона. Кроме того, бланки повесток зачастую не содержат обязательного указания о юридической ответственности за неявку, как это определено законодательством [2]. Если бы в повестке также указывалось и ответственность для лиц, подписывающих повестку, можно было избежать существенных проблем.

Нередки случаи, когда дата явки в военкомат, указанная в повестке уже прошла на момент ее вручения. Это является явным признаком нарушения установленной процедуры оповещения. Подобные упущения могут затруднить или сделать невозможным установление умысла в уклонении от службы, что является определяющим моментом уголовного

преследования по ст. 328 УК РФ.

На этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела ключевым моментом является выяснение следователем наличия либо отсутствия у призывника уважительных причин неявки в военный комиссариат по повестке, либо по месту прохождения альтернативной гражданской службы.

В качестве веских оснований для неявки рассматриваются, в частности, заболевание или увечье гражданина, повлекшие утрату трудоспособности, тяжелое состояние здоровья близких родственников (отца, матери, жены, мужа, сына, дочери, родного брата, родной сестры, бабушки, дедушки или усыновителя), участие в похоронных церемониях указанных лиц, а также форс-мажорные обстоятельства или иные причины, не зависящие от воли гражданина. Вместе с тем следователь не вправе по своему усмотрению расширять данный перечень, так как это исключительная прерогатива призывной комиссии, комиссии по первоначальной постановке на воинский учет либо суда [3, с. 115].

Из всего вышесказанного, можно определить, что на практике выделяют случаи, когда в органы дознания предоставляют материалы неудовлетворительного качества, предназначенные для инициирования уголовного дела по ст. 328 УК РФ. Например, военкомат передает документы, в которых отсутствует личная подпись призывника на повестке. Вместо персональной подписи документ заверяется подписью члена его семьи, что идет вразрез с положениями ч. 2 ст. 31 Закона о воинской обязанности и военной службе. Вследствие этого, персональное извещение не имеет подтверждения, и следственные органы вынуждены отказать в возбуждении уголовного производства. Другой распространенный пример – отправка военными комиссариатами материалов, не содержащих информации о возможных уважительных причинах для неявки призывника. В таких случаях повестка может быть вручена уже после даты, указанной для явки в военкомат, а в сопроводительных документах отсутствует объяснение причин отсутствия призывника в установленный срок.

В результате для решения проблемы предоставления военными комиссариатами в правоохранные органы материалов, не содержащих юридически значимых фактов уклонения от военной службы, необходимо:

- внедрить систему внутреннего контроля в военных комиссариатах, обеспечивающую соблюдение положений ч. 2 ст. 31 Закона о воинской обязанности и военной службе. Эта система должна включать проверку аутентичности подписи призывника на повестке, соответствие даты явки текущему времени и наличие разъяснений о правовых последствиях;

- разработать стандартизированный электронный шаблон повестки и сопроводительных документов для исключения распространенных ошибок (например, указание прошедшей даты явки или отсутствие предупреждения о последствиях);

- обязать военкоматы сопровождать каждое обращение в правоохранные органы лаконичной аналитической справкой. Данная справка должна содержать заключение о наличии/отсутствии уважительных причин неявки призывника, подкрепленное юридическим обоснованием направления материалов в соответствующие органы;

- рассмотреть вопрос о совершенствовании предоставлении повестки в электронном виде на сайте Госуслуг, добавив к ней форму. Указанная форма должна содержать информацию прочитал ли призывник письмо, явится/не явится ли он в военкомат, почему не сможет прийти, согласно перечню уважительных причин, установленных законодательством, и информацию об ответственности за неявку в военкомат;

- разработать робота со встроенным искусственным интеллектом и возможностью прямой видео-трансляции, для доставки повесток.

Данные предложения, полагаем, помогут урегулировать возникшие проблемы, связанные с предоставлением военными комиссариатами материалов для привлечения к уголовной ответственности лиц, уклоняющихся от прохождения военной службы.

Библиографический список

1. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ // Доступ из справ.-

прав. системы Консультант Плюс.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.04.2023 № 127-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.

3. Волюнец К.В. Неявка вызываемых в суд лиц одна из основных причин нарушения разумных сроков рассмотрения уголовных // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 115-117.

Научный руководитель – Бабичева Н.А., к.ю.н., доцент

Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон при совершении преступления с двумя объектами

Ульрих А.Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает возможность прекращения уголовного дела по неребилитирующим основаниям, самым распространенным из которых является институт примирения сторон. Условия прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон регламентированы в ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Несмотря на практическую востребованность данного института, в его толковании и применении существует большое количество пробелов, одним из которых является возможность примирения сторон при совершении преступления, посягающего на два объекта, например, преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 264 УК РФ, где в качестве объектов выступают жизнь и здоровье человека, а также безопасность движения и эксплуатации транспортных средств. На первый взгляд, анализируя положения ст. 76 УК РФ, при отсутствии у виновного судимости и возмещения ущерба в полном объеме, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является законным и обоснованным, ведь законодатель предусмотрел переход прав умершего потерпевшего его родственникам. Однако в судебной практике до сих пор не сложилось однозначного мнения по данному поводу.

Так, в производстве Железнодорожного районного суда г. Барнаула находилось уголовное дело, по которому гражданин А., нарушив правила дорожного движения, допустил столкновение со стоящим автомобилем, вследствие чего машину отбросило на пешехода, проходящего рядом, от полученных травм пешеход скончался. С учетом ряда смягчающих вину обстоятельств, принимая во внимание, что требования ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ соблюдены, отец потерпевшего не возражал против прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и суд вынес соответствующее постановление [3]. В судебных прениях государственный обвинитель высказался против прекращения уголовного дела, обосновывая свою позицию тем, что даже несмотря на примирение сторон, он не сможет просить у суда назначить дополнительное наказание, например, лишение права управления транспортным средством, для того, чтобы предотвратить совершение новых преступлений в сфере эксплуатации транспортных средств. Однако позицию государственного обвинителя суд не учел.

Наряду с такими решениями, существует большое количество уголовных дел, по которым вынесены обвинительные приговоры в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести, повлекшие по неосторожности смерть человека. В данном случае суд мотивирует невозможность прекращения уголовного дела тем, что цели уголовного судопроизводства при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон не будут достигнуты в полной мере.

На наш взгляд, данная позиция является обоснованной, в первую очередь в связи с тем, что в рассмотренном примере уголовного дела отец потерпевшего выполняет только процессуальную функцию. Факт того, что он не имеет претензий к потерпевшему является его субъективным мнением. Аналогичной позиции придерживается и С.Е Суверов, который в своих научных трудах утверждает, что согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является его неотъемлемым правом, несмотря на позицию Верховного Суда РФ [4]. Мы согласны с данной позицией, на наш взгляд, при прекращении уголовного дела по данному основанию в первую очередь необходимо учитывать принцип соразмерности. Это означает, что наказание за преступление должно соответствовать общественной опасности, тяжести преступления. Несмотря на то, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ относится к категории преступлений средней тяжести, его последствия является неотвратимыми. В.Н. Винокуров утверждает, что при решении данного вопроса также необходимо учитывать важность каждого объекта преступления [5]. В данном случае, невозможно оценить жизнь человека денежной суммой или же каким-либо действием, которое бы могло загладить причиненный вред. В первую очередь, при вынесении таких решений суд не учитывает принцип справедливости.

В связи с вышеизложенным мы считаем необходимым дополнить ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ частью 2, в которой будет регламентирован прямой запрет на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в случае смерти потерпевшего, наступившей в результате преступления. На наш взгляд, такое нововведение позволит в полной мере защитить права потерпевшего, причем такая защита будет гарантирована именно на государственном уровне. Важность данного запрета обоснована тем, что близкие родственники, которые, казалось бы, защищают права и интересы потерпевшего, не всегда являются добросовестными. Мы не можем исключать того, что лицо, принимающее на себя права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ, не будет руководствоваться корыстными мотивами. Законодательный запрет на прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по преступлениям, в результате которых наступила смерть потерпевшего, позволит не только восстановить социальную справедливость, но и предупредить совершение новых преступлений.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: Федеральный закон (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
3. Постановление Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 17.05.2023 // Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края.
4. Суверов С.Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2022. – 23 с.
5. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 16-21.

Научный руководитель – Арсенова Н.В, к.ю.н.

Противоречия в квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма по признакам, характеризующим субъективную сторону

Чубенко А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Вопрос определения признаков, характеризующих субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» [1], на протяжении последних лет вызывает острые научные и практические дискуссии. Несмотря на кажущуюся очевидность состава преступления, его субъективная сторона порождает ряд противоречий при правоприменении.

Субъективная сторона – один из наиболее сложных элементов данного состава. По общему правилу, преступление совершается с прямым умыслом: лицо осознает ложность сообщения и желает его распространения. Субъективная сторона ложного сообщения о теракте – это всегда прямой умысел. Человек отдает себе отчет в том, что его сведения о готовящемся теракте – ложь, но все равно их распространяет, сея панику среди людей. Такие действия расшатывают общественный порядок. Мотив данного преступления – хулиганские побуждения, что является обязательным факультативным признаком рассматриваемого состава.

В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 45 от 15 ноября 2007 г. «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» под уголовно наказуемыми действиями, совершенными из хулиганских побуждений, подразумеваются намеренные акты, направленные против человека или его собственности, которые совершены либо без причины, либо по ничтожному поводу [2]. В данном случае представляется, что, когда человек сообщает ложную информацию о теракте, он просто не думает о возможных последствиях.

Так, гражданин С., будучи в состоянии алкогольного опьянения, позвонил со своего мобильного телефона в прокуратуру Ленинского района г. Ульяновска и сообщил помощнику прокурора, что через несколько часов подожжет здание, при этом С. знал, что информация ложная. Помощник прокурора, восприняв угрозу реально, доложил о случившемся прокурору района. С., не останавливаясь на этом, пришел в прокуратуру и повторно сообщил помощнику прокурора о готовящемся поджоге. Тот, в свою очередь, передал информацию старшему помощнику прокурора, который сообщил данную информацию полиции для проверки. С. был задержан полицией прямо в прокуратуре. Предварительное расследование показало, что его обвиняют в ложном сообщении о готовящемся акте терроризма (ч. 1 ст. 207 УК РФ). Утверждается, что это могло создать угрозу для людей и имущества [3].

В ранее действующей редакции ст. 207 УК РФ не требовалось для квалификации наличия мотива: «из хулиганских побуждений» либо «в целях дестабилизации деятельности органов власти». Это позволяло судам одинаково рассматривать все ложные сообщения о теракте, не вдаваясь в конкретные мотивы совершенного преступления. В настоящее же время возникает вопрос: как квалифицировать такое преступление, если оно совершено при наличии корыстного мотива или личной неприязни? На практике в связи с этим возникают сложности при применении ч. 1 и ч. 3 ст. 207 УК РФ.

Так, 8 апреля 2024 г., в период с часу ночи до половины второго гражданин И.М.А., испытывая неприязнь к полиции позвонил по номеру 112 со своего телефона и сообщил оператору ложную информацию о готовящемся взрыве. Он сказал, что включил газ и

собирается взорвать дом, что приведет к жертвам, порче имущества и другим проблемам, указав при этом, что у полиции есть семь минут на реагирование [4]. Совершение данного деяния по другим мотивам (из мести, из корыстных побуждений, из ревности и др.) не подпадает под действие ч. 1 ст. 207 УК РФ.

По мнению известного ученого в области уголовного права, А.И. Рарога, современная наука, занимающаяся изучением преступлений, в большинстве случаев трактует корыстный мотив как стремление получить материальную пользу. Это может быть личная выгода, когда человек действует, чтобы улучшить свое собственное финансовое положение, либо выгода для других людей, которые ему безразличны. Автор уточняет, что речь идет не просто о любом желании получить что-то ценное, а именно о мотивации, основанной на корысти. То есть, преступник совершает деяние, в первую очередь, ради получения материальных благ, будь то деньги, имущество или иные ценности, которые можно оценить в денежном эквиваленте [6, с. 757].

Каждое сообщение об акте терроризма приносит торгово-развлекательным центрам существенные убытки, наносит серьезный удар по их репутации. Так, в 2015 г. ТРК «Галерея» лишилась более 30 крупных арендаторов после многочисленных звонков Dilinger team [5]. Причем данное деяние нельзя квалифицировать по ч. 1 ст. 207 УК РФ, т.к. здесь движущим инструментом выступает корысть, а не желание продемонстрировать пренебрежительное отношение к окружающим (хулиганство).

Те же проблемы возникают у правоприменителей и при квалификации деяний в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 2 ст. 207 УК РФ). Ложное сообщение о теракте – это форма ложного доноса. Тут возникает ситуация, когда конкурируют две статьи УК РФ: ст. 306 (ложный донос) – общая, а ст. 207 (ложное сообщение о теракте) – специальная. По закону (ч. 3 ст. 17 УК РФ) наказывать нужно по специальной статье. Как представляется, если у человека, сообщившего ложную информацию, не было хулиганских мотивов или цели дестабилизировать власть, то его действия нужно рассматривать по ст. 306 УК РФ.

Таким образом, проблема квалификации субъективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма остается одной из самых дискуссионных в уголовном праве России. Необходим дальнейший анализ судебной практики и научное осмысление проблемы для выработки единых стандартов толкования и применения норм уголовного закона с учетом современных вызовов и угроз безопасности общества. Изменения, внесенные в ст. 207 УК РФ мешают судам правильно оценивать действия преступников. Как представляется, есть два выхода. Во-первых, необходимо исключить из ч. 1 и ч. 3 ст. 207 УК РФ обязательный мотив преступления, чтобы расширить перечень возможных мотивов. Многие авторы это поддерживают, так как это позволит привлекать к ответственности даже в случае отсутствия мотивов хулиганства. С одной стороны, требование наличия хулиганских мотивов в ложном сообщении о теракте не отражает опасности поступка, с другой – хулиганские мотивы (ч. 1 ст. 207 УК РФ) и дестабилизация власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ) не объясняют все возможные мотивы данного деяния. Вред человеку, обществу и государству может быть нанесен и при личных мотивах. Во-вторых, если хулиганских мотивов или цели дестабилизировать власть нет, необходимо назначать наказание по ст. 306 УК РФ, так как она охватывает все виды ложных доносов.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.
3. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска по уголовному делу № 1-13/2021 (1-304/2020) ч. 1 ст. 207 УК РФ (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/469439.html>.

4. Приговор Новоузенского районного суда Саратовской области № 1-40/2019 от 17 ноября 2019 г. по делу № 1-40/2019 от 18.11.2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QuTQ8>.
5. Деловой Петербург [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QuTXD>.
6. Энциклопедия уголовного права: в 35 т. Т. 4. – СПб., 2005. (автор главы – А.И. Рарог). – 840 с.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н., доцент

Вопросы квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, в современной судебной практике Российской Федерации

Шановал А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция роста преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий. По данным МВД России, доля таких деяний превысила 40%, из которых значительная часть связана с кражами и мошенничеством [1]. Дистанционные хищения денежных средств приобретают системный характер, что указывает на необходимость пересмотра подходов к их квалификации и расследованию.

Такая динамика свидетельствует не только о росте киберпреступности, но и о недостаточной эффективности существующих механизмов уголовно-правовой защиты. Представляется, что проблема кроется в запаздывании правовой системы по отношению к технологическому развитию финансовых инструментов.

Разграничение преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, определяется способом хищения. Кража (ст. 158 УК РФ) предполагает тайное изъятие чужих средств, включая безналичную оплату чужой картой, тогда как мошенничество (ст. 59 УК РФ) совершается путем обмана или злоупотребления доверием. Хотя в 2012 году была введена специальная статья, посвященная мошенничеству с электронными средствами платежа (ст. 159.3 УК РФ), на практике ее применение вызывает сложности из-за размытых границ между составами преступлений. Верховный Суд РФ разъясняет, что оплата товара чужой картой квалифицируется как кража [2], тогда как обманное побуждение потерпевшего к переводу средств, по мнению ученых, должно квалифицироваться как мошенничество [3; 4].

Вместе с тем анализ приговоров показывает, что даже при наличии единых разъяснений Верховного Суда РФ квалификация аналогичных действий судами нижестоящих инстанций остается неоднородной. Это свидетельствует о том, что правоприменение опирается скорее на фактические обстоятельства, чем на юридически четкие критерии. В результате возникает правовая неопределенность, затрудняющая прогнозирование исхода дел и формирование единообразной судебной практики. Такая ситуация особенно характерна для дистанционных хищений денежных средств, где форма совершения преступления и используемые технические средства значительно разнообразны. Неоднородность в квалификации также осложняет работу следственных органов и адвокатов, так как одни и те же действия могут быть квалифицированы по-разному в зависимости от субъективной оценки судьи или конкретных доказательств, представленных в деле.

С технической стороны преступления с использованием электронных средств платежа связаны главным образом с созданием фальшивых сайтов и приложений, имитирующих банковские сервисы [5]. Через такие ресурсы злоумышленники получают реквизиты карт и похищают средства, используя поддельные платежные платформы, в том числе с QR-кодами. Несмотря на то, что электронные транзакции оставляют цифровой след, преступники

применяют методы маскировки, что осложняет расследование. Российское законодательство учитывает подобные способы: перехват информации с банковских карт специальными устройствами квалифицируется как кража (ст. 158 УК РФ) [2].

Анализ судебной практики показывает, что подходы к квалификации преступлений с использованием электронных средств платежа постепенно стабилизируются. Так, суды все чаще признают кражей оплату чужой картой без согласия владельца, подчеркивая, что форма электронного расчета не меняет сущности хищения [4]. При добровольном переводе денег потерпевшим на счет злоумышленника – действия квалифицируются как мошенничество. Эти решения подтверждают тенденцию: если доступ к средствам осуществляется без помощи потерпевшего, то речь идет о краже; при обмане или злоупотреблении доверием – о мошенничестве.

Вместе с тем отсутствие единых критериев разграничения подобных деяний сохраняет разночтения в судебной практике. Представляется целесообразным закрепить на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ подход, при котором решающим фактором является характер доступа к денежным средствам – изъятие без участия потерпевшего либо добровольное введение в заблуждение. В целом, складывающаяся судебная практика демонстрирует стремление правоприменителей адаптировать уголовно-правовые нормы к цифровой среде. Однако без законодательного уточнения критериев разграничения составов преступлений подобные решения остаются во многом ситуативными.

Библиографический список

1. О состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // МВД России. [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3QuTtq>.
2. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики № 3 (2021) // Доступ из справ-прав. системы Консультант Плюс.
3. Воробьева А.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: разграничение со смежными составами // Вестник современных исследований. – 2024. – № 4-3. – С. 115-121.
4. Парыгина Д.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблема отграничения от кражи // Молодой учёный. – 2024. – № 41 (540). – С. 198-200.
5. Тюнин В.И. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: вопросы правоприменения // Современное право. – 2023. – № 9. – С. 52-60.

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н., доцент

Принудительные меры воспитательного воздействия: недостатки и пути совершенствования

Шваб Л.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Проблема преступности среди несовершеннолетних требует комплексного подхода. Наказание, как мера государственного принуждения, отходит на второй план. Уголовно-правовые меры должны быть альтернативой. В действующем Уголовном кодексе РФ (гл. 14) не прописаны цели принудительных мер воспитательного воздействия, что является серьезным упущением. Этот вопрос активно обсуждается в юридической литературе.

Многие специалисты считают, что главные цели таких мер – исправление несовершеннолетних преступников и недопущение новых преступлений с их стороны. То есть, меры воспитательного воздействия должны помочь подростку сформировать позитивные качества, уважительное отношение к окружающим, к собственности и природе. Важно, чтобы подросток избавился от недостатков воспитания.

Запрет на лишение свободы для несовершеннолетних и замена его на другие виды наказаний, даже если осужденный уклонялся от первоначального наказания, отражает гуманный подход, учитывающий возрастные особенности преступников. Но при этом снижается значимость санкции как обязательной государственной меры. В законодательстве отсутствуют механизмы, которые позволили бы обеспечить исполнение таких наказаний. Альтернативные меры могут быть эффективными для достижения цели исправления, учитывая возраст правонарушителей.

Чтобы принудительные меры воспитательного воздействия работали, необходимы квалифицированные специалисты во всех структурах, участвующих в расследовании и рассмотрении дел. Такие эксперты нужны не только в судах, подразделениях по делам несовершеннолетних и комиссиях, но и в прокуратуре, и адвокатуре.

Институт принудительных мер воспитательного воздействия нуждается в доработке. Необходимо законодательно закрепить цели этих мер, расширить основания для их применения и усовершенствовать режим исполнения. Также нужно восстановить институт социальных педагогов. Важнейшая задача – повышение квалификации сотрудников всех ведомств, имеющих отношение к расследованию, рассмотрению уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних и исполнению судебных решений.

Анализируя предупреждение как метод воспитательного воздействия, следует согласиться с мнением, высказанным в теории уголовного права, что оно не очень помогает и лучше всего работает в сочетании с другими мерами [4, с. 237]. Само по себе предупреждение вряд ли исправит подростка.

Передача подростка под присмотр родителей или опекунов требует особого внимания. К сожалению, многие семьи сейчас не могут в полной мере защитить детей от преступности. Это отмечается, например, в Федеральном законе № 120-ФЗ от 24 июня 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [3], где говорится о семьях, находящихся в сложной ситуации. Поэтому передавать подростка можно только тем родителям или опекунам, которые действительно могут на него положительно повлиять. Если родители сами ведут асоциальный образ жизни, то смысла в этом нет. И, конечно, эта мера не применяется к подросткам, состоящим в браке – они уже считаются взрослыми. Присматривать за подростком могут не только родственники, но и специальные организации, например, социальные службы.

Главная задача – помочь несовершеннолетнему вернуться к нормальной жизни, чтобы он больше не совершал преступления и отказался от девиантного поведения. Часто такое поведение связано с тем, что у подростка деструктивные отношения с обществом: проблемы в школе, с семьей, с друзьями [5, с. 133]. Принудительные меры воспитательного воздействия должны помочь подростку восстановить эти связи и научиться вести себя согласно принятым социальным нормам. Их цель – помочь несовершеннолетнему стать частью общества. Важно, чтобы подросток захотел жить по общепринятым правилам.

Учитывая, что несовершеннолетние – самая незащищенная категория людей, на которых легко повлиять, уголовная ответственность не должна нарушать их права. Главная цель – защитить их права и интересы. Любые меры, применяемые к подросткам, должны защищать их от негативного влияния и деструктивных факторов. Важно не сломать подростку жизнь, а помочь ему исправиться и стать полноценным членом общества.

Следует отметить, что в примерный перечень мер воздействия, предусмотренный Пекинскими правилами [1] – минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, входят опека, руководство и надзор, пробация, работа на благо общины, компенсация и реституция, участие в групповой психотерапии и т.д. Как можно отметить, далеко не все меры нашли свое отражение в российском законодательстве.

В России сейчас активно обсуждают, как ввести пробацию для подростков, совершивших преступления, в качестве альтернативы обычному наказанию. Пробация

позволяет подросткам вернуться к нормальной жизни, избежав тюремного заключения. Важная часть пробации – это групповая психотерапия, которая помогает подросткам понять, почему они так себя вели, научиться контролировать себя и выстраивать общение с другими. Групповой характер занятий дает возможность научиться понимать собственные чувства, чувства других людей и анализировать последствия своих поступков.

Исходя из вышесказанного, предлагается в целях совершенствования законодательства к уже существующим видам принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) добавить п. «д» следующего содержания: «пробация и участие в групповой психотерапии». Исследования говорят, что если в программу пробации входит групповая терапия, то подростки реже совершают повторные преступления (на 30% реже, чем при обычных наказаниях). Главное – квалифицированные специалисты и индивидуальный подход к каждому. Если объединить контроль (пробация) и поддержку (групповая терапия), то у подростков, совершивших противоправные деяния, больше шансов встать на путь исправления. В целом, объединение пробации и групповой психотерапии – это хороший способ изменить систему воспитания подростков в России. Кроме того, это согласуется с Пекинскими правилами, что обеспечивает поддержание российским законодательством международных стандартов [1]. Эти правила четко указывают на то, что лишение свободы для несовершеннолетних допускается только в самых крайних случаях, когда все другие варианты исчерпаны и не принесли результатов.

Таким образом, подход к несовершеннолетним правонарушителям должен быть направлен на их реабилитацию и реинтеграцию в общество, а не на наказание как таковое.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QuUWt>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
4. Ахмедханова С.Т., Комоско А.А., Садыков А.А. Принудительные меры воспитательного воздействия, как основной элемент ювенальной юстиции в России // Международный научный вестник. – 2025. – № 4. – С. 237-240.
5. Ромашова М.В. Недостатки законодательного регулирования порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия // Сибирский юридический форум. Материалы Международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2025. – С. 132-134.

Научный руководитель – Штаб О.Н., к.п.н., доцент

Проблема разграничения способов совершения мошенничества

Шепелева А.С.

*Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск*

Мошенничество, как уголовно наказуемое деяние, относится к числу наиболее распространенных преступлений против собственности. Его характерной чертой является способ совершения – обман или злоупотребление доверием. В российском уголовном законодательстве нет четкого разграничения между злоупотреблением доверием и обманом. Оба этих понятия охвачены ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая касается мошенничества. Это создает трудности в правоприменении и может привести к неоднозначным трактовкам. Для эффективного противодействия мошенничеству крайне важно точное понимание природы преступлений, совершаемых путем

злоупотребления доверием и обмана. В связи с этим, в данной статье предлагается подробнее рассмотреть проблему разграничения способов совершения мошенничества.

Ключевая проблема заключается в том, что эти два способа часто неразрывно связаны между собой, но от их квалификации может зависеть оценка действий виновного и даже состав преступления. Однако в законодательстве между понятиями «обман» и «злоупотребление доверием» поставлен разделительный союз «или», что приводит к тому, что данные способы совершения мошенничества рассматриваются как разные категории, требуют разграничения при квалификации, и, в теории, не могут использоваться одновременно. При этом анализ судебной практики показывает, что суды часто не различают их и признают наличие обоих способов.

Если же рассматривать данные понятия в теории права, то обман – это активные действия, направленные на введение потерпевшего в заблуждение относительно каких-либо фактов, обстоятельств или намерений. То есть в таком случае потерпевший передает имущество на основе искаженной, ложной информации, которую ему предоставил мошенник. Злоупотребление доверием – это использование существующих доверительных отношений с потерпевшим в корыстных целях. В отличие от обмана, здесь нет активного введения в заблуждение. Доверие уже существует, и мошенник его эксплуатирует. В данном случае потерпевший передает имущество, полностью осознавая все факты, но полагаясь на добросовестность и обязательность виновного, которые тот в итоге нарушает.

Некоторые ученые утверждают, что обман может касаться только прошлого или настоящего, а если речь идет о будущем, то это уже злоупотребление доверием. В рамках такого подхода злоупотребление доверием рассматривается как заведомо ложные обещания [1, с. 123]. Однако следует отметить, что заведомо ложные обещания в научной литературе также трактуются как обман в намерениях, являясь одной из форм обмана [2, с. 68].

Часть исследователей выделяют различия между обманом и злоупотреблением доверием через характер взаимоотношений между виновным и потерпевшим. Обман направлен на собственника или иного владельца имущества, с которым у виновного нет доверительных отношений. В отличие от обмана злоупотребление доверием использует уже существующие доверительные отношения между виновным и собственником или владельцем имущества [3, с. 250]. Однако, как отмечает А.И. Розенцвайг, в чистом виде злоупотребление доверием как самостоятельный способ совершения мошенничества встречается редко [1, с. 123].

Как подчеркивает А.А. Южин, «нельзя говорить о злоупотреблении доверием как самостоятельном способе совершения мошенничества ввиду того, что это не что иное, как обман с более подготовленной почвой для совершения мошенничества» [4, с. 108]. В свою очередь, нельзя не согласиться с данной формулировкой.

Необходимо отметить, что мошенничество всегда связано с обманом. Важно подчеркнуть, что доверительные отношения между преступником и жертвой, которые могут быть обусловлены различными факторами, выступают в качестве вспомогательного обстоятельства. Основная проблема разграничения данных способов кроется в их диалектической связи. Так, любое злоупотребление доверием содержит в себе элемент обмана (обман ожиданий), а любой продолжительный обман часто строится на искусственно созданном доверии.

На сегодняшний день в российской правовой системе выработан следующий подход:

- если лицо совершило активные действия по введению в заблуждение (сообщило ложные сведения) – это является обманом;
- если имущество было получено в силу существовавших доверительных отношений без активного введения в заблуждение, но с умыслом на хищение – это уже будет расценено как злоупотребление доверием.

Однако в подавляющем большинстве реальных дел суды констатируют смешанный способ, избегая жесткого разграничения, что является отражением объективной сложности данного правового явления.

Верное установление состава преступления важно для правильной квалификации действий злоумышленников и назначения справедливого наказания. УК РФ предусматривает различную ответственность за разные способы мошенничества, и неправильная квалификация может привести к необоснованному смягчению или ужесточению наказания.

Чтобы решить проблему разграничения способов совершения мошеннических действий, по нашему мнению, следует уточнить данную норму путем исключения злоупотребления доверием из состава ст. 159 УК РФ и включением его в содержание другого способа – обмана. Это можно сделать, например, путем официального толкования термина «обман» в контексте мошенничества. Такой подход поможет устранить их альтернативность и упростить правоприменительную практику. Но это не означает полного исключения злоупотребления доверительными отношениями между виновным и потерпевшим, которые при таком подходе будут рассматриваться как один из возможных элементов обмана.

Библиографический список

1. Розенцвайг А.И. Способы мошенничества: ретроспективный анализ и теоретико-правовое моделирование // Общество и право. – 2011. – № 1 (33). – С. 121-126.
2. Кузнецова А.Н. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 67-70.
3. Лукашев Г.С. Обман или злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества: проблемы квалификации и совершенствования законодательства // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов. Вып. 52 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2017. – С. 249-256.
4. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2016. – 238 с.

Научный руководитель – Розумань И.В., к.ю.н., доцент

Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств

Шипулина С.М.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является одной из наиболее актуальных и сложных задач, стоящих перед правоохранными органами. Это связано с многообразием форм, методов и организаций, занимающихся производством, распространением и продажей наркотиков. В данном контексте необходимо рассмотреть основные аспекты и особенности расследования таких преступлений, включая правовые вопросы, тактические и методические подходы, а также роль социально-экономических факторов, способствующих росту наркопреступности.

Наркокриминальные сети используют разнообразные схемы для производства, транспортировки и распространения наркотиков. Распространение происходит как на уровне мелких наркоторговцев, так и через международные преступные организации, что усложняет процесс расследования [2].

В качестве средств для укрытия своих действий преступники используют легальные компании, а также активно используют методы маскировки, такие как создание подставных фирм, использование закладок, применение различных социальных сетей для организации сбыта. Данные методы создают дополнительные препятствия для правоохранительных

органов в их стремлении установить и доказать связь между преступным бизнесом и его участниками.

Ключевым элементом расследования наркопреступлений является оперативно-розыскная деятельность. Она включает в себя сбор и анализ информации, проведение наблюдений, выемку и изъятие доказательств. Оперативная работа в данной области требует высокой степени подготовки и профессионализма. Правоохранительные органы сталкиваются с использованием глушилок, технологиями передачи данных, которые затрудняют прослушивание, применяемыми организованными преступными группами, а также использование коррупционных связей для получения информации [5].

Современные технологии играют важную роль в расследовании наркопреступлений. Использование специального программного обеспечения для анализа данных позволяет не только отслеживать цепочки поставок, но и выявлять основные узлы, через которые проходят вещества.

Правоохранительные органы применяют ряд специальных технологий и методик для работы в киберпространстве, особенно в контексте расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Активное использование базы данных о наркопреступлениях позволяет видеть общие тенденции и оперативно реализовывать меры по борьбе с распространением наркотиков [3].

Интернет и социальные сети создают новые возможности для распространения наркотиков, электронные платежи и анонимные службы доставки делают процесс более непрозрачным. В этой связи необходимо адаптировать методы расследования, используя специальные технологии для работы в киберпространстве.

Информация о виде, весе, цене предлагаемого наркотика, а также способах связи и оплаты размещается на сайтах в сети Интернет. Передача наркотиков осуществляется через системы тайников («закладок»), расчеты за сделку посредством различных электронных платежных систем («QIWI-банк», «Яндекс. Деньги», «WebMoney», «E-port», «Кукуруза» и пр.) с использованием виртуальных денег. Особенностью таких сетей сбыта наркотиков является система вербовки и проверки их новых участников, зарекомендовавших себя на интернет-форумах, а также незнание нижестоящими участниками вышестоящих. Это обуславливается не только рекламой в сети Интернет, но и возможностью быстро и легко получить крупный доход от участия в работе по такой схеме. Особенно часто к этому причастна молодежь, имеющая глубокие знания в сфере электронно-вычислительной техники, но плохо знающая российское антинаркотическое законодательство, считающая продажу таких веществ легальной. Кроме того, участие молодых людей в подобном наркобизнесе связано еще и с трудным финансовым положением, отсутствием постоянного заработка, особенно в отдаленных от центра страны регионах. А для лиц, имеющих постоянную работу, такая деятельность также привлекательна, так как не несет большой нагрузки и не мешает основной работе [4].

Подход к борьбе с наркопреступностью должен включать в себя как правоохранительные, так и социальные меры. Сотрудничество с учреждениями образования, здравоохранения и социальными службами дает возможность эффективно противостоять распространению наркотиков [1].

Таким образом, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, представляет собой многофакторный процесс, в котором взаимодействуют правовые, социальные, экономические и технологические аспекты. Комплексный подход к решению рассматриваемой проблемы зависит от способности правоохранительных органов к адаптации и применению современных методов и технологий.

Библиографический список

1. В ГУ МВД России по Алтайскому краю напоминают об ответственности, предусмотренной за незаконный оборот наркотиков [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QuaWS>.

2. Как в Алтайском крае борются с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3QuaQ4>.
3. Лапатников М.В., Николаева Т.А., Казнина И.А. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. – М., 2025. – 174 с.
4. О противодействии преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, в том числе их распространению через сети интернет магазинов [Электронный ресурс]. – URL: <https://aleysk22.ru/city/momvd/20536>.
5. Сверчков В.В., Уголовное право. Особенная часть. – М., 2025. – 421 с.

Научный руководитель – Атабаева Т.Ш., к.ю.н.

Разграничение смежных составов дистанционного мошенничества с преступлениями против собственности с использованием информационного-телекоммуникационных технологий

Широков А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

На сегодняшний день в Российской Федерации происходит процесс активного внедрения информационного пространства, направленный на улучшение жизни граждан, однако есть и обратная сторона этого процесса, связанная с увеличением числа преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Например, использование дистанционного банковского обслуживания является очень прогрессивным методом, который позволяет сотрудникам банка минимизировать нагрузку, а клиентам оперативно распоряжаться своими денежными средствами. Однако, это также влияет и на способы совершения хищений денежных средств в цифровом пространстве. Так, злоумышленники получают доступ к чужим денежным средствам, используя фишинговые ссылки, направляя их жертвам под различными, казалось бы, реальными предложениями.

Несмотря на то, что кражи и мошенничества с использованием ИТТ и сети «Интернет» остаются на сегодняшний день самой распространенной формой хищений, следует отметить, что государство и правоохранительные органы в настоящее время принимают самые активные меры противодействия данному виду преступлений. Обеспечение защиты персональных данных на сегодняшний день является приоритетным направлением политики РФ: внедряются более совершенные программы, призванные сократить неправомерный доступ к персональным данным граждан, вводятся новые нормы юридической ответственности за подобные правонарушения (например, статьи 274.3., 274.4. и 274.5 УК РФ, предусматривающие расширение уголовного наказания за нарушение порядка доступа и распространения персональных данных граждан) [3].

Уголовно-правовая характеристика хищений в цифровой форме охватывает три основных состава: кражу со счета электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), мошенничество с электронными платежами (ст. 159.3 УК РФ) и мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Важно отметить, что использование ИТТ в преступных целях осложняет процесс установления лиц, совершивших противоправное деяние, а также ставит новые цели и задачи перед сотрудниками органов внутренних дел, так как именно на первоначальном этапе предварительной проверки материала необходимо дать верную правовую оценку и квалификацию.

На сегодняшний день в области регулирования вопросов уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием ИТТ, одной из проблем является отграничение кражи, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных

денежных средств от смежных составов, что является наиболее распространенным проблемным вопросом при установлении квалификации деяния.

Новшество рассматриваемого вида преступлений наряду со сложностью самой специфики экономического оборота безналичных и электронных денежных средств, криптобирж и криптокошельков в совокупности приводит к ряду проблем при их квалификации.

Наибольшее сходство по форме внешнего проявления совершаемого преступного действия и преступному результату прослеживается в таких составах преступлений, как мошенничество с использованием электронных средств платежа и мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, где предметом состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 и п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ являются электронные денежные средства и денежные средства, размещенные на банковском счете, а по ст. 159.3 УК РФ предметом состава преступления являются денежные средства в целом [1, с. 173].

В перечисленных составах преступлений полностью совпадают признаки непосредственного объекта преступного посягательства и признаки субъективной стороны преступления. Тем не менее, имеется несколько ключевых отличий: формой хищения является, прежде всего, способ их совершения, а именно, тайное хищение денежных средств, мошенничество это обман или злоупотребление доверием, а по ст. 159.6 УК РФ, относящейся к т.н. «компьютерному мошенничеству», в качестве способов совершения противоправного деяния выступают ввод, удаление, блокирование или модификация компьютерной информации, либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации [2, с. 198].

При краже происходит тайное изъятие средств без волеизъявления владельца. Жертва не знает и не совершает никаких действий по переводу средств. При обманном побуждении владельца к совершению платежа, жертва самостоятельно совершает действия по переводу средств. При непосредственном воздействии на компьютерную информацию или системы путем ее блокировки, волеизъявление владельца отсутствует или является фиктивным (имитируется системой).

Представленный алгоритм квалификации позволит более точно разграничить преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, когда предметом преступления являются электронные денежные средства.

Библиографический список

1. Калинина Д.К. Критерии разграничения кражи и мошенничества, совершенных путем незаконного обналичивания денежных средств // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Барнаул, 2025. – С. 173- 174.
2. Нестеров В.Н. Деструктивные методы социальной инженерии при дистанционном мошенничестве // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 195-201.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // СЗ РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4636

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н, доцент

Проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа

Щербакова И.Р.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современное российское законодательство характеризуется направленностью на гуманизацию уголовного наказания и смягчение последствий совершенных правонарушений, в связи с чем система наказаний уголовного права регулярно совершенствуется и пополняется новыми видами воздействия на личность преступника. Одним из таких нововведений является назначение судебного штрафа.

В 2016 г. в Уголовный кодекс РФ [1] была внесена новая гл. 15.2 «Судебный штраф», содержащая две статьи – об определении судебного штрафа и порядке определения размера судебного штрафа; а также новая статья 76.2 – об условиях применения судебного штрафа. Так, лицо, которое в первый раз совершило преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности путем выплаты судебного штрафа. При этом законодатель указывает, что преступник должен возместить ущерб или загладить вред, который был причинен им в результате совершенного преступления.

Статистические данные свидетельствуют о широкой практике применения судебного штрафа. Так, в России в 2022 г. судебный штраф был назначен в 73 491 случаях, в 2023 г. – в 76 992 случаях, в 2024 г. – в 78 858 случаях [3].

Несмотря на активное применение судебного штрафа, введение данной нормы по сей день является дискуссионным вопросом среди исследователей уголовного права о целесообразности его использования, в связи с чем можно выделить два подхода. Сторонники первого подхода считают, что при назначении судебного штрафа не достигается цель в виде восстановления социальной справедливости уже только потому, что согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в «Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)» «согласие (несогласие) потерпевшего на прекращение уголовного дела и освобождение лица от уголовной ответственности не имеет определяющего значения» [2]. Также сомнительным представляется исправительное воздействие судебного штрафа на личность преступника с целью предотвращения совершения им новых преступных деяний. Н.С. Луценко высказывает мнение, что «судебный штраф – это не принудительная мера, она носит «компромиссный характер» между виновным и государством, поэтому изначально не связана с соразмерностью тяжести совершенного преступления и той меры, которая будет выбрана данному лицу» [6, с. 71].

Представители второго подхода, напротив, считают, что судебный штраф является адекватной альтернативой уголовного наказания, так как уже сама процедура его назначения и участие в судебном процессе оказывают необходимое воздействие на личность преступника, тем самым формируя позицию справедливости правосудия и защиту прав законом. Применение же уголовного наказания к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, может повлечь за собой совершение повторных правонарушений и дальнейшую криминализацию личности [4].

Также следует признать наличие проблем в определении законодателем категорий преступлений, при рассмотрении которых возможно назначение судебного штрафа. В ст. 76.2 УК РФ закрепляется, что совершенное преступление должно быть либо небольшой, либо средней тяжести. При этом не учитывается, что совершенное преступление может повлечь тяжелые последствия для потерпевшего, если речь идет о состоянии здоровья [5]. Например, не подлежат уравниванию последствия от преступления против собственности и

преступления экономического характера. Не принимается во внимание, что к преступлениям, характеризующимся средней тяжестью, относятся и те, которые повлекли за собой смерть потерпевшего, причиненную по неосторожности, в связи с чем не представляется возможным определение точного размера ущерба или вреда, подлежащего возмещению.

Рассмотренные проблемы могут вызвать трудности в объективной оценке совершенного деяния и справедливости применения ст. 76.2 УК РФ. В связи с этим необходимо закрепить в ст. 76.2 УК РФ те виды преступлений, ущерб или вред которых может быть оценен однозначно, например, кража (ст. 158 УК РФ) или мошенничество (ст. 159 УК РФ), и дифференцировать размер назначаемого судебного штрафа в зависимости от обстоятельств и последствий совершенного преступления.

Таким образом, судебный штраф является проявлением процесса гуманизации уголовного законодательства, имеющего воспитательное воздействие на личность преступника путем возмещения вреда или ущерба, причиненного совершенным деянием. Несмотря на распространенную практику применения судебного штрафа, существуют определенные проблемы законодательного закрепления данной меры уголовно-правового характера, влияющие на объективность оценки совершенного преступления в соответствии с нормами ст. 76.2 УК РФ и требующие решения для повышения качества правосудия.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 12.
3. Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [сайт]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>.
4. Андреев С.П. Обеспечение принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2022. – 227 с.
5. Бинятов Н.Б.О. Особенности судебного производства по уголовному делу с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Научное образование. – 2022. – № 3 (16). – С. 328-331.
6. Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: монография. – М., 2021. – 184 с.

Научный руководитель – Титаренко А.П., к.ю.н., доцент

Секция 6. Проблемы, тренды и перспективы развития медиапространства современной России

Tone of voice как инструмент позиционирования бренда

Боброва Н.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современный рынок перенасыщен разного рода товарами и услугами. Одна из серьезных коммуникационных проблем заключается в том, что при таком объеме информации о различных продуктах крайне сложно обеспечить идентификацию бренда в массовом сознании независимо от площадки [3]. Поэтому голос бренда является важным компонентом в позиционировании бренда, а именно идентификации. Потребители выбирают не просто продукт, а бренд, с которым им комфортно взаимодействовать. Голос бренда формирует это ощущение комфорта или дискомфорта на подсознательном уровне. В цифровой среде большинство взаимодействий происходит через текст: сайт, соцсети, e-mail-рассылки, чат-боты. Если на различных информационных каналах бренд «говорит» по-разному – доверие к нему падает.

Западные маркетологи используют термин «Tone of voice», который характеризует стиль общения с аудиторией. В России используют два понятия «голос бренда» и «тональность коммуникации». Первый термин используется в более широком значении и включает в себя второй [2].

Голос бренда – это язык, на котором компания общается с аудиторией. А под тональностью мы понимаем «оформление речи в определенном стилевом регистре», «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения». Выделяют такие виды тональности: информативная, фатическая, статусная, шутливая, торжественная, идеологическая, фасцинирующая, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, манипулятивная, менторская и др. [12].

Цель данного исследования заключается в анализе «Tone of voice», как инструмента отстройки от конкурентов компании, формирования идентичности бренда и обеспечения лояльности аудитории.

В качестве предмета исследования выступили такие бренды, как «Авиасейлс», «ВкусВилл», «Milka», «Яндекс», «Бобер Бургер», «Wildberries», «Ozon», «Сбер», а также научные работы других авторов исследований: Е.Е. Ермаковой, М.В. Терских, А.М. Дружининой и А.А. Фадеева.

Для достижения цели использовались сравнительный и описательно-аналитический анализы.

Одни бренды мы «слышим» и запоминаем, а другие растворяются в информационном шуме. Дело в том, что большинство компаний говорят одинаково: формально, предсказуемо, без характера. В таких условиях tone of voice – это не просто стиль письма или набор правил для копирайтеров. Это способ, с помощью которого бренд выражает свою личность через все точки контакта с аудиторией: от рекламы до ответов в поддержке, от постов в соцсетях до текста на упаковке.

Существует несколько типов tone of voice: формальный – характеризуется серьезным и официальным стилем написания текстов; неформальный – все тексты, даже на серьезные темы, пишутся на простом и понятном для аудитории языке; дерзкий и смешной – присуще обращение на «ты», допускаются дерзкие шутки, мемы, сленговые слова; заботливый – такой

тип голоса бренда погружает своих читателей в призму заботливого контента; стилизованный, которому присуще использование стилизованных лексических конструкций или отдельных слов для более четкого позиционирования бренда и эмоциональной окраски.

Рассмотрим, как бренды используют *tone of voice* для позиционирования.

«Бобер Бургер» – сеть молодежных бургерных использует дерзкую, ироничную, местами самоироничную тональность. Общение строится на актуальных мемах, локальном сленге и легкой провокации: «Не обещаем, что станешь счастливее. Но голодным точно не уйдешь». Такой подход создает ощущение своего места, где можно расслабиться и посмеяться, и при этом не теряет ясности [9].

Голос «Яндекса» – это дружелюбная экспертность. Они объясняют сложные технологии простым языком, добавляют немного юмора, но никогда не теряют авторитет: «Поиск работает, карты не врут, такси придет» – коротко и по делу [10].

Магазин «ВкусВилл» выбрал путь «честного соседа». Их коммуникация построена на открытости, заботе о здоровье и семейных ценностях. Они не стесняются говорить о проблемах в отрасли, рассказывают, как выбирают поставщиков, делятся рецептами. Это позиционирует их как «свой» магазин в противовес безликим сетям [5].

Tone of voice бренда «Milka» – уважительный, спокойный и мягкий. Ценности компании заметны сразу: это семья, любовь и тепло. Разделить приятные чувства вместе с близкими очень просто – достаточно собраться вместе за чашкой чая и вкусным шоколадом [6].

Компания «Авиасейлс» создал, один из самых узнаваемых голосов в российском digital-пространстве. Их *tone of voice* – это «друг, который разбирается в путешествиях и не боится пошутить». Они превратили скучную тему поиска авиабилетов в развлечение: «летим дешево» вместо «предлагаем выгодные тарифы», мемы про «а давайте в отпуск» вместо формальной рекламы. В результате, они стали не просто сервисом, а частью культуры путешествий для целого поколения [4].

Маркетплейс «Wildberries» начинал свой путь как типичный интернет-магазин с безликой коммуникацией, а сейчас их *tone of voice* – это «понимающий помощник в мире моды». Они говорят языком своей аудитории, которой являются в большинстве своем женщины, желающие хорошо выглядеть, но не готовы переплачивать [11].

Маркетплейс «Ozon» долго искал свой голос. Сначала копировал «Amazon» – серьезно и технологично. Потом попытался быть «народными» – получилось неубедительно. Сейчас нашли баланс: современные, но понятные, инновационные, но не заумные: например, «доставим завтра» звучит намного выигрышнее, чем «осуществляем логистические операции в кратчайшие сроки» [7].

А вот «Сбер» – пример того, как крупная корпорация пытается изменить *tone of voice* и позиционирование одновременно – от консервативного «Сбербанк России» к молодежному «Сбер»; от формального языка к попыткам быть «в тренде». И получается не всегда органично – старый образ еще слишком силен [8].

Очень важно отметить, что основным критерием при выборе того или иного тона бренда, является эмоциональная составляющая, которая может быть частью рекламной кампании. *Tone of voice* – это всегда неотделимая от фирменного стиля часть взаимодействия с потребителем. Голос бренда – это не самостоятельный инструмент, он является отражением целостности и полноты визуальной аутентификации бренда и его смысловой нагрузки. Преимуществами использования голоса бренда, оказывающими непосредственное влияние на имиджевую составляющую организации являются:

1. *Tone of voice*, как один из составляющих фирменного стиля компании, позволяет добиться того, чтобы покупатели в условиях конкурентной борьбы отдавали предпочтение определенному виду товаров или услуг.

2. Голос бренда может служить «маркером», что помогает выделиться на рынках сбыта, где практически не существует уникального торгового предложения [1].

Можно выделить ключевой принцип адаптации – постепенность. Резкая смена голоса может оттолкнуть существующих клиентов, намного лучше эволюция, чем революция.

Tone of voice работает только тогда, когда он искренний. Попытки «натянуть» чужой голос на свой бренд обречены на провал. Необходимо найти свою интонацию, и аудитория обязательно её услышит.

Таким образом, tone of voice выполняет комплекс задач в целях идентификации бренда, его отстройки от конкурентов:

1. Стиль коммуникации ориентирован на целевую аудиторию.

2. Tone of voice подбирается в соответствии с миссией, целями и принципами компании, ее целевой аудитории.

Tone of voice создает узнаваемость. Когда голос бренда проработан качественно, аудитория узнает его даже в анонимных публикациях. Это мощный инструмент органического продвижения. Tone of voice формирует эмоциональное позиционирование – один и тот же продукт можно позиционировать как премиальный или доступный, инновационный или традиционный, меняя тональность.

Tone of voice выстраивает сообщество вокруг бренда, аудитория объединяется не только вокруг продуктов, но и вокруг ценностей и способа мышления, которые транслирует бренд через свой голос.

Tone of voice перестал быть просто инструментом копирайтинга – он стал стратегическим активом бренда. В условиях информационного шума и высокой конкуренции голос бренда становится основным способом идентификации и построения долгосрочных отношений с аудиторией.

Бренды, которые инвестируют в разработку и поддержание последовательного tone of voice, получают конкурентное преимущество в виде более высокой узнаваемости, доверия и лояльности аудитории.

Библиографический список

1. Дружинина А.М., Фадеев А.А. Влияние Tone of voice на имиджевое восприятие бренда Фадеев // Аспирант. – 2021. – № 5 (62). – С. 96-98.
2. Ермакова Е.Е. Разработка тональности коммуникации для продвижения бренда в социальных сетях // Экономика и социум – 2019. – № 5 (60). – С. 1644-1645.
3. Терских М.В. Специфика вербального брендинга: tone of voice в SMM-коммуникациях // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (43). – С. 136-142.
4. Авиасейлс [офиц. сайт]. – URL: <https://www.aviasales.ru>.
5. ВкусВилл [офиц. сайт]. – URL: <https://vkusvill.ru>.
6. Маркетолог // МТС [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RJdM>.
7. Озон [офиц. сайт]. – URL: <https://www.ozon.ru>.
8. Сбер [офиц. сайт]. – URL: <https://www.sberbank.ru>.
9. Что такое tone of voice и зачем он нужен бизнесу // Сбер Бизнес Live [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RJJig>.
10. Яндекс: официальный сайт. – URL: <https://ya.ru>.
11. Wildberries.ru [офиц. сайт]. – URL: <https://www.wildberries.ru>.
12. Мацнева М.А. Профессиональные авторские видеоблоги: структура, тональность, метакommunikация // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2024. – Вып. 3. – С. 33-39.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Роль интернет-ресурсов в региональных предвыборных кампаниях

Власенко И.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В условиях цифровой трансформации общественно-политических процессов интернет-ресурсы становятся ключевым инструментом предвыборных кампаний. Особенно значима их роль на региональном уровне, где традиционные медиа зачастую ограничены в охвате и оперативности.

Цель данной работы заключается в комплексном анализе роли и эффективности интернет-ресурсов в современных региональных предвыборных кампаниях, а также в выявлении специфики их применения в условиях цифровой трансформации общественно-политических процессов. Современные исследования определяют Интернет как пространство новой политической коммуникации, обладающее следующими свойствами:

- интерактивность – двусторонний диалог между кандидатами и избирателями;
- таргетированность – возможность точечного воздействия на целевые группы;
- оперативность – мгновенное распространение информации;
- экономичность – снижение затрат на агитацию [3].

Так, исследование С.В. Володенкова акцентирует внимание на интерактивности интернет-ресурсов и их использовании для формирования коллективных смыслов и мобилизации сетевой общественности [4]. В.В. Литвин в своей работе подчеркивает интерактивность интернет-ресурсов и их роль в формировании доверительного отношения к политическим позициям через горизонтальные коммуникации. Автор отмечает, что интерактивные возможности интернета позволяют создавать эффект вовлеченности, что связано с технологиями «мягкой силы» [7]. В работе П.В. Ивановой упоминаются такие характеристики новых медиа, как интерактивность, таргетированность, высокий мобилизационный потенциал и нелимитированность [11].

Интернет позволяет мгновенно публиковать и распространять политические сообщения, что значительно ускоряет коммуникационные процессы по сравнению с традиционными СМИ (телевидение, печатные издания). Например, в предвыборных кампаниях онлайн-новости и агитационные материалы становятся доступны аудитории сразу после публикации, что позволяет оперативно реагировать на события и формировать общественное мнение [10].

В российской практике эти характеристики приобретают специфику из-за неоднородности цифровой инфраструктуры регионов, различий в уровне цифровой грамотности населения, а также особенностей регионального медиаландшафта. Анализ региональных кампаний 2020-2024 гг. позволяет выделить ключевые цифровые инструменты, применяемые для продвижения кандидатов. Рассмотрим их детальнее.

1. Официальные сайты кандидатов/партий – базовые платформы для публикации программ, биографии, контактной информации. Их эффективность определяется удобством навигации, адаптивностью под мобильные устройства, наличием интерактивных форм обратной связи.

2. Социальные сети. «ВКонтакте» основной канал коммуникации с молодежью и людьми среднего возраста, «Одноклассники» охватывают старшую возрастную группу (55+ лет), «Telegram» – позволяет распространять аналитический контент и оперативные новости. Например, в 2020 г. партия ЛДПР лидировала по числу подписчиков во «ВКонтакте» (около 135 тыс. чел.), хотя публикационная активность была ниже, чем у «Единой России» (около 106 тыс. чел.). Также партия также присутствовала в «Одноклассниках», хотя активность была ниже, чем во «ВКонтакте». Партия «Новые

люди» активно использует Telegram, особенно для коммуникации с молодежной аудиторией. Например, вице-спикер Госдумы Владислав Даванков демонстрирует высокую вовлеченность (9,5 реакций на подписчика).

3. Видеохостинги (VKVideo, RuTube и т.д.) – платформа для публикации агитационных роликов, трансляций встреч с избирателями, интервью и дебатов и пр. «RuTube» позиционируется как отечественная альтернатива зарубежным платформам. По данным на ноябрь 2024 г., на платформе размещено более 500 тыс. видео на общественно политические темы, включая интервью с экспертами и политические блоги. Однако большинство каналов политических партий все еще остается в видеохостинге «YouTube», так канал «КПРФ ТВ» и проект «Красная Линия» публиковали ролики с выступлениями депутатов, информационно-аналитические программы и развлекательные форматы; канал партии ЛДПР использовался для размещения видео с выступлениями Владимира Жириновского и актуальными материалами, также партия сотрудничала с крупными видеоблогерами и лидерами мнений. Партия «Новые люди» также вела канал на одном из видеохостингов, хотя основной акцент делала на соцсети Telegram и «ВКонтакте».

4. Мессенджеры – инструмент создания локальных чатов, рассылки персонализированных сообщений, оперативного реагирования на запросы. Например, в 2020 г. «Единая Россия» использовала их для рассылки сообщений, призывающих голосовать за кандидатов, через агитационные боты. Сообщения распространялись в родительских чатах и среди работников бюджетных организаций.

Стоит отметить, что с 2023 г. некоторым организациям запрещено использовать некоторые мессенджеры для передачи персональных данных, платежной информации и других чувствительных сведений. Это касается государственных органов, банков, финансовых компаний и других организаций.

5. Региональные онлайн-СМИ и форумы являются площадками для публикации экспертных материалов, обсуждения локальных проблем, формирования повестки. Например, КПРФ активно использует региональные издания для распространения своих материалов, включая аналитические статьи и выступления лидеров, «Единая Россия» и другие партии участвуют в совместных мероприятиях на телеканалах и в печатных изданиях, используя бесплатное эфирное время, предоставляемое государством. В 2021 г. партия «Новые люди» активно использовала цифровые платформы для продвижения, включая таргетированную рекламу в социальных сетях и на тематических ресурсах.

Таким образом на региональном уровне можно выделить несколько задач, которые выполняют интернет-ресурсы:

- информационная – донесение программы до избирателей вне зависимости от географии;
- агитационная – создание эмоционального образа кандидата через визуальный контент;
- коммуникационная – обратная связь через комментарии, опросы, онлайн-приемные;
- организационная – координация волонтеров, сбор подписей, регистрация на мероприятия;
- мониторинговая – анализ настроений через соцсети и комментарии.

Аналитический обзор использования интернет-ресурсов в предвыборных кампаниях Алтайского края, Новосибирской и Омской областей в 2023-2024 гг. позволяет сделать некоторые выводы. Так, в Алтайском крае у кандидатов-новичков узнаваемость выросла на 18-22 % за 3 месяца кампании. В сельских районах (Бийский, Рубцовский районы) охват через локальные чаты в мессенджерах достиг 40% целевой аудитории. Конверсия онлайн-активности в офлайн-участие (явка на встречи) – 25-30%. В Новосибирской области прирост голосов среди избирателей 30-45 лет – 12-14%. Охват трансляций дебатов на видеохостингах – до 150 тыс. просмотров за кампанию. Увеличение подписок на каналы кандидатов – в 2,5 раза за 2 месяца. В Омской области узнаваемость кандидатов в возрастной группе 50+ лет выросла на 20-24%. В малых городах (до 50 тыс. жителей) 60% избирателей

узнали о кандидатах через чаты. Снижение затрат на агитацию на 30% за счет замены части печатной продукции цифровым контентом.

Несмотря на потенциал, цифровые инструменты сталкиваются с рядом барьеров. К ним относятся:

– Цифровой разрыв – в сельских районах доступ к высокоскоростному интернету остается ограниченным. По данным Министерства цифрового развития Российской Федерации покрытие 4G-сети в регионах составляет 68-82%.

– Информационный шум – перегрузка контентом снижает восприятие ключевой информации. Рассылка листовок с искаженными сведениями о кандидатах, включая ложные обвинения и клевету, навязчивые рекламные посты в социальных сетях и мессенджерах, маскирующиеся под «независимые» мнения, но продвигающие определенного кандидата, распространение ложных сообщений о нарушениях на избирательных участках, например, о «вбросах бюллетеней» или «подкупе избирателей», которые не подтверждаются фактами, использование дипфейков – манипулятивных видеороликов, создающих впечатление реальных событий, но искажающих действительность и др.

– Фейки и дезинформация – риск манипуляций в соцсетях. В мае 2025 г. в сети массово распространились дипфейки, где губернаторы Кировской, Липецкой, Нижегородской, Томской областей и Ямало-Ненецкого автономного округа якобы просят Владимира Путина баллотироваться в 2030 г. Видео были созданы с помощью нейросетей: голоса не совпадали с движением губ, а исходные материалы брались из реальных выступлений губернаторов (например, из их Telegram-каналов). Во время предвыборной кампании в России появился ролик, где сгенерированные образы министра иностранных дел Сергея Лаврова, министра обороны Сергея Шойгу и главврача «Коммунарки» Дениса Проценко задают вопросы «диванному эксперту». Видео высмеивало обывателя, который «лучше всех знает», как решать государственные вопросы, и призывало пойти проголосовать.

– Правовые ограничения – требования к маркировке агитации и финансированию онлайн-активностей, которые регулируются рядом законодательных актов, включая Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и другие нормативные документы. Агитационные материалы, размещаемые в интернете, должны содержать следующие обязательные сведения: наименование, юридический адрес и идентификационный номер налогоплательщика организации (или ФИО лица), изготовившей материалы, наименование организации (или ФИО лица), заказавшей материалы, информацию о тираже и дате изготовления материалов указание об оплате изготовления материалов из средств соответствующего избирательного фонда кандидата или политической партии. Если в материалах используются изображения или высказывания физического лица, являющегося иностранным агентом, это должно быть явно указано. Такая информация должна занимать не менее 15% от площади (объема) агитационного материала. Аудиовизуальные материалы (включая видео и аудио) также должны соответствовать требованиям к выходным данным и предварительно представляться в избирательную комиссию до их распространения.

Таким образом, законодательство стремится обеспечить прозрачность и честность предвыборной агитации в интернете, но при этом существуют сложности с контролем за нерегулируемыми ресурсами, такими как незарегистрированные интернет-ресурсы и социальные сети. Исследование ЦИК РФ (2024 г.) показывает, что кампании с комплексной цифровой стратегией в среднем получают на 12-18% больше голосов в возрастных группах до 45 лет. Интернет-ресурсы трансформируют региональные предвыборные кампании, обеспечивая расширение аудитории, снижение издержек, персонализацию коммуникации. Для повышения эффективности региональных кампаний в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» необходимо разрабатывать мультиплатформенную стратегию с учетом специфики региона, интегрировать офлайн- и онлайн-активности (например, трансляция мероприятий предвыборных кампаний

в соцсетях), использовать данные аналитики для корректировки сообщений, информационных и агитационных постов, обеспечивать юридическую прозрачность онлайн-агитации.

В условиях цифровизации политические процессы требуют от участников выборов освоения новых инструментов. Для региональных кампаний интернет-ресурсы становятся не дополнением, а необходимым элементом стратегии, позволяющим преодолеть географические барьеры и выстроить диалог с избирателями. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на адаптации цифровых технологий к локальным контекстам и оценке долгосрочных эффектов онлайн-вовлечения.

Библиографический список

1. Цифровизация избирательного процесса: информационно-аналитический материал // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – М., 2021. – 24 с.
2. Доступность услуг связи в регионах России: аналитический доклад / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ ; В.Л. Абашкин, М.К. Сахно. – М.: НИУ ВШЭ, 2025. – 4 с. – Дата выпуска: 23.05.2025. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1048813534.pdf>.
3. Авзалова Э.И. Современная дискуссия о роли интернета в политике // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, кн. 1. – С. 208-213.
4. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политических коммуникаций // PolitBook. – 2018. – № 3. – С. 6-21.
5. Иванов Д.Ю., Волков В.А. Политические аспекты цифровизации и сетевизации государства // Управленческое консультирование. – 2023. – № 10. – С. 19-32.
6. Бадараев Т.Д., Бадараева Р.В., Корсун Т.А. Особенности регионального развития в условиях цифровизации экономики // Экономическая наука современной России. – 2025. – Т. 28, № 3. – С. 64-77.
7. Литвин В.В. Пространство политических интернет-коммуникаций в современном российском обществе // Социодинамика. – 2023. – № 6. – С. 58-66.
8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон № 67-ФЗ от 12.06.2002 // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
9. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Выборы: легитимность, доступность, цифровизация: аналитический обзор. – М., 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-legitimnost-dostupnost-cifrovizacija>.
10. Королева М.А. Цифровая стратегия средств политической коммуникации в социальных сетях // Актуальные исследования. – 2023. – № 7-1 (137). – С. 99–104. – URL: <https://apni.ru/article/5684-tsifrovaya-strategiya-sredstv-politicheskoi>.
11. Иванова П.В. Современные технологии политической коммуникации в системе отношений «государство-общество // nauka.me. – 2018. – № 5. – Текст электронный.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Формирование профессиональных ценностных ориентиров молодежи в условиях деятельности медиацентра на базе Троицкого межпоселенческого дома культуры

Зинченко Т.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни и трансформацией рынка труда. С одной стороны, на этом фоне особую актуальность приобретает задача формирования профессиональных ценностных ориентиров у молодежи, которая должна быть готова к работе в условиях высокой неопределенности и динамики, но с другой стороны, традиционные методы профориентации зачастую отстают от реальных запросов экономики и интересов нового поколения.

Поколение Z (центениалы или зумеры), составляющее основу современной молодежи, сформировалось в эпоху постоянного развития интернета и цифровых технологий. Его

представители обладают «клиповым мышлением», ценят визуальный контент, самореализацию, гибкость и быструю обратную связь [4].

На основании ряда факторов можно сделать вывод, что на современное поколение оказывает значительное воздействие совокупность факторов, включая массовое распространение цифровых технологий и избыточное многообразие возможностей для самореализации. Кроме того, наблюдается усиление конкурентных процессов в профессиональной среде, трансформация ценностных ориентиров общества и ряд других социальных изменений, которые формируют уникальный социокультурный контекст для молодёжи.

В этой связи учреждения дополнительного образования и досуга, такие как Дома культуры, обладают уникальным потенциалом для создания новых, релевантных форматов профориентационной работы. Одним из таких форматов является медиацентр.

Цель данного исследования – проанализировать процесс формирования профориентационных ценностей молодежи через призму деятельности медиацентра в структуре Троицкого межпоселенческого Дома культуры (далее – ТМДК), опираясь на данные о современных молодежных увлечениях и ценностях.

Медиацентр на базе ТМДК появился в 2020 г. и охватывает основные интересы молодежи в области медиа. Для понимания эффективности медиацентра как профориентационного инструмента необходимо обратиться к данным социологических исследований, характеризующих интересы и ценности современной молодежи.

Согласно масштабному исследованию, ВЦИОМ «Молодежь России: образ жизни и ценностные ориентиры» (2022-2023 гг.) [3], в топ-5 ежедневных увлечений молодежи входят:

1. Общение в мессенджерах и социальных сетях (91%).
2. Просмотр видеоконтента (TikTok, VK Видео) (87%).
3. Прослушивание музыки и подкастов (83%).
4. Компьютерные и мобильные игры (68%).
5. Фотография и видеосъемка (45%).

Эти данные свидетельствуют о глубокой интеграции цифровой среды в повседневную жизнь молодых людей. Для них медиа – не просто развлечение, а естественная среда обитания и самовыражения.

Что касается ценностных ориентаций, то, как показывают данные исследования НИУ ВШЭ «Мониторинг социально-экономического поведения молодежи», на первый план выходят:

1. Самореализация и интересная работа (78% респондентов считают это важным).
2. Свобода и независимость (75%).
3. Высокий уровень дохода (72%), однако здесь важно отметить, что именно в сочетании с личным интересом.
4. Баланс между работой и личной жизнью (65%).
5. Возможность профессионального роста и обучения (61%), но высшее образование теряет свою приоритетность [2].

Традиционные ценности, такие как «стабильная работа на одном месте всю жизнь», теряют свою актуальность. Молодежь ищет гибкие, проектные формы занятости, позволяющие реализовать творческий потенциал.

И здесь необходим уточнить следующее, а именно такое увлечение, которое в дальнейшем станет интересной работой. Именно так появился медиацентр. Его деятельность, при интеграции в повседневную деятельность и общую структуру ТМДК идеально соответствует выявленным трендам.

Деятельность медиацентра позволяет показать молодежи, что вполне реально трансформировать пассивное потребление контента в активное, сделать производство контента осмысленным и интересным, создавать и производить именно тот контент, который будет популярен, и, параллельно, ненавязчиво, формировать профессиональные навыки.

Деятельность медиацентра представлена в нескольких направлениях работы, каждое из которых имеет свою ценность для профессиональной ориентации:

1. Видеопроизводство (RuTube, VKклипы): Увлечение: Просмотр и создание коротких видеороликов. Профориентация: Участники осваивают полный цикл производства: написание сценария, операторская работа, режиссура, монтаж, цветокоррекция, звукорежиссура. Это формирует компетенции для профессий видеографа, режиссера монтажа, motion-дизайнера, контент-менеджера.

2. Фотография и графический дизайн:

Увлечение: Фотография, создание стилей для социальных сетей. Профориентация: Изучение основ композиции, работы со светом, обработки в фоторедакторах (Adobe Photoshop, Lightroom), создание графических материалов. Это база для профессий фотографа, графического дизайнера, SMM-специалиста.

3. SMM и копирайтинг:

Увлечение: Активное ведение личных блогов и аккаунтов. Профориентация: Участники учатся разрабатывать контент-стратегию, писать продвигающие и информационные тексты, анализировать статистику, работать с таргетированной рекламой. Это прямой путь к профессиям SMM-менеджера, копирайтера, маркетолога.

4. Подкастинг и звукорежиссура:

Увлечение: Прослушивание подкастов и музыкальных стриминговых сервисов. Профориентация: Обучение записи и сведению звука, работе с микрофонами и аудиоредакторами (Audacity, Adobe Audition). Развивает навыки звукорежиссера, подкастера, радиоведущего.

Исходя из всего вышесказанного мы видим, что работа медиацентра на базе ТМДК дает большое количество инфоповодов для работы начинающих медийщиков. С 2020 г. медиацентр выпустил более 100 человек, из них связали свой профессиональный интерес с сферой креативных индустрий и медиа более 20 человек.

Для оценки эффективности на данном этапе был проведен локальный опрос среди 50 участников медиацентра «Есть контакт!» в возрасте от 14 до 18 лет в сентябре 2024 г., в начале занятий, и в феврале 2025 г. (спустя полгода с начала занятий).

До начала занятий:

- 70% респондентов рассматривали свое медиа-увлечение только как хобби.
- 20% задумывались о возможной профессии, но не знали, с чего начать.
- 10% не видели связи между своим увлечением и будущей карьерой.

Через 6 месяцев:

- 40% участников твердо определились с выбором профессии в сфере медиакоммуникаций или креативных индустрий.
- 45% стали рассматривать медиасферу как серьезный вариант для будущей карьеры и планировали продолжить обучение в данном направлении.
- у 100% респондентов сформировался комплекс практических навыков (монтаж, съемка, ведение соцсетей, вёрстка печатных изданий), повышающих их конкурентоспособность.

Проведенный анализ демонстрирует, что формирование профориентационных ценностей современной молодежи требует принципиально новых, иммерсивных и релевантных их цифровому образу жизни подходов. Медиацентр на базе ТМДК выступает идеальной платформой для решения этой задачи.

Кроме того, необходимость формирования профессиональных ценностных ориентиров подтверждается в статье Шмакова А.А [5]. В статье «Риторический идеал поколения Z» отмечается, что студенты, принявшие участие в эксперименте, обучались на направлениях «Юриспруденция» и «Государственное муниципальное управление» и они (студенты) подтвердили важность овладения ораторским искусством в профессиональной деятельности. Что и подтверждает работа нашего медиацентра. Несмотря на то, что возможно не все в дальнейшем свяжут свою жизнь с профессиональным медиа полем,

умение грамотно преподносить свои мысли пригодится в любой сфере деятельности. Зачастую именно коммуникативные навыки позволяют выстраивать долгосрочные связи во всех сферах жизнедеятельности.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что с одной стороны работа медиацентра дает возможность развития в направлении актуального среди поколения Z, легитимизируя их и переводя из разряда «пустой траты времени» в продуктивную деятельность. С другой стороны, в процессе совместной деятельности у молодежи формируются не только конкретные профессиональные навыки и умения, которые необходимы для выполнения конкретной задачи, но и гибкие навыки, которые применимы в любой сфере деятельности: командная работа, тайм-менеджмент, критическое мышление, коммуникабельность и креативность.

Таким образом, интеграция медиацентров в культурно-досуговую среду позволяет трансформировать Дом культуры из учреждения, сохраняющего традиции, в инновационный центр, готовящий кадры для развития будущего и способствующий осознанному и ценностно-ориентированному профессиональному самоопределению молодежи.

Библиографический список

1. Бурнаева Е.М., Саломатова С.Н. Цифровая профориентация как необходимая реальность // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 34-43.
2. КГ «Полилог», НИУ ВШЭ. Образ будущего молодежи, декабрь 2022 [Электронный ресурс]. – PR-агентство «Полилог». — 2023. — Режим доступа: <https://polylog.ru/research/obraz-budushhego-molodezhi>.
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Ценности молодежи [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2022. – 14 декабря. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 24.09.2025).
4. Шлегель Е.В. Поколение Z: Типические черты и ценностные ориентации // Вестник Гуманитарного университета. – 2022. – № 2 (37). – С.122-130.
5. Шмаков А.А., Риторический идеал поколения Z (на материале социолингвистического эксперимента) // Филология и человек. – 2021. – № 3. – С. 61-75.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Цифровизация: как тренд медиапространства (на примере Алтайского края)

Зяблицкая Э.К.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Актуальность исследования обусловлена интенсивной цифровой трансформацией региональных медиасистем России, требующей комплексного научного осмысления. Алтайский край представляет значительный интерес как репрезентативный пример региона с диверсифицированной медиасистемой, где процессы цифровизации приобретают специфические черты, обусловленные социально-экономическими и географическими факторами. Изучение алтайской модели позволяет выявить тренды и вызовы, характерные для многих регионов Сибири и страны в целом.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые векторы цифровой трансформации медиапространства Алтайского края.

Исследование основано на комплексном подходе, включающем:

- анализ статистических данных Росстата и Mediascope (2022-2024 гг.);
- контент-анализ цифровых платформ ведущих медиа региона;
- сравнительный анализ динамики показателей;
- экспертные оценки и интервью с представителями медиасообщества.

За период 2022-2024 гг. в Алтайском крае наблюдается устойчивый рост интернет-проникновения (таблица 1). Особенно значительным является увеличение числа пользователей мобильного интернета – с 85% до 91%.

Таблица 1– Динамика проникновения интернета в Алтайском крае, %

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Интернет-пользователи	84%	87%	89%
Широкополосный доступ (города)	95%	96%	97%
Широкополосный доступ (села)	72%	75%	78%

Несмотря на позитивную динамику, разрыв в проникновении широкополосного интернета между городом и селом сохраняется на уровне 19 п.п., что создает структурное неравенство в доступе к качественному цифровому контенту.

Традиционные медиа Алтайского края демонстрируют различные стратегии адаптации к цифровой среде. Так, газета «Алтайская правда» увеличила онлайн-аудиторию на 126% за 2022-2024 гг., а телеканал «Катунь 24» внедрил модель мультиплатформенного вещания, что позволило увеличить охват цифровой аудитории на 85% [1].

В регионе сформировался сегмент цифровых медиа, изначально созданных для онлайн-среды. Наиболее успешные проекты («Банкфакс», «Толк») демонстрируют рост аудитории на 40-50% ежегодно. Их конкурентные преимущества включают гибкость, оперативность и использование интерактивных форматов [3].

Исследование выявило значительные изменения в паттернах медиапотребления. Доля населения, использующего мессенджеры как основной источник новостей, выросла с 73% до 89%. Особенно заметен рост потребления видео-контента – с 45% до 72% за 2022-2024 гг. Данные подтверждают переход от пассивного потребления новостей через ленту к активной подписке на каналы в мессенджерах, где аудитория формирует персональную новостную среду. Рост потребления видео до 72% указывает на доминирование «экранной культуры» и требует от медиа инвестиций в видео-продакшн [8].

Несмотря на позитивную динамику, процесс цифровизации сталкивается с серьезными вызовами:

- цифровое неравенство между городскими и сельскими территориями;
- экономическая неустойчивость цифровых бизнес-моделей;
- недостаток квалифицированных кадров в цифровой среде;
- распространение дезинформации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о формировании в Алтайском крае гибридной медиасистемы, характеризующейся сосуществованием традиционных и цифровых практик. Ключевыми трендами являются:

- операционализация новостного потока;
- рост значимости мультимедийных форматов;
- смещение фокуса на гиперлокальный контент;
- диалогизация коммуникации между властью и обществом.

Перспективы дальнейшего развития связаны с преодолением цифрового разрыва, разработкой устойчивых экономических моделей и развитием медиаграмотности населения.

На основе проведенного исследования можно сказать, что в Алтайском крае сформировалась гибридная медиасистема, где успешно сосуществуют и трансформируются традиционные СМИ и динамично развивающиеся digital-native проекты. Ключевыми векторами цифровой трансформации стали:

– Мультиплатформенность: медиакомпании активно адаптируются к цифровой среде, внедряя мультиплатформенные модели вещания и демонстрируя значительный рост онлайн-аудитории.

– Сдвиг в моделях потребления: произошел резкий переход аудитории к мобильному интернету, мессенджерам как основному источнику новостей и видео-контенту, что указывает на доминирование визуальных и оперативных форматов.

– Возникновение новых лидеров: digital-медиа («Банкфакс», «Толк»), благодаря своей гибкости и использованию интерактивных форматов, показывают опережающие темпы роста, становясь серьезными игроками на медиарынке.

Однако развитие цифрового медиапространства сдерживается рядом вызовов, ключевыми из которых являются цифровое неравенство между городом и селом, экономическая неустойчивость новых бизнес-моделей и дефицит квалифицированных кадров.

Таким образом, перспективы дальнейшего развития медиасистемы Алтайского края напрямую связаны с решением этих проблем через преодоление цифрового разрыва, поиск устойчивых финансовых моделей и повышение медиаграмотности населения.

Библиографический список

1. Интернет в России в 2022–2023 годах: стат. отчет / Минцифры России. – М., 2024. – 156 с. – URL: <https://clcl.li/qEzOd>.
2. Засурский И.И. Реконструкция России: масс-медиа и политика в 90-е. – М., 2001. – 287 с.
3. «Сайт «Толк» стал лидером по посещаемости среди новостных порталов Алтая» // «Толк» [сайт] – URL: <https://tolknews.ru/obsestvo/45167-sayt-tolk-stal-liderom-po-poseshchaemosti-sredi-novostnih-portalov-altaya>.
4. Рейтинги сайтов СМИ и соцмедиа // Mediascope [сайт] – URL: <https://mediascope.net/data>.
5. Правительство Алтайского края [офиц. сайт]. – URL: <https://www.altairegion22.ru>.
6. Информационное агентство «Банкфакс» [офиц. сайт]. – URL: <https://bankfax.ru>.
7. Официальная страница газеты «Алтайская правда» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/ap22>.
8. Полняков М.Л., Слепцов Н.А. Сдвиг медиапотребления в России: обзор тенденций (2016-2021) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 615-630.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Фейковые новости и информационные войны: вызовы для медиаполитики и государственного управления в условиях цифровизации

Кандауров Б.И.

*Представительство Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
в Луганской Народной Республике
г. Луганск*

Развитие цифровых технологий и социальных сетей открыло широкие возможности для коммуникаций и обмена информацией, но одновременно породило ряд новых угроз. Одной из них стало массовое распространение фейковых новостей, которые используются как инструмент манипуляции общественным сознанием и воздействия на политические процессы [1, с. 15].

Фейковые новости представляют собой преднамеренно искаженную информацию, распространяемую в СМИ или социальных сетях для введения аудитории в заблуждение. Они могут иметь различные цели: от дестабилизации внутренней политической ситуации до дискредитации государства на международной арене [2, с. 74].

Особую опасность фейки представляют в период выборов, кризисных ситуаций и чрезвычайных событий. Так, практика показывает, что в условиях пандемии COVID-19 в медиапространстве активно распространялись ложные сведения о методах лечения, статистике заболеваемости и роли государственных институтов. Эти сообщения не только подрывали доверие к официальной информации, но и напрямую влияли на жизнь и здоровье граждан [3, с. 119].

Информационные войны представляют собой форму конфликтного взаимодействия, при которой ключевым ресурсом становится контроль над информационными потоками.

В отличие от традиционных военных действий, они ведутся в медиапространстве и часто остаются незаметными для массового потребителя информации.

Информационные войны нацелены на:

- дискредитацию власти и ключевых институтов государства;
- формирование негативного имиджа страны за рубежом;
- разжигание межнациональной и социальной розни;
- подрыв доверия к официальным СМИ [4, с. 93].

В условиях роста угроз государство вынуждено искать эффективные механизмы противодействия фейковым новостям. Среди ключевых направлений можно выделить:

1. Законодательное регулирование: принятие норм, предусматривающих ответственность за распространение заведомо ложных сведений. В России с 2019 г. действуют поправки в законодательство, предусматривающие штрафы и блокировку интернет-ресурсов, распространяющих фейки.

2. Развитие медиаграмотности населения: включение в образовательные программы курсов по критическому восприятию информации, обучение навыкам проверки достоверности новостей.

3. Технологическое развитие: создание систем искусственного интеллекта и автоматической проверки фактов для выявления дезинформации в реальном времени [5, с. 44].

4. Поддержка национальных медиаресурсов: формирование конкурентоспособных отечественных цифровых платформ, способных противостоять иностранным информационным центрам влияния.

Мировая практика демонстрирует разнообразие инструментов борьбы с фейками. В Германии действует «Закон о сетевом правоприменении» (2017 г.), который обязывает социальные сети удалять ложные сведения в течение 24 часов. Во Франции с 2018 г. реализуются меры по ограничению распространения дезинформации в период избирательных кампаний. Российский опыт в этом контексте сочетает законодательные ограничения и развитие собственных медиаплатформ.

Однако усилий государства недостаточно. Важнейшую роль играют институты гражданского общества, независимые эксперты, журналистские объединения, которые должны участвовать в проверке и распространении достоверной информации. Формирование культуры ответственного потребления медийного контента – один из ключевых факторов устойчивости общества к дезинформации [2, с. 80].

Таким образом, противодействие фейковым новостям и информационным войнам становится одним из приоритетных направлений государственной медиаполитики. Эффективное государственное управление в цифровую эпоху невозможно без системной работы в области информационной безопасности, взаимодействия власти, общества и медиасообщества. В современных условиях фейковые новости уже не воспринимаются как частный феномен, они представляют собой инструмент глобального информационного противоборства, влияющего на социальную стабильность, национальную безопасность и уровень доверия граждан к государству.

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. Медиапространство и вызовы цифровой эпохи. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2020. – 240 с.
2. Дзялошинский И.М. Медиасреда и общество: трансформации в эпоху цифровизации. – М., 2019. – 328 с.
3. Жуков В.И. Информационные войны и национальная безопасность России. – М., 2019. – 256 с.
4. Лубский А.В. Социальные коммуникации и медиапространство в условиях глобализации. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2021. – 310 с.
5. Пантин И.К. Информационная политика и политическая культура в современном обществе. – М.: Институт социологии РАН, 2022. – 228 с.

SMM-стратегии продвижения люксовой одежды в социальных сетях (на примере бутика Le'81)

Князева В.О.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Социальные сети – неотъемлемая часть жизни современного человека. В них мы общаемся, следим за модными тенденциями, вдохновляемся стилем знаменитостей и блогеров, узнаем новости и совершаем покупки. Для бизнеса социальные сети сегодня являются одним из самых эффективных инструментов продвижения. Особенно это актуально для индустрии моды, где визуальная подача и атмосфера бренда играют ключевую роль.

Цель данной статьи – показать, как использовать SMM-стратегии для продвижения люксовой одежды в социальных сетях, чтобы укрепить имидж бренда и привлечь новую аудиторию.

Основные принципы SMM-продвижения люксовых брендов включают:

- визуальную эстетичность и минимализм контента;
- отсутствие прямой рекламы и агрессивных продаж;
- акцент на сторителлинге и эмоциональном опыте;
- сотрудничество с лидерами мнений, соответствующими образу бренда;
- использование ограниченных каналов коммуникации (Pinterest, Telegram) [2].

Контент-стратегия «Le'81» строится вокруг трех направлений:

1. Визуальный ряд: публикации выполнены в едином стиле – светлые и нейтральные
2. Тона, лаконичные кадры, внимание к фактуре ткани и деталям.
3. Сторителлинг: посты сопровождаются рассказами о концепции коллекций, вдохновении дизайнеров и философии бренда.
4. Социальные платформы, например, Telegram – закрытые анонсы, приглашения на частные показы и акции для постоянных клиентов [1].

На основе анализа кейса бутика «Le'81» можно выделить следующие эффективные инструменты продвижения:

- Эмоциональный сторителлинг. Рассказы о вдохновении дизайнеров формируют у аудитории ассоциации бренда с искусством и самовыражением.
- Визуальная идентичность. Четко выстроенная эстетика аккаунта обеспечивает узнаваемость и отражает ДНК бренда.
- Коллаборации с микроинфлюенсерами. Использование локальных fashion-блогеров с узкой, но релевантной аудиторией повышает доверие и вовлеченность.
- Создание комьюнити. Закрытые Telegram-каналы или мероприятия формируют у клиентов чувство принадлежности к избранному кругу.

Эти методы позволяют сочетать маркетинговую активность с сохранением премиального имиджа [3].

Таким образом, SMM-продвижение в люксовом сегменте представляет собой особую модель коммуникации, где основная цель заключается не в стимулировании продаж, а в формировании статуса и эстетической ценности бренда. Бутик Le'81 демонстрирует эффективное применение digital-инструментов для создания имиджа эксклюзивности, используя визуальный минимализм, эмоциональный контент и закрытые каналы коммуникации. Опыт Le'81 подтверждает, что успешная SMM-стратегия люксового бренда строится на гармоничном сочетании эстетики, эмоционального взаимодействия и персонализированного подхода к аудитории.

Библиографический список

1. Ефимова Т.Н. SMM. Практическое руководство – Москва, 2025. – С. 8.
2. Емельянчикова Е.А. Специфика контент-маркетинга для продвижения брендов в люксовом сегменте. – Москва, 2025. – С. 143.
3. Молодые потребители выбирают люкс через соцсети // E-Pepper [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RponJ>.

Научный руководитель – Комиссарова Л.М., к.ф.н.

Роль социальных медиа в формировании бренда образовательной организации: кейсы российских вузов

Куликова К.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современном российском обществе цифровые технологии оказывают существенное влияние, меняя информационное пространство и способы общения. В условиях высокой конкуренции на рынке образовательных услуг создание сильного и привлекательного бренда становится важной задачей для университетов. Бренд учебного заведения – это не просто узнаваемое имя или знак, а совокупность представлений, ценностей, репутации и ожиданий, которые формируются у абитуриентов, учащихся, выпускников, преподавателей, партнеров и общества.

Традиционные способы продвижения, такие как реклама в СМИ или участие в выставках, часто дополняются или заменяются возможностями социальных сетей. Социальные сети (ВКонтакте, Telegram, Одноклассники и др.) стали не только местом для общения, но и инструментом для распространения информации, формирования мнения и прямого взаимодействия с аудиторией. Они позволяют вузам показывать свою уникальность, транслировать ценности, рассказывать об успехах, привлекать будущих студентов и укреплять лояльность нынешних.

Актуальность этого исследования обусловлена постоянным развитием цифровых технологий, изменениями в способах общения и растущей конкуренцией на рынке образования. Поскольку абитуриенты все чаще ищут информацию в интернете, присутствие в социальных сетях становится особенно важным для привлекательности вуза. Прогнозы и аналитические отчеты, основанные на данных Минобрнауки РФ, указывают на увеличение числа абитуриентов в 2025 г. по сравнению с прошлыми годами [1]. Это лишь подчеркивает необходимость привлекать и удерживать внимание потенциальных студентов через современные каналы связи, включая социальные сети.

Основная цель работы – изучить стратегии и примеры использования социальных сетей ведущими российскими вузами для создания их бренда. В основе исследования лежат системный подход, анализ литературы, изучение опыта российских вузов, а также элементы контент-анализа и анализа конкретных примеров. Сильный бренд учебного заведения важен для привлечения талантливых абитуриентов, удержания квалифицированных преподавателей, повышения лояльности выпускников и установления плодотворных партнерских отношений. Он формирует доверие и способствует укреплению позиций вуза в рейтингах и на рынке образования [2].

Для анализа были выбраны четыре ведущих российских университета: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) и Казанский федеральный

университет (КФУ). Эти университеты часто упоминаются в СМИ, согласно рейтингам Медиалогии, что делает их подходящими для исследования [3].

Исследование сосредоточено на их деятельности в самых популярных в России социальных сетях: ВКонтакте и Telegram. Посредством контент-анализа, анализа коммуникационной активности и обзора открытых данных при сравнении примеров использования социальных сетей были выделены следующие общие черты:

- Все вузы активно используют ВКонтакте для предоставления информации о поступлении, новостях и студенческой жизни, ориентируясь как на абитуриентов, так и на нынешних студентов.

- Telegram используется для быстрой передачи информации и рассылки объявлений.

- Все вузы стремятся показать свою уникальность: РЭУ делает акцент на экономической экспертизе и карьере, СПбГУ – на истории и фундаментальности, КФУ – на разносторонности и лидерстве в регионе.

Различия:

- Стил ь общения: СПбГУ чаще использует формальный, научный тон, подчеркивая свою историю. РЭУ и КФУ больше ориентируются на современный, динамичный контент, часто используя вирусные элементы.

- Содержание: хотя все вузы рассказывают об образовательных программах, РЭУ больше внимания уделяет перспективам трудоустройства, а СПбГУ – научным исследованиям и истории.

Казанский федеральный университет имеет самую большую аудиторию на видео-хостингах (92,5 тыс. подписчиков), что говорит об успехе его видео-стратегии, направленной на широкое представление образовательных и научных возможностей вуза.

Санкт-Петербургский государственный университет лидирует по количеству подписчиков в ВКонтакте (107 тыс. чел.). Это указывает на сильное присутствие вуза в самой популярной российской социальной сети, где он эффективно взаимодействует с аудиторией, используя разнообразный контент – от новостей до интерактивных форматов.

РЭУ им. Г.В. Плеханова показывает хорошие результаты в Telegram, имея наибольшее количество подписчиков среди рассматриваемых вузов (25,8 тыс. чел.). Это говорит о том, что РЭУ использует Telegram для быстрой передачи информации, новостей и для создания закрытого сообщества для своих абитуриентов и студентов.

Учитывая увеличение числа абитуриентов в 2025 г., эффективная SMM-стратегия становится еще более важной для вузов, стремящихся занять лидирующие позиции и привлечь наиболее мотивированных абитуриентов. В заключение, данное исследование подтвердило важную роль социальных сетей в создании бренда современных высших учебных заведений в России. Анализ примеров ведущих вузов – РЭУ им. Г.В. Плеханова, СПбГУ и КФУ – показал, что успешное использование ВКонтакте, Telegram позволяет эффективно решать задачи по привлечению абитуриентов, формированию положительной репутации и повышению узнаваемости.

Было выявлено, что каждый вуз старается использовать социальные сети для трансляции своей уникальности: от ориентации на карьеру в РЭУ до фундаментальной науки в СПбГУ и многопрофильности КФУ. Количественные показатели, такие как наибольшее число подписчиков у КФУ на видео-хостингах (92,5 тыс. чел.), СПбГУ во ВКонтакте (107 тыс. чел.) и РЭУ в Telegram (25,8 тыс. чел.), говорят о стратегическом подходе вузов к развитию своего присутствия на разных платформах.

Успешные действия показывают, что качественный и разнообразный контент, ориентированный на потребности аудитории, является ключом к формированию сильного и привлекательного бренда. В условиях увеличения числа абитуриентов в 2025 г. активное и грамотное использование социальных сетей становится не просто способом общения, а важной частью бренд-стратегии вуза, которая влияет на его конкурентоспособность и способность привлекать талантливых абитуриентов.

Библиографический список

1. Итоги приемной кампании 2025 года и планируемые изменения на будущий год // Министерство науки и высшего образования РФ [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RG5xU>.
2. Муратова Е.А. Социальные сети как способ коммуникаций и продвижения образовательных услуг // Московский экономический журнал. – 2019. – № 9. – С. 1-8.
3. Рейтинг медийной активности вузов 2025 // Информационный портал «м-рейтинг.рф» [сайт]. – Барнаул, 2025. – URL: <https://м-рейтинг.рф>.

Научный руководитель – Комиссарова Л.М., к.ф.н.

Влияние искусственного интеллекта на производство и потребление медиаконтента в современной России (на примере экосистемы «Яндекс Медиа»)

Куртич Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Искусственный интеллект в последние годы стал ключевым фактором трансформации медиапространства России. Его внедрение затронуло все уровни коммуникационного процесса – от сбора и анализа информации до ее создания, распространения и восприятия аудиториями. Современные медиакомпании активно используют алгоритмы машинного обучения, генеративные модели и системы автоматического анализа данных, что позволяет значительно ускорить производство контента, повысить точность его адаптации под интересы аудитории и создать новые форматы взаимодействия с пользователями.

Использование ИИ в медиа обеспечивает значительное повышение эффективности редакционной работы. Нейросети берут на себя рутинные задачи: составление кратких новостных заметок, автоматическую расшифровку интервью, подбор визуальных материалов, анализ статистики просмотров и комментариев. Это высвобождает ресурсы журналистов и редакторов для аналитической и исследовательской работы. Вместе с тем появляются новые профессии – специалисты по работе с алгоритмами, редакторы нейросетевого контента, дата-журналисты, коучи по работе с нейросетями и тд. Таким образом, ИИ способствует не только технологическому обновлению отрасли, но и изменению структуры занятости в медиасфере [1].

Однако наряду с преимуществами возникают и проблемы. Главной из них становится утрата человеческой уникальности и авторского почерка в контенте, создаваемом при помощи алгоритмов. Машинная генерация текста часто лишена глубины и эмоционального контекста, что может привести к исчезновению индивидуального стиля и снижению качества медиапродуктов. Кроме того, не решён вопрос ответственности за ошибки и искажения, допускаемые искусственным интеллектом: формально материал публикуется от имени человека, но фактически создаётся системой, логика работы которой пока ничем не подкрепляется. Отсюда вытекают и этические дискуссии – необходимость маркировки ИИ-контента, проблема достоверности, а также вопрос влияния алгоритмов на общественное мнение.

Особенно ярко взаимодействие технологий и медиа проявляется на примере экосистемы «Яндекс Медиа», объединяющей сервисы «Яндекс Новости», «Яндекс Дзен» и «Яндекс Музыка». В этих продуктах искусственный интеллект выступает полноценным медиаредактором: алгоритмы анализируют интересы пользователя, историю его поисковых запросов, время чтения материалов и взаимодействие с контентом. На основе этих данных формируется персональная лента, где приоритет получают публикации, наиболее соответствующие интересам конкретного человека. Такой подход обеспечивает высокий уровень вовлечённости аудитории и эффективность рекламы, но одновременно создает эффект «информационного пузыря» – пользователь видит лишь тот контент, который подтверждает его взгляды и привычки, что сужает кругозор и ослабляет внимание к иным тематикам [5].

Проблема персонализированных алгоритмов заключается в их невидимом влиянии на медиакартину мира. Пользователь нередко не осознает, что новостная повестка формируется не редакторами, а системой машинного отбора. Алгоритм, нацеленный на удержание внимания, фактически становится новым медиатором между человеком и реальностью. Это приводит к смещению акцентов: вместо журналистского отбора, основанного на значимости события, все чаще действует принцип «что удержит пользователя дольше». В результате медиаконтент становится более развлекательным, а общественно важные темы получают меньшее внимание.

Искусственный интеллект меняет не только производство, но и само восприятие информации: медиапотребление становится зависимым от алгоритмов, а структура общественного внимания — управляемой. В условиях, когда всё больше россиян получают новости через рекомендательные платформы, именно алгоритмы начинают определять, какие темы считаются актуальными и какие мнения — «нормальными».

Для устойчивого развития медиасферы необходимо искать баланс между технологической эффективностью и гуманитарными принципами. Одним из приоритетов должно стать развитие медиаграмотности и критического мышления аудитории: важно, чтобы пользователи осознавали алгоритмическую природу информационных потоков и умели анализировать источники данных. Также требуется разработка этических стандартов в работе с ИИ — прозрачность происхождения контента, обязательная маркировка материалов, созданных с помощью генеративных технологий, и определение ответственности за возможные искажения информации.

Перспективным направлением остается сотрудничество человека и алгоритма, при котором ИИ выполняет вспомогательные функции, а контроль за смыслом и достоверностью сохраняется за человеком. Только в этом случае искусственный интеллект станет не заменой журналисту, а инструментом усиления аналитической, исследовательской и просветительской роли медиа.

Влияние ИИ на медиaprостранство России носит системный характер: технологии повышают скорость и доступность информации, но одновременно порождают риски стандартизации мышления и снижения качества общественного диалога. От того, как медиасообщество выстроит этические и профессиональные рамки взаимодействия с искусственным интеллектом, зависит, станет ли он фактором развития или инструментом манипуляции общественным сознанием. Баланс между технологичностью и смыслом, между скоростью и достоверностью — ключевой вызов современной медиакommunikации в эпоху искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Зорина В.А. Искусственный интеллект в журналистике: библиометрический анализ публикационной активности // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2025. – № 1. С. 143-160.
2. Лукина М.М., Замков А.В., Крашенникова М.А., Кульчицкая Д.Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – № 11 (4). – С. 680-694.
3. Использование ИИ в журналистике несет двойной вред? // МСК Газета [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://clck.ru/3Rpp36>.
4. Отчет «Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях: состояние и перспективы рынка России – 2024» // Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). – Москва. – 2024. – 56 с.
5. Система рекомендаций простыми словами: справка Яндекс Музыка // Яндекс [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.yandex.ru/support/music/ru/new-template/howworkrec>.

Научный руководитель – Комиссарова Л.М., доцент, к.ф.н.

Махмудова Ф.Е.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В современном мире, где конкуренция достигает небывалых масштабов, традиционного брендинга, основанного на рациональных преимуществах продукта или услуги, становится недостаточно. Потребитель пресыщен информацией и ищет не просто функциональность, а эмоциональную связь с брендом. Именно здесь на сцену выходит эмоциональный брендинг – концепция, основанная на создании прочной эмоциональной связи между брендом и потребителем.

Экономика впечатлений, описанная Дж. Пайном и Дж. Гилмором в их книге «Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена», подчеркивает, что потребители все больше ценят пережитый опыт, а не просто приобретенный товар [1]. Эмоциональный брендинг, в свою очередь, является мощным инструментом для создания этого самого опыта, который вызовет у потребителя положительные эмоции и ассоциации с брендом. Более того, как отмечает Д. Гоулман в своей книге «Эмоциональный интеллект», умение понимать и управлять эмоциями – ключевой фактор успеха в современном мире, и это относится не только к индивидуумам, но и к брендам [2].

Эмоциональный брендинг – это стратегия, направленная на формирование прочной эмоциональной связи между брендом и целевой аудиторией. Он строится на создании идентичности бренда, которая резонирует с ценностями, убеждениями и потребностями потребителей на эмоциональном уровне. Цель – не просто рассказать потребителю о преимуществах продукта, а затронуть его чувства, вызвать положительные эмоции и сформировать лояльность к бренду.

Эмоции играют ключевую роль в процессе принятия решений потребителем. Существует множество классификаций эмоций, но одной из самых распространенных и полезных в контексте брендинга является классификация, предложенная Р. Плутчиком, которая предполагает наличие восьми базовых эмоций: радость, гнев, страх, печаль, доверие, отвращение, ожидание и удивление. Исследование эмоций, которые вызывает бренд у потребителей, является критически важным для разработки эффективной стратегии эмоционального брендинга. Это может быть достигнуто с помощью различных методов исследования, таких как:

- Фокус-группы – обсуждение с целевой аудиторией того, какие эмоции вызывает бренд, его продукты и рекламные кампании.

- Опросы – сбор количественных данных о том, какие эмоции чаще всего испытывают потребители по отношению к бренду.

- Анализ социальных сетей – мониторинг упоминаний бренда в социальных сетях для выявления преобладающих эмоций в отзывах и комментариях.

- Нейромаркетинг – использование нейробиологических методов для изучения эмоциональных реакций потребителей на различные элементы брендинга, такие как логотип, слоган и упаковка.

Традиционный брендинг фокусируется на рациональных преимуществах продукта или услуги, таких как цена, качество и функциональность. Он стремится убедить потребителей в том, что бренд является лучшим выбором, основываясь на логических аргументах и фактах. Эмоциональный брендинг, напротив, сосредотачивается на создании эмоциональной связи с потребителями, апеллируя к их чувствам, ценностям и мечтам. Он не просто рассказывает о преимуществах продукта, а стремится создать у потребителя ощущение принадлежности к сообществу, разделяющему определенные ценности.

Множество крупных компаний используют эмоциональный брендинг как стратегический инструмент создания прочной связи с потребителями. Эмоции закладываются не только в общую философию бренда, но и в конкретные элементы коммуникации – слоганы, визуальную айдентику, музыку, истории и символику. Рассмотрим это на примерах известных брендов:

1. Coca-Cola – радость и единство через эмоции праздника. Coca-Cola уже более века ассоциируется у потребителей с радостью, счастьем и общением. Ее коммуникации строятся вокруг позитивных эмоций и человеческих отношений. Слоган «Open Happiness» («Открой счастье») стал символом этой философии: он не продает напиток, а обещает эмоциональное состояние. Визуальный ряд бренда также подкрепляет эмоциональные ассоциации: красный цвет вызывает энергию и тепло, белая волна символизирует движение и легкость. Зимние кампании с образом Санта-Клауса и семейного праздника усиливают ощущение уюта и традиции. Таким образом, Coca-Cola создает эмоциональную связь, основанную на радости совместных моментов и оптимизме.

2. Apple – вдохновение, индивидуальность и креативность. Apple строит свой брендинг вокруг эмоций восхищения, вдохновения и чувства принадлежности к сообществу особенных. Слоган «Think Different» («Думай иначе») стал не просто рекламным лозунгом, а философским призывом, обращенным к людям, стремящимся изменить мир. Минималистичный дизайн, использование белого и серебристого цветов, лаконичные визуальные решения создают ощущение совершенства и технологической чистоты. Рекламные ролики Apple редко демонстрируют технические характеристики – они рассказывают истории людей, создающих искусство и инновации. Все это формирует эмоциональную ассоциацию: «Apple – это не просто техника, это стиль жизни и вдохновение».

3. Dove – принятие, доверие и естественная красота. Бренд Dove вызывает эмоции доверия, нежности и уверенности в себе. Кампания «Real Beauty» («Настоящая красота») стала примером того, как эмоциональный брендинг может менять социальные установки. Вместо моделей в рекламе появляются обычные женщины, что вызывает у аудитории чувство аутентичности и сопричастности. Слоган кампании «You are more beautiful than you think» («Ты красивее, чем думаешь») апеллирует к внутренним переживаниям аудитории и разрушает навязанные стандарты. Цветовая палитра – белый и пастельные тона – усиливает ощущение мягкости и заботы. Dove строит свой бренд на эмпатии и самопринятии, создавая глубокую эмоциональную связь со своими потребителями.

4. Nike – мотивация и преодоление себя. Nike олицетворяет эмоции силы, решимости и вдохновения. Слоган «Just Do It» («Просто сделай это») стал одним из самых узнаваемых символов эмоционального брендинга в мире. Он апеллирует к внутренним барьерам человека, мотивируя к действию и преодолению страха. Рекламные кампании Nike часто рассказывают истории спортсменов, преодолевших трудности, что вызывает у зрителя эмоцию воодушевления и сопричастности. Использование динамичной музыки, контрастных визуальных образов и мощных цитат усиливает эмоциональный эффект. Nike не продает кроссовки – он вдохновляет на движение и победу.

В эпоху экономики впечатлений и переизбытка информации эмоциональный брендинг становится ключевым фактором успеха для брендов. Успешные бренды понимают важность эмоционального интеллекта и используют его для создания уникального опыта взаимодействия с брендом, который затронет сердца и умы потребителей. Бренд – это не просто продукт или услуга, это история, ценности и эмоции, которые он вызывает у людей. Именно эти эмоции в итоге определяют, будет ли бренд успешным или забудется в потоке информации.

Библиографический список

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – М., 2013. – 560 с.
2. Джозеф Пайн Б. II, Джеймс Х. Гилмор. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. – М., 2005. – 304 с.

3. Иост И.А., Соловьёва Д.В. «Внутренний брендинг в инновационно-активных компаниях на основе концепции эмоционального маркетинга». Практический маркетинг. – № 3 (309). – 2023. – С. 30-37.
4. Чернуха Л.А., Бирюкова Е.Ю. От любви до ненависти: почему брендам важно вызывать эмоции // Бренд-менеджмент. – 2023. – № 3. – С. 198-207.

Научный руководитель – Комиссарова Л.М., к.ф.н.

Медиапейзаж современной России: дезинформация, запрет иностранных мессенджеров и вызовы цифрового суверенитета

Махотина А.В.

*Приволжский филиал Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева
г. Нижний Новгород*

Медиапространство Российской Федерации представляет собой совокупность всех информационных каналов и средств массовой информации, посредством которых общество получает новостной, развлекательный и аналитический контент. Последние десять лет оно претерпевает значительные изменения, обусловленные внедрением цифровых технологий, появлением новых требований к медиа и изменениями в социальной структуре общества. Главным нормативно-правовым документом в этой сфере является Федеральный закон № 2124-1 «О средствах массовой информации» (от 27 декабря 1991 г., с последующими изменениями). Он регулирует права и обязанности журналистов, требования к достоверности публикуемой информации, ответственность за распространение ложных сведений. Дополнительно важны статьи Уголовного и Административного кодексов РФ, касающиеся ответственности за распространение заведомо ложной информации. С началом активного развития интернета в конце 1990-х – начале 2000-х гг. возникли предпосылки к появлению неконтролируемых государством информационных ресурсов. Данный период характеризуется появлением новых форматов контента, в частности блогов и социальных сетей, ставших основными платформами для управления общественным мнением.

Социальные сети, такие как «ВКонтакте», Telegram и TikTok, становятся основными каналами получения новостей, особенно среди молодой аудитории. Согласно данным Mediascope на 2024 г., свыше 85% российских интернет-пользователей ежедневно взаимодействуют с социальными сетями.

Дезинформация становится одной из основных угроз в медиасреде. В 2025 г. в российском интернете резко выросло количество фейков, оформленных под официальные документы. По данным АНО «Диалог Регионы» зарегистрировано 182 уникальных случая подделки распоряжений и постановлений, сопровождающихся распространением около 30 тыс. их копий [9]. Примерами служат инциденты 11 июня 2025 г., когда в социальных сетях появился фальсифицированный указ губернатора Нижегородской области Глеба Никитина о введении дополнительных мер безопасности в связи с террористической угрозой, а также 14 октября 2025 г. – видеоролик, сгенерированный искусственным интеллектом, где «губернатор» Нижегородской области объявляет о бесплатном проезде в общественном транспорте. Эффективность таких фейков обусловлена высоким уровнем профессионального оформления, что затрудняет их идентификацию, особенно для пользователей, не знакомых с особенностями официального делопроизводства.

На данный момент Telegram стал одним из главных инструментов дезинформаторов благодаря своей анонимности и скорости распространения информации. Согласно исследованию ВЦИОМ, примерно 60% населения испытывает скептицизм по отношению к информации из официальных СМИ, однако при этом продолжают получать новости из неофициальных каналов в Telegram. Павел Дуров (основатель Telegram) в 2024 г. был арестован во Франции по запросу, связанному с расследованием обвинений

в распространении запрещенного контента с помощью Telegram. Также, на выборах в Румынии платформа Павла Дурова использовалась для координации предвыборных кампаний, румынская разведка зафиксировала использование Telegram для управления цифровыми кампаниями по типу «бот-сетей», аналогичных тем, что применялись во время последних президентских выборов в Молдове.

В рамках государственной политики реализуются меры по поддержке отечественных цифровых платформ и сервисов, а также ограничению доступа к иностранным информационным ресурсам. В России действует Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и ряд связанных нормативно-правовых актов, обязывающих операторов мессенджеров размещать серверы с данными российских пользователей только на территории Российской Федерации. Также были введены правила, ограничивающие анонимность пользователей, и требования по сотрудничеству с правоохранительными органами. Цель – повысить информационную безопасность и контроль над цифровыми коммуникациями. Иностранные платформы, такие как WhatsApp, Instagram, Facebook, Messenger X (Twitter), YouTube подлежат строгому контролю. С 1 июля 2025 г. вступили в силу поправки в закон № 152-ФЗ «О персональных данных», которые значительно ужесточают правила сбора и передачи персональных данных россиян. Российские органы государственной власти требуют от операторов иностранных платформ соблюдения законов о локализации данных пользователей и возможности предоставления информации по запросу силовых структур. В ряде случаев отдельные функции приложений ограничены или сервисы частично заблокированы из-за отказа выполнять предъявляемые требования. В целях обеспечения информационной безопасности развивается собственная интернет-инфраструктура (Рунет), совершенствуется национальный мессенджер МАХ.

В системе образования Российской Федерации наблюдается постепенное внедрение программ, ориентированных на развитие критического мышления и цифровой грамотности. Школы и вузы уделяют внимание формированию у обучающихся базовых навыков оценки достоверности информации. В Нижнем Новгороде в ПФ РГУП им. В.И. Лебедева участники кибердружины анализируют материалы в мессенджерах, оперативно выявляя ложные сообщения, которые могут угрожать общественной безопасности, ведут активную работу по противодействию угрозам, связанным с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Все выявленные критические данные оперативно передаются в соответствующие органы государственной власти для принятия мер реагирования и предотвращения возможных негативных последствий. Специалисты центра когнитивной фейковой информацией и ее негативным воздействием, которые планируется внедрять в образовательный процесс для школьников и студентов. Студентами ННГУ им. Лобачевского разработан проект по автоматизации фактчекинга «Разработка системы проверки информации в СМИ и социальных медиа на основе методологии ИИ», направленный на создание инструмента, позволяющего пользователям оперативно проверять достоверность интересующих их информационных сведений.

С учетом роста дезинформации населения со стороны западных СМИ, важным направлением развития Российского медиапространства становится повышение медиаграмотности населения, развитие критического мышления и навыков работы с информацией, способствующих формированию более осознанного потребления контента. Ожидается дальнейшее развитие национальных интернет-ресурсов и сервисов, рост популярности отечественных платформ и социальных сетей. Проекты по развитию Рунета и улучшению цифровой безопасности должны стимулировать снижение зависимости от иностранных платформ. В условиях быстро меняющегося мира, медиа должны адаптироваться к новым вызовам и возможностям, чтобы оставаться актуальными и востребованными среди аудитории.

Библиографический список

1. Новиков Р.Ю., Зограбян Е.П. Цифровая трансформация СМИ: вызовы и возможности. – Исследования в цифровой экономике. – 2023. – № 4. – С. 102-125,
2. Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. – 2020. – № 12. – С. 51-58.
3. Баранова Е.А. Проблема расширения бренда СМИ // Litera. – 2025. – № 4. – С. 10-23.
4. Караванова Л.Ж. Факторы и последствия воздействия СМИ на молодежь // Проблема современного педагогического образования. – 2025. – № 86-3. – С. 354-356.
5. Козловских И.С., Репаков Т.С. Современные тенденции в СМИ и массмедиа // Вестник науки. – 2025. – № 5 (86). – С. 1070-1077
6. Мониторинг СМИ и соцсетей // Медиалогия. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mlg.ru>.
7. Яковлев М.Е. Диссертационная культура в работах российских историков (2014-2020 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н., Москва, 2024. – С. 30.

Научный руководитель – Собко Р.В., к.ф.н., доцент

Стратегии вовлечения целевой аудитории в госпабликах (на примере аккаунтов детских садов Алтайского края)

Паутова А.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В последние годы резко выросла популярность социальных сетей в качестве инструмента коммуникации в системе население-власть. В частности, это касается обращения граждан к органам государственной власти через социальные мессенджеры и госпаблики. Начало данного направления стало набирать обороты еще около 10 лет назад [1].

Деятельность госпабликов (официальных страниц органов власти и подведомственных им учреждений в социальных сетях) регулируется Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ [7]. Для того, чтобы контролировать информационную работу региональных органов власти и подведомственных учреждений в госпабликах, в каждом регионе созданы Центры управления регионом (ЦУР). Их ключевые задачи – мониторинг, реагирование и отработка запросов граждан через официальные каналы, соцсети и мессенджеры.

По словам руководителя ЦУР Алтайского края, к началу 2021 г. у всех краевых и муниципальных органов власти уже были свои страницы в соцсетях. Согласно закону, 2 942 организации в Алтайском крае должны создать аккаунты и поддерживать их [2]. Поскольку регулярное размещение в госпабликах информации о работе учреждений (включая школы, больницы, библиотеки и даже детские садики) легло на плечи сотрудников, часто не имеющих навыков и опыта работы с контентом, у многих из них возникают проблемы с поиском идей для публикаций и выбором стратегии вовлечения аудитории.

По мнению контент-менеджера М. Ветровой, сегодня в социальных сетях маркетологи используют четыре типа контент-стратегий:

1. Него – это создание контента с яркими идеями и интересным наполнением, которые становятся «героем» аккаунта. Такие материалы, как коллаборации и специальные проекты, выходят примерно раз в месяц и привлекают внимание пользователей;

2. Hub – производство основного контента аккаунта, который ищет аудитория. Здесь важно публиковать актуальную информацию, статистику и постоянные рубрики, чтобы поддерживать интерес и вовлеченность;

3. Help – стратегия производства контента, который помогает пользователям решать их вопросы. Это информация, которая адаптирована под популярные поисковые запросы и потребности ЦА;

4. Нуре – новый элемент стратегии, который включает в себя быстрое и громкое содержание. Этот контент помогает оперативно реагировать на актуальные события и привлекать внимание [3].

Чтобы понять, как можно применять данные виды стратегий для создания еженедельного контента в госучреждениях, рассмотрим примеры доступных нам материалов госпабликов Алтайского края в сегменте дошкольного образования. Всего в Алтайском крае зарегистрировано 521 учреждение дошкольного и дополнительного образования. Основными показателями эффективности для них, согласно требованиям ЦУР, являются следующие:

- а) уровень вовлеченности в процентах;
- б) выполнение требований нормы публикаций (3 поста каждые 7 дней);
- в) количество неunikальных просмотров;
- г) динамика подписчиков [6].

Для примера рассмотрим контент-стратегии самого массового аккаунта среди детских садов Алтайского края (1 058 подписчиков) – МБДОУ «Детский сад № 56» г. Барнаула за октябрь 2025 года. При просмотре страницы данного детского сада во ВКонтакте, можно увидеть, активное использование кратких репортажей с мероприятий, посвященных различным праздникам. Так, детский сад устроил праздник для детей ко Дню отца (пост собрал 34 лайка, 4 репоста и 4 комментария с благодарностями). Кроме того, в этом же месяце, воспитатели организовали День хлеба. В своей публикации они отметили цель мероприятия, рассказали историю хлеба и подвели итоги праздника (пост собрал 34 лайка, 5 комментариев и 3 репоста). Оба поста сопровождались фотографиями счастливых детей. Такие типы публикаций относятся к Него-стратегии, где сам контент становится «героем» аккаунта.

Помимо мероприятий МБДОУ «Детский сад № 56» выкладывает материалы о повседневных занятиях. Например, самым популярным постом в октябре 2025 г. стала выставка поделок из фетра, которые сделали малыши (55 лайков, 5 комментариев и 2 репоста). Подобные публикации также относятся к Hub-стратегии, так как сад рассказывает о своих мероприятиях, которые составляют суть его работы [4].

Аккаунт МАДОУ «Детский сад № 81» имеет 706 подписчиков. С первых публикаций мы наблюдаем активное продвижение имиджа воспитателей: они транслируют свое участие в различных форумах, получение наград на профильных мероприятиях и свою высокую компетентность. Это относится к Него-стратегии, то есть публикуется контент с оригинальными концепциями и увлекательным содержанием, отличающийся от других.

Кроме того, детский сад ведет свою постоянную видео-рубрику под названием «Мимилаш», в которой показывают, как проходят будни, чем занимаются дети, чем их кормят, чему учат и как поддерживают в трудных для них ситуациях. Такой живой формат аудитория активно смотрит, что видно по количеству лайков, каждое видео набирает их от 30. Благодаря рубрике подписчики постоянно посещают аккаунт, увеличивая просмотры и уровень вовлеченности. Рубрика выходит реже, чем посты, посвященные другим темам, поэтому относится к Hub-стратегии [5].

Таким образом, мы видим, что, отбирая информационные поводы и готовя публикации, детские сады используют контент-стратегии «Него» и «Hub» – их можно определить как стратегию героизации личностей воспитателей и интересных мероприятий, которые проводятся в садике (Него) и стратегию отражения текущей работы детского сада (освещение ежедневных развивающих занятий для ребятшек (Hub)).

Стоит отметить, что функцию использования стратегии «Help» (полезных советов для родителей) берет на себя сотрудник ЦУРа, который готовит и размещает общий контент сразу для всех подведомственных организаций. По нашим наблюдениям, такой контент дает низкие показатели вовлеченности в силу своего «ведомственного» обобщенного характера.

Сами же детские садики Help-контент производят редко, в силу того, что его выпускают сотрудники ЦУРа.

Можно сделать предварительный вывод о том, что идеальным вариантом для ведения госпабликов дошкольных образовательных учреждений является комбинированное использование стратегий Hub и Него, при этом необходимо так же обязательное сопровождение историй о работе садике рекомендательным контентом и советами (стратегия Хелп). При этом желательно, чтобы рекомендации и советы давали сами сотрудники садика: полезная информация для родителей из уст знакомого эксперта будет восприниматься более эффективно. Такая комбинация трех стратегий дает знать подписчикам, что аккаунт существует и ведется регулярно, способен выпускает яркие уникальные посты, которые могут привлечь новых читателей.

Библиографический список

1. Ветрова М. Контент-стратегии в SMM: что выбрать // РБК Компании. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RG7yD>.
2. Госпаблики, фейки, инциденты. Нечепуренко рассказал, чем занимается ЦУР // Атмосфера. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RG7zW>.
3. Куприянова Д.М. Проблема использования социальных сетей как госпаблик // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 12 (81). – С. 991-997.
4. МБДОУ «Детский сад № 56» // Сообщество ВКонтакте. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RG84z>.
5. МАДОУ «Детский сад № 281» // Сообщество ВКонтакте [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RG87C>.
6. Таблица данных по госпабликам детских садов и учреждений дополнительного образования [электронный документ ЦУР Алтайского края].
7. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. – URL: clck.ru/3RSZrH

Научный руководитель – Явинская Ю.В., к.ф.н., доцент

Проблемы и перспективы стратегии продвижения промышленного предприятия в медиапространстве региона (на примере ООО «Барнаульский завод Резиновых Технических Изделий»)

Плугина С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современная Россия переживает стремительные изменения в сфере промышленного производства, обусловленные глобализацией экономики, технологическими инновациями и развитием цифровых коммуникаций. Особое значение приобретает роль маркетинга как инструмента повышения конкурентоспособности предприятий и эффективного взаимодействия с потребителями. В условиях быстро меняющегося медиапространства российские промышленные предприятия сталкиваются с необходимостью адаптации традиционных подходов к новым реалиям рынка, формирования эффективной стратегии продвижения продукции и выстраивания коммуникации с целевой аудиторией.

Актуальность исследования обусловлена объективными процессами трансформации индустриального сектора, изменениями потребительских предпочтений и растущим влиянием новых технологий на процессы принятия решений покупателями. Важнейшими факторами, определяющими эффективность маркетинговых мероприятий, становятся качество информационного сопровождения продукта, скорость реакции на запросы потребителей и способность адаптироваться к динамичным изменениям внешней среды [1].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении ключевых проблем и перспектив развития маркетинговой деятельности промышленных предприятий в условиях

современного российского медиапространства, а именно Барнаульского завода Резиновых технических изделий (ООО «Барнаул РТИ»). Результаты проведенного анализа позволят выработать практические рекомендации по улучшению маркетинговой стратегии, повысить конкурентоспособность отечественных производителей и способствовать устойчивому развитию в долгосрочной перспективе.

Рассматривая основные каналы и методы продвижения продукции ООО «Барнаул РТИ», можем выделить такие, как:

1. Официальный сайт предприятия.
2. Рассылка предложений по электронной почте.
3. Работа с индивидуальными заказами клиентов.
4. Холодный поиск клиентов.

Дополнительно рассмотрим основные каналы и методы продвижения предприятия для формирования и повышения уровня узнаваемости бренда.

К ним относятся:

1. Посещение профильных выставок.
2. Участие в конференциях
3. Сотрудничество с экспортным центром, участие в бизнес-сессиях
4. Сайт предприятия.

Проведя анализ, стало очевидным, что «реальных» офлайн мероприятий, которые направлены на формирование позитивного имиджа, не проводится вообще. У предприятия слабая работа в интернет-среде, которая реализуется только на официальном сайте (отсутствуют социальные сети, корпоративные блоги, отсутствует взаимодействие с региональными СМИ и т.д.).

Для реализации выше обозначенных направлений рекомендуем начать сотрудничество с телеканалом «Катунь24» путем установления долговременных партнёрских взаимоотношений. Предлагается запуск собственной постоянной рубрики, ориентированной на освещение текущих проблем и перспектив промышленного сектора Алтайского края.

Сегодня эфир телеканала представлен разнообразием тематических блоков, включая такие направления, как: «На кухне», «Здоровье», «Алтай строит», «Мастерская», «Финансовая грамотность», «Дороги 22», «Здесь был Саша», «Ваша партия», «Поколение агро» и иные рубрики. Мы считаем целесообразным добавить новую ежемесячную рубрику, где сотрудники ООО «Барнаул РТИ» будут рассказывать зрителям о своей профессиональной деятельности, процессах производства и развитии современной индустрии.

Дополнительно, предлагаем организовать День открытых дверей. Считаем, что день открытых дверей, организованный специально для демонстрации возможностей современного производственного комплекса, знакомства с передовыми технологиями и достижениями в области резинотехнических изделий станет качественным инструментом формирования позитивного имиджа предприятия. Мероприятие рекомендуем провести на территории завода, чтобы позволить гостям ознакомиться с процессом производства продукции высокого качества, задать интересующие вопросы руководителям и специалистам предприятия, принять участие в мастер-классах и презентациях. Целью проведения дня открытых дверей будет являться привлечение внимания общественности, студентов профильных учебных заведений, представителей бизнеса и региональных властей к потенциалу предприятия, развитие сотрудничества и формирование положительного имиджа бренда. В рамках утвержденного медиаплана работать с ключевыми региональными СМИ, укрепляя доверие и интерес населения Алтайского края, а также формируя положительный имидж.

Для развития и активного ведения корпоративных социальных сетей, а также взаимодействия со СМИ в штат предприятия необходимо трудоустроить СММ-специалиста.

Считаем, что совокупность обозначенных мероприятий позволит комплексно реализовать стратегию продвижения, и, как следствие, сформировать бренд предприятия и укрепить позиции в региональном медиаполе.

Библиографический список

1. Чумиков А.Н. Связи с общественностью и медиакоммуникации: учебник для вузов. – М., 2025. – 199 с.
2. Контекстная реклама для интернет-магазина: варианты использования и инструкция по настройке // Блог InSales. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RGJFG>.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Стартовое продвижение судебно-экспертной организации в медиапространстве современной России: проблемы, тренды, перспективы

Решетов Ю.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Тема видимости нового предприятия сегодня неотделима от темы состояния медиапространства в целом. Российский медиаландшафт за последние пять-семь лет претерпел радикальные изменения: усилилось государственное регулирование, появились новые отечественные платформы, были заблокированы или ограничены отдельные зарубежные сервисы, а сам пользовательский трафик стал куда более фрагментированным [1]. В таких условиях любой молодой бизнес, особенно такой специфический, как судебно-экспертная организация, должен продумывать коммуникации на старте так же тщательно, как юридическую форму или налоговый режим. Ниже предлагается осмысление «лид-ин» сценария для компании-новичка: от первых шагов и проблем к трендам и устойчивым перспективам.

Когда экспертно-судебная лаборатория только оформляет лицензию и готовит штат, самое острое желание учредителей – поскорее получить первые запросы на экспертизу. Однако здесь важно уважать логику профессионального рынка: его ядро составляют юристы, арбитражные управляющие и сами суды. Это аудитория, которая принимает решения не стихийно, а опирается на личный опыт и доверие к конкретному эксперту. Поэтому первичное продвижение обязательно начинается «с ног», то есть с прямого очного контакта. Руководитель или старший эксперт фактически выполняет роль коммерческого представителя: посещает районные и арбитражные суды, знакомится с помощниками председателей, предлагает пробные консультации адвокатским коллегиям. Такой трудоемкий и, казалось бы, «старомодный» способ работает, потому что демонстрирует персональную вовлеченность и снимает главное опасение заказчика – сможет ли новый поставщик выдержать процессуальные сроки и предъявить заключение, пригодное для приобщения к делу.

Параллельно разворачивается «второй фронт» – онлайн-видимость. Даже если организация на первом году жизни не планирует активно брать заказы из-за пределов своего региона, базовое присутствие в сети критически важно. Потенциальный адвокат, узнавший о фирме на очной презентации, почти наверняка проверит ее сайт, а также «карточки» в 2ГИС и на Яндекс.Картах. Отсутствие данных или устаревший интерфейс моментально снижает уровень доверия: если эксперты не умеют заботиться о собственном публичном облике, смогут ли они подготовить аккуратное заключение для суда? Поэтому минимальный комплект цифрового стартера включает лаконичный, но аккуратный сайт-витрину, корректно заполненные агрегаторы, а также пакет видео-роликов, где эксперт наглядно поясняет, к примеру: каковы сроки почерковедческого исследования и чем руководствуется

суд при оценке экспертного заключения. Видео не только повышают поисковую видимость, но и служат «социальным доказательством» компетентности команды.

Через четыре-шесть месяцев работы, когда накоплен небольшой портфель дел и появились первые положительные отзывы, наступает момент переходить от точечных действий к плановой маркетинговой системе. Ключевой инструмент здесь – сегментация аудитории. Если на старте важно было «заявиться» максимально широкому кругу юристов, то теперь проходит индивидуальная работа с каждой группой. С судьей важно говорить о процессуальной корректности, с корпоративным юристом – о финансовой предсказуемости, с адвокатом-частником – об экспертной поддержке в зале заседаний (естественно при наличии такой возможности).

Каждый сегмент требует своеобразного «медиаобщения», и технически это реализуется через серию посадочных страниц. Вместо одного универсального раздела «Услуги» появляются отдельные разделы на сайте: «оценочная экспертиза недвижимости для корпоративных споров», «финансово-бухгалтерские исследования для банкротств», «компьютерно-технический анализ цифровых доказательств». Каждая страница оптимизируется под узкие ключевые запросы, что позволяет собирать «теплый» трафик с низкой конкуренцией.

В офлайне маркетинговое углубление выражается в подготовке специализированных коммерческих предложений. Например, материалы для арбитражных управляющих, где подчеркивается компетентность в видах экспертиз необходимых управляющему, будут отличаться от буклета для нотариусов, которым важнее скорость и четкая калькуляция стоимости. Таким образом, второй этап делает коммуникацию точечной по содержанию, но многоканальной по форме: сайт, база рассылки, видео блог и публикации в газетах (профильных СМИ).

Главное испытание первого года – ресурсный разрыв. Молодая компания должна одновременно оплачивать аренду офиса, закупать оборудование, обучать экспертов, оформлять методические и процессуальные документы, а параллельно еще и запускать собственную «мини-редакцию» для создания контента.

На этом фоне особенно опасна стратегия «все на один медиа-канал». Чаще всего соблазнительным кажется контекст: достаточно пополнить рекламный кабинет, задать пару ключевых слов – и, как кажется, поток заявок начнет идти уже завтра. Практика показывает обратное: концентрируя 70-80% стартового бюджета исключительно на платных кликах, фирма остается без резервов на развитие фундаментальных активов – сайта, корпоративного блога и прочего.

В результате после первой же волны переходов расходы растут лавинообразно, а эффект резко гаснет, потому что пользователь, кликнувший на объявление, не находит глубины: блог пуст, карточка «кейсы» не обновляется, экспертные статьи отсутствуют.

Оптимальным оказывается более сбалансированный подход: умеренный, контролируемый бюджет на контекстную рекламу, но обязательно в сочетании с регулярным наполнением сайта, публикациями в блоге, короткими образовательными видео и, хотя бы, минимальной активностью в профессиональных сообществах. Такая связка не дает мгновенного взлета, зато формирует устойчивый трафик и снижает зависимость от колебаний ставок в рекламных аукционах.

Еще один риск связан с персонификацией бренда. В экспертной среде нередки ситуации, когда бизнес собирается вокруг харизматичного специалиста, известного в юридическом сообществе. С одной стороны, личный бренд резко разгоняет видимость; с другой – зависимость от одного фамильного флага делает компанию уязвимой. Если эксперт окажется перегружен или решит уйти в самостоятельную практику, вся публичная репутация «сольется» вместе с ним. Поэтому с самого начала важно позиционировать команду, а не единственного «звездного» руководителя.

Современная российская медиаэкосистема характеризуется жесткой, и при этом неоднородной регуляцией. Одни платформы подлежат обязательному хранению данных

на территории РФ, другие попадают под выборочные блокировки, третьи меняют правила монетизации и показов рекомендательной ленты буквально каждый квартал. Для бизнеса это означает повышенную стоимость «ошибки фокуса»: если компания делает ставку исключительно на, скажем, «Одноклассники», и площадка внезапно ограничивает органический охват, рекламные бюджеты превращаются в невозвратные расходы.

Одновременно наблюдается тренд на импортозамещение сервисов: федеральные органы власти, крупные госкорпорации и все чаще регионы предпочитают взаимодействовать через RuTube, VK Видео, Дзен и специализированные отечественные SaaS-решения (Битрикс24, amoCRM, СберКорус) [2]. Это заставляет бизнес смотреть на каждую площадку как на часть риск-портфеля, а не универсальный двигатель продаж.

С точки зрения контент-форматов на передний план вышли короткие видео – до 60-90 секунд. Пользователь, включая даже профессионального юриста, привыкает к «снэк-контенту»: ему достаточно за минуту узнать, что экспертиза занимает не более 15 рабочих дней, чтобы оставить заявку. Для сложных тем, вроде компьютерных-экспертиз или проблем авторства исходного кода, наоборот, растет спрос на длинные лонгриды – но читают их уже не в социальных сетях, а в экспертных сообществах и профильных СМИ, где публикация автоматически повышает статус экспертов.

В условиях непредсказуемого регулирования логика «single platform» становится финансово опасной. Перспективной выглядит стратегия распределенного присутствия: собственный сайт как медиахаб, синхронный дистрибуционный план для пяти-шести ключевых площадок (VK, Дзен, Telegram, RuTube, e-mail рассылка, профильные СМИ). Контент дублируется, но не механически: короткая выжимка идет в Telegram, детальный текст – в блог, ключевые схемы – в VK-пост. Такой подход повышает затраты на редактуру, зато снижает риск одномоментной потери аудитории.

Исследователи отмечают возврат интереса к офлайн-медиа [3]. Региональные газеты, юридические журналы и радиопередачи все чаще ищут экспертов для комментариев по отраслям, и не обошли здесь и судебную экспертизу. Публикация в печатных СМИ работает как «синоним допуска» на профессиональный круглый стол, обеспечивая те самые личные контакты, с которых начинается любое долгосрочное сотрудничество.

Таким образом, вывод на рынок новой судебно-экспертной организации – это не столько технический вопрос о тонкостях SEO или таргета, сколько интегральное управленческое решение. Молодое предприятие вынуждено жить сразу в нескольких временных горизонтах: сегодня нужно рассказать о себе, завтра – доказать компетентность, послезавтра – сохранить доступ к аудитории, несмотря на возможную смену платформ. Решением становится гибрид: личные визиты, подтверждающие человеческое доверие, и распределенная цифровая экосистема, позволяющая сохранить канал к клиенту даже при жестком регулировании. Такой баланс, дополненный постоянным мониторингом нормативных изменений и готовностью диверсифицировать контент-форматы, обеспечивает не просто видимость, а устойчивое присутствие судебно-экспертной компании в быстро меняющемся медиaprостранстве.

Библиографический список

1. Назаров М.М. Мультимедийное потребление российской аудитории: опыт исследования 2021-2022 гг. // Россия реформирующаяся – 2024. – № 22. – С. 375-404.
2. Обзор «Импортозамещение цифровых сервисов в России: состояние и перспективы» // АНО «Цифровая экономика». – М., 2025. – 96 с.
3. Огаркова А.А., Душкова Е.А., Тараканова О.В. Психология потребителей рекламных услуг: мотивация и предпочтения // Международный научный журнал «Флагман науки» 2025. – № 3 (26) – URL: https://flagmannauki.ru/files/326-Ogarkova_Anastasiya_Aleksandrovna_3277.pdf

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н

Образ строительного магазина в российских медиа: от строймаркета к центру семейного отдыха

Рубаненко А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В условиях современной экономики России коммерческая продажа товаров и услуг приводит к интенсивной конкуренции, где ключевую роль играет не только ценовая политика, но и символический капитал бренда, формируемый в медиасреде. Меняется структура потребления и досуга граждан, в медиа начинают транслироваться другие темы, все чаще поднимается тема уюта, функциональности, отдыха и комфорта. В настоящее время медиа выступают не просто ретранслятором информации, а активным конструктором новых социальных и общественных значений, связанных с привычным пространством [2].

Цель исследования – выявить и проанализировать трансформацию медиаобраза Российского строительного магазина как объекта, предназначенного только для строительства и ремонта в многофункциональный центр для семейного отдыха и создания домашней атмосферы отдыха и комфорта.

Историю Российских строительных магазинов можно рассматривать, поэтапно выделяя ключевые публикации в СМИ. И от того, что именно публиковалось зависело то, как люди будут воспринимать слова «ремонт», «дом», «строительство», и то, как будут относиться к строительным магазинам и какой образ будет им представляться.

Начать этапизацию можно с периода нулевых до 2010 г. В ранний период строительные гипермаркеты в медиа представлялись как сугубо утилитарные пространства для профессионалов и мужчин, занимающихся «серьезным ремонтом». Публикации в СМИ и ранние рекламные кампании делали акцент на ассортименте и функциональности: «все для стройки и ремонта», низких ценах и акциях. А также на технических характеристиках товаров, таких как прочность и износостойкость. Образ был чисто функциональным, лишенным эмоциональной составляющей [1]. В середине 2010 г. в публикациях о строительных магазинах уже появляются такое слово, как обустройство. Медиа начинают транслировать новый посыл. Фокус немного смещается на конечный итог – уютный дом, место отдыха. В публикациях на порталах о дизайне и в глянцевых журналах строительный магазин стал представляться местом, где можно найти все для создания интерьера. Появилась тема DIY (Do It Yourself), что сделало покупки более творческими.

И в третьем этапе с конца 2010 г. по настоящее время мы можем видеть конечное смещение ориентиров за счет публикаций в цифровой среде и бумажных изданиях на полноценный образ строительного магазина, как места для отдыха семьи, где можно приобрести различные товары для уюта, такие как, подушки, пледы и ароматные свечи, а не только цемент, кирпичи и гвозди. Все эти образы появились изначально в рекламных публикациях, на баннерах и телевидении, что сподвигло строительные магазины к изменению коммерческой стратегии. Смена акцентов в фотографиях, если ранние изображения делали акцент на бесконечных стеллажах с товаром, то теперь это стилизованные фото- и видеоролики, где товар является частью красивой жизненной сцены: счастливая семья сажает цветы, пара выбирает декор для будущей гостиной, дети учатся что-то мастерить на мастер-классе. А также происходит героизация потребителя. В центре визуального нарратива – не товар, а покупатель. Причем это не «суровый мужчина с перфоратором», а семья, молодая пара, женщина, создающая уют. Очень важно отметить, что пространство магазина рассматривается уже как лофт/арт-кластер, просторное, светлое, стильное место где приятно находиться.

В качестве примера рассмотрим магазин «Лемана ПРО». Сообщество магазина во «ВКонтакте» превращается в настоящий источник вдохновения для создания идеального дома. Вместо сухих советов по ремонту здесь царит философия уюта, где каждая деталь имеет значение. Все чаще в публикациях звучит важная мысль: настоящий домашний очаг – это не просто стены и крыша над головой. Это целостный образ, сотканный из приятных мелочей, таких как текстиль, пледы, подушки, свечи и диффузоры.

Создавайте свою личную историю комфорта с помощью дизайнерского текстиля, который дарит тактильное наслаждение. С помощью изысканных ароматов, наполняющих пространство гармониями, и тщательно подобранных аксессуаров, которые расставляют стилистические акценты. Лемана ПРО приглашает за рамки ремонта – в мир, где ваш дом становится настоящим отражением вашей души.

Рисунок 3 – Пример поста из ВК Сообщества «Лемана ПРО»

Под влиянием маркетинговых стратегий крупных ритейлеров и их активной работы с медиа, в российском информационном поле произошел целенаправленный сдвиг от образа специализированного, технически сложного пространства «строймаркета» к образу демократичного, многофункционального, эмоционально привлекательного «центра семейного отдыха и творчества». Благодаря согласованной работе пиар-служб ритейлеров и медиа, которые стали активно производить соответствующий контент, образ строительного магазина в общественном сознании совершил эволюцию: от сурового магазина для мужчин-профессионалов до стильного «центра вдохновения» для семьи, где продают не просто материалы, а возможности для создания уюта и самореализации.

Библиографический список

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М., 1996. – 416 с.
3. Официальный сайт журнала о дизайне и интерьере InMyRoom [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inmyroom.ru>.
4. Официальный сайт о строительстве и ремонте IVD.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ivd.ru>.
5. Официальное сообщество «Лемано ПРО» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/leroymerlenru>.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Инструменты для повышения узнаваемости бренда в медиaprостранстве региона (на примере компании ООО «СЕЛФ»)

Рябинина Ю.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время мир перенасыщен разнообразными брендами, конкурирующими за внимание потребителей. Цель бренда – мотивировать целевую аудиторию выбрать именно его продукт [1]. На начало 2024 г. было зарегистрировано 2 618 533 коммерческих организации [2], и, очевидно, такие цифры подтверждают факт высокой конкуренции и огромного многообразия брендов малого и среднего масштаба. В таких условиях развития рынка все большее значение приобретает узнаваемость бренда, ведь именно она кардинально отличает одну организацию от другой, способствует формированию лояльности потребителя и повышает конкурентоспособность компании.

Цель данного исследования заключается в анализе деятельности организации ООО «СЕЛФ» в рамках развития собственного бренда, а также в применяемых инструментах для повышения его узнаваемости.

ООО «Селф» – компания, специализирующаяся на строительстве жилых и нежилых зданий. Компания позиционирует себя как застройщика городов будущего, «в которых легко встретить единомышленников, где все создано для совместной работы, творчества, воплощения идей». На официальном сайте компании можно увидеть слоган «Дома с характером!» [3]. Такая фраза наполнена точной эмоцией, смыслом и ощущением, она помогает формировать узнаваемый образ застройщика, отличный от конкурентов.

Основополагающий инструмент «СЕЛФа» – создание ярких проектов-флагманов и их рекламирование (ЖК «Город гор», «ЖеКа Павлов», «Опера», «Локомотив» и др). Как говорит идейный вдохновитель и исполнительный директор Владислав Шония: «Иногда, кажется, это мелочи, но зачастую именно они в итоге комплексно формируют общее впечатление об объекте. Например, на стройке все водят на экскурсии клиентов по доскам, а ты раз, и красную дорожку постелил, светильники поставил, защитными пленками все обтянул, чтобы не повредить. Потребитель приходит на стройку и думает: «Вот это

уровень!» [4]. Команда делает акцент на визуальную составляющую бренда: стильные офисы, архитектура, соответствующий фирменный стиль рекламной продукции и сайта.

С точки зрения визуальной части маркетологи используют строгие шрифты, визуализации фасадов зданий или жилых комнат, чаще всего играют с минимализмом и контрастностью в общем восприятии, а также используют базовую цветовую гамму, добавляя местами яркую инфографику для акцента и «стиля». Все лаконично, строго, при этом премиально и статусно, что характерно для сферы недвижимости. Помимо ярких слоганов компания использует и креативные баннеры (рис. 1), которые не похожи на те, что размещают конкуренты. Их хочется рассмотреть, сфотографировать и обязательно переслать другу. А к некоторым, более серьезным и сдержанным, хочется быть причастным. Целевая аудитория, благодаря такому визуалу, уже представляет себя на диване или на детской площадке, которые видит на билборде. В образе компании мы наблюдаем стремление к тому, чтобы быть не просто очередным неплохим застройщиком, а игроком с высокой репутацией, качественной архитектурой и знаковым продуктом.

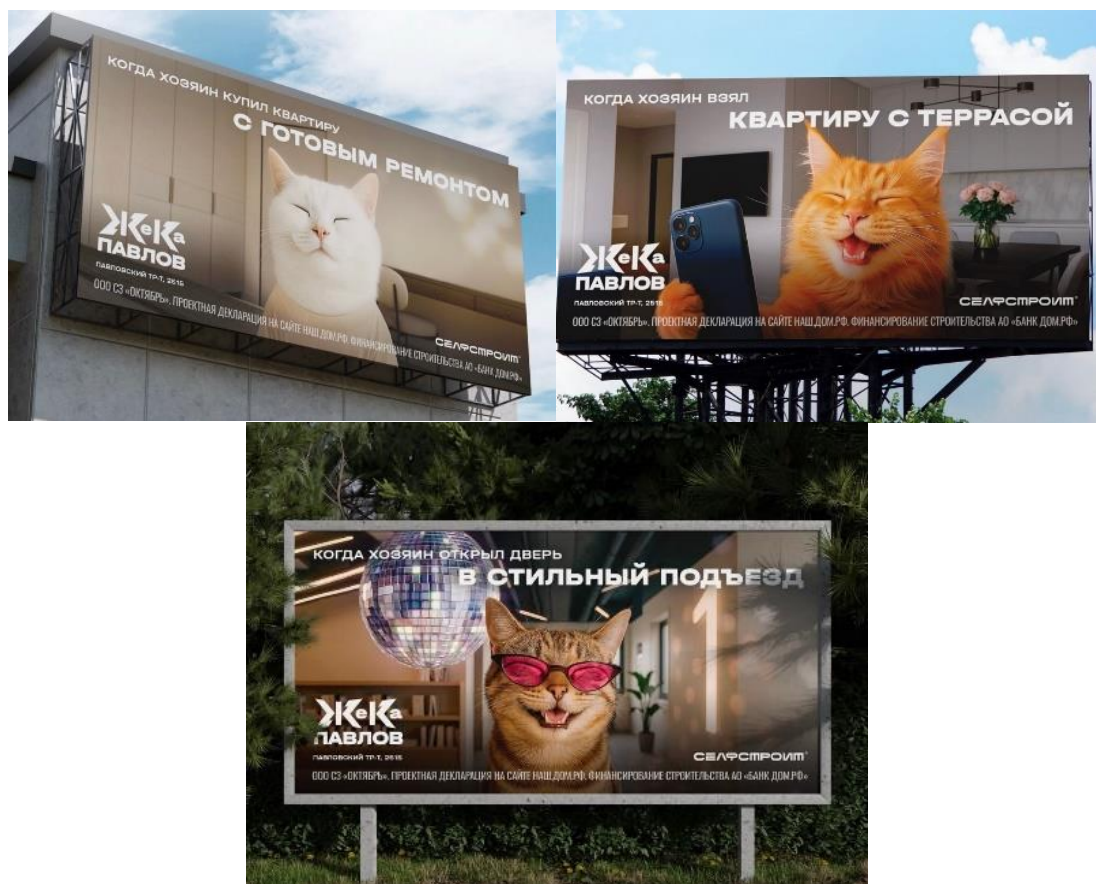

Рисунок 1 – Проекты билбордов для рекламы ЖК «ЖеКа Павлов» от компании ООО «Селф»

Компания на ежедневной основе публикует актуальный контент в своих социальных сетях, помимо этого активно коллаборирует с другими организациями, в том числе и строительными, снимает собственную серию подкастов и дает интервью, например, в августе 2024 г. вышел в свет выпуск журнала «Автограф», а на обложке – сотрудники компании «СЕЛФ», которые рассказали в интервью, зачем молодые специалисты нужны на стройке и какую роль они играют в развитии городских кварталов [5]. Про деятельность ООО «СЕЛФ» жители края регулярно узнают от местных СМИ, компания также публикуется в журналах, принимает участие в специализированных форумах и пресс-конференциях, выступает спонсором мероприятий, соответствующих ее корпоративным интересам.

«СЕЛФ» акцентирует внимание потребителей на том, что он является «ведущим застройщиком Алтайского края» и реализует свои проекты еще в 6 регионах нашей страны.

Кроме того, участвует в крупных социальных проектах (реставрация театра кукол «Сказка», перинатального центра «Дар», «Русского чая» и воссоздание «Локомотива»). Это формирует ассоциацию бренда с общественно-важными проектами. Нельзя не отметить постоянное участие команды в медийных публикациях и масштабных проектах в медиасреде.

В марте 2025 г. команда презентовала «галерею продаж» с 3D-турами и премиум-пространством. Этот инструмент характеризует их как современную, технологичную и премиальную компанию. Помимо этого, «СЕЛФ» регулярно работает над поддержанием своей репутации: в отзывах в 2ГИС видно, что клиенты отмечают их как надежного застройщика и клиентоориентированную команду. Компания отвечает на отзывы, тем самым усиливая доверие и узнаваемость через слово «от клиента».

Один из крупнейших девелоперов Барнаула, компания «СЕЛФ», не только комплексно застраивает кварталы с продуманной инфраструктурой, создавая визитные карточки города, но и успешно ведет реновацию старых территорий. Владислав Шония считает, что продукт надо делать таким, чтобы не тратить денег на рекламу. «Ты только начинаешь строить объект, а люди уже ищут, где этот дом». Этот девиз помогает компании планировать и реализовывать проекты такого высокого уровня, который мы наблюдаем. Когда каждый ЖК «говорит» все без слов. В настоящее время «СЕЛФ» успешно реализует проекты не только в крае, ставит для себя крупные цели, но не забывает поддерживать и масштабировать ту узнаваемость, которую имеет.

Подводя итог, стоит отметить, что далеко не все бренды используют актуальные средства и инструменты для собственного продвижения, но, несмотря на это, существует намного больше таких компаний, которые отслеживают изменения, тренды, изучают новую информацию, постоянно взаимодействуют с потребителем и стараются шагать в ногу со временем и компания ООО «СЕЛФ» находится в их числе, успешно реализуя свои проекты уже на протяжении 29 лет.

Библиографический список

1. Рябых А., Зебра Н. Персональный бренд. Создание и продвижение. – М., 2015. – 304 с.
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – официальный сайт – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>.
3. Селфстроит [офиц. сайт] – URL: <https://selfstroit.ru>.
4. Барнаульский застройщик меняет подход к проектам и философию компании [Электронный ресурс]. – URL: https://dzen.ru/a/ZJ5TP0_TnU-dDdM9.
5. Журнал «Автограф» [офиц. сайт]. – URL: <https://avtograf-22.ru/online>.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н

Роль медиапространства в формировании туристического имиджа малых городов России

Сенюк Д.А.

*Московский университет «Синергия»
г. Москва*

Задачи, поставленные национальным Проектом «Туризм и гостеприимство» в области внутреннего туризма, выделяют раскрытие туристического потенциала малых городов и исторических поселений России как одно из важнейших направлений. Наряду с повышением комфортности городской среды, развитием туристической инфраструктуры, реконструкцией объектов культурного наследия и формированием насыщенного событийного ряда одним из решающих подходов к привлечению туристического потока является создание туристического имиджа малого поселения и его представленность в медиапространстве страны.

В современных исследованиях под туристическим имиджем предлагается понимать совокупность представлений, ассоциаций и оценок, складывающиеся относительно продвигаемой территории как объекта путешествия у жителей других регионов страны [3]. Однако такой имидж является, с одной стороны, результатом личных восприятий потенциальных туристов, а с другой, – это продукт, создаваемый организаторами туристического объекта. В современном обществе свое завершение формирование туристического имиджа находит через информационные каналы: публикации, репортажи, социальные сети, блоги и пр. В условиях же информационного общества медиапространство становится ключевым инструментом не только продвижения территорий, но и создания их имиджа. Медиа не только транслируют информацию, но и активно формируют образ территории. Причем, для достижения необходимого результата исследователи отмечают необходимость сочетания в туристическом медиа ресурсе как рациональных характеристик (инфраструктуры, маршрутов, сервисов) так и эмоциональных смыслов (атмосферы, уникальности, сохранности аутентичности). От этого зависит, будет ли город восприниматься как привлекательное направление для путешествия [2].

Хотя малые города России обладают богатым культурным, природным и историческим потенциалом, их медийная представленность остается крайне низкой. Внимание федеральных и региональных СМИ сосредоточено преимущественно на крупных туристических центрах, тогда как небольшие города остаются «невидимыми» на информационной карте страны. Эта «невидимость» приводит к слабой узнаваемости бренда территории и снижает туристический поток [5]. Проблема недостаточной медийной представленности туристического имиджа малых городов имеет свои причины: нехватка финансовых и кадровых ресурсов, отсутствие системной стратегии продвижения и дефицит профессионального контента. Муниципалитеты редко обладают компетенциями в области маркетинга территорий, а работа с медиа часто носит эпизодический и несистемный характер. Как результат, формирование имиджа происходит стихийно, без четкого позиционирования и единого стиля.

Однако развитие цифровых коммуникаций дает возможность коренным образом изменить способы продвижения территорий. Современные механизмы формирования туристического имиджа через медиа представляют собой широкий инструментарий. Это социальные сети, видеоформаты и пользовательский контент. Так, короткие видеоролики о достопримечательностях и культурных событиях в TikTok формируют эмоциональную вовлеченность аудитории и напрямую влияют на мотивацию путешествий [4]. В то же время наряду с социальными сетями значительную роль играют онлайн-турагентства и агрегаторы, которые дают структурированную информацию о городах и влияют на восприятие их привлекательности [1]. Следует отметить, что медиапространство все больше становится многослойной экосистемой, где взаимодействуют официальные аккаунты муниципалитетов, региональные СМИ, блогеры и сами пользователи. В этой среде выигрывают те города, которые обеспечивают постоянное присутствие и узнаваемость в цифровом пространстве.

Есть замечательные примеры успешной работы с медиа малых городов по продвижению своей туристической привлекательности даже при ограниченных ресурсах. Так, в ряде проектов программы «Малые города – большие идеи» местные администрации совместно с блогерами и фотографами создавали визуальные серии о повседневной жизни и культурных событиях своих городов. Эти материалы получили широкое распространение в соцсетях и привели к росту туристического интереса. Успех обеспечивается тогда, когда медиастратегия выстраивается вокруг ценностей и уникальных смыслов территории – будь то архитектурное наследие, гастрономия или фестивальная культура. Медиа становятся инструментом символического «перевода» локальной идентичности на язык, понятный широкой аудитории [2].

В заключение необходимо подчеркнуть особую роль медиапространства как в формировании туристического имиджа малых городов, так и в продвижении туризма в российской провинции. При этом для повышения туристической привлекательности малых

поселений в сфере медийного продвижения требуется проведение системной политики. Это включает создание брендов территорий, а в ряде случаев их ребрендинг, разработку и финансирование медиапроектов, обучение муниципальных специалистов работе с контентом и партнерству с инфлюенсерами. При этом реальный эффект, как подчеркивают исследователи, достигается лишь при взаимодействии профессиональных и пользовательских медиа с формированием единого позитивного информационного пространства [3]. Присутствие в медиапространстве становится не просто инструментом рекламы туризма, а одним из условий социально-экономического развития малых городов и исторических поселений. Без активного участия в цифровой коммуникации даже города с богатым наследием рискуют остаться на периферии внимания. Формирование устойчивого туристического имиджа требует объединения усилий местных сообществ, власти и медиаиндустрии, а также институциональной поддержки на уровне региональных программ. В то же время поддержка обсуждаемого тренда на государственном уровне медиапространства способна придать ему комплексную завершенность.

Библиографический список

1. Копалова О.С., Куимов В.С., Ефимова В.А. Деятельность онлайн-турагентств в оценках потребителей // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 1 (51). – С. 148-151.
2. Куличенко Ю.Н., Курченкова Е.А. Стратегии и тактики создания положительного имиджа города в туристическом медиадискурсе // Медиалингвистика. – 2025. – Т. 12. – № 2. – С. 265-278.
3. Лиханова В.В. Медиаимидж как средство продвижения туристской территории // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2016. – Т. 3. – № 3. – С. 23-32.
4. Тяшин Ли, Панков С.В. Информационная составляющая при выборе туристических направлений в Россию на основе анализа контента (на примере TikTok) // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2023. – Т. 9 (19) – № 1. – С. 151-160.
5. Щегольков Ю.Ю., Метелкина П.В. Развитие туризма в малых городах России // Мир новой экономики. – 2017. – № 1. – С. 86-91.

Научный руководитель – Фролова Е.В., д.соц.н., профессор

Стратегии медиакоммуникационного продвижения российских образовательных онлайн-платформ в условиях импортозамещения

Чекунова С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современный этап развития образовательной сферы характеризуется экспоненциальным ростом сегмента онлайн-обучения. В условиях высокой конкурентной плотности, эффективная реализация медиакоммуникационных стратегий приобретает детерминирующее значение для успешного позиционирования и продвижения образовательных платформ. Особую научную и практическую актуальность получает исследование специфики функционирования в цифровой среде в контексте политики импортозамещения и активного развития отечественных медиаинструментов.

1. Интегрированные коммуникационные стратегии в цифровой экосистеме.

Эмпирические данные свидетельствуют о продуктивности применения российскими онлайн-школами холистического подхода к медиапродвижению. Данная стратегия подразумевает формирование интегрированной коммуникационной экосистемы, включающей:

– Развертывание контент-кластеров в социальных сетях, преимущественно «ВКонтакте».

– Активное использование национальных видеохостингов, таких как RuTube и «VK Видео».

– Разработку и дистрибуцию семантически адаптированного контента для платформы «Яндекс.Дзен».

– Задействование нишевых коммуникационных каналов, например, Yarru, для таргетирования узкоспециализированных аудиторных сегментов.

2. Контент-маркетинг как фундамент образовательной медиакоммуникации.

Ключевым элементом, обеспечивающим конкурентоспособность, выступает генерация релевантного и ценного образовательного контента. К основным форматам относятся:

– Бесплатные вебинары и мастер-классы, выполняющие функцию лидогенерации.

– Экспертные статьи и методические материалы, формирующие образ компетентного провайдера.

– Кейс-стади и практикумы, демонстрирующие прикладную ценность образовательных продуктов.

– Новостной контент, обеспечивающий информационное присутствие в образовательном дискурсе.

3. Роль социальных сетей в формировании доверительных отношений

Платформа «ВКонтакте» позиционируется как центральный хаб коммуникации, что обусловлено рядом факторов:

– Функционал для создания и модерации тематических сообществ.

– Инструменты для организации интерактивного взаимодействия с преподавательским составом.

– Возможность проведения онлайн-трансляций и виртуальных мероприятий.

– Механизмы сбора обратной связи и пользовательских отзывов, обеспечивающие обратную связь.

4. Вовлечение лидеров мнений для усиления коммуникационного воздействия.

Существенную роль в построении доверия играет коллаборация с агентами влияния, к которым относятся:

– Отраслевые эксперты, обеспечивающие содержательную валидность.

– Преподаватели-практики, демонстрирующие прикладную экспертизу.

– Успешные выпускники, выступающие в качестве социального доказательства.

– Образовательные блогеры, обеспечивающие широкий охват целевой аудитории.

5. Метрическая система оценки эффективности коммуникаций.

Оценка результативности применяемых стратегий осуществляется посредством системы количественных и качественных метрик, включающих:

– Анализ пользовательского поведения (user behavior analytics).

– Показатель конверсии из подписчиков в платящих клиентов.

– Расчет стоимости привлечения клиента (Customer Acquisition Cost, CAC).

– Определение пожизненной ценности клиента (Customer Lifetime Value, LTV).

Анализ успешных российских онлайн-школ репрезентирует эффективность следующих практик:

1. Skyeng: применение модели «фримиум» через распространение бесплатных интерактивных упражнений для привлечения и удержания аудитории.

2. Нетология: формирование профессионального комьюнити в социальной сети «ВКонтакте» для укрепления лояльности.

3. GeekBrains: организация хакатонов и профессиональных конкурсов, стимулирующих практическое применение знаний.

4. Фоксфорд: установление партнерских отношений с известными преподавателями и экспертами для усиления бренда.

Медиакоммуникации являются определяющим фактором конкурентоспособности онлайн-школ в российском цифровом пространстве. Репрезентативная стратегия

предполагает синергическое сочетание следующих элементов: формирование целостной экосистемы на релевантных платформах, системная генерация качественного контента, построение долгосрочных отношений с аудиторией, активное использование социальных доказательств и адаптация под специфику отечественного медиаполя.

Дальнейшая эволюция рынка будет сопряжена с углублением персонализации коммуникаций, развитием интерактивных (включая иммерсивные) форматов и интеграцией алгоритмов искусственного интеллекта в процессы продвижения и анализа данных. Перспективные направления научных изысканий включают компаративный анализ эффективности новых контент-форматов, исследование поведенческих паттернов различных аудиторных сегментов и разработку оптимизированных моделей коммуникации для дифференцированных образовательных ниш.

Библиографический список

1. Андреева А.Н., Петров С.К. Трансформация маркетинговых коммуникаций в цифровой экономике. – М., 2022. – 256 с.
2. Воронова О.И. Стратегии продвижения образовательных услуг в социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2021. – № 5. – С. 78-105.
3. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – М., 2020. – 320 с.
4. Коротков А.В. Контент-маркетинг: стратегии и практики. – СПб., 2023. – 304 с.
5. Романов А.А., Жуков Д.С. Импортзамещение в цифровой среде: новые вызовы и возможности для российского EdTech // Экономика и управление. – 2022. – № 4 (158). – С. 45-52.
6. Ryan D. Understanding Digital Marketing: Marketing Strategies for Engaging the Digital Generation. – Kogan Page, 2020. – 320 p.
7. Chaffey D., Ellis-Chadwick F. Digital Marketing: Strategy, Implementation and Practice. – 7th Edition. – Pearson, 2019. – 696 p.

Научный руководитель – Шмаков А.А., к.ф.н.

Перспективы развития медиaprостранства Казанского федерального университета

Шагидуллин М.Т.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань*

Цифровая трансформация высшего образования выводит на первый план вопрос формирования эффективного медиaprостранства. Для современного университета оно становится ключевым инструментом не только коммуникации, но и создания образовательной среды, укрепления репутации и привлечения талантов. Казанский федеральный университет (КФУ) демонстрирует комплексный подход к построению такой среды, и его опыт позволяет выявить основные векторы развития медиасистемы вуза.

Одной из приоритетных задач является глубокая интеграция существующих медиаактивов. КФУ уже обладает развитой инфраструктурой: университетский телеканал UNIVER TV, сетевая система медиapанелей в кампусах, активное присутствие в социальных сетях. Однако перспектива видится в переходе от разрозненных каналов к единой экосистеме. Речь идет о создании централизованного контент-хаба, где производится мультиплатформенный контент. Например, научное открытие, может быть представлено в формате развернутого интервью на телеканале, трансформировано в краткий видеоролик для трансляции на экранах в холлах учебных корпусов, сопровождаться инфографикой для соцсетей и стать темой обсуждения в специализированном канале или паблике. Такая синергия позволяет максимально эффективно использовать ресурсы и охватывать разнородную аудиторию.

Так, к примеру, в КФУ при работе над тематикой кибербезопасности часть материалов, созданных для телеканала UNIVER TV, была адаптирована для трансляции на

медиапанелях. Развернутое интервью со специалистом университета, в котором подробно разбирались схемы фишинговых атак, послужило основой для производства научно-популярного сюжета. Инфографика была запущена в ротацию на всех экранах университета в периоды наибольшего потока. Их ключевой задачей было не подробное объяснение, а моментальное привлечение внимания к проблеме и запоминания базового правила: «Не переходите по подозрительным ссылкам в письмах» [1].

Параллельно с этим команда социальных сетей создала на основе видеоматериалов набор ярких инфографик и карточек для платформ ВКонтакте и Telegram. Визуальный контент емко и доступно объяснял, как отличить официальное письмо от деканата от мошеннического, и содержал подробные инструкции как действовать в случае общения с мошенниками. Это обеспечило многоточечное воздействие: студент, мельком увидевший предупреждение на панели в коридоре, позднее мог наткнуться на тот же посыл в ленте новостей, что закрепляло важность темы и подталкивало к изучению вопроса глубже. Таким образом, единый информационный повод – угроза кибермошенничества – был проработан на всех уровнях медиасистемы университета: от быстрого оповещения до экспертного обсуждения, что позволило охватить как широкую массу студентов, так и целевую IT-аудиторию, максимально эффективно используя ресурсы одного производственного цикла.

Важнейшим направлением становится так же персонализация контента. Университетская аудитория крайне неоднородна: абитуриенты, студенты разных курсов и направлений (которых более 50 тыс.), профессорско-преподавательский состав, выпускники. Массовая рассылка информации теряет эффективность. Будущее за развитием нишевых сообществ и сегментированием потоков данных. Это повышает вовлеченность и формирует чувство принадлежности к конкретному академическому сообществу [2].

Стратегически меняется и сама суть производимого контента. Медиапространство вуза перестает быть просто новостной лентой и превращается в мощный образовательный ресурс. Форматы edutainment (обучение через развлечение) выходят на первый план. Университетские медиа могут генерировать собственный образовательный продукт: публичные лекции ведущих профессоров в формате подкастов, научно-популярные документальные проекты на UNIVER TV, короткие видеообзоры актуальных исследований. Это не только повышает узнаваемость бренда КФУ, но и делает знание открытым и доступным, выполняя одну из ключевых миссий университета.

Опыт Казанского федерального университета наглядно показывает, что развитие медиапространства – это стратегическая инвестиция в будущее. Успех определяется переходом от набора инструментов к созданию целостной, умной и человеко-ориентированной медиаэкосистемы. Именно такая экосистема способна не только информировать, но и объединять, просвещать и формировать новое поколение профессионалов.

Библиографический список

1. Шагидуллин М.Т. Влияние цифровизации на социальную жизнь молодежи // Материалы III Международного конгресса социологов «Устойчивое развитие Евразийского пространства: социальные технологии, риски и перспективы». – Казань: КФУ, 2024.
2. Шагидуллин М.Т. AI в HR университета: цифровая медиация конфликтов и оптимизация коммуникаций в социальных сетях // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал». – М., 2025. – С. 530-531.

Научный руководитель – Заляев Р.И., к.полит.н., доцент

Визуальный язык медиа и искусственный интеллект: шаблоны и алгоритмы

Шкарупа В.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Производство визуального контента, такого как афиши, баннеры, редакционные иллюстрации и пр. радикально меняется под влиянием развивающихся алгоритмов и нейросетевых инструментов. За счет доступности генеративных моделей и шаблонных сервисов мы можем наблюдать массовую демократизацию визуала и растущую однотипность медиапространства. Актуальность данной статьи обусловлена формированием новой визуальной среды, характеризующейся снижением смысловой плотности изображения и преобладанием в различных структурах, от малого бизнеса до крупных медиа безликих машинных структур над оригинальностью с высокой художественной ценностью, присущей человеческому труду. Что в конечном итоге ведет к снижению ценности визуального контента и человеческого труда.

Рассмотрим изменение логики производства визуального контента под влиянием шаблонных редакторов и генераторов изображений на основе ИИ (таких как: Canva, Freepick, Midjourney, DALL-E и т.д.):

- Сложные композиционные решения, последовательность и модульность заменяются выведенными паттернами, а «творческая интуиция» художника – готовыми решениями.

- Происходит усиление эффекта алгоритмической унификации, то есть повторяемости форм и приемов в различных медиапроектах.

- Быстрое получение эстетически привлекательного результата при минимальных затратах времени и усилий. При этом качество контента, генерируемого нейросетями, продолжает вызывать нарекания и требует тщательной проверки и редактуры.

- Снижение требований к уровню компетентности специалистов медиапространства, однако пока на рынке не сформирована потребность в узких специалистах, заточенных на взаимодействие с технологиями ИИ. Случаи потери работы специалистами из-за использования нейросетей на данный момент носят единичный характер, а выявленные проблемы и закономерности говорят о вероятном изменении структуры занятости профессионалов [1].

Российские исследования фиксируют этот тренд и констатируют роль алгоритмов в стандартизации визуальных практик.

Последствия унификации визуала можно разделить на два уровня проявления:

1. Информационный уровень: шаблонный дизайн упрощает восприятие, это гарантирует более быстрое считывание массовых сообщений обществом, но одновременно снижает плотность смысловых маркеров, которые отличают один медиаповод от другого.

2. Семантический уровень: алгоритмы построены на усредненных предпочтениях, соответственно производят устойчивые клише, что отрицательно влияет на визуальные коды из-за потери локальности и других контекстными признаками алгоритмизации. В российской практике это выражается в росте «похожих» афиш, карточек и тизеров у разных издателей и брендов, что уменьшает узнаваемость источника и ослабляет доверие аудитории к визуальному знаку как носителю смысла. [2].

Интеграция ИИ и шаблонов в рабочий процесс неминувна, однако существуют пути, позволяющие избежать обезличивания и стандартизации медиапроектов. Во-первых, смешанные рабочие процессы, где человек берет на себя ответственность за ключевые смысловые решения, а рутинную часть (масштабирование, подбор палитры, генерация референсов, идей) выполняют алгоритмы. Во-вторых, методологические подходы (модульность дизайна, система визуальных маркеров, гайдлайны с акцентом на локальные

коды) позволяют организовать производство визуала, сохраняя отличительные признаки источника.

Российская аналитика подчеркивает, что интеграция ИИ и профессиональной дисциплины дизайна – перспективный путь: алгоритмы ускоряют производство, а дизайнерская рефлексия обеспечивает смысловую насыщенность.

На основе обзора и анализа можно выделить практические рекомендации для создания медиаконтента:

1. Разработать «человеческие» гайдлайны. Инструкция должна задавать не только визуальные параметры (цвет, шрифт, сетка), но и смысловые маркеры (темы, метафоры, локальные коды), которые нельзя заменять автоматикой.

2. Применять гибридизацию творческого процесса для возникновения симбиотических форм творчества, где человеческое воображение и алгоритмические процессы будут неразрывно связаны. Алгоритмы генерируют варианты, человек отбирает и адаптирует их под нужную задачу.

3. Внедрять модульность. Модульный принцип предусматривает создание композиции из отдельных визуальных элементов, которые могут легко трансформироваться из печатного формата в цифровой.

4. Оценивать эффект визуальной дифференциации. Вводить метрики различимости (например, тесты распознавания бренда по изображению, А/В-эксперименты) как часть редакционной практики. [3].

Такие практики помогут медиа сохранить способность к смысловой дифференциации, одновременно пользуясь преимуществами скорости и доступности алгоритмических инструментов. Воздействие алгоритмов и нейросетей на медиaprостранство сегодня очевидно. Их использование ускоряет рабочие процессы, упрощает создание контента и открывает новые возможности для креатива. Происходит возникновение симбиотических форм творчества, где человеческое воображение и алгоритмические процессы будут неразрывно связаны. На данный момент среди решаемых с помощью ИИ задач лидируют: генерация идей, написание текстов и создание изображений. Для аналитики PR-специалисты ИИ используют не так широко. Однако вместе с ростом скорости и доступности контента возрастает риск снижения его качества и потери уникальности [4].

Чтобы избежать унификации визуального языка и сохранить выразительность медийных образов, необходимо сочетать алгоритмическую эффективность с человеческим контролем и интуицией [5]. Ключевые этапы – формирование концепции, модульность, редактирование, финальная оценка – должны оставаться за человеком. Именно такой симбиоз позволит использовать нейросети как инструмент ускорения, а не как замену творческому мышлению. Этот подход обеспечит устойчивость и индивидуальность визуальной коммуникации в эпоху растущей алгоритмической стандартизации.

Библиографический список

1. Андрюшина Д.В., Печенова Т.А., Тиханкина К.А. Практические аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности профессионального коммуникатора // Вестник медиакоммуникаций. – 2024. – № 32. – С. 108-119.
2. Романов О.Ю. Трансформация визуальной культуры в эпоху искусственного интеллекта: новая парадигма фотографической практики // Фотокультура и общество. – 2024. – № 4. – С. 30-36
3. Пузанова Ж.В. Технологический дискурс в российских СМИ: стратегии репрезентации искусственного интеллекта // Социологические исследования / RUDN Journal. – 2024. – № 3. – С. 747-763.
4. Демочкин Д.С. Влияние алгоритмов персонализации контента на модели медиапотребления // Медиаисследования. – 2022. – № 3. – С. 23-26.
5. Исследовательский центр ИСЭСК НИУ ВШЭ. Искусственный интеллект в России: технологии, применение, тренды (обзор) // НИУ ВШЭ – 2021-2023 (сводный доклад).

Научный руководитель – Комиссарова Л.М., к.ф.н.

Секция 7. Современные подходы к управлению здравоохранением

Совершенствование системы наставничества в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2»

Адлер А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Эффективно организованная система наставничества является важной составляющей любой медицинской организации и помогает преодолеть любые стрессовые моменты. Применение современных технологий и инструментов способствует успешному осуществлению адаптации как медицинского персонала, привлекаемого извне, так и тех, кто перешел на новую должность в ходе внутренней ротации.

КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2» (далее – КГБУЗ «ККБСМП № 2»), в соответствии с утвержденным Уставом [1], создано с целью обеспечения своевременной и эффективной медицинской помощи населению в экстренных и неотложных ситуациях, создания безопасных условий для лечения пациентов с использованием передовых медицинских технологий и методов диагностики. В настоящее время в КГБУЗ «ККБСМП № 2» сформирована и эффективно действует система наставничества, цель которой – интеграция новых сотрудников в коллектив и повышение уровня профессиональной подготовки действующих сотрудников, помощь новичкам в освоении на рабочем месте, знакомство с принципами работы медицинской организации, основными требованиями и ожидаемыми стандартами выполнения задач.

Нормативную основу развития системы наставничества в учреждении составляет Положение о наставничестве [2], которое определяет цели, задачи и функции системы наставничества, а также механизмы его реализации, критерии выбора наставников, их права и обязанности, требования к квалификации и опыту, критерии достижения поставленных целей и показателей. В основе управления системой наставничества лежит применение определенных технологий, в том числе: стратегического планирования, создания нормативной базы, подбора и обучения наставников, формирования пар «наставник-подшефный», мониторинга и контроля, информационного обеспечения. Кроме того, система наставничества характеризуется наличием критериев ее оценки, которые определены в действующем Положении о наставничестве. Наличие оценочных критериев позволяет своевременно выявлять проблемы и недостатки, корректировать программу наставничества и повышать ее эффективность.

В 2022 г. КГБУЗ «ККБСМП № 2» стало пилотным проектом Министерства здравоохранения Алтайского края по внедрению системы наставничества для врачей и среднего медицинского персонала. На протяжении 2022-2024 гг. ежегодно увеличивалось количество молодых специалистов, приходящих на работу в медицинскую организацию. Если в 2022 г. количество молодых специалистов составляло 30 чел., то в 2023 г. их было уже 62, а в 2024 г. – 75 чел. Первым этапом внедрения системы наставничества стало формирование команды наставников из числа наиболее опытных и квалифицированных сотрудников больницы. Так, в 2022 г. и в 2023 гг. с наставниками было проведено по 2 обучающих семинара, в 2024 г. – 4. Стажеры объединены в общую группу для внутригрупповой поддержки и оперативного решения важных вопросов. Контрольные встречи с наставниками и стажерами проводятся один раз в три месяца. Так, в 2022-2023 гг. было создано 27 шефских пар (наставник – подшефный), в 2023-2024 гг. – 56 пар, в 2024-2025 гг. – уже 62 пары.

Ежегодно увеличивается показатель одного из критериев оценки системы наставничества в КГБУЗ «ККБСМП № 2» – участие молодых специалистов в научно-практической работе, во внедрении в практику современных методов профилактики, диагностики и лечения. Так, если в 2022 г. в научно-практических семинарах различного уровня приняли участие 2 молодых специалиста, то в 2024 г. их количество возросло до 9.

Эффективность действующей системы наставничества может быть оценена процентом молодых специалистов, которые после прохождения программы остались для дальнейшей профессиональной деятельности в КГБУЗ «ККБСМП № 2». Так, в 2022 г. количество оставшихся молодых специалистов составляло 96%, в 2023 г. – 98%, в 2024 г. – 100%.

Вместе с тем для системы наставничества КГБУЗ «ККБСМП № 2» характерно наличие некоторых проблем, в том числе:

- отсутствует комплексная программа обучения для наставников, требуется увеличение количества проводимых обучающих мероприятий;
- не разработан четкий алгоритм отбора сотрудников (медицинского персонала) для выполнения функции наставника;
- требует совершенствования действующая система мотивации наставников.

С целью решения имеющихся проблем были разработаны рекомендации по совершенствованию системы наставничества КГБУЗ «ККБСМП № 2». Разработка и принятие Комплексной программы, а также реализация ежегодного Плана обучения наставников будет способствовать профессиональному росту наставников, увеличит число проводимых обучающих мероприятий, а также повысит качество оказываемой медицинской помощи за счет передачи ценного опыта и знаний от опытных специалистов к молодым сотрудникам, оптимизирует процессы адаптации и профессионального становления молодых специалистов, укрепит корпоративную культуру, основанную на принципах непрерывного образования и взаимопомощи.

Включение в Положение о наставничестве КГБУЗ «ККБСМП № 2» четкого алгоритма отбора сотрудников (медицинского персонала) для выполнения функции наставника, основанного на балльной системе оценки, будет способствовать повышению прозрачности и объективности выбора наставников, улучшению качества подготовки молодых специалистов и снижению текучести кадров.

Совершенствование системы мотивации наставников КГБУЗ «ККБСМП № 2» за счет обеспечения их участия в профессиональных конкурсах и конференциях, создания и публикации историй успеха во внутрибольничной корпоративной сети, на сайте больницы и в социальных сетях, а также увеличение количества выдаваемых почетных грамот и благодарностей позволит увеличить престиж наставничества, повысить заинтересованность медицинских работников в передаче своего опыта и знаний молодым специалистам, а также сформировать позитивный имидж КГБУЗ «ККБСМП № 2» как современного медицинского учреждения, заботящегося о профессиональном росте своих сотрудников.

Таким образом, реализация предложенных мероприятий в целом будет способствовать совершенствованию развития системы наставничества КГБУЗ «ККБСМП № 2», в том числе позволит наиболее успешно интегрировать молодых специалистов в коллектив, повысит уровень профессиональной подготовки действующих сотрудников, поможет новичкам в освоении на рабочем месте, знакомстве с принципами работы медицинской организации, основными требованиями и ожидаемыми стандартами выполнения задач.

Библиографический список

1. Устав КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи» № 2»: Приказ Министерства здравоохранения Алтайского края от 21 января 2022 г. № 27 // Сайт КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2». – URL: <https://bsmp2brn.gosuslugi.ru>.

2. Об утверждении Положения о наставничестве в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2»: Приказ главного врача КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2» от 11 февраля 2022 г. № 137. – Барнаул, 2022. – 14 с. – Неопубл. материалы.

Научный руководитель – Гончарова Н.П., к.соц.н., доцент

Механизм контроля качества медицинской помощи в онкологической службе: опыт субъектов Российской Федерации и Алтайского края

Витько М.Р.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Охрана здоровья граждан является одним из высших приоритетов социального государства, каковым провозглашена Российская Федерация [1]. В условиях постоянного реформирования и модернизации отечественного здравоохранения, направленных на повышение эффективности и доступности медицинской помощи, особую значимость приобретает механизм контроля в данной сфере. Эффективный контроль выступает не только гарантией соблюдения прав пациентов и надлежащего качества медицинских услуг, но и инструментом рационального использования значительных государственных ресурсов, направляемых в систему здравоохранения [2].

Проблемы организации контроля в здравоохранении нашли свое отражение в трудах многих отечественных ученых. Однако, несмотря на это, изученность механизма контроля применительно к специализированным онкологическим учреждениям, таким как КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер», представляется недостаточной. Большинство работ носят общий характер или сосредоточены на федеральном уровне. Комплексных исследований, анализирующих взаимодействие всех уровней контроля (внутреннего, ведомственного, вневедомственного) в условиях конкретного онкодиспансера с учетом региональной специфики, в настоящее время недостаточно. Анализ научной литературы и практики организации контроля качества в онкологической службе Российской Федерации позволяет выявить как общие системные подходы, так и региональные особенности. Исследование опыта различных субъектов Российской Федерации является ценным источником для выявления лучших практик и потенциальных рисков.

Так, на федеральном уровне Москва демонстрирует высокоинтегрированную модель контроля. В основе системы лежит работа научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы. Институт проводит углубленный анализ данных Единого онкологического реестра Москвы, что позволяет перейти от точечного контроля к системному мониторингу. Создание сети патолого-анатомических и молекулярно-генетических лабораторий с едиными стандартами и системой контроля качества исследований исключает вариабельность результатов на этапе постановки диагноза. Контроль осуществляется не только за процессом, но и за результатом. Контролируются такие показатели, как «доля пациентов, начавших лечение в течение 14 дней после постановки диагноза», «одногодичная летальность» (как индикатор запущенности случаев), «пятилетняя выживаемость по основным локализациям». Проводится автоматизированный скрининг данных, внедрение IT-систем, которые автоматически выявляют случаи, не соответствующие клиническим рекомендациям (например, нарушение сроков начала лечения), и направляют их на экспертизу. Опыт Москвы показывает эффективность создания единого научно-методического центра, который осуществляет анализ больших данных и формирует адресные рекомендации для онкологических учреждений. Это позволяет выстроить стратегический, а не только оперативный контроль.

На региональном уровне ценен опыт Краснодарского края, где происходит интеграция онкослужбы в единое пространство и контроль маршрутизации. Опыт Краснодарского края интересен с точки зрения организации контроля в крупном регионе с развитой, но территориально распределенной сетью медицинских организаций. На базе «Клинического онкологического диспансера № 1» в Краснодаре создан координационный центр, который в режиме реального времени видит всю очередь пациентов, нуждающихся в высокотехнологичной помощи, на территории всего края. Это позволяет осуществлять оперативный контроль за соблюдением сроков ожидания лечения. Внедрена система жесткого контроля за работой смотровых кабинетов и первичными онкологическими кабинетами в поликлиниках. Контролируются показатели активной «выявляемости», время от первичного обращения до постановки диагноза. Для контроля качества диагностики и лечения в межрайонных онкологических отделениях активно используются телеконсультации с ведущими специалистами диспансера, что минимизирует риски врачебных ошибок на периферии. Ключевой урок Краснодарского края – необходимость выстраивания сквозной системы контроля на всех этапах онкологической помощи, от первичного звена до специализированного лечения, с использованием современных информационных технологий для управления потоками пациентов.

В Алтайском крае КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» (далее – КГБУЗ «АКОД») имеет более чем 75-летнюю историю и прочные традиции в лечении онкологических пациентов, проживающих в регионе. КГБУЗ «АКОД» является специализированным лечебно-диагностическим и консультативным центром, который оказывает амбулаторно-поликлиническую (как плановую, так и экстренную) круглосуточную стационарную, соответствующую самым современным медицинским стандартам, помощь как жителям собственного, так и других регионов [3]. Современная техника и аппаратура позволяют ежегодно принимать на амбулаторное лечение и дополнительное обследование до 160 тыс. пациентов, лечить в стационарных условиях до 15 тыс. больных, выполнять до 6,5 тыс. сложнейших операций.

Проведенный анализ данных за период 2022-2025 гг. позволил получить репрезентативную картину функционирования механизма контроля качества медицинской помощи в КГБУЗ «АКОД» и оценить его эффективность. За исследуемый период КГБУЗ «АКОД» являлся объектом плановых и внеплановых проверок со стороны ключевых контролирующих органов. Количество проверок сохранялось на стабильно высоком уровне, демонстрируя постоянное внимание к учреждению.

В 2022-2024 гг. по результатам экспертиз качества медицинской помощи со стороны Территориального фонда ОМС и страховых медицинских организаций было предъявлено финансовых санкций на общую сумму 4,7 млн руб. Однако, динамика показывает позитивную тенденцию: если в 2022 г. сумма санкций составила 2,1 млн руб., то в 2024 г. она снизилась до 1,1 млн руб. Основные причины санкций в 2022-2023 гг. – дефекты в ведении медицинской документации (85% случаев) и неполное соблюдение стандартов обследования (15%) [4]. За три года Управлением Росздравнадзора по Алтайскому краю проведено 6 проверок, по результатам которых выдано 14 предписаний об устранении нарушений. Наиболее типичные нарушения касались условий хранения лекарственных препаратов (2 случая) и несоблюдения порядков оказания медицинской помощи (4 случая). В 2025 г. по данным мониторинга ведомства, все ранее выявленные нарушения были устранены в установленные сроки [5]. Ежегодные ведомственные проверки Министерства здравоохранения Алтайского края фиксировали системную проблему кадрового обеспечения. Укомплектованность врачебными кадрами оставалась на уровне 78-82%, что вносит риски в соблюдение сроков оказания помощи.

В КГБУЗ «АКОД» функционирует многоуровневая система внутреннего контроля, основанная на работе клиничко-экспертной комиссии (далее – КЭК) и системы внутреннего аудита качества. За период 2022-2025 гг. КЭК провела 248 заседаний, на которых было рассмотрено 1 856 сложных клинических случаев. Доля решений КЭК, реализованных

в лечебной практике, составила 98,5%, что свидетельствует о высокой эффективности и авторитете комиссии [6-8]. Ежеквартальные выборочные проверки истории болезни выявили устойчивое снижение дефектов. Если в I квартале 2022 г. доля историй болезни с незначительными дефектами составляла 18%, то к IV кварталу 2024 г. этот показатель удалось снизить до 7% благодаря внедрению электронного шаблонирования протоколов [6-8]. Анализ внутренней отчетности КГБУЗ «АКОД» выявил следующую динамику. Среднее время от установления диагноза до начала специализированного лечения сократилось с 16 дней в 2022 г. до 11 дней в 2024 г. (при целевом показателе не более 14 дней). Активная выявляемость при профилактических осмотрах увеличилась с 42% в 2022 г. до 48% в 2024 г., что косвенно свидетельствует об улучшении взаимодействия с первичным звеном здравоохранения края [6-8].

Анализ результирующих показателей как индикаторов эффективности контроля онкологической службы края демонстрируют положительную динамику, что позволяет говорить об общей эффективности применяемого механизма контроля. Так, пятилетняя выживаемость (по данным регистра на конец 2024 г.) составила 58,1%, показывая рост по сравнению с 56,3% в 2022 г. Доля пациентов, состоящих на учете с диагнозом, установленным впервые в жизни, и начавших лечение в течение 30 дней с момента установления диагноза, стабильно превышает 90% (92,5% в 2024 г.). Удовлетворенность пациентов качеством медицинской помощи (по данным ежегодного анонимного анкетирования) выросла с 76% в 2022 г. до 84% в 2024 г. [6-8].

Механизм контроля качества медицинской помощи в КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» за период 2022-2025 гг. доказал свою эффективность в части управления качеством лечебно-диагностического процесса. Однако, для преодоления системных ограничений требуется интеграция усилий на краевом уровне, направленных на решение кадровых и инфраструктурных вопросов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
3. Устав краевого государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Алтайский краевой онкологический диспансер»: утвержден распоряжением Главного управления имущественных отношений Алтайского края от 26.03.2024 № 367 // Алтайский краевой онкологический диспансер [офиц. сайт]. – URL: <https://www.akod22.ru>.
4. Аналитическая справка по результатам контрольных мероприятий Территориального фонда обязательного медицинского страхования Алтайского края в отношении КГБУЗ «АКОД» за 2022-2024 гг. – Барнаул, 2025. – 34 с.
5. Материалы проверок Управления Росздравнадзора по Алтайскому краю в отношении КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» (акты и предписания за 2022-2024 гг.) // Алтайский краевой онкологический диспансер [офиц. сайт]. – URL: <https://www.akod22.ru>.
6. Годовой отчет о деятельности КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» за 2022 г. – Барнаул, 2023. – 145 с.
7. Годовой отчет о деятельности КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» за 2023 г. – Барнаул, 2024. – 152 с.
8. Отчет о самообследовании КГБУЗ «Алтайский краевой онкологический диспансер» за 2024 год. – Барнаул, 2025. – 98 с.

Научный руководитель – Гончарова Н.П., к.соц.н., доцент

Репродуктивное здоровье населения Российской Федерации: гендерный аспект

Владимирова И.И.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Актуальность исследования репродуктивного здоровья обусловлена его прямым влиянием на демографическую безопасность и качество человеческого капитала. В 2024 г., объявленном в России Годом семьи, данная проблематика приобретает особое значение. Согласно оперативным данным Фонда обязательного медицинского страхования, в течение года оценку репродуктивного здоровья планируют пройти около 6 млн россиян. Однако для повышения эффективности этих мероприятий необходим глубокий анализ существующих паттернов поведения и осведомленности населения. В современной научной литературе отмечается устойчивый гендерный дисбаланс, при котором репродуктивное здоровье часто воспринимается как исключительно «женская» сфера ответственности, что приводит к систематическому исключению мужчин из программ профилактики и просвещения [1]. Целью данного исследования является выявление и анализ ключевых гендерных диспропорций в понимании, оценке и поддержании репродуктивного здоровья взрослого населения России.

Эмпирическую базу исследования составили данные девятого ежегодного исследования «Индекс женского здоровья «Гедеон Рихтер», проведенного в 2024 г. совместно с Аналитическим центром НАФИ [1]. Анализ понимания термина «репродуктивное здоровье» выявил его устойчивую связь с семейно-детными отношениями. Так, 50% респондентов видят в нем возможность иметь здоровых детей, 37% – возможность зачать ребенка естественным путем. Вместе с тем, обнаружены существенные гендерные различия в ассоциативном ряде и глубине понимания проблемы. Женщины значительно чаще ассоциируют репродуктивное здоровье с осознанным родительством (32% против 23% у мужчин) и регулярными профилактическими визитами к врачу (36% против 29%). При этом каждый четвертый мужчина (24%) и каждый третий респондент с низким уровнем дохода (37%) затруднились сформулировать какие-либо ассоциации с данным понятием, что свидетельствует о критически низком уровне медицинской грамотности в этих группах [2].

Значительный гендерный разрыв наблюдается в моделях потребления информации. Женщины демонстрируют ориентацию на межличностную и экспертно-верифицированную коммуникацию: 52% из них консультируются с врачами, родственниками или знакомыми. Мужчины, напротив, предпочитают безличностные каналы: 42% получают информацию через традиционные и онлайн-медиа (против 31% среди женщин), что повышает риски формирования ложных представлений под влиянием непроверенных источников.

Наиболее тревожные диспропорции выявлены в области оценки факторов риска. Мужчины продемонстрировали выраженный нигилизм в отношении ключевых поведенческих детерминант. Они в два раза чаще женщин утверждали, что частая смена половых партнеров не оказывает негативного влияния на репродуктивное здоровье (25% против 14%). Аналогичный разрыв наблюдается в отношении раннего начала половой жизни (43% мужчин против 30% женщин считают этот фактор незначимым) [2]. Эта ложная установка напрямую коррелирует с пренебрежением профилактическими практиками.

Несмотря на декларируемую 90% респондентов важность сохранения репродуктивного здоровья, 42% опрошенных не посещали профильных специалистов более года, а 23% затруднились вспомнить дату последнего визита. Портрет респондента, наиболее ответственно относящегося к данной сфере, – это замужняя женщина старше 35 лет с высшим образованием и детьми. В структуре самооценки здоровья наблюдается «гендерный парадокс»: в то время как 75% респондентов в целом довольны своим состоянием

(с перевесом в мужскую группу), с объективными проблемами значительно чаще сталкиваются женщины. Недовольны своим репродуктивным здоровьем 24% женщин против 16% мужчин. Женщины в два раза чаще сообщали о проблемах с зачатием и бесплодии (31% против 16%) и в 2,5 раза чаще – о болезненных ощущениях, препятствующих ведению половой жизни (48% против 19%) [2].

Различна и структура переживания последствий этих проблем. Эмоциональные и психологические трудности отмечали 67% столкнувшихся с проблемами женщин и 50% мужчин; ухудшение общего состояния здоровья – 62% и 46% соответственно. Ключевое различие наблюдается в поведенческих стратегиях преодоления: каждый четвертый мужчина (24%) не предпринимал никаких действий для решения выявленной проблемы (среди женщин – 18%) [2]. В то время как женщины преимущественно выбирали стратегию обращения за профессиональной медицинской помощью, мужчины чаще ограничивались коррекцией образа жизни.

Проведенное исследование подтверждает наличие глубоких системных дисфункций в сфере охраны репродуктивного здоровья населения России, носящих выраженный гендерный характер. Выявленный «мужской парадокс» – сочетание завышенной субъективной удовлетворенности, низкой медицинской грамотности, нигилистического отношения к рискам и пассивной поведенческой стратегии – представляет собой серьезный вызов для системы здравоохранения. Низкий уровень профилактической активности мужчин не только повышает индивидуальные риски утраты фертильности и развития сопутствующих патологий, но и создает диспропорциональный эффект на женщин, которые вынуждены брать на себя основную ответственность за репродуктивное благополучие пары.

Полученные результаты диктуют необходимость разработки и внедрения целевых, гендерно-специфических информационных кампаний, направленных на дестигматизацию проблемы, повышение медицинской грамотности мужского населения и формирование у него установки на активное превентивное поведение. Дальнейшие исследования целесообразно сфокусировать на разработке и валидации конкретных коммуникативных инструментов для работы с мужской аудиторией.

Библиографический список

1. Сердцов Д.А., Борисенко А.В., Смирнова С.Н., Жукова А.А., Лященко О.И. Сохранение репродуктивного здоровья мужчины и женщины в различные возрастные периоды // Семья в современном мире: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2017. – С. 329-332.
2. Репродуктивное здоровье россиян // НАФИ: аналитический центр [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RqyU>.

Научный руководитель – Петреева Ю.В., к.ф.н.

Кадровые технологии в работе с молодыми специалистами в государственном учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «Краевая клиническая больница»)

Зальцман А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

В настоящее время система здравоохранения сталкивается с необходимостью обеспечения государственных учреждений здравоохранения высококвалифицированными специалистами, способными решать сложные задачи и адаптироваться к современным реалиям. В связи с этим, работа с молодыми специалистами приобретает особую значимость. Сейчас содержание и целевая направленность используемых персонал-технологий

ориентированы на то, чтобы организация осуществляла свое функционирование и выполняла поставленные перед ней задачи, в числе которых стоит оказание высококвалифицированной качественной и доступной медицинской помощи пациентам в соответствии со стандартами, порядком и клиническими рекомендациями [1, с. 11]. Целенаправленное внедрение кадровых технологий, ориентированных на привлечение, адаптацию, развитие и удержание молодых специалистов, становится неотъемлемым условием успешного функционирования и развития государственных учреждений здравоохранения.

КГБУЗ «Краевая клиническая больница» (далее – ККБ) является государственным учреждением здравоохранения, предоставляет высокотехнологичную, специализированную, консультативно-диагностическую медицинскую помощь как амбулаторно, так и стационарно, с применением передовых медицинских технологий [1].

Применение кадровых технологий в работе с молодыми специалистами представляет собой ключевой и неотъемлемый элемент функционирования всей системы управления персоналом ККБ. В настоящее время основными кадровыми технологиями, применяемыми в работе с молодыми специалистами, являются: найм, адаптация, обучение и развитие, мотивация и стимулирование.

В рамках технологии «найм персонала» применяются такие инструменты, как размещение свободных вакансий, поиск, отбор, наем молодых специалистов. Основными каналами привлечения медицинского персонала на вакантные должности являются: сотрудничество с учебными заведениями региона, а также работа с кадровыми агентствами и сайтами.

В настоящее время для формирования кадрового ядра осуществляется тесное сотрудничество с учебными заведениями, в частности с ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» и КГБ ПОУ «Алтайский институт развития медицинского образования». Развитие партнерских отношений с указанными образовательными учреждениями позволяет обеспечить постоянный приток молодых специалистов, адаптированных к современным требованиям здравоохранения. Представители кадровой службы КГБУЗ «Краевая клиническая больница» регулярно участвуют в ярмарках вакансий, организуемых университетом и институтом, проводят презентации государственного учреждения здравоохранения для студентов выпускных курсов, рассказывают о преимуществах работы, возможностях карьерного роста и социальных гарантиях. Также организуются экскурсии для студентов на территорию ККБ, позволяющие им ознакомиться с рабочей обстановкой и оборудованием, используемым в практике медицинского учреждения.

Применение данной кадровой технологии позволило привлечь на работу в 2022 г. 98 молодых специалистов, в 2023 г. – 104, в 2024 г. – 118 чел. Доля молодых специалистов, впоследствии заключивших трудовые договоры с ККБ, в 2022 г. составила 76%, в 2023 г. – 84%, в 2024 г. – 92% [2].

При применении технологии «адаптация персонала» основным инструментом является институт наставничества. В 2022-2023 гг. была создана 101 пара «специалист-наставник», в 2023-2024 гг. их количество составило уже 110 [2]. В ноябре 2024 г. ККБ стала победителем Всероссийского конкурса «Наставничество» в номинации «Наставничество в социальной сфере и общественной деятельности». Практика признана лучшей среди топ-50 практик наставничества в России. Организаторами конкурса выступили Министерство просвещения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство труда и социальной защиты РФ, Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), а также партнеры и операторы из различных областей.

Технология «оценка и профессиональное развитие персонала» осуществляется в форме аттестации и обучения работников. Численность молодых специалистов, прошедших аттестацию в 2022 г., составила 45, в 2023 г. – 49, в 2024 г. – 55 чел. [2]. Субъектами системы управления персоналом ККБ проводится систематическая и целенаправленная работа

по мотивации молодых специалистов к сдаче квалификационных категорий, повышению квалификации, получению сертификатов.

Технология «мотивация и стимулирование персонала» обеспечивается посредством применения следующих инструментов: денежные выплаты при поступлении на работу в ККБ после окончания учебного заведения; предоставление компенсации расходов на найм жилья.

Несмотря на то, что применяемые кадровые технологии позволяют привлечь в ККБ молодых специалистов и закрепить их для дальнейшей профессиональной деятельности, необходимо отметить, что технологии и применяемые инструменты носят классический характер, не применяются принципы современности и инновационности. В связи с этим, перспективными инструментами в рамках применяемых кадровых технологий могут быть:

- в рамках кадровой технологии «найм персонала» – внедрение опросника для оценки кандидата при приеме на работу в ККБ и формирование банка резюме кандидатов;

- в рамках применения кадровой технологии «оценка и профессиональное развитие» – проведение исследований в составе специализированных групп с последующей презентацией научного проекта; организация практических семинаров для молодых специалистов на тему «Эффективная профессиональная коммуникация»; использование кейс-методов, основанных на совместном анализе рабочих ситуаций, в качестве универсального инструмента обучения; координация и проведение дискуссионных площадок совместно с опытными наставниками; формирование «Клуба неформального общения».

- в рамках кадровой технологии «мотивация и стимулирование молодых специалистов» – привлечение молодых специалистов, совместно с членами их семей, к как внутрикорпоративным и общественным мероприятиям, связанным с культурой, спортом, благотворительностью.

Как представляется, реализация предложенных мероприятий позволит создать эффективную систему управления молодыми специалистами, которая будет способствовать их привлечению и удержанию, что, в свою очередь, положительно образом отразится на повышении качества и доступности предоставляемой медицинской помощи населению региона.

Библиографический список

1. Елистратова Т.Г., Меньшиков А.А. Совершенствование практики применения современных персонал-технологий в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи» // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сб. ст. – Вып. 21. – Барнаул: Азбука, 2022. – С. 11-14.
2. Устав КГБУЗ Краевая клиническая больница: утвержден приказом Министерства здравоохранения Алтайского края от 21 апреля 2014 г. № 27 // Сайт КГБУЗ «Краевая клиническая больница». – URL: <https://alt-hospital.ru/index.php?id=12>.
3. Отчет о работе с медицинским персоналом в КГБУЗ Краевая клиническая больница в 2022-2024 гг. – Барнаул, 2025. – 8 с. – Неопубл. материалы.

Научный руководитель – Елистратова Т.Г., к.э.н.

Совершенствование организации профилактики неинфекционных заболеваний в Алтайском крае (на примере КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики»)

Иванова В.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Формирование здорового образа жизни населения, профилактика и контроль неинфекционных заболеваний являются одной из важнейших межотраслевых проблем развития как в целом Российской Федерации, так и ее регионов. Хронические неинфекционные заболевания являются основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения Алтайского края.

В настоящее время на территории Алтайского края сложилась и действует система профилактики неинфекционных заболеваний, основная цель которой – снижение заболеваемости, инвалидности и смертности населения от такого типа заболеваний, а также увеличение продолжительности и качества жизни, через создание условий для ведения здорового образа жизни и раннего выявления факторов риска. Основными субъектами системы профилактики неинфекционных заболеваний в Алтайском крае являются: Правительство Алтайского края, Министерство здравоохранения Алтайского края, краевые медицинские организации.

КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» (далее – Центр здоровья), в соответствии с утвержденным Уставом [1], является основным субъектом действующей системы профилактики неинфекционных заболеваний в Алтайском крае. Ключевыми направлениями деятельности Центра здоровья по профилактике неинфекционных заболеваний являются:

- помощь муниципальным образованиям в разработке и реализации муниципальных целевых программ развития общественного здоровья;
- внедрение корпоративной модельной программы по укреплению здоровья работающих «Укрепление здоровья на рабочем месте»;
- повышение уровня информированности граждан;
- проведение мероприятий по предупреждению и раннему выявлению неинфекционных заболеваний и факторов риска их развития;
- обеспечение организационно-методического сопровождения медицинских организаций;
- проведение работ по выявлению поведенческих и других факторов риска неинфекционных заболеваний.

В рамках проводимых мероприятий все муниципальные образования региона (100%) приняли долгосрочные целевые программы развития общественного здоровья.

Деятельность Центра здоровья позволяет ежегодно увеличивать количество граждан, посетивших его с профилактическими и иными целями. В 2024 г. количество посетивших граждан составило 101,5% от числа запланированных показателей. Число предприятий и организаций Алтайского края, внедривших корпоративную модельную программу по укреплению здоровья работающих «Укрепление здоровья на рабочем месте», в период с 2022 по 2024 гг. увеличилось на 45,8%.

Количество предприятий, принявших участие в медицинском обследовании в Центре здоровья в период с 2022 по 2024 гг. увеличилось на 20,9%, образовательных организаций – на 15,3%, количество задействованных городских площадок – на 30% [2].

По результатам проведенного обследования ежегодно составляются паспорта здоровья для организаций. Увеличивается число пациентов с факторами риска хронических

неинфекционных заболеваний. Проводится комплексное профилактическое обследование детей в общеобразовательных организациях. В период с 2022 по 2024 гг. количество обследованных детей увеличилось на 20,9%. Число проведенных информационных мероприятий среди населения региона за данный период увеличилось на 12,1% [2].

Ежегодно план по выполнению государственного задания Центром здоровья выполняется на 100%. Кроме того, выполняются плановые показатели по посещению Центра здоровья населением с профилактическими и иными целями. В 2024 г. фактические показатели составили 101,5% [2].

Несмотря на реализуемые мероприятия, в вопросах организации профилактики неинфекционных заболеваний, проводимых Центром здоровья, имеются некоторые проблемы, в том числе:

- возможности и ресурсы сайта КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» не используются полностью в части ведения дистанционной работы с населением по вопросам профилактики неинфекционных заболеваний;
- проводится недостаточная работа по информированию предприятий и организаций региона о реализации корпоративной программы «Укрепление здоровья на рабочем месте»;
- отсутствует систематизированная и эффективная обратная связь с пациентами, посетившими субъектов системы профилактики неинфекционных заболеваний в регионе.

С целью совершенствования организации профилактики неинфекционных заболеваний в Алтайском крае предлагается реализовать следующие рекомендации.

Эффективное использование возможностей и ресурсов сайта КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» для дистанционной работы с населением по вопросам профилактики неинфекционных заболеваний, на основе комплексного и системного подходов, в том числе за счет проведения дистанционных спортивных занятий, виртуальных туров, онлайн консультации, через работу чат-бота и создания личного кабинета пациента, позволит повысить осведомленность населения о факторах риска развития неинфекционных заболеваний, мотивировать к здоровому образу жизни и улучшить показатели здоровья населения региона в целом.

Включение в муниципальные программы информационных мероприятий о реализации корпоративной программы «Укрепление здоровья на рабочем месте», с последующим информационным и методическим сопровождением, а также увеличение числа проводимых комплексных профилактических обследований, проводимых в рамках работы выездной медицинской бригады КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики», позволит увеличить численность населения Алтайского края в мероприятиях по профилактике неинфекционных заболеваний.

Создание обратной связи с пациентами, посетившими КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» с профилактическими целями через внедрение онлайн-формы, проведение опросов или тематического форума, позволит структурировать поступающую информацию, выявлять наиболее актуальные проблемы и оперативно реагировать на изменяющиеся потребности целевой аудитории, в том числе корректировать программы профилактики, делая их более эффективными и соответствующими реальным запросам населения Алтайского края.

Библиографический список

1. Устав КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики»: Приказ Министерства здравоохранения Алтайского края от 21 апреля 2020 г. № 27 // Сайт «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики». – URL: <https://medprofaltay.ru/company/centr>.
2. Отчет о работе КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики» за 2022-2024 гг. – Барнаул, 2025. 27 с. – Неопубл. материалы.

Научный руководитель – Гооге О.А., к.э.н.

Организация льготного лекарственного обеспечения больных с орфанными заболеваниями в Российской Федерации

Киреев Н.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Орфанные заболевания прочно вошли в жизнь людей всей планеты. Нельзя сказать, что эти заболевания встречаются преимущественно в России, странах Азии или Европы. Сегодня орфанные заболевания с разной частотой встречаются во всех странах мира и угрожают здоровью человечества, поскольку число больных орфанными заболеваниями систематически возрастает. Именно поэтому Российская Федерация провозглашает борьбу с орфанными заболеваниями одной из наиболее значимых задач политики в сфере здоровьесбережения граждан.

Сегодня существуют разные определения орфанных заболеваний, концептуальное ядро которых заключается в следующем – орфанные заболевания – это редкие заболевания. Частота распространения заболевания, для того чтобы оно получило статус орфанного, в разных странах отличается. Так, например, если в странах ЕС и Канаде редким признается заболевание с частотой 1:2 000 [3, с. 29], то в России 1:10 000 [1].

Широко распространенные заболевания, имея богатый клинический портрет, поддаются лечению, поскольку хорошо изучены. В силу того, что орфанные заболевания – это редкие заболевания, они с трудом поддаются диагностике и лечению. Вместе с тем отсутствие правильной терапии при орфанном заболевании является причиной летального исхода либо инвалидности, поэтому постановка диагноза всегда сопровождается подбором правильного медикаментозного лечения.

Лекарственные препараты для лечения орфанных заболеваний называются сиротскими, так как слово «орфанный» происходит от английского «orphan» – сирота, сиротский. Фармакологическим компаниям невыгодно производить «сиротские препараты», так как они, с одной стороны, требуют больших ресурсов для проведения клинических испытаний, с другой, потребителей таких лекарств крайне мало во всем мире, что сокращает коммерческий эффект от их производства. Сложившаяся ситуация объясняет, почему препараты от некоторых орфанных заболеваний очень дорогостоящие. Например, цена одной дозы от спинальной мышечной атрофии швейцарским препаратом Золгенсма составляет более 150 млн руб. [2, с. 82]. И конечно, без поддержки государства пациенты такие лекарства приобрести не могут, что объясняет необходимость реализации политики в сфере льготного лекарственного обеспечения граждан с орфанными заболеваниями в Российской Федерации.

Сегодня можно выделить следующие группы лиц, страдающие орфанными заболеваниями, которые могут претендовать на льготное лекарственное обеспечение:

1. Граждане разных возрастов, страдающие заболеваниями из группы «четырнадцать высокотратных нозологий» (14ВЗН). Финансирование осуществляется за счет федеральных средств;
2. Граждане разных возрастов, страдающие заболеваниями из группы «жизнеугрожающие заболевания». Финансирование осуществляется за счет средств регионального бюджета;
3. Дети до 19 лет. Финансирование осуществляется за счет средств фонда «Круг добра»;
4. Инвалиды 1 и 2 группы разных возрастов, не вошедшие в категории, перечисленные выше.

Лекарственное обеспечение лиц, страдающих орфанными заболеваниями, имеет несколько моделей реализации: за счет средств фонда «Круг добра» или за счет средств бюджета Российской Федерации и ее субъектов.

Первая модель касается только детей до 19 лет. Они могут обеспечиваться лекарственными препаратами за счет средств фонда «Круг добра», образованного в 2021 г. Учредителем фонда является Министерство здравоохранения Российской Федерации, которым в настоящее время утвержден перечень орфанных заболеваний из 292 наименований. Вместе с тем, фонд оказывает лекарственное обеспечение детей лишь по 44 нозологиям, поэтому, если редкое заболевание в перечне фонда отсутствует, то данный способ получения льготных лекарственных средств для ребенка недоступен. Для получения лекарственных средств через фонд, законный представитель совместно с лечащим врачом подают заявку в региональный орган исполнительной власти в сфере здравоохранения (можно через портал Госуслуг), откуда заявка перенаправляется в федеральный орган исполнительной власти в сфере здравоохранения. В случае соответствия документов они передаются на рассмотрение в экспертный совет фонда, который принимает решение об удовлетворении или неудовлетворении заявки.

Вторая модель – это традиционная модель получения лекарственных средств по льготе. Для этого гражданин должен подтвердить свой диагноз в лечебном учреждении. После прохождения медико-социальной экспертизы и получения отдельной группы инвалидности гражданин получает право на льготное лекарственное обеспечение.

Принципиальная разница данных моделей заключается в том, что, с одной стороны, в источнике финансирования, как видим, он разный (федеральный и региональный бюджеты, бюджет фонда «Круг добра»), с другой стороны, отличается алгоритм получения льготных лекарственных средств. В первом случае лекарство закупается для конкретного пациента (ребенка) и доставляется в лечебное учреждение, где законный представитель ребенка может забрать это лекарство домой. Возможны варианты поставки лекарственного средства в лечебные учреждения, которые непосредственно будут осуществлять лечение пациента. В других случаях пациенты получают лекарственные средства в аптеках на основании рецепта на льготный лекарственный отпуск.

В льготном лекарственном обеспечении лиц с орфанными заболеваниями сегодня выделяется ряд проблем, основной из которых является отсутствие в России некоторых лекарственных препаратов для лечения орфанных заболеваний. Это самая серьезная проблема, которая, в первую очередь, связана с недостаточным финансированием, а также с отсутствием регистрации отдельных лекарственных препаратов в российских реестрах. Так, например, препарат «Трикафта» для лечения муковисцидоза был зарегистрирован лишь в 2023 г. и до этого периода его приобретение за границей представляло отдельные сложности, как с закупкой, так и доставкой. В 2024 г. фонд «Круг добра» из 108 препаратов закупал 27 незарегистрированных в Российской Федерации [4].

Также серьезной проблемой сегодня является отсутствие полной информации о льготном лекарственном обеспечении граждан с орфанными заболеваниями. Многие люди, впервые столкнувшиеся с проблемой, не понимают, как им действовать и с чего начинать. Так, с 1 сентября 2021 г. в России начала действовать горячая линия фонда «Круг добра». Это весьма востребованная мера, т.к. одной из основных претензий граждан относительно работы фонда являлась перегруженность телефонной линии для консультаций.

Стоит обратить внимание что в 2024 г. Президент Российской Федерации подписал закон, который позволит уже в 2025 г. осуществлять регистрацию лекарственных препаратов от орфанных заболеваний, что упростит процесс регистрации в целом. Также сегодня ведутся разговоры о том, чтобы включить в число заявителей «Круга добра» не только лиц до 19 лет, но и старше. Безусловно, в сфере лекарственного обеспечения граждан, страдающих орфанными заболеваниями, наметились положительные тенденции, результаты которых будут заметны уже в ближайшее время.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Российская газета. – № 263. – 2011.
2. Карпов А.Н. Генная терапия для спинальной мышечной атрофии: самое дорогое лекарство в мире // Юный ученый. – 2022. – № 3 (55). – С. 81-83.
3. Шашель В.А. Орфанные заболевания и связанные с ними проблемы // Медицинский вестник Юга России. – 2021. – № 12 (2). – С. 28-35.
4. В производственных аптеках смогут делать лекарства от орфанных заболеваний: интервью Айрата Фаррахова // Парламентская газета [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RqyxA>.
5. Жильцов В.Д. Государственное регулирование лекарственного обеспечения в Алтайском крае // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Барнаул, 2024. – С. 517-518.

Научный руководитель – Паикова Е.Ю., к.и.н.

Организация паллиативной медицинской помощи детскому населению в государственном учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7», г. Барнаул)

Клестер А.В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Организация оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению является одним из приоритетных направлений современного здравоохранения. Правильно организованная система оказания паллиативной медицинской помощи позволяет обеспечить детям с неизлечимыми заболеваниями необходимый уход и улучшение качества их жизни. В условиях государственного учреждения здравоохранения организация такой помощи требует комплексного и системного подхода.

Одним из субъектов региональной системы оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению является КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7, г. Барнаул» (далее – ДГКБ № 7), основная цель деятельности которого состоит в обеспечении доступности специализированной паллиативной помощи детям с неизлечимыми, прогрессирующими заболеваниями и состояниями, нуждающимся в облегчении страданий и улучшении качества жизни [1].

ДГКБ № 7 функционирует как детский координационный центр по оказанию паллиативной медицинской помощи детскому населению региона, что позволяет обеспечивать координацию деятельности и информационную поддержку, ведение мониторинга паллиативных детей, распределение и перераспределение медицинских изделий для использования на дому, маршрутизацию пациентов и организацию обучения медицинского персонала отделения паллиативной медицинской помощи.

В систему оказания паллиативной медицинской помощи на базе ДГКБ № 7 входят отделение паллиативной медицинской помощи и отделение выездной патронажной паллиативной помощи детям. В 2024 г. общее число врачей, работающих в данных отделениях, составляло 7 чел., среднего медицинского персонала – 15 чел. Процент укомплектованности врачами отделений составляет 65%, средним медицинским персоналом – 75%. На протяжении 2022-2024 гг. число коек отделений составляло 13 единиц. В 2022 г. в стационарных условиях в специализированном отделении получили лечение 133 паллиативных ребенка, в 2023 г. – 176, в 2024 г. – 173. За период с 2022 по 2024 гг. рост числа пролеченных детей амбулаторно составил 23,1%. В 2022 г. число проведенных больными койко-дней составило 4598, в 2023 г. – 4 294, в 2024 г. – 4 420. Снижение показателя между 2022 и 2024 гг. связано с оптимизацией процессов госпитализации

и внедрением новых методов лечения, сокращающих сроки пребывания пациентов в стационаре.оборот койки в отделении паллиативной медицинской помощи детской больницы в 2022 г. составил 11,4 дня, в 2023 г. – 13,7, в 2024 г. – 13,3. Увеличение койко-дня связано с тем, что в отделение стали направлять детей с более сложными и тяжелыми состояниями, требующими более длительного наблюдения и ухода. За период с 2022 по 2024 гг. наблюдается сокращение процента летальности среди детского населения: в 2022 г. он составил 8,8%, в 2023 г. – 3,3%, в 2024 г. – 4,6% [2]. Внедрение новых протоколов лечения способствовало данному снижению.

На постоянной основе осуществляет работу отделение выездной патронажной паллиативной помощи детям. В 2022 г. паллиативную помощь на дому получили 3 021 ребенок, в 2023 г. – 3 328, в 2024 г. – 3 187. Выездное отделение на дому предоставляет такую медицинскую помощь, как обезболивание, уход за кожей, профилактику пролежней, зондовое кормление, респираторную поддержку и другие медицинские процедуры. Кроме того, специалисты отделения консультируют родителей по вопросам ухода за детьми, обучают их необходимым навыкам. План оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению в рамках территориальной программы ОМС в 2022 г. составил 107,5%, в 2023 г. – 100,1%, в 2024 г. – 100% [2].

Поступательное выполнение запланированных показателей свидетельствует о последовательной работе региональных систем здравоохранения по обеспечению доступности и качества паллиативной помощи детям.

Несмотря на то, что система оказания паллиативной медицинской помощи, сформированная на базе ДГКБ № 7, позволяет в полной мере оказывать помощь паллиативным детям, в ее работе имеется ряд проблем:

- наблюдается кадровый дефицит детских врачей, оказывающих паллиативную медицинскую помощь (процент укомплектованности врачами в 2024 г. составлял 65%);
- в штатном расписании отделений, оказывающих паллиативную помощь на базе ДГКБ № 7, отсутствует ставка психолога для работы с родителями и законными представителями паллиативных детей для снижения повышенного уровня стресса, тревоги и депрессии;
- в систему оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению не включены общественные организации, занимающиеся благотворительной и социально-психологической помощью.

Повышение доступности и качества медицинской помощи напрямую связано с кадровым потенциалом медицинской организации. В этой связи, перед руководством медицинских учреждений стоит задача укомплектования штата высококвалифицированным персоналом, отвечающим по своим количественным и качественным характеристикам требованиям современности [3, с. 11]. Для решения проблемы кадрового дефицита в ДГКБ № 7 необходимо разработать комплекс мер, направленных на повышение привлекательности специальности и совершенствование системы подготовки специалистов, в числе которых: повышение заработной платы, создание благоприятных условий труда, разработка специализированных программ обучения и стажировок, а также организация психологической поддержки врачей, работающих в сфере паллиативной помощи.

Внесение в штатное расписание ставки психолога позволит обеспечить работу с родителями паллиативных детей, оказывать психологическую поддержку. Психолог сможет проводить индивидуальные консультации, семейную терапию, групповые занятия и тренинги, направленные на снижение стресса, улучшение адаптации, развитие навыков саморегуляции, формирование поддерживающих социальных сетей и улучшение общения с медицинским персоналом. Кроме того, психолог сможет обучить родителей приемам психологической самопомощи и методам эффективного взаимодействия с ребенком с учетом его возрастных и индивидуальных особенностей.

Включение в систему оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению социально ориентированных общественных и религиозных организаций позволит

оказывать психологическую, социальную и юридическую помощь, а также организовать досуг и развлечения для детей. Религиозные организации, в свою очередь, способны оказать духовную поддержку, что особенно важно для семей, имеющих паллиативных детей.

Реализация предложенных рекомендаций позволит обеспечить доступность, качество и своевременность оказания паллиативной медицинской помощи детскому населению, а также улучшить качество жизни детей и их семей, сталкивающихся с серьезными, неизлечимыми заболеваниями.

Библиографический список

1. Положение об отделении паллиативной медицинской помощи КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7, г. Барнаул»: Приказ главного врача КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7, г. Барнаул» от 18 января 2020 г. № 32. – Неопубл. материалы. – Барнаул, 2020. – 12 с.
2. Отчет о работе отделении паллиативной медицинской помощи КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7, г. Барнаул» за 2022-2024 гг. – Неопубл. материалы. – Барнаул, 2025. – 31 с.
3. Елистратова Т.Г., Меньшиков А.А. Совершенствование практики применения современных персоналотехнологий в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи» // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сб. ст. – Вып. 21. – Барнаул, 2022. – С. 11-14.

Научный руководитель – Елистратова Т.Г., к.э.н.

Проблемы организации стоматологической помощи взрослому населению в г. Барнауле Алтайского края

Кошкина Е.Р.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Актуальность своевременной стоматологической помощи для взрослого населения выходит далеко за рамки простого лечения кариеса и является комплексной проблемой, затрагивающей общее здоровье, социальное благополучие и экономическую стабильность человека. Прежде всего, несанированная полость рта представляет собой хронический очаг инфекции, откуда бактерии и их токсины могут распространяться по всему организму. Это не локальная проблема, а системный риск, научно доказано связанный с развитием и обострением таких серьезных заболеваний, как сердечно-сосудистые патологии (атеросклероз, эндокардит), сахарный диабет, ревматоидный артрит и нарушения в работе желудочно-кишечного тракта. Таким образом, своевременное лечение зубов – это действенная мера профилактики многих соматических недугов.

С экономической точки зрения пренебрежение своевременной помощью является классическим примером ложной экономии [2, с. 80]. Лечение начального кариеса – это быстрая и недорогая процедура, тогда как запущенный процесс, ведущий к пульпиту, периодонтиту и последующей потере зуба, требует сложного, длительного и в десятки раз более дорогостоящего лечения, включая имплантацию и протезирование. Кроме того, экстренные случаи, связанные с острой зубной болью, ведут к прямым трудопотерям и снижению продуктивности, в то время как профилактические визиты отнимают минимум времени и ресурсов.

Не менее важна и социально-психологическая составляющая. Состояние зубов напрямую влияет на качество жизни: оно определяет возможность полноценно питаться, не отказываясь от необходимых организму продуктов, четко разговаривать и свободно улыбаться, не испытывая стеснения. Потеря зубов или их явные дефекты могут стать причиной неуверенности в себе, социальной изоляции и даже развития депрессии. Кроме того, своевременная помощь предотвращает необратимые последствия, такие как атрофия

костной ткани после утраты зуба и деформация всего зубного ряда, что в будущем серьезно осложняет ортопедическое лечение.

Все вышесказанное объясняет, почему стоматологическая помощь в настоящее время столь востребована среди взрослого населения.

Сегодня в г. Барнауле Алтайского края стоматологическая помощь по ОМС оказывается взрослому населению следующими лечебными учреждениями:

- КГБУЗ «Стоматологическая поликлиника № 1, г. Барнаул»,
- КГБУЗ «Стоматологическая поликлиника № 2, г. Барнаул»,
- КГБУЗ «Стоматологическая поликлиника № 3, г. Барнаул».

В среднем лечебное учреждение поликлинического типа обслуживает в день (2 смены) около 300 пациентов. Таким образом можно говорить, что ежедневно стоматологическую помощь в городе получают порядка 900-1 000 чел. В г. Барнауле проживает около 688 тыс. чел., из которых 18-20% – младше 18 лет. Это значит, что пациентами стоматологических поликлиник города является около 560 тыс. чел.

Согласно приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 786н на 10 000 чел. приходится 5 врачей стоматологов [1], таким образом для данной численности населения потребность во врачах-стоматологах составляет около 280 штатных единиц, что не соответствует реальным значениям. В среднем по состоянию на 1 января 2025 г. данный показатель не выполнен на 20%. Это позволяет говорить о низкой доступности стоматологической помощи в городе для взрослого населения.

Данная проблема вполне успешно решается за счет лицензирования коммерческих стоматологических клиник и кабинетов. Сегодня в г. Барнауле поисковая платформа «2ГИС» предлагает порядка 70 частных медицинских организаций по профилю взрослой стоматологии, некоторые из которых имеют филиалы и представительства в других территориях. Однако не каждый пациент может позволить себе визит в частную клинику из-за высокой стоимости услуг.

С целью диагностики проблем в сфере взрослой стоматологии мы опросили жителей г. Барнаул». В опросе приняли участие 98 чел. старше 18 лет. Результаты опроса представим ниже (рис. 1).

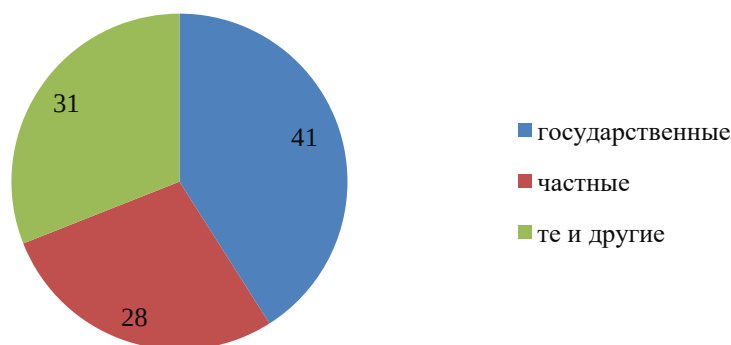

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В какие клиники Вы обращаетесь за стоматологической помощью», %

Большинство респондентов (41%) обращаются только в государственные клиники, треть опрошенных сразу обращаются в коммерческие клиники, 28% ориентируются по ситуации и могут обратиться как в государственную, так и частную стоматологию.

Следующий вопрос позволил выявить недостатки государственной стоматологии (рис. 2).

Рисунок 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими проблемами чаще всего вы сталкиваетесь в государственных учреждениях здравоохранения?», %

Как видно из рис. 2, наиболее распространенной проблемой является сложность записи (66%), что вполне коррелирует с тем, что в городе невысокая доступность стоматологической медицинской помощи. Второстепенными проблемами являются недовольство пациентов качеством материалов, используемых медицинским персоналом для лечения зубов. По-прежнему актуальна, ставшая традиционной, проблема низкой культуры общения в бюджетном здравоохранении, что весьма успешно решается в клиентоориентированной коммерческой медицине.

Ключевая проблема – сложность записи в государственную клинику, в свою очередь, объясняется миграционной тенденцией врачей в крупные города России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар и др.), а также их переходом в коммерческую медицину, где при минимальных бюрократических процедурах они получают работу в более комфортных условиях за более высокую заработную плату. Для сравнения на hh.ru заработная плата врачей коммерческих клиник в среднем достигает в г. Барнауле 100-120 тыс. руб., тогда как в государственных учреждениях здравоохранения 70-100 тыс. руб.

Таким образом, ключевой проблемой стоматологической помощи взрослому населению Барнаула является ее низкая доступность в государственном секторе, вызванная хроническим кадровым дефицитом. Нехватка врачей, которая усугубляется их оттоком в коммерческий сектор и другие регионы, приводит к главной для пациентов проблеме – огромной сложности записи на прием. Дополнительными, но не менее значимыми факторами, снижающими привлекательность государственных клиник, являются устаревшие материалы и низкая культура общения персонала. Решение этой системной проблемы требует комплексного подхода, направленного в первую очередь на повышение привлекательности работы в государственных поликлиниках за счет пересмотра системы оплаты труда, улучшения условий работы и снижения бюрократической нагрузки. Без устранения коренной причины – кадрового голода – остальные меры по улучшению доступности и качества стоматологической помощи будут иметь ограниченную эффективность.

Библиографический список

1. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при стоматологических заболеваниях: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 786н // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: www.pravo.gov.ru.
2. Кубрушко Т.В., Фелькер Е.В., Бароян М.А., Зубкова А.А. Превентивная стоматология как необходимая составляющая программы «Здоровье XXI» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-1. – С. 80-83.

Научный руководитель – Петреева Ю.В., к.ф.н.

Организация контроля качества медицинских услуг в краевом учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «ККБСМП № 2»)

Кузьмин С.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Качество медицинских услуг представляет собой комплексную характеристику, отражающую степень соответствия предоставляемой услуги потребностям пациента, современным медицинским стандартам и установленным нормам, а также удовлетворенность пациента процессом и результатом ее предоставления. Качество медицинской помощи, в отличие от качества медицинских услуг – это совокупность характеристик, которые отражают своевременность оказания помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степень достижения запланированного результата. Качество медицинской помощи фокусируется на более широком аспекте, включающем различные этапы медицинского процесса, в то время как качество медицинских услуг охватывает отдельные элементы этого процесса, фокусируясь на конкретных характеристиках и аспектах.

КГБУЗ «ККБСМП № 2», являясь краевым учреждением здравоохранения [1], характеризуется наличием системы контроля качества медицинских услуг, основная цель которой – обеспечение максимальной удовлетворенности пациентов посредством предоставления своевременной, безопасной и эффективной медицинской помощи. Отдел внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности выполняет роль основного субъекта действующей системы управления контролем качества медицинских услуг в краевом учреждении здравоохранения.

Чтобы оценить соответствие предоставляемых услуг потребностям пациентов, современным медицинским стандартам и установленным нормам, а также удовлетворенность пациента процессом и результатом ее предоставления, в КГБУЗ «ККБСМП № 2» на систематической основе проводится анкетирование пациентов и работа с обращениями граждан (анализ жалоб и предложений).

В соответствии с приказом КГБУЗ «ККБСМП № 2» от 11 октября 2022 г. № 229 «Об организации внутренней оценки удовлетворенности пациентов» [2] отделом внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности ежегодно с целью определения удовлетворенности качеством оказываемых медицинских услуг проводится анкетирование пациентов больницы.

Так, в 2024 г. с целью определения удовлетворенности качеством оказываемой медицинской помощи в плановом порядке проведено анкетирование пациентов КГБУЗ «ККБСМП № 2». В опросе участвовало 178 пациентов. Изучение проводилось по специальной анкете, включающей 12 вопросов по поликлинике и 13 вопросов по стационару. В ходе опроса пациенты имели возможность прокомментировать ответы, высказать свои предложения и замечания по улучшению качества медицинской помощи.

В поликлинике анкетирование проводилось среди 27 пациентов (15,2%) и среди 151 пациента отделений круглосуточного стационара (84,8%). Из опрошенных в поликлинике для консультации медицинских специалистов обратились 19 чел. (70,4% от всех обратившихся в поликлинику), 5 чел. к врачу-хирургу (18,5%) и 3 пациента к врачу-неврологу (11,1%). Из 27 анкетизируемых в поликлинике 11 пациентов (40,7%) отметили, что они не используют электронные сервисы для взаимодействия с КГБУЗ «ККБСМП № 2». Качеством оказываемой медицинской помощи в поликлинике все 100% анкетизируемых пациентов остались удовлетворены [3].

По результатам проведенного анализа в рамках анкетирования установлено, что неудовлетворены качеством оказания медицинских услуг в КГБУЗ «ККБСМП № 2» из 178 анкетлируемых пациентов 2 чел. (1,1%). Оба не удовлетворены длительным временем ожидания госпитализации – более двух часов от момента прибытия в больницу [3].

176 пациентов (98,9%) удовлетворены качеством оказания медицинских услуг, однако по отдельным показателям 7 респондентов (3,9%) высказали свои пожелания: предлагали улучшить условия пребывания в стационаре, в частности оборудовать душевые комнаты специальным оборудованием для маломобильных граждан, обеспечить информативное навигационное сопровождение по корпусам, установить в коридорах поручни. Особые слова благодарности персоналу больницы за внимательное отношение, чуткость, профессионализм при оказании медицинских услуг выразили 5 пациентов (2,8%) [3].

В период с 2022 по 2024 гг. администрация КГБУЗ «ККБСМП № 2» уделяла пристальное внимание работе с обращениями граждан, рассматривая их как важный инструмент для улучшения качества предоставляемых медицинских услуг. Общее число поступивших обращений граждан в 2022 г. составило 642, в 2023 г. – 583, в 2024 г. – 566. Количество поступивших обращений граждан за анализируемый период снизилось на 11,8%. Так, в 2024 г. среди поступивших обращений граждан жалобы составляли 139 (24,5%): граждане жаловались на качество оказанной медицинской помощи, организацию и условия ее оказания; на отсутствие необходимых вакцин; на невозможность записаться и попасть на прием к врачу-специалисту; на организацию работы поликлиники; на несоблюдение работниками правил этики и деонтологии при общении с пациентами и их представителями. Кроме того, по вопросам организации медицинской помощи в 2024 г. поступило 152 обращения, по вопросам лекарственного обеспечения – 104, по вопросам организации работы стационара – 97 обращений. Все поступившие обращения были обработаны, обеспечена обратная связь с пациентами [3].

Проведенное исследование показало, что работа над повышением качества медицинских услуг проводится на постоянной основе и показатель уровня удовлетворенности пациентов увеличивается. Так, удовлетворенность населения медицинской помощью (удельный вес лиц, удовлетворенных медицинской помощью – % от числа опрошенных) в 2022 г. составляла 98,5%, в 2023 г. – 98,6%, в 2024 г. – 98,9% [3].

В ходе проведенного анкетирования в 2024 г. 3,9% опрошенных пациентов высказали пожелания об улучшении условий пребывания в стационаре больницы. В связи с этим перспективным направлением совершенствования организации оказания медицинских услуг в КГБУЗ «ККБСМП № 2» должно стать улучшение условий пребывания в стационаре: приобретение дополнительного медицинского оборудования для маломобильных пациентов, душевых комнат, установка поручней, навигации, кнопок вызова персонала.

Также анкетирование пациентов показало, что 40,7% опрошенных не используют электронные сервисы для взаимодействия с КГБУЗ «ККБСМП № 2». Для решения данной проблемы предлагается в холлах больницы, на стойках информации, на электронных табло, в регистратуре обеспечить доведение информации до пациентов, как можно записаться на прием к специалистам. Это позволит улучшить информированность пациентов о существующих возможностях записи к врачам, сократить очередь в регистратуру, улучшить качество работы с пациентами при предоставлении медицинских услуг.

Проведенный анализ показал, что в 2024 г. среди поступивших обращений граждан жалобы составляли 24,5%. С целью снижения их числа предлагается дополнить систему работы с жалобами: организовать проведение внутренних служебных проверок по наиболее частым жалобам, заседаний врачебной комиссии, индивидуальных бесед о недопустимости нарушения этики и деонтологии.

Реализация предлагаемых мероприятий позволит обеспечить соответствие оказываемых медицинских услуг установленным требованиям и стандартам, повысит удовлетворенность пациентов краевого учреждения здравоохранения.

Библиографический список

1. Устав КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи» № 2»: Приказ Министерства здравоохранения Алтайского края от 21 января 2022 г. № 27 // Сайт КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2». – URL: <https://bsmp2-brn.ru/BSMP/articles/3/documents.php>.
2. Об организации внутренней оценки удовлетворенности пациентов в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2»: Приказ КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2» от 11 октября 2022 г. № 229. – Барнаул, 2022. – 8 с. – Неопубл. материалы.
3. Итоговый отчет о состоянии качества и безопасности медицинской деятельности в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2» за 2024 г. – Барнаул, 2025. – 25 с. – Неопубл. материалы.

Научный руководитель – Петреева Ю.В., к.ф.н.

Формирование и развитие кадрового потенциала медицинской организации: опыт России, Китая и Японии

Полякова С.Е.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Актуальность исследования вопросов формирования и развития кадрового потенциала медицинских организаций обусловлена глобальными вызовами современного здравоохранения, среди которых – старение населения, рост распространенности хронических заболеваний, стремительное развитие медицинских технологий и повышенные требования к качеству и доступности медицинской помощи. В этих условиях именно человеческий капитал становится ключевым стратегическим ресурсом, определяющим конкурентоспособность и эффективность работы лечебных учреждений. Сравнительный анализ моделей управления кадрами в различных национальных контекстах позволяет выявить лучшие практики и адаптировать их с учетом специфики национальных систем здравоохранения. Опыт таких стран, как Россия, Китай и Япония, представляется особенно релевантным в силу уникальных траекторий развития их медицинских систем, сочетающих традиционные подходы и активную модернизацию.

Под кадровым потенциалом медицинской организации понимается характеристика, отражающая совокупность профессиональных знаний, практических навыков, мотивационных установок и здоровья персонала, которая может быть мобилизована для достижения стратегических целей учреждения в области оказания качественной и безопасной медицинской помощи [3]. Это не статичный показатель, а динамический ресурс, требующий непрерывного инвестирования в его развитие и совершенствование.

В Российской Федерации формирование кадрового потенциала традиционно базируется на системе непрерывного медицинского образования (НМО), обязательного для подтверждения аккредитации специалистов. Ключевым механизмом развития является сочетание послевузовской подготовки (ординатура, аспирантура) и регулярного повышения квалификации на базе образовательных медицинских центров. Крупные федеральные медицинские центры, такие как Национальный медицинский исследовательский центр хирургии им. А.В. Вишневского, часто выступают пилотными площадками для внедрения передовых методов обучения, включая симуляционное обучение. Однако система сталкивается с вызовами, связанными с региональной диспропорцией в распределении кадров, «утечкой мозгов» и недостаточной гибкостью образовательных программ. В качестве мер поддержки широко применяются программы «Земский доктор», целевое обучение, а также корпоративные программы развития в частных медицинских холдингах, таких как «Медси», где внедрены комплексные системы мотивации, включающие не только

материальное стимулирование, но и карьерные лифты, корпоративные программы обучения и формирования кадрового резерва.

В Китае подход к развитию кадрового потенциала характеризуется высокой степенью централизации и масштабностью государственных программ. Национальная стратегия в области здравоохранения делает акцент на укреплении первичного звена и подготовке высококвалифицированных специалистов для ведущих медицинских центров [2]. Ярким примером успешной практики является система трехуровневой сертификации врачей и обязательные стажировки в базовых больницах для выпускников медицинских вузов. Ведущие клиники, подобные Пекинской больнице «Сехэ», тесно интегрированы с университетами и научно-исследовательскими институтами, что создает благоприятную среду для клинических исследований и быстрого внедрения инноваций. Особенностью китайской модели является мощное материальное стимулирование, тесно увязанное с показателями эффективности работы (KPI), которое, однако, может создавать избыточную нагрузку на персонал. Кроме того, активно поощряется международный обмен, привлечение зарубежных экспертов и стажировки китайских врачей в ведущих мировых клиниках.

В отличие от России и Китая, японская модель развития кадрового потенциала в медицине в значительной степени сформирована корпоративной культурой, предполагающей пожизненный найм («сюсин коё») и непрерывное внутрифирменное обучение («кэйёку») [1]. Карьера врача в крупной медицинской корпорации, такой как «Токийский женский медицинский университет», выстроена как длительный процесс постепенного профессионального и статусного роста, жестко регламентированный внутренними правилами. Система стимулирования в Японии менее ориентирована на индивидуальные бонусы, как в Китае, и в большей степени – на стабильность занятости, социальный пакет и премии, зависящие от выслуги лет и лояльности организации. Краеугольным камнем системы является менторство: молодые специалисты закрепляются за старшими коллегами, которые курируют их профессиональное и даже личностное развитие на протяжении многих лет. Это формирует сильное корпоративное сообщество, но может ограничивать горизонтальную мобильность кадров.

Сравнительный анализ позволяет выделить ключевые различия в подходах. Если в России и Китае доминирует государственно-ориентированная модель с сильным влиянием национальных стратегий (российское НМО, китайские государственные программы), то в Японии превалирует корпоративно-ориентированный подход. Механизмы стимулирования также разнятся: в Китае – это прямая связь оплаты труда с KPI, в России – сочетание государственных льгот (как в программе «Земский доктор») и корпоративных систем в частном секторе, а в Японии – акцент на стабильность и социальные гарантии. Лучшей практикой, наблюдаемой в передовых клиниках всех трех стран, является интеграция образования, науки и практики. Например, и российский НМИЦ им. Вишневского, и китайская больница «Сехэ», и японские университетские госпитали функционируют как клиники, научные и образовательные платформы одновременно.

Таким образом, опыт России, Китая и Японии демонстрирует, что не существует универсальной модели формирования кадрового потенциала. Эффективная система должна быть адаптирована к национальным социально-экономическим условиям и культурным особенностям. Синтез сильных сторон этих моделей – гибкость и внедрение инноваций (Россия), масштабность и целевая ориентация (Китай), корпоративная стабильность и культура менторства (Япония) – может служить ориентиром для построения эффективной системы управления человеческими ресурсами в медицинских организациях, способной отвечать на вызовы XXI века.

Библиографический список

1. Земцов А.Г., Зенькова Л.П. Оптимизация рыночных отношений в системе здравоохранения Японии: опыт для Беларуси // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2021. – № 5 (128). – С. 172-176.

2. Пьянкова С.Г., Ергунова О.Т., Якименко Д.Д. Цифровизация медицины как фактор роста инновационной экономики стран БРИКС // Уфимский гуманитарный научный форум. – 2025. – № 1(21). – С. 204-221.
3. Сергеева Н.М. Оценка кадрового потенциала учреждения здравоохранения // Моделирование и прогнозирование развития отраслей социально-экономической сферы: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. – Курск: Курский государственный медицинский университет, 2025. – С. 223-225.

Научный руководитель – Гооге О.А., к.э.н.

Оценка качества медицинской помощи населению Алтайского края (по материалам обращений граждан)

Торопова Т.Н.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Качество медицинской помощи представляет собой комплексную характеристику, включающую клиническую эффективность, доступность, безопасность, своевременность и пациентоориентированность медицинских услуг [1, с. 16]. В условиях продолжающегося реформирования системы здравоохранения Российской Федерации особую актуальность приобретают объективные методы оценки качества медицинской помощи. Анализ обращений граждан, несмотря на свою субъективность, является важным индикатором системных проблем и позволяет выявить «болевые точки» в работе медицинских организаций [2].

Алтайский край, занимающий обширную территорию с неравномерным расселением населения и значительными медико-географическими различиями, представляет особый интерес для исследования. Регион характеризуется выраженной диспропорцией в распределении медицинских ресурсов между городскими и сельскими территориями, что неизбежно сказывается на качестве оказываемой медицинской помощи.

Исследование основано на ретроспективном анализе данных Министерства здравоохранения Алтайского края за 2022-2024 гг. Всего проанализировано 155 021 обращение, в том числе 64 093 обращения за 2024 г. Структура обращений за 2024 г. включает: письменные обращения – 5 393 (8,4%), устные обращения и сообщения на «горячую линию» – 23 511 (36,7%), обращения через ПОС «Госуслуги» – 18 296 (28,5%), прочие формы обращений – 16 893 (26,4%) [3].

Для обработки данных применялись методы контент-анализа, сравнительной статистики, структурного и динамического анализа. Результаты представим по нескольким направлениям.

1. Качество клинической практики. В структуре письменных обращений 27,1% (1 462 обращения) составили жалобы на качество оказания медицинской помощи. Детальный анализ этой категории показал, что 58,1% (849 обращений) касались тактики ведения и лечения врачом-специалистом, 19,2% (281 обращение) были связаны с качеством оказания медицинской помощи в стационарных условиях, 12,4% (181 обращение) – с качеством диагностики, 10,3% (151 обращение) – с организацией реабилитационных мероприятий [3]. Особого внимания заслуживает тот факт, что 34,7% жалоб на тактику лечения были связаны с несоблюдением клинических рекомендаций, а 22,3% – с недостаточным объемом диагностических мероприятий перед назначением лечения [3].

2. Доступность медицинской помощи. Проблемы доступности медицинской помощи составили 38,6% (2 080 обращений) от общего количества письменных обращений. Детализация этой категории показывает: 44% (915 обращений) связаны с трудностями записи на прием к врачу-специалисту, 29% (603 обращения) – с длительными сроками

ожидания медицинской помощи, 18% (374 обращения) – с отсутствием возможности получения специализированной помощи по месту жительства, 9% (188 обращений) – с транспортной недоступностью медицинских организаций [3]. Территориальный анализ демонстрирует, что проблемы доступности наиболее остро стоят в Бийском (23,1% от всех обращений округа), Заринском (21,4%) и Рубцовском (19,8%) медицинских округах, тогда как в Барнаульском округе этот показатель составляет 15,3% [3].

3. Кадровые и материально-технические проблемы. Вопросы кадрового обеспечения и материально-технического оснащения составили 9,4% (507 обращений). В структуре этих обращений 32% (162 обращения) связаны с недостаточным оснащением медицинских организаций, 28% (142 обращения) – с дефицитом медицинских кадров, 22% (111 обращений) – с неудовлетворительным состоянием помещений медицинских организаций, 18% (92 обращения) – с ограниченным перечнем оказываемых медицинских услуг [3]. Анализ по территориям показывает, что проблемы материально-технического оснащения наиболее выражены в Славгородском (42% от обращений округа) и Каменском (38%) медицинских округах.

4. Коммуникативные аспекты качества. Этические аспекты оказания медицинской помощи составили 9,8% (528 обращений). Структура жалоб включает: 42% (222 обращения) – на грубость медицинского персонала, 31% (164 обращения) – на неинформированность о проводимом лечении, 27% (142 обращения) – на отсутствие внимания к пациентам [3]. Динамический анализ показывает рост данной категории обращений на 15,3% по сравнению с 2023 г., что свидетельствует об обострении проблем в коммуникативной сфере.

В итоге, проведенное исследование позволило выявить системные проблемы в качестве медицинской помощи в Алтайском крае. Установлено, что наблюдается устойчивый рост обращаемости граждан по вопросам качества медицинской помощи, что свидетельствует о накоплении нерешенных проблем в системе здравоохранения региона; выраженная территориальная дифференциация показателей обращаемости отражает глубокие диспропорции в распределении медицинских ресурсов между округами; структура обращений демонстрирует необходимость комплексного подхода к улучшению качества медицинской помощи, включая клинические, организационные и коммуникативные аспекты.

Для совершенствования качества медицинской помощи населению Алтайского края предлагаются следующие меры: создание системы мониторинга пациентоориентированности медицинских организаций; реализация программ повышения коммуникативной компетентности медицинских работников; развитие системы телемедицинских коммуникаций, особенно в районных больницах Алтайского края, что позволит повысить доступность медицинской помощи в сельских и труднодоступных территориях.

Перспективой дальнейших исследований является разработка интегральной системы оценки качества медицинской помощи, сочетающей анализ обращений граждан с клиническими показателями и данными внешнего контроля качества.

Библиографический список

1. Бурова К.А., Ким А.В., Ерина М.Ю. Обращения граждан как инструмент повышения качества оказания медицинской помощи // Медицина: теория и практика. Спецвыпуск. – 2023. – Т. 8. – С. 7-14.
2. Руководство по национальной политике и стратегии в области качества: Практический подход к разработке политики и стратегии в целях повышения качества медицинской помощи. – Женева, 2018. – URL: <https://clck.ru/3RqzFM>.
3. Обращения граждан // Министерство здравоохранения Алтайского края [официальный сайт]. – URL: <https://zdravalt.ru/population/citizens-appeals/list>.

Научный руководитель – Петреева Ю.В., к.ф.н.

Секция 8. Управление качеством жизни населения в России

Обзор представлений о социальной защите населения в методологических основах исследования механизмов повышения качества жизни

Бердышева А.А., Дегтярева П. Г., Кагилева А.В.

*Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург*

Актуальность данного исследования обусловлено вариативностью представлений о категории «социальная защита населения», что с одной стороны расширяет спектр деятельности органов власти, нацеленной на повышение качества жизни, с другой стороны, снижает степень конкретизации в формулировках управленческих задач. В настоящее время социальная защита населения в России является приоритетным направлением социальной политики [1]. Декларируя статус Российской Федерации как социального государства, конституционные нормы закрепляют право на социальную защиту за всеми гражданами [2]. К субъектам социальной защиты населения относят государство и создаваемые по инициативе органов власти различные структуры, профсоюзы, общественные объединения.

Энциклопедическое представление о социальной защите предполагает совокупность социальных институтов, снижающих угрозу социальной нестабильности. В узком смысле понятие «социальная защита» означает систему гарантированных, или непосредственно предоставляемых государством мер по ограждению от угроз лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [3]. По мнению М.С. Егоровой социальная защита населения – это системная совокупность гарантий законодательного, экономического и социального типа, которые обеспечивают трудоспособным гражданам равные права и условия труда [4]. Д.А. Иличкина считает, что социальная защита населения – это совокупность принципов и методов, мероприятий и учреждений, обеспечивающих благоприятные условия жизни, удовлетворяющие потребности представителей разных социальных групп [5].

Различия в определениях категории «социальная защита населения» заключаются в акцентах на различных аспектах и целевых группах. Первое определение фокусируется на системной совокупности гарантий и условий труда. Во втором определении делается акцент на широкомасштабных социально-экономических мероприятиях, проводимых государством в отношении всех социальных групп, обеспечивая оптимальные условия с учетом риска утраты трудоспособности. Между определениями можно выделить различия по акценту на функционал органов власти: законодательный и исполнительный, а также по направлениям реализации мероприятий социальной защиты. Направления мероприятий по Н.А. Бондаренко можно представить в виде элементов системы социальной защиты. Ими являются социальное страхование, социальное обеспечение, социальная помощь [6]. Данные направления обусловлены функциями социальной защиты, к которым относят три основные: компенсирующая, защитная и стабилизирующая. Компенсирующая функция обеспечена страхованием, защитная – обеспечением, а стабилизирующая, оказываемой помощью.

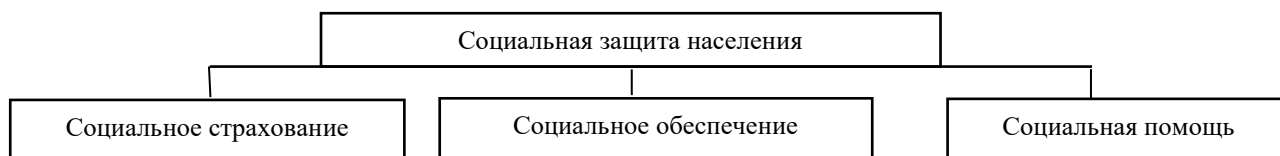

Рисунок 1 – Структура мероприятий по социальной защите населения

Указанные меры можно разделить на два типа реализации. Адресные меры: создание единого реестра семей, нуждающихся в помощи; внедрение более гибких условий;

координация с центрами занятости; снижение ставки по ипотеке для многодетных семей; создание дополнительных стимулов для рождения вторых и третьих детей; строительство доступного жилья и др. Меры общего характера: создание горячей линии или онлайн-чата для консультаций по условиям контракта; улучшение информирования о доступных услугах; использование цифровых платформ; удобное расположение разделов; упрощение текстов, в которых изложена информация; адаптация сайта для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Рисунок 2 – Классификация функций социальной защиты населения

В результате анализа понятия, была предпринята попытка раскрыть функциональную сущность процесса социальной защиты населения. В итоге можно сделать несколько ключевых выводов. Социальная защита представляет собой систему государственных, общественных и частных мероприятий, направленных на улучшение уровня жизни граждан и обеспечение их прав в сфере социального обеспечения. Основные функции определяют направления действий участников осуществления государственной политики в сфере социальной защиты, но надо понимать, что их обеспечение невозможно без набора общих функций данного вектора государственной политики.

Мы уже отмечали, что основными участниками процессов социальной защиты населения выступают как органы власти, государственные и муниципальные учреждения, так и некоммерческие организации, социальные работники и сами граждане. Восприятие социальной защиты населения по направлениям деятельности и функциям позволяет четко фиксировать каждую за возможным исполнителем. Взаимодействие всех участников осуществления процессов социальной защиты населения позволяет более эффективно решать актуальные общественные проблемы, способствуя тем самым стабильности и социальному развитию региона и страны в целом.

Таким образом, социальная защита населения является важным механизмом в обеспечении социальной справедливости и равенства, способствуя повышению качества жизни и социальной стабильности в обществе.

Библиографический список

1. Азанова А.И. Социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Алтайском крае // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Барнаул, 2021. – С. 411-413.
2. Конституция Российской Федерации // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
3. Социальная защита // Большая российская энциклопедия [офиц. сайт]. – URL: <https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-zashchita-534abe>.
4. Егорова М.С. Понятие и сущность социальной защиты населения // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 111-113.
5. Иличкина Д.А. Понятие и сущность социальной защиты населения // Россия молодая: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых – Кемерово, 2022. – С. 1-3.
6. Бондаренко Н.А., Демьянова И.О. Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование в РФ // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – № 1. – С. 429-433.

Научный руководитель – Булах Е.В., к.полит.н., доцент

**Направления и результаты работы органов местного самоуправления
по управлению жилищно-коммунальным комплексом
(на примере администрации Октябрьского района города Барнаула)**

Ворохов Д.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Жилищно-коммунальный комплекс является фундаментальной составляющей жизнеобеспечения любого муниципального образования. Его устойчивое и эффективное функционирование напрямую определяет качество жизни населения, санитарно-эпидемиологическое благополучие и социальную стабильность территории. В соответствии с жилищным и градостроительным законодательством Российской Федерации, организация деятельности в сфере ЖКК относится к вопросам местного значения [1]. Именно на органы местного самоуправления возлагается ключевая роль в создании условий для обеспечения граждан качественными жилищно-коммунальными услугами. Актуальность темы обусловлена сохраняющимися системными проблемами в ЖКК и необходимостью поиска оптимальных моделей управления им на муниципальном уровне.

В Октябрьском районе г. Барнаула управление жилищно-коммунальной сферой возложено на отдел по работе с жилищным фондом, целью которого является организация работы по надлежащему содержанию и эксплуатации муниципального жилищного фонда. Система ЖКХ Октябрьского района г. Барнаула представляет собой сложный комплекс со следующими особенностями:

– Значительный и стареющий жилищный фонд. На территории района расположено около 600 многоквартирных домов. Существенной проблемой является высокий процент износа инфраструктуры, особенно сетей водо- и теплоснабжения (в 2022 г. износ оценивался более чем в 80%).

– Диверсифицированная структура управления. Управление многоквартирными домами осуществляется через управляющие компании (75%), товарищества собственников жилья и жилищно-строительные кооперативы (18%) и непосредственное управление собственниками (7%). Это требует от администрации гибкого подхода к контролю и взаимодействию.

– Острая проблема аварийного жилья. Наличие аварийного жилого фонда – один из ключевых вызовов. В начале 2022 г. насчитывалось 77 аварийных домов. По состоянию на 01.01.2025 на территории района 57 домов, признанных аварийными и подлежащих сносу, жители 43 из которых встали в очередь на расселение.

– Программно-целевое финансирование. Работы ведутся в рамках федеральных (нацпроекты «Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные дороги», «Чистый воздух»), региональных и муниципальных программ, что обеспечивает системный подход [2-4].

Работа администрации Октябрьского района в сфере ЖКХ за 2022-2024 гг. носила плановый, программный и поступательный характер, что позволило добиться значимых, измеримых результатов по всем ключевым направлениям. Рассмотрим основные результаты деятельности.

– Расселение аварийного жилья. За три года выполнен значительный объем работ. В 2022 г. стояла задача «завершить расселение домов, признанных аварийными до 2017 г.», к 2024 г. она была выполнена: с 2022 г. расселено более 3000 жителей; снесен 61 аварийный дом; количество аварийных домов сократилось с 77 в 2022 г. до 57 в 2024 г. При этом удалось не только ликвидировать старую очередь, но и начать плановое расселение домов, признанных аварийными после 2017 г. [2-4].

– Масштабный капитальный ремонт и модернизация инфраструктуры. Объемы работ и финансирования существенно возросли. В 2022 г. 31 дом на 160 млн руб.; в 2023 г.: 19 домов на 118 млн руб.; в 2024 г.: 43 дома на свыше 300 млн руб. (максимальный показатель) [2-4].

– Модернизация коммунальной инфраструктуры. Проведена реконструкция и капремонт десятков участков тепловых и водопроводных сетей, центральных тепловых пунктов (ЦТП) и очистных сооружений (КОС). Построена модульная газовая котельная для замещения угольной, что улучшило экологию в микрорайоне «ВРЗ».

– Активное развитие газоснабжения (социальная догазификация). Реализация инициированного Президентом проекта стала одним из важнейших приоритетов. В итоге на конец 2024 г.: подключено 110 домов (2023 г.) и 124 дома (2024 г.) – 234 дома за два года; начато и активно ведется строительство распределительных сетей в микрорайоне Восточный и пос. Ильича общей протяженностью 42 км. В 2024 г. проложено 32 км газопровода; создана техническая возможность для подключения более 700 частных домовладений [2-4].

Комплексное благоустройство и развитие городской среды. За 8 лет реализации муниципальной программы «Благоустройство, экологическая безопасность и природопользование г. Барнаула на 2015-2040 годы» благоустроено 150 дворов. В 2024 г. Октябрьский район лидировал в городе по объему выполненных работ. Завершена трехлетняя реконструкция парка «Изумрудный» с освоением более 300 млн руб. Также благоустроен сквер Химиков. Ежегодно проводятся масштабные работы по высадке деревьев, кустарников и цветочной рассады (в 2023 г. высажено 935 деревьев и кустарников) [2-4].

В целом система ЖКХ Октябрьского района демонстрирует положительную динамику и управляемость. Администрации района удастся эффективно использовать программные механизмы и привлекать значительные финансовые ресурсы для решения самых острых проблем – от расселения аварийного жилья до модернизации изношенных коммунальных сетей. Работа ведется комплексно – параллельно с решением «проблемных» вопросов (аварийное жилье, износ сетей) реализуются проекты по развитию и улучшению качества городской среды (благоустройство, газификация, новые общественные пространства). Это указывает на стратегический подход и переход от ликвидации задолженностей прошлого к опережающему развитию территории.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Российская газета. – 2023. – № 202.
2. Доклад главы администрации Октябрьского района города Барнаула Ю.Н. Асеева на отчёте по итогам работы за 2024 год перед общественностью // Город Барнаул [официальный сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RuiJD>.
3. Доклад главы администрации Октябрьского района города Барнаула Ю.Н. Асеева на отчёте по итогам работы за 2023 год перед общественностью // Город Барнаул [официальный сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RuiLR>.
4. Доклад главы администрации Октябрьского района города Барнаула Ю.Н. Асеева на отчёте по итогам работы за 2022 год перед общественностью // Город Барнаул [официальный сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RuiNR>.

Научные руководитель – Сергиенко А.М., д.соц.н., доцент

Повышение качества жизни

Тимофеева В.А., Гладких В.Е.

*Сибирский государственный университет путей сообщения»
г. Новосибирск*

Актуальность данной статьи заключается в том, что в различных развитых странах еще в 80-х гг. прошлого века стало обычной практикой создавать для городов и районов некие стратегии – четкие планы их устойчивого социально-экономического развития. А в России, после того, как обрушилась старая советская система централизованного

планирования, так и не появилось ничего подобного. В результате управление городами и муниципальными образованиями оказалось в неопределенном состоянии.

Качество жизни – сложное многомерное явление, охарактеризовать которое очень сложно и измерить отдельными показателями не представляется возможным. Впервые этот термин упоминал Дж. Гэлбрейт в книге «Общество изобилия», подразумевая все блага, которые только может предоставить потребителю «развитое индустриальное общество», «общество менеджеров» [3]. Понятие «качество жизни» из репортерского термина превратилось в научный и стало не менее важным инструментом для анализа реальности и принятия каких-либо решений. Ключевой фактор его изучения – социальный настрой людей, то есть их обобщенная эмоциональная оценка каких-либо изменений в обществе и своего положения в нем.

Как отметил профессор М. Хольцер, «Во многом будущее государственной власти в России на всех ее уровнях зависит от способности удовлетворить самые насущные потребности населения в условиях жестко ограниченных ресурсов» [1]. Эффективность в государственном и муниципальном управлении – это соотношение результатов и затрат. Управление регионами и городами эффективны, когда их цели достигаются с минимальными издержками и затратами, которые особенны в условиях бюджетной экономии.

Современное управление на региональном и муниципальном уровне характеризуется применением стандартизированных показателей, которые охватывают многие аспекты сферы деятельности. Поэтому следует учитывать, что есть небольшие противоречия между разными критериями эффективности, которые могут возникать вследствие их размещения на разных принципах расчета.

Городское самоуправление может усовершенствовать жизнь людей, но для этого необходимо создать некий прочный союз между всеми участниками городского развития. Он должен быть закреплён юридически, где каждый будет являться властью, а бизнес, общественность – берет на себя четкие обязательства по повышению качества жизни. Под качеством жизни понимается уровень удовлетворения каких-либо человеческих потребностей и интересов.

Уровень жизни населения зависит от макроэкономических показателей, среди которых важную роль играет валовой внутренний продукт (ВВП). Валовой внутренний продукт – один из важнейших макроэкономических показателей, являющийся критерием ее экономического развития, хотя увеличение размеров ВВП не означает безоговорочного повышения уровня жизни, однако существенно влияет на качество жизни. Качество жизни людей, проживающих в благополучных странах, очевидно, выше, чем проживающих в беднейших государствах [1]. От того, сколько производится товаров и услуг в данной стране, зависит и благосостояние всех ее граждан. В 2011 г. ВВП на душу населения в мире составил 10 082 долл., в странах ОЭСР – 33 352 долл., в наименее развитых государствах – 1 327 долл. По данным «Доклада о развитии человека – 2011», подготовленного ПРООН, ВВП на душу населения в России составил 14 561 долл., Лихтенштейне – 83 717 долл., Норвегии – 47 557 долл., США – 44 017 долл., Германии – 34 854 долл., Японии – 32 295 долл., Польше – 17 451 долл., Казахстане – 10 585 долл. Таким образом, ВВП на душу населения в РФ несколько превышает среднемировой показатель, но все еще очень далек от показателей развитых государств [2].

Структура доходов населения характеризуется структурой распределительных отношений в обществе. До 1991 г. в формировании доходов населения не менее важную роль играло распределение по труду: на заработную плату приходилось 70-80% совокупных денежных доходов россиян. По сравнению дореформенным периодом ситуация с доходами населения в России изменилась коренным образом. Это изменение связано со значительным увеличением доли доходов от собственности (в среднем с 4 до 18%) при адекватном снижении доли заработной платы (в среднем с 75 до 60%) [2].

Таким образом, существует значительный потенциал и неиспользованные возможности. Среди причин, по которым управление государственной собственностью

осуществляется недостаточно эффективно, можно выделить как субъективные, проявляющиеся в недостаточной активности и заинтересованности региональных органов исполнительной власти, так и объективные, независимые от управленческих качеств субъекта Российской Федерации [4]. Повышение качества жизни населения будет зависеть от эффективной работы муниципальной власти. Это означает, что законодательная и исполнительная ветви власти должны работать слаженно, достигая цели, осуществляя процессы и регулируя жизнь населенного пункта, в сотрудничестве с другими не менее важными структурами. Если муниципальное управление работает неэффективно, то все ресурсы города такие как производство, инфраструктура, социальная сфера будут использоваться не в полную силу.

Библиографический список

1. Соболев Т.С. Анализ и оценка качества жизни населения как критерия эффективности государственного управления в России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 5. – С. 797-806.
2. Патрушев В.И. Управление городом: теория и практика // От качества управления – к качеству жизни. – 2017. – № 2. – С. 4-8.
3. Нагуманова О.М. Качество жизни населения муниципального образования: понятие, сущность и характеристика // Гуманитарные научные исследования. – 2018. – № 1. – URL: <https://clck.ru/3Ruii7>.
4. Социально-экономические, организационные, политические и правовые аспекты обеспечения эффективности государственного и муниципального управления: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Барнаул, 2024. – 332 с.

Научный руководитель – Иванова Н.М., к.э.н., доцент

Показатели и механизмы государственного регулирования уровня и качества жизни населения Омской области

Маслова Д.Б.

*Омский государственный педагогический университет
г. Омск*

Уровень жизни отражает благосостояние людей через такие категории, как среднедушевые денежные доходы; средний размер пенсий; прожиточный минимум; численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума; и др. Качество жизни – более широкое понятие, включающее в себя показатели и экономические, и социально-психологические, выражающиеся в степени удовлетворенности жизнью в целом [7]. В международной практике для оценки применяются интегральные показатели качества жизни – индекс человеческого развития (ИЧР) и индекс счастья (благополучия).

По итогам 2022 г. значение ИЧР в России составило 0,821, и Россия заняла 56 место в мире, что позволило ей попасть в список стран с «очень высоким уровнем человеческого развития». В том же году по данному показателю Омская область имела более высокую позицию – 0,855. По итогам 2024 г. по качеству жизни регион находился на 59 месте, на 41 месте по доходам населения. По данным исследования Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в марте 2025 г. индекс благополучия (он же индекс счастья) россиян достиг 7,27 пункта из 10, при этом наиболее высокий показатель индекса зафиксирован у обеспеченных людей (7,8 балла). Согласно данным опроса Фонда общественного мнения 54% респондентов определяют благополучие как материальное (достаток, отсутствие нужды) [5].

Отдельно стоящей проблемой является повышение среднедушевых и реальных доходов населения. Росстат и его Омское отделение за период 2022-2023 гг. констатировали прирост среднедушевых доходов более чем на 10% как по России, так и по Омской области. В 2024 г. существенным фактором стало замедление инфляции до 7,1% в годовом выражении, что позволило реальным доходам расти более уверенными темпами.

Усугубление долгового бремени более чем на 11%, (включая налоги и кредитные выплаты), нивелировало общий эффект от роста номинальных доходов. По итогам первого квартала 2025 г. среднедушевые и реальные доходы населения области по сравнению с четвертым кварталом 2024 г. упали на 4% с 48 147 руб. до 46 143 руб., в то же время реальные доходы омичей составили всего 73,7% от доходов, полученных в предыдущем периоде [4].

Анализ данных структуры доходов населения как по России, так и по Омской области, сформированный Федеральной службы государственной статистики показал, что второе место после заработной платы (около 60%), занимают социальные выплаты с долей более 20%. С 2022 г. наблюдалось снижение доли социальных доходов, но в 2024 г. показатель превысил уровень 2021 г. [4].

Социальная и экономическая стабильность – основа развития регионов. Омская область – регион с высокой социальной стабильностью [6, с. 383]. В области реализуется 21 государственная программа по социально-экономическому развитию, и как следствие, по повышению уровня и качества жизни в регионе [3]. Сводный годовой доклад Правительства Омской области за 2023 г. содержит рейтинг эффективности государственных программ. Следует отметить, что низкий рейтинг эффективности присвоен лишь одной программе – развитие транспортной системы, а высокий уровень эффективности присвоен пяти программам, в числе которых программа социальной поддержки населения [2].

Проведенный нами анализ динамики финансирования 13-ти из 21-ой представленных программ за период 2022-2023 гг. выявил увеличение финансирования по 8 программам. Наибольший рост расходов отмечен по программам обеспечения населения жильем, охраны окружающей среды, формирования комфортной городской среды и транспорта. По остальным пяти программам произошло сокращение расходов, причем наиболее значительно это коснулось формирования доступной среды (более чем на 50%). Программа социального обеспечения по объему финансирования занимает третье место в списке, уступая лишь программам развития здравоохранения и образования. На ее реализацию в 2023 г. было выделено 24 339,02 млн руб., что составило 15,86% от общей суммы финансирования на реализацию всех программ. Однако в сравнении с предыдущим годом социальная поддержка граждан сократилась почти на 11%, а на развитие экономического потенциала области в 2023 г. было выделено меньше почти на 23% [1].

Согласно Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 г., планируются следующие основные направления повышения социальной защищенности и доходов населения Омской области: увеличение количества новых рабочих мест; обеспечение роста реальных доходов населения; адресная поддержка отдельных категорий граждан; развитие государственной социальной помощи на базе социального контракта; контроль за ценообразованием; поддержка семей с низким уровнем дохода за счет создания новых социальных служб: семейного профи-парка, школы социального контракта, пунктов социального проката; упрощение доступа к мерам социальной поддержки; формирование финансовой грамотности населения [3].

Библиографический список

1. Государственные целевые программы Омской области [офиц. сайт]. – URL: <https://clck.ru/3RuiqY>.
2. Портал Правительства Омской области [офиц. сайт]. – URL: <https://omskportal.ru>.
3. Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2030 года: Постановление Правительства Омской области от 12 октября 2022 г. № 543-П // Доступ из справ.-прав. системы Гарант.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области [офиц. сайт]. – URL: <https://55.rosstat.gov.ru>.
5. Фонд общественного мнения [офиц. сайт]. – URL: <https://fom.ru>.
6. Черноножкина Н.В., Коваленко Е.В., Марус Ю.В. Устойчивое развитие региона: понятие и факторы на примере Омской области // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3(53). – С. 380-384.
7. Чупина В.А., Халуга М.А. К вопросу определения качества жизни населения // Гуманитарные научные исследования. – 2026. – № 9. – URL: <https://human.snauka.ru/2016/09/16215>.

Научный руководитель – Коваленко Е.В., к.э.н., доцент

**Управление качеством жизни в моногородах:
механизмы балансировки экономической эффективности и социальной стабильности**

Куликовская И.В.

*Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург*

Моногорода (монопрофильные муниципальные образования) представляют собой особый вызов для системы государственного и муниципального управления в России. Их устойчивое развитие и качество жизни населения напрямую зависят от конъюнктуры рынка и финансового состояния единственного градообразующего предприятия (ГОП). Кризисные явления на таком предприятии немедленно транслируются в социальную сферу, приводя к росту безработицы, снижению доходов местного бюджета и деградации социальной инфраструктуры. В этой связи центральной задачей для органов власти всех уровней становится поиск и реализация механизмов, позволяющих обеспечить баланс между экономической эффективностью ГОП и социальной стабильностью на территории. Данная статья направлена на комплексный анализ этих механизмов.

Моногорода представляют особую проблему для системы управления в России. Их развитие полностью зависит от положения градообразующего предприятия. Когда на предприятии возникают трудности, это сразу сказывается на жизни всего города – растет безработица, сокращаются поступления в бюджет, ухудшается состояние социальной инфраструктуры [1]. Поэтому так важно найти способы поддержания баланса между экономической эффективностью предприятия и социальной стабильностью в городе.

Главная особенность моногорода – его зависимость от одного предприятия. По официальным критериям, к моногородам относятся населенные пункты, где градообразующее предприятие обеспечивает работой большую часть населения и формирует основную долю бюджета [2]. Это создает ситуацию, когда «все яйца в одной корзине». Исследователь В.Г. Смирнов называет это «институциональной ловушкой» [3]. Когда на предприятии начинаются проблемы – снижение производства, задержки зарплат, сокращения – это больно бьет по всему городу. Безработица растет, денег в местном бюджете становится меньше, и качество жизни людей быстро ухудшается. Местные власти оказываются в сложном положении. Их бюджет зависит от успехов одного предприятия, а не от разнообразной экономики. У жителей часто формируется особый психологический настрой – они зависят от предприятия и боятся перемен [4].

Основной способ решения – диверсификация экономики. Это значит создание новых рабочих мест и бизнесов, не связанных с градообразующим предприятием. Для этого создаются территории опережающего развития (ТОР), где новые компании получают налоговые льготы [5]. Вместо одного завода в городе могут появиться несколько небольших производств, логистический центр или IT-компания.

Важную роль играет государственно-частное партнерство (ГЧП). Оно позволяет модернизировать инфраструктуру города без полной нагрузки на бюджет. Например, предприятие может участвовать в строительстве детского сада или ремонте дорог [6]. Так, предприятие вкладывается в качество жизни своих работников, а город решает социальные проблемы. Также нужны программы переобучения работников. Как отмечают эксперты, важно создать систему, которая поможет людям быстро адаптироваться к новым требованиям рынка труда [7]. Например, шахтер или металлург может освоить новую профессию, пока основное предприятие переживает кризис.

Местная администрация играет ключевую роль в координации этих процессов. Именно муниципалитет лучше всего знает местные особенности и может предложить реалистичные проекты [3, с. 145]. Власти должны создавать благоприятные условия для бизнеса, упрощать процедуры, предоставлять налоговые льготы. Кроме того, муниципалитет

организует диалог между предприятием, бизнесом и жителями. Это помогает вовремя выявлять проблемы и находить решения, которые поддержат все стороны.

Несмотря на имеющиеся механизмы, есть серьезные проблемы. «Синдром иждивенчества» мешает развитию местных инициатив [3]. Нехватка денег в местных бюджетах ограничивает возможности софинансирования проектов. Молодежь уезжает в крупные города в поисках лучших возможностей. Это ослабляет человеческий потенциал территории. Как показывают исследования, для устойчивого развития нужны не просто рабочие места, а хорошие работы с достойной оплатой и перспективами роста [3].

Управление качеством жизни в моногородах представляет собой многомерную задачу, требующую сбалансированного применения экономических и социальных инструментов. Ключ к успеху лежит в переходе от реактивной модели (борьба с последствиями кризисов) к проактивной, основанной на стратегическом планировании и диверсификации экономики. Муниципальные органы власти должны играть в этом процессе активную координирующую роль, выступая посредником между интересами бизнеса, государства и граждан. Дальнейшие исследования в этой области могут быть связаны с разработкой методик оценки эффективности конкретных инструментов поддержки моногородов с учетом их региональной специфики.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы территориального развития: Учебное пособие / К.С. Афанасьев, О.Л. Ким, Н.Н. Константинова [и др.]; Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург, 2023. – 132 с.
2. Афанасьев К.С., Татарникова М.А., Фролова Н.Н. Клиентоориентированный подход в управлении общественным пространством крупного города // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 277-294.
3. Бажаева Т.С., Кравченко С.К., Татарникова М.А. Качество и уровень жизни населения России: региональный аспект // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 4 (174). – С. 63-69.
4. Стрекалова Н.Д., Татарникова М.А., Фролова Н.Н. Демографическая политика в контексте устойчивого регионального развития // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 281-294.
5. Резвая А.Д., Ким О.Л., Татарникова М.А. оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственного управления // Государственное управление и право. – 2025. – № 2 (6). – С. 238-251.
6. Татарникова М.А., Рассказова А.А., Правдина О.А. Роль стратегического планирования в социально-экономическом развитии территории // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 7 (141). – С. 38-45.

Научный руководитель – Татарникова М.А., к.э.н., доцент

Качество жизни как критерий эффективности государственного и муниципального управления

Мищенко Д.И.

*Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург
г. Санкт-Петербург*

В современной парадигме публичного управления происходит сдвиг от узкоэкономических показателей эффективности к более комплексным и антропоцентричным критериям. Качество жизни населения является не просто одним из индикаторов, а интегральным и системообразующим критерием оценки эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти. Трансформация общественных отношений, цифровизация экономики и социальной сферы требуют новых подходов к формированию системы управления, ориентированной на повышение благосостояния граждан.

Качество жизни представляет собой комплексную характеристику социально-экономического развития общества, отражающую степень удовлетворения материальных,

духовных и социальных потребностей человека. В научной литературе выделяют следующие основные компоненты качества жизни: материальное благополучие, здоровье и продолжительность жизни, образование и культура, социальная защищенность, экологическая обстановка, доступность базовых услуг [1, с. 258]. Для оценки качества жизни используются различные методологические подходы. К ключевым из них можно отнести:

- статистический подход – анализ количественных показателей (доходы, продолжительность жизни, уровень образования и др.);
- социологический подход – исследование субъективных оценок населения собственного благополучия;
- комплексный подход – сочетание количественных и качественных показателей.

Эффективность государственного и муниципального управления определяется способностью органов публичной власти обеспечивать рост благосостояния населения, развитие социальной инфраструктуры, доступность базовых услуг, безопасность жизнедеятельности, экологическое благополучие. Повышение качества жизни является прямой целью и результатом качественного управления. Эта связь проявляется на всех уровнях управления.

На государственном уровне (федеральном и региональном):

- Макроэкономическая и социальная политика: продуманная налоговая, антиинфляционная, инвестиционная политика напрямую влияет на материальное благополучие и занятость.
- Система здравоохранения и образования: государственные стандарты, финансирование и реформы в этих сферах определяют доступность и качество ключевых социальных услуг.
- Правовое поле и безопасность: эффективность судебной системы, борьба с коррупцией и организованной преступностью создают фундамент для чувства защищенности граждан.
- Экологическое регулирование: жесткие экологические стандарты и контроль за их исполнением напрямую коррелируют со здоровьем населения.

На муниципальном уровне (как наиболее приближенном к гражданину):

- Формирование комфортной городской среды: благоустройство дворов, парков, общественных пространств, развитие вело- и пешеходной инфраструктуры.
- Обеспечение качества жилищно-коммунальных услуг: надежность и доступность по цене услуг ЖКХ.
- Организация транспортного обслуживания: эффективность и доступность общественного транспорта.
- Развитие социальной инфраструктуры: строительство и содержание школ, детских садов, поликлиник, спортивных объектов, библиотек.
- Поддержка местных сообществ и малого бизнеса: создание условий для самоорганизации граждан и развития локальной экономики [2].

Таким образом, каждый управленческий акт на любом уровне публичной власти в конечном итоге оказывает прямое или косвенное влияние на один или несколько компонентов качества жизни населения в целом, его отдельных социально-демографических групп.

В XXI веке легитимность и эффективность власти все в меньшей степени определяются лишь макроэкономическими успехами и все в большей – способностью создать достойные условия жизни для каждого гражданина. Качество жизни, понимаемое как синтез объективных условий и субъективного благополучия, выступает тем универсальным мерилom, которое позволяет оценить реальное влияние управления на человека [3]. Для повышения качества жизни необходимо: совершенствование системы публичного управления, развитие социальной инфраструктуры, повышение эффективности бюджетных расходов, внедрение цифровых технологий, развитие форм общественного контроля.

Переход к управлению, ориентированному на качество жизни, требует от органов публичной власти:

- Смещения фокуса с «освоения бюджетов» на «достижение социально значимых результатов».

- Внедрения программно-целевых методов управления, основанных на показателях качества жизни.

- Активного вовлечения граждан в процессы принятия управленческих решений (соуправление) и др.

Следовательно, качество жизни – это не только критерий оценки, но и стратегический ориентир, задающий новый вектор развития для органов государственной власти и органов местного самоуправления, вектор, в центре которого находится человек.

Таким образом, качество жизни населения является интегральным показателем эффективности государственного и муниципального управления. Важно понимать, что каждый управленческий акт на любом уровне власти в конечном итоге оказывает прямое или косвенное влияние на один или несколько компонентов качества жизни. Повышение качества жизни требует комплексного подхода к решению социально-экономических проблем, совершенствования управленческих механизмов и активного участия граждан в процессах принятия решений.

Библиографический список

1. Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 257-265.
2. Пашкова Е.Ю. Отдельные направления деятельности органов местного самоуправления, влияющие на качество жизни населения (на примере городского округа – город Барнаул) // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2022. – № 20. – С. 30-33.
3. Капура Н.А. Перспективы развития государственного управления в целях обеспечения трудовых прав граждан и повышения качества жизни // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2024. – № 22. – С. 83-85.

Научный руководитель – Боброва Д.Н., к.соц.н.

Система государственного и муниципального управления: теория, практика и механизмы повышения качества жизни по Алтайскому краю

Реттих В.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Алтайский филиал
г. Барнаул*

Современные процессы социально-экономического развития России требуют постоянного совершенствования системы государственного и муниципального управления. От эффективности функционирования органов власти зависит не только темп экономического роста, но и уровень благосостояния граждан, развитие социальной инфраструктуры и качество предоставляемых услуг.

Алтайский край как субъект Российской Федерации обладает рядом особенностей – высоким аграрным потенциалом, диверсифицированной промышленностью, а также устойчивыми социально-демографическими тенденциями. Однако регион сталкивается с рядом вызовов: демографическим оттоком, ограниченной инвестиционной активностью и неравномерностью социального развития территорий.

Система государственного и муниципального управления представляет собой совокупность институтов, механизмов и процедур, обеспечивающих реализацию публичной власти. В теории управления выделяются три основных подхода: административный, институциональный и социокультурный.

– Административный подход ориентирован на вертикаль власти, регламентацию и контроль.

– Институциональный подход предполагает взаимодействие органов власти, бизнеса и общества на основе партнерства.

– Социокультурный подход акцентирует внимание на человеческом капитале, доверии, самоорганизации и участии населения в управлении.

Для повышения качества жизни населения региона необходимо интегрировать все три подхода в единую управленческую стратегию.

В Алтайском крае реализуется комплекс программных мероприятий, направленных на повышение эффективности управления и развитие человеческого потенциала. Среди ключевых направлений можно выделить:

1. Цифровизация органов власти, которая позволяет оптимизировать процессы документооборота, улучшить взаимодействие между ведомствами и повысить прозрачность решений.

2. Развитие социальной инфраструктуры. Реализация национальных проектов в сфере здравоохранения, образования и социальной поддержки населения способствует улучшению условий жизни, особенно в сельской местности.

3. Поддержка муниципальных инициатив. В рамках программы инициативного бюджетирования жители муниципалитетов активно участвуют в выборе приоритетных направлений развития – благоустройство, ремонт дорог, создание общественных пространств.

4. Экономическое развитие и инвестиционная политика. Созданы территориальные зоны опережающего развития (ТОСЭР), функционируют индустриальные парки, развиваются агротехнологии и туризм.

Несмотря на достигнутые успехи, сохраняются проблемы: недостаточный уровень кадрового потенциала на муниципальном уровне; низкая цифровая грамотность населения и ограниченный доступ к электронным услугам в сельских районах; дефицит финансовых ресурсов местных бюджетов.

Решение данных проблем требует совершенствования механизмов координации между уровнями власти и расширения инструментов общественного участия.

Для повышения эффективности государственного и муниципального управления в Алтайском крае предлагается реализовать следующие механизмы:

– Развитие системы «умных муниципалитетов». Внедрение интеллектуальных систем мониторинга, управления ресурсами и обратной связи с гражданами.

– Усиление кадрового потенциала. Создание регионального центра компетенций по вопросам стратегического управления и цифровизации.

– Расширение общественного контроля. Формирование платформ для взаимодействия власти и гражданского общества, развитие механизмов обратной связи.

– Интеграция стратегического и проектного управления. Повышение гибкости управления за счёт сочетания долгосрочных стратегий и краткосрочных проектов.

– Использование индикаторов качества жизни. Применение методик оценки на основе индексов благосостояния, здоровья, занятости и доступности инфраструктуры.

Система государственного и муниципального управления Алтайского края находится на этапе активной трансформации. Основной целью этой трансформации является повышение качества жизни населения за счёт внедрения инновационных управленческих инструментов, повышения прозрачности и цифровизации процессов. Эффективное управление возможно только при условии взаимодействия всех уровней власти, бизнеса и общества, а также при формировании культуры ответственности и участия граждан в принятии решений.

Библиографический список

1. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления – М., 2010. – 525 с.

Цифровизация процессов предоставления государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации как инструмент повышения качества жизни населения

Словицкий Л.В.

*Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург
г. Санкт-Петербург*

На сегодняшний день вопросы повышения качества жизни населения активно обсуждаются как практиками, так и теоретиками различных научных отраслей. Кроме того, на государственном уровне вопросы повышения качества жизни относятся к приоритетным, что находит отражение в действующей системе нормативно-правовых актов и государственной политике в целом [1]. Существуют различные подходы как к определению понятия качества жизни, так и к анализу индикаторов для его оценки. В рамках данного исследования под качеством жизни понимается совокупная характеристика объективных и субъективных условий жизни человека, которые определяют его физическое, ментальное и социально-культурное развитие.

Цифровизация, рассматриваемая в контексте перевода процесса получения государственных и муниципальных услуг в электронный формат, не только существенно повышает эффективность деятельности государственных органов в целом, но и, несомненно, оказывает положительное влияние на качество жизни населения, влияя как на объективные, так и на субъективные его параметры. Так, например, она значительно повышает доступность услуг и повышает скорость их получения. Благодаря автоматизации процессы обработки запросов ускоряются, что высвобождает ресурсы для решения более приоритетных задач, а также усиливает прозрачность и подотчетность деятельности государственных органов. Доступность данных и открытость административных процедур позволяют гражданам лучше понимать действия властей, что способствует снижению коррупционных рисков. Важным преимуществом цифровизации в сфере государственного и муниципального управления также является возможность оперативно получать обратную связь от населения и учитывать его мнения и предпочтения при выработке решений [2]. Рассмотрим несколько примеров известных цифровых сервисов, через которые, в том числе, реализуются государственные и муниципальные услуги в РФ.

С декабря 2009 г. начал свою работу портал «Госуслуги», предложив гражданам принципиально новую, цифровую модель взаимодействия. С каждым годом служба портала улучшает процедуры предоставления в электронном виде государственных и муниципальных услуг, совершенствует технологическую инфраструктуру электронного правительства. В 2025 г. число российских пользователей портала «Госуслуги» превысило 117 млн чел., что составляет 95% граждан страны старше 14 лет, ежедневно его сервисами пользуются 10 млн чел. [4]. В данном случае можно говорить о повышении качества жизни населения в целом и отдельно взятого гражданина в частности. Благодаря работе данного портала отменился привычный порядок получения государственных услуг, связанный с очередями и бюрократическими препятствиями. То, на что раньше гражданин тратил много сил и времени, теперь решается в несколько кликовых действий. Запись к врачу, оформление пособий, подача заявления в ЗАГС и прочие важные жизненные ситуации теперь разрешаются максимально удобно, быстро и прозрачно.

Мобильное приложение «Налоги ФЛ» – личный кабинет налогоплательщика, разработанное по заказу Федеральной налоговой службы, с 2018 г. позволяет пользователям получать актуальную информацию о суммах начисленных налогов, о переплатах,

задолженностях, а также оплачивать их, в несколько кликов сформировать налоговую декларацию о доходах и получить налоговый вычет[5].

ФССП – приложение от Федеральной службы судебных приставов, позволяет по индивидуальному номеру налогоплательщика найти информацию о долгах, уточнить информацию о наличии исполнительных производств. Приложение работает с 2013 г. [6].

В сервисе «СоцЗащита» собрана информация о мерах социальной поддержки, о решениях по заявлениям, о суммах выплат. Пользователям данная услуга доступна с 2018 г., приложение работает пока в 13 регионах России, но подключение незадействованных регионов планируется.

Приложение «МВД России» с 2014 г. позволяет гражданам вызвать полицию при помощи быстрой кнопки, найти адрес ближайшего отделения, а также подать обращение в подразделение МВД онлайн. У пользователя есть возможность посмотреть список своих участковых и позвонить им напрямую, уточнить время приема, а также узнать информацию о работе отделений МВД своего района.

Приложение «МЧС России», разработанное специалистами Информационно-аналитического центра МЧС России, помогает сориентироваться и мгновенно найти информацию о действиях при чрезвычайной ситуации. Пользователю доступен вызов службы спасения, а также определение геолокации, которой он может поделиться в случае необходимости (работает с 2020 г.).

Администрации крупных городов разрабатывают собственные приложения для взаимодействия с гражданами. С их помощью можно оплачивать ЖКХ, оставлять жалобы на городские проблемы, вносить предложения, записываться к врачу и многое другое. В частности в Санкт-Петербурге пользуется большой популярностью портал «Горздрав СПб – Здоровье петербуржца», для большего удобства пользователей в 2019 г. разработано приложение «Мое здоровье», которое доступно теперь в большинстве регионах страны. Также неотъемлемой частью цифровизации государственных услуг в регионе является удобный и популярный сервис Государственные услуги в Санкт-Петербурге [7].

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг сталкивается с рядом трудностей, таких как:

- препятствия в освоении технологий – требуются значительные материальные и временные ресурсы для запуска новых систем и перехода к работе в другом формате;
- дефицит специалистов требуемой квалификации – напрямую влияет на эффективность запуска новых технологий и затрудняет реализацию поставленных задач;
- сложности в управлении данными – возникают, как правило, из-за отсутствия норм их обработки и хранения, проблем интеграции данных между различными структурами;
- правовые и этические проблемы – связаны с вопросами конфиденциальности информации, защиты персональных данных, исполнения законов при управлении данными.

Также важным аспектом в доведении цифровых государственных и муниципальных услуг до конечного потребителя является уровень цифровой грамотности россиян. По результатам исследования Аналитического центра НАФИ 2% жителей Российской Федерации обладают начальным уровнем цифровой грамотности (полное отсутствие навыков работы в цифровой среде или умение выполнять самые простые операции). Базовым уровнем цифровой грамотности обладают две трети населения (66%) (граждане, имеющие уверенные навыки работы с цифровыми устройствами, возможность использовать интернет и мобильные приложения для личных и рабочих задач, способность распознать мошеннические угрозы и обладающие критическим мышлением). 32% граждан имеют продвинутый уровень цифровой грамотности, включающий в себя не только уверенные навыки пользования цифровыми технологиями, но и возможность их применения для создания новых продуктов, уверенные навыки работы с искусственным интеллектом и знание основ машинного обучения. Также, по данным НАФИ, ежегодные исследования демонстрируют трехлетнюю остановку в повышении уровня цифровой грамотности россиян (64% в 2021 г. и 71% в 2022 г., 2023 и 2024 гг.) [8].

Минимизировать факторы, препятствующие повсеместной цифровизации государственных и муниципальных услуг на территории РФ, позволят следующие меры: снижение административных барьеров, совершенствование административных регламентов, анализ текущей практики предоставления услуг органами власти и потребителями, повышение цифровой грамотности населения на базе различных социальных институтов, подготовка высококвалифицированных специалистов в области цифровых технологий.

Цифровизация процессов предоставления государственных и муниципальных услуг в нашей стране является одним из действующих инструментов повышения качества жизни населения. Объективным условием качества жизни в данном случае можно считать доступность, удобство, скорость получения и качество государственных и муниципальных услуг. И, как следствие, субъективное, но не менее важное условие качества жизни – позитивное отношение граждан, удовлетворенность получаемыми услугами, доверие к органам власти, желание взаимодействовать и давать обратную связь.

Библиографический список

1. Боброва Д.Н., Осипова Д.В. Качество жизни занятого населения в России: поиск ключевых показателей // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 3. – С. 257-266.
2. Толкачев С.А. Цифровая трансформация публичного управления: вызовы и перспективы // Journal of Monetary Economics and Management. – 2024. – № 12. – С. 225.
3. Сорокина Г.П., Широкова Л.В., Астафьева И.А. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 2. – С. 81.
4. РИА Новости: [официальный сайт]. – URL: <https://ria.ru/20250723/chislo-2030907871.html>.
5. Федеральная налоговая служба: [официальный сайт]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn17/news/activities_fts/4247390.
6. Федеральная служба судебных приставов [официальный сайт]. – URL: https://fssp.gov.ru/fssp_mobile.
7. Государственные услуги в Санкт-Петербурге [официальный сайт]. – URL: <https://gu.spb.ru>.
8. Аналитический центр НАФИ [официальный сайт]. – URL: <https://nafi.ru/>.

Научный руководитель – Осипова Д.В., к.соц.н.

Привлечение бизнеса к реализации инфраструктурных проектов развития территории

Щербаков Н.Е.

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург*

Актуальность темы привлечения бизнеса к реализации инфраструктурных проектов развития территории обусловлена высокими темпами экономического развития большинства стран мира, активным ростом торговли и перевозок, увеличением потребительского спроса, национального ВВП, стремлением к обеспечению комфортных условий жизни и как следствие высокие требования к инфраструктуре [3]. При этом увеличение потребностей расширения и совершенствования инфраструктуры городов не всегда соответствует возможностям государственной казны. Поэтому необходим поиск дополнительных источников финансирования для реализации масштабных инфраструктурных проектов. Цель исследования – определение эффективности привлечения частного сектора к реализации проектов развития территории.

Успешным инструментом обеспечения финансирования и реализации проектов по развитию территории являются механизмы государственно-частного партнерства (далее – ГЧП). Они позволяют не только привлекать дополнительные средства для реализации масштабных проектов, но и являются эффективным способом распределения рисков между государством и бизнесом. ГЧП рядом специалистов, например, К.С. Афанасьевым, О.Л. Ким, Н.Н. Константиновой и др., определяется как «юридически оформленное сотрудничество

государственного и частного сектора для решения государственных и общественно значимых задач...» [1, с. 34].

Использование механизмов ГЧП в России законодательно регулируется ФЗ № 224 от 13.07.2015 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. В законе определяются основы регулирования взаимных отношений, процессы заключения, реализации, прекращения соглашений о партнерстве.

В процессе финансирования и реализации инфраструктурных проектов в России используются такие виды ГЧП, как концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном партнерстве, договоры аренды с инвестиционными обязательствами, проектное финансирование, капитальные и операционные гранды и т.д. В рамках данных механизмов объекты инфраструктуры остаются на балансе государственных и муниципальных органов, а частный сектор получает право на создание, реконструкцию или последующее обслуживание с получением определенных выгод.

Ряд специалистов, например, М.А. Татарникова, А.А. Рассказова, О.А. Правдина, считают, что в настоящее время в данном процессе существует ряд недостатков и для эффективного функционирования механизмов ГЧП в России необходимо развитие законодательной базы, развитие форм взаимодействия между государством, частным сектором и заинтересованными гражданами, стимулирование конкуренции при реализации крупных проектов [3]. При этом, несмотря на наличие определенных недостатков и необходимость совершенствования механизмов ГЧП, они активно используются в сфере развития территории.

Анализ участия частного сектора в благоустройстве и развитии территории в Волховском районе Ленинградской области показал, что здесь активно реализуются программы «Формирования комфортной городской среды», в которых участвуют крупные предприятия, расположенные в регионе. Так, в развитии территории и создании комфортной городской среды г. Волхов участвует ПАО «ФосАгро» – ведущий мировой производитель минеральных удобрений и апатитового концентрата [4]. При финансировании данной компании были реализованы проекты по благоустройству сквера им. С.М. Кирова в 2023 г., восстановлению сквера Почивалова (2021-2022 гг.), благоустройство и развитие лыжной базы «Двугорье» (2020 г.), а также строительство ряда детских и спортивных площадок на территории города [7].

В г. Сясьстрой в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» участие принимает Целлюлозно-бумажный комбинат – один из первенцев отечественной целлюлозно-бумажной промышленности [5]. В предыдущие года компания участвовала в ремонте объездной дороги, а также финансировала модернизацию водоподготовки и вентиляции во Дворце спорта [7].

Кроме данных компаний в благоустройстве территории Волховского района принимают участие такие компании, как ООО «М-Строй», ООО «Домашний Оазис», ООО «Петрофонд» и т.д. Данные компании участвуют в тендерах, предлагают услуги по строительству, развитию, благоустройству территории, обслуживанию значимых инфраструктурных объектов. Проведение тендеров и привлечение частных компаний к проектам по развитию и благоустройству позволяет повышать эффективность их реализации и снижать нагрузку на государственные и муниципальные органы. Финансирование инфраструктурных проектов позволяет компаниям региона создавать комфортные условия для жизни населения района, привлекать дополнительные трудовые ресурсы, тем самым повышать инвестиционную привлекательность территории.

Таким образом, анализ использования механизмов ГЧП в Волховском районе Ленинградской области показывает, что бизнес активно привлекается к реализации инфраструктурных проектов. Использование данных механизмов приносит выгоду как государственному, так и частному сектору. Государство получает возможность решения социально значимых задач и повышения качества жизни населения, а бизнес получает

прибыль, как от эксплуатации объектов, так и от повышения инвестиционной привлекательности региона.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы территориального развития: учебное пособие / К.С. Афанасьев, О.Л. Ким, Н.Н. Константинова [и др.]; Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. – Санкт-Петербург, 2023. – 132 с.
2. Татарникова М.А., Фролова Н.Н. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как фактор развития региона присутствия // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 2(115). – С. 1283-1286.
3. Татарникова М.А., Рассказова А.А., Правдина О.А. Роль стратегического планирования в социально-экономическом развитии территории // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 7 (141). – С. 38-45.
4. О компании // ФосАгро. 2025. – URL: <https://www.phosagro.ru/about>.
5. Сясьстрой // Информационно-новостной портал Syasnews. 2025. – URL: <https://syasnews.ru/mo-syasstroy>.
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы Консультант Плюс.
7. Формирование комфортной городской среды // Администрация Волховского муниципального района Ленинградской области. 2025. – URL: <https://volkhov-raion.ru/formirovanie-komfortnoj-gorodskoj-sredy>.

Научный руководитель – Очирова Т.Б., к.э.н., доцент

Содержание

Секция 1. Система государственного и муниципального управления: теория, практика	3
Абашева К.С. Формирование духовно-нравственных ценностей как основы государственной службы.....	3
Акулинин С.В. Особенности и проблемы управления лесным хозяйством в Алтайском крае	4
Беденкова А.С. «Лоскутная» цифровизация как барьер трансформации государственного управления	7
Белобородов Д.А. Адаптационный потенциал муниципальной системы образования в условиях развития российского образовательного пространства (на примере г. Барнаула).8	
Богатырёва К.В. Сравнительно-правовая характеристика редакций Постановления Администрации Алтайского края от 27.03.2015 № 116 «Об утверждении Порядка организаций совместных конкурсов и аукционов для обеспечения государственных и (или) муниципальных нужд Алтайского края»	11
Боровков А.А. О развитии событийного туризма в отдельных муниципальных образованиях Нижегородской области	16
Вагапова А.И. Повышение социально-экономических показателей в Республике Башкортостан через механизмы государственной поддержки для малого и среднего предпринимательства.....	16
Воробьева А.С. Роль полиции в решении одной из приоритетных задач государственного управления – обеспечение стабильности и правопорядка	17
Дергунов А.И. Специфика формирования и функционирования территориальных инновационных систем в российских условиях: влияние институциональных, экономических и социально-культурных факторов на их структуру и динамику развития19	
Диева А.С. Девиз государства: генезис конституционного концепта	21
Дроздова Т.М. Роль Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края в управлении лесным хозяйством.....	23
Елисеев Д.Н. Проблемы организации деятельности училищ олимпийского резерва в Российской Федерации и пути их решения	25
Зайферт Ю.В. Проблемы организации контрольно-надзорной деятельности лесничеств в Алтайском крае и пути их решения.....	27
Зиманова М.А. Совершенствование механизмов взаимодействия таможенных органов с бизнесом в системе государственного управления.....	29
Зубриков А.И. Проблема защиты персональных данных при использовании электронно-цифровых подписей в учреждениях социального обслуживания	31
Катунина Е.С. К вопросу об информационной политике Федеральной налоговой службы России	34
Коновалов Д.О. Система публичной власти: правовая природа и практическая реализация	35
Кусакин А.А. Поручение Президента Российской Федерации как инструмент «ручного» управления	37
Литвинова А.А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае.....	39
Лобкова К.Д. Проблемы реализации конституционного права граждан Российской Федерации на обращение в органы публичной власти	41

Магомедалиев Ш.М. Организационно-управленческие особенности отдела строительства, ресурсного и материально-технического обеспечения Министерства спорта Алтайского края	43
Мадиев Ш.М. Социальная защита лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации	44
Нурмагомедова М.А. Проблемы информирования граждан о мерах социальной поддержки в Санкт-Петербурге	46
Овчинников В.С. Анализ кадрового состава военного комиссариата в современных условиях (на примере Алтайского края)	48
Одегов Д.Д. Государственная политика по развитию детского и юношеского спорта	50
Окушкаев К.С. Совершенствование организации деятельности по обеспечению государственной, общественной и национальной безопасности Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю	52
Пяткова К.О. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности Главного управления МВД России по Алтайскому краю в сфере миграции	54
Ротарь В.Г. Роль муниципального управления в повышении эффективности системы социальной защиты населения (на примере Пушкинского района Санкт-Петербурга)	56
Соболев Е.И. Использование технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации государственного управления: направления, вызовы и оценка эффективности	58
Степкина М.А. К вопросу об актуальности внедрения информационных технологий в систему делопроизводства органов муниципальной власти (на примере комитета по управлению муниципальной собственностью г. Барнаула)	60
Хацкевич Д.О. Формирование патриотизма как основа мотивации современных военнослужащих	63
Хорошилов А.С. Выявление системных проблем взаимодействия аграрноориентированных муниципалитетов с бизнесом и пути их решения (на примере Алейского района Алтайского края)	65
Черных А.Е. Государственное управление при работе с молодежью: региональная практика	67
Чистоходова А.Ю. «Утрата доверия» как основание прекращения службы в Следственном комитете Российской Федерации	69
Швецова Е.А. Дарение государственным и муниципальным служащим: соотношение частного и публичного права	70
Шумилина Н.С. Пути повышения эффективности работы органов местного самоуправления в образовательной сфере	72
Яшин О.В. Проблемы заключения, исполнения и расторжения государственного контракта в рамках Закона № 44-ФЗ	74
Секция 2. Структурные преобразования в экономике предприятий, отраслей и регионов	77
Анненков С.В. Способы управления дебиторской и кредиторской задолженностью производственных предприятий	77
Букреева Т.Г. Роль предпроверочного анализа в механизме налогового контроля в Российской Федерации: о перспективах легализации	79
Верещагин В.С. ESG-подходы в малом и среднем предпринимательстве: текущее состояние и ограничения внедрения	81
Гареева Э.Р. Управление результатами деятельности стартап-команды университетского технологического предпринимательства	83

Джумаева Ш.У. Анализ практики регулирования локального потребительского рынка на уровне муниципального образования	84
Дронова С.А. Финансовые риски бюджетных учреждений: теория, практика и инструменты управления.....	86
Егоров Е.А. Управление финансовыми ресурсами организаций	88
Зелинская Н.К. Конкурентоспособность строительных организаций в Алтайском крае: вызовы и пути повышения	89
Иванов И.В. К вопросу трансформации бизнес-моделей в условиях цифровизации промышленных предприятий.....	95
Игропуло Д.А. Структурные приоритеты сбалансированного развития региональных систем	93
Каратунова Е.Д. Структурные преобразования в экономике предприятий как фактор управления организацией в условиях экономической нестабильности	95
Коренкова А.К., Климковский К.О. Проблема кадрового обеспечения предприятий торговли и пищевой промышленности Алтайского края.....	97
Косульников А.С., Косульникова С.Д. Резервы повышения эффективности использования транспорта логистической компании.....	98
Косульникова С.Д., Косульников А.С. Влияние курса национальных валют на эффективность мультимодальных перевозок из России	100
Котова А.В. Проблемы заключения государственных контрактов в сфере дорожного строительства.....	102
Куклин Я.А., Живилов Д.А. Развитие рынка российских ценных бумаг	104
Куклин Я.А. Параметр ESG в инвестициях: влияние на рынок ценных бумаг	109
Логинова А.С. Особенности развития форм и способов продаж в сфере сельского хозяйства	112
Лунева Л.П. Признание и списание налоговой задолженности как механизм снижения уровня долга в Алтайском крае	112
Мазепова А.С. Стратегии государственной поддержки и перспективы развития российского рынка информационных технологий в условиях импортозамещения	114
Пихиенко Л.Н. Сущность и особенности изменений бюджетного учета на современном этапе.....	116
Причко Д.Д., Сидоренко М.П. Обеспечение экономической безопасности региона в условиях структурных преобразований.....	118
Рябцев М.Т., Логинова А.С. Основные тенденции развития свиноводства в России.....	119
Семенова К.А. Влияние факторов инвестиционной привлекательности региона на экономическую безопасность Республики Саха (Якутия).....	121
Ташматова Р.Х. Трансформация внешнеэкономической деятельности агробизнеса Российской Федерации в условиях санкций	123
Терентьев А.А. Карта соответствия блоков корпоративного управления и типовых финансовых рисков: концептуальная матрица для менеджмента и инвесторов	125
Тураханов Т.Т. Современное состояние и ключевые тренды развития рынка страхования в России.....	126
Чжан Цзиньхуэй Оптимизация развития агротуризма в Алтайском крае: оценка эффективности и сдерживающих факторов	129
Шорохов А.Н. Методический подход к диверсификации каналов поставок природного газа Арктической зоны России: результаты апробации на примере юга Ямала	130
Секция 3. Современные проблемы психологии и социологии	133

Акулова И.В. Суверенность пространства личности в контексте созависимого поведения (на примере взрослых детей алкоголиков)	133
Бирюкова А.В. Профессиональное выгорание юристов: диагностика и ключевые факторы риска	135
Бобылева К.В. Социально-психологическая компетентность как фактор адаптации населения к современным социальным изменениям.....	136
Воробьева К.А. Основные теоретические подходы к понятию «эмоциональное выгорание» у медицинских работников	138
Гламазда А.В. Модернизация организационной структуры предприятия посредством социально-психологических инструментов управления.....	140
Деркач А.А. Современные подходы к мотивации персонала и оценке мотивационных факторов	141
Домашкина Е.Г. Детерминанты мотивации учебной деятельности студентов высших учебных заведений.....	143
Евстефеева Я.А. Психология политического лидерства и управления: аналитический подход.....	145
Казбанова Е.С. Особенности копинг-стратегий женщин, занимающихся художественным творчеством.....	147
Колотушкина А.А. Феномен учебного выгорания и экзистенциальной неопределенности у студентов: возможности МАК-методов в диагностике и профилактике	149
Кононова Д.С. Возвратная миграция соотечественников из стран «дальнего зарубежья»: социально-философское и психологическое осмысление через призму экзистенциализма	151
Кравчук Н.Ю. Роль родительских предписаний в самореализации личности	153
Лютцев А.В. Психологическое благополучие актеров непрофессионального театра	155
Махниборodin Г.А. Особенности временной перспективы студентов с разным уровнем экзистенциальной исполненности	157
Мичко И.В. Развитие института медиации в России: современные тенденции и барьеры	159
Пачковская Ю.Т. Образ будущего специалистов помогающих профессий с разным уровнем жизнестойкости.....	161
Почтарева Л.А. Анализ мотивационно-ценностных предикторов деятельности волонтеров	163
Прокудина К.А. Воздействие эмоционального отклика в критической ситуации	165
Пудикова Е.В. Социальные представления о медиации.....	167
Раевский С.Н. Теоретические подходы к изучению тревожности как психологической проблемы подросткового возраста	169
Селезнева Е.С. Темперамент как фундаментальная характеристика личности: теоретические подходы и эмпирические исследования	170
Сербинов И.А. Проблемы межличностного общения в контексте цифровой трансформации	172
Сивина Е.А. Феномен вовлеченности сотрудников: теоретический обзор	173
Сутягина Д.Р., Кисель А.С. Феномен «новой бедности» и его влияние на социальное самочувствие и электоральное поведение среднего класса	175
Ульянова В.И. Представления должников о социальной ответственности судебных приставов-исполнителей	177
Чупина Е.С. Особенности профессионального самоотношения психологов.....	179

Щукина А.В. Ирония и фрагментарность как психосоциальные стратегии восприятия мира	180
Секция 4. Трансформация частного права	183
Антипова В.В. Гражданско-правовой статус индивидуального-предпринимателя: проблемы правосубъектности.....	184
Батурин Д.С. Проблемы, связанные с защитой прав бывших членов семьи собственника жилого помещения: междисциплинарный аспект	184
Белых А.Г. Конкурентная процедура с переговорами в системе государственных и муниципальных закупок	186
Бойко А.Л. Проблемы признания права собственности на объекты недвижимости при пересечении красных линий.....	188
Бубенщикова И.С. Новые подходы в правоприменительной практике по спорам о компенсации морального вреда в свете позиций Верховного суда РФ	190
Будкова Д.О. Законодательные пробелы режима совместной собственности супругов .	192
Бутавко И.Н. Проблемы правового регулирования разграничения государственной собственности на землю	193
Ванина Е.Е. Особенности прекращения трудового договора с дистанционными работниками в условиях цифровой трансформации	195
Гесс К.Р. Правовое регулирование и проблемы реализации преимущественных прав в корпоративных правоотношениях.....	197
Голикова А.В. Особенности доказывания факта причинения морального вреда по трудовым спорам.....	199
Дмитриевская Н.С. Распределение обнаруженного имущества при банкротстве граждан	201
Додохова А.В. Проблемы определения размера компенсации морального вреда при ненадлежащем оказании медицинской помощи	202
Донгаузер С.Д. Правовые проблемы суррогатного материнства.....	204
Дрепина А.В. К вопросу о правовом статусе арбитражных управляющих	206
Звекова С.А. Соотношение общей и специальной дисциплинарной ответственности: теоретико-правовые аспекты	208
Иванова К.Г. Анализ судебной практики защиты права собственности на земельные участки (на примере республики Алтай)	210
Ивановская Е.С. Понятие морального вреда, причиненного работнику нарушением норм трудового права Российской Федерации	212
Катышевцев В.А. Открытый конкурс на право заключения концессионного соглашения как механизм противодействия недобросовестному поведению участников гражданского оборота	213
Коваль М.А. Становление и правовое регулирование института компенсации морального вреда	215
Комаров Д.Н. Принципы гражданского процесса в условиях цифровизации: системный кризис и пути преодоления	217
Котенева А.В. Актуальные проблемы при применении налоговых санкций в связи с отменой заявительного порядка возмещения НДС, внесения изменений в проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».....	218
Кривошеева С.А. Вопросы подведомственности оспаривания постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.....	220

Кузнецова Е.Ю. Анализ нормативно-правового регулирования налогового контроля в Российской Федерации	222
Кыдыев А.А. Взаимосвязь способов защиты и форм злоупотребления субъективными гражданскими правами	224
Лавринцев А.С. Процедура банкротства в механизме реализации мер ответственности за нарушение налогового законодательства	225
Лобова М.Н. Проблемы приобретения гражданами права собственности на земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности бесплатно ...	227
Лубянцева А.Е. Дискреционные полномочия арбитражного суда как способ противодействия злоупотреблению правом	230
Луцкая А.Д. Проблемы правового регулирования организации и проведения электронной процедуры в контрактной системе Российской Федерации	232
Ненашева Е.В. Современные технологии и право на судебную защиту: анализ возможностей и рисков.....	233
Никитина Т.В. Проблемы правовой неграмотности граждан при реализации права на социальное обеспечение в Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации	235
Плотникова С.А. Правовое регулирование деятельности органов публичной власти Российской Федерации по рассмотрению обращений граждан	237
Понимаш Д.А. Роль экспертизы в определении убытков, причиненных нарушением обязательств по договору строительного подряда.....	238
Попова М.Н. Защита прав подрядчика при расторжении государственного контракта в одностороннем порядке	240
Приходько Д.Ч. Ретроспективный анализ российского законодательства, регулирующего вопросы удостоверения решений коммерческих корпоративных организаций нотариусом	242
Савельева А.О. Проблема разграничения общих и личных обязательств супругов	244
Саяпина А.А. Цифровые активы как объекты брачного договора	246
Семашко В.К. Совершенствование правового регулирования определения размера алиментов в твердой денежной сумме	248
Скоробогатова Я.С. Особенности дисциплинарной ответственности в трудовых и служебных отношениях.....	250
Смирнова А.Л. К вопросу о необходимости правовой охраны голоса при использовании технологии Deepfake	252
Суворова Н.С. Обещание дарения как индикатор трансформации частного права: проблемы защиты прав дарителя и одаряемых	254
Сыромятых В.А. Трансформация социального института семьи и брака в современной России	255
Тихова А.С. Ограничение экономических прав иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.....	257
Флянтикова Е.В. Правовая природа кредитных обязательств супругов: проблемы распределения долга	259
Фрари Е.Д. Правовое регулирование самозанятых лиц в банкротстве при реализации имущества в связи с несоблюдением ФЗ «О защите прав потребителей».....	260
Цверов Н.П. Правовые особенности использования индивидуального жилого дома для предоставления услуг гостевых домов: проблемные вопросы и судебная практика.....	262
Шипунова О.А. Проблемы правового регулирования взаимодействия органов публичной власти с организациями по вопросам размещения объектов электросетевого хозяйства.	263

Секция 5. Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики	266
Алексеев А.И. Понятие «особого страдания» при квалификации убийства, предусмотренного пунктом «д» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса РФ	266
Антропова А.Ю. Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе	267
Бакушкина А.В. Основные аспекты квалификации дезертирства	269
Белоусова Д.Ю. Криминалистическая характеристика способов незаконного сбыта наркотиков в сети Интернет	271
Бизан Ю.С., Панченко А.Д., Батраков А.В. Сравнительный анализ применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы: подписка о невыезде, залог, домашний арест	273
Бритвак Н.В. Проблемы обеспечения криминалистических подразделений органов внутренних дел технико-криминалистическими средствами для обнаружения и изъятия следов пальцев рук и ладоней	275
Веремеенко Н.П. Проблемные аспекты процессуальных форм взаимодействий следователя и органов дознания при расследовании преступлений	276
Верзун Н.Е. Защита прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения	278
Дедюхина О.С. Понятие, формы реализации и особенности законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних	278
Дементьев О.А. Организация исполнения наказания в виде обязательных работ: проблемы взаимодействия с организациями, в которых осужденные отбывают наказание	282
Долгушина Е.Н. Понятие и сущность права на защиту в уголовном судопроизводстве России	284
Должикова А.С. Роль и место следователя и дознавателя в современном уголовном процессе: проблемы и перспективы	288
Заплатов Д.Д. Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны	288
Зеленова А.А. Проблемы определения понятия «потерпевший» в уголовном процессе России	290
Касимова В.А. Лишение свободы на определенный срок в отношении несовершеннолетних: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных государств	292
Кирсанова Е.Ю. Реализация процессуальной самостоятельности следователя при взаимодействии с прокурором	294
Колесник И.С. Насильственные виды хищения и мародерство: сравнительно правовая оценка новеллы уголовного закона, вопросы разграничения	295
Колупаева Д.С. Биологическая природа дактилоскопических следов: криминалистическое значение и перспективы анализа	297
Куряков Е.А. Дознание как особая форма предварительного расследования	299
Лопатинская С.С. Уголовная ответственность за недекларирование и недостоверное декларирование товаров	301
Мартыненко А.Н. Особенности субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ	303
Моисеева Ю.К. К вопросу о возможности использования мер процессуального принуждения по уголовным делам частного обвинения	305

Павленко Е.С. Правовой статус и правовая регламентация участия педагога (психолога) в уголовном процессе	306
Переверзева А.А. Основные проблемы правового регулирования штрафа как уголовного наказания.....	308
Сигида В.В. Некоторые проблемы, возникающие при квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в современной судебной практике.....	310
Стрепетиллов В.В. История, проблемы и современные подходы к реализации ст. 221 УПК РФ: решение прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением	312
Суринова А.В. Проблемные аспекты применения гражданско-правовых норм при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.....	314
Тимошенко Е.А. Проблема предоставления военными комиссариатами материалов в делах об уклонении от прохождения военной службы	316
Ульрих А.Г. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон при совершении преступления с двумя объектами	316
Чубенко А.С. Противоерчия в квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма по признакам, характеризующим субъективную сторону.....	316
Шаповал А.С. Вопросы квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа, в современной судебной практике Российской Федерации	316
Шваб Л.А. Принудительные меры воспитательного воздействия : недостатки и пути совершенствования	316
Шепелева А.С. Проблема разграничения способов совершения мошенничества.....	316
Шипулина С.М. Особенности расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	327
Широков А.С. Разграничение смежных составов дистанционного мошенничества с преступлениями против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	31429
Щербакова И.Р. Проблемные аспекты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	314
Секция 6. Проблемы, тренды и перспективы развития медиапространства современной России	333
Боброва Н.О. Tone of voice как инструмент позиционирования бренда.....	333
Власенко И.А. Роль интернет-ресурсов в региональных предвыборных кампаниях	336
Зинченко Т.С. Формирование профессиональных ценностных ориентиров молодежи в условиях деятельности медиацентра на базе Троицкого межпоселенческого дома культуры.....	339
Зяблицкая Э.К. Цифровизация: как тренд медиапространства (на примере Алтайского края).....	342
Кандауров Б.И. Фейковые новости и информационные войны: вызовы для медиаполитики и государственного управления в условиях цифровизации	344
Князева В.О. SMM-стратегии продвижения люксовой одежды в социальных сетях (на примере бутика Le'81).....	346
Куликова К.А. Роль социальных медиа в формировании бренда образовательной организации: кейсы российских вузов	347
Куртич Д.А. Влияние искусственного интеллекта на производство и потребление медиаконтента в современной России (на примере экосистемы «Яндекс Медиа»).....	349

Махмудова Ф.Е. Эмоциональный брендинг: ключ к сердцу потребителя в эпоху экономики впечатлений.....	351
Махотина А.В. Медиапейзаж современной России: дезинформация, запрет иностранных мессенджеров и вызовы цифрового суверенитета.....	353
Паутова А.С. Стратегии вовлечения целевой аудитории в госапбликах (на примере аккаунтов детских садов Алтайского края)	353
Плугина С.А. Проблемы и перспективы стратегии продвижения промышленного предприятия в медиапространстве региона (на примере ООО «Барнаульский завод Резиновых Технических Изделий»)	357
Решетов Ю.С. Стартовое продвижение судебно-экспертной организации в медиапространстве современной России: проблемы, тренды, перспективы	359
Рубаненко А.В. Образ строительного магазина в российских медиа: от строймаркета к центру семейного отдыха	362
Рябинина Ю.С. Инструменты для повышения узнаваемости бренда в медиапространстве региона (на примере компании ООО «СЕЛФ»)	366
Сенюк Д.А. Роль медиапространства в формировании туристического имиджа малых городов России	366
Чекунова С. Стратегии медиакоммуникационного продвижения российских образовательных онлайн-платформ в условиях импортозамещения.....	368
Шагидуллин М.Т. Перспективы развития медиапространства Казанского федерального университета	372
Шкарупа В.В. Визуальный язык медиа и искусственный интеллект: шаблоны и алгоритмы	372
Секция 7. Современные подходы к управлению здравоохранением	374
Адлер А.В. Совершенствование системы наставничества в КГБУЗ «Краевая клиническая больница скорой медицинской помощи № 2».....	374
Витько М.Р. Механизм контроля качества медицинской помощи в онкологической службе: опыт субъектов Российской Федерации и Алтайского края	376
Владимирова И.И. Репродуктивное здоровье населения Российской Федерации: гендерный аспект	379
Зальцман А.А. Кадровые технологии в работе с молодыми специалистами в государственном учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «Краевая клиническая больница»)	380
Иванова В.В. Совершенствование организации профилактики неинфекционных заболеваний в Алтайском крае (на примере КГБУЗ «Краевой Центр общественного здоровья и медицинской профилактики»)	383
Киреев Н.А. Организация льготного лекарственного обеспечения больных с орфанными заболеваниями в Российской Федерации.....	385
Клестер А.В. Организация паллиативной медицинской помощи детскому населению в государственном учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «Детская городская клиническая больница № 7», г. Барнаул).....	387
Кошкина Е.Р. Проблемы организации стоматологической помощи взрослому населению в г. Барнауле Алтайского края	389
Кузьмин С.А. Организация контроля качества медицинских услуг в краевом учреждении здравоохранения (на примере КГБУЗ «ККБСМП № 2»)	392
Полякова С.Е. Формирование и развитие кадрового потенциала медицинской организации: опыт России, Китая и Японии	394

Торопова Т.Н. Оценка качества медицинской помощи населению Алтайского края (по материалам обращений граждан).....	396
Секция 8. Управление качеством жизни населения в России	398
Бердышева А.А., Дегтярева П.Г., Кагилева А.В. Обзор представлений о социальной защите населения в методологических основах исследования механизмов повышения качества жизни	398
Ворохов Д.А. Направления и результаты работы органов местного самоуправления по управлению жилищно-коммунальным комплексом (на примере администрации Октябрьского района города Барнаула).....	400
Тимофеева В.А., Гладких В.Е. Повышение качества жизни.....	401
Маслова Д.Б. Показатели и механизмы государственного регулирования уровня и качества жизни населения Омской области	403
Куликовская И.В. Управление качеством жизни в моногородах: механизмы балансировки экономической эффективности и социальной стабильности.....	405
Мищенко Д.И. Качество жизни как критерий эффективности государственного и муниципального управления	406
Реттих В.С. Система государственного и муниципального управления: теория, практика и механизмы повышения качества жизни по Алтайскому краю.....	410
Словицкий Л.В. Цифровизация процессов предоставления государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации как инструмент повышения качества жизни населения.....	410
Щербаков Н.Е. Привлечение бизнеса к реализации инфраструктурных проектов развития территории	412

Издательство Алтайского филиала РАНХиГС
Адрес издательства: 656008, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Партизанская, 187,
наука@alt.ranepa.ru, (3852) 504-083
Изготовитель: ООО Алтай-Циклон,
Адрес изготовителя: г. Барнаул, ул. Кирова, 49А
1 CD-R; 5,28 Мб
Дата подписания к использованию: 20.12.2025
Тираж – 10 экз.